

Количество произведений о Степане Разине огромно. Это десятки песен, преданий, романов, стихотворений, поэм, драматургических сочинений; это кинофильмы и оперы, симфония, балет, живописные полотна, графика, скульптуры. Разин в них — персонаж не исторический, а легендарный, созданный народной фантазией, религиозной и социальной идеологией, политическими предпочтениями

и творческим воображением авторов. Он двоится, троится, являясь перед нами в противоположных, несводимых друг к другу образах — мифологических, балладных, фольклорно-утопических, романтических; в далеких отношениях с действительностью находятся и сюжеты всех этих текстов.

Книга посвящена истокам «разинской легенды», ее историческим трансформациям в устных и литературных текстах, которые рассматриваются здесь как взаимосвязанные традиции, ветвящиеся, параллельные или продолжающие друг друга.

С.Ю.
Неклюдов

С.Ю. Неклюдов

ЛИТЕРАТУРА
КАК
ТРАДИЦИЯ

ЛИТЕРАТУРА
КАК ТРАДИЦИЯ

ЛЕГЕНДА О РАЗИНЕ

ЛЕГЕНДА
О РАЗИНЕ:
ПЕРСИДСКАЯ КНЯЖНА
И ДРУГИЕ СЮЖЕТЫ

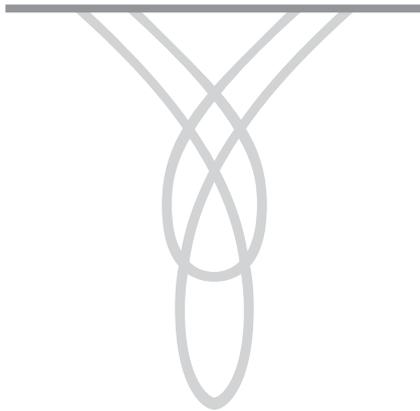
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Институт общественных наук
Школа актуальных гуманитарных исследований
Лаборатория теоретической фольклористики

Российский государственный гуманитарный университет
Центр типологии и семиотики фольклора

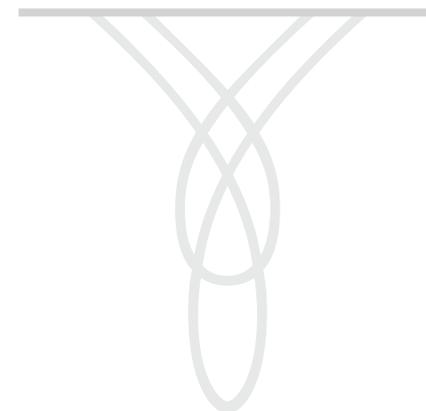

С.Ю. НЕКЛЮДОВ

ЛИТЕРАТУРА
КАК ТРАДИЦИЯ

ЛЕГЕНДА О РАЗИНЕ
ПЕРСИДСКАЯ КНЯЖНА
И ДРУГИЕ СЮЖЕТЫ

МОСКВА «ИНДРИК» 2016

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект №16-04-16065д)

Исследование выполнено
в рамках научно-исследовательского проекта
«Фольклорная традиция как форма хранения и передачи
“культурных смыслов”»

Неклюдов С.Ю.
**Легенда о Разине: персидская княжна
и другие сюжеты** — М.: Индрик, 2016. — 552 с., ил.
(Литература как традиция. 2.)

ISBN 978-5-91674-416-3

Обилие разновременных устных и письменных материалов, относящихся к фигуре Степана Разина и к его деятельности, предоставляет богатые возможности для исследования процесса сложения «разинской легенды» — и в фольклоре, и в литературе. Разин в ней — персонаж не исторический, а мифологический, балладный, фольклорно-утопический, романтический, созданный народной фантазией, религиозной и социальной идеологией, политическими предпочтениями и творческим воображением авторов. Центральный эпизод этой легенды — рассказ об утоплении Разиным пленной персидской княжны, по-видимому, возникший в казацком фольклоре еще при жизни Разина на основе ритуалистического сюжета о принесении девушки в жертву речному духу. Позднее легенда приходит в соприкосновение с тематикой фольклорных баллад, а также народной драмы «Лодка», но в своей «исходной» полноте не сохраняется устной традицией. Однако она порождает огромное количество литературных, театральных, кинематографических, живописных, скульптурных, музыкальных переработок, а популярная песня на стихи Д.Н. Садовникова («Из-за острова на стрежень...», 1883) возвращает сюжет в устную традицию, оказывая уже вторичное влияние на доживший до нашего времени фольклор о Разине.

© Текст, С.Ю. Неклюдов, 2016
© Оформление,
Издательство «Индрик», 2016

ISBN 978-5-91674-416-3

СОДЕРЖАНИЕ

Легенда о Разине по письменным и устным источникам	7
Стенька Разин как персонаж «низшей мифологии»	28
Колдун и оборотень	32
Дух-хозяин Волги	52
Ходячий покойник — кладокопатель и кладоукрываетель	59
Прикованный и спящий	65
Колдунья Алена	125
Легенда о персидской княжне	145
Свидетельства старых голландцев: Стрэйс и Фабрициус	156
Жертвоприношение и его контексты	164
«Водяной бог Иван Горинович»	174
Рождение «персидской княжны». Записи Костомарова, Якушкина и Садовникова	190
Русский фольклорист Александр Дюма: легенда о Девичьем кургане	207
Драма в лодке	231
Первые поэтические переложения. Версии Пушкина и Лермонтова	244
От перевода Корниловича к реконструкциям Костомарова	260
Баллады Мельникова, Садовникова и Рыскина ...	273
«Зазноба» Разина. Версии Кольцова, Дюма, Садовникова и Рыскина	287
«Персидская княжна» в исторической беллетристике, драматургии и поэтических интерпретациях XX века	299
Судьба песни	389
Механизмы сюжетно-семантических трансформаций	409

6 СОДЕРЖАНИЕ

Приложения	
I. Тексты легенды	439
Список сокращений	545
Список иллюстраций	549

ЛЕГЕНДА О РАЗИНЕ ПО ПИСЬМЕННЫМ И УСТНЫМ ИСТОЧНИКАМ

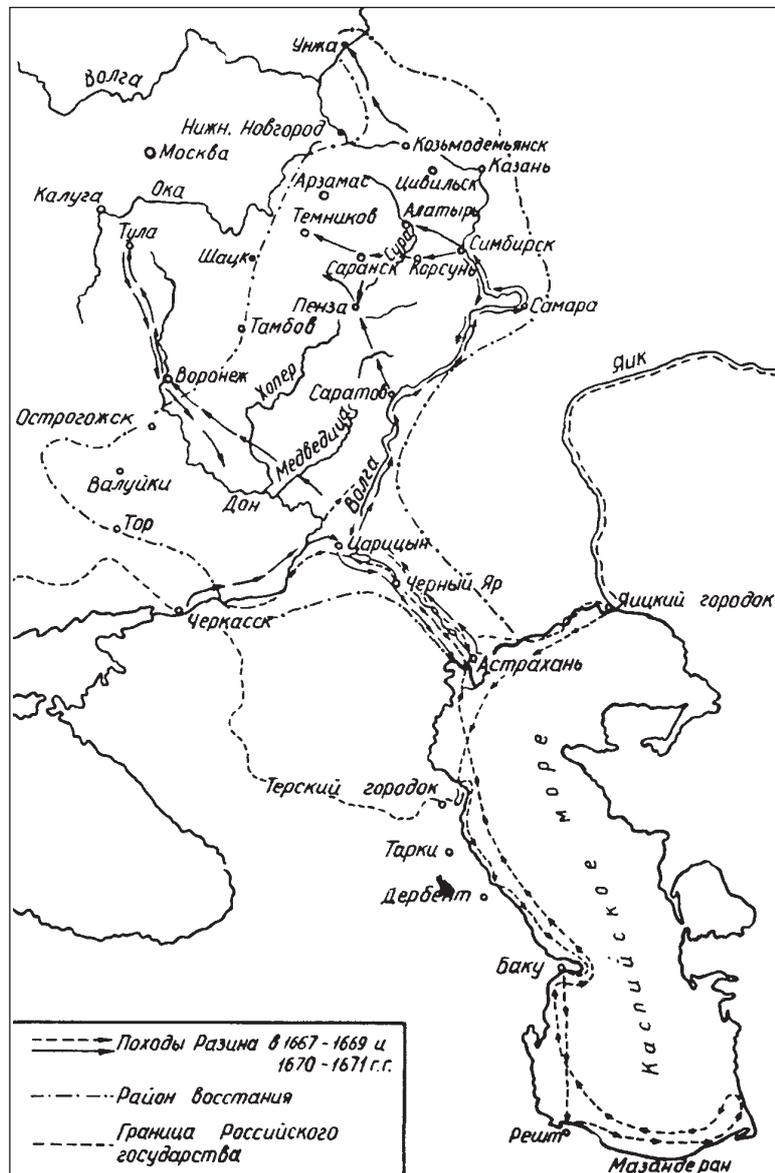
Слышал ли он эти рассказы от кого-нибудь другого, или сам сочинил их в далеком прошлом и потом, когда память ослабела, перемешал пережитое с вымыслом и перестал уметь отличать одно от другого? Все может быть, но странно одно, что теперь и во всю дорогу он, когда приходилось рассказывать, отдавал явное предпочтение вымыслам и никогда не говорил о том, что было пережито.

А.П. Чехов. Степь. История одной поездки

I

Обиле разновременных устных и письменных материалов, относящихся к фигуре знаменитого разбойника, донского казака, атамана «вольных людей» Степана Разина (1630?–1671) и к его деятельности, предоставляет богатые возможности для реконструкции процесса сложения позднего мифологического предания и исторической легенды¹ — в фольклоре, в

¹ Здесь и далее термин *легенда* (по отношению к основному рассматриваемому в книге сюжету) употребляется в том внежанровом значении, которое в свое время было сформулировано А.И. Кирпичниковым: «рассказ или не вполне согласный с фактами, или заведомо украшенный народной фантазией, действующей по определенным законам, не вполне еще выясненным» (Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского и К.К. Арсеньева: В 86 т. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890–1907. Т. 17 [33]. СПб., 1896. С. 455–456). В сущности, именно эта «неполная выясненность» (скорее даже полная невыясненность) и побудила меня взяться за предлагаемое читателю исследование.

Карта походов Разина 1667–1671 гг., по В.М. Соловьеву (Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. М.: Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1991. С. 92)

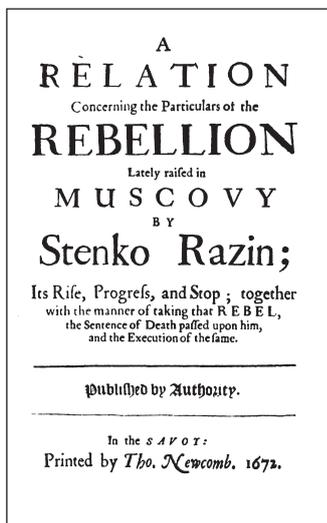
литературе и в исторических описаниях. Как известно, разинское движение разворачивалось в нижнем течении Волги (от Жигулевских гор до Астрахани), а также реки Яик (совр. Урал). В 1667–1669 гг. флотилия Разина пересекла Каспийское море и совершила пиратский набег на прибрежные города Персии (Решт, Фарабат); в 1670 г. состоялся поход на Волгу, в результате чего в руках мятежников оказалось все Нижнее Поволжье, города Астрахань, Царицын, Саратов и Самара. Однако осенью того же года разинцы потерпели поражение от царских войск под Симбирском, весной 1671 г. сам атаман был ранен, схвачен казаками, сохранявшими верность правительству, выдан московским властям и публично казнен.

История разинского бунта неплохо документирована² (актами государственных ведомств, «отписками» лиц, вовлеченных в происходящее, свидетельствами непосредственных наблюдателей, воспоминаниями современников и т.д.³), причем существенное количество этих текстов принадлежит иностранцам (голландцам, немцам, англичанам)⁴ либо записывавшим свои впечатления об увиденном и услышанном, либо делавшим пе-

² Веретенников В.И. Об иностранных, современных событиях, источниках для истории разинского восстания // Научные записки Научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. Т. II. История и литература. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1927. С. 171–177.

³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А. Швецова; ред. А.А. Новосельский, В.И. Лебедев. М.: Изд-во АН СССР, 1954, 1957, 1962 [Т. I–III]. М.: Наука, 1976 [Т. IV] (далее — Крестьянская война, I–IV); Крестьянство и националы в революционном движении: Разинщина / Подгот. к печати А.А. Покровского и Н.П. Чулкова; предисл. С.Г. Томсинского. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931 (Материалы по истории революционного движения народов СССР / Под общ. ред. М.Н. Покровского); Буганов В.И. Разин и разинцы: Документы, описания современников. М.: Наука, 1995.

⁴ Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1968 (далее — Записки иностранцев); Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования / Ред. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1975 (далее — Иностранные известия).

Титульный лист английского издания «Сообщения о восстании Разина...» (1672)

реводы и пересказы русских источников для информирования соотечественников, благодаря чему ход событий был достаточно хорошо известен в Европе. Один из самых известных документов такого рода — первое полное описание восстания, его разгрома и судебного следствия⁵. Оно было составлено в Москве по горячим следам незадолго до сентября 1671 г. (и во многом основывалось на тексте приговора Разину), переправлено через Архангельск в Англию, сразу же издано в Голландии и Германии⁶, а на следующий год — в Англии⁷ и

⁵ «Краткий, но правдивый рассказ о кровавом возмущении в Москве, учиненном великим отступником и обманщиком Стенькой Разиным, донским казаком; как он восстал на своего императора, Великого Господина Царя и Великого князя Алексея Михайловича, всея Великой, Малой и Белой Руси самодержца, в 1667 году, и его восстание еще продолжалось до 1671 года, здесь он был схвачен и с позором публично казнен в городе Москве 6 июля». См. о нем: Записки иностранцев. С. 84–90; Буганов В.И. «Розыскное дело» Степана Разина // Отечественная история. 1994. № 1. С. 38.

⁶ Kurtze doch Wahrhafftige Erzehlung von der Blutigen Rebellion in der Moscau / Angerichtet durch den großen Verräther und Betrieger Stenko Razin Donischen Cosaken / Wie er wider seinen Käyser / den großen Herrn Zaar und Groß-Fürsten Alexe Michaloiwits, aller großen, kleinen und weißen Reußen Selbst-Erhalter / Anno 1667. auffgestanden / und seine Rebellion continuiert biß Anno 1671. / da er gefangen und auff einen schändlichen Triumph-Wageg am 2. Junii in die Stadt Moscau eingegeführret und 6. drauff öffentlich allda gerichtet worden. [Wolfenbüttel:] Emden, 1671.

⁷ A relation concerning the particulars of the rebellion lately raised in Muscovy by Stenko Razin its rise, progress, and stop: together with the manner of taking that rebel, the sentence of death

во Франции⁸. Столетие спустя его вольный русский пересказ опубликовал А.П. Сумароков⁹.

Зачитанный на месте казни приговор по делу Разина, композиционно представлявший собой подробный повременный перечень выявленных следствием деяний мятежника, по существу явился и первой его связной биографией¹⁰.

Ты, злодей, богоотступник и бунтовщик донской казак Стенька Разин, в 7175 (1667) году, забыв страх Божий и присягу на верность его величеству великому государю Алексею Михайловичу, государю и защитнику всея Великия, Малыя и Белыя России, произвел против него мятеж и, возмутив других казаков, пошел с ними на реку Волгу, дабы привести там во исполнение злодейский замысел свой. И придя туда, причинил ты великий убыток множеству людей, захватив насады — большие лодки, груженные соленой рыбой и солью, принадлежащие патриарху и монастырям. И еще захватил ты насады многих купцов и так грабил и разбойничал повсюду до самых стен Астрахани¹¹.

passed upon him, and the execution of the same. [London]: Tho. Newcomb, 1672. Текст с русским переводом («Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным») см.: Записки иностранцев. С. 91–118. Далее — Сообщение.

⁸ Relation de particulatés de la rebellion de Stenko Razin contre grand Due de Moskovie... / Traduit de l'anglais par C. Desmares. Paris, 1672.

⁹ Сумароков А. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1774 (= СПб., 1815); Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, Александра Петровича Сумарокова / Собр. и изд. Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском ун-те. М., 1781–1782; 2-е изд.: М., 1787 («Повесть» не вошла).

¹⁰ В этом плане приговор несколько напоминает поздравительный адрес, зачитываемый юбиляру и в хронологической последовательности перечисляющий его жизненные достижения.

¹¹ Смертный приговор, читанный Стеньке Разину на месте казни 6 июня 1671 года // Записки иностранцев. С. 115; Крестьянская война, III. С. 84.

И так далее на протяжении нескольких страниц. Неудивительно, что списки приговора (подлинник сгорел во время пожара 1701 г. вместе с сыскным делом¹²) были основными источниками информации о разинском движении для современников, в том числе для иностранных наблюдателей, которые в своих переводах и пересказах до XX в. сохранили содержание данного документа¹³.

Впрочем, нет никакой гарантии, что все сведения, содержащиеся в приговоре, как и в других описаниях современников, получены из достаточно достоверных или хотя бы непосредственных свидетельств — кроме письменных текстов при этом, по-видимому, использовались и устные рассказы участников событий, в том числе в их фольклорной передаче¹⁴. Часто сами письменные источники, совпадая в главном, различаются в деталях, представляя собой разные версии описываемого, — опять-таки возможное указание на наличие рудиментов устной передачи; о том же может свидетельствовать и их соответствие типовым мотивам повествовательного фольклора. Иногда составители «докумен-

¹² Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. С. 186. «Между тем из сыскных документов наибольший интерес, конечно, представляют “распросные речи” Степана Разина. Из них сохранились только небольшие отрывки, хотя со 2 июня 1671 г., когда Разина привезли в Москву, и до 6 июня, дня казни, сформировалось целое “розыскное дело”, связанное с его допросами, продолжавшимися примерно в эти четыре дня» (Буганов В.И. «Розыскное дело» Степана Разина. С. 28).

¹³ Маньков А.Г. Комментарий [к первому сочинению о восстании С. Разина] // Записки иностранцев. С. 88. Русская копия документа была обнаружена лишь в первой трети XX в. и тогда же опубликована (см.: Крестьянство и националы... С. 252–256 [№ 161]; Алпатов М.А. Русская историческая мысль... С. 186).

¹⁴ Маньков А.Г. Комментарий. С. 121; Гольдберг А.Л. К истории Сообщения о восстании Степана Разина // Записки иностранцев. С. 165; Алпатов М.А. Русская историческая мысль... С. 189. Ср.: «Ходят разные слухи, однако докучать пересказом их не стану» (Хебдон Т. Письмо Ричарду Даниелю. Новая Слобода, июня 6-го дня 1671 г. // Записки иностранцев. С. 130).

тальных» сводов прямо говорят о слухах, которые циркулировали в Москве или Астрахани; в других случаях такого упоминания нет, однако мы понимаем, что автор просто не мог быть на месте событий, а, следовательно, в своем описании опирается на чужие рассказы, причем совсем не обязательно услышанные из уст самих участников или прямых свидетелей происшествия¹⁵.

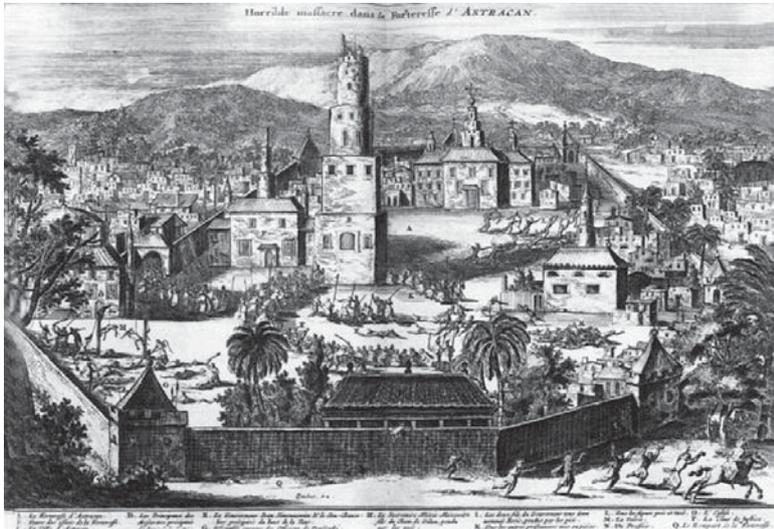
Случалось и так, что современники, которые были (могли быть) свидетелями какого-либо события, описывали не то, что действительно наблюдали, а то, что диктовалось соответствующей дискурсивной ситуацией. Это хорошо демонстрируется на примере мемуаров одного из непосредственных свидетелей восстания — голландского «парусного мастера» на русской службе Яна Стрэйса¹⁶. Составитель его мемуаров¹⁷ при описании первого пребывания Разина в Астрахани (август 1669 г.), очевидцем которого Стрэйс был сам, прибегает к заимствованию из «Сообщения»¹⁸ как наиболее авторитетного документа, повествующего о событиях

¹⁵ «Сведения эти он [Стрэйс] добыл из устных источников — возможно, от самих москвичей и, уж во всяком случае, от иностранцев, находившихся в Москве, а может быть, и от иностранных офицеров, участвовавших в подавлении восстания. <...> Следует сказать, что сведения о событиях на юге, дойдя до Москвы, во многом утрачивали свою достоверность. <...> Эти потоки слухов, стекавшиеся в Москву, из которых автор черпал свои сведения, несли информацию, которая, при всех своих погрешностях, в целом давала верное представление о событиях в стране» (Алпатов М.А. Русская историческая мысль... С. 181, 185–186). Последнее утверждение (о «верном представлении») можно принять лишь с большими оговорками; к этой проблеме мы еще будем неоднократно возвращаться.

¹⁶ Морозов А. Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие // Стрейс Я. Три путешествия / Введ. А. Гайсиновича; пер. [с голл.] Э. Бородиной; ред., [вступ., ст., примеч.] А. Морозова. М.: ОГИЗ; СОЦЭГИЗ, 1935. С. 23–38 (Иностранные путешественники о России).

¹⁷ Подробнее о проблеме авторства данной книги см. далее, с. 148–151.

¹⁸ Маньков А.Г. Первое сочинение о восстании С. Разина // Записки иностранцев. С. 85.

Взятие Астрахани Степаном Разиным.
Гравюра на меди из «Путешествий...» Стрёмса

разинщины. Складывается парадоксальная ситуация: непосредственный свидетель астраханских событий, от имени которого дается их описание, использует фрагмент текста, автор которого в Астрахани не был, самого Разина не видел¹⁹, а в своем изложении явно основывался на ходивших по Москве устных рассказах, т.е. текстах, по крайней мере, «второго порядка».

Таким образом, не следует преувеличивать точность письменных источников конца XVII в. (официальных документов, записок очевидцев и т.д.) лишь на том основании, что располагаются они в столь значительной близости к самому историческому факту. В «документальных» текстах подобного рода «удельный вес» устной традиции выше, чем может показаться на первый взгляд; еще в большей степени это относится к авторам сводных сообщений, которые передают чужие впечатления и наблюдения, особенно без ссылок на источник информации. Соответственно, прежде чем использовать какой-либо письменный текст в качестве источника сведений о событиях прошлого, желательно прове-

¹⁹ Там же. С. 86.

рить его на «детекторе фольклорности», чтобы далее не приписывать статус исторической реальности персонам и сюжетам, имеющим исключительно фольклорно-мифологический генезис. В силу своей специфики устная традиция способна донести до нас не столько информацию о подлинных лицах и событиях, сколько заключенные в фольклорных рассказах сообщения «культурной памяти», отобранные, структурированные и интерпретированные в соответствии с матрицами коллективного сознания своей эпохи. Формирование же из «первичных впечатлений» устного исторического нарратива напрямую зависит от недостаточно исследованных механизмов сегментации, сортировки, иерархизации, редукции и компрессии «жизненного материала», точнее — его проекций в общественной памяти.

Разумеется, это не дает оснований категорически отрицать наличие каких бы то ни было соответствий между «реальной действительностью» и ее проекцией в устном нарративе — просто из множества фактов традиция с большой степенью вероятности отберет именно те, которые будут соответствовать ее текстопорождающим моделям. Нельзя, кроме того, недооценивать количество совпадений между возможными «событийными прецедентами», с одной стороны, и теми сценарными схемами и повествовательными матрицами, которыми располагает устная традиция, — с другой²⁰. Приходится признать, что «исторические элементы» удерживаются фольклором отнюдь не вопреки традиционным повествовательным структурам (казалось бы, искажающим образы реальных лиц и событий), а, напротив, именно благодаря им. Только через посредство этих структур общественное сознание способно обеспечить сохранение и передачу информации, нужной человеческому сообществу. По-видимому, в ином виде память об этих событиях устной культуре вообще недоступна, а формы для ее сохранения (адекватного, с нашей нынешней точки зрения) появляются лишь на последующих этапах культурного развития — при возникновении письменной традиции, фактографически фиксирующей происходящее.

²⁰ Неклюдов С.Ю. Темы и вариации. М.: Индрик, 2017. С. 465–478.

О Разине и о связанных с ним событиях рассказывают многочисленные народные песни и предания, представленные в записях XIX–XX вв.²¹ Песни разошлись по разным «фольклорным регионам» России гораздо шире, чем предания, которые имеют более локальный (в основном волжский) характер, — их распространение ограничено главным образом местами, непосредственно связанными с деятельностью Разина²² и сохраняющими там локальную «историческую память», зачастую закрепляемую в мотивах топонимического фольклора. Относительно поздними являются локальные этиологические мотивы, связанные с его именем («предание указывает и на известного в XVII в. казацкого атамана Стеньку Разина»²³).

²¹ Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928; Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. ст., ред. и примеч. А.Н. Лозановой. М.; Л.: Academia, 1935; Русская историческая песня / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.И. Емельянова. Л.: Сов. писатель. 1987. № 61–89. (Бибка поэта); *Прозрителев Г.Н.* Песня Стеньки Разина: Этнографический набросок из записной книжки народника 70-х гг. Ставрополь, 1925; *Шентаев Л.С.* Донские песни разинского цикла // Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества, 18–23 октября 1961 г.). Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1963. С. 97–113.

²² Они «встречаются главным образом на Волге, более всего в среднем и нижнем ее течении, и в Уральской области. Наиболее богат преданиями нагорный берег Волги, где каждый утес, каждый холм связан с действиями атамана или лиц, близких ему» (*Лозанова А.Н.* Народные легенды и предания о Степане Разине // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / Под ред. Ю. Соколова. Т. IV–V. М., 1929. С. 53–54).

²³ «Предание о строителях крепости [речь идет о городище на южной половине Самарской Луки] и прежних ее обитателях различно <...> иные устройство крепости усвоят Стеньке Разину — и в доказательство представляют три яблони на южной стороне горы, посаженные в ряд будто бы руками самого Разина <...> мы полагаем, что это городище было древнее,

Уровень достоверности песен, которые, вероятно, начали складываться во время или по свежим следам событий разинского движения и обладают относительной текстуральной устойчивостью, в целом выше, чем у прозаического фольклора, который, естественно, более подвержен содержательным изменениям²⁴, в том числе в направлении мифологизации и демонизации фигуры знаменитого разбойника. Впрочем, «историческую достоверность» песен тоже не надо преувеличивать, их сюжеты — продукт весьма значительной фольклоризации впечатлений о прототипических событиях, обретения песенной формы теми же слухами, являющимися одной из первичных форм фольклорной реакции на событие. В преданиях Разин чаще оказывается сверхъестественным персонажем: духом-хозяином реки Волги, колдуном, «ходячим покойником», не могущим умереть грешником, ожидающим Страшного суда в скрытом от людей месте, либо, напротив, будущим освободителем, который обещает вернуться по прошествии ста лет.

Литература, посвященная Разину, чрезвычайно велика²⁵. О нем и о связанных с ним событиях повествуют десятки исторических трудов начиная с А.Н. Попова и

Татарское, но впоследствии занято было Русскими казаками, охранявшими край или разбойничавшими, и состояло под каким-нибудь заводом или кузницами. Потому вместе с огромными камнями и с древними вещами Татарского употребления здесь встречаются и ружья и признаки доменных печей и кузнечного производства» (*Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств. М.: Синод. тип., 1871. С. 41, 43, 48. Из Трудов 1-го Археол. съезда).

²⁴ Лозанова А.Н. Народные легенды и предания о Степане Разине. С. 53.

²⁵ *Сменцовский М.И.* Степан Разин в науке, литературе и искусстве: Библиографический указатель с краткими аннотациями, по 1 января 1930 г. // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 193–239; № 8/9. С. 309–366. Неплохую (хотя, естественно, не исчерпывающую) подборку выдержек из произведений о Разине см. в кн.: Хрестоматия по истории донского казачества (с древнейших времен до 1920 года) / Сост. М.П. Астапенко. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1994 (гл. 9).

Н.И. Костомарова²⁶, научно-популярных сочинений, а также художественных произведений — поэтических, прозаических и драматургических. Появляющиеся в начале XIX в. «повести» (т.е. «вести», «известия») о Разине²⁷ обретают все более «литературную» форму, и слово «повесть» постепенно приближается к своему позднейшему жанровому смыслу. Здесь пути научного изучения разинского бунта, с одной стороны, и его художественного осмысления — с другой, расходятся, хотя литературные произведения на данную тему поначалу сохраняют тесную зависимость от своих документальных источников (а историческая беллетристика, по Тынянову, начинается там, где кончается документ). Так, первые три главы «исторической повести» Н.И. Фомина (1836)²⁸ представляют собой беллетризованный рассказ — ряд открывающихся краткими экспозициями сценок с расписанными по «действующим лицам» монологами и репликами: пир вольницы на берегу Волги, пир Стеньки Разина в загородном черкасском кабаке («кружале»), рассказ губного старосты своему приятелю, астраханскому купцу, об обнаруженном им подземном бандитском притоне в дремучем лесу. Однако с главы IV²⁹ повествование превращается в сухой

²⁶ Попов А.Н. История возмущения Стеньки Разина. М.: Тип. А. Семена, 1857. (Из Русской Беседы); Материалы для истории возмущения Стеньки Разина / Предисл. А.Н. Попова. М.: Тип. Л. Степановой, 1857; Костомаров Н. Бунт Стеньки Разина. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1859 (= Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994). К трудам этих ученых, особенно Костомарова (как и к прочим историческим материалам, изданным в течение XIX–XXI вв.), я еще буду неоднократно обращаться.

²⁷ См., например: Краткая повесть о бунтовщике и разбойнике Степане Разине. СПб., 1818.

²⁸ Эту книгу Пушкин, интересовавшийся разинской темой, приобрел у автора, который занимался к тому же и книжной торговлей (см.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XII. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. С. 146; Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. С. XVI).

²⁹ В тексте ошибочно стоит цифра VI.

перечень событий, завершающийся приложенными к нему выписками из донесений 1670-х годов.

Почти одновременно с «повестью» Н.И. Фомина выходит роман о Разине (видимо, первый в русской литературе), принадлежащий перу М. Зарницына (1837)³⁰, затем анонимная «историческая повесть» «Атаман шайки разбойников Стенька Разин» (1862)³¹, повесть С.П. Извольского «Стенька Разин» (1868)³² и далее, на протяжении более чем столетия, исторические романы о знаменитом атамане А.А. Соколова (1880)³³, Г.А. Хрущова-Сокольников (1886, 1909)³⁴, Д.Л. Мордовцева (1891)³⁵, К.К. Голохвастова (1900, 1901)³⁶, А.Е. Зарина (1909)³⁷, В.В. Каменского (1916)³⁸, Ал. Алтаева [М.В. Ямшиковой] (1925)³⁹, А.П. Чапыгина

³⁰ Зарницын М. Стенька Разин: Исторический роман. Ч. 1–2. СПб.: Тип. И. Глазунова и К^о, 1837.

³¹ Атаман шайки разбойников Стенька Разин: Историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича. М.: Тип. П. Глушкова, 1862.

³² Стенька Разин: Повесть из времен царствования Алексея Михайловича / Сост. [С.П.] Извольский. М.: Манухин, 1868 (= М.: Манухин, 1873).

³³ Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина: (Исторический роман). СПб.: Типолит. П.И. Шмидта, 1880 (= М.: Тип. Вильде, 1906).

³⁴ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин: Исторический роман. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1886; Он же. При Стеньке Разине (Быль на Волге): Роман. СПб.: Типолит. т-ва «Свет», 1909.

³⁵ Мордовцев Д.Л. За чьи грехи: Повесть из времен бунта Разина. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1891.

³⁶ Голохвастов К.К. «Орел», первый русский корабль: Рассказ из эпохи бунта Стеньки Разина. СПб.: А.А. Холмушин, 1900; Он же. Стенька Разин, или Три богатыря — Кирилл, Кузьма и Демьян. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1901.

³⁷ Зарин А.Е. Кровавый пир (1669–1672 гг.): Бунт Стеньки Разина: Исторический роман: В 6 ч. Ростов-н/Д.: Ф.С. Романович, 1901.

³⁸ Каменский В.В. Стенька Разин: Роман. М.: Тип. «Культура» А.К. Миесеровой, 1916.

³⁹ Алтаев Ал. Стенькина Вольница: Исторический роман из истории восстания Стеньки Разина / С предисл. В.И. Невского. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1925.

(1924–1927)⁴⁰, И.Ф. Наживина (1928)⁴¹, С.П. Злобина (1937–1950)⁴², В.М. Шукшина (1968)⁴³, В.И. Буртового (1988–1991)⁴⁴, повесть И.Ф. Быкадорова о Тимофее Разине (1930)⁴⁵, повесть для детей С.П. Алексеева «Грозный всадник» (1969)⁴⁶, фантастический роман С.В. Логинова (1997)⁴⁷, романы В.В. Строкина (2002)⁴⁸, Н. Суздалева (2002)⁴⁹, Кармелиты Смит (2011)⁵⁰, В.И. Буртового (2011)⁵¹, рассказ Л.В. Папеты⁵².

Сюжеты о Разине отразились в творчестве русских поэтов XIX–XXI вв.: А.С. Пушкина (1824–1826)⁵³, М.Ю. Лермонтова (1831)⁵⁴, А.В. Кольцова (1838)⁵⁵, Н.П. Огарева

⁴⁰ *Чапыгин А.* Разин Степан: Роман исторический: [В 3 т.]. М.: Артель писателей «Круг». Т. 1. 1926; Т. 2. 1927; Т. 3. 1927 (Новости русской литературы).

⁴¹ *Наживин И.Ф.* Разин Степан (Казак). Париж, 1928.

⁴² *Злобин Ст.* Степан Разин. Л.: Сов. писатель, 1951.

⁴³ *Шукин В.М.* Я пришел дать вам волю // Сибирские огни. 1971. № 1/2.

⁴⁴ *Буртовой В.И.* Самарская вольница. Степан Разин. М.: Рипол Классик, 2011.

⁴⁵ *Быкадоров И.Ф.* Казак Тимофей Разин: Сказы про старобытье казачье. Прага: Биб-ка Вольного казачества (Славянское отд. при Тип. А. Фишера?), 1930 (= Anaheim: E. Sycamore St., 1995).

⁴⁶ *Алексеев С.П.* Грозный всадник // Алексеев С.П. Исторические повести. М.: Дет. лит., 1969. (Школьная биб-ка. Для начальной школы).

⁴⁷ *Логинов С.* Колодезь. М.: Эксмо-Пресс, 2000 (= М.: Азбука; Терра, 1997).

⁴⁸ *Строкин В.* Я — Степан Разин // *Строкин В., Геращенко А.* Пронзая время: Сб. фантастики. Минск: Славянский Путь, 2002.

⁴⁹ *Суздалев Н.* Бунташное войско Стеньки Разина. М.: ЭКСМО, 2008.

⁵⁰ *Кармелита Смит.* Вольный сын Дона // Проза.ру (www.proza.ru/2011/11/20/1341).

⁵¹ *Буртовой В.И.* Самарская вольница. Степан Разин.

⁵² *Папета Л.В.* Ожерелье персидской княжны // Сайт «Я — писатель» (<http://yapisatel.com/text/938/>).

⁵³ *Пушкин А.С.* Песни о Стеньке Разине // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. II: Стихотворения. 1820–1826. С. 333.

⁵⁴ *Лермонтов М.Ю.* Атаман // Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I: Стихотворения. С. 198.

⁵⁵ *Кольцов А.В.* Стенька Разин // Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1953. С. 214–215. (Биб-ка поэта).

(1869)⁵⁶, А.А. Навроцкого (1870)⁵⁷, И.З. Сурикова (1877)⁵⁸, С.Н. Мельникова (1883)⁵⁹, Д.Н. Садовникова (1883)⁶⁰, С.Ф. Рыскина (1888)⁶¹, П.С. Цейхенштейна (1895)⁶², В.В. Каменского (1927–1928 гг.)⁶³, М.А. Волошина (1917)⁶⁴, В.А. Гиляровского (1922)⁶⁵, И.С. Рукавишникова (1925)⁶⁶, М.И. Цветаевой (1917)⁶⁷, В. Хлебникова (1921–1922)⁶⁸, И.П. Уткина (1938)⁶⁹, Е.А. Евтушенко (1964)⁷⁰, А.Я. Аронова⁷¹, И.М. Ир-

⁵⁶ [Огарев Н.П.] «Гой, ребята, люди русские!». Женева, 1869 (листовка); Огарев Н.П. Избранное. М.: Худ. лит., 1977. С. 279.

⁵⁷ *Вроцкий А.Н.* [Навроцкий А.А.]. Утес Стеньки Разина // Вестник Европы. 1870. № 12.

⁵⁸ Стихотворения И.З. Сурикова. М., 1877.

⁵⁹ *Мельников С.* Атаман // Волжский Вестник. 1883. № 1. С. 15–16.

⁶⁰ *Садовников Д.* Из «Волжских песен» // Волжский Вестник. 1883. № 12 (март). С. 261.

⁶¹ *Рыскин С.Ф.* Стенька Разин // Рыскин С.Ф. Первый шаг: Стихотворения. М., 1888.

⁶² *Цейхенштейн П.* Клад Стеньки Разина: Нар. сказка-предание [в стихах]. Астрахань: Новая рус. тип., 1895.

⁶³ *Каменский В.* Степан Разин // Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 151–180.

⁶⁴ *Волошин М.А.* Стенькин суд // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Вступ. ст. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. М.: Правда, 1991. С. 128–130.

⁶⁵ *Гиляровский Вл.* Стенька Разин: Поэма. М.: Берендей, 1922.

⁶⁶ *Рукавишников И.* Сказ скомороший про Степана Разина, про Мухоярова-князя, про дочку его Катерину да еще про стремяного Васюту: Стих напевный: В шести песнях с присказкой и концовкой. Тетр. 1. Кн. 20. М.: Всерос. союз поэтов; ГИЗ [1925].

⁶⁷ *Цветаева М.* Стенька Разин // Северные дни. Сб. 2. Пг.; М., 1922. С. 52–54.

⁶⁸ *Хлебников В.* Уструг Разина // ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств / Отв. ред. В. Маяковский; обл. и монтаж А. Родченко. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. № 1 (март). С. 58–60 (сокращ. ред.); Он же. Собр. произв.: В 5 т. / Под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. Т. I. 1928. С. 246 (полный текст).

⁶⁹ *Уткин И.П.* Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. № 120. (Биб-ка поэта).

⁷⁰ *Евтушенко Е.* Казнь Стеньки Разина // Евтушенко Е. Братская ГЭС. М.: Сов. писатель, 1967 (глава из поэмы «Братская ГЭС»).

⁷¹ *Аронов А.* Эпизод // Аронов А. Туннель / Сост. Т. Суханова. М.: Голос-Пресс, 2003. С. 248.

теньева⁷² и др. По наблюдению В.Т. Шаламова, «на “Стеньке Разине” сходилась много направлений: и архаиков, и новаторов, либералов, и черносотенцев. Амфитеатров и Цветаева, Хлебников и Каменский улавливали пульс времени, брали перо для прославления волжского богатыря. Хлебников оставил знаменитый “Уструг Разина”, Цветаева — “Сон Стеньки Разина”, Амфитеатров — многословные куплеты с рифмой “народ”»⁷³.

Разинская тема оказывается чрезвычайно пригодной для драматургических разработок — вспомним отнюдь не случайное использование этой формы в «повести» Фомина. Уже стихотворение Садовникова имело несомненные потенции театрализации — вспомним народную драму «Лодка», в которую постоянно включались фрагменты этой песни, или солдатскую инсценировку данного сюжета в Ярославле (1905 г.)⁷⁴. Показательно, что мотив «персидской княжны», центральный для «разинского» сюжета, переходит затем в «биографию» героя популярнейшей балаганной пьесы о Ермаке Тимофеевиче (конец XIX — нач. XX в.)⁷⁵; это, кстати, лишний раз демонстрирует «парадигматический» характер легенды о Разине для определенного типа повествований в русской традиции — так, в бурлацких рассказах «персидский поход» и пленение персидской княжны могут приурочиваться к преданиям о другом разбойнике⁷⁶. Очевидно, одной из первых была пьеса

⁷² Иртенев И.М. Повестка дна. М.: Время, 2015. С. 123.

⁷³ Шаламов В.Т. Поэт Василий Каменский // Собр. соч.: В 6 т. М., 2005. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. С. 211–223 (цит. по: <http://www.shalamov.ru/library/21/55.html>).

⁷⁴ Певец Волги Д.Н. Садовников. Куйбышев, 1940. С. 150–151; Песни русских поэтов: В 2 т. / Сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В.Е. Гусева. Л.: Сов. писатель, 1988. Т. II. С. 470. (Биб-ка поэта).

⁷⁵ Зоркая Н.М. Фольклор. Лубок. Экран. М.: Искусство, 1994. С. 137.

⁷⁶ «Рядом со мной старый бурлак, седой и почему-то беззубый, тихо рассказывал сказку об атамане Рукше, который с бурлаками и казаками персидскую землю завоевал... Кто это завоевал?.. Кто этот Рукша? Уж не Стенька ли Разин? Рукша тоже персидскую царевну увез» (Гиляровский В. Мои скитания. Люди театра. М.: Правда, 1987. С. 62). Предположение

С.М. Любецкого, еще до своей публикации (1846)⁷⁷ поставленная в Малом театре (1841; а также в Большом — как бенефисный спектакль А.Т. Сабуровой). Далее следует назвать драмы А.А. Навроцкого (1872)⁷⁸, И.К. Кондратьева (1883)⁷⁹, Е.П. Савельева (1917)⁸⁰, А.М. Ремизова (между 1917 и 1921)⁸¹, Ю. Юрьина [Ю.Н. Вентцеля] (1919, 1927)⁸².

По-видимому, первыми попытками музыкального воплощения данного сюжета являются почти одновременно созданные симфоническая поэма А.К. Глазунова «Стенька Разин» (1885) и опера Н.Я. Афанасьева «Стенька Разин» (вероятно, тоже 1880-е годы; во всяком случае, первое упоминание данного произведения относится к 1891 г.⁸³). Следует добавить, что в 1915 г. на музыку этой симфонической поэмы создается одноактный балет «Стенька Разин», для которого Глазунов дописывает еще музыкальную партию «Пляска дружины Разина» — на тему народной песни «Вниз по матуш-

---

Гиляровского о тождестве Рукши и Разина, видимо, неосновательно: последний в фольклоре никогда не меняет своего имени — разве что может скрыть его в целях маскировки.

⁷⁷ Любецкий С.М. Стенька Разин, разбойник волжский: Быль XVII-го века: Драматические картины в 4 актах с хорами, песнями и плясками. М.: Унив. тип., 1846.

⁷⁸ Навроцкий А.А. [Вроцкий Н.А.] Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин: [Драматическая хроника в 6 ч.] [Женева: Изд. и Тип. «чайковцев», 1872]; Стенька Разин: Драматическая хроника: В 11 карт., в стихах. СПб.: Тип. В. Безобразов и К°, 1907; Степан Разин: Историческая драма в 5 д. и 9 карт., в стихах. СПб.: Тип. «Бережливость», 1911.

⁷⁹ Кондратьев И.К. Пир Стеньки Разина: Драматическая быль в 2 карт., в стихах. М.: Тип. Н.Л. Пушкирева, 1883.

⁸⁰ Савельев Е. Степан Разин: Историческая драма. Новочеркасск, 1917.

⁸¹ Ремизов А. Стенька Разин / Публ. и заметка А.М. Грачевой // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А.А. Гозенпуда. СПб.: Наука, 2003. С. 594–596.

⁸² Юрьин Ю. [Вентцель Ю.Н.] Сплошной зык (Стенька Разин): Народная трагедия в 5 д. и 6 карт. Пг., 1919 (1920?); Разин в Астрахани: Драматическая сцена. М.: ГИЗ, 1927.

⁸³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IIА (4). СПб.: Семеновская типолит. (И.А. Ефрона), 1891. С. 490.

ке по Волге» (составлявшей текстовую основу народной драмы «Лодка»). Балет был поставлен в Мариинском театре (премьера — 28 ноября 1915 г.)⁸⁴ и в Большом театре (премьера — 6 ноября 1918 г.)⁸⁵, и тема «персидской княжны» в этом балете является центральной⁸⁶. Автором еще одного балета был композитор Н.Н. Сидельников (либретто Г.В. Иноземцевой — по мотивам романа С.П. Злобина и киносценария М. Горького; балетмейстер А.В. Чичинадзе, Театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, 1977). Ставился балет и на музыку вокально-симфонической поэмы Д.Д. Шостаковича «Казнь Степана Разина» (стихи Евгения Евтушенко, для баса, хора и оркестра; постановка И.А. Чернышева, 1986), во многом созданной в оперной стилистике. В XX в. было написано, по крайней мере, еще четыре оперы (возможно, больше)⁸⁷: «Степан Разин» П.Н. Триодина (музыка и либретто; Москва, 1925)⁸⁸, «Стенька Разин» С.В. Бершадского (Пермь, 1926;

⁸⁴ Сценограф и балетмейстер — М.М. Фокин, художник — М.П. Бобышов, дирижер — А.К. Глазунов; Стенька Разин — П.З. Андреев, Дочь хана — В.П. Фокина.

⁸⁵ Сценограф и балетмейстер — А.А. Горский, художник — П.П. Кончаловский, дирижер — А.Ф. Арендс; Стенька Разин — А.Д. Булгаков, Персидская княжна — М.Р. Рейзен.

⁸⁶ «На эту тему был поставлен в Большом театре балет, в котором использовалась симфоническая поэма А. Глазунова «Стенька Разин»» (Рейзен М. Автобиографические записки, статьи и воспоминания. 2-е изд., доп. / Ред.-сост. Е. Грошева; лит. запись воспоминаний М. Рейзена, Е. Гульянц. М.: Сов. композитор, 1986 [цит. по: <http://www.bolshoi-theatre.ru/legends/mark-reyzen/232/>]).

⁸⁷ Стенька Разин: Бывшая под цензурным запретом новая драматическая опера. Полный текст. [Казань]: Каз. губ. тип., [1919]. Среди рукописей писателя-фантаста С.М. Беляева сохранился фрагмент (3-я сцена) либретто оперы «Разин Степан» (1929), а также рукопись «Атаман казачьей вольницы (Повесть из жизни Степана Разина)» (в соавторстве с А. Феличе [= Арт Феличе? Видимо, один из псевдонимов М.В. Ямщиковой]; б.д.) // Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописей. Ф. 479, 187.

⁸⁸ На сцене филиала Большого театра; постановка А.Д. Дикого, художник — А.В. Лентулов.

Кадры из фильма
«Степан Разин»
(1939)

Ленинград, 1927)⁸⁹, «Степан Разин» А.А. Касьянова (музыка) и Н.Г. Бирюкова (либретто⁹⁰; Горький, 1939)⁹¹, «Степан Разин» В.А. Калле (музыка), А.М. Петрякова и Г.М. Абрамова (либретто; Санкт-Петербург, 1992)⁹².

Было снято не менее шести кинолент: первый российский художественный фильм — короткометражная «Понизовая вольница» («Стенька Разин», или «Стенька

⁸⁹ Пермский государственный академический театр оперы и балета им. П.И. Чайковского, 1926; Ленинградский государственный академический театр оперы и балета (ныне Мариинский театр), 1927.

⁹⁰ Бирюков Н. Степан Разин: Опера в четырех действиях (семи картинах) с прологом // Оперные либретто: Краткое изложение содержания опер. Т. 1 / Ред.-сост. В.А. Панкратова, Л.В. Полякова. 5-е изд., испр. М.: Музыка, 1981. С. 136–139; Он же. Степан Разин // Бирюков Н. Театр. Поэзия. Жизнь / Сост. и подгот. текстов В.К. Кумакшева. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. С. 61–116.

⁹¹ Горьковский академическим театр оперы и балета им. А.С. Пушкина. Премьера 1-й редакции — Горький, 1939 г., под управлением И. Зака; 2-й редакции — там же, 1953 г., под управлением П. Григорова; 3-й редакции — там же, 1977 г.

⁹² Премьера в Санкт-Петербургском государственном театре «Рок-опера» спектакля «Разин» (1-я ред. «Анафема», по мотивам романа В. Каменского «Степан Разин») состоялась в 1992 г. в ДК им. I пятилетки; либретто А.М. Петрякова и Г.М. Абрамова; режиссер Г.М. Абрамов, художник В. Кравцов. Студийная запись 1996 г. Музыка Владимира Калле, либретто Александра Петрякова и Геннадия Абрамова, режиссер-постановщик — з.д.и. РФ Владимир Подгородинский, звукорежиссер — Юрий Запалов.

Разин и княжна»; реж. Владимир Ромашков, продюсер А. Дранков, сценарий В. Гончарова, 1908); затем полнометражные картины «Стенька Разин» (реж. Г. Либкен, сценарий Б. Мартова, 1914); «Степан Разин» (реж. И. Правов, О. Преображенская, 1939 [по роману Чапыгина]); «Гулящие люди» (реж. И. Гурин, 1988 [также по одноименному роману Чапыгина]); «Воссияя мне свыше» (1993?⁹⁵) — экранная версия спектакля «Разин» Санкт-Петербургского государственного театра «Рок-опера» — и совсем уж недавняя лента «Степан Разин» (реж. Д. Месхиев, сценарий И. Тилькина, 2009). Самых попыток инсценировки истории разинского бунта было еще больше: так, не получили экранного воплощения сценарии А.М. Горького (1921)⁹⁴ и В.М. Шукшина (1968)⁹⁵, кстати, этот последний сценарий был создан автором еще до написания романа «Я пришел дать вам волю»; надо также упомянуть сценарий по повести И.Ф. Быкадорова «Казак Тимофей Разин» (1966)⁹⁶.

За трехвековой период своего развития, начиная с первых зафиксированных текстов, максимально близких к моменту возникновения данной традиции, «разинская тема» в народном предании, в произведениях литературы и искусства претерпевает существенные изменения, которые касаются в первую очередь фигуры самого разбойничьего атамана.

Об этом и пойдет речь на страницах данной книги⁹⁷.

⁹⁵ Фильм по спектаклю «Разин» Санкт-Петербургского государственного театра «Рок-опера» снят на киностудии им. А. Довженко, получил «Гран-при» на Международном телевизионном фестивале «Бархатный сезон» (Каховка, 1994); других сведений об этой ленте у меня нет.

⁹⁴ *Горький А.М.* Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666–1668 гг.: Сценарий. 1921 // Архив А.М. Горького. Т. II. Пьесы и сценарии. М.: Гослитиздат, 1941.

⁹⁵ *Шукшин В.М.* Конец Разина // Искусство кино. 1968. № 5–6.

⁹⁶ Так жили... так любили...: Сценарий фильма в 4 ч. Villers-St-Sepulcre: Алимов, 1966 (сведений о публикации этого сценария у меня нет).

⁹⁷ О методологических основаниях подобного рассмотрения см. в кн.: *Неклюдов С.Ю.* Темы и вариации (главы вводная и заключительная).

Пользуюсь случаем выразить свою признательность за помощь и консультации Л. Абрамяну (Ереван), А.А. Архиповой (Москва), А.Ш. Галеевой (Учалы), Н.П. Гринцеру (Москва), Г.М. Казакову (Фрейбург), Ж. Кеймелену (Гент), Е.Е. Левкиевской (Москва), В.Ф. Лурье (СПб), Э. Метцу (Амстердам), Е.С. Неклюдовой (Гамильтон), М.С. Неклюдовой, Н.В. Петрову, И.С. Смирнову, А.Б. Старостиной (Москва), Г.Г. Суперфину (Бремен), Р.Д. Тименчику (Иерусалим), Ю.Г. Цивьяну (Чикаго), В.Ф. Шевченко (Ульяновск), А.В. Юдину (Гент) и всем выступавшим на обсуждениях докладов по проблематике данной книги на научных форумах в Москве, Санкт-Петербурге, Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Тарту, Фрейбурге. Хочу также вспомнить навсегда оставшихся в прошлом Бориса Рифтина и Артема Козьмина, которых уже никогда не смогу поблагодарить лично.

Моя особая признательность Елене Васиной (Сан-Паулу), по чьей инициативе в 2006 г. было начато настоящее исследование. Я благодарен Славянской библиотеке Университета г. Хельсинки и персонально — г-же Ирине Лукка, чье гостеприимство позволило оперативно завершить сбор литературного материала по «разинской легенде».

СТЕНЬКА РАЗИН КАК ПЕРСОНАЖ «НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ»

Арамазд не существует; но среди желающих, чтобы он был, слышно, что имеется четыре разных Арамазда...

Мовсес Хоренаци. История Армении (V в.)

Степан Разин занимает особое место среди мифологизируемых исторических персонажей русского фольклора. Судя по письменным документам последней трети XVII в., процесс подобной мифологизации, превращения знаменитого разбойника в чародея, укрывателя кладов и великого грешника начинается еще при его жизни¹. Иногда исключительность фигуры Разина подчеркивается его незаурядным происхождением, причем наряду с предположением о его «высокородности»², появляющимся позднее в книжной традиции, существует также и мотив низкого происхождения, незаконнорожденности, вообще характерный для фольклора³.

¹ По свидетельству Стрейса, окружающие «смотрели на него как на необыкновенного человека» (*Стрейс Я. Три путешествия / Введ. А. Гайсиновича; пер. [с голл.] Э. Бородиной; ред., [вступ. ст., примеч.] А. Морозова. М.: ОГИЗ; СОЦЭГГИЗ, 1935. С. 90–91 (Иностранцы путешественники о России).*

² Ср.: «А кем был Степан Разин? Нет-нет, он не был простолюдином, бомжом, скитающимся степняком казаком! Он был князем! Потому нет ни одного свидетельства о его рождении — все было уничтожено после казни. А легенда о нем как о разбойнике была придумана позже российскими предателями. Как мог простой казак организовать войско, разгромившее несколько раз подряд регулярную персидскую армию?» (*Задорнов М. Кто я: антисемит или русофоб? // Михаил Задорнов. Официальный сайт [http://zadornov.net/2013/09/antesimit-ili-rusofob/]*).

³ *Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.; СПб.: Академия исследований культуры; Традиция,*

У нас-то было на батюшке Тихом Дону, / Во славном было во городе у нас во Черкасске. / Жила-была у нас тут благочестивая вдова. / Не имела она, братцы, бескорыстного греха, / А нынче вдова себе сына родила. / Пошла слава по всему нашему Тихому Дону. / Тут съезжались все попы, дьяки, архидьяконы, / Нарекали ему имечко Степанушкой...⁴

Источники 1670-х годов, современные прототипическим событиям или чрезвычайно близкие к ним, позволяют описать работу механизмов «культурной памяти», с помощью которых традиция превращает в тексты свои «первичные» исторические впечатления. Среди «мифологических моделей», используемых при этом, особенно активны две: «демонологическая» и «апокалиптическая». В первом случае успешность фольклорного Разина-разбойника объясняется его колдовскими свойствами: он — чародей, обладающий сверхъестественной силой и все его действия сопровождаются необычным успехом; к этой группе относится большая часть преданий и рассказов, прикреплённых к определенным местностям (Лозан. С. 60). С теми же свойствами связана посмертная судьба Разина как персонажа «низшей мифологии»: призрака, охраняющего свои клады, оборотня, «ходячего мертвеца» и пр. Во втором случае после своей гибели он становится героем эсхатологических сюжетов, ожидающим в потаенном месте своего возвращения в этот мир, — защитником слабых, угнетенных, обездоленных, грядущим спасителем от вселенской беды (форма позитивная) или же — в легендах с религиозно-дидактическим содержанием — неупокоенным, но достой-

2005. С. 179–214; *Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. С. 63–64.*

⁴ *Яковлев М.А. Народное песнотворчество об атамане Степане Разине (из исторических песен XVII века). Л.: Изд-во П.П. Сойкина, 1924. С. 44; Мякушин Н.Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890 [162 песни и 18 стихотворений Уральского и других казачьих войск]. С. 38. (Здесь и везде далее разрядка в цитатах моя. — С.Н.)*

ным сожаления великим грешником, испытывающим за свои деяния тяжкие муки и ожидающим решения своей участи в день Страшного суда, либо даже разрушителем мира (форма негативная).

Можно предположить, что демонизации Разина весьма способствовало церковное проклятие, которому его предал патриарх Иосиф в апреле 1671 г. (т.е. за два месяца до казни)⁵. Анафема, провозглашаемая по церквям на второй неделе Великого поста, имела, вероятно, большой резонанс в российском обществе с его апокалиптическими настроениями, порожденными Смутой и расколом, да и мистическим осмыслением 1666 года, который ознаменовался к тому же двумя церковными соборами (на которых был расстрижен Аввакум и низложен Никон). Показательно, что вполне учитывающий эти настроения Иоганн Юстус Марций (Самуэль Шуртфлейш) в своем диссертационном докладе о Степане Разине, произнесенном на университетском диспуте в Виттенберге (1674), прямо увязывает между собой оба события.

Добавлю только, что год, в который злоба бояр погубила патриарха, был 1666-й. <...> Здесь пора дать более точные указания времени отдельных событий, о которых говорилось, и заодно показать их в их последовательности. В 1666 г. бояре ополчились на Никона и добились того, что он лишен был своего сана и достоинства. Затем в 1667 г. Степан Разин двинул уже подготовленных к мятежу людей и вступил на путь тирании, выдавая свое гнусное предприятие как раз за ненависть к ней⁶.

⁵ «Вор и изменник и крестопреступник и душегубец Стенька Разин, забыл святую соборную церковь и православную христианскую веру, великому государю изменил, и многия пакости и кровопролития и убийства во граде Астрахане и в иных низовых градах учинил, и всех купно православных, которые к ево коварству не пристали, побил, потом и сам вскоре исчезе, и со единомышленники своими да будет проклят» (Крестьянская война, III. С. 392 [№ 318]).

⁶ Марций И.Ю. Стенко Разин донски козак изменник // Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования / Ред. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1975. § 12, 13.1.

Летописный источник сообщает и о целом каскаде эсхатологических знамений: «трясения земли», «шум велик, яко зык колокольный», «отворилося небо и просыпалося из неба на весь град, подобно печным искрам», «от воздуха стояща на полудни три столпа, различными цветы (яко же на облаце небесная дуга) и поверх их, яко венцы украшены, такожде всякими цветы»⁷. Все это, в свою очередь, могло совпасть с ожиданиями «второго пришествия» Разина, которому как великому грешнику оставалось продолжать посмертное существование на земле в виде «живого трупа» и не было дано умереть до Страшного суда. Еще одно ответвление данной темы — приход с того света Разина-призрака, стерегущего свои сокровища или продолжающего заниматься грабежами (Цыб. С. 22, 25).

Рассмотрим все эти его ипостаси, которые в своей совокупности, собственно, и составляют континуум представлений, заслуживающий названия разинского мифа.

Титульный лист диссертационного доклада Иоганна Юстуса Марция (Самуэля Шуртфлейша) о восстании Степана Разина (университетский диспут, Виттенберг, 1674)

⁷ Сказание летописи о граде Астрахани // Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. Предисл. А.Н. Попова. М.: Типогр. Л. Степановой, 1857. С. 243, 245, 247–249; Комарович В.Л. Исторические повести 1670–1680-х годов // История русской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1941–1956. Т. 2. Ч. 2. 1948. С. 270.

Гость спросил, кто такой Орбазан, и Ахмет, старший из купцов, ответил ему: «В народе рассказывают много чудес об этом человеке. Одни полагают, что он одарен сверхъестественной силой, ибо нередко он один поражает сразу пять-шесть человек; другие считают его смельчаком-франком, которого несчастья занесли в здешние края, — кто бы, однако, он ни был, ясно одно — он нечестивец, злодей и разбойник».

Вильгельм Гауф. Рассказ об отрубленной руке

I

Как свидетельствуют фольклорные записи XIX — первой половины XX в., за период, прошедший со времени деятельности и гибели мятежного атамана, процесс его мифологизации зашел достаточно далеко¹. В этих записях Разин предстает прежде всего колдуном, чернокнижником и оборотнем: «Старик в Воротынце рассказывал, что Разин был колдун» (Бор. Мир., № 109); «волшебник он был»², «взять его никаким войском нельзя было, для того что он был чернокнижник» (Кост. С. 438); «мог обращаться деревом» (Рыбл. С. 41–45). В Нижнем Поволжье рассказывали, что Разин заклил змей³ (комаров, лягушек); и они перестали жалить / квакать (Мад. С. 4; Зел. С. 65; Лозан. С. 57; Рыбл. С. 41–45); он собирался также заговорить кусачих насекомых⁴, но не сошелся в цене с местными

¹ Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX — начало XX в.) // Новый исторический вестник. М.: РГГУ, 2008. № 2 [18]. С. 40–48.

² Шептаев Л.С. Древние традиции разинской прозы // Славянский фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 238.

³ «Большая часть казаков верит, что змеи заговорены известным разбойником Разиным, который во время оно скитался около тех мест» (Жел. С. 102–103).

⁴ Колдун уводит (наводит) клопов (червей, тараканов) из дома (из огорода) (Зин.

жителями⁵; наконец, под каждым ногтем у него была *спрыг-трава* (она же *скакун-трава*, *трава прыгун*, *трава огонь*), «от которой замки и запоры сами сваливаются⁶ и клады даются» (Зел. С. 65; Минх. С. 31; Даль, IV. С. 300; Лозан. С. 57). Подобное отношение к разбойничьим атаманам, в которых видели «чародеев, спознавшихся с нечистой силою», вообще характерно для народного сознания. «В этом убеждены были не только все члены шайки, но и сами атаманы, которые выделялись из толпы природным умом, пылким воображением, исключительною телесною силою и даже увлекательным даром слова» (Макс. С. 135–136). С другой стороны, «в народных представлениях власть, которую давала магическая сила, нередко сочетается с формальной властью. Так, в советское время нередко председателей колхоза, бригадиров считали колдунами»⁷.

Колдовством объясняется сверхъестественная легкость обогащения Разина (общий признак разбойничьих предводителей в русском фольклоре [Макс. С. 162–

ГП 21); Колдун повелевает змеями: уводит змей с покоса (с ягодного места, из деревни), заставляет змей накручиваться на колышек; за нанесенную обиду напускает змей на покос (Зин. ГП 11); Сосуд с жалющими насекомыми или пресмыкающимися следовало бросить в реку, в море, зарыть в отдаленном месте (Березк. Н26).

⁵ Ср. центральный мотив легенды о гамельнском крысолове (см.: Малинкович И. Судьба старинной легенды. М.: Вост. лит., 1999. С. 6–8).

⁶ «Стенька и Фролка были привезены в Черкасск. Предание говорит, что казаки очень боялись, чтоб Стенька не ушел из неволи: на то он был чернокнижник, никакая тюрьма не удержала бы его, никакое железо не устояло бы против его ведовства. Поэтому его сковали освященною цепью и содержали в церковном притворе, надеясь, что только сила святыни уничтожит его волшебство» (Кост. С. 428–429).

⁷ Мазалова Н.Е. Русский колдун: герой, злодей // Труды Карельского научного центра. Серия гуманитарных наук. 2013. № 4. С. 46.

163]⁸; см. ниже о разинских «кладах»), способность понимать язык птиц и зверей (Mot. B215.1), опять-таки приписываемая и другим казацким атаманам⁹. Один из атаманов заговорил на четыре года лягушек» (Лозан. С. 62); разбойник Галяев из Саратовской губернии «был способен оборачиваться в разных животных, причем нередко из-под носа своих преследователей улетал в виде птицы — ясного сокола»; вологодский разбойничий атаман Блоха был прозван так потому, что мог обращаться в блоху, а знаменитый донской атаман Игнат Некрасов, один из активных участников Булавинского восстания 1707–1709 гг., основатель кубанской «казачьей республики» и лидер старообрядческого движения, «мог превратиться в кого захочет» (Рыбл. С. 41–45), «большую тайную силу имел, волшебником был»¹⁰ и т.д. Однако исторически первым в этой галерее персонажей стоит Разин, составляющий «центральную фигуру во всей истории поволжской вольницы» (Макс. С. 136); разинская легенда занимает здесь центральное место¹¹. Не исключено, что приписывание именно ему

⁸ «Разину, например, этому поволжскому богатырю-чародею, сам Илья Муромец годился только в есаулы. И неудивительно, конечно, что, обладая такой сверхъестественной силой, Разин обогащался и окупями с проходящих торговых судов, и даже царскою казною с разграбленного и сожженного им первого русского корабля “Орла”» (Макс. С. 162–163).

⁹ «Подобно Разину, все удалые атаманы — колдуны, летают или плавают на кошме. <...> Они могут заговаривать пули, сабли, ружья» (Лозан. С. 62). Например, Игнат Некрасов знал, согласно преданию, «язык всех птиц, зверей, деревьев» (Рыбл. С. 41–45).

¹⁰ Савельев А. Сборник донских народных песен. СПб., 1866. С. 132; Шептаев Л.С. Донские песни разинского цикла // Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества, 18–23 октября 1961 г.). Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1963. С. 104.

¹¹ «Основная часть ее сюжетов представляет собою контаминацию весьма известных странствующих сюжетов с отголосками полузабытых исторических штрихов о Разине. Вместе с тем заметно и дальнейшее претворение — именно перенесение чисто разинских мотивов на повествования о других героях, имеющих внутреннее сходство с Разиным» (Лозан. С. 62).

колдовских и оборотнических способностей привело к формированию в русском фольклоре образа разбойника-колдуна.

Храброму атаману-колдуну легко было собрать большое войско; бывало, возьмет липовую лутошку, отрежет щепку, бросит в Волгу, и вот на реке появляется корабль с вооруженными казаками¹².

Его невозможно поймать (ср.: Колдун «морочит»; неожиданно сверхъестественно исчезает [Зин. ГII 10]).

Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, начертит угольком лодку, выльет воду — и поминай как звали! (Мамак. С. 139). Когда он предастся нарочи [намеренно, нарочно], возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснет ложку воды, и поплывут из острога по городу, и песни поют (Макар. С. 40).

Особенно часто упоминается магическая неуязвимость Разина (ср.: Колдун не чувствует побоев [Зин. ГII 10])¹³:

Так, однажды Разин, пятнадцатилетний юноша, поссорился с атаманом шайки, при которой он состоял кашеваром. Рассерженный атаман выстрелил в юношу, но пуля не причинила ему вреда: он вынул ее из груди и, отдавая обратно атаману, сказал: «На, — пригодится» (Лозан. С. 57). Воеводы <...> велели палить на него из ружей и из пушек; только Стенька как был чернокнижником, так его нельзя было донять ничем: он такое

¹² Соколов М.Е. Предания о Стеньке Разине и Емельке Пугачеве // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 24. Саратов: Саратов. губ. учен. арх. комис., 1908. С. 146.

¹³ «Разина, как чародея, не берут пули и ядра. Мотив чародейства встречается в легендах и преданиях в разнообразном окружении; с мотивом чародейства связан мотив о сверхъестественном могуществе атамана» (Лозан. С. 56).

слово знал, что ядра и пули от него отскакивали (Кост. С. 439)¹⁴. Не только самого Разина не берут пули, но он умеет путем заговора и других избавлять от них. Поэтому его войско почти непобедимо (Минх. С. 40; Макар. С. 40; Лозан. С. 56–57). Стреляют в них, стреляют, стреляют. «Стой-ко-те!» — кричит его сила. Перестанут стрелять; они снимут с себя одежды, повытряхнут пули и отдадут назад; а сами стреляют, как «прядь»¹⁵ делают. Сенька заговаривал от пуль (Макар. С. 40).

Вера в магическую неуязвимость Разина и в его способность заговаривать пули и ядра возникает, видимо, еще при жизни легендарного разбойника.

А как они, воры, мимо Царицына Волгою плыли, и с Царицына де стреляли по ним из пушек, и пушка де ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил <...> и взяли на Царицыне у воеводы наковальню и мехи и кузнечную снасть. А дал им он, убоясь тех воров, что того атамана и ясаула пищаль ни сабля, ништо не возьмет, и все де войско они берегут¹⁶.

¹⁴ Ср.: «Но длилась эта стрельба недолго и сама собою стала затихать. Дело в том, что ни коту, ни пришедшим она не причинила никакого вреда. Никто не оказался не только убит, но даже ранен; все, в том числе и кот, остались совершенно невредимыми. Кто-то из пришедших, чтобы это окончательно проверить, выпустил штук пять в голову окаянному животному, и кот бойко ответил целой обоймой. И то же самое — никакого впечатления ни на кого это не произвело. Кот покачивался в люстре, размахи которой все уменьшались, дую зачем-то в дуло браунинга и плюя себе на лапу. У стоящих внизу в молчании на лицах появилось выражение полного недоумения. Это был единственный, или один из единственных, случай, когда стрельба оказалась совершенно недействительной» (Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. V. С. 334).

¹⁵ *Прядь* — от глагола *прыгнуть* 'стремительно двинуться, прыгнуть'.

¹⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А. Швецова; ред. А.А. Новосельский, В.И. Лебедев. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 136–137.

Позднее, по-видимому, этот мотив из преданий попадает и в народную драму «Лодка».

А т а м а н. Фу, черт возьми! Ты сам знаешь, что я мелкие пули духом отдуваю, а крупные ядра в руки принимаю. Смотри, брат, верней!¹⁷

Согласно одной из версий, свой чудесный дар Разин получил от волшебного камня (Mot. D217), после того как, пойдя вопреки запрету отца в «неправильную» сторону, столкнулся с «огромной чудой» Волкодиром.

Волкодир его тянет и хочет проглотить сразу. Стал Стенька шашкой своей владать, все челюсти ему разрезать. <...> Отрубил голову, стал брюхо разрезать; разрезал брюхо, нашел с кулак камень и дивуется над этим камнем. Повернулся и пошел. Идя он дорогой, думает себе: «Что это за вещь такая и какой это камень?» Взял, нечаянно лизнул и узнал все, что есть на свете, ахнул перед собой. «Вот, — думает, — этот камень мне дорог!» (Сад. С. 131, 118).

Поверья о волшебном камне, извлеченном из утробы домашнего скота, птицы, змеи и других существ, в том числе фантастических (как это имеет место в процитированном предании), или обретенном каким-либо иным образом, распространены достаточно широко¹⁸, однако семантика такого камня

¹⁷ Шайка разбойников (II) // Народный театр / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М.: Сов. Россия, 1991. С. 95. (Биб-ка русского фольклора. Т. 10).

¹⁸ Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд (английские суеверия), Е. Миненок (русские суеверия, подбор ил.). М.: Локид; Миф, 1998. С. 177–180; Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. С. 321–323; Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2000. С. 154, 156–157, 194–195, 207–208; Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. II. СПб.: Изд. Имп. РГО, 1893. С. 352; Molnár A. Weather-magic in Inner Asia. With an appendix:

в европейских традициях (медицинская, апотропейная, связанная с достижением жизненной удачи и исполнением желаний) существенно отличается от соответствующих центральноазиатских поверий. Согласно им, подобный камень (тюрк. *jat*, *яда*, монг. *jada*, *джад*, *дзад*, *задай*) представляет собой прежде всего — если не исключительно — средство для магического вызывания дождя (у монголов, например, даже существовали специальные обрядники, регулирующие подобную практику¹⁹). Обычным результатом совершения обряда является сильный ливень, причем чаще подобное колдовство используется в военных целях: потоки воды вызывают наводнение, сель, создавая препятствие вражескому войску, а то и прямо сокрушая его. Этот мотив зафиксирован в ряде средневековых памятников: «История династии Лян» Яо Сыляня (VII в.), «Украшение известий» Абу Саида Гардизи (XI в.), «Сокровенное сказание монголов» (XIII в.), «Книга побед» Шараф ад-дина Али Йазди (XV в.), «Рашидова история» Мирзы Мухаммада Хайдара (XVI в.) и др.

Русская (шире — восточнославянская) традиция занимает в этом плане промежуточное положение. С одной стороны, поверья о волшебном камне по многим признакам совпадают с европейскими (скажем, мотивы славянского фольклора л и з а н и е з м е и н о г о к а м н я, который насыщает и обладает живительной силой, о т к р ы т и е з н а н и й о к л а д а х и пр.²⁰), но, с другой, здесь вполне освоена практика вызывания с его помощью непогоды, тождественная той,

---

Alttürkische Fragmente über den Regenstein, by P. Zieme. Bloomington, Indiana: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1994.

¹⁹ Например, «Волшебство джада для вызывания дождя» (*Qura oroꞗulqu jada-yin ubadis*) из первого тома собрания сочинений уратского Мэргэн Даянчи Ламы (XVIII в.) (см.: *Bawden C.R. Two Mongol texts concerning Oboo worship // Oriens Extremus / Herausg. von O. Benl, W. Franke, W. Fuchs. Bd. 5. Heft 1–2 [Juli, Dezember. Wiesbaden, 1958]. P. 24–25.*)

²⁰ *Гура А.В.* Символика животных... С. 321–323.

что известна тюрко-монгольским народам, причем фиксируется она на западных и северо-западных границах восточнославянского мира (материалы XVI–XVII вв.)²¹.

Иногда чудесный камень используется и разинской вольницей.

И когда приводили к государю пойманных разбойников, то захотелось ему узнать, как они живут. «Чем вы кормитесь?» — спросил государь. «Чем? — отвечают разбойники. — А у нас три камня есть. Первый камень облизнули — все станем сыты. Второй камень — в любые магазины зайдем и никто нас не заметит; 15 или 20 человек сразу войдут и никто их не видит. Третий камень облизнут — на всякие языки догадаются; все, что говорят между собою и звери и птицы на ихнем языке, всякая птица, кошка, мышка, пчела или шмель, и змея — все понимают и догадаются» (Сид., Круп. № 22).

Тем не менее только Разин в полной мере владеет искусством магического воздействия на природу, что и позволяет ему стать главой шайки («Вынул и поднял Степан шашку кверху и скомандовал: “Лес, преклонись к земле!” Глядят разбойники, а лес на земле лежит. Закричали все: “Быть Степану атаманом!”» [Сад. С. 120]).

II

В русской поэзии XIX в., начиная с А.С. Пушкина, Разин представлен почти исключительно как персонаж романтический, в том числе как романтический злодей (М.Ю. Лермонтов), народный вождь (Н.П. Огарев, А.А. Навроцкий, И.З. Суриков), удалец, герой любовных приключений, соблазнитель и похититель женщин (А.В. Кольцов,

---

²¹ *Турилов А.А.* Камень для вызывания дождя и ветра: Руководство по метеорологической магии в старобелорусской записи XVI в. // ЖС. 2000. № 3. С. 16–18; *Чернецов А.В.* К интерпретации уникального амулета из Киева // ЖС. 2002. № 1. С. 12–13.

С.Н. Мельников, Д.Н. Садовников, С.Ф. Рыскин, А.А. Коринфский). Все эти амплу знаменитого разбойника имеют свою опору в устной традиции, в народных песнях и преданиях о нем, однако магические свойства фольклорного Разина здесь не используются.

Аналогичным образом дело обстоит в прозаических произведениях о Степане Разине²², которые решают задачу «художественной реконструкции» исторической действительности XVII в. (с разной степенью успешности), обращаясь для достижения данной цели и к письменным документам, и к устным источникам, откуда отбираются элементы, не противоречащие воссозданию «реалистической» картины мира. Впрочем, в исторической беллетристике и драматургии XIX–XXI вв. определение «колдовской» лишь истолковывает исключительность личности Разина, хотя романисты иногда приписывают ему наличие и некой магнетической силы. Соответственно фрагменты фольклорных преданий, в частности их мифологические и магические темы, не отбрасываются совсем, но подвергаются рекомбинациям и преобразованиям. Подобная топика обычно используется исключительно в речах персонажей (в том числе относящихся к «резонирующей среде» повествования), не включаясь в авторское повествование, что может даже выглядеть как разоблачение мнимых чудес.

Как раз накануне его «подплытия» [стругов Разина] на небе явились три столба радужных. Казалось бы, митрополиту следовало успокоить народ, сказав, что радуга есть знак примирения Бога с людьми, но он опять растерянно завопил: «Быть беде, быть гневу Божию!» Даже выпавший в ночь град назван был митрополитом не градом, а «ледяным дождем», и ему приписана была предсказательная сила «беды» и «лиха»²³.

²² В основном в жанре исторического романа. Таковых за период XIX–XXI вв. написано не менее десятка.

²³ Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина: Исторический роман. СПб.: Типолит. П.И. Шмидта, 1880 (= М.: Тип. Вильде, 1906). С. 67.

М а ш а (*садится*). Митрополит Иосиф говорил, /
Что будто бы из-за твоих грехов / У нас трясение земли
случилось. / С насеста куры падали от тряски. / Сквозь
землю провалились пять дворов. Р а з и н (*смеется*). Я и
сильнее потрясти могу. М а ш а. А как ты взял Яицкий
городок, / Из церкви Рождества раздался в полночь /
Великий шум и колокольный зык. Р а з и н (*стучит ногой в пол*). А ты сама-то слышала?²⁴

1-й стрелец. Над городом вдруг отворилось
небо / И из него, как искры из печи, / Просыпались ог-
ненные звезды. / А на последнем утреннем часу / Сквозь
облака три огненных столба / Так рассиялись радугой!
А сверху — / Как бы венцы со всякими цветами. / Мит-
рополит Иосиф аж заплакал. / «Знаменья — не к до-
бру! — кричит. — Антихрист / Пошел на православный
мир войной! / Излился с небеси на нас фиал / Гневленья
божия за нашу шатость!» 2-й стрелец. Вот и сбылись
знамения господни²⁵.

Соответственно сам Разин перестает быть колдуном, так сказать, объективно, но остается им (или по крайней мере, человеком, обладающим сверхъестественными качествами) в представлениях окружающих. Таким же образом излагаются представления о неуязвимости и даже бессмертии героя.

«А в чем вы его ведовство примечали?» — «Да видимо было... Пушки царские в него не стреляли; сабли об его тело тупились и зубрились... На ночь он тьму наводил»²⁶. «Ведь солнце он, наш Степан-то! Он в огне не горит, в воде не тонет, сабля его не берет, пушка дымом исходит, топор отскакивает. Вот какой!»²⁷. «В огне не горит, сабля

²⁴ Рябухин Б. Степан Разин: Историческая хроника в стихах. М.: Мол. гвардия, 1983 (д. II, карт. 4).

²⁵ Там же (д. III, карт. 5).

²⁶ Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина. С. 154–157.

²⁷ Каменский В.В. Степан Разин: Привольный роман // Каменский В.В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. Кафе поэтов / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Г. Никитина. М.: Правда, 1991. С. 93–94.

не берет, пушка обратно ядром палит, топор отскакивает, стрела у ног в землю зарывается»²⁸. «Нет на свете и не было, кто бы мог погубить его»²⁹. [М а ш а]. И все при нем-то: удаль и отвага, / И сила, и величие, и стать. / Ну, право, Илья Муромец! [А н и с ь я]. И право. / В нем сила чудодейственная есть³⁰.

Наличие подобных качеств требует определенных объяснений.

«Сыном, значит, наш Тимофеич Илье Муромцу будет. Всю свою силушку богатырскую Илья Степану в завет отдал»³¹. «Лизнул он заветный камень и все узнал, что есть на свете»³².

Первый фрагмент опирается на уникальный (и уже привлекавший внимание исследователей [Кост. С. 364; Макс. С. 136]) вариант былины «Илья Муромец на Соколке-корабле» («Атаман был на нем Стенька Разин сам, / Есаулом был Илья Муромец» [Кост. С. 364]), который, впрочем, сложился, как предполагается, под воздействием разинского фольклора³³. Второй фрагмент представляет собой почти дословную цитату из самарского предания о Разине в записи Д.Н. Садовникова: «Взял [камень], нечаянно лизнул и узнал все, что есть на свете» (Сад. С. 118 [№ 110]). Наконец, иногда сохраняется связь «исключительности» героя с его сказочным богатством: «весь он в золоте», «золота, серебра да камешков самоцветных горы у него горные»³⁴ (ср. амплуа фольклорного Разина как демона-кладохранителя).

²⁸ Там же. С. 103.

²⁹ Ремизов А. Стенька Разин / Публ. и заметка А.М. Грачевой // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А.А. Гозенпуда. СПб.: Наука, 2003. С. 595.

³⁰ Рябухин Б. Степан Разин (д. II, карт. 4).

³¹ Каменский В.В. Степан Разин. С. 103.

³² Ремизов А. Стенька Разин. С. 595.

³³ Былины: В 2 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова. М.: ГИХЛ, 1958. Т. I. С. 527–528.

³⁴ Каменский В.В. Степан Разин. С. 93–94, 103.

Встречаются и более общие объяснения — скажем, наделение счастливой судьбой («Со счастливой долей навеки обручен»³⁵).

В детской повести С.П. Алексеева «Грозный всадник» стрелец и ярыжка спорят: «Откуда у Разина сила, кто помогает Разину», если «без боя вся Волга ему дается?». Версии две: либо Бог, либо дьявол; проблема остается нерешенной — оба гибнут, утонув в Волге³⁶; таким образом, предмет спора в повести не выходит за пределы мифологической традиции, в рамках которой формируется образ Разина как сверхъестественного персонажа. Вообще, проблематика подобного «диспута» имеет достаточно глубокие теологические корни. В книге «Муравейник» венского инквизитора, доминиканца Иоганна Нидера³⁷, с небывалой дотоле определенностью описавшего технику «различения духов», все многообразие отклонений от усредненной бытовой жизни разводится на две категории: «от Сатаны» и «от Бога»³⁸. Близкой параллелью этому можно считать противоречивые оценки фигуры Разина в народной традиции (с одной стороны, защитника и спасителя, а с другой — великого грешника, который «от Бога истинного отрекся, сатане треклятому предался»³⁹). Отражением данных противоречий являются и соответствующие описания «гласа народа» в литературных текстах.

...коли Бог хочет Стенькою наказать город, так сопротивляться Стеньке, значит, идти против Божьего

³⁵ Там же. С. 103.

³⁶ Алексеев С.П. Грозный всадник // Алексеев С.П. Исторические повести. М.: Дет. лит., 1969 (новелла «Кто помогает») [<http://lithub.me/book/166252>].

³⁷ Nider J. Formicarius: Dialogus ad vitam christianam exemplo conditionum Formice incitatus: historiisque Germanie refertissimus (1437/1438).

³⁸ Благодарю М.Ю. Реутину за эти разъяснения (личное письмо от 10 октября 2014 г.).

³⁹ Железнов И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. 3-е изд. / Под ред. Н.А. Бородина. СПб.: Тип. г-ва «Общественная польза», 1910. С. 60.

хотения. Так именно, стоя у царева кабака, рассуждали два крестьянина-практика. Народ мимошедший внимал речам практиков и соглашался. «Ты то возьми, коли сам владыко говорит, что быть беде от Стеньки и что, к примеру, это с небеси видно, то какой же, значит, Стенька — будет Стенька... вестимо, Степан Тимофеевич». — «Правильно, правильно». — «Вот и возьмем в толк: не будем ли Божьи супротивники, коли на Степана Тимофеевича пойдём?» <...> Речи их услышал пристав, скрутили им руки и как богомерзких улещателей, в острастку, чтобы другим не повадно было, на площади рядочком и повесили⁴⁰.

Спор стрельца и ярыжки у С.П. Алексеева прямо продолжает данную литературную традицию; утопление же обоих в Волге (вместо повешения в романе А.А. Соколова) заставляет вспомнить об устойчивой связи мифологического Разина с водной стихией. При этом надо отметить, что стрельцы, наряду с иностранными наемниками, были основным военным контингентом, противостоящим разинцам, тогда как *ярыжками* / *ярыгами*, согласно одному из значений этого слова, звались работники, батраки, казаки, живущие по чужим дворам (Даль, IV. С. 679), т.е. относящиеся к беднейшему, «голутвенному» казначеству, которое составляло главную действующую силу разинского движения⁴¹, что отражено и в песенном фольклоре.

Ходил, гулял Степанушка во царев кабаке, / Он думал крепкую думушку с голутвою: / Судари мои, братцы, голь кабацкая! / Поедем мы, братцы, на сине море

⁴⁰ Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина. С. 67–68.

⁴¹ Никольский В.А. Народные движения в России: семнадцатый век. [Ч. 2]: Стенька Разин и разиновщина. СПб.: Изд. Акционерного о-ва тип. дела, 1911 (= М.: Книга по Требованию, 2012). С. 6–7. *Голудба* / *голудва* — ‘бедняки, голыдьба’: «а голудбы и всякого народу прибыло у нихъ в войску безмѣрно много» (СРЯ XI–XVII. Вып. 4. С. 71).

гулять, / Разобьем, братцы, басурмански корабли, / Возьмем мы, братцы, казны, сколько надобно...⁴²

Не исключено, что сцена из повести С.П. Алексеева испытала также влияние сказки Джанни Родари «Джельсомино в Стране лжецов», русский перевод которой был издан незадолго до выхода повести (1960), причем соответствующий эпизод также по-своему вписывается в проблематику, восходящую к трактату Нидера.

«Пойди-ка погляди, — сказал он ей, весь дрожа. — Я уверен, что Джельсомино злой колдун». Жена посмотрела, упала на колени и воскликнула: «Да он добрый святой волшебник!» — «А я тебе говорю, что колдун!» — «А я тебе говорю, что святой волшебник!» <...> Жители разделились на две партии: одни утверждали, что Джельсомино — добрый волшебник, другие доказывали, что он злой колдун⁴³.

Для возвращения повествования к «реалистической» трактовке описываемых событий некоторые авторы предлагают различные «рациональные» объяснения и колдовству Разина, и его исключительным качествам.

Пушкари навели на воровские струги свои пушки и затинные пищали. У всех дух захватило. Но — жалко пшикнул порох в затравках, и ни одна пушка не выстрелила. И зашептало тревожно и радостно по толпам: «И пушки заговорил атаман!.. Не берет порох против ведуна...» — «Какое там ведовство?.. — хмуро заметил <...> отец Гаврила. — Ты на рожки-то у стрельцов погляди...» — «Знамо дело, измена. <...> На...али в затравки, сукины сыны, только всех и делов...»⁴⁴

⁴² Емел. № 61 (= Сочинения М.Д. Чулкова. СПб., 1913. Т. I. Собрание разных песен. Ч. I–III. 1770–1773).

⁴³ Родари Дж. Джельсомино в Стране лжецов: Сказка / Пер. с ит. О. Иваницкого и А. Махова. М.: РОСМЭН, 1999. Гл. 1.

⁴⁴ *Наживин И.Ф.* Степан Разин (Казаки): Исторический роман. М.: ИТРК, 2004. С. 87–88. (Биб-ка исторического романа).

Особо акцентируется якобы присущая атаману колдовская сила взгляда.

«Что за глаза у него смелые... Как сокол под небесами взирает сверху... На всех смотрит свысока... Точно он властный какой... Точно здесь ему все подчинены...»⁴⁵ «У него из глаз искры сыплют, и весь он в золоте, — пояснил таинственно мещанин. — Кто на него ежели взглянет, не из своих то исть, сичас в пепел обратится». <...> Мещанинишка немного преувеличил <...> [лицо] было бы обыкновенно, если бы не глаза, в которых чувствовалось присутствие какой-то сверхъестественной силы⁴⁶. «Чего там узрел, в глазах?.. Аль плаху себе — злодею?» — грубо и с нетерпением спросил пятидесятник, стараясь выдержать острый, пронзительный взгляд Разина (Кн. 1. Ч. 3. Глава «Топор и плаха»). Она <...> чувствовала его пронзительный взор. Марья слышала, что взгляд Степана покоряет людей и смиряет врагов...⁴⁷

Подобные описания, укорененные и в популярной исторической литературе⁴⁸, несомненно опираются

⁴⁵ Глебов С.И. (Гнедич) Жизнь и казнь Стеньки Разина (Волжского атамана): Легенда. Историческое исследование по преданиям калмыков Астраханской губернии. СПб.: Тип. Л.В. Гутмана, 1915 (Пг.: Кн. торг. Н.И. Кормушина, 1915). С. 115.

⁴⁶ Зарин А.Е. Кровавый пир (1669–1672 гг.): Бунт Стеньки Разина: Исторический роман в 6 ч. Ростов-н/Д.: Ф.С. Романович, 1901 [= Зарин А.Е. Кровавый пир: Роман; Мордовцев Д.Л. За чьи грехи?: Повесть. М.: Современник, 1994. (Золотая летопись России)].

⁴⁷ Злобин С.П. Степан Разин: Исторический роман в 2 кн. Минск: БелСЭ им. Петруся Бровки, 1987 (цит. по: <http://www.lib.ru/HIST/ZLOBIN/razin2.txt>). В последнем случае, впрочем, не исключено и влияние соответствующего описания у А.Е. Зарина («из глаз искры сыплют. <...> Кто на него ежели взглянет <...> в пепел обратится»).

⁴⁸ «...Индивидуальной его чертой, высоко поднимавшей его над толпой товарищей, был пронзительный ум, соединен-

на текст Н.И. Костомарова, труд которого с момента его выхода (1858/1859) на долгие годы становится для читающей публики главным источником сведений по истории разинщины; к нему, вероятно, восходит и изображение «пронзительного» (невynosимого, «колдовского», «жгучего») взгляда Разина.

Это был человек чрезвычайно крепкого сложения, предприимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой деятельности <...> дикое мужество отражалось в грубых чертах лица его, правильного и слегка рябоватого; в его взгляде было что-то повелительное; толпа чувствовала в нем присутствие какой-то сверхъестественной силы, против которой невозможно было устоять, и называла его колдуном (Кост. С. 351–352, 364).

Костомаров, в свою очередь, отталкивался здесь от уже упоминавшихся мемуаров Стрэйса, современника Разина, лично встречавшегося с ним («Я его несколько раз видел в городе и на струге. <...> Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью»⁴⁹). Однако в распоряжении Костомарова был не голландский оригинал книги, а один из его французских переводов, в которых сочинение Стрэйса уже подверглось определенному редактированию, как правило приводящему к «пояснительному» разворачиванию и детализации исходного текста. Например:

Он имел величественный вид, благородную осанку, горделивое выражение лица. У него было хорошее сложение, [но] его лицо было несколько обезображено

ный с природным даром внушения. Проницательность не покидала его даже в пьяном виде. <...> Разин обладал тайной влияния на толпу...» (Тхоржевский С.И. Стенька Разин: Исторический очерк. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1923. С. 110–112 [Образы человечества]).

⁴⁹ Стрейс Я. Три путешествия. С. 200.

оспой. У него был дар внушать страх и любовь, когда он приказывал, ему повиновались без отвращения и без ропота⁵⁰.

Таким образом, к «высокомерному прямому лицу» (Стрёйс), «горделивому выражению лица» (во французском переводе) добавляется — видимо, исходя из понимания ближайшего контекста — «дар внушать страх и любовь» (в том же переводе), чему у Костомарова соответствует «дикое мужество... в грубых чертах лица» и во «взгляде... что-то повелительное». Наконец, в авторской речи романа Зарина появляются «глаза, в которых чувствовалось присутствие какой-то сверхъестественной силы» — явная трансформация костомаровского описания, для чего используется мотив народной демонологии (Колдун «морочит», заставляя человека делать то, что он велит [Зин. ГП 10в]), а далее, в интерпретации людской молвы, эта «сила» превращается в испепеляющую силу взгляда («У него из глаз искры сыплют. <...> Кто на него ежели взглянет, не из своих то исть, сичас в пепел обратится»). Впрочем, у Зарина возможен и еще один источник:

Он [Пугачев] был посажен на Монетный двор, где с утра до ночи, в течение двух месяцев, любопытные могли видеть славного мятежника, прикованного к стене и еще страшного в самом бессилии. Рассказывают, что многие женщины падали

⁵⁰ «Il avoit l'air grand, le port noble, & la mine fiere. Sa taille étoit avantageuse & son visage un peu gâté de la petite vérole. Il avoit le don de se faire craindre, & celui de se faire aimer: & quoiqu'il, commandât, il étoit obéï sans répugnance & sans murmure» (Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes, et en plusieurs autres Païs étrangers; accompagnez de remarques particulieres sur la qualité, la Religion, le Gouvernement, les Coûtumes et négoce des lieux qu'il a vûs; avec quantité de figures en taille-douce, dessinée par lui-même, et deux Lettres qui traitent à fond des malheurs d'Astracan / Par Mr. Glanius. Amsterdam, MDCCXLII. T. 1. P. 31).

в обморок от его огненного взора и грозного голоса⁵¹.

Горящие глаза, горящий / пылающий взгляд / взор и т.п. («глаза, страшные, дикие, злобные, горят как уголья...»⁵²), по-видимому, сначала появляются в литературной «разиниаде» просто как устойчивый и широко употребляемый поэтический образ; ср., например: «Кровавы угли вокруг бросая взором...», «Ни свисту бурных крыл, ни зареву очей...», «Несожигай меня, Пламида, / Ты тихим голубым огнем / Очей твоих...», «Черными очей огнями...» (Г.Р. Державин); «Приятней денницы / Задумчивый пламень во взорах сиял...», «И, как пожар, пылали очии...» (В.А. Жуковский); «Огонь ее приветливого взора...» (Н.М. Языков); «а глаза какие! черные и светлые, как огонь!» (Н.В. Гоголь); «Глаза — что угольки...», «Очей моих томных огонь голубой...» (Н.А. Некрасов); «Он оживет, и вспыхнет взор пожаром...» (А.К. Толстой); «И блеснул глазами, как красными огнями...» (А.И. Куприн)⁵³.

Эта метафора «обжигающего взгляда» приходит в резонанс с «повелительным взглядом», восходящим к костомаровскому описанию Разина, и уже затем превращается в «испепеляющий взгляд» колдуна, чему есть яркие литературные прецеденты:

Шепчиха видит, что это уже не собака, а панночка. Да притом пускай бы уже панночка в таком виде, как она ее знала, — это бы еще ничего; но вот вещь и обстоятельство: что она была вся синяя, глаза горели, как уголь⁵⁴.

⁵¹ Пушкин А.С. История Пугачева // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. VIII: Автобиографическая и историческая проза. С. 270.

⁵² Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин: Исторический роман. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1885. С. 101, 138, 162, 229.

⁵³ Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Ин-т рус. языка РАН, 1995. С. 391–392.

⁵⁴ Гоголь Н.В. Вий // Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1984. Т. 2. С. 172.

Прослеживается и обратное движение — от магии к метафоре («колдовские глаза», «взгляд — ажно жжется»), причем здесь реактуализуется любовная тематика, базовая для данной метафоры (а это, в свою очередь, соответствует «донжуанскому» амплу фольклорного Разина⁵⁵).

«...Огнем-полыме жжет!» <...> «д р у г и х таких глаз на свете нет», зардевшись как маков цвет, отвечала княжна <...> взглянувши несколько раз в его глаза, которые покоряли ему людей и с более сильной волею <...> она чувствовала, как мимо воли ее щеки алеют, пылеме горят при одном его взгляде, что сердце словно замирает, что на устах немеет слово⁵⁶ «Не сдатьсь ему, не посмотреть в колдовские глаза, устоять перед ласкою и угрозой!..» (Кн. 1. Ч. 4. Глава «Коса на камень»). «Ишь плечи какие! Век все глядел бы на них», — говорил ей Степан, не выпуская ее рук. «И гляди... Я люблю, когда так глядишь... Т а к о в взгляд — ажно жжется!» (Кн. 2. Ч. 2. Глава «Два великана»)⁵⁷. Алена отвела взгляд от колдовских глаз мужа⁵⁸.

Следует подчеркнуть: хотя «испепеляющий взгляд» как магическое свойство сверхъестественного персонажа представлен у Зарина в качестве реплики народной традиции, данный мотив не является заимствованием из нее, это результат чисто литературных преобразований исходной темы (см. табл. I; в кавычках — извлечения из высказываний персонажей, без кавычек — цитаты из авторской речи).

⁵⁵ «Марина эта была у него первой наложницей, а прочих до 500, и триста жен» (Мамак. С. 139).

⁵⁶ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 101, 138, 162, 229.

⁵⁷ Злобин С.П. Степан Разин.

⁵⁸ Кармелита Смит. Вольный сын Дона. Гл. 7. Персидский поход Степана Разина // Проза.ру (www.proza.ru/2011/11/20/1341).

Динамика семантического развития образа в его литературных репрезентациях	Источники текстов
высокомерное прямое лицо ↓	Стрейс
горделивое выражение лица... дар внушать страх и любовь ↓	Фр. перевод Стрейса
в грубых чертах лица во взгляде... что-то повелительное ↓	Костомаров
глаза, которые покоряли ему людей ↓	Хрущов-Сокольников, «фольклорная» реплика
глаза у него смелые... Точно он властный какой... Точно здесь ему все подчинены ↓	Глебов
взгляд покоряет людей и смиряет врагов... ↓	Злобин, «фольклорная» реплика
острый, пронзительный взгляд... пронзительный взор... ↓	Злобин, авторское повествование
глаза... присутствие какой-то сверхъестественной силы ↓	Зарин, авторское повествование
«колдовские глаза» ↓	Злобин, оценка персонажа
глаза... горят как уголья ↓	Хрущов-Сокольников, авторское повествование
огнем-полыме жжет щеки алеют, пылеме горят при одном его взгляде ↓	Хрущов-Сокольников, оценка персонажа
«взгляд — ажно жжется» ↓	Злобин, оценка персонажа
из глаз искры сыплют кто взглянет, в пепел обратится	Зарин, «фольклорная» реплика

*В коридоре сторож с самострелом.
Я в цепях корсара узнаю.
На полу своей темницы мелом
Начертил он узкую ладью.
Стал в нее, о грозовом просторе,
О холодных звездных небесах
Долго думал, и пустое море
Застонало в четырех стенах.
... ..
Все свершил он в мире небогатом,
И идет душа его теперь
Черным многопарусным фрегатом
Через плотно запертую дверь.*

Всеволод Рождественский. Корсар

Колдовская власть Разина распространяется в первую очередь на водную стихию, которой он управляет по своему желанию: устраивает половодье (вспомним предание о добытом им магическом камне, вызывающем ливень), переплывает море или путешествует по реке вместе со своими спутниками на разостланной кошме (ковре, платке)¹, которая превращается в корабль, а также пускает корабли посуху; ср. сказочный корабль, плавающий по воде и едущий по земле (Аф. № 144, 170).

«Ну, что же, братцы, будем делать? — говорит Степан. — На чем через море поедим? Давай сюды мою большую кошму!» Степан разостлал ее на море; сделался вдруг большой корабль. Посадил на него шайку и лошадей поставил... (Сад. С. 120). Стенька Разин был

¹ Поверье, даже ставшее поговоркой: «*Не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь!*» от преданья: Разин расстилал на воду ковер и на нем безопасно уплывал» (Даль, II. С. 128). Ср. также: «платок-брось-на-реку-сделается-мост» (Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. Тятины сказки // ЖС. 2011. № 2. С. 11–15 [«Сказка о Димитрии-царевиче и Елене Прекрасной», Архангельская обл.]).

колдун, пускал корабли посуху, а средь моря расстелет на воде ковер да и сядет играть в кости с товарищами (Астраханская губ., сер. XIX в.)².

Платок как «плавсредство» представляет собой некое подобие покрывала Левкотеи, которое позволило герою невредимым доплыть до острова феаков (Одис., V, 333–375); оно, правда, «работало» скорее не как «ковер-самоплав», а как своеобразный спасательный жилет («Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь / Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопленья»). Другим аналогом является корабль асов Скидбладнир (Ст. Эдда. Речи Гримнира, 44; Мл. Эдда, 43), который всегда имеет в парусах попутный ветер, способен двигаться и по морю, и посуху, а при необходимости его можно сложить, как ткань.

Данный мотив (герой пребывает на покрывале, разосланном по поверхности воды) не характерен для русского фольклора, но известен тюркской традиции, конкретно — казахским преданиям о Коркуте / Хорхуте, первом певце и шамане, который таким образом пытается спастись от предсказанной смерти, а в магических заклинаниях именуется «обитающий у устья реки, храбрый Коркут».

...Потом взял ковер, расстелил его на воду посередине реки. По его слову (как святого человека) ковер не тонул и не сносился течением. На этом ковре-самоплаве Хорхут решил жить безотлучно, надеясь, что смерть, разыскивая его на суше, не придет на его чудесный остров, что водная стихия защитит его³.

Смерть подстерегает Коркута, но он день и ночь продолжает играть на кобызе «Песнь жизни», и до тех

² Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX — начало XX в.) // Новый исторический вестник. М.: РГГУ, 2008. № 2 (18). С. 48.

³ Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. В.В. Бартольда; подгот. изд. В.М. Жирмунского, А.Н. Кононова. М.; Л., 1962. С. 118.

пор, пока звучит эта песня, смерть не смеет к нему подойти⁴.

Кстати, и Разин, согласно некоторым преданиям, оказывается грешником, не способным умереть; подобные параллели указывают на возможный тюркский компонент в сюжетах «разинского цикла».

Кроме того, Разин народных преданий — похититель женщин, которых он, однако, захватывает не при грабеже купеческого каравана (как атаман в драме «Лодка»), а опять-таки благодаря магической власти над водной стихией. Он вызывает наводнение, поднимает его уровень до нужной высоты и доплывает до цели на чудесной кошме, достигая жертвы своих посягательств с потоками воды, от которой он словно бы неотделим: «Стенька напустил воды, раскинул кошму и подъехал к балкону; взял купеченскую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жегулинские горы» (Сад. С. 123, 126).

Та же способность управлять водной стихией позволяет разбойничьему атаману чудесным образом освободиться и освободить своих сообщников из острога⁵.

Нарисовал середь полу легку лодку и сказал: «Садись, ребята, со мной!» Полилась из острогу вода, отворилась дверь, и уехал Стенька в луга; увез с собой новых двенадцать человек, вернулся домой... (Сад. С. 130). Стенька Разин был из казаков из донских. Когда он предастся нарочи (нарочно), возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснут ложку воды, и поплывут из острога по городу, и песни поют (Макар. С. 40). И не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, на-

⁴ Книга моего деда Коркута. С. 91, 107–108, 162–163.

⁵ «...Из тюрьмы он избавляется, рисуя на полу мелом или углем лодку, — таким образом он переносится на Волгу и избегает преследований». Подобные способности свойственны и другим знаменитым разбойникам. «Так, мотив избавления от тюрьмы, путем изображения на полу мелом или углем лодки, приписывается и всем другим удалым волжским атаманам, более поздним по времени своих действий» (Лозан. С. 57, 62).

чертит угольком лодку, выльет воду — и поминай как звали! (Мамак. С. 139 [«Марина-безбожница и Стенька Разин»]). Когда его поймали, он просил воды. Ему не дали. А кабы дали воды, его было бы и не убить⁶. Стенька, едучи, сидит в железах да только посмеивается. Привезли его в Москву и посадили в тюрьму. Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травой — кандалы спали; потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку, и весла, и воду, все как есть, да, как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге (Кост. С. 439; Мад. С. 423; Макар. С. 40).

Ср. в народных песнях (относительно редкий случай тематического совпадения между преданиями и песнями о Разине):

Посадили же Стеньку / Во железную во клетку, / Три дни по Астрахани возили, / Три дни с голоду морили. / Попросил же у них Стенька / Хоть стакан воды напиться / И во клетке окатиться. / Он во клетке окатился — / И на Волге очутился (Емел. № 66). Ой да ты пролей-ка, пролей, / Сильный дожжичек, / Ой да ты размой-ка, размой / Земляну тюрьму. / Ой да земляна тюрьма развалилася, / Ой да все разбойнички разбежались, / Ой-да, на крутой горе собиралися: / «Ой да уж не воры мы, не разбойнички, / Ой да Стеньки Разина мы помощнички» (Бард. № 85).

Наконец, Разин прямо наделяется чертами природного духа, имеющего зоо- и орнитоморфные признаки: «днем он обрастает шерстью, а ночью шерсть с него сдирается», ночью он летает над Волгой и пр. (Рыбл. С. 41–45). В некоторых случаях он оказывается настоящим хозяином реки, который перемещается по ее течению: «плывет в струге под белыми шелковыми парусами. Стоит на носу и смотрит в воду» (Арист. С. 709–739; Цыб. С. 22), инспектируя свои владения⁷.

⁶ Шентаев Л.С. Древние традиции разинской прозы // Славянский фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 238.

⁷ Там же.

И вот в одно прекрасное время они [бурлаки] сели под крутым бережком обедать, а мимо них плывет человек на рогоже по Волге. Они и говорят: «Товарищ, выйди к нам, пообедай!» <...> Кончив путь до Рыбинска, бурлаки возвращались обратно. И во время сильного шторма остановились в Жигулях ночевать. Причалив судно, заварили свой ужин. Вечером из воды выходит к ним человек. «Здорово, ребята!» — «Здорово, товарищ!» — «Наверное не узнали?» — «Нет». — «А помните, вы меня пригласили и накормили под крутым бережком? И вот я хочу вас отблагодарить. За ваше угощение дарю я вам казну» (Бор., Мир. № 110).

Вот раз плывет шляпа по Волге. Бурлаки было нагнулись с плота и хотели взять шляпу, но лоцман их остановил и сказал: «Шляпу не берите, а то будет худо». Не послушались бурлаки лоцмана, подняли шляпу из воды. Не успели ее вынуть, как в это время из-под нее человек вышел и сказал: «Что вам от меня нужно? Хочешь я посуду потоплю!»⁸ <...> Я иду, — говорит он, — прямо по Волге, как по земле, до самой Астрахани, и смотрю за порядками, а вы мне мешаете итти!» <...> И опустился человек в воду, шляпа накрыла его голову и пошел он опять по дну Волги, как пешком по земле. Только шляпу его стало видать по воде, и она поплыла вниз по Волге до самой Астрахани (Сид., Круп. № 21).

Итак, Разин появляется перед бурлаками вечером, из воды, во время сильного шторма (первый пример), он передвигается по дну реки, так что на поверхности

⁸ Ср. описание реальной практики пиратских нападений: «Никто не решался сопротивляться. Бурлаки, тянувшие лямку, ложились на землю, рабочие, бывшие на судне, выбегали на палубу и тоже ложились в носовой ее части, лицом вниз. Наступала мертвая тишина. <...> Сопротивление влекло за собой смерть всех, начиная с хозяина, разграбление всего добра и потопление судна» (Сырнев И.Н. Среднее Поволжье // Россия: Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. VI: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / Под ред. В.П. Семенова. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1901. С. 413).

видна только шляпа, и иногда показывается людям (второй пример). Он «идет от Жигулей в Астрахань по дну Волги. Когда его вытаскивают из воды, принимая за утопленника, он грозит потопить барку и возмущается: “Чего вы меня трогаете? Я не по вашему делу плыву, а по своему”»⁹; не исключено, что этот комплекс мотивов, включая шапку водяного духа, является достаточно древним, о чем может свидетельствовать параллель из китайской мифологии:

В Западном море на воде живет человек. Он ездит на белой лошади с красной гривой. На нем белая одежда и пурпурная шапка. <...> Этого человека называют «посланцем Хэ-бо»¹⁰. Иногда он выходит на берег, и там, где ступит конь, появляется вода. В той стороне, где они проходят, дождь льется потоками. Вечером они возвращаются в реку¹¹.

Сам по себе мотив неприкосновенной шапки получает некоторое объяснение из особого отношения к головному убору в казачьих традициях, когда ношение шапки считалось обязательным для мужчин, ее утрата воспринималась как предвестие печальных событий, потеря шапки была равнозначна «потере головы», т.е. смерти ее хозяина¹², а сбитая с головы шапка рассматривалась как вызов на поединок¹³;

⁹ Шентаев Л.С. Древние традиции разинской прозы. С. 238.

¹⁰ Хэ-бо — дух-хозяин реки Хуанхэ.

¹¹ Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Пер. с кит.; послесл. Б.Л. Рифтина. М.: ГРВЛ; Наука, 1987. С. 315 («Книга о чудесном и необычайном» [«Шэньицзин», V–VI в.]).

¹² В одной из песен «разинского цикла» герою снится вещий сон: «Ой налетали ветры да буйны / Со восточной стороны, / Ой сорывали-то черну шапку / С моей буйной головы», а есаул истолковывает его следующим образом: «Степанушка ты наш, Тимофеевич, / По прозванью Разин-сын! / Сопалада у тебя с головы черна шапка — / Пропадет твоя буйна головушка» (Емел. № 80; Мякушин Н.Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. С. 41).

¹³ Воронин В.В. Шапка в традиционной культуре кубанских казаков // ЖС. 2013. № 2. С. 25–29.

последнее обстоятельство прямо расшифровывает гнев Разина, с которого бурлаки сняли шапку. Вообще, упоминание «шапки Разина» достаточно часто встречается в традиции.

«Холм называется “Шапкой Стеньки Разина”, потому что, будто бы, он оставил на нем свою шапку»¹⁴; «не трогал их [царские суда] и пропускал, и дани не брал. Царь за это прислал к нему в подарок шапку»; «...митрополит, стал он его, Стеньку, корить и говорит ему: “Вишь какая у тебя шапка — царский подарок; надобно, чтоб тебе теперь, за твои дела, царь на ноги прислал подарок — кандалы”» (Кост. С. 438–439)¹⁵, а «некоего образца шапка»¹⁶, «надетая на новый лад шапка» на голове атамана оказывается для казаков условным знаком о начале резни мирных и безоружных жителей персидского городка¹⁷.

¹⁴ «Широкое распространение в кубанской традиции нашел мотив забывания / потери шапки, что рассматривается носителями культуры как знак неминуемого возвращения владельца» (там же. С. 26).

¹⁵ Ср.: Рыблова М.А., Сергеева Н.В. Шапка-трухменка и шуба заветная: к вопросу об атрибутах и функциях казачьего атамана // Дикаревские чтения (9). Итоги фольклорно-этнографических исследований культур Северного Кавказа за 2002 год. Краснодар, 2003. С. 14–16.

¹⁶ Сумароков А. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб.: При Имп. Академии наук, 1774 [= СПб., 1815]. С. 4–5.

¹⁷ Стрейс Я. Три путешествия / Введ. А. Гайсиновича; пер. [с голл.] Э. Бородиной; ред., [вступ., ст., примеч.] А. Морозова. М.: ОГИЗ; СОЦЭКГИЗ, 1935. С. 200. (Иностранцы путешественники о России). Ср.: «...Т а к н а ч ь ю - н и б у д ь б е д у / Я непрошенный сегодня / Ночью сам к тебе приду”. / <...> / Ш а п к у н а у х е п о п р а в и л, / Поклонился и пропал...» (Садовников Д.Н. Зазноба // Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Биография. справки, подгот. текста и примеч. В.Г. Базанова, Б.Л. Бессонова и А.М. Бихтера. Л.: Сов. писатель. 1968. № 409. [Биб-ка поэта]).

ХОДЯЧИЙ ПОКОЙНИК — КЛАДОКОПАТЕЛЬ И КЛАДОУКРЫВАТЕЛЬ

...Один из его людей спросил его, на случай если с ним что-нибудь случится в сражении с шлюпами, знает ли его жена, где он закопал свои деньги? Он отвечал, что ни одно живое существо, кроме него самого и дьявола, не знает, где они, и тот из них двоих, кто проживет дольше, возьмет все.

Чарлз Джонсон (Даниель Дефо).

Всеобщая история пиратов

В волжских преданиях Разин предстает укрывателем своих сокровищ¹, никак не дающихся кладо-

¹ «На Руси означенный миф соединяется с именем Стеньки Разина, которому <...> народ приписывает сокрытие дорогих кладов. По берегам Волги, где он некогда гулял с своей вольницей, некоторые холмы носят названия: “Стол, Шапка, Бугры Стеньки Разина”, а одно ущелье слывет его Тюрьмою» (Аф. Поэт., II. С. 451). «Почти все предания рассказывают о кладах, якобы зарытых атаманом или его приближенными. По горному берегу Волги, начиная от Симбирска, почти под каждым холмом население предполагает лодку, наполненную золотом, зарытую разбойниками и очень часто Разиным» (Лозан. С. 54; Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. статья, редакция и примеч. А. Н. Лозановой. М.; Л.: Academia, 1935, № 53–57; Сид., Круп. № 22, 24–26). Комментируя упоминание темы «пиратских сокровищ» в жизнеописании знаменитого капитана Тича по прозвищу Черная Борода, И.С. Мальский замечает, что «реальные пираты никогда не закапывали захваченные богатства. Они, как правило, быстро проматывали награбленное, а изредка вкладывали в покупку плантаций или помещали в надежное дело» (Джонсон Ч. [Дефо Д.]. Всеобщая история пиратов / Пер., предисл., примеч., прилож. И.С. Мальского // День и ночь [Литературный журнал для семейного чтения]. 1999. № 3; цит. по: <http://www.krasdin.ru/1999-3/s053.htm>), т.е. речь опять-таки идет о фольклоре, хотя бы и фольклоре самих пиратов. Скорее всего, то же относится и к преданиям о разбойничьих (конкретно разинских) кладах; уместно, кстати, напомнить, что основным родом занятий Разина было речное пиратство — грабеж торговых судов и прибрежных (в том числе приморских) городов.

искателям, — характерный мотив преданий о кладах (Крин., X, 5, 7а).

По крайней мере, народ верит в это, и все длинное побережье, от Симбирска до Астрахани, все эти лесистые Жигулевские горы и песчаные голые бугры Стеньки Разина — в народном воображении до сих пор считаются местами, где зарыты бесчисленные клады: там лодка с серебром затерта илом на песках, здесь, в Жигулях, у Разина дупла — сундук полон платья, а сверху, как жар, горит икона, и заклята та поклажа на 300 лет; там, в полугоре, у спуска к Волге, зарыто 12 нош² серебра в чугуне, покрытом железным листом, здесь, в Шиловской шишке (горе близ с. Сенгилея), подвал, а в нем на цепях четыре бочки золота, охраняемого большим медведем (Макс. С. 163). Главный склад разинской казны находится в пещере между Царицыном и Золотым³.

Недоступность клада, как правило, связана с заклятием, наложенным на него самим атаманом.

Старые люди рассказывали, что давно видны были тут окопы, и погреба, и железные двери. В погребках Стенька спрятал свое богатство, и теперь там лежит, да взять нельзя, заклято! (Кост. С. 438). Захоронил свой клад в пещере и сверху положил камень с надписью: «Кто отвалит сей камень, найдет много золота, но сам он весь облысеет, и род его весь переведется» (Арист. С. 723; Цыб. С. 22). Вот один раз крестьянин из села Александровки задумал сходить сюда, спроведать зимовье и найти клады Стеньки Разина. И пошел. Только ступил ногой в зимовье — так сразу и обезножил. Нога отнялась у него, и никакого клада он там не нашел (Сид., Круп. № 24).

² Ноша — мера того, сколько может унести на себе сильный бурлак или крючник. — Примеч. С.В. Максимова.

³ Заварицкий Г.К. Из легенд и поверий Саратовского Поволжья о змеях // Этнографическое обозрение. 1915. № 3/4; Лозан. С. 54.

Наряду с Разиным-человеком в подобных преданиях фигурирует также Разин-призрак, мертвец, который приходит с того света, грабит людей и с награбленным возвращается назад, в подземное царство. В чувашском предании рассказывается, как однажды Разин явился к некоему пасечнику («пчелинцу»), забрал у него две кадки меду и деньги, после чего, посыпав каким-то зельем свое приобретение, провалился с ним сквозь землю (Арист. С. 723; Цыб. С. 25). По сибирскому преданию, он посетил скупца, похвалявшегося, что ему и Сенька Разин не страшен, будь он жив, — так надежно спрятаны его деньги.

«Я и есть Разин, пришел с того света тебя проучить. Говори, где клад, а не то твою голову с собой унесу». — «Клад под дубом, взять не можно». Тут Разин подпер плечом дуб, крикнул и повалил дуб на землю вместе с вырванными корнями, взял кубышку, насыпал ее желудями, желуди потяжелели, зазвенели и стали монетами. Земля тут разверзлась, и Разин ушел под землю в том месте, где рос этот дуб (Цыб. С. 25).

Разин сам охраняет спрятанные сокровища, ночами «объезжает все места, где положил свои клады по городищам и пещерам, по горам и курганам, а то и просто вдоль Волги» (Арист. С. 723; Цыб. С. 22), бережет эти сокровища, дабы воспользоваться ими, когда в конце света вновь появится на земле («Ведь клады-то все заговорены до пришествия Антихриста; как он, окаянный, придет, ему и богатство готово»⁴). Рассказывается, что «как-то одна богомолка (видимо, из ски-талици) выбрала себе удобную пещеру, повесила образок и начала усердно молиться. Молилась долго, наста-

⁴ Юрлов В.П. Этнографические очерки Симбирского Поволжья (Оскудение лесов, окольные заработки, бедность крестьян, рассказы кладоискателя) // Древности Симбирского края (www.simbir-archeo.narod.ru/ArcheoImenc/polibno/polivnom/jrlov.htm). Ср. предание о знаменитом пирате Эдварде Тиче (Черной Бороде) в эпитафии к этой главе (Джонсон Ч. [Дефо Д.] Всеобщая история пиратов).

ла ночь. И явился в пещеру Разин; тотчас со всех сторон пещеры выкатились бочки с золотом, он выгнал богомолку и сел считать деньги» (Арист. С. 724; Цыб. С. 25); странница еще дешево отделалась, подобная встреча могла закончиться для нее гораздо печальнее.

По некоторым объяснениям, кладоискатель, чтобы получить сокровище, должен совершить святотатство или убийство (видимо, человеческое жертвоприношение).

...Возле одного родника, «как прописано в записке, которая хранится у некоторых грамотеев», Степан Разин захоронил богатый клад: мраморный сундук, доверху наполненный золотом. Это клад выкупной, он дается только тому, кто положит на место его две белых мужских головы (Цыб. С. 22).

Зачастую такое заклятие связано со специальным распоряжением («волей», завещанием) Стеньки Разина. В некоторых случаях оно не оберегает клад, а, напротив, содержит объяснение, каким образом можно найти сокровище, поскольку именно с его изъятием должны прекратиться муки грешника: «Если бы кто-нибудь достал мой клад в Шатрашанах, тогда бы я умер; тогда бы и все положенные мною клады вышли наружу, а их одних главных двенадцать» (Арист.; Цыб. С. 26). Соответственно данный документ («письмо», «плант-бумажка», «записка») включает «опись» клада (подчас довольно подробную), обстоятельства его появления, координаты и приметы секретного места («На восточной стороне есть камень велик, а на камне зарублен вроде бы как крест, а от того камня иди к берегу, и у берега будут уступчики...» и т.п.), а также повеление, как следует распорядиться найденным сокровищем: «Кто клад достанет, так десятину себе, а девять десятин на дела Божьи, на построение храма Успенского» (Цыб. С. 22–23).

Тут пенек — дуб сквозь сверлом просверлен и заколочен черным дубом, и тут положены стволы и бомбы, и тут вырыт выход, и сделан, покрыт, положен пластинками дубовыми, и в нем положена братская казна, 40 ме-

дянок, а моей — купца Бабушкина, алаторскаво клюшника 40 тысяч, и его Ивана (вероятно, брата Стеньки) два сундука платья, сундук третий — запонки драгоценного жемчугу и всякие вещи драгие. Еще 4 пуда особого жемчугу и 7 ружей, а мое ружье стоит в правом углу, заряжено и заткнуто, а именно — травой. В середине стоит образ Богоматери не оцененный, украшен всякими бриллиантами. Это место кто найдет, и будет трясение одна минута, а расстоянием от пенька полста жирелей (оглоблей); а оный сыскавши, раздать сию казну по церквам 40 тысяч на белом коне, а раздавши — из моего турецкого выстрелить и сказать: «Вот тебе, Степан Тимофеевич сын Разин, вечная память!» А коню голову отрубить. А сия поклажа положена 1732 года. Прежде проговорить три молитвы — Богоматери, Архангелу Михаилу и Николаю Чудотворцу, а потом будет три трясения. — Списал шатрошанский мужик Семен Данилов в месяце июнь (Цыб. С. 27–28).

«Три трясения» — это землетрясение, сопровождающее окончательную смерть грешника: согласно самарскому преданию, человек, взявший разбойничий клад по указанию разинской тени («стени»), разыскал его труп, «впопыхах скоро сказал три раз вечную память; сам бегом со двора побег, пал на лошадь, тронул коня вожжей, но едва отъехал — потряслась земля, и провалился труп Стеньки и закрылся землей» (Сад. С. 131).

В другом (костромском) предании клад («три бочки с серебром») был во искупление греха брошен Разиным в Черемберчихское озеро, в котором атаман перед этим утопил колокол разоренного им Успенского храма, уничтожив также и все село. Сделал он это по наущению черемисского бога Керемети, вылечившего его от болезни ног⁵, когда христианские попы не смог-

⁵ Ср.: «Сколько ж ведомо, у черемис главная их молитва в сих токмо кратких словах состоит, *Мом Серляга Манеж*, т.е.: *Господи помилуй*. Жертву приносят они в называемых у них *Кереметях*, которые ни что иное, как загороженные пряслами березовые и другие кустья, где они раскладывая огонь, режут

ли справиться с этой задачей. Звон колокола из-под воды указывает на то, что грех прощен (Цыб. С. 22–23). Неясным остается, кому именно было преподнесено серебро (похоже, что духу-хозяину озера) и как эта акция сопрягается с прощением греха. Вероятно, здесь отразились особые дарообменные отношения разбойничьего атамана с духами воды; ср. в этой связи самый известный сюжет «разиниады» — утопление персидской княжны и его вероятные ритуалистические истоки, о чем речь пойдет дальше.

лошадей и варя едят, употребляя вышеозначенную молитву, а кожи с головою и с ногами в тех своих Кереметях, или огородах, развешивают на деревьях» ([Рычков П.И.] Топография Оренбургская, т.е.: Обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым: В 2 ч. СПб.: Имп. Академия наук, 1762. Ч. 1. С. 181–182).

ПРИКОВАННЫЙ И СПЯЩИЙ

*У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змия горынского,
Жду вестей из полуношных стран.*

.....
Благолепная да многохрамая...

А из ней хоть святых выноси.

*Что-то, чую, приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.*

Максимилиан Волошин. Стенькин суд

I

Стихотворение М. Волошина «Стенькин суд», написанное 22 декабря 1917 г., т.е. вскоре после большевистского переворота, построено на апокалиптическом мотиве «второго пришествия» Разина¹. Та же тема, но уже в регистре революционной прокламации, разработана в стихотворении А.В. Ширяевца «Стенька Разин» (1917)², впоследствии ставшем весьма популярным:

Нет, не умер Стенька Разин, / Снова, грозный, он идет! /
Не у Волжского кургана / Встал он с вольницей своей, /
Потянуло атамана / На Неву, к дворцам

¹ «Так за то на расправу на правую / Сам судьей на Москву ворочусь» (Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Вступ. ст. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. М.: Правда, 1991. С. 128–130).

² Ширяевец А. Стенька Разин // Ширяевец А. Алые маки: Песни последних дней. [Ташкент]: Кн-во «Коробейник», 1917; то же в сб.: Крылья свободы: Советский песенник и декламатор. Иваново-Вознесенск: [Подотдел агитации и пропаганды Иваново-Вознесенского губернского агентства ВЦИК], 1919; Крестьянские поэты — Октябрю / Сост. Ф. Чернышев. М.: Федерация Объединений Советских Писателей, 1927; Красные зори: Сборник песен. М.; Л.: ГИЗ, 1927. Ширяевец (Абрамов) Александр Васильевич (1887–1924) — один из «новокрестьянских» поэтов, прозаик, драматург, журналист; близкий друг Есенина.

царей... / <...> / И гудит ватага Стеньки / Все грознее и звончей, / Пересчитаны ступеньки / Лбами царских палачей... / <...> / Вьется стяг багряно-красный, / Близок, близок светлый час... / Нет, не умер Стенька Разин, / Дух свободы не угас!

Тематическим предшественником волошинского «Стенькиного суда» и особенно «Стеньки Разина» Ширяевца является стихотворение Н.П. Огарева «Гой, ребята, люди русские!»³, включающее мотивы столетнего сна Разина в горах и его пробуждения в качестве заступника, который возглавит жестокую расправу над богатыми и власть имущими.

Услыхал о том Стенька Разин сам, / Во горах что спал лет поболее ста. / Он, заступник наш, просыпается, / На помощь к нам собирается. / Подымайтесь наши головы, / От печалей преклоненные! / Разминайтесь наши рученьки, / От работы притомленные! / Мы расправу учинить должны, / Суд мирской царю да ворогам. / Припасайте петли крепкие / На дворянские шеи тонкие! / Добывайте ножи вострые / На поповские груди белые!⁴

Основным источником для Волошина была, по-видимому, книга Костомарова, точнее, ее завершающий раздел, в котором излагаются некоторые предания о Разине⁵ (см. табл. II).

Таблица II

Волошин	Костомаров
У великого моря Хвалынского,	«По синему морю, по Хвалынскому...» (текст, цитируемый Костомаровым)
Заточенный в прибрежный шихан	В одном месте набережный шихан (холм)...

³ Впервые издано в Женеве в 1869 г. как отдельная листовка без имени автора.

⁴ Огарев Н.П. Избранное. М.: Худ. лит., 1977. С. 279.

⁵ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 438–440.

Проклинают ли Стеньку в них Разина В воскресенье в начале поста? Зажигают ли свечки да сальные В них заместо свечей восковых?	«Ну, а бывали вы в Божией церкви, в обедне на первое воскресенье Великого поста? <...> А слышали, как проклинают Стеньку Разина?» «не зажигают там сальных свечей вместо восковых?»
Да на первом на струге, на «Соколе» ...	...на атаманском струге, носившем, по известиям народных песен, название Сокола...
Благолепная да многохрамая... А из ней хоть святых выноси. Что-то, чую, приходит пора моя Погулять по Святой по Руси.	«...как пройдет сто лет, на Руси грехи умножатся, да люди Бога станут забывать <...> тогда я пойду опять по свету и стану бушевать пуше прежнего. Расскажите об этом всем на Святой Руси!»

Опирался Волошин и на более широкий круг текстов. Согласно авторскому комментарию⁶, данный сюжет он почерпнул из известных ему фольклорных записей, в которых перечисляются разные признаки конца света, встречающиеся в народной апокалиптической традиции, в том числе самолеты и пароходы («самолетки и самоплавки») — одни из первых образов «технической эсхатологии»⁷.

...Вспомнилось старое волжское предание, по которому Разин не умер, но, подобно Фридриху Барбароссе, заключен внутри горы и ждет знака, когда ему вновь «судить Русскую землю».

⁶ В нем Костомаров не упоминается, как, кстати, и Огарев, — возможно, его стихотворение осталось неизвестным Волошину.

⁷ Белоусов А.Ф. Последние времена // AEQUINOX: Сб. памяти о. А. Меня. М.: Carte Blanche, 1991. С. 30; «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М.: Индрик, 2004. С. 393–396; Ахметова М.В. Конец света в отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. С. 144.

Иногда его встречают на берегу Каспийского моря и тогда он спрашивает: продолжают ли его предавать анафеме, не начали ли уже в церквах зажигать сальные свечи вместо восковых, не появились ли уже на Волге и на Дону «самолетки и самоплавки».

Стенька не умер, а заточен в горе на берегу Каспийского моря, где с восходом солнца до заката великий змей сосет ему сердце, и <...> со временем заклятье с него снимется и он снова придет судить Русскую землю⁸.

По преданию, Разин не только считает себя Божиим посланцем (*un envoyé de Dieu*⁹), но и рассматривается как «бич Божий», наказание, специально ниспосланное на Русь (как впоследствии и Пугачев¹⁰). Такая интерпретация Разина приписывается, в частности, опальному патриарху Никону, который якобы «заранее знал о разинском бунте из откровения Божия», считая, видимо, это восстание «Божьей карой царю за его роль в низложении Никона», и предупреждал: «Если решения Великого Собора не будут отменены, Россию постигнут еще большие бедствия»¹¹. Информатор Н.И. Костомарова, столетилетний старик, помнивший Пугачева, верил, что Стенька жив и придет снова как орудие Божьего гнева. «Стенька (говорил он) это мука мирская! это кара Божия! <...> Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька!» (Кост. С. 440). Ср.: «Пугачев с первого слова открылся ему. “Б о г у б ы л о у г о д н о , —

⁸ Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. С. 444 (коммент.; «народное преданье» из неоконченной статьи «Как Стенька Разин придет Русскую землю судить»); Он же. Россия распятая // Там же. С. 318.

⁹ Impressions de voyage en Russie par Alexandre Dumas. Paris: Michel Lévy frères, 1866. P. 8.

¹⁰ Пушкин А.С. История Пугачева // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. VIII. Автобиографическая и историческая проза. С. 267.

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XI–XII. М.: Голос, 1995 // Соч.: В 18 кн. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993–1998. Кн. 6. С. 274, 278.

сказал он, — наказать Россию через мое окаянство»¹².

В историческую беллетристику о Разине данный сюжет, естественно, не попадает, однако тематической параллелью ему является рассказ об аресте и доставке в Москву мятежника его крестным отцом Корнилой Яковлевым¹³, к чему мы еще вернемся.

II

В фабульный состав рассматриваемой легенды входит несколько мотивов, вообще специфических для данного сюжетного комплекса.

1. Бессмертие Разина и его ожидаемое «второе пришествие» (Mot. A571, 571.1, 571.2) — тема, весьма характерная для народно-утопической традиции, причем «узник мог представляться то невинным страдальцем, то осужденным грешником (разбойником, душегубцем)» (Аф. Поэт., II. С. 447–448).

Причин «бессмертия как наказания» несколько, среди них — связь грешника с нечистой силой. Так, уральский казак, собеседник Железнова, говорит о Разине, что он «с прибылью», и на вопрос собирателя, что это означает, отвечает: «Это значит, попросту ворожец, что чертями повелевает» (Лозан. С. 56¹⁴); согласно сибирской традиции, он «как бы дьявол был» (Макар. С. 40).

¹² Пушкин А.С. История Пугачева. С. 267.

¹³ Буганов В.И. «Розыскное дело» Степана Разина // Отечественная история. 1994. № 1. С. 29–30.

¹⁴ Здесь у автора, по-видимому, какая-то ошибка, по приведенной в статье ссылке данное сообщение у Железнова обнаружить не удалось. Надо добавить, что аналогичное предание существует и о Ермаке, который считался у казаков «полезным колдуном» и «имел в послушании у себя малую толику шишигов (чертей). Где рати не доставало, там он и выставлял их». Эта выразительная цитата со ссылкой на Железнова, но без конкретного указания часто воспроизводится в разных работах, однако ее конкретный источник в сочинениях уральского этнографа я не нашел.

«Колдун» по определению «злой» — это «оценка функций колдуна со стороны социума: заключающий в себе зло, причиняющий кому-либо зло, неблагоприятный для кого-либо, приносящий какую-либо беду, неприятности, враждебный членам социума <...> основная мотивировка его действий — творить зло под влиянием нечистой силы. <...> По народным представлениям, колдун — личность глубоко греховная. Грех уже одно то, что он стал колдуном, отрекся от Бога, — как известно, обряд посвящения нередко включает отречение от Бога, поправление креста»¹⁵.

В связи с мотивом чародейства и «сатанизма» атамана в преданиях развивается религиозно-дидактический мотив противления Божественной силе (Мад. С. 1–2; Сад. С. 135; Лозан. С. 57–58), который имеет некоторую поддержку в единогласном отзыве современников об отрицательном отношении Разина к церкви, ее служителям и обрядам. Богоборческих (в частности, иконоборческих) и антицерковных мотивов, используемых для описания особой греховности разбойничьего атамана, в разинской традиции достаточно много (Лозан. С. 57–58). Разин — святотатец, по преданию укравший и зарывший в землю икону Божьей Матери, которая останется там до Страшного суда, а сам разбойник будет столько же времени мучиться на земле (Мад. С. 6–7; Лозан. С. 58).

В долине, называемой «Попов Пчельник», есть землянка. В ней стоят три чана: с золотом, серебром и медью. На среднем чане лежит икона Божьей Матери, перевернутая ничком; а на иконе пистолет. Все эти предметы положил Разин, причем назначил драгоценности тому, кто прострелит икону в сердце. Тогда этот человек воспользуется драгоценностями атамана, за то и душа его будет на месте души атамана (Шахм. С. 73–74; Лозан. С. 54).

¹⁵ Мазалова Н.Е. Русский колдун... С. 48–49; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К.Д. Цивинной; примеч. Т.А. Бернштам, Т.В. Станюкович и К.В. Чистова; послесл. К.В. Чистова. М.: ГРВЛ, 1991 С. 421–423. (Этнографическая биб-ка).

Разин противостоит христианским установлениям¹⁶ (отменяет церковное венчание¹⁷) и символам, в первую очередь кресту, присутствия которого он вообще не переносит, что близко к фольклорному мотиву сын, проклятый родителями, не переносит присутствия икон (Лозан. С. 62).

Синбирск Стенька потому не взял, что против Бога пошел. По стенам крестный ход шел, а он стоит да смеется: «Ишь чем, — говорит, — испугать хотят!» Взял и выстрелил в святой крест. Как выстрелил, так весь своей кровью облился, а заговоренный был, да не от этого. Испугался и побежал. <...> Один сержант и догадай-

¹⁶ «...Я Царю благоверному изменил, над верой православной надругался, от Бога истинного отрекся, сатане треклятому предался, — и вот за то мучусь и страдаю теперь» (Жел. С. 60). «Он был ненавистник всего, что стояло выше его. Закон, общество, Церковь — все, что связывает личные побуждения человека, все попирала его неустранимая воля. Для него не существовало сострадания. Честь и великодушие были ему незнакомы. Таков был этот борец вольницы, в полной мере изверг рода человеческого...» (Кост. С. 352).

¹⁷ «...Заставлял он венчающихся, приплясывая, обойти несколько раз вокруг дерева, после чего считались они обвенчанными на Стенькин лад» (*he made the contracted couple to go several times round about a Tree dancing, and thus they were married after Stenko's mode*) [Записки иностранцев. С. 95, 108]. Проповедь Разина венчаться вне церкви подле вербы «имеет свое историческое объяснение»; о таком «обычае венчания, существовавшем до половины XVIII века среди Донских казаков, вернее — заключения гражданского брака, без попа, на станционном сборе, с соблюдением некоторых обрядов, или вокруг телеги на базаре или ярмарке, говорят в своих исторических записках и Евлампий Котельников, и священник Пивоваров. Следовательно, обычай этот не выдуман Разиным, а взят им из древних народных преданий» (Савельев Е. Степан Разин и народные песни о нем: Исторический очерк. Новочеркасск, 1910. С. 74–75 [= Донской литературный сборник. Вып. II. С. 67–82]). Е.А. Котельников (1774/1775–1852/1855) — есаул донского казачьего войска, основатель мистической секты духовосцев; священник С.Т. Пивоваров — автор записок «Из донской старины» (см.: Казачий вестник. [Новочеркасск, 1884]. № 40).

ся: зарядил пищаль крестом (с шеи снял), да в есаула и выпалил. Тот как сноп свалился. Стенька видит, что делать нечего, крикнул ребятам: «Вода!» [спасайся, значит] (Сад. С. 135). Он превращает в змею веревку, за которую держится плотник, ставящий на церкви крест, в результате чего тот падает с колокольни и расшибается насмерть (Мад. С. 1–2; Лозан. С. 57).

Неоднократно в записях устных преданий встречается мотив церковного проклятия мятежника, «богоотступника, душегубца, изменника, еретика» (Жел. С. 60).

Стенька прежде был умоленный, а теперь его двенадцать раз в год проклинаят¹⁸. Он одних церковей двенадцать штук настроил, а потом, значит, своих стал обижать — за это его и проклинали (Сад. С. 136).

Именно церковное проклятие явилось главным основанием для осмысления Разина как не могущего умереть (~ быть погребенным) великого грешника: «Не умираю и не умру, до Христова пришествия не умру»; «А всего горше для меня бывает в те дни, когда в церквях анафему мне провозглашают», причем особое значение, по-видимому, имеет то обстоятельство, что совершилось это при его жизни: «Меня з а ж и в о предали анафеме»¹⁹.

Еще одним (и не менее известным) грехом легендарного Разина является убийство Астраханского митрополита, пытавшегося уговорить атамана, «чтоб он покался и принес повинную Богу и государю».

Стенька осерчал на него за это. <...> Как взошли они на колокольню, Стенька схватил митрополита поперек, да и скинул вниз. «Вот, говорит, тебе мое покаяние!» За это его семью соборами проклинали! Товарищи его, как узнали, что он семью соборами проклят, связали его и отправили в Москву (Кост. С. 439).

¹⁸ Ср.: «И хотя каждый год по церквам на Руси / Человека того проклинаят...» (Навроцкий А.А. Утес Стеньки Разина // Вестник Европы. 1870. № 12).

¹⁹ Сад. С. 131; Жел. С. 60.

Во всех сюжетах данного типа грех, за который наказывается герой, — это соперничество с Богом / отцом²⁰, «ослушание отцовской воле» или «сопротивление божественной воле»²¹, причем нарушение вассальных отношений с высшей силой / сакральной инстанцией может дойти до открытого противостояния и даже вызова ее на поединок (например: «Был Арам-Хуту [= Амирани], ни с кем он не считался, спорил с богом»²²). Здесь также опознаются контуры легенды о сатане как о восставшем и низвергнутом ангеле (Откр. 20: 2–3, 7–10; Mot. A106.3., A106.2.2. З а п е р т ы й в п р е и с - п о д н е й [Берез. I48]); возможно, имеет место и ее непосредственное влияние на фольклорную традицию²³.

²⁰ Абрамян Л. Герой, прикованный на горе. С. 190.

²¹ Веселовский А. Прометей в кавказских легендах и мировой поэзии // Веселовский А. Этюды и характеристики. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1907. С. 785.

²² Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М.: ГРВЛ-Наука, 1966. № 27. С. 303. Амирани (Амиран, Амирандо, Арам-Хуту) — центральный персонаж грузинских, а также северокавказских эпических и мифологических преданий.

²³ Так, по албанским сказаниям, «черт прикован огромною цепью к скале. Он гложет цепи в течение целого года, и к Великой субботе звенья ее так тонки, как бобовые листья; но в Светлое воскресенье приходит Спаситель и приковывает дьявола новою цепью» (Hahn J.-G. Albanesische Studien. Jena: Verlag von Friedrich Mauke, 1854. Bd. I. S. 87–88 [= Dion. Karavias, Athen, 1981]; Миллер В.Ф. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам // Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа: Тексты, исследования / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. указ. А.И. Алиевой [отв. ред.]; подгот. текста, пер. с осет. М.И. Исаева. М.: Наука, 2008. С. 835. [Памятники отечественной науки. XX век]). Ср. с иранским Заххаком, который, согласно «Шахнаме» Фирдоуси (X в.), прикован в жерле потухшего вулкана Демавенд, откуда слышны его стоны (см.: Брагинский И.С. Заххак // Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. I–II. М.: Сов. энциклопедия, 1987–1988. Т. I. С. 462–463; Spiegel F. Eranische Alterthumskunde. Bd. I–III. Leipzig, 1871, 1877, 1878. Bd. I. S. 530–549). Заххак — от иранск. Ажи-Дахака, дракона, который скован цепью в жерле вулкана, откуда он вырвется перед концом света.

Согласно кабардинскому преданию о прикованном на Эльбрусе спящем великане²⁴ (видимо, версия легенды об Амирани, события которой и в грузинской традиции также бывают приурочены к Эльбрусу²⁵), этот персонаж «прежде был близок к великому Тха (Богу) за свое благочестие, но когда думал свергнуть его и стать выше, то погиб в борьбе и прикован к скале на вечные времена»²⁶. За вызов на состязание верховного бога богатырь Абрскил, защитник абхазского народа, прикован к железному столбу в Чилоуской пещере²⁷. Таким образом, еще до заточения персонажа может проявляться его некоторая двойственность. Так, осетинский Артавыз²⁸ «сотворен, чтобы принести людям добро, но стал учить их противоположному; если вырвется, сожрет людей»²⁹. Легенда, излагаемая в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, объясняет эту двойственность тем, что «драконородные [т.е. потомки Аждахака³⁰] выкрали младенца Артавазда и заменили его демоном» (*девом*). Сам автор относится к подобному поверью скептически («Мне представляется справедливой молва, что он как родился одержимым, так и скончался в одержимости»³¹); следовательно, если

²⁴ Кабардинский фольклор / Вступ. ст., коммент. и словарь М.Е. Талпа; ред. Ю.М. Соколова; общ. ред. Г.И. Бройдо. М.; Л.: Academia, 1936. Легенды об Эльбрусе (Ошха-Махо 'Счастливая гора'): «Прикованный старик» (с. 90–91) и «Мечь тха» (с. 91–92).

²⁵ Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос. С. 267 [№ 10].

²⁶ Миллер В.с. Кавказские предания... С. 827.

²⁷ Абрамян Л. Герой, прикованный на горе. С. 189. Чилоу — село в Очамчирском р-не Абхазии у южных отрогов Панаянского хребта.

²⁸ Мифологизированный в народной традиции царь Великой Армении Артавазд I (160–115 до н.э.), старший сын Арташеса I.

²⁹ Абрамян Л. Герой, прикованный на горе. С. 189.

³⁰ Дракон (*вишар*) армянской мифологии (от иран. *Ажи-Дахака*).

³¹ История Армении: В 3 ч. / Рассказана Мовсесом Хоренаци по просьбе Сахака Багратуни / Пер. с др.-арм., введ. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван: Айастан, 1990. Кн. II, разд. 61 («Царствование Артавазда и изгнание им братьев и сестер; его смерть в иносказательном описании»). Цит. по: www.vehi.net/istoriya/armenia/khorenaci/02.html.

историограф прав, легенда переводит информацию о реальной ситуации (душевная болезнь принца) на язык мифа о «подменышах»³² (в его локальной версии), более для себя естественный.

Легендарный Разин также противостоит Богу, царю и (крестному) отцу, что полностью совпадает с контурами рассматриваемого мифа. Первые две темы четко сформулированы в смертном приговоре, в церковном проклятии и в восходящих к нему легендах; сюда же следует отнести кощунственные и богоборческие деяния атамана, особенно убийство Астраханского митрополита. Что же касается третьей темы, то здесь имеется в виду конфликт Разина с его крестным отцом — войсковым атаманом Корнилой (Корнеем, Корнелием) Яковлевым, который, по преданию, пресекает бунтарскую деятельность крестника, — именно ему приписывается инициатива и осуществление выдачи раненого Стеньки царским властям.

Корнило подступил к Кагальнику и вступил с ним в переговоры. «Ты в опасности, — говорил он, — тебя или убьют, или выдадут. Дело твое пропало. Ты уже не в силах противостать могуществу царя. Принеси-ка лучше повинную и проси помилования. Я получил от великого государя грамоту о том, что он прощает тебя и желает тебя видеть в Москве. Поедем вместе; там ты расскажешь, какие обиды тебя искусили на воровство». Стенька мало верил таким убеждениям, но повиновался из отчаяния, потому что дело его было окончательно проиграно, а жизнью он не дорожил (Кост. С. 428).

Корнила заковывает его в цепи и командует конвоем, который везет Разина с Дона в Москву³³.

³² Виноградова Л.Н. Подменыш // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. IV. С. 98–103; Зин. VI 16, VI 16a; Айваз., Яким. I 16, 16a; II 3; ср. Березк. К73.

³³ Буганов В.И. «Розыскное дело» Степана Разина // Отечественная история. 1994. № 1. С. 29–30. В наказной памяти из Разрядного приказа от 5 мая 1671 г. говорится, что «Стенька

Хотя данные сведения, пересказываемые в книжной «разиниаде», восходят не к фольклору, а к различным фрагментам исторических описаний, тем не менее все они — по своему расположению в пространстве традиции — вполне соответствуют тематическому циклу мифа о скованном великом грешнике. Показательно, что и грузинский Амирани, один из наиболее характерных представителей данной галереи образов, является крестником Бога (~ Иисуса Христа), от которого получает свою силу³⁴, против которого выступает (иногда сам того не ведая) и который за это приковывает его до скончания века цепью к горе (~ внутри горы), кстати также прибегнув к хитрости.

Амирандо с малолетства был необыкновенно силен и наконец так этим прославился, что все стали взирать на него со страхом. Крестный [Иисус Христос] тоже обратил на него внимание и, так как его будущее не сулило ничего доброго, решил освободить от него людей. <...> Тут [на Эльбрусе] они увидели большую железную цепь и железный же столб. Крестный привязал к столбу цепь, другим ее концом обмотал себя вокруг пояса и вырвал столб. Потом снова воткнул столб в землю и говорит Амирани: «А ну попробуй ты». Амирани очень старался, но не смог вырвать столба. Тут гора перекрыла его сверху, как шлем. <...> Так он и остался привязанным к цепи³⁵.

Другой аспект подобного противостояния — проклятие отца, «небесного» или «земного». Согласно древним легендам, Артавазд, позавидовавший посмертной славе Арташеса («Вот ты уходишь и уносишь с собой всю страну; над кем же мне царствовать в этих разва-

---

Разин на Дону пойман и везут его к великому государю скована, а... за братом его за Фролком послано в погоню донских казаков в 10-ти стругах» (Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М.: Мысль, 1988. С. 66).

³⁴ «Тогда крестный прибавил ему силы и мощь колен» (Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос. С. 292 [№ 23]). См. также: Миллер В.С. Кавказские предания... С. 829; Чиковани М.Я. Амирани. С. 68–69.

³⁵ Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... С. 267 (№ 10).

линах?»), был проклят умирающим отцом: «Пусть тебя схватят нечистые [каджи] и повлекут вверх по склонам Азатн Масиса [Арарата]; там да пребудешь и света да не увидишь!» И действительно, он оказывается схвачен каджиями и скован цепями в одной из араратских пещер³⁶. Проклят, обречен на бессмертие и бездетность армянский эпический герой Мгер Младший, напавший на своего неузнанного отца³⁷. «Божьим проклятием» связан «крестник бога» Амирани, также поднявший руку на крестного, который принял вид прохожего старика³⁸. В «разинской легенде» место проклятия отца с функционально-семантической точки зрения занимает объявляемая ему по всем церквам анафема.

2. Особое место в мифологическом сюжете занимают цепи прикованного. Наложённые сакральным персонажем или по его распоряжению, они обладают не только особым статусом, но также и чудесными свойствами «самовосстановления». Значительная часть преданий о грузинском Амирани посвящена именно сковы-

---

³⁶ История Армении. Кн. II, разд. 61 (www.vehi.net/istoriya/armenia/khorenaci/02.html); Арутюнян С.Б. Артавазд // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. I. С. 106. Каджи — злые духи армянской и грузинской мифологии. Иногда данный сюжет переносится на мифического сына Артавазда — «сумасшедшего Шидара» (< Ашхадар [110–113], царь Великой Армении из парфянской династии Аршакидов), которому отец, умирая, не передал царства и который был скован и заключен богами «в черную гору, в старший Масис»; если цепи порвутся, он освободится и уничтожит землю (см.: Эмин Н. Моисей Хоренский и древний эпос армянский: Исследование, написанное по случаю V Археологического съезда в Тифлисе. М.: Тип. быв. А.В. Кудрявцевой, 1881. С. 76 и сл.; Миллер В.С. Кавказские предания... С. 831).

³⁷ Арутюнян С.Б. Михр. С. 160.

³⁸ «Бог принимает вид старца, сходит с неба и проходит мимо того места, где воткнута палка Амирана. Амиран кричит старцу вслед: «Погоди, вынь палку; а не то убью!» Бог отвечает: «Где мне, старцу, вытаскивать палку!» Но безжалостный Амиран, как раненый лев, бросается на старика. Тот быстро одним пальцем вытаскивает палку и налагает на Амирана проклятие» (Миллер В.С. Кавказские предания... С. 827–828, 829–830).

вающей его чудесной цепи. Когда в результате действий прикованного (дьявол пилит или гложет свою цепь³⁹), его собаки (которая лижет цепь⁴⁰) или его коня (который грызет цепь⁴¹) либо просто вследствие «естественного износа» цепь истончается, ежегодные обрядовые удары кузнецов молотами по наковальням (троекратные, при ритуальном молчании, в определенный день — в Великий четверг, в день св. Иакова [25 июля], в субботу вечером, по воскресным перед тем как запереть кузницу⁴² и т.п.) восстанавливают ее во всей целостности⁴³.

...Заточен он [Артавазд] в какой-то пещере, скованный железными цепями. И две собаки⁴⁴ непрестанно грызут эти цепи, и он рвется выйти и положить миру конец. Но от звона кузнечных молотов, говорят, его оковы крепнут⁴⁵. У Амирана была маленькая собака, которая ежедневно лизала цепь, и к Великому четвергу цепь готова была разорваться; но утром на рассвете этого дня кузнецы ударили по наковальне молотами, и цепь снова становилась целою⁴⁶. ...в некоторых местностях в Тиро-

³⁹ *Mannhardt W.* Germanische Mythen: Forschungen. Berlin: Verlag von F. Schneider, 1858. S. 87–88; *Hahn J.-G.* Albanesische Studien. Jena: Verlag von Friedrich Mauke, 1854. Bd. I. S. 87–88 (= Dion. Karavias; Athen, 1981); *Миллер Вс.* Кавказские предания о великанах... С. 835.

⁴⁰ Там же. С. 829.

⁴¹ Там же. С. 830.

⁴² *Эмин Н.* Моисей Хоренский... С. 76 и сл.; *Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 831.

⁴³ Там же. С. 830. В абхазском варианте это происходит после того, как некая «женщина в черной одежде <...> прикасается к ней [цепи] палкою» (*Веселовский А.* Прометей в кавказских легендах... С. 786).

⁴⁴ В связи с мотивом собака, сопровождающая заключенного в пещере ср. сирийскую легенду об Эфесских отроках, спящих чудесным сном в замурованной пещере (V в.); согласно коранической редакции (сура 18 [Аль-Кахф 'Пещера', аят 18]), их сопровождает собака Китмир, засыпающая и просыпающаяся вместе с ними.

⁴⁵ Кн. II, разд. 61 («Царствование Артавазда и изгнание им братьев и сестер; его смерть в иноказательном описании») [www.vehi.net/istoriya/armenia/khorenaci/02.html].

⁴⁶ *Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 829.

ле вечером накануне праздников кузнецы ударяют три раза по наковальне, чтобы прикрепить цепи Люцифера, который иначе может вырваться наружу и перевернуть мир. <...> В Вальдкирхене, в Нижней Баварии, последний оставляющий кузницу кузнец ударяет раз по наковальне, чтобы черт не мог перепилить своей цепи. Он пилит постоянно, так что ко дню св. Иакова (25 июля) цепь становится тонка, как нитка. Но в этот день, если исполняется обряд, цепь снова утолщается⁴⁷.

В свидетельствах 1670-х годов, начиная с непосредственного описания современником-иностранцем казни мятежника, образ «скованного Разина» фигурирует неоднократно, причем сам способ сковывания имеет близкие соответствия в некоторых кавказских преданиях, описывающих цепи прикованного к горе демона-богоборца.

А сам Разин на помосте под виселицей стоял с цепью вокруг шеи, и конец цепи был переброшен через верхнюю перекладину виселицы, у самой петли. От его пояса шла другая цепь, прикованная к обоим столбам виселицы, к тем же столбам были прикованы и руки его. Ноги (в одних только чулках) тоже были закованы. От помоста тянулась еще одна цепь, которая охватывала шею его брата, шедшего в оковах пешком⁴⁸.

Со слов черкесов (по рассказу турецкого историка Джевдета, 1782 г.), «на возвышенности Эльбруса в пещере жил узник Заххак, привязанный цепями за шею, ноги и талию, с руками, скованными в месте»⁴⁹. «На вершине ее [горы Эльбрус] есть громадный шарообразный камень, на котором сидит старик, <...> На шее, посредине тела, на руках и ногах тяжелая цепь, которою прикован он с незапамятных времен» (кабард.)⁵⁰.

⁴⁷ Там же. С. 835; *Mannhardt W.* Germanische Mythen. S. 87.

⁴⁸ *Хебдон Т.* Письмо Ричарду Даниелю. Новая Слобода, июня 6-го дня 1671 г. // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Т. I. Л.: Наука, 1968. С. 130.

⁴⁹ *Веселовский А.* Прометей в кавказских легендах... С. 786.

⁵⁰ *Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 827.

Подобные совпадения могут иметь разные причины. Согласно первому объяснению, Томас Хебдон передает в письме не «личное свидетельство», как можно предположить по тону письма, а «слухи» (упоминания о которых, кстати, есть в том же тексте), содержащие в себе элементы будущей легенды о том, как должен быть скован великий грешник (что косвенно подтверждается аналогичным описанием у Марция⁵¹). Другое объяснение сводится к тому, что сам подобный тип сковывания преступника-колдуна имел «ритуально-апотропейный» характер, — это может получить поддержку в исключительном характере сковывания Разина по сравнению с другими приговоренными, очевидно не вызывающими мистических опасений.

Если Хебдон (и вслед за ним Марций) говорит лишь о цепях, в которых осужденные были доставлены к эшафоту, то в русских документах, а именно в донесениях о захвате Разина, успех данного предприятия прямо или косвенно увязывается с вознесенными по этому поводу молитвами и проявлением милости Господней.

И милостию всесильного бога и заступлением пресвятыя богородицы и всех святых молитвами <...> атаман Корней Яковлев и все Донское войско под Когольником воров побили и вора Стеньку Разина с товарищи взяли [*Далее зачеркнуто*: и привезли в Черкасской и заковали в кандалы.] («Наказная память из Разрядного приказа... воеводе П. Хованскому», не ранее 6 июня 1671 г.)⁵².

⁵¹ «Он не достиг еще города, когда навстречу были высланы две тысячи стражи, чтобы охранять его покрепче: они схватили его, надели оковы на шею и ноги и поставили под виселицу, возвышавшуюся прямо на повозке. За ним, привязанный цепью, шел его брат Фролко, обвиняемый по тому же делу и тоже закованный, чтобы подвергнуться наказанию наравне с братом» (*Марций И.Ю.* Стенко Разин донски козак изменник // *Иностранские известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования* / Ред. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1975. § 28).

⁵² Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А. Швецова; ред. А.А. Новосельский,

...Марта в 12-й день соборне того вора прокляша и апреля в 14-й день волею праведною его владычнюю на Дону связан ужем железным от донских же казаков, которые обратились от злб своих и по своему челобитью и прошению получили от господа бога милость... («Сказка [т.е. донесение] всяких чинов людям о сдаче Астрахани...», 15 января 1672 г.)⁵³.

Таким образом, сковывание Разина происходит благодаря вмешательству божественной воли, придающей и самим оковам статус чудесного / сакрального предмета (ср.: «Бог обвинил его нитью, сотворил крестное знамение и превратил ее в цепь. “Пошевелись”, — сказал ему бог, но Арам-Хуту не смог разорвать цепи»⁵⁴; «в это время Христос накинул на него цепь, перекрестил ее»⁵⁵, и Амирани оказался прикованным к колу»⁵⁶). Отсюда, в сущности, остается только шаг до возникновения мотива о связанных цепей, связь которых с народным представлением о чародействе Разина логически правомерна. Хотя сам по себе данный мотив совершенно не характерен для фольклорных преданий о нем, он имеет прочную опору в книжной традиции. В романе А.А. Соколова «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» его магические способности обсуждаются «домовитыми» казаками, которые собираются арестовать знаменитого разбойника, но боятся его «чернокнижничества».

«Тюрьма его не удержит; железо против него не устоит, ведун он!» <...> «Как быть, чтобы не ушел Стенька, или рук на себя не наложил?» — «Засадить его в тюрьму». — «Велика важность! Какая его, ведуна, тюрь-

В.И. Лебедев. М.: Изд-во АН СССР, 1954, 1957, 1962 (Т. I–III). М.: Наука, 1976 (Т. IV). Т. III. С. 91 (№ 82).

⁵³ Крестьянская война, III. С. 183 (№ 166).

⁵⁴ Грузинские народные предания и легенды / Сост., пер. с груз., предисл. и примеч. Е.Б. Вирсаладзе. М.: ГРВЛ–Наука, 1973. С. 104.

⁵⁵ В тексте — «его», но это явная опечатка.

⁵⁶ *Чиковани М.Я.* Народный грузинский эпос... С. 280–281.

ма сдержит?.. Он водицей, что ему пить принесут, окатится, и очутится на Волге. Бывало это с ведунами». — «Так, так», — говорили на совете. «Заковать его», — предлагали робко другие. А им в ответ: «Что ему железо?.. У него завсегда с собою “разрыв-трава”; провел по железу — и нет его!» — «Правда, правда!» — повторяли опять. «Стражей его окружить», — шли предложения. А в ответ говорили: «А что ему стража?.. Наведет сон на нее, вот тебе и стража». Совет призадумался. Послали за старым священником. Пришел. «Почто тревожите?» — «Святого совета просим. <...> Надо нам его на Москву доставить, а он у нас уйти может. На тюрьму у него есть вода, все растворяющая, на железо — “разрыв-трава”, на стражу — сон лютый»⁵⁷.

Реплики казаков являются, в сущности, цитатами из народных преданий о Разине, точнее, довольно близкими их пересказами, долженствующими обосновать переход к следующему сюжетному действию — сковыванию мятежника «освященной цепью». Делается это по совету старого священника, который предлагает противостоять разинскому «ведовству» силой святости:

Ведун он... Злой ведун, сильный ведун. <...> Есть у него против тюрьмы окачивание — посадим его в церковном притворе; есть у него разрыв-трава против цепи железной — мы ее святою водою окропим. У него есть против стражи сон, а у стражи есть святая молитва⁵⁸.

Мотив встречается и в последующей литературной традиции:

Принимали нас с честью и с ласкою, / Выходили хлеб-солью встречать, / Как в священных цепях да с опаскою / Привезли на Москву показать⁵⁹.

⁵⁷ Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина. С. 154–157.

⁵⁸ Там же. С. 157.

⁵⁹ Волошин М.А. Стенькин суд. С. 128–130.

Яковлев (показывает цепи). Я — твоя судьба! / Ну что, отвоевался, баламутный? / Сковать его! (Казак сковывают Разина цепью.) Т и м о ш к а (за караулом). Он чародей — и цепи / Его не сдержат. Яковлев (садится на скамью). Сдержат. Мы же эти / Железы в церкви освятили⁶⁰.

В документальной повести Е.Ф. Лосева, посвященной жизнеописанию Ф.К. Миронова⁶¹, размышления о «разинских цепях» приписываются самому герою.

Цепи Разина в Старочеркасском соборе (со старой фотографии). Источник: <http://a-s-pushkin.ru/> «A-S-Pushkin.ru: Александр Сергеевич Пушкин»

Надпись возле нее: «Цепь Разина, на которой в Древнем соборе в 1671 году содержался Стенька Разин». Эту цепь, на которой он последовал к своему последнему шагу на этой земле, потом вернули в Черкасск и почему-то вмуровали в галерею Воскресенского собора. <...> Но почти все стремились увидеть эту цепь — то ли поклониться, то ли укрепиться в силах, то ли осудить богоотступника?.. <...> У всех было одно желание — встретиться лицом к лицу с этой цепью, которая как бы символизировала и выражала всю сущность Степана Тимофеевича Разина, бесстрашного и могучего атамана Войска Донского. <...> вес ее — ровно два пуда!⁶²

Превращение «цепей Разина», неизвестно откуда взятых спустя десятилетия после самой казни⁶³, в

⁶⁰ Рябухин Б. Степан Разин: Историческая хроника в стихах. М.: Мол. гвардия, 1983 (д. V, карт. 9).

⁶¹ Миронов Филипп Кузьмич (1872–1921) — войсковой старшина (подполковник) Донского войска, затем командарм 2-ой конной армией РККА.

⁶² Лосев Е.Ф. Миронов. М.: Мол. гвардия, 1991 (гл. 24) [цит. по: statehistory.ru/books/E--F--Losev_Mironov/24/].

⁶³ Одно из первых свидетельств: «Войсковой атаман Корнилий Яковлев открыв убежище Разина, разбил его... 14 апреля 1671

реликвию, сохраняемую в церковном притворе Старочеркасского собора⁶⁴, где, по легенде, после ареста содержался атаман⁶⁵, по-видимому, происходит много позднее. Возможно, здесь сказывается влияние цепей Михаила Никитича Романова, дяди будущего царя Михаила Федоровича (тоже двух- или трехпудовых), в 1601 г. сосланного в Ныроб (село на севере Пермского края) и там умершего.

года, взял его живого <...> приковал на цепь при дверях соборной церкви в Черкасске, где она и по ныне сохраняется под именем Разиновой цепи» (*Броневский В.Б.* История Донского войска: В 4 ч. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834) [цит. по: <http://rslovar.com/content/%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8B-%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%B1%D1%8B%D0%BB%D0%B8-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8B-%D0%B2-1979-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83>]. Генерал-майор Владимир Богданович Броневский (1784–1835) — военный писатель, историк казачества.

⁶⁴ Пропала во время реставрации собора (август 1979 г.); в настоящее время слева от входа в собор висит ее точная копия (см.: *Астапенко Е.* Старочеркасск — колыбель казачества. Ростов-н/Д.: Артель, 2011; цит. по: *Кандалы Степана* Разина были украдены в 1979 году // Ростовский словарь [<http://rslovar.com/content/%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8B-%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%B1%D1%8B%D0%BB%D0%B8-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8B-%D0%B2-1979-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83>].

⁶⁵ «Народ считал Разина за чародея и чернокнижника, а потому все верили, что его не могут держать ни стены, ни железо. Вот почему казаки после ареста Разина в Черкасске сковали его освященной цепью и содержали в церковном притворе, вполне надеясь, что только сила святых уничтожит его волшебство. Цепи эти, тяжелые наручники с заклепками, которыми руки были скованы назад, и толстая цепь для туловища и до сих пор находятся вделанными в правую сторону притвора Старочеркасского собора» (*Савельев Е.* Степан Разин и народные песни о нем: Исторический очерк. Новочеркасск, 1910. С. 78).

Я с ужасом смотрел на тяжкие оковы, которыми обременен был сей несчастный и кои поныне еще хранятся во храме того села. Тягость их почти невместна носить силе человеческой⁶⁶. Многие набожные люди чтут боярина как мученика и нередко простаивают церковные службы, возложив на себя его «вериги» <...> богомольцы постоянно надевают их на себя...⁶⁷

Данный культ является сугубо христианским, восходящим к поклонению цепям св. Петра⁶⁸ и дожившим до наших дней, в том числе как элемент «народной религии» в православной традиции⁶⁹, чем, вероятно,

⁶⁶ *Рычков Н.П.* Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб.: Имп. Академия наук, 1772. С. 123. «Первым по времени является свидетельство капитана Рычкова, дословно перепечатанное в Географическом словаре» (*Голубцов В.В.* Оковы боярина Михаила Никитича Романова // Известия Имп. Археологической комиссии. Вып. 53 [Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914]. С. 50): Словарь географический Российского государства, описывающий Азбучным порядком Географически, Топографически, Идрографически, Физически, Исторически, Политически, Хронологически, Генеалогически и Гералдически все Губернии, города и их уезды... и проч. [в 7 ч.] собранный Афанасьем Щекатовым. М.: Вольная тип. Федора Любиа, 1801–1808. Ч. IV. Отд. I (М–П), 1805. С. 764 (статья «Ныроб»).

⁶⁷ *Голубцов В.В.* Оковы боярина Михаила Никитича Романова. С. 40, 46.

⁶⁸ «...В ту ночь Петр спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу. И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его» (Деян. 12: 6–7). «Христиане, услышав о чуде, взяли вериги (цепи) и хранили их как драгоценность. Одержимые разными болезнями, приходя к ним с верою, получали исцеления» (Поклонение честным веригам святого и всехвального Апостола Петра // Православный Церковный календарь. Дни памяти: Январь 16, Июнь 29, Июнь 30).

⁶⁹ *Мороз А.Б.* Святые Русского Севера: Народная агиография. М.: ОГИ, 2009. С. 268–271, 281, 288. «Вериги преподобного, правда, уже на себя не возлагают, поскольку они хранятся

объясняется повышенное внимание к этой детали (сковывание цепью) в описании ареста Разина, а впоследствии — Пугачева⁷⁰. При этом возможность двойственной разработки темы (о священные цепи, сковывающие колдуна ~ цепи, сковывающие мученика и ставшие священными) полностью соответствует как амбивалентности образа Разина, так и двойному смыслу 'цепи' в легенде, в которой она бывает не только орудием пленения, но и средством спасения.

«Ступай, — сказал он [Амиран охотнику, попавшему в его темницу], — и принеси мне вашу (домашнюю) цепь [чтобы подтянуть перевязь лежащего поодаль меча], унеси ее, не говоря ни слова и, когда побежишь, не смотри назад, а не то дверь моей пещеры захлопнется» (осет.)⁷¹.

3. В предании яицких казаков, венчающем длинное повествование о похождениях мореплавателей на «безвестных кораблях»⁷² (включая ослепление

теперь в Никитской церкви, вблизи мощей святого. Повешенные по остроумному решению монахов на стену непосредственно перед иконой, они ложатся подходящему приложиться к ней на плечи или шею, так что человек ощущает всю их тяжесть» (там же. с. 305).

⁷⁰ «Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясицы, на цепи, привинченной к стене» (Пушкин А.С. История Пугачева. С. 99). В Музее Революции на Тверской (1-я пол. 1920-х годов) экспонировались «цепи Пугачева, которыми он был прикован к стене тюрьмы» (Гиляровский В. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М.: Моск. рабочий, 1959. С. 182–183).

⁷¹ Миллер В.с. Кавказские предания... С. 828.

⁷² «“Безвестный” корабль значит вот какая штука. <...> Наберется таких молодчиков (преступников. — С.Н.) не один, не два, а много-много-таки. Знамо, кормить их даром убыточно. Вот и велют посадить их на корабль — для этого и корабли особые имеются, старые, что выслужили срок, — да и выпустить в “киянь-море”. “Ступайте-ка, голубчики, на все четыре стороны, — скажут им, — “вы нам не нужны”» (Жел. С. 52–53). К

в е л и к а н а - л ю д о е д а [AaTh 1137]⁷³), героев в конечном счете прибывает к «земле турецкого (= турецкого) салтана», где в горной избушке Степан Разин незримо ожидает Страшного суда.

Положение великого грешника — исключительное, его «ни в рай не впустили, ни в ад не приняли», от него «и земля, и вода, и огонь, и воздух со ветрами буйными отказались» (Жел. С. 56–58, 60). Таким образом, он — отверженец в абсолютной степени, для которого в пространстве вселенной нет места; с этим связан мотив потери им своего естественного облика («Он сам ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет; весь оброс мохом, не зная ни губ, ни зуб» [Мамак. С. 139]) — вплоть до полной незримости, которая имеет «мерцающий» характер: он лишь изредка может показываться людям (по своей или по божеской воле).

Я видаю иногда, что поблизости меня люди ходят, но ни меня, ни избушки моей не замечают: невидимая сила, значит, закрывает

этому преданию автор дает следующее пояснение: «Без всяких, думаем, пояснений читатели поймут, и поняли уже, что тут речь идет о кораблях, отправляющихся в кругосветные путешествия» (там же. С. 55–56). Ср., однако, средневековый сюжет о «Корабле дураков», в соответствии с которым городская община погружает на старое судно, отработавшее свой срок, всех городских сумасшедших и отправляет его в плавание (наиболее известные аллегорические и сатирические воплощения данного образа — поэма Себастьяна Бранта [Базель, 1494] и картина Иеронима Босха [1495–1500]). Согласно М. Фуко, рассматриваемому параллельное существование литературного мотива и подобной практики избавления городов от безумцев, примерно в XV в. появляется жанр сочинений о «кораблях», чей экипаж состоит из героев или олицетворений добродетелей и пороков (см.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 30–34).

⁷³ Рассказ, очень близкий к соответствующим эпизодам в «Одиссее» (IX, 182–186) и в «Путешествиях Синдбада» (см.: Книга тысячи и одной ночи: В 8 т. / Пер. с араб. М.А. Салье. М.: ГИХЛ, 1958–1959. Т. V. С. 289–291 [ночи 434–606]).

(Жел. С. 61). Разин — скиталец, живя в лесу, он помогает приезжающим за дровами, но сам не показывается (Зайк. С. 4; Лозан. С. 58). По повелению Божию живет он на острове, и не всякий человек может видеть его (Мад. С. 7; Лозан. С. 59). Не всякому человеку дано его видеть (Сад. № 110; Лозан. С. 62); бывали даже случаи, когда он показывался людям (Аф. Поэт., II. С. 451).

Иногда эта мифологическая идея оборачивается запретом на обоюдный визуальный контакт отверженца и визионеров.

Однажды богомольцы, идя лесом, увидели на поляне огород. Но человека не видно было. Когда подошли они ближе, то увидели человека, который все время отворачивался от них и старался встать к ним спиной. После настоятельных расспросов им, наконец, удалось узнать, что этот человек — Стенька Разин <...> и ему запрещено видеть человеческое лицо (Мад. С. 6; Лозан. С. 58)⁷⁴.

Потаенность существования подобных персонажей вообще характерна для сюжетов данного тематического цикла, герои которого содержатся где-то очень далеко, в недоступных местах, не показывают себя, обнаруживаясь только в виде голоса, либо, напротив, сами слепнут.

«Не дано никому видеть его [Мгера], пока не придет Христос на [Страшный] суд» (Мелик-Огандж. С. 52). Не многие его [великана на горе Эльбрус в кабардинском предании] видели, потому что доступ к нему сопряжен с большими опасностями; никто не мог видеть его два раза: «кто пытался этого достигнуть — погибал»⁷⁵. Амиран был воспитан абхаз-

⁷⁴ *Абрамян Л.* Герой, прикованный на горе. С. 189 (в одном варианте Абрскил, освободившись, слепнет от дневного света и удаляется в горы; ср. со слепым отцом былинного Святогора).

⁷⁵ *Султан Хан-Гирей.* Мифология черкесских народов // Кавказ (газ.). 1846. № 35. С. 140.

цем из рода Цицибаевых. Цицибаевы пошли однажды вверх по реке Хадзильги, чтобы посетить Амирана, но не могли дойти до него: они только слышали его голос (абхаз.)⁷⁶.

Исключенность из системы естественных и регулярных коммуникаций может выражаться в избегании всяческого общения, в полном запрете контакта, в табуировании имени грешника — как если бы он был актуальным персонажем современности.

«Только разве «странние» [посторонние] какие окликнут иной раз: «дед, а дед?» — но ответа они не услышат (Зайк. С. 49). Человек имени своего не сказал, но поведал им, что много крови пролил он... (Мад. С. 7; Лозан. С. 59). Многие боятся произносить его имя, и почти никто не выскажет о нем всего, что знает и думает: опасаются говорить, как будто речь идет не о предании старины глубокой, а о важном преступнике, убежавшем из тюрьмы и преследуемом полицейскими властями (Кост. С. 429).

Таким образом, герой легенды может 'иметь некий облик' (выглядеть, как...), но 'показываться лишь иногда' / 'показываться не всякому' / встречаться в человеческом облике, но исчезать, как дух⁷⁷ / 'вообще не показываться' (= не иметь облика) / 'не отвечать', т.е. не коммуницировать вербально или визуально; возможно, такая затрудненная (~ избирательная) видимость связана и с неприютностью, со скитаниями изгоя.

С бессмертием (~ жизнью, продленной до Страшного суда) может быть сопоставлен мотив отсутствия его (~ скрытого, ненайденного) тела.

«Тело мое на огне сожгли, а прах развеяли по ветру»⁷⁸. <...> Тогда сила невидимая прах мой собрала и

⁷⁶ *Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 830–831.

⁷⁷ «...Встретил на Волге старца <...> с этими словами незнакомец исчез из глаз испуганного колониста» (Зайк. С. 48–49).

⁷⁸ Подобная процедура имеет в своей основе весьма архаическую семантику (*Неклюдов С.Ю.* Душа убиваемая и мстя-

оживила и вот в сии места уединенные поселила» (Жел. С. 60). Стенька Разин — еретик, / Днем в могиле лежит, / Ночью телеса наводятся — / По свету ходит, / Поклажи свои сторожит, / Ходит в золотой одежде, / Имеет бравый вид (Арист. С. 722–723 [запись Юрлова]).

Уместно в этой связи вспомнить следующую запись Пушкина:

Когда разлился Яик, тела [пугачевцев] поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибревши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: «Ты ли, Степушка? ты ли, мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» Но, видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала⁷⁹.

Разыскивание тела Разина (причем именно в реке) после разгрома пугачевского восстания согласуется с представлением о том, что Пугачев является его воплощением, вернувшись, как обещано, через столетие после своей гибели («Тогда иные думали, что Пугачев-то и есть Стенька Разин, столет кончилось, и он вышел из своей горы»⁸⁰. «А Степан Разин, умирая, обещал вернуться в Россию через сто лет и вновь начать свои подвиги. Он сдержал свое слово и назвался “Пугачевым”»⁸¹). Отсюда же и неверие в гибель самого Пугачева. Так, «качалка (виселица), выстроенная по приказанию Пугача около Дмитриевской церкви, простояла еще пять лет после его ухода; крестьяне боялись ломать качалку, думали, что Пугач жив и, пожалуй, снова вернется»⁸².

щая // Труды по знаковым системам. VII. Тарту, 1975. С. 68–69. [Ученые записки ТГУ. № 394].

⁷⁹ Пушкин А.С. История Пугачева. С. 372.

⁸⁰ Кост. С. 440; Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX — начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18). С. 48.

⁸¹ Валишевский К. Первые Романовы / Пер. с фр. М.: ИКПА, 1989. Гл. V. Бунт Стеньки Разина (X. Легенда о Стеньке).

⁸² Соколов М.Е. Предания... С. 146.

4. Грешника «не принимает земля», до Страшного суда он не может умереть (~ покончить с собой), «не умирает же он оттого, что его мать-земля не принимает»⁸³; по саратовским преданиям, земля не принимает «проклятых» (Минх. С. 20; Лозан. С. 62). Эта невозможность умереть совмещается с различными мучениями и / или сама по себе является наказанием (Сад. С. 131; Лозан. С. 61)⁸⁴.

Сам Стенька Разин жив до сих пор, сидит где-то в горе, стережет свои поклажи и мучится <...> мать сыра земля не захотела принять его костей, и потому нет ему смерти (Аф. Поэт., II. С. 447–448, 451). ...ни Волга-матушка, ни мать-сыра земля не приняли его. Нет ему смерти. Он и до сих пор жив (Кост. С. 439). «До Христова пришествия не умру: земля меня, душегубца и еретика, не принимает» (Жел. С. 60). «Меня земля не приняла за мои грехи: за них я проклят. Суждено мне страшно мучиться» (Кост. С. 440).

В некоторых кавказских редакциях данной темы мотив не принимает земля может заменяться на параллельный — не держит земля. Иногда так говорится о грузинском Амирани («он настолько могуч, что земля с трудом выдерживает его»⁸⁵), но прежде всего этот мотив специфичен для армянского Мгера Младшего, которого «не выдерживает земля» и который остается в скале «до разрушения старого и воцарения лучшего мира»⁸⁶. С определенной точки

⁸³ Мамакин Ив. Великорусские народные легенды. С. 139 («Марина-безбожница и Стенька Разин»).

⁸⁴ Andrejev N.P. Die Legende von den zwei Erzsindern // FFCommunications. № 9. Helsinki, 1924; Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 6. [№] 18–24 // [Соч.] акад. А.Н. Веселовского. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1891. С. 376–385 (Сб. Отд. русского языка и словесности Импер. Академии наук. Т. 53, № 6); Яворский Н.А. Памятники галицко-русской народной словесности. Вып. I. Легенды. Сказки. Рассказы и анекдоты. Киев: Тип. Кульженко, 1915. С. 282–284; Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. М., 1914. С. 91–97; Зел. С. 326.

⁸⁵ Чиковани М.Я. Амирани. С. 68–69.

⁸⁶ Абрамян Л. Герой, прикованный на горе. С. 190.

зрения в этом мотиве можно видеть блокирование опасной активности великана, потенциально демонического, связанного с силами хаоса и смерти, что изофункционально заточению.

Выводит из пещеры коня своего: / Но под ногами его коня земля поддается... (Мелик-Огандж. С. 126 [№ 58]); Но не велено ему выходить: / Земля не держит его, / Ноги его в землю уходят (Мелик-Огандж. С. 30 [№ 38]). Постарела земля, / Когда Мгер садился на коня, выезжал, / Конь по брюхо в землю увязал (Мелик-Огандж. С. 83 [№ 53]).

Однако в сказаниях о Мгере Младшем наряду с обычным «земля не держит меня (~ его)», т.е. он (~ его конь) вязнет в земле, встречается и форма «не примет тебя земля» (Мелик-Огандж. С. 164); значит, речь опять-таки идет о великом грешнике, который вынужден в виде непогребенного тела (часто «не вполне умершего») оставаться где-то на земле до Страшного суда; Мгер же — грешник, проклятый отцом⁸⁷. В этом втором, достаточно редком случае богатырь не может «войти в землю» (букв. ‘тебе нет входа в землю’, что даже специально комментируется при публикации: *не сможешь войти в землю* = ‘не умрешь’)⁸⁸, полный аналог рус. *земля не принимает*. При этом есть варианты, где неспособность героя умереть сочетается с мотивом *не держит земля*: голос отца из могилы говорит Мгеру, что его конь не может стоять на земле и его место — в Ванской скале, а завершает наказ словами: «Кто нерожденным родился, тот бессмертным умрет»⁸⁹; текст заканчива-

ется описанием огромного коня и замечанием: «Если бы земля его держала, [он] весь мир бы разрушил»⁹⁰. Таким образом, по проклятию отца Мгер должен находиться до Страшного суда в скале⁹¹ — в том числе потому, что его не держит земля, а по другим вариантам, вследствие этого проклятия он только заключен в скале, и лишь в финальной части сказано: в определенный день каменная дверь открывается, конь ступает на землю, но вязнет в ней, и всадник возвращается назад, чтобы далее ожидать наступления эпохи мифологического благоденствия. Иногда объясняется, что земля не держит его (и он не может выйти) вследствие измельчания человека и «хитроумности современного мира» (Мелик-Огандж. С. 235)⁹².

Следовательно, версии не противоречат друг другу, тяжесть героя — это одновременно и тяжесть греха, Мгер, как и Амирани, совершает много недобрых дел⁹³, а семантически структура обеих формул близка «по модулю», но противоположна по знаку: ‘невозможность войти в землю (= быть похороненным)’ vs ‘невозможность *не* войти в землю (= увязание в ней)’. Собственно, то же самое — в былинах о Святогоре, что позволяет увязать между собою мотивы *земля не держит* (о Святогоре) и *смерть [в бою] не писана* (приурочен к Илье Муромцу), как и сюжет *смерть Святогора*, причем по-русски оба выражения чрезвычайно близки также в плане языковом: *земля не принимает* — *земля не держит*.

⁸⁷ В соответствии с эпическими канонами «героического детства» (см.: Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. С. 52–54) Мгер рождается в отсутствие отца, едет его искать, вступает с ним, неузнанным, в бой, за что и заслуживает отцовское проклятие (сюжет бой отца с сыном: Петр. IV.V.2; Смирн., XI. 1–4; Астаф. V.Б).

⁸⁸ Сасна црер. Т. I / Ред. М. Абебян, в сопр. с К. Мелик-Оганджяном. Ереван: Госиздат, 1936 (на арм. яз.). С. 600 (№ 11).

⁸⁹ Там же. С. 377 (№ 8). О рождении Мгера здесь не говорится; возможно, такого отдельного сюжета не существует.

⁹⁰ Сасна црер. Т. I. С. 378 (№ 8).

⁹¹ Абрамян Л. Герой, прикованный на горе. С. 192–193.

⁹² Благодарю Левона Абрамяна за разъяснения, относящиеся к материалу армянского эпоса (личное письмо от 24 августа 2014 г.).

⁹³ Это соответствует возможному демонизму эпического героя (кстати, данный текст завершается фразой: «Род Давида из страны дэвов», т.е. демонов). Ср.: *Nekljudov S.Ju. Die Helden «Der Finstere» und «Der Wuetende» im mongolischen Epos // Fragen der mongolischen Heldendichtung*. Т. I. Vortraege des 2. Epensymposiums des Sonderforschungsbereich 12. Bonn, 1979 / Hrsgb. von W. Heissig. Wiesbaden, 1981 (Asiatische Forschungen, Bd. 72). S. 55–78.

5. «Мучение» заключается либо в вечном странничестве, либо в вечном заточении.

Тема вечного странника — в отличие от рассматриваемой далее темы вечного узника — обладает сравнительно узким семантическим полем и довольно бедна сопроводительными элементами. Разин-скиталец сугубо страдательный образ, что вообще свойственно данному типу («архетипически» — Агасферу, известному, кстати, и русской традицией⁹⁴). Это бродящий по лесу, сторонящийся людей и не отвечающий на оклики одинокий седой старик, который иногда помогает крестьянам, приезжающим за дровами, но сам не показывается (Зайк. С. 4; Лозан. С. 58); здесь Разин абсолютно подобен локальному духу-помощнику (леший служит человеку [Зин. А1 14ж]). Более всего он склонен помогать беглым и беспаспортным (Кост. С. 439–440), т.е. в известном смысле подобным себе самому. В сущности, такое поведение вполне соответствует одной из функций неупокоенного духа — помогать (иногда вредить) близким (~ таким же, как он; ср.: Зин. Б1V 4, Б1V 5, Б1 7д, Б1 7е и Б1 8б; Г1 14; Г1I 1а и т.д.)⁹⁵. Он встречается волжскому немцу-колонисту, представляется ему («Я — Стенька

⁹⁴ *Maier I., Beyer J., Šamin S.* Die Legende vom Ewigen Juden in einer russischen Übersetzung des Jahres 1663 // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. 2013. № 54. P. 49–73. Таким же грешником-скитальцем, которого не принимает земля, в русском фольклоре является разбойник Кудеяр (см.: *Иванов А.И.* Ворования крестьян... С. 73–75; *Лозанова А.Н.* Народные легенды и предания... С. 62).

⁹⁵ Ср.: «...шабер мой летошний год, зимой, за дровами ездил, далече, за Дурманную гору. Нарубил дров, стал было домой собираться, вдруг слышит, его голос раздаётся: “трогай, гнедой, я пособлю!” Оробел парень и топор из рук уронил. А он опять: “да ну же, трогай, гнедой, я пособлю!” И пошел по лесу и смех, и вой... Ну, шабер-то лошадь бросил да бегом в село. <...> приехали, смотрят, а гнедой-то стоит, да с холоду трусится, и дрова целы, и топор с пилой тут же, на санях, положены. — “Он” никого не обижает, только себя являет; так уж ему от Господа Бога положено» (Зайк. С. 48; Леший выдает себя хохотом [Зин. А1 2]; пугает людей в лесу свистом, пением, окриком... [Зин. А1 6]).

Разин — великий грешник») и велит передать «всем людям, русским и немцам, пусть живут в мире», после чего исчезает (Зайк. С. 48–49)⁹⁶.

Иногда он появляется в виде всадника — «выходит из своей темницы и носится на белом коне в золотой одежде» (Аф. Поэт., II. С. 451), «в заломленной папахе на белом бешеном коне, промчится — только его и видели. А то плывет в струге под белыми шелковыми парусами. Стоит на носу и смотрит в воду» (Арист. С. 722; Цыб. С. 22). Этот образ вполне вписывается в модели, с одной стороны, апокалиптического всадника («...и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”...» [Откр. 6: 8]), а с другой, спящего в горе, около которого «стоят разнузданные кони и, потрясая сбруею, производят сильный шум» (Аф. Поэт., II. С. 443); вспомним Мгера, скрывающегося в скале и выезжающего оттуда верхом на своем скакуне. Что же касается появления призрачного струга, наподобие «Летучего голландца»⁹⁷, то он, видимо, представляет собой inferнальную реплику выезда головного судна пиратской флотилии Разина, о чем речь еще впереди.

Вечный узник продолжает мучительную «жизнь после смерти» внутри пологого холма или другого скрытого жилища. Оно находится в каких-либо потаенных местах — на горе / в горе / в горной пещере, а также в лесной глуши или даже на острове⁹⁸, каковой, вероятно, представляет собой идеальный случай изоляции, полного исчезновения из мира; той же цели

⁹⁶ Обратим внимание, что этот пацифистский призыв к всеобщему успокоению, исходящий из уст духа раскаявшегося мятежника, относится 1907 г., т.е. ко времени после подавления бурных революционных выступлений 1905–1906 гг. и разгрома возникавших в этот период «республик».

⁹⁷ Драма которого, согласно «основной» версии, началась с утопившейся девушки, не пожелавшей стать женой капитана, убившего ее жениха; запомним это.

⁹⁸ «Человек <...> поведal им, что много крови пролил он и потому должен нести наказание за грехи. По повелению Божию, живет он на острове» (Мад. С. 7; Лозан. С. 59).

предельного удаления из человеческого сообщества служит и лесное обиталище (в дебрях, в болотах)⁹⁹. Однако чаще всего местом его пребывания является гора, мифологические представления о которой (особенно о ее скрытой внутренней части) устойчиво связываются со входом в царство мертвых и вообще в потусторонний мир, со спуском в подземное царство, с размещением там поверженных чудовищ, древних титанов, нечистой силы, проклятых, диких народов Гог и Магог¹⁰⁰.

Показательно употребление Костомаровым (и вслед за ним Волошиным) диалектизма *шихан* (из татарского), обозначающего 'холм, бугор, особенно крутой, островерхий, шатром'. Кроме того, *шихан* еще и поставленные домиком плоскости, а *составить доски шиханом* значит 'сослонить [прислонить одно к другому] шатром'. Наконец, выражение *шиханы ставит* употребляется в тех случаях, когда «морской лед ломает ветром и торосит, громоздит, ставит шатром» (каспийск., астраханск., оренбургск); это «зловещий для рыбаков (заходящих на десятки верст по льду в море) признак: за *шиханами* следует *взлом*, а там *относ* льда в море» (Даль, IV. С. 636). Следовательно, со словом *шихан* может ассоциироваться образ холма шатрообразной формы, полого внутри и связанного с ожиданием тревожного события или неблагоприятного поворота дела. В этом смысле использование здесь именно данной лексемы представляется семантически неслучайным.

Соответственно жилище Разина может быть представлено как пещера, горное ущелье, полуземлянка полуизба.

⁹⁹ Ср.: «Суворов <...> спит в дремучем лесу среди мхов и болот, в каменной пещере. Горит в ней неугасимая лампада, и слышится поминальная молитва о рабе Божиим Александре. И когда наступит на Руси самое страшное для нее время, когда покроется русская земля кровью боевому коню по шиколотку, пробудится Суворов, выйдет из пещеры и спасет свое Отечество» (Лебедева Е. Русский архистратиг // Православие.ru: Интернет-журнал [www.pravoslavie.ru/jurnal/28069.html]).

¹⁰⁰ Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира. Т. I. С. 311–314; Левкиевская Е.Е. Гора // Славянские древности. Т. I. С. 520–521.

[Когда] пропоют на селе петухи, тогда он снова уходит в свои дикие ущелья (Зайк. С. 49). По берегутянулись превысокие горы. Многоли, малоли ходили они по горам, да и наткнулись на избушку или землянку — все едино: не то изба, не то норавырыта была в горе (Жел. С. 58). Там над берегами стоят высокие, страшные горы. <...> Мы оглянулись: ан из щели, из горы, вылазит старик <...>. «Так знайте ж, я Стенька Разин» (Аф. Поэт., II. С. 451–452; Кост. С. 440).

Вообще, местом заключения в данном тематическом цикле всегда является такой локус, который представляет собой — на фактическом и символическом уровне — полное исключение заточенного из жизни и его предельную изолированность от людского сообщества: 'пещера', 'землянка', 'жерло вулкана' (Заххак, согласно «Шахнаме» Фирдоуси [X в.]¹⁰¹), «дикие ущелья», лес (бродит по городам и лесам, живет в лесу [Зайк. С. 49; Кост. С. 439–440; Лозан. С. 58]), остров, даже луна (осетинский Артавыз пригвожден внутри луны¹⁰²). В некоторых случаях формы изоляции могут удваиваться (пещера на острове).

В разных деревнях можно услышать рассказы, что не только Стенька Разин, но и Гришка Отрепьев, Ванька Каин и Емелька Пугачев до сего дня живы и скрываются в змеиной пещере на том острове, где живут получеловеки¹⁰³, или сидят, заключенные в Жигулевских горах (Аф. Поэт., II. С. 452).

¹⁰¹ Прикован в жерле потухшего вулкана Демавенд; по преданиям, оттуда слышны его стоны (см.: Брагинский И.С. Заххак. С. 462–463; Spiegel F. Eranische Alterthumskunde. Bd. I. S. 530–549).

¹⁰² Абрамян Л. Герой, прикованный на горе. С. 189.

¹⁰³ *Получеловеки* — «баснословные люди об одном глазе, одной руке и одной ноге, которые, чтобы двинуться с места, принуждены складываться по двое, и тогда бегают с изумительной быстротой: они плодятся, по русскому поверью, не вследствие нарождения, а выделявая себе подобных из железа. Дым и смрад, исходящие из их кузниц, разносят по белому свету повальные болезни: мор, оспу, лихорадки и т.д.» (Н. О недостатках веры в русском народе // Дух христианина. 1861/1862. № 12. С. 275).

В этом последнем примере Разин и его компания включаются в число гигантов, порождений первозданного хаоса, ввергнутых в недра земли (~ горы¹⁰⁴), с чем согласуется его причисление к древним великанам — асилкам (Макар. С. 40), которые возгордились своей силой, стали угрожать богу и были им уничтожены¹⁰⁵. В этой связи вспоминается низвержение побежденных титанов в античной мифологии и их заключение в недрах земли¹⁰⁶.

Надо добавить, наконец, что сам по себе мотив ухода в скалу симметричен мотиву выхода / происхождения из скалы / камня (*петрогенез*) и, в свою очередь, близко связан с культом гор¹⁰⁷, а появлению (выходу) человечества из горы (~ из расселины в скале [Mot. A1234.2, A1245.3]) соответствует создание человека из камня (~ из горы [Mot. A1245, A1245.5]). Именно эти мотивы, лишённые исходной этиологической направленности, используются в сюжетосложении данной легенды.

¹⁰⁴ Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. I. С. 313.

¹⁰⁵ Бараг Л.Г. «Асилки» белорусских сказок и преданий. С. 18–29; Иванов В.В., Топоров В.Н. Асилки // Мифы народов мира. Т. I. С. 112–113.

¹⁰⁶ «Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном, / Были ужасны и стали отцу своему ненавистны. / <...> / Ко Бриарею, и Котту, и Гиесу с первого взгляда / В сердце родитель почуял вражду и в оковы их ввергнул, / Мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь. / В недрах широкодорожной земли поселил их родитель. / <...> / И Титанов отправили братья / В недра широкодорожной земли и на них наложили / Тяжкие узы, могучеством рук победивши надменных. / <...> / Там-то, под сумрачной тьмою подземною, боги Титаны / Были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных / В месте угрюмом и затхлом, у края земли необъятной. / Выхода нет им оттуда...» (Гес. Теог., 152–156, 609–612, 721–727).

¹⁰⁷ См. по этому поводу: Heissig W. Felsgeburt (Petrogenese) und Begkult // Fragen der mongolische Heldendichtung. Teil 2. Wiesbaden, 1982 (Asiatische Forschungen, Bd. 73).

6. Муки грешника. Обычно истязателями Разина являются змеи и прочие гады (~ два змея, ящерицы, лягушки и т.д.), пьющие его кровь, сосущие его сердце, грызущие его тело (Аф. Поэт., II. С. 452; Мад. С. 6–7; Кост. С. 440; Лозан. С. 58–59; Завар. С. 77–87):

Однажды ночью старуха заблудилась в лесу, она зашла в избушку. <...> В этой избушке жил старик. Вдруг среди ночи влетели в избушку два змея и стали пить кровь старика, оказавшегося Стенькою Разиным (Мад. С. 7; Лозан. С. 59). Мучится он в Жигулевских горах, будто у него две бабьи груди и обе сосут змеи... (Арист. С. 709–739). «Теперь же пока тиранят меня два змия ужасные» (Жел. С. 59–60). По другому преданию, по ночам в землянку Стеньки Разина является целая стая змей и гадов и пьёт его кровь¹⁰⁸.

В стихотворении Волошина мучитель грешника назван «змий Горынский»¹⁰⁹, что похоже на стилизо-

¹⁰⁸ Записки Имп. Русского географического о-ва по отдел. этногр. СПб. Т. I. С. 722–723; Аф. Поэт., II. С. 452.

¹⁰⁹ Данное обозначение обнаруживается также в «Повести о Светомире Царевиче» Вяч. Иванова (кн. 3, X, 3) — среди прочих имен из пантеона славянской и псевдославянской мифологии: «Горынский змий клада глубинного держатель» (Иванов Вяч. И. Повести о Светомире Царевиче // Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1979. Т. I. С. 316); здесь, кстати, этот «Горынский змий» вполне оправдывает свою фольклорную репутацию хранителя подземных кладов (см.: Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. С. 154–155). Ср. также: «Ужалить ужалю ненароком, на то я и змея Горынская...» (Иванов Вяч. И. Повести о Светомире Царевиче. С. 265 [Кн. 1, IX, 11]). Об этой повести см.: Венцлова Т. О мифотворчестве Вячеслава Иванова: «Повесть о Светомире царевиче» // Cultura e memoria. Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II: Testi in russo. Firenze, 1988. С. 41–42 (= Венцлова Т. Собеседники на пиру: Статьи о русской литературе. [Vilnius:] Baltos lankos, 1997. С. 117–140); Топоров А.Л. «Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова и «Сказание о Мамаевом побоище» // Русская литература. 2011. № 4. С. 111–117. Сама «Повесть» писалась много позже «Стенькиного

ванную модификацию фольклорного Змея Горыныча, тем более что обозначение *змея горынская* встречается в былине, хотя и изредка (Кир., IV. С. 13); «оно происходит от слова *гора* и есть отечественная форма, означающая сына горы» (Аф. Поэт., II. С. 528). Надо добавить, что у уральского диалектизма *горинский* 'имеющийся на горах, горный'¹¹⁰ есть омоним — прилагательное *горинский*, образованное от слова *гóre* и встречающееся в «Повести о Горе-Злочастии» («Ахти мне, Злочастие горинское, до беды меня, молотца, домыкало...»¹¹¹). Хотя данный пример, едва ли не единственный, может оказаться окказиональным словообразованием в тексте XVII в., он все же указывает на определенный семантический обертон данного определения.

Тема вечной муки грешника, терзаемого змеями-вампирами, змеями-людоедами, характерна в первую очередь для духовных стихов о Страшном Суде («Змеи груди их высосаемы / И сердце их вытягаемо»; «Чародеи отыдут в тяжелый смрад, / И ясти их будут змеи лютые» и т.п.), встречается она также в апокрифических памятниках¹¹²; видимо, именно в таких текстах следует искать источник соответствующего мотива преданий о Разине. Уместно, впрочем, напомнить об особых отношениях атамана-колдуна со змеями (Мад. С. 1–2, 4; Жел. С. 103, 135; Зел. С. 65; Лозан. С. 57; Рыбл. С. 41–45), которыми он управлял при жизни (что в свою

суда» (первая книга датируется 1928 годом), и нет ничего невозможного в том, что Вяч. Иванов использовал здесь заимствованное ему выражение из волошинского стихотворения (как, впрочем, не исключено и наличие общего источника у обоих поэтов, каковым вполне могло бы оказаться хорошо известное читающей публике собрание песен П.В. Киреевского).

¹¹⁰ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, 1972. С. 36а.

¹¹¹ Повесть о Горе-Злочастии / Подгот. изд. Д.С. Лихачева, Е.И. Ванеевой. Л.: Наука, 1984. С. 13.

¹¹² Лозан. С. 61–62; Бессонов П. Калеки переходные: Сб. текстов и исследование. Т. 1–2. Вып. 1–6. М.: Тип. А. Семена, 1861–1864. № 94 (и сл.), 121, 503; Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1863. С. 30 (и сл.), 52, 93.

очередь корреспондирует с его властью над водной стихией) и которые оказываются исполнителями назначенного ему наказания¹¹³. Следует, наконец, добавить, что сам по себе этот мотив является органической частью данного мифопоэтического цикла, для которого нападение на узника змея-терзателя есть вполне естественное событие. Так, когда Амирани за свою богоборческую строптивость был прикован к склону Казбека (Мкинварцвери), дракон, извечный враг богатыря, сползает с вершины этой горы, собираясь проглотить его¹¹⁴.

Значительно реже в преданиях о Разине в таком качестве фигурируют пернатые хищники: «Птицы, змеи и различные гады прилетают и приползают к нему в жилище и терзают его тело»; «Лежит он [труп Разина] где-то за Волгой в дремучем лесу, в топком болоте. Воронье слетается клевать его; змеи сосут его» (Лозан. С. 58); «Каждый полдень прилетает к нему птица и клюет его печень»¹¹⁵ (Мад. С. 7; Лозан. С. 58–59), хотя в более широком контексте терзание прикованного чаще осуществляется именно хищной птицей (орлом, коршуном, вороном и пр. [Mot. A1074.4; Березк. С33]).

На высоком хребте Кавказа прикован Амирани, прикован, / Над ним кружатся коршуны и сердце разрывают

¹¹³ Вспомним пародийное использование сюжета о «спящем избавителе» (AaTh 799) в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Богатырь» (1886): «И вот прошло сто лет, потом двести, триста и вдруг целая тысяча. Горько тужили в ту пору старики, горько зывали: “Приди, Богатырь, рассуди безвременье наше!” А он, вместо того, в дупле проспал. <...> Подошел в ту пору к Богатырю дурак Иванушка, перешиб дупло кулаком — смотрит, а ну Богатыря гадюки туловище вплоть до самой шеи отъели» (Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки. М.: ГИХЛ, 1951. С. 245–247). Учитывая все приводимые далее версии предания, включающие мотив терзания от змея / змеи, данная концовка едва ли является случайной.

¹¹⁴ Грузинские народные предания и легенды. С. 102 (№ 57).

¹¹⁵ Эта форма практически полностью совпадает с 'терзанием Прометей' (Apollod. I 7, 1), что вызывает некоторое подозрение в прямом и позднем заимствовании.

ему¹¹⁶. Ему постоянно клюет печень орел¹¹⁷. Мгер Младший прикован к скале по воле верховного божества, и ворон клюет его почки¹¹⁸.

«Системное» соотношение в мифологии птицы и змеи в принципе допускает возможность их антонимического чередования¹¹⁹ (обратим, кстати, внимание на то, что орел Зевса, ежедневно клюющий печень Прометея, является порождением полуженщины-полужмеи Ехидны и многоголового дракона Тифона, будучи тем самым по своему происхождению связанным с серпентоморфным миром). В этом плане Разина, терзаемого змеями, и Локи, истязателем которого является змея (яд из ее пасти каплет на наказуемого)¹²⁰, следует, видимо, считать «значимыми исключениями».

Существует, наконец, еще одна, редкая, форма «терзания плоти» грешника: «Разин лежит в лесу на боку; острые камни вонзаются в его тело» (Шахм. С. 73–74; Лозан. С. 58); этот случай можно было бы считать уникальным, если бы не чрезвычайно выразительная параллель, относящаяся к сюжету того же тематического цикла: асы «взяли три плоских камня и поставили [их] на ребро, пробив в каждом по отверстию. Потом <...> привязали Локи к тем трем камням. Один упирается ему в плечи,

¹¹⁶ Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... С. 275 (№ XII).

¹¹⁷ Чиковани М.Я. Амирани. С. 68–69.

¹¹⁸ Арутюнян С.Б. Михр. С. 160. Ср. вещего ворона (аграв), указавшего Мгеру путь к скале, после чего она получила название Агравакар ('воронова скала').

¹¹⁹ О подобном типе чередования см.: Неклюдов С.Ю. Вариант и импровизация в фольклоре // Петр Григорьевич Богатырев: Воспоминания. Документы. Статьи / Сост. и отв. ред. Л.П. Солнцева. СПб.: Алетейа, 2002. С. 230–243.

¹²⁰ «Тогда Скади взяла ядовитую змею и повесила над ним, чтобы яд капал ему в лицо. Но Сигюн, жена его, стоит подле и держит чашу под каплями яда. Когда же наполняется чаша, она идет выбросить яд, и тем временем яд каплет ему на лицо. Тут он рвется с такой силой, что сотрясается вся земля. Вы зовете это землетрясением. Так он будет лежать в оковах до Гибели Богов» (Мл. Эдда. Виден. Гюльви, 50; Ст. Эдда. Перебранка Локи» [заключительный фрагмент], Прорицание провидицы, 34–35).

другой — в поясицу, а третий — под колени. А привязь эта превратилась в железо» (Мл. Эдда. Виден. Гюльви, 50).

7. Терзания грешника, как правило, имеют ц и к л и - ч е с к и й х а р а к т е р.

...С восходом солнца до заката великий змей сосет ему сердце¹²¹; как только пропоют петухи — муки его прекращаются¹²². «Два змея сосали меня — один змей со полуночи до полудня, другой со полудня до полуночи; сто лет прошло — один змей отлетел, другой остался, прилетает ко мне в полночь и сосет меня за сердце» (Кост. С. 440; Аф. Поэт., II. С. 451–452). «Теперь же пока тиранят меня два змея ужасные. По Божьему велению, в месяц раз, они приползают ко мне и сосут кровь из меня, почти всю до капли высасывают. Один запустит жало под мышку, а другой под другую, и таким родом точут кровь мою» (Жел. С. 59–60).

По завершении экзекуции истерзанная плоть бессмертного грешника чудесным образом восстанавливается, и мучения повторяются вновь, становясь тем самым «вечными муками».

С восходом солнца они покидают его, оставив от него только душу и кости. За день тело его опять нарастает, чтобы ночью снова подвергнуться мучениям (Шахм. С. 73–74; Лозан. С. 58). «Я мучусь, к полудню умираю и лежу совсем мертвый, а после полудня оживаю...» (Кост. С. 440; Аф. Поэт., II. С. 451–452). «Третьего дня они у меня были, — вот и раны, посмотрите, не зажили еще; а через двадцать семь — восемь дней, как я поправлюсь, кровью-то соберусь, они опять приползут» (Жел. С. 59–60). Выклеванная печень за ночь нарастает для новых мучений (Мад. С. 7).

¹²¹ Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. С. 444 (коммент.; «народное преданье» из неоконченной статьи «Как Стенька Разин придет Русскую землю судить»).

¹²² Записки Императорского Русского географического общества по отдел. этногр. Т. I. С. 733; Аф. Поэт., II. С. 452.

Данный цикл регенераций накладывается на гораздо более медленный ритм, в соответствии с которым периодически (раз в год, в семь лет, в столетие и т.п.) нарушается замкнутость скрытого от людей обиталища¹²³; эта периодичность (цикличность) появления 'терзателя' / открытия скалы / истончения цепи соответствует мифологическому характеру самого сюжета. Изредка прерывание изоляции происходит в отсутствие каких-либо свидетелей¹²⁴, но обычно 'открытие входа' совпадает с нечаянным (редко — санкционированным свыше¹²⁵) проникновением в скрытое убежище некоего визионера (либо с иным контактом героя с людьми). Перед посетителем, чаще всего случайным (охотником, пастухом, странником), внезапно появляется ранее недоступное жилище, открывается дверь в пещеру, вход в полость горы, где пребывает спящий или заточенный персонаж¹²⁶. «Вот вы первые увидели и зашли ко мне: значит, невидимая сила над вами сжалилась, чтобы вы не умерли с голоду», — говорит Разин в уральском предании (Жел. С. 59–60). Иногда установление контакта сопровождается темой 'страха', испытываемого визионером (реже — не испытываемого, но все же артикулируемого: «И рыбаки не боятся его — сотворив крестное знамение, они проезжают мимо...» [Зайк. С. 49]).

¹²³ Например, вход в гору, где прикован Амирани, открывается раз в семь лет / раз в сто лет (см.: *Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 830; *Чиковани М.Я.* Народный грузинский эпос... С. 248 [№ V], 270 [№ XI], 280 [№ XIV]; *Он же.* Амирани. С. 68–69).

¹²⁴ Так, один-два раза в год (~ в ночь на Вознесенье, каждую субботу) открывается дверь в пещеру, Мгер выходит из скалы и пробует, не окрепла ли земля, но, убедившись, что она по-прежнему не выдерживает его тяжести, «лишь только истекает срок его — три часа», возвращается в скалу (Мелик-Огандж. С. 30 [№ 38], 126 [№ 58], 301 [№ 62]; *Арутюнян С.Б.* Мхр. С. 160).

¹²⁵ «Один охотник сбился с пути, и Бог его привел как раз к двери Амирановой пещеры. У пещеры была медная дверь; Бог ее отворил» (*Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 827–828).

¹²⁶ «Некоторым счастливицам удавалось посещать эти горы [где спит заклятое воинство со своим вождем], в период их кратковременного раскрытия» (*Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. С. 442).

«Я, говорит он, Степан Разин». <...> Тех так и ошеломило. <...> только бледнеют да пучат глаза. <...> «Вы не бойтесь», — говорит он (Жел. С. 59). Охотник с испуга отшатнулся назад. «Не бойся, мое солнце, меня, я Амиран и связан божьим проклятием! — сказал великан¹²⁷. Однажды мимо Амиранова дома, в то время когда ворота были отворены, проходили крестьяне, и увидя Амирана пустились с испуга бежать¹²⁸. Взглянув на них [спящих в пещере праведников], ты бросился бы бежать прочь и пришел бы в ужас (Коран, 18-я сура [Аль-Кахф 'Пещера'], аят 18).

Такой контакт всегда кратковременен и после прекращения не может быть возобновлен¹²⁹; визионер, которому один раз открылось потаенное жилище, никогда более не находит вход в него.

...Мальчик посмотрел назад. Медная дверь пещеры захлопнулась, и Амиран там остался навеки¹³⁰. Вот приходит он к тому месту, где был Амиран, но не находит его: Амиран исчез неведомо куда¹³¹. Дверь скалы открылась, из скалы вышел Мгер. / Молодица пришла домой, рассказала. / Пока пришли туда, дверь закрылась (Мелик-Огандж. С. 52 [№ 43]). Как только вышел пастух, / Скала сомкнулась, срослась. / Говорят, что по пятницам / Из скалы по капле струится вода (Мелик-Огандж. С. 235 [№ 63]). А крестьянин выбрался из пещеры и никогда больше не смог найти вход в нее (Уэльс)¹³².

¹²⁷ *Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 827–828.

¹²⁸ Там же. С. 829–830.

¹²⁹ «“Я — Стенька Разин — великий грешник. Я должен страдать еще семьдесят лет”. <...> С этими словами незнакомец исчез из глаз испуганного колониста» (Зайк. С. 48).

¹³⁰ *Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 827.

¹³¹ Там же. С. 827, 830.

¹³² Короли и правители. Ч. II. Артур. Хроники и Анналы // Историко-искусствоведческий портал «Monsalvat» (www.globalfolio.net/monsalvat/frsdominus/mainframe.htm?monsalvat/frreliqarius/grail/grailplatov02.htm).

8. Как правило, спящий / прикованный / узник выглядит глубоким стариком, длиннобородым и обросшим волосами.

Вздумала как-то одна набожная девушка спастись в пещере; но вечером явился перед ней Стенька Разин — худой, весь обросший волосами...¹³³. Отец <...> встретил на Волге старца очень высокого роста, с громадной, до пояса, седой бородой» (Зайк. С. 48–49). ...Старик [великан на горе Эльбрус] с длинною, до ног бородой, все его тело обросло седыми волосами (кабард.)¹³⁴. И по сей день стоит он там. / Волосы тело покрыли его (Мелик-Огандж. С. 126 [№ 58]). Его [Карла Великого] борода седа и проросла настолько, что опутывает золотые нагрудные украшения его одежды¹³⁵.

Хотя эти признаки указывают прежде всего на происхождение персонажа из давних времен и на его бессмертие, здесь столь же несомненно присутствует значение 'одичания / дикости', что, в свою очередь, предполагает демонизацию образа¹³⁶, которая согласуется с неоднократно (и в той же позиции) встречающимися мотивами о б р а с т а н и я м х о м, о т р а с т а н и я к о г т е й и т.п.

«Мы оглянулись: ан из щели, из горы, вылазит старик — седой-седой, старый, древний — а ж н о м о х о м п о р о с» (Кост. С. 440). Однако товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет; в е с ь о б р о с м о х о м, не знать ни губ, ни зуб (Мамак. С. 139). Таинственный человек из омота в горах

¹³³ Н. О недостатках веры в русском народе. С. 275; Аф. Поэт., II. С. 452.

¹³⁴ Миллер Вс. Кавказские предания... С. 827.

¹³⁵ *Brüder Grimm. Deutsche Sagen / Hrsg. H.-J. Uther. Bd. I–III. München: Diederichs, 1993. Bd. I. № 28.*

¹³⁶ Неклюдов С.Ю. Зоодемонизм // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого / Ред. колл.: Т.А. Агапкина (ред.), А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. Т. II. М.: Индрик, 1998. С. 126–137.

Лушань появляется перед рыбаками весь покрытый лишайниками¹³⁷. Ногти на ногах и руках [великана с Эльбруса] длинные и похожи на орлиные когти...¹³⁸

9. С потусторонней природой героя связаны и особенности его пищевого рациона.

«Вы, братцы, мотрите... не много ешьте этой пищи: не хороша она для непривычного человека... Питаюсь я глиной: есть неподалеку отсюда, в одной горе, такая глина, что похожа на муку, — говорит Разин. — Варю ее, эту глину, в воде, и из того выходит какой-то кисель — что сейчас и вы ели. Сначала пища эта мне не нравилась, как грузило ложилась в животе, а потом мало-помалу стал привыкать к ней, и вот уж полтора года питаюсь — и ничего» (Жел. С. 59–60).

Тема питания особой глиной (геофагия, литофагия¹³⁹) в данном случае, по-видимому, характерна именно для уральской традиции; во всяком случае, она встречается — в очень близкой формулировке — в рассказе об осаде Пугачевым Яицкого городка, согласно записи Пушкина:

Стали изобретать новые способы к пропитанию. Нашли род глины, отменно мягкой и без примеси песку.

¹³⁷ Ван Жэнь-юй. Из «Праздных речей в нефритовом зале» (Рыбак с гор Лушань) // Проза Тан и Сун / Пер. с кит. В.М. Алексеева, О.Л. Фишман, А.А. Тишкова, И.А. Алимова, А.Б. Старостиной. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 104–105. (Биб-ка китайской литературы).

¹³⁸ Миллер Вс. Кавказские предания... С. 827.

¹³⁹ *Abrahams P. Human Geophagy: A Review of Its Distribution, Causes, and Implications // Geology and health: closing the gap / Ed. by H.C.W. Skinner, A.R. Berger. Oxford: Oxford University Press USA, 2003.* Явление вообще-то вполне реальное, встречается среди животных и людей, преимущественно в доиндустриальных и сельских сообществах, а также у детей и при определенных психических расстройствах.

Попробовали ее сварить и, составя из нее какой-то кисель, стали употреблять в пищу¹⁴⁰.

Здесь, однако, глина явно фигурирует в качестве «антипищи» в потустороннем мире, которая не годится для пришельца¹⁴¹. От еды, употребляемой живыми людьми, «антипища» отличается по происхождению, а также своими основными признаками. Ее общее значение — ‘насыщение несъедобным / недостаточным’, что может пониматься в плане как качественном («кисель из глины»), так и количественном, когда для насыщения хватает самой малой малости (в пределе — заключающей в себе неисчерпаемый пищевой ресурс¹⁴²).

Оказывается, теперь Амирани на весь день дается лишь один хлеб¹⁴³. В день один хлеб-шоти ему дается¹⁴⁴. В день он съедает три облатки. <...> Корм перед конем и летом и зимой зеленый (Мелик-Огандж. С. 126 [№ 58]).

Рядом с негативной «антипищей» (экскременты, гнилье, падаль) в фольклорно-мифологических текстах существует и позитивная (священная, данная богом) «суперпища»: «На пропитание крестный оставил Амирани хлеб, из которого, если сжать его, вытекает молоко, и чареки вина»¹⁴⁵. В этом случае ‘хлеб прико-

¹⁴⁰ Пушкин А.С. История Пугачева. С. 226.

¹⁴¹ Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Невидимый и нежеланный гость // Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. ст. к юбилею Вяч. Вс. Иванова / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 395–396, 399.

¹⁴² В волшебнo-сказочной редакции это разнообразные чудесные емкости и прочие приспособления, обеспечивающие бесконечное воспроизводство еды и напитков (см.: AaTh 565; Mot. D1171.7.1, D1171.8, D1171.8.1, D1171.9–11, D1472.1.9–11, D1472.1.12.1, D1472.1.13, D1472.1.14, D1472.1.14.1, D1472.1.15–22, D1601.10.1, D1601.10.2, D1601.10.2.1, D1651.3, D1652.5.4, D1652.5.4.1, D1652.5.7–10, D1171.1, D1171.1.1, D1171.2–6, D1171.6.1–7).

¹⁴³ Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... С. 275 (№ XII).

¹⁴⁴ Грузинские народные предания и легенды... С. 100 (№ 56); Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... С. 275 (№ XII).

¹⁴⁵ Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... С. 280 (№ XIV).

ванного’, представляющий собой реплику продуктов золотого века, противопоставляется нынешнему хлебу как символу современного греховного мира.

«Что это вы запрягаете восемь пар волов в какую-то палочку и ходите по полю?» — «Это плуг, — отвечают крестьяне, — им мы пашем землю и добываем хлеб». Амиран просит у них хлеба, и взяв кусок, сильно жмет его рукою; из хлеба потекла кровь. Потом он берет свой хлеб, данный ему Богом, и при давлении из хлеба потекло молоко¹⁴⁶. «Вот таким должен быть и ваш хлеб»¹⁴⁷. «Поглядим-ка ваш хлеб, какой он у вас?» — Сжал он рукою хлеб, и пролилась кровь из того хлеба. Сказал Амирани тогда: «Крoвавый хлеб вы едите — и добавил: — Подай-ка, вот тут мой хлеб лежит». Как сжал он свой хлеб рукою, полилось из него молоко. «Молочным хлебом живу я», — сказал Амирани¹⁴⁸.

10. Во многих случаях визионеры обнаруживают героя спящим («Вошли они в избушку и видят: в переднем углу на лавке лежит человек <...> а как немного всмотрелись, увидели, что спит»¹⁴⁹). Этот сон — особого рода, он подобен смерти, обитатель потаенного жилища в некотором смысле действительно мертв («Глаза у этого человека закрыты, а сам он такой худой, такой бледный, что твой мертвец. Сначала они подумали, что он мертвый...» [Жел. С. 59]).

С другой стороны, этот сон может оказаться особой формой анабиоза, приостановки жизненных функций с перспективой их восстановления, когда минет положенный срок и придет время вернуться к предписанной деятельности, причем обычно речь идет не о грядущем ‘разрушителе мира’ («обездвиженность»

¹⁴⁶ Миллер В.с. Кавказские предания... С. 830.

¹⁴⁷ Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... С. 248. (№ V).

¹⁴⁸ Грузинские народные предания и легенды... № 58. С. 100; Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... С. 286 (№ XVI).

¹⁴⁹ Старик [великан на горе Эльбрус] находится большей частью в оцепенении... (кабард.) (см.: Миллер В.с. Кавказские предания... С. 827).

которого обеспечивают наложенные на него оковы и специальные исполнители наказания¹⁵⁰), а об ожидаемом 'защитнике обиженных' (AaTh 799; Mot. A571, D1960.2, D1960.2.1)¹⁵¹. Подобное рассказывается, например, о Карле Великом и Хольгере (Ожье) Датчанине, покоящихся в подземельях родовых замков, св. Вацлаве, Фридрихе Барбароссе и Марко Кралевиче¹⁵², спящих в горных пещерах (~ в замкнутых полостях внутри гор [Mot. A571.1])¹⁵³, о Зигфриде, Генрихе Птицелове, Оттоне Великом, ойратском князе Амурсане, последнем правителе Джунгарского ханства (1755–1757), пребывающем где-то в России¹⁵⁴, об Александре Суворове в лесной пещере¹⁵⁵, о Ленине в Мавзолее¹⁵⁶ и о многих

¹⁵⁰ «...Только далеко нельзя мне идти: змей не пускает...» (Кост. С. 440); к великану, прикованному к Эльбрусу, приставлены специальные «сторожа» (см.: Миллер Вс. Кавказские предания... С. 827).

¹⁵¹ Аф. Поэт., II. С. 442; Миллер Вс. Кавказские предания... С. 836; Evans-Wentz W.Y. The fairy-faith in Celtic countries. L.; N.Y.: H. Frowde, 1911.

¹⁵² Ир. П. [Половинкин И.Н.] Марко-Королевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XVIIIа. С. 661.

¹⁵³ См. ссылки на некоторые источники: *Brüder Grimm. Deutsche Sagen*. Bd. I. S. 295–296, 312 (Anmerkungen); *Bolte J., Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*. Bd. I–V. Leipzig, 1913–1931. Bd. III. S. 460; *Sleeping Hero Legends* (translated and / or edited by D.L. Ashliman) // www.pitt.edu/~dash/sleep.html#Tells.

¹⁵⁴ Владимирцов Б.Я. Монгольские сказания об Амурсане // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит. РАН, 2002. С. 272–279.

¹⁵⁵ Лебедева Е. Русский архистратиг // Православие.ru: Интернет-журнал [www.pravoslavie.ru/jurnal/28069.htm].

¹⁵⁶ «Положили Ленина в амбаришко, марзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два... неделя, месяц — надоело Ленину лежать под стеклом. Вот один раз ночью выходит он потихоньку задней дверью от марзолея. <...> Вышел Ленин из избы радостный, в марзолей лег успокоенный, спит вот уже много дней после своих странствований. Теперь уже, наверное, скоро проснется. Вот радость-то будет» («Скоро проснется Ильич» // Ленин в русской народной сказке и восточной легенде / Сост. А.В. Пясковский. М.: Мол. гвардия, 1930. С. 40–

других исторических и легендарных героях, ожидающих часа своего возвращения для спасения соотечественников от бед¹⁵⁷.

Тем не менее пробуждение подобного героя при наступлении положенного срока имеет неустранимо апокалиптический характер, сближаясь в этом плане с освобождением прикованного, когда придет назначенный судьбой час / день, после чего должно начаться светопрествление. Поэтому крайне опасно несвоевременное прерывание его «летаргического сна», которое, по-видимому, может подменить собой финальное пробуждение спящего и тем самым приблизить конец света. Чтобы этого не произошло, пробужденный должен прежде всего получить точную ориентацию во времени.

...Некий крестьянин обнаружил вход в пещеру, проник туда и нечаянным движением разбудил спящего Артура, который спросил: «Настал ли День?» — «Нет еще, нет! Спите дальше!» — воскликнул перепуганный крестьянин. Молвил тогда король: «Хорошо, что сказал ты так. Теперь же уходи отсюда, дабы не пробудились мои воины раньше срока». И снова погрузился в сон¹⁵⁸.

43 [зап. Р. Акульшин, Вятская губ.]. Впрочем, полное несоответствие этого текста общераспространенной сюжетной модели, отсутствие сравнительного материала, подтверждающего возможность подобного сюжетного построения, говорят о его вероятной фальсифицированности.

¹⁵⁷ «Ты устань-проснись, Владимир, встань-проснись, Ильич. / Посмотри-ка на невзгоду, какова лежит, / Какова легла на шею крестьянина-середняка. / В кооперации товару совершенно нет для нас. / Кроме спичек и бумаги, табаку, конфект, / Нет ни сахару, ни масла, нет ни ситца, ни сукна, / Загрузила всю Россию водочка одна» (Осокина Б.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997. С. 65; см. также: Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в закрытом обществе // Русский политический фольклор: Исследования и материалы / Ред.-сост. А.А. Панченко. М.: Новое изд-во, 2013. С. 51 [Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 10]).

¹⁵⁸ Короли и правители. Ч. II. Артур. Хроники и Анналы // Историко-искусствоведческий портал «Monsalvat» (

«Какое время сейчас в мире?» — [спросил невольного посетителя старший из Теллей, пробудившись на мгновение]. «Полдень». — «Значит, еще не время мне приходить» — и снова заснул¹⁵⁹. Вытащенный из глубокого омута в горах Лушань человек в железной шапке стал расспрашивать рыбаков, «как называются тамошние земли, горы и реки, какой императорский дом правит, какой нынче год и месяц. Кончив расспросы, он беззвучно канул в воду»¹⁶⁰.

Указание на время, отмеренное до Страшного суда, характерно для сюжетного варианта, интерпретирующего Разина как великого грешника:

«Здесь я буду жить до второго пришествия, до суда Страшного; тогда судьба моя окончательно решится, тогда и муку мне положат настоящую, по делам моим, какую заслужил» (Жел. С. 60).

В некоторых случаях указывается и конкретный срок завершения «вечных мучений» Разина, что чаще встречается в сюжетах о Разине-узнике:

«Я должен страдать еще 70 лет» (Зайк. С. 48–49). «Акак пройдет сто лет <...> тогда я пойду опять по свету...» (Кост. С. 440; Аф. Поэт., II. С. 451–452). Со временем заклятье с него снимется, и он снова придет судить Русскую землю¹⁶¹.

balfolio.net/monsalvat/frsdominus/mainframe.htm?monsalvat/frreliqarius/grail/grailplatov02.htm

¹⁵⁹ *Brüder Grimm*. Deutsche Sagen. Bd. I. № 298.

¹⁶⁰ Ван Жэньюй. Из «Праздных речей в нефритовом зале». С. 104–105. Согласно реконструкции, которую подсказывает типологический контекст этого последнего сюжета, таинственный человек из омута, который, видимо, тоже находился в состоянии глубокого сна (лишь через несколько дней, будучи освобожденным от ила и грязи, он открыл глаза), вероятно, понял, что время его появления в мире еще не пришло.

¹⁶¹ Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. С. 444 (коммент.; «народное преданье» из неоконченной статьи «Как Стенька Разин придет Русскую землю судить»).

11. Диалог пробужденного (заточенного / прикованного) с визионером (Mot. A1074.3), случайно попавшим в его жилище либо каким-либо иным образом вступившим с ним в контакт, имеет устойчивый и даже ритуализованный характер, несколько напоминая в этом плане «стилистическую обрядность» волшебной сказки¹⁶².

«А что?» — спрашивает нас, — «вы ходите по русской земле: не зажигают там сальных свечей вместо восковых?» Мы ему говорим: «<...> этого не видали и не слышали!» (Кост. С. 440; Аф. Поэт., II. С. 451–452). «Хорош ли урожай кормовых трав, ходят ли дети в школу?» [— спрашивает прикованный Заххак]¹⁶³. «Растет ли на земле камыш и родятся ли ягнята?» [— обращается к своим сторожам, пробудившись, великан на Эльбрусе]. «Камыш растет, и ягнята родятся», — отвечают ему сторожа¹⁶⁴. К овчару, случайно зашедшему в пещеру, Фридрих Барбаросса обратился с вопросом: «Летают ли еще вороны вокруг горы? — и после подтверждения воскликнул: — Значит, я должен спать еще сто лет»¹⁶⁵.

Обычно подобные вопросы имеют своей целью выяснить, все ли в природе идет своим чередом, остается ли еще нерушимым существующий миропорядок, а следовательно, не пришел ли час освобождения. Для выхода из потаенного обиталища прикованному / спящему надо убедиться, что наступают последние времена и законы природы более не соблюдаются (Mot. A1074.3). Наряду с этим диалог может наполняться мотивами, которые обусловлены содержанием тех или иных локальных версий легенды ('ожидание прощения грехов', 'несмирное богоборчество' и т.д.):

¹⁶² Разумова И. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки: Монография. Петрозаводск: Карелия, 1990.

¹⁶³ Веселовский А. Прометей в кавказских легендах... С. 786.

¹⁶⁴ Миллер В. Кавказские предания... С. 827.

¹⁶⁵ *Brüder Grimm*. Deutsche Sagen. Bd. 1. № 23; Аф. Поэт., II. С. 443–444.

«Ну, а бывали вы в Божией церкви, в обедне на первое воскресенье Великого поста?» — «Как же, дедушка, бывали!» — «А слышали, как проклинают Стеньку Разина?» — «Слышали» (Кост. С. 440; Аф. Поэт., II. С. 451–452). Не появились ли уже на Волге и на Дону «самолетки и самоплавки»?¹⁶⁶

«...А есть ли у вас виноградные лозы, перекинутые над тропинками?» — «Есть». — «И это несчастье». Говорят, Амирану последнее неприятно, потому что люди, проходя под лозами, должны наклоняться и как бы невольно чрез это кланяются Богу (абхазск.)¹⁶⁷.

Помимо этого, визионер может оказаться не только собеседником пробужденного / прикованного, но также и несостоявшимся помощником узника (речь идет прежде всего об Амирани), пытающегося дотянуться до лежащего поодаль меча (ср. сказочный сюжет о несанкционированном освобождении героем плененного демона или «дикого человека» [AaTh 502; Mot. G671]). Эти попытки обречены на неудачу: посетитель (охотник или пастух) не в состоянии сдвинуть с места богатырское оружие, а просьба принести из дома очажную цепь остается невыполненной вследствие нарушенного табу (оборачиваться, отвечать на вопрос), что приводит к немедленному закрытию входа в пещеру, и тем самым апокалиптическое разрешение вселенской драмы откладывается до положенного срока. Известно единственное исключение: освобождение Прометея Гераклом, приводящее, однако, не к эсхатологической катастрофе, а к примирению с верховным божеством (Зевсом).

12. Выход / невыход героя из места его пребывания / заключения прямо соотносится с состоянием ми-

¹⁶⁶ *Волошин М.А.* Россия распятая. С. 309–330. Ср.: «Всё ль как прежде сияет — неслеза / Православных церковей лепота? / <...> / Воеводы порядки охальные / Всё ль блюдут в воеводствах своих?» (*Волошин М.А.* Стенькин суд. С. 128).

¹⁶⁷ *Миллер Вс.* Кавказские предания... С. 827, 830–831.

ропорядка и с эволюцией человеческого рода, причем вектор изменений может быть представлен либо как деградация, либо, напротив, как путь к совершенству. В этом случае выход героя увязывается с наступлением грядущего царства справедливости и изобилия¹⁶⁸.

И пастух спросил: / «Мгер, когда ты выйдешь отсюда?» / А тот сказал: / «Когда пшеница будет со сливу, / А ячмень — с ягду шиповника» (Мелик-Огандж. С. 30 [№ 38]). Доколе просо не будет величиной / С ягду шиповника, / Доколе зерно пшеницы не будет / Величиной с орех, — / Мгеру не выбраться из пещеры той... (Мелик-Огандж. С. 256 [№ 33]).

Согласно этой концепции, для выхода героя из его уединения мир недостаточно хорош — либо «еще» (т.е. не достиг совершенства), либо «уже» (т.е. деградировал):

«В мире зло еще есть, / В мире не могу я жить...» (Мелик-Огандж. С. 83 [№ 54]). Мгер про себя сказал: / «Раз мир изменился, / А человек так измельчал, / Если я встану, выйду на свет, / Эта земля не удержит меня, / Так как стала живою земля. / Уж лучше останусь я здесь / И не выйду на свет» (Мелик-Огандж. С. 235 [№ 63]).

Во втором случае ожидаемый выход, спровоцированный той же нравственной деградацией человеческого рода, представляет собой разрушительное эсхатологическое событие.

¹⁶⁸ «...Связь темы возрождения с заточенными героями носит довольно стабильный и настойчивый характер. <...> Мгер выйдет из скалы, когда воцарится справедливость на земле и наступит эпоха сказочного благоденствия. Между тем освобождение героев подобного типа, как мы уже говорили, знаменует прежде всего конец света. Еще меньше связано с возрождением возможное финальное освобождение Амирани. Однако в случае с Амирани тема возрождения тем не менее присутствует, но не в финальном, а в промежуточном эпизоде» (*Абрамян Л.* Герой, прикованный на горе. С. 193).

В скале Мгера горит вечная свеча (~ лампада) и вращается *чархи-фалак* ('колесо судьбы'); когда оно остановится, Мгер выйдет из скалы и разрушит несправедливый мир¹⁶⁹. Марко спит в пещере, рядом с конем; он проснется, когда его сабля выйдет из скалы¹⁷⁰. Конь, стоя перед господином, понемногу жует пшеницу из большой торбы. Когда весь меч выйдет наружу и конь сжует всю пшеницу, тогда проснется Марко-Королевич и пойдет на защиту своего народа¹⁷¹.

Грядущий «суд» Степана Разина амбивалентен, в известном смысле это и есть Страшный суд; освобожденный приходит и как антихрист-разрушитель, и как грозный, но праведный судия. «Умножение грехов» людей может вести и к первому, и ко второму.

«...А как <...> на Руси грехи умножатся, да люди Бога станут забывать, и сальные свечи зажгут вместо восковых перед образами, тогда <...> стану бушевать пуще прежнего», «подобно антихристу» (Кост. С. 440; Аф. Поэт., II. С. 451–452). Час его настанет, он взмахнет кистенем — и от обидчиков, лихих кровопивцев мигом не останется и следа»¹⁷².

III

Итак, легенды о пребывании Разина в некоем потаенном месте и о его «втором пришествии» построены на двух группах мотивов, которые уверенно вписываются в более широкий фольклорно-мифологический контекст.

• Правитель или культурный герой спит внутри горы, полого холма, на таинственном острове (Mot.

¹⁶⁹ Арутюнян С.Б. Михр. С. 160.

¹⁷⁰ Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. М.: Худ. лит., 1987. С. 425–426; Петросян А. Влияние армянского Мгера на европейских героев // Вестник Матенадарана. Ереван, 2014. № 20. С. 169–174.

¹⁷¹ Ир. П. [Половинкин И.Н.] Марко-Королевич. С. 661.

¹⁷² Буганов А.В. Историческая память русских крестьян. С. 48.

A571.1, A571.2); таковы знаменитые государи древности: Артур, Карл Великий, Фридрих Барбаросса, Хольгер Датчанин, Марко Кралевич и др. Однажды (~ при определенных обстоятельствах) он проснется, чтобы помочь своим людям / своему народу (AaTh 799; Mot. A571, D1960.2). Это случится, например, когда серебряные подковы королевской лошади, в течение семи лет обходящей вокруг замка, будут стертты до толщины кошачьего уха (Mot. D1960.2.1).

• Гигант скован в глубинах земли (~ в горах); его движения вызывают землетрясения. Когда он освободится от пут, наступит конец мира¹⁷³ (Mot. A1070, A1072.1, A1074.4; Березк. С25, D4B, I48). Речь идет о персонажах, наказанных за противостояние высшим силам — за посягательство на их власть (Mot. A106.3), за какие-либо козни против них, за богоборчество (Mot. A106.3)¹⁷⁴, за несанкционированную передачу на землю небесного огня (Березк. D4B) и т.п.; это может быть антропоморфное существо или чудовище, иногда змееподобное (Mot. A1072.3, A1072.4). Таков Сатана, скованный и на тысячелетие низвергнутый в бездну (Откр. 20: 2–3, 7¹⁷⁵; Mot. A106.2.2) или заключенный св. Георгием в скалу; Локи, связанный кишками своего сына в горной пещере (Прориц. Вэльвы, 34–35), Прометей, наказанный за похищение огня (Гес. Теог. 565–567), грузинский Амирани, поплатившийся за то, что вызвал на состязание

¹⁷³ Krohn K. Der gefangene Unhold // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors. Bd. VII (1907). S. 129–184; Olrik A. Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin, 1922.

¹⁷⁴ «Наиболее тяжкими его [богатыря-узника] преступлениями, побуждающими к жестокому наказанию, служат или несправедливость к людям, необузданность кровожадного истребителя жизни <...> или сопротивление божественной воле, доходящее до нарушения клятвы, данной богу, наконец, до борьбы с ним, до выхода на поединок, едва не кончающийся победою титана» (Веселовский А. Прометей в кавказских легендах... С. 785).

¹⁷⁵ «Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать... <...> Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы...»

самого Бога¹⁷⁶, и некоторые другие. Заточение прикованного бывает не абсолютным, место его пребывания может иногда (периодически, циклически) открываться посетителю-визионеру (мистически или реально). Заключение подчас чередуется с одиноким странничеством и даже заменяется им; соответственно герой легенды является людям в виде призрака, неприкаемого духа, «ходячего мертвеца», периодически (ночами) покидающего могилу, или живущего вечно бесприютного скитальца.

Оба сюжетно-мотивных комплекса обладают немалым структурным сходством. В их основе лежит представление о некоем до поры до времени обездвиженном (спящем, скованном) персонаже, чье возвращение в мир чревато событиями, судьбоносными для людского сообщества. Различие заключается, во-первых, в масштабе подобных событий (имеющих в одном случае значение племенное / национальное / государственное, в другом — космическое) и, соответственно, в мифологическом или социальном характере их причин, целей и последствий, а во-вторых, в их противоположной оценке — положительной (ожидание освободителя) или отрицательной (угроза появления разрушителя); обратим внимание, что оценка последствий дается с точки зрения человеческого сообщества, а не героя, что опять-таки связано скорее с мифологической прагматикой легенды. Следует добавить, что галерея образов *скованных космических гигантов* («непродуктивный» сюжетный тип¹⁷⁷) несравнимо скромнее, чем галерея *спящих и збавителей*¹⁷⁸, список которых открыт для многочисленных

¹⁷⁶ Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... С. 205–311; Грузинские народные предания... № 56–60.

¹⁷⁷ О «продуктивных» и «непродуктивных» формах в народных традициях см.: Богатырев П.Г. Активно-коллективные, пассивно-коллективные, продуктивные и непродуктивные этнографические факты // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 384–386.

¹⁷⁸ См. обширный (хотя и отнюдь не исчерпывающий) перечень подобных персонажей в традициях разных народов: Ко-

новообразований — на базе практически неисчерпаемого ресурса «народных заступников», рекрутируемых из числа популярных исторических персонажей, которые в массовом сознании наделяются подобной мессианской функцией (тип «продуктивный»).

Фигура мифологического Разина соединяет в себе черты обоих типов¹⁷⁹, чему, по-видимому, способствовали как социально-утопический компонент в возглавляемом им крестьянском движении, так и прижизненное церковное проклятие мятежнику вкуче с апокалиптическими настроениями эпохи. Вообще, тема *возвращения и збавителя* почти всегда включает в себя эсхатологическую составляющую, а грань между мотивами *разрушения мира*, с одной стороны, и *разрушения зла в мире* — с другой, оказывается размытой. К тому же отнюдь

роль под горой // http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C_%D0%BF%D0%BE%D0%B4_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B9.

¹⁷⁹ «...Заключенный в этих вертепах узник мог представляться то невинным страдальцем, то осужденным грешником (разбойником, душегубцем)» (Аф. Поэт., II. С. 447–448). Аналогично дело обстоит с Марко Краевичем — героем-защитником он является «только в эпосе и устах народа в Сербии; в тех же местах, где он, по былинам, действовал (в Старой Сербии, в окрестностях Прилепа и Косовского поля), о нем сохранилась дурная память: там его зовут Марко-насильником (Марко-злумџија), Марко-сорви-голова (Марко-дели-баша)» (Ир. П. [Половинкин И.Н.] Марко-Королевич. С. 661). Ср.: «...мятежное сопротивление богам, насилие и вред по отношению к людям — древние атрибуты титана, в котором позднейшие века, напротив, увидели друга человечества, его просветителя и заступника. Наказание такого дерзкого насильника является поэтому вполне заслуженным; попытки его освободиться грозят величайшими бедствиями. <...> Его отвага и дерзость по отношению к божеству получают характер заступничества за человечество, богоборство становится героизмом, а отплата за него — вечный плен и тяжкие муки — вызывает не злорадство, а глубокую симпатию. Если такой узник освободится, не разгромит и разорение причинит он, а вообще счастье» (Веселовский А. Прометей в кавказских легендах... С. 785–786; см. также: Абрамян Л. Герой, прикованный на горе. С. 189.

не обязательно пребывание внутри горы до Страшного суда (например, сон «до лучших времен» Фридриха Барбароссы в пещере Кифхойзера¹⁸⁰) есть показатель «греховности» персонажа, тем более его демоничности. Не являются однозначно «отрицательными» ни Амирани, ни тем более Мгер, уход которого в скалу завершает эпический цикл о сасунских богатырях¹⁸¹: с одной стороны, он демоноборец и защитник своего племени, а с другой — проклятый отцом строптивец, лишенный права умереть и до Страшного суда заключенный в горную пещеру (то же в значительной степени относится и к Амирани; обратим внимание, что 'заключение в скале' как наказание и 'добровольный уход в скалу' оказываются в отношениях сюжетной синонимии).

«О Господи Боже! Сбылось проклятие отца моего. Выдернута жила из спины моей, потомства на свете не осталось от меня, и смерти мне нет...»; «О Господь Милосердный, Всеблагий! Ты повелел — Ангел Габриел слетел, мне в смерти отказал до пришествия Христа на Страшный суд» (Мелик-Огандж. С. 51–52 [№ 42], 83 [№ 53]).

Специфика подобных образов обусловлена тем, что мифологическая тема героя, удалившийся / ввергнутый внутрь горы (~ в горную пещеру) адаптируется эпической традицией, но 'богатырская строптивость' приводит не только к богоборчеству, но и к конфликту с отцом. Бог (Христос), которого вызывает на состязание Амирани, является его крестным (т.е. в некотором смысле отцом), а это дает основание поставить вопрос об общей тематической базе мотивов, связанных с Мгером и Амирани, и именно через эту общность объяснить столь масштабные последствия детского проступка Мгера¹⁸². В легенде о Разине карающая инстан-

ция 'отец' раздваивается: с одной стороны, это Бог, «небесный отец» (репрезентируемый церковью, проклинаящей грешника), а с другой — Корнила Яковлев — крестный («земной») отец, в котором за счет сакральности его «отеческого ампула» (ответственность за крестника перед Богом), по существу, объединяются обе инстанции. У Лосева (в размышлениях Миронова¹⁸³) ситуация домысливается до окончательной определенности: Корнила, по его предположению, настоящий отец Степана. Производя такую операцию, автор явно не имеет в виду никакого мифологического мотива (а возможно, и не знаком с ним), но воспроизводит его за счет семантической инерции, согласно которой 'отец, казнящий сына' (Илья Муромец, Маттео Фальконе, Тарас Бульба и т.д.) должен быть фигурой не ритуальной, а реальной.

Сам бой отца с сыном (Давида с Мгером) как один из сценариев развития подобного конфликта подчас предстает здесь — по сравнению со своей классической схемой — в редуцированном и сниженном виде: может отсутствовать мотив взаимного неузнавания персонажей, сама схватка описывается почти как бытовая потасовка, а трагический финал (гибель младшего героя) заменяется его ослабленной версией — отцовским проклятием (остаться без потомства и погребения), исполнение которого можно в то же время считать своего рода отложенной развязкой. Следствием этого проклятия оказывается реализация мотивов «эпической эсхатологии»: гибель богатырей и конец эпической эпохи, иногда завершающейся уходом богатыря в скалу / окаменением. «Как-то сел он на коня, поехал, и въехал он в пещеру одну, скалы сомкнулись, замкнулся вход в пещеру, внутри пещеры остался Мгер» (Мелик-Огандж. С. 256 [№ 33]). Наконец, Мгер — в отличие от Амирани и других героев той же группы — не при-

¹⁸⁰ Миллер В.с. Кавказские предания... С. 836.

¹⁸¹ Цикл охватывает до четырех поколений героев (случай редкий в мировом эпосе, обычно — не больше двух, от силы трех поколений).

¹⁸² В этой связи вспоминается «конфликт отцов и детей» в античной мифологии, неизменно завершающийся заключени-

ем побежденных в недрах земли (Гес. Теог., 145–156, 709–711, 721–727 [по рус. пер.]); правда, победителями в древнегреческой редакции всегда оказываются «дети».

¹⁸³ Лосев Е.Ф. Миронов. М.: Мол. гвардия, 1991 (гл. 24) цит. по: statehistory.ru/books/E--F--Losev_Mironov/24].

кован к скале или стене пещеры. Покинуть свое убежище он не в состоянии, поскольку его не держит / не принимает земля, но принимает гора¹⁸⁴: «Отец твой проклял тебя, не примет тебя земля! В скалу Ворона иди. Там представишься ты» (Мелик-Огандж. С. 164 [№ 51]), причем эта формула либо характеризует противоестественную тяжесть эпического великана¹⁸⁵, либо говорит о невозможности его смерти как естественного завершения жизненного пути. Однако грядущий выход Мгера из пещеры должен состояться, когда мир достигнет состояния совершенства, и обычно не сопряжен с какой-либо угрозой людям. В отличие от этого Амирани, освободившись, перебьет всех кузнецов (так как в Великий четверг они ударом по наковальне восстанавливают его истончившуюся цепь) и всех женщин (поскольку одна из них побуждает мужа нарушить обет молчания и тем самым мешает ему помочь прикованному освободиться), а также всех сероглазых людей (?)¹⁸⁶. Впрочем, в сванской версии мифа об Амирани его освобождение и последующее убийство чудовища-дива иногда знаменуют наступление золотого века (Березк. С. 33).

Обратим внимание, что внутри самого тематического цикла легенд о 'прикованном / спящем' есть несколько чрезвычайно устойчивых элементов, алломорфы которых могут отличаться обликом и масштабом при сохранении доминантной функции. Так, лизать / грызть цепи

¹⁸⁴ Данное обстоятельство дает некоторое направление размышлениям о генезисе образа былинного Святогора.

¹⁸⁵ В первую очередь вспоминается, конечно, былинный Святогор и во многих отношениях сходный с ним эстонский Калевипоэг (см.: Шамбинаго С.К. Старины о Святогоре и поэма о Калевипоэге // Журнал Министерства народного просвещения, 1902, № 1. Отд. 2 [= Лейпциг: Сенатская тип., 1902]). Показательно, что гигант Калевипоэг в конце концов оказывается прикован к адским воротам в качестве сторожа демона *ванатагана* ('старого дьявола'), дабы тот не сумел выбраться из преисподней (см.: Мифы народов мира. Т. I. С. 612). Таким образом, с именем Калевипоэга связан тот же самый комплекс мотивов, хотя и с некоторым перераспределением функций между ним и его антагонистом.

¹⁸⁶ Грузинские народные предания и легенды. № 56, 58; Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос... № III, V, X, XII, XVI.

прикованного до их полного истончения может его собака, конь и, наконец, сам пленник; 'приковывание к скале' как основная форма наказания подчас принимает вид 'лежания на острых камнях' и даже — в смягченной форме — 'сидения на прибрежных камнях' грешника, испытывающего невыносимые душевные муки. Некоторые элементы, напротив, сохраняются, даже несмотря на существенное изменение своих сюжетных функций.

Обратим, наконец, внимание на чрезвычайное сходство легенды о Степане Разине как о великом грешнике, ожидающем Страшного суда, и некоторых преданий об Амирани, в том числе (и даже прежде всего) их северокавказских версий (см. табл. III).

Таблица III

Уральское предание о Разине ¹⁸⁷	Осетинское предание об Амиране ¹⁸⁸
...Ходили они по горам, да и наткнулись на избушку или землянку <...> в горе, одна дверь. <...> «Вот вы первые увидели и зашли ко мне: значит, невидимая сила над вами сжалась, чтобы вы не умерли с голоду».	Один охотник сбился с пути, и Бог его привел как раз к двери Амирановой пещеры. У пещеры была медная дверь; Бог ее отворил.
«Да ты-то кто?» — спросили солдатики. «Я, — говорит он, — Степан Разин: слышали, чай, о богомерзких делах моих...» Тех так и ошеломило. «Вам диво это?» — говорит он. Те ничего не говорят, только бледнеют, да пучат глаза на человека, что Разиным назвался.	Охотник вошел и видит: сидит Амиран и смотрит на него глазами величиной с бычьей хомуты. Охотник с испугу отшатнулся назад: «Какого ты рода, что ты за чудо и что ты здесь делаешь?»
«Вы не бойтесь, — говорит он. — <...> поведайте миру, как тяжело и горько окаянному грешнику ответ давать за дела безбожные».	«Не бойся, мое солнце, меня, я Амиран и связан божьим проклятием!» — сказал великан.

¹⁸⁷ Железнов И. Уральцы. С. 59–60.

¹⁸⁸ Миллер Вс. Кавказские предания... С. 827.

«Многое множество пролил я крови христианской; многое множество загубил душ неповинных...	«Я был насильник, не давал покоя людям на земле...
...над верой православной надругался, от Бога истинного отрекся, сатане треклятому предался, — и вот за то мучусь и страдаю теперь...	...спорил с божьими дзаврами (ангелами, духами) и даже Бога самого ни во что ставил».
...меня ни в рай не впустили, ни в ад не приняли; от меня и земля, и вода, и огонь, и воздух со ветрами буйными отказались. Тогда сила невидимая прах мой собрала и оживила, и вот в сии места уединенные поселила».	Богу в этом обида показалась. <...> «Вот он развернулся надо мною и сюда меня пригнал, и здесь я стою привязанным...»

Не исключено, что подобное сходство может быть объяснено кавказским фольклорно-мифологическим влиянием на легенду о Разине; ср. гипотезу о северокавказском (прежде всего черкесском и осетинском) этнокультурном компоненте в составе донского казачества, сформулированную еще в конце XVIII столетия и поныне сохраняющую своих убежденных сторонников¹⁸⁹.

¹⁸⁹ [Байер Г.-З.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу / Пер. с нем. чрез И.К. Тауберта Академии Наук адъюнкта. 3-е изд. СПб.: Имп. Академия наук, 1782. С. 79; История, или повествование о Донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историков, летописей, древних дворцовых записей и из журнала Петра Великого через труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года. М.: Унив. тип. (Изд. Общества Истории и Древностей Российских), 1846 (= Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д., 1992. С. 3, 6, 17); Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории: Учеб. пособие. Ростов-н/Д: 1992. С. 9–12; Крайсветный М.И. О роли народов Кавказа в раннем этногенезе донского казачества // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум, 2006. С. 213–218.

КОЛДУНЬЯ АЛЕНА

Вы все еще держитесь поганского обычая волнования, веруете и сожигаете невинных людей... Чародеи и чародейки действуют силою бесовскою над теми, кто их боится, а кто веру твердую держит к Богу, над тем они не имеют власти. Скорблю о вашем безумии, умоляю вас, отступите от дел поганских.

Суздальский епископ Серапион, XV в.

I

Среди современных Разину вождей крестьянских возмущений наибольший интерес с точки зрения фольклоризации образа представляет беглая монахиня Алена, которая в 1669–1670 гг. возглавляла крупный отряд восставших крестьян Арзамасского уезда, была выдана властям жителями взятого ею города Темникова (совр. Мордовия) и казнена через несколько дней после Разина. В следственном деле о ней рассказывается следующее:

...Темниковцы ж грацкие люди привели к нам, холопам твоим, вора и еретика старицу, которая воровала и войско себе збирала и с ворами вместе воровала, да с нею ж принесли воровские заговорные письма и коренья... <...> А вор старица в роспросе и с пытки сказала: Аленою зовут, родиную де, государь, она города Арзамаса, Выездные слободы крестьянская дочь, и была замужем тое ж слободы за крестьянином; и как де муж ее умер, и она постриглась. И была во многих местех и людей портила. А в нынешнем де, государь, во 179-м году; пришед она из Арзамаса в Темников, избирала с собою на воровство многих людей и с ними воровала, и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федькою Сидоровым и ево учила ведовству. И мы, холопи твои <...> вора старицу за ее воровство и с нею воровские письма и коренья велели зжечь в струбе¹.

¹ «Отписка кн. Ю.А. Долгорукова в приказ Казанского Дворца от 16 декабря [6]179 [= 1670 г.] // Крестьянская война под пред-

Не вполне ясно, что конкретно имеется в виду под ее «ересью»², — вероятно, здесь суммируется несколько значений. Во-первых, это принадлежность к старообрядчеству, естественная для крестьян той эпохи³: «перекрестилась на русский лад: сперва лоб, потом грудь»⁴, т.е. по-старому, в соответствии с указаниями собора 1551 г.⁵, а не согласно более поздним рекомендациям⁶; это со всей несомненностью подтверждает

водительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А. Швецова; ред. А.А. Новосельский, В.И. Лебедев. М.: Изд-во АН СССР, 1954, 1957, 1962 (Т. I–III). М.: Наука, 1976 (Т. IV). Т. II. Ч. I. С. 367 (= Крестьянство и националы в революционном движении: Разинщина / Подгот. к печати А.А. Покровского и Н.П. Чулкова; предисл. С.Г. Томсинского. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931 [Материалы по истории революционного движения народов СССР / Под. общ. ред. М.Н. Покровского]. С. 62–63 (№ 46); см. также: Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1968. С. 124).

² *Ересь* — ‘нарушение установленных церковью положений; отклонение от догматов православия или даже христианства; вообще отступление от общепринятых правил’ (СРЯ XI–XVII. Вып. 5. С. 57; СРЯ XVIII. Вып. 7. С. 79).

³ *Румянцева В.С.* О крестьянах-раскольниках кануна восстания С.Т. Разина (по документам Приказа Тайных дел) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 270–286; *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. С. 101.

⁴ Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев. С. 113.

⁵ «Первое возлагати на чело, таже на перси, сииречь на сердце, и потом на правое плечо, таже на левое плечо, то есть истинное воображение крестного знаменья. <...> А кто не внимает, ни послушает благаго наказания, да будет отлучен» (Стоглав. Гл 31–32).

⁶ «...И возлагаем на чело, таже на живот, на десное и на левое рамо» («Катехизис Большой» Лаврентия Зизания. [1627]. Гл. 2). «Великий перст и другая два сущая близь его, — таже первое убо да положит ю на челе своим, второе на чреве своем, третие на правом раме и четвертое на левом раме» («Слово в поклонение честнаго и животворящего Креста, глаголемое третью

приверженность Алены «старой вере». Во вторых, речь может идти об уходе из монастыря, что являлось довольно серьезным проступком (она «старица»⁷, «еретик старица», т.е. монахиня-преступница), и, наконец, о колдовской практике, в которой подследственная была уличена («с нею ж принесли воровские заговорные письма и коренья») и в которой она признавалась (правда, под пыткой): «людей портила»⁸ <...> и ево [атамана Федьку Сидорова] учила ведовству».

Поскольку сожжена она была вместе со своими «воровскими письмами и кореньями», обвинение в колдовстве, неотделимое от обвинения в «воровстве» (т.е. в совершении всяческих преступных деяний [СРЯ XVIII. Вып. 4. С. 70; СРЯ XI–XVII. Вып. 17. С. 130]), явно было одним из основных. Эти «воровские письма»⁹, «воровские заговорные письма»¹⁰ и коренья» (ср. «писма заговорные и коренья» в медицинском документе того же времени) представляют собой именно рукописные заговоры¹¹, распространение и использование которых

Неделю святых постов» Дамаскина Студита [рус. пер. 1656]; последнее уже в прямой связи с реформой Никона [собор 1654 г.]).

⁷ *Старица* — ‘пожилая старшая монахиня; монахиня вообще’ (СРЯ XI–XVII. Вып. 27. С. 213).

⁸ *Портити* — ‘насылать болезнь, порчу колдовством или наговором’ (СРЯ XI–XVII. Вып. 17. С. 130).

⁹ Кстати, прокламации, призывы к бунту, «прелестные грамоты» Степана Разина (см.: Крестьянская война, II. Ч. 1. С. 65, 91, 252) также именовались «воровскими письмами», т.е. письменными обращениями, призывающими к бунту (см.: СРЯ XI–XVII. Вып. 3. С. 30–31).

¹⁰ *Заговорный* — ‘колдовской»; *письмо* — ‘письменный текст различного характера и назначения’ (см.: СРЯ XI–XVII. Вып. 15. С. 57; Вып. 5. С. 170).

¹¹ Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002 (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов); *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003 (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования); *Топорков А.Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005

преследовались властями — церковными и светскими¹². За аналогичную провинность (хранение «воровских заговорных писем») был, например, сожжен приставший к Разину стрелец Корнилко Семенов.

А жена его, Кормушкина, Грунька у пытки в роспросе говорила, что де муж ее Кормушка такие речи говорил. Да у него же де, Кормушки, были воровские заговорные письма, и те письма он, Кормушка, схоронил у себя на дворе, а она, Грунька, те письма същет. <...> А Кормушка Семенов сказал. — То де воровское заговорное письмо его, Кормушкино, а дал де ему то письмо под Синбирским воровской же казак Гришка, чей сын не ведает, и убит тот Гришка под Синбирским. И прочитал ему то письмо Гришка, а он, Кормушка, того письма не читал и грамоте не умеет. <Между абзацами текста л. 4 помета: 180-го июля в 27 день. Боярин и воеводы князь Яков Никитич Одоевской с товарищи, слушав сего дела, приговорили: вора Кормушку за заговорные письма казнить смертью, с же чь.>¹⁵

Следует, наконец, отметить еще одну черту нашей героини — ее вдовство. Вообще, в славянских традициях вдовы обладали особым статусом, они чаще прочих занимались колдовством, заговаривали болезни, участвовали в обрядах вызывания дождя и т.п.¹⁴ Примечает

(Традиционная духовная культура славян. Современные исследования); Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и комментарий. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010 (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).

¹² Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. С. 16–19; Смелянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. С. 13–22; Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. С. 9–10.

¹³ Крестьянская война, III. С. 236 (№ 210).

¹⁴ Гура А.В., Кабакова Г.И. Вдовство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1 (А–Г). М.: Междунар. отношения, 1995. С. 296–297.

тельно, что другая упоминаемая в следственных делах крестьянка, возглавлявшая «воровских людей», обладала тем же набором признаков: «ведунья», «вдова», атаманша:

Да ему же де, Андрюшке, воровские казаки сказывали, что в Шатцком де уезде ходит баба ведунья, вдова, крестьянка Темниковского уезду Красной Слободы, и собралось де с нею воровских людей 600 человек¹⁵.

Помимо рассмотренного «первичного» документа, имеется еще несколько записей, принадлежащих иностранцам — современникам данных событий; все они часто также принимаются за достоверные, хотя более близкое рассмотрение данных текстов заставляет усомниться в этом. Первые сведения содержатся в уже упоминавшемся анонимном «Сообщении»:

Среди прочих пленных была привезена к князю Юрию Долгорукому монахиня в мужском платье, надетом поверх монашеского одеяния. Монахиня та имела под командой своей семь тысяч человек и сражалась храбро, покуда не была взята в плен. Она не дрогнула и ничем не выказала страха, когда услышала приговор: быть сожженной заживо. <...> Прежде чем ей умереть, она пожелала, чтобы сыскалось поболее людей, которые поступали бы, как им пристало, и бились так же храбро, как она, тогда, наверное, поворотил бы князь Юрий вспять. <...> [Она] спокойно взошла на костер и была сожжена в пепел¹⁶.

Автор, как уже говорилось, человек чрезвычайно информированный, добавляет несколько интересных деталей к описанию этой колоритной фигуры, в том

¹⁵ Крестьянская война, II. Ч. I. С. 129; Крестьянство и националы... С. 29 (№ 18); Записки иностранцев. С. 124.

¹⁶ Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев. С. 112–113.

числе упоминание о «мужском платье, надетом поверх монашеского одеяния». Едва ли здесь мы сталкиваемся с домыслом составителя «Сообщения» — все нетривиальные подробности, отсутствующие в протоколе допроса (численность отряда, указание на личную храбрость пленницы и на ее стойкость перед лицом смерти, цитирование ее последних дерзких слов), говорят скорее о наличии у нашего анонима весьма близкого и надежного источника¹⁷.

Бальтазар Койэтт, член нидерландского посольства, посетивший Москву в 1675–1676 гг. и опубликовавший описание этой дипломатической миссии (Амстердам, 1677), рассказывая о восстании Разина, касается и казни Алены:

Между другими пленными к полководцу приведена была некая монахиня, которая, одетая в мужское одеяние, начальствовала над 7000 человек и во всех случаях выказала себя стойкою и храброю. Она была приговорена к сожжению и, несколько раз перекрестив себе, по обычаю Русских, грудь и лоб, бестрепетно вошла в деревянный, сверху открытый домик, в котором легла наземь и была сожжена здесь в пепел¹⁸.

Здесь, как и в прочих случаях, Койэтт лишь кратко излагает данные «Сообщения», ничего не добавляя от себя¹⁹, причем повторяет — видимо, в качестве особенно выразительной детали — упоминание

¹⁷ [Маньков А.Г.] Первое сочинение о восстании Разина // Записки иностранцев. С. 88–90.

¹⁸ Койэтт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900 / Пер. А. Ловягина. С. 456 (гл. 27).

¹⁹ Веретенников В.И. Об иностранных, современных событиях, источниках для истории разинского восстания // Научные записки Научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. Т. II. История и литература. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1927. С. 176; [Маньков А.Г.] Первое сочинение о восстании Разина. С. 85–86.

о «мужском одеянии» монахини-атаманши. То же относится к диссертации Марция, в которой содержится еще более краткая информация о мятежной «старице», хотя упоминание о ее «военных одеждах» также сохраняется.

Но никого не наказывали строже, чем казаков-мордвин²⁰, если не считать некой женщины, которую сожгли за то, что монашеский чин, к которому раньше принадлежала, она сменила на военные одежды и дела²¹.

Остается загадкой, откуда взялось совершенно не соответствующее действительности утверждение, будто бегство из монастыря на Руси карается смертной казнью. Оно принадлежит автору «Сообщения» и повторено Марцием, а его происхождение следует, видимо, искать либо в каком-нибудь малодостоверном сочинении о России, либо даже в отзвуках слухов о событии почти семидесятилетней давности — убийстве беглого монаха Гришки Отрепьева²².

²⁰ О казаках-мордвинах см.: «Изначально образовавшееся как конгломерат многих этносов, сибирское казачество до начала XX в. сохраняло этническую пестроту, хотя к этому времени уже выделились основные, наиболее многочисленные этнические группы, одной из которых была мордва. <...> Мордвины-переселенцы были выходцами из поселений Мезелинского, Бугульминского округов Оренбургской губернии и Хвалынского, Новоузенского, Балашевского, Кузнецкого уездов Саратовской губернии» (Андреев С.М. Мордва в этническом составе сибирского казачества (по материалам Г.Е. Катанаява 1890–1891 гг.) // Архивный вестник: Ежегодник Архивного управления администрации Омской области. Омск: [б.и.], 1994. № 5. С. 26); «В 1663 г. в Саранске насчитывалось 211 казаков русских, 270 казаков из мордвы и татар» (Тюстин А.В. Пензенское казачество // Пензенский отдел союза казаков. penzakazaki.narod.ru/images/syujety.html).

²¹ Марций И.Ю. Стенко Разин донски козак изменник // Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования / Ред. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1975. § 26.

²² Благодарю Б.А. Успенского за разъяснения по этому поводу.

Наиболее обстоятельно легенда об Алене излагается священником Иоганном Фришем, который, впрочем, — в отличие от предшествующих авторов — в России не бывал, а раздел своих «Поучительных досугов»²³, посвященный Степану Разину («Двадцать шестая беседа», 1677), составил по газетным и прочим печатным материалам 1670–1671 гг.

Через несколько дней после казни Разина была сожжена монахиня, которая, находясь с ним [заодно], подобно амазонке, превосходила мужчин своей необычной отвагой. Когда часть его войск была разбита Долгоруковым, она, будучи их предводителем, укрылась в церкви и продолжала там так упорно сопротивляться, что сперва расстреляла все свои стрелы, убив при этом еще семерых или восьмерых, а после того, как увидела, что дальнейшее сопротивление невозможно, отвязала саблю, отшвырнула ее и с распростертыми руками бросилась навзничь к алтарю. В этой позе она и была найдена и пленена ворвавшимися [солдатами]. Она должна была обладать небывалой силой, так как в армии Долгорукова не нашлось никого, кто смог бы натянуть до конца принадлежавший ей лук. Ее мужество проявилось также во время казни, когда она спокойно взошла на край хижины, сооруженной по московскому обычаю из дерева, соломы и других горючих вещей, и, перекрестившись и свершив другие обряды, смело прыгнула в нее, захлопнула за собой крышку и, когда все было охвачено пламенем, не издала ни звука²⁴.

Мотивная структура легенды в ее развитии на протяжении нескольких лет (1670–1677) может быть отражена в табл. IV:

²³ Приложения к «Известиям Альтоны» («Altonaischen Relation»), издаваемые в 1676–1680 гг.

²⁴ Поучительные досуги Иоганна Фриша, или Примечательные и вдумчивые беседы, в которых речь идет о полезных и поучительных материях, а также каждый раз сообщается о важнейших событиях нашего времени // Иностранские известия о восстании Степана Разина. С. 124.

Таблица IV

	Монахиня / вдова / колдунья	Мужское платье	Атаманиша	Воин
«Отписка»	еретика старицу... муж ее умер, и она постриглась... с нею ж принесли воровские заговорные письма и коренья... и людей портила... и ево учила ведовству		воровала и войско себе збирала... збирала с собою на воровство многих людей... стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федькою Сидоровым	и с ворами вместе воровала... и с ними воровала
«Сообщение»	монахиня...	в мужском платье, надетом поверх монашеского одеяния	монахиня та имела под командой своей семь тысяч человек	и сражалась храбро
Койэйт	некая монахиня...	одетая в мужское одеяние	начальство вала над 7000 человек	и во всех случаях выказала себя стойкою и храброю
Марций	некая женщина... монашеский чин	монашеский чин... сменила на военные одежды	Военные... дела	
Фриш	монахиня, которая, находясь с ним [Разинным заодно] (?diese hatte sich als eine Amazonin bey ihm)	подобно амазонке превосходила мужчин своей необычной отвагой ...	она, будучи их [войск Разина] предводителем, укрылась в церкви	и продолжала там так упорно сопротивляться, что сперва расстреляла все свои стрелы,

Фриш				убив при этом еще семерых или восьмерых... Она должна была обладать небывалой силой, так как в армии Долгорукова не нашлось никого, кто смог бы натянуть до конца принадлежавший ей лук
------	--	--	--	---

Обращает на себя внимание, что ни один из иностранных источников — ни «Сообщение», ни последующие тексты, в той или иной мере опирающиеся на него, — не упоминает имени героини, ее вдовства и колдовских практик, тогда как монашеский сан подчеркивается всеми. Конечно, имя женщины просто могло остаться неизвестным автору «Сообщения», а ее вдовство не привлекло внимания как малозначимая подробность. С другой стороны, появляются новые детали, прежде всего мужская одежда, надетая поверх монашеского одеяния («Сообщение»), причем именно военная (Марций). Кажется странным отсутствие указания на амплу колдуньи, что явно было одной из основных статей обвинения и вряд ли осталось неизвестным автору «Сообщения». Видимо, для европейца XVII в.²⁵ монахиня, покинувшая монастырь, переодевшаяся в мужское платье и ставшая воином, собствен-

²⁵ Автор протографа «Сообщения», скорее всего, был голландцем (см.: [Гольдберг А.Л.] Известия о восстании С. Разина в западноевропейских периодических изданиях и хрониках XVII в. // Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования / Ред. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1975. С. 157–158).

но, и является ведьмой, поэтому дополнительного акцентирования данного самоочевидного факта просто не потребовалось²⁶. Кстати, на Руси ведьм не обязательно сжигали²⁷, но сжигали, согласно Рейтенфельсу (причем именно вышеописанным образом: «закрывают в небольшие деревянные домики и сжигают живыми и выглядывающими оттуда»), в случае «каких-либо сомнений относительно веры»²⁸, т.е. за ересь. Эта казнь в XVII в. часто применялась к старообрядцам и вообще за уклонение от веры; почти столетием раньше (1588–1589) Д. Флетчер, видевший в Москве такую казнь, предполагает, что наказанные поплатились «за какую-нибудь религиозную истину, хотя священники и монахи уверили народ, что эти люди были злые и проклятые еретики»²⁹.

Таким образом, казнь Алены за «ведовство» и «воровство» (т.е. разбой), тесно связанные между собой, есть случай скорее нетипичный, порожденный чрезвычайными обстоятельствами подавления страшного мятежа, угрожавшего самому существованию государства; вспомним приведенную выше историю стрельца-перебежчика Корнилки Семенова.

²⁶ Благодарю М.Ю. Реутину за консультацию по данной теме.

²⁷ С.В. Максимов приводит несколько случаев, включая Алену Темниковскую, и вспоминает указ Сената 1730 г. о том, что «за волшебство закон определяет сожжение» (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голик и А. Вильмонт, 1903. С. 137–137). См. также в связи с этим: Ryan W.F. The witchcraft hysteria in Early Modern Europe: Was Russia an exception? // Slavonic and East European Review. 1998. Т. 76. № 1 (january). P. 49–84.

²⁸ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905 [цит. по: Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997 (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 327 (Кн. II. Гл. 23. О разного рода судебных допросах, наказаниях и казнях)].

²⁹ Флетчер Д. О государстве русском [Пер. М.А. Оболенского]. М.: Захаров, 2002. С. 142 (= Накануне Смуты. Век XVI / Сост., предисл., коммент. С. Елисеева. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 586).

У Фриша, видимо уже полностью не зависящего от каких-либо живых свидетельств, вся эта атрибутика складывается во впечатляющий образ перепоясанной саблей богатырши: натянуть ее лук не способен никто (Mot. H326.1.2; Березк. K12A; л у к О д и с с е я [Одисс., XXI, 74–97; XXIV, 168–177]), а сопротивляется царским войскам она до последней возможности, «расстреляв все свои стрелы», — тоже топка героического повествования. На самом деле, как свидетельствует протокол допроса, Алену схватили и выдали властям сами темниковские горожане, которые, вероятно, воспользовались случаем, чтобы избавиться от обременительного воеводства атаманши Алены и атамана Федьки Сидорова, имея к тому же все основания опасаться репрессий со стороны Долгорукова после его победы.

И эпизод боя в церкви (реконструируется как поиск воинственной монахиней последнего убежища в храме у алтаря + вынужденная оборона при начавшемся штурме), и жест вручения себя Богу в безнадежной ситуации («отвязала саблю, отшвырнула ее и с распростертыми руками бросилась навзничь к алтарю») ⁵⁰ — все это результат фабулизации исходного сообщения, материалом для чего могли послужить какие-то не дошедшие до нас источники ⁵¹, восходящие, возможно, к русской традиции и отражавшие определенные фазы кристаллизации легенды.

⁵⁰ Мотивы достаточно древние; вспомним, например, попытку Приама найти спасение в храме у алтаря Зевса при падении Трои, его отпор врагу и гибель: «Когда же Гекуба / Мужа увидела вдруг в доспехах, приличных лишь юным, — / Молвила: “Бедный Приам, о, что за умысел страшный / Это оружие взять тебя заставил? / <...> / Так отойди же сюда! Защитит нас жертвенник этот, / Или же вместе умрем!” / И, промолвив, она привлекает Старца к себе и сажает его в укрытье священном / <...> копье бессильной рукою / Старец в Пирра метнул <...> / И вот <...> влечет к алтарю он / Старца, который скользит в крови убитого сына; / Левою рукою Приама схватив за волосы, правой / Меч он заносит и в бок вонзает по рукоятку» (Энеида, II, 517–525, 544–553; ср.: Аполлод., Эпит., V, 21).

⁵¹ [Маньков А.Г.] Первое сочинение о восстании Разина. С. 88–90; [Гольдберг А.Л.] Известия о восстании С. Разина... С. 157–158.

Нет никаких данных, свидетельствующих о взаимоотношениях Степана Разина и атаманши Алены или хотя бы об их знакомстве ⁵². Видимо, именно поэтому в русском переводе не вполне внятного текста Фриша делается следующая реконструкция: монахиня, «которая, находясь с ним [заодно]...» ⁵³, хотя слова оригинала с наименьшим основанием можно понять как «будучи при нем», «с ним вместе» (*bey ihm*). В таком случае допустимо предположить, что циклизующий процесс уже свел вместе обоих персонажей легенды ⁵⁴.

Не исключено, что отражение данной традиции мы встречаем в предании «Марина-безбожница и Стенька Разин», записанном примерно в тех районах Нижегородской губернии, где проходила деятельность Алены:

В «Орловском кусте» обитала атаманша Марина-безбожница, а в «Чукалах» жил Стенька Разин. Местности эти в то время были покрыты непроходимым лесом. Марина со Стенькою вели знакомство, и вот когда Марина вздумает со Стенькою повидаться, то кинет в стан к нему, верст за шесть, косырь ⁵⁵, а он ей отвечает: иду-де — и кинет к ней топор (Мамак. С. 139).

⁵² О разинском движении в этих местах см.: Голубев А.А. К истории бунта Стеньки Разина в Заволжье. М.: Унив. тип., 1894.

⁵³ *Wenig Tagen nach ihm ward ein Nonne verbrand, diese hatte sich als eine Amazonin bey ihm ungemeine Proben mehr als mannlicher Tapfferkeit erwiesen.*

⁵⁴ Как сводит он, например, в рамках одного сюжета Ермака, Разина, Ваньку Каина, Ивана Мазепу и Гришку Отрепьева: «У Ермака Тимофеича, самого набольшого изо всех станишников, было много удалых товарищей, верных помощников; правою рукою у него был Стенька Разин, а за Стенькою Разиным Ванька Каин, Иван Мазепа, Гришка Отрепьев. Жили сотоварищи долгое время в ладу...» (Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А.Е. Грузинского. Т. 1–3. М.: Сотрудник школ, 1910. Т. 2. С. 719–722 [№ 220–221]). Многочисленные предания о дружбе Разина с Пугачевым см.: Байкальские легенды и предания. Фольклорные записи Л.Е. Элиасова. 2-е изд., доп. и перераб. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984.

⁵⁵ *Косырь* — большой нож для щепания лучины, скобления пола и т.п. (см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л.: Наука, 1979. С. 94).

Ср. аналогичную «коммуникацию исполинов» в вайнахском сказании:

Теча и Цай были нартами. Они очень любили друг друга. Между местностями, где они жили, будет расстояние в 4–5 километров. Однажды вечером Теча на своем склоне заиграл на дечиг-пандуре, напевая красивые мелодии. Он пел и играл так, чтобы слышала Цай. <...> и, не сходя с места, оторвал от горного хребта скалу величиной в три-четыре арбы. Ради шутки он бросил скалу к Цай. Она очень обрадовалась этой шутке и в ответ бросила в направлении к Тече, к расщелинам хребта, другой камень. На камне, брошенном Течей, Цай на радостях так [бурно] протанцевала, что, повернувшись на пятках, сделала одну выбоину в камне, а ударив рукой — сделала вторую³⁶.

Похоже, что этот эпизод имеет эротический подтекст.

Сатаней-гуаша на берегу реки стирала белье. / Нартский пастух коров Сое пас стадо на другом берегу. / Загляделся пастух на красоту женщины Сатаней, на междуножье ее. / И полюбил пастух прекрасную Сатаней — белую телом Мезитху. / И не мог он ударить своего семени, не владел собой. / Сое крикнул: / «К тебе идет, Сатаней!» Сатаней в ответ: / «Пусть идет». / Сбоку Сатаней лежал камень, на камень упало семя³⁷.

Своим именем «атаманша Марина-безбожница» наверняка обязана Марине Мнишек, получившей в русском фольклоре устойчивую репутацию колдуньи, ведьмы и оборотня³⁸. Помимо всего прочего, ее дея-

³⁶ Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: Исследование и тексты. М.: Наука, 1972. С. 289–290.

³⁷ Кабардинский фольклор / Вступ. ст., коммент. и словарь М.Е. Талпа. М.; Л.: Academia, 1936. С. 13.

³⁸ Железнов И.И. Маринкин городок // Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. 3-е изд. / Под ред. Н.А. Бородина. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза»,

тельность имела и астраханскую локализацию³⁹, что могло явиться дополнительной причиной использования этого имени в разинском сюжете. В целом, однако, сюжеты, связанные с атаманшей Аленой, в фольклоре не представлены. Единственная встретившаяся мне запись явно неаутентичная⁴⁰, с невнятной паспортизацией⁴¹, и представляющая собой несколько переработанный пересказ сведений из исторических источников (иногда близко к исходному тексту: «Если бы все так воевали, как я, Юрий наострил бы лыжи»⁴²) и из художественной литературы (в частности, из романа И.Ф. Наживина)⁴³.

II

Внимание отечественных литераторов Алена Арзамасская привлекает не сразу. В ампула колдуньи и провидицы она едва ли не впервые появляется в фильме «Стенька Разин» (1914):

1910. Т. II. С. 213–288 (Исторический очерк и предания о Маринке — разбойнице и колдунье); *Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности. Былины. Т. [I]–II. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1897–1910. Т. III. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. II. С. 288–298.

³⁹ *Гиришберг А.* Марина Мнишек / Пер., предисл. Андрея Титова. М., 1908. С. 353; *Вернадский В.Н.* Конец Заруцкого // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1939. № 19. С. 128.

⁴⁰ Монахиня-атаманша // Легенды и предания Волги-реки: Сб. / Сост. В.Н. Морохин. 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Книги, 2002. С. 228–229 (№ 214).

⁴¹ Записано А.П. Блиновым в с. Работки Кстовского р-на Горьковской обл. в 1977 г. Исполнитель не указан (см. там же. С. 517).

⁴² «...Бились так же храбро, как она, тогда, наверное, поворотил бы князь Юрий вспять» (Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 113).

⁴³ *Наживин И.Ф.* Степан Разин (Казак): Исторический роман. М.: ИТРК, 2004. Гл. XVI, XXXI, XXXII. (Биб-ка исторического романа).

Его [Разина] встречает живущая подле утеса ведунья Алена и, введя в свою пещеру, дает ему великий завет: «Берегись женщины! В ней погибель твоя и всему делу твоему». <...> Ведунья Алена, почуяв беду с атаманом, приходит ему на помощь. Она дает лекарства атаману и, укрепив его силы, уводит в свою пещеру. Отвергнутая Настя, проследив, куда скрылся Степан, выдает домовитым казакам местопребывание атамана, и они захватывают Степана в плен, а ведунью Алену сжигают⁴⁴.

Предсказание гибели из-за женщины, имеющее не только индивидуальный, но и более широкий масштаб (мифологический, эпико-героический, социально-политический⁴⁵), относится к чрезвычайно активной литературно-фольклорной топике, однако встроено оно в сюжетную структуру преданий о гибели героя вследствие предательства жены или возлюбленной. Тот же мотив — в «исторической хронике» Б.К. Рябухина (у него гадалку зовут Анисьей).

⁴⁴ Цит. по: Сине-Фоно. 1914. № 4/5. С. 43.

⁴⁵ Ср. рассуждение Аристотеля о деструктивной роли женщин в общественной жизни Спарты: «Пользы тут, как в других государствах, женщины не принесли никакой, а произвели большее смятение, чем враги» (*Аристотель. Политика* // Соч.: В 4 т. / Пер. с др.-греч; общ. ред. А.И. Доватура. Т. 4. С. 429. М.: Мысль, 1983 [Филос. наследие. Т. 90], а также чрезвычайно близкое китайское представление: «Умный мужчина крепостные стены возводит, умная женщина их разрушает. Пусть она мила, но подобна сове или ястребу. Длинный язык у нее, она ступенька к беде. Смуту не Небо посылает, смута рождается из-за женщин» («Шицзин», XI–VI вв. до н.э.); «Мудрецы драгоценны для страны, красавицы бедственны для страны. Династия Ся была уничтожена из-за Мэйси, Инь — из-за Дацзи, Чжоу — из-за Баосы» («Юэ цзюэ шу», ок. III в. н.э.). Благодарю А.Б. Старостину за разъяснения, касающиеся китайского материала. Видимо, за этими представлениями стоит весьма архаический мотив (о п а с н о с т ь, и с х о д я щ а я о т ж е н щ и н ы), в дальнейшем подвергнувшийся разным логико-семиотическим преобразованиям; вспомним библейский мотив грехопадения (см.: Быт. 3: 1–19).

Р а з и н. Раскинь-ка карты, что меня с ней ждет?
<...> А н и с ь я. Любовь тебя не сделает счастливым. /
И все удачи кончатся изменой, / Ударом, неприятною
дорогой / В казенный дом. И всюду — дама пик / Вредит
тебе — твоя злодейка-слава, / Она в гордыне вознесет
до неба, / А после головой на плаху бросит⁴⁶.

Подробную биографию, представляющую собой самостоятельную сюжетную линию, Алена Арзамасская обретает в романе Наживина, причем тематическое разворачивание — на основе приведенных выше исторических данных — осуществляется почти исключительно за счет привлечения известного автору этнографического материала. Описываются ее занятия знахарки и повитухи, пробуждение в ней ведовских способностей и грез о потустороннем посетителе.

И когда тихую ночью среди звезд вдруг пролетало что-то огневое и рассыпалось над черной землей пучками золотых и бриллиантовых искр, она замирала: это — Он... К кому Он?.. Уж не к ней ли?..⁴⁷ И когда бессонной ночью слышала она тихие шорохи, потрескивание, тихую поступь, вся холодея, она чутко настораживалась, напряженно смотрела в темноту, и боялась, и звала, и ожидала каких-то жутких откровений⁴⁸.

Рассказывается об обучении Алены у местного колдуна, о получении от него в наследство «вещей книги»⁴⁹,

⁴⁶ *Рябухин Б.* Степан Разин: Историческая хроника в стихах. М.: Мол. гвардия, 1983 (д. II, карт. 4).

⁴⁷ Ср. частый мотив фольклорных быличек: мифическое существо летает к вдове огненным змеем, рассыпается искрами, вступает с ней в любовные отношения (см.: *Козлова Н.К.* Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. А.1У.3.1, А.1У.5, А.У.1 и др.); змей (черт) летает к вдове, принуждает ее к сожительству, рассыпается искрами (Зин. VIII 4б).

⁴⁸ *Наживин И.Ф.* Степан Разин. С. 160.

⁴⁹ Там же. С. 161–163.

которая, как можно понять, в финале будет сожжена вместе с хозяйкой.

Темниковцы сразу выдали ему [Долгорукову] главных зачинщиков: попа Савву, Ерика, вещую женку Алену и Федьку Кабана, подводчика и укрывателя воров. «А вот это у нее, ведуньи, вчерась при обыске нашли... — сказал соборный протопоп, желтый, веснушчатый человек с острым носом и колючими глазами. — Чернокнижница отпетая». Князь брезгливо и не без некоторого опасения перекинул несколько потемневших листов книги: травы какие-то, месяц с лицом человеческим, звери невиданные и таинственные знаки. И везде эта цифирь проклятая... В иноземных грамотах князь был не горазд и к книгам вообще относился подозрительно. Он враждебно посмотрел на Алену, которая сияла на него своими прелестными глазами. «Сожечь в избе», — коротко сказал он⁵⁰.

И Наживин, и С.П. Злобин⁵¹, и В.И. Буртовой (у которого колдунья зовется Лукерьей⁵²), и Б.К. Рябухин в большом количестве цитируют тексты народных заговоров (выглядящие, кстати, вполне достоверно):

«Во чистом поле свищут пули. Я пуль не боюсь, я пуль не страшуся, не троньте, пули, белые груди, буйную голову, становую жилу, горячее сердце»⁵³.

«Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый луг, во зеленом лугу есть зелия могучие, в них сила видима-невидимая! <...> Красная былинка притащит мне меч-кладенец, черная былинка достанет уздечку бранную, белая былинка откроет колчан с каленой стрелой»⁵⁴ и т.д.

⁵⁰ Там же. С. 324.

⁵¹ Злобин С.П. Степан Разин: Исторический роман: В 2 кн. Минск: БелСЭ им. Петруся Бровки, 1987. Кн. 2. С. 349–350.

⁵² Буртовой В.И. Самарская вольница. Степан Разин. М.: Рипол Классик, 2011 (Гл. 8. Суд праведный, 2).

⁵³ Наживин И.Ф. Степан Разин. С. 162.

⁵⁴ Буртовой В.И. Самарская вольница. Степан Разин. Гл. 8. Суд праведный, 2.

М а ш а (достав из-за иконы свиток, читает). Пойду я в чисто поле на раздолье. / <...> / Завижу в поле я суху Сухару, / Как та Сухара сохнет-иссухает, / Так раб Степан пусть сохнет-иссухает / По мне, возлюбленной рабе Марии. <...> (Плюет три раза и крестится, прячет свиток.)⁵⁵

Обсуждение эффективности рукописных заговоров от пуль происходит у Злобина в финальном диалоге Алены с Долгоруким, откуда следует, что князь с полным доверием относится к этим колдовским манипуляциям⁵⁶; вспомним о мотиве магической неуязвимости Разина. Тема подобного доверия, вступающего в противоречие с православной религией, присутствует и в «исторической хронике» Б.К. Рябухина, причем приписывается оно и царю Алексею Михайловичу.

Д о л г о р у к и й. А я тебе, великий государь, / Единорога рог достал. Прими! / От всех недугов может исцелить. / Да спрячь, чтоб не увидел патриарх. / Не то нам попадет за ведовство. Ц а р ь (прячет сверток). Спасибо, Юрий Алексеич! Право, / Уважил так уважил. Мы давно / Купить мечтали рог единорога⁵⁷.

Хотя при построении биографии своей героини Наживин, в общем, следует за источниками XVII в. («В мужском наряде она ходила повсюду с отрядом Саввы, билась наравне с мужиками, ничего не боясь, и все веровали, что она носит с собой заговорные письма и

⁵⁵ Рябухин Б. Степан Разин. Д. II, карт. 4.

⁵⁶ Злобин С.П. Степан Разин. Кн. 2. С. 349–350. У Злобина и Рябухина фамилия князя Ю.А. Долгорукова изменяется, получая форму *Долгорукий*; кстати, эту форму (*Dolgorouky*) применительно у тому же историческому лицу использует в своих путевых очерках и А. Дюма (*Impressions de voyage en Russie par Alexandre Dumas. Paris: Michel Lévy frères, 1866. P. 12*) — несомненно, со слов своих русских собеседников.

⁵⁷ Рябухин Б. Степан Разин. Д. IV, карт. 6. Рогу единорога приписывались лечебные свойства — считалось, в частности, что это лучшее средство от ядов (см.: Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2000. С. 288).

коренья, которые обеспечивают победу»⁵⁸ — вспомним тексты, составленные современниками событий), тема колдовства здесь решительно преобладает над воинской. Кстати, употребляя в приведенном выше фрагменте выражение «прелестные глаза» (в значении 'прекрасные, очень красивые'), автор невольно актуализует «внутреннюю форму» данного слова: семантика 'прельстительности [обольстительности, соблазнительности]' (вспомним сказанное выше о магической силе взгляда у персонажа-колдуна!) в полной мере соответствует ведовской природе Алены.

ЛЕГЕНДА О ПЕРСИДСКОЙ КНЯЖНЕ

В Европе говорили... что он наградил несметные богатства и женился на дочери Великого Могола, которую захватил на индийском корабле, попавшем в его руки...

Чарлз Джонсон (Даниель Дефо).

Всеобщая история пиратов

*Возлюбленных все убивают, —
Так повелось в веках.*

Оскар Уайльд.

Баллада Редингской тюрьмы

Центральным эпизодом разинской легенды, особенно в ее литературном воплощении, является история утопления в Волге мятежным разбойничьим атаманом своей наложницы — пленной персидской княжны. Этот эпизод известен едва ли не каждому русскому человеку¹ благодаря песне «Из-за острова на стрежень...»² на стихи Д.Н. Садовникова,

¹ Высказывалось даже мнение, что данный сюжет относится к числу национальных мифов, «архетипических» для русской культуры. См.: *Климова М.Н.* Из истории «русских мифов» («Стенька Разин и персидская княжна») // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиции: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 223–233. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 23); *Она же.* Миф о колдуне и очарованной красавице в русской литературе // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Вып. 8 (71): Серия «Гуманитарные науки (филология)». Томск, 2007. С. 60.

² Воспроизводилась множество раз: *Садовников Д.* Из «Волжских песен» // Волжский вестник. 1883. № 12 (март). С. 261 (первая публ.); далее цит. по изд.: *Садовников Д.Н.* Стихотворения // Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Биограф. справочник, подгот. текста и примеч. В.Г. Базанова, Б.Л. Бессонова и А.М. Бихтера. Л.: Сов. писатель, 1968. № 410. (Биб-ка поэта). Пока не удаётся

⁵⁸ *Наживин И.Ф.* Степан Разин. С. 314–315.

волжского поэта и ученого-собиранья, фольклорные коллекции которого («Загадки русского народа» [1876], «Сказки и предания Самарского края» [1884]) относятся к числу «классических» собраний текстов русской народной словесности. Что же касается рассматриваемой легенды, то данная песня, адаптированная устной традицией и растиражированная десятками песенников, особенно 1900–1910-х годов³, сыграла в ней исключи-

выяснить, откуда взялась мелодия, ставшая неотъемлемой частью этой песни. Высказывалось мнение, что ее источник — песня немецких колонистов времен Екатерины II (информация В.Ф. Лурье); во всяком случае, известно, что она была особенно популярна у немцев Поволжья, причем на ее музыку пелись и другие песни. Однако возможен (и логически более вероятен) противоположный процесс: песня, первоначально получившая распространение именно в Поволжье, попала к немцам-колонистам, была переведена на немецкий язык, после чего на популярную мелодию стали сочиняться песни, не имеющие отношения к тексту оригинала (как это происходило, скажем, с мелодией таких знаменитых городских баллад, как «Кирпичики», «Гоп-со-смыком», «Мурка» и др. См.: Неклюдов С.Ю. «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник: Ист.-филол. сб. к 60-летию Р.Д. Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 273, 276, 284–288; Он же. «Гоп-со-смыком» — это всем известно... // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб.: СПбГУКИ [С.-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств], 2006. С. 65–66, 68–69).

³ Песни о Стеньке Разине, записанные А.С. Пушкиным [и др.]. СПб.: Т.Ф. Кузин, 1901; Песни А.С. Пушкина и крестьян Саратовской губернии о Стеньке Разине / Сост. М.Е. Соколов. Саратов: Типолит. Ф.Е. Немирова, 1902; Стенька Разин: Новейший песенник. СПб.: Т.Ф. Кузин, 1906 (на обл. — 1905); Стенька Разин и другие народные песни: Сб. песен. М.: Максимов, 1908; Стенька Разин: Новейший сб. песен. М.: Торг. дом «Е. Коновалова и К°», 1908; Стенька Разин: Новый песенник: Сб. рус. песен и стихотворений. М., 1908; Стенька Разин: Новый песенник: Сб. рус. песен и стихотворений. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1908, 1909; Стенька Разин: Новый песенник: Сб. рус. песен и стихотворений. М., 1909, 1910, 1911; Песни о Разине. Соч. А.С. Пушкина и др. СПб.: А.А. Холмушин, 1912; Стенька Разин: Новый песенник: Сб. рус. песен и стихотворений. М., 1914, 1915 (перечислены только те издания, которые получили свое название по этой популярной песне).

тельную роль⁴. Наконец, как отдельная сюжетная линия данный эпизод разрабатывается в поэтических, прозаических и драматургических произведениях о Степане Разине.

Вот полный текст этого стихотворения:

Из-за острова на стрежень ⁵ , На простор речной волны Выбегают расписные Острогрудые челны. На переднем Стенька Разин, Обнявшись с своей	Персиянки полоненной Крепче обнял полный стан. Гневно кровью налилися Атамановы глаза, Брови черные нависли, Собирается гроза... «Эх, кормилица родная, Волга матушка-река! Не видала ты подарков От донского казака!.. Чтобы не было зазорно Перед вольными людьми, Перед вольною рекою — На, кормилица... возьми!» Мощным взмахом
княжной, Свадьбу новую справляет, И веселый и хмельной. А княжна, склонивши очи, Ни жива и ни мертва, Робко слушает хмельные, Неразумные слова. «Ничего не пожалею! Буйну голову отдам!» — Раздается по окрестным Берегам и островам.	поднимает Полоненную княжну И, не глядя, прочь кидает В набежавшую волну... «Что затихли, удалые?.. Эй ты, Фролка, черт, пляши! Грянь, ребята, хоровую За помин ее души!..»
«Ишь ты, братцы, атаман-то Нас на бабу променял! Ночку с нею повозился — Сам наутро бабой стал. Ошалел...» Насмешки, шепот	
Слышит пьяный атаман —	

⁴ «Удивительное тут в том, что все, буквально все авторы произведений о Разине той поры пользовались не архивными материалами, новыми или старыми, а известной популярной песней Садовникова “Из-за острова на стрежень”, где утопление княжны было центром мелодраматического сюжета, не имеющего никакого отношения к подлинным событиям жизни Степана Разина. <...> Ссылаться на фольклорную основу стихотворения Садовникова — безусловно народную песню того времени — нет оснований, ибо чисто литературно популярная песня “Из-за острова на стрежень” определила интерес авторов к разинской теме» (*Шаламов В.Т. Поэт Василий Каменский // Собр. соч.: В 6 т. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. М., 2005. С. 211–223 [цит. по: <http://www.shalamov.ru/library/21/55.html>]*).

⁵ *Стрежень* — наиболее быстрая часть течения реки.

Примечательно, что это самое известное (точнее, единственное широко известное) произведение Садовникова-поэта не имеет почти никакого отношения к преданиям о Разине, в большом количестве записанным Садовниковым-фольклористом. Его сюжетной основой является рассказ уже упоминавшегося голландца Яна Стрёйса, корабельного ремесленника на русской службе и одного из непосредственных свидетелей разинского движения (конкретно — его астраханского периода)⁶.

Вопрос об авторстве книги воспоминаний, которая вышла под его именем и к которой восходит этот рассказ, нуждается в серьезном уточнении. Тщательное исследование данного сочинения⁷ приводит к выводу, что его составителем почти наверняка был амстердамский доктор, ученый-географ и литератор Олферт Даппер (1636? — 1689), переводчик Геродота, эрудит, владевший несколькими языками, автор истории города Амстердама⁸. Ему принадлежит несколько объемистых компилятивных описаний дальних краев и стран (Африки, Азии, Китая), снабженных картами и иллюстрациями, так что работа над «Путешествиями» Стрёйса, заказанная издателями Якобом ван Мёрсом и Яном ван Сомереном (ранее публиковавшими географические труды Даппера), должна была стать для него делом вполне естественным. Отсутствие его имени на обложке, видимо, объясняется политическими событиями — падением в 1672 г. «великого пенсионария» Яна де Витта⁹ и его брата Корнелиса, покровитель-

⁶ Морозов А. Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие // *Стрейс Я. Три путешествия*. Введение А. Гайсиновича / Пер. [с нидерл.] Э. Бородиной; ред., [вступ. ст., примеч.] А. Морозова. М.: ОГИЗ; СОЦЭГГИЗ, 1935. С. 23–38. (Иностранные путешественники о России).

⁷ *Boterbloem K. The Fiction and Reality of Jan Struys. A Seventeenth-Century Dutch Globetrotter*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.

⁸ Это был достаточно видный деятель своего времени, память о котором сохраняется до наших дней: в Амстердаме его именем названа улица (Dapperstraat), а в Париже есть музей Даппера (Musée Dapper), посвященный искусству Африки.

⁹ *Великий пенсионарий* (нидерл. *Raadpensionaris*; «адвокат города», «земский адвокат», *ратспенсионер*) — член коллегии вы-

Обложка
«Путешествий...»
Стрёйса
(Амстердам, 1677)

ством которого ученый пользовался. С этого момента и вплоть до 1676 г. его имя перестает упоминаться, вследствие чего, вероятно, и обработка Даппером воспоминаний Стрёйса также осталась анонимной¹⁰.

Даппер идеально годился для подобной работы. Он сам происходил из семьи канатного мастера, прекрас-

борных советников, которой принадлежала верховная власть в промежутках между созывами штатов, и депутации, которая представляла провинциальные штаты Голландии на Генеральных штатах Соединенных Нидерландов (см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. XXIII [1898]. С. 148). Ян де Витт (1625–1672) — крупнейший нидерландский государственный и политический деятель, с 1658 г. трижды переизбиравшийся на этот пост.

¹⁰ *Boterbloem K. The Fiction and Reality of Jan Struys*. P. 4, 144–149.

но знал быт и традиции моряков, что в сочетании с богатейшей географической эрудицией позволяло ему не только хорошо понимать рассказы Стрэйса, но и транслировать их, фильтруя для более образованного сословия, с одной стороны, и сохраняя голос «человека из народа» — с другой¹¹. Как компилятор он использует записи, сделанные самим Стрэйсом, записывает, обрабатывает и монтирует его устные рассказы, дополняя их обширными бессылочными вставками из других авторов — главным образом из знаменитого описания путешествия голштинского посольства в Московию и Персию, составленного Адамом Олеарием и впервые увидевшего свет за 30 лет до издания этой книги; встречаются и фрагменты некоторых других сочинений¹². При этом составитель, вероятно, прибегает к заимствованиям не только тогда, когда ощущает неполноту своих сведений, но и в тех случаях, когда собственного опыта рассказчика, казалось бы, было вполне достаточно¹³. Подобного рода безотсылочные выдержки вызывают обвинения в литературном воровстве еще со стороны

¹¹ *Boterbloem K.* The Fiction and Reality of Jan Struys. P. 4, 145–146.

¹² *Olearius A.* Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise. Schleswig, 1647 (рус. пер.: *Олеарий А.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указатель А.М. Ловягина. С 19 рис. на особых листах и 66 рис. в тексте. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906); *Морозов А.* Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие. С. 32–34; *Boterbloem K.* The Fiction and Reality of Jan Struys. P. 4, 146–147.

¹³ Ср.: «Даже при описании первого пребывания Разина в Астрахани в августе 1669 г., очевидцем которого он был, Стрейс не удержался от заимствования из Сообщения [касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным]» ([*Маньков А.Г.*] Первое сочинение о восстании С. Разина // Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1968. С. 85). Ситуация парадоксальная: Стрейс, непосредственный свидетель астраханских событий, при их описании использует заимствования из текста, автор которого в Астрахани не были, самого Разина не видели (см. там же. С. 86), а в своем изложении явно основывался на циркулировавших в Москве устных рассказах.

современников¹⁴; впрочем, использование заимствований из более ранних сочинений вообще характерно для европейских описаний России, да и вообще географических описаний такого рода¹⁵.

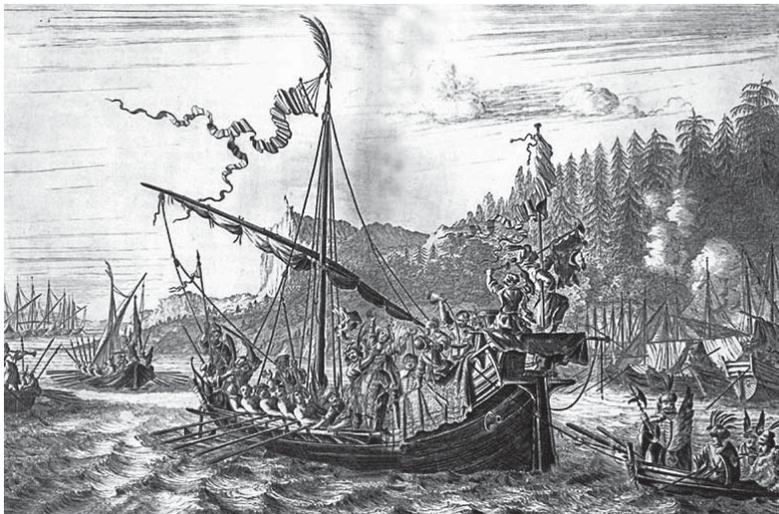
Описание приключений Стрэйса¹⁶, которое сразу же было переведено на немецкий, французский, английский языки (1676/1677, 1678, 1681, 1683)¹⁷ и до конца

¹⁴ *Морозов А.* Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие. С. 28–29.

¹⁵ *Неклюдова М.* «Общая картина современной России» Виктора Комераса (К вопросу о типологии европейской «Россики») // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятое Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: ОГИ, 2002. С. 81.

¹⁶ Возможно, они стали одним из объектов пародирования в «Симплициссимусе» Гриммельсгаузена, герой которого отправляется «на корабле вниз по Волге в Астрахань, дабы и там учредить приготовление пороха», в чем добивается успеха, но, захваченный татарами, попадает в рабство, оказывается подарен корейскому королю и, отпущенный на свободу, окружным путем (во многом повторяющим маршрут Стрэйса) — через Японию, Макао, Индию, Египет, Константинополь, Венецию — и пережив множество приключений, даже поработав рабом на галерах, наконец, возвращается домой (см.: *Гриммельсгаузен Г.Я.* К. Симплициссимус / Пер. А.А. Морозова, Э.Г. Морозовой; подг. изд. А.А. Морозова; отв. А.В. Федоров. Л.: Наука, 1967. V, 22. [Лит. памятники]).

¹⁷ *Struys J.J.* Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige Reysen, door Italien, Griekelandt, Liflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en verscheyden andere Gewesten... T'Amsterdam, by Jacob van Meurs, op de Keyzers Graft, en Johannes van Someren, in de Kalverstraat, 1676. Met Privilegie (гравюра на авантитуле: J. Jansen Struys Voyagien door Moscovien, Tartarijen, Oost-Indien, en andere deelen der Werelt. Met Privilegien, t'Amsterdam, Anno 1677); Joh. Jans. Strauszens sehr schwere, wiederwertige und denkwuerdige Reysen durch Italien, Griechenland, Lifland, Moskau, Tartarey, Meden, Persien, Ostindien, Japan und unterschiedliche andere Laender... Aus dem Hollaendischen nebersetzt von A.M. Amsterdam. Bey Jacob von Meurs and Johannes von Sommern. Buchhaendlern daselbst. Anno 1678; Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes et en plusieurs autres Pais étrangers; accompagnez de remarques particulieres sur la qualité, la Religion, le Gouvernement, les Coûtumes et négoce des lieux qu'il a vûs; avec quantité de figures en taille-

Степан Разин бросает в Волгу персидскую княжну. Гравюра на меди из «Путешествий...» Я.Я. Стрейса

XVIII в. издавалось не менее 15 раз, получило широкую известность, а сам эпизод с персидской княжной был проиллюстрирован выразительной гравюрой. Первый русский перевод (с языка оригинала), заказанный по распоряжению Петра I «иноземцу Венедикту Шиллингу», как обнаружилось, плохо владеющему русским языком, оказался неудачным и опубликован не был, а второй — с французского лионского издания вышел в свет в 1719 г., однако интересующей нас легенды он не содержит, поскольку в распоряжении переводчика не оказалось соответствующего тома¹⁸. В 1824 г. русский

douce, dessinée par lui-même, et deux Lettres qui traitent à fond des malheurs d'Astracan / Par Glanius. A Amsterdam, chez la veuve de Jacob van Meurs. MDCLXXXI (1681); The Perillous and most Unhappy Voyages of John Struys, through Italy, Grece, Lifeland, Moscovia, Tartary, Media, Persia, East India, Japan and other Places in Europe, Africa and Asia... Rendred out of Net herdutsch by John Morrison. Printed for Samuel Smith. London, 1683.

¹⁸ Юрченко П. О путешествии по России голландца Стрюйса // Русский архив. 1879. № 7. С. 265–269; Аллатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть

DE JEAN STRUYS. 33
 après lui avoir fait raison, nous attendions qu'il nous fit quelqu'autre enquête; pour nous donner lieu de l'entretenir; mais comme il ne dit presque rien, & qu'il ne témoigna nulle envie de sçavoir plus précisément ce qui nous menoit en ce pais-là, ni par quelle aventure l'Empereur se servoit de nous, nous primes congé de lui, & il nous fit dire qu'il seroit bien-aïse que nous retournâssions le voir. Nous y retournâmes en effet, & le trouvâmes sur la riviere dans une Barque peinte & dorée, buvant & se réjouissant avec quelques-uns de ses Officiers. Il avoit auprès de lui une Princesse Persane, qu'il avoit enlevée avec son frere dans ses dernieres courses. Il fit présent de ce dernier au Gouverneur d'Astracan, & garda la Princesse qu'il aimoit. Aiant consacré tout ce jour à la débauche, il s'en yvra; & cet excès coûta la vie à la miserable Persane. Ah! fore de l'yvresse il s'apua sur le bord de la Barque, d'où regardant d'un air rêveur l'eau de la V Volga après quelques momens de silence: Il fins avouer, s'écria-t'il, que nulle Riviere ne s'est comparable, & qu'il n'en fut jamais de si digne d'être célébrée. Que ne te dois-je point pour m'avoir fournis tant d'occasions de me signaler, & pour m'avoir donné les moyens
 B 3 d'en-

34 LES VOYAGES
 d'entasser tresors sur tresors? Je te dois ce que je possède, & même tous ce que je suis. Mais lors que tu fais ma fortune, & que tu me comble de biens-faits, j'ai le dé-plaisir d'être ingrat: Es bien que ce soit par impuissance, cela ne me justifie point. Et tu ne laisses pas d'avoir droit de se plaindre de moi. Aussi peut être le fais-tu; & à l'heure que je te parle, il me semble que j'entends tes plaines. Et que tu me reproches le peu de soin que j'ai eu de te rien offrir. Ha! pardon aimable Riviere, j'avoué que je t'ai offersee; & si cet aveu ne suffit pour apaiser ta juste colere, je t'offre de bon cœur ce que j'ai de plus cher au monde. Il n'est point de plus digne marque de ma reconnaissance; & rien ne sçauroit mieux prouver l'estime que je fais des savaens, dont tu m'as comblé. En achevant ces mots, il court à la Princesse & la jette dans la Riviere avec ses habits de drap d'or, & toute parée qu'elle étoit de perles & de piererries. Cette pauvre Princesse méritoit sans doute un meilleur sort, & il n'y eut personne qui ne la plaignit dans son cœur. Bien qu'elle fut d'un rang distingué, & qu'elle eût un chagrin mortel de se voir à la discretion d'un homme cruel & brutal, elle avoit néanmoins pour lui une complaisance infinie, & ne lui témoigna
 ja-

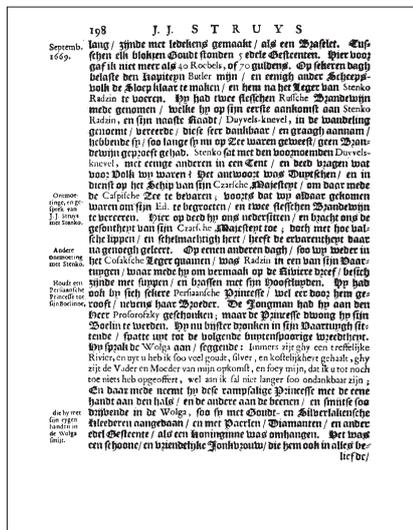
Страницы «Путешествий...» Стрейса с изложением легенды о Разине и персидской княжне

перевод фрагмента из французского перевода книги Стрейса, включая легенду о персидской княжне, напечатал историк и литератор А.Ф. Корнилович¹⁹, в 1880 г. главы, относящиеся к России, перевел (также с французского) историк П.О. Юрченко²⁰. Первый полный

XVIII века). М.: Наука, 1976. С. 168 («В послесловии переводчика говорится: “Конец первому тоя книги тому и о плавании корабля до Казани. Аще ли же Вашему царскому величеству угодно, чтобы и морю описание иметь, то надлежит сказать тоя книги второй том, здесь ли, или о том отписать в Париж”»).

¹⁹ Корнилович А. Голландец Ян Янсен Стрейс // Северный архив. СПб., 1824. Ч. 9. С. 275–290; Ч. 10. С. 26–40.

²⁰ [Юрченко П.] О путешествии по России голландца Стрюйса // Русский архив. 1879. № 7. С. 266–269.

Страница «Путешествий...» Стрёйса с изложением легенды о Разине и персидской княжне

русский перевод «Путешествий» Стрёйса с голландского оригинала появился только в 1935 г.²¹

Именно со Стрёйса как с первоисточника нашей легенды мы и начнем рассмотрение ее «биографии», далее воплотившейся в многочисленных литературных, живописных, кинематографических текстах, что позволяет предметно проанализировать фазы историко-культурных и межжанровых преобразований центральной темы. Материалом для настоящего исследования являются исторические документы, фольклорные записи и художественные произведения последних двух веков, включающие сюжет рассматриваемой легенды, ее отдельные фабульные элементы, а также мотивы, прямо ею не используемые, но имеющие отношение к ее более широким культурным контекстам.

Композиция последующего изложения обусловлена прежде всего последовательностью появления в русской культуре версий легенды, хотя и с неизбежными отступлениями, корректирующими хроноло-

гию изложения и касающимися в основном устного материала. В порядке его рассмотрения сосуществуют принципы: эдиционный (дата публикации, включившей в литературный обиход ту или иную фольклорную запись), реконструктивный (попытки установления некоторых вех развития в самой устной традиции), а также контекстуальный (сравнительный анализ ритуально-мифологических и повествовательных мотивов, необходимый для выяснения содержательного состава изучаемой легенды). Соответственно исследования книжных текстов, следующие в историко-литературном порядке, перемежаются со сравнительно-типологическими экскурсами, посвященными обрядам, народным преданиям и народной драме, так или иначе связанным с историей о Разине и персидской княжне.

²¹ Стрёйс Я.Я. Три путешествия.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СТАРЫХ ГОЛЛАНДЦЕВ:
СТРЭЙС И ФАБРИЦИУС

Итак, начнем с версии Стрэйса, хронологически самой ранней. Согласно его изложению, дело обстояло следующим образом:

При нем [Разине] была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому¹, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тьфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришла ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя².

Опора на письменный источник, отразивший якобы «непосредственное свидетельство» современника-мемуариста, рождает ощущение, что речь здесь идет о подлинном факте. Однако из предпринятого недавно обстоятельного исследования исторических контек-

¹ Боярин И.С. Прозоровский — астраханский воевода (1667–1670), впоследствии зверски убитый разинцами при взятии города.

² Стрэйс Я.Я. Три путешествия / Введ. А. Гайсиновича; пер. [с голл.] Э. Бородиной; ред., [вступ., ст., примеч.] А. Морозова. М.: ОГИЗ; СОЦЭКГИЗ, 1935. С. 23–38 (Иностранцы путешественники о России). С. 201–202.

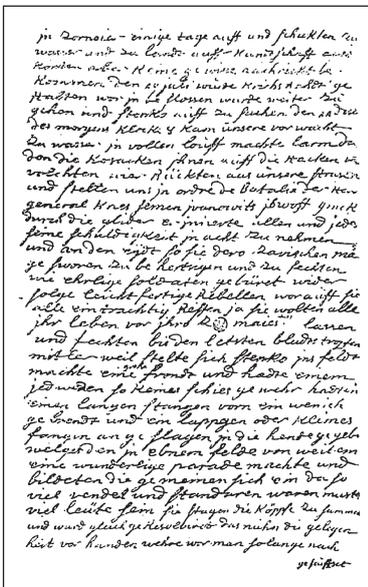
стов легенды выясняется, что нет ни одного документа, подтверждающего реальность (и даже вероятность) описываемого в ней события, а также существования «персидской княжны» (и опять-таки — самой возможности ее существования)³, хотя вообще-то разинское движение, особенно его астраханский период, как уже говорилось, документировано весьма неплохо⁴. Ни в одном из разноязыких источников нет никаких следов истории знатной персиянки — от ее пленения до утопления; едва ли это событие ускользнуло бы и от внимания следователей, составляющих обвинительный приговор, если бы оно действительно имело место. Вот соответствующие фрагменты этого текста:

Ты ж бусу шаховы области пограбил и купчинова сына и иных шаховы области людей поймал и побил. И ныне многие убивства и воровство на море и на Волге чинил⁵.

³ Королев В.Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника: Сб. ст. Вып. 2. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. С. 82–120. Того же мнения придерживается М.П. Астапенко, зав. научно-просветительским отд. Старочеркасского музея-заповедника (см.: Каминская М. «С ним царь Петр встретиться хотел...» // Наше время (газ.) [разд. «Культура»]. [Ростов-н/Д.], 2012. 1 июня. № 281–283).

⁴ Веретенников В.И. Об иностранных, современных событиях, источниках для истории разинского восстания // Научные записки Научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. Т. II. История и литература. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1927. С. 171–177.

⁵ Крестьянская война, III. С. 84 (фрагмент русской копии приговора). Ср. переводы — немецкий (*Du hast auch ein Boot des Königs in Persien in See genommen und alle Wahren geraubt, und den Copsien, des Ober-Kauffmanns Sohn nebst andern Persianern erschlagen. Auff der Wolga und im Meere hastu auch grosse Schelmstücken mit Rauben und Morden verübet*) и голландский (*Gy hebt oock een Boot van den koning van Persien op Zee genomen, en alle Waren gerooft, ende dien Copsien, den oppersten Koopman sijn Soon, met andere Persianen doot gheslagen, oeffenende vorders op Zee en de Wolga groote Schelm-stucken met rooven en moorden*), здесь практически идентичные: «Ты также захватил в море корабль персидского шаха,

«Записки» Фабрициуса. Страница рукописи, по А.Г. Манькову (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л.: Наука, 1968. С. 18)

Вернемся к «свидетельским показаниям» Стрэйса. Есть основания полагать, что им не слишком следует доверять, в том числе и там, где рассказчик выдает себя за свидетеля заведомо чужих впечатлений⁶. Именно так обстоит дело с рассматриваемой легендой, которую он, скорее всего, услышал ее от кого-то из казаков или из местных жителей, — у него, прекрасно знавшего русский язык и имевшего весьма широкий круг общения (в том числе в Астрахани)⁷, таких возможностей было вполне достаточно; приписы-

разграбил все товары, убил сына купчины, главного купца, и других персов. В море и на Волге ты продолжал чинить злодеяния, грабежи и убийства» (Гольдберг А.Л. К истории Сообщения о восстании Степана Разина // Записки иностранцев. С. 160).

⁶ В чем, возможно, иногда повинен не он сам, а составитель книги. Тем не менее данное обстоятельство стало источником скептического отношения ко всему сочинению, включая подозрения — разумеется, несправедливые — в вымышленности самих путешествий Стрэйса (см.: Морозов А. Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие. С. 30–31; *Boterbloem K.* The Fiction and Reality of Jan Struys. P. 3–4). В этом плане судьба данного сочинения оказалась схожа с судьбой знаменитой книги Марко Поло, недоверие к которой, возникшее еще у современников в XIV в., сохранялось вплоть до первой трети XIX в. (см.: Кунин К.И. Марко Поло и его книга // Путешествие Марко Поло / Пер. со ст.-фр. И.П. Минаева; вступ. ст., коммент. и ред. пер. К.И. Кунина. Л.: ГИХЛ, 1940. С. XIV–XV).

⁷ [Юрченко П.] Путешествие по России голландца Стрейса // Русский архив. 1880. № 7. С. 3; Морозов А. Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие. С. 31–32, 36–37.

вание же себе непосредственного свидетельства производится, очевидно, для особой убедительности рассказа.

В один из последующих дней, когда мы второй раз посетили казацкий лагерь, Разин пребывал на судне, с тем чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами. При нем была персидская княжна...⁸

Как было отмечено применительно к фольклорным текстам, в некоторых традициях рассказчик вообще зачастую «прибегает к повествованию от своего собственного лица, ставя себя самого в позицию наблюдателя происходящих событий. В результате возникают причудливые формы, позволяющие чередовать или даже совмещать изображение событий “извне” и “изнутри”, представлять прошлое как происходящее на глазах...»⁹. Но главное: данная сюжетная версия легенды не является единственной записанной в конце XVII в. Одновременно со Стрэйсом в Астрахани находился другой голландец, Людвиг Фабрициус, офицер на русской службе, впоследствии — шведский дипломат, автор воспоминаний, составленных на немецком языке (видимо, между 1688 и 1693 гг.) и повествующих о его приключениях, в том числе об астраханском периоде разинского движения, свидетелем (а в определенном смысле и участником) которого он был¹⁰. Не исключено, что одним из поводов к написанию этих записок явился успех книги Стрэйса и ее многочисленные переиздания. Однако, в отличие от своего прославившегося соотечественника,

⁸ *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. С. 202.

⁹ *Новик Е.С.* Способы засвидетельствования и типы повествователя в архаическом фольклоре народов Сибири // Russian Literature. Vol. LXXIV. Special Issue (III / IV): The Russian Avant-Gard. Sources, Practice and Significance / Willem G. Weststeijn (ed.). Editorian Center: Slavic Seminar of University of Amsterdam, 2012. P. 416–417.

¹⁰ Записки иностранцев. С. 46–73 (пер. Г.И. Федоровой); *Kononov S.* Ludvig Fabritius's Account of the Razin Rebellion // Oxford Slavonic Papers. Vol. 6. 1956. P. 72–94.

точнее, от его анонимного соавтора и редактора, Фабрициус явно не ставит себе никаких литературных задач, не прибегает к заимствованиям у других авторов и вообще старается писать только о том, что видел сам¹¹.

Соответственно, пересказывая рассматриваемый сюжет, он не выдает себя за свидетеля происшествия, что было бы и невозможно, поскольку в его изложении дело происходило еще до «персидского похода» Разина и не на Волге, а на Яике, — об этом же периоде Фабрициус мог знать лишь с чужих слов.

Но сначала Стенька весьма необычным способом (*auff ein seltsame Weyse*) принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик (*Wassergodt Ivan Gorinowits, so auff den Fluss Jayck regiret*); тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив — то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица». Был у вора сын от этой женщины, его он отослал в Астрахань к митрополиту с просьбой воспитать мальчика в христианской вере и послал при этом 1000 рублей¹².

Сличение рассказов Стрэйса и Фабрициуса, принятое В.Н. Королевым, демонстрирует ряд значимых расхождений между ними.

¹¹ Ibid. P. 74; Маньков А.Г. О записках Л. Фабрициуса // Записки иностранцев. С. 11–12.

¹² Записки иностранцев. С. 47–48.

- Согласно Стрэйсу, дело было по окончании Каспийского похода разинцев, после прибытия их флотилии в Астрахань, а по Фабрициусу — еще во время этого похода, перед отправлением казаков из Яика в море.

- Соответственно в первом случае пленница была брошена в Волгу (по контексту сообщения, либо в Астрахани, либо где-то недалеко от нее), во втором — в Яик.

- У Стрэйса это персидская княжна, а у Фабрициуса — знатная татарская дева.

- В первом варианте пленница попала в руки Разина на Каспии, во втором — неизвестно где.

- По Стрэйсу, ее захватили совсем недавно, по Фабрициусу — за год до Каспийского похода.

- Первый автор утверждает, что пленницу взяли вместе с ее братом, а второй о брате вовсе не упоминает.

- Согласно Стрэйсу, Разин принудил пленницу стать его любовницей и та полюбила его из страха (довольно странное выражение: можно ли полюбить из страха?), а у Фабрициуса не говорится ни о каком принуждении и страхе.

- Поскольку, по Стрэйсу, это была недавняя пленница, у нее не могло быть от «изверга» ребенка, первый автор о нем и не упоминает, тогда как второй мемуарист говорит об их общем сыне.

- В первом случае красавица была принесена в жертву реке (Волге), во втором — водяному богу Яика.

- Первый вариант рассказывает об импульсивном поступке Разина, а второй — об осознанном решении: атаман обещал жертву водяному богу задолго до утопления.

- Соответственно, по Стрэйсу, у Разина не было никакого видения перед ужасным поступком, а согласно Фабрициусу — случилось явление упомянутого бога.

- В первом случае атаман был пьян, во втором случае о его опьянении не сказано ни слова, а поскольку дело происходило утром, можно предположить, что Стенька находился в трезвом состоянии.

- По контексту первого сообщения получается, что Разин бросил пленницу в воду с судна, во втором же известии нет намека, откуда именно красавицу швырнули в реку, — может быть, и с берега¹³.

¹³ Королев В.Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? С. 86–87.

Исследователь приходит к убедительному выводу, что голландцы записали две разные версии легенды¹⁴. Фабрициусу, также в совершенстве владевшему русским языком¹⁵, она, по-видимому, стала известна еще до взятия Астрахани разинцами. Трудно предположить, что, ознакомившись с рассказом Стрэйса, этот автор, явно чуждый каким бы то ни было литературным упражнениям, зачем-то решил переделать данный рассказ столь причудливым образом. Следует добавить, наконец, что у Стрэйса обстоятельства довольно длительного «яицкого сидения» вообще не описаны, а сам этот эпизод упоминается лишь вскользь:

В 1667 г. начал он свои злодеяния на Волге, захватывая и грабя различные богатые и большие суда, называемые насадами, нагруженные добром, принадлежащим монастырям, духовенству, некоторым купцам из Ярославля, Вологды и другим лицам. Отсюда он с бывшими при нем казаками отправился к городу Яику, овладел им и вышел в Каспийское море, и снова вернулся на Волгу и, разоряя рыбацьи поселки, опустошил местечки и деревни, нанеся жителям большой вред. Затем он отправился в город Терки и на границу Персии, где разбойничал и разорял подданных как шаха, так и царя¹⁶.

Существенно и другое обстоятельство. Фабрициус не стал публиковать свои записки — они оставались неизвестными вплоть до середины XX в., когда их рукопись обнаружил в Стокгольмском государственном архиве оксфордский профессор С.А. Коновалов. Он издал по-английски фрагменты, которые имели отношение к восстанию Разина¹⁷; полный же текст Фабрициуса с русским переводом вышел в свет только в

¹⁴ Там же. С. 86.

¹⁵ «Поскольку я владел и русским языком, и польским, меня всегда принимали за казака» (Записки иностранцев. С. 54).

¹⁶ *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. С. 199.

¹⁷ *Kononov S. Ludvig Fabritius's Account...*; Записки иностранцев. С. 5–6.

конце 1960-х годов¹⁸. Соответственно данная версия не могла влиять на многочисленные сюжетные трансформации легенды, в конечном счете восходящей к тексту Стрэйса.

Сопоставление обеих версий выявляет гораздо большую логичность рассказа Фабрициуса¹⁹. Если у Стрэйса речь идет о пьяной выходке, почему-то выразившейся в человеческом жертвоприношении (нелепость подобной «необдуманной жестокости» явно ощущает и сам рассказчик), то в изложении Фабрициуса это вполне традиционный сюжет с ритуалистической основой, имеющий большое количество фольклорно-мифологических параллелей, к которым мы и обратимся в следующей главе.

¹⁸ Записки иностранцев. С. 46–73.

¹⁹ В противоположность мнению М.А. Алпатов, считавшего, что версия Стрэйса выглядит более «правдоподобно» и «естественно», чем «языческое жертвоприношение» у Фабрициуса (для чего, впрочем, у автора, по его собственному признанию, нет ни доказательств, ни аргументов), а причиной поступка Разина могло стать «недовольство подчиненных на то, что атаман их “на бабу променял”», о чем якобы «рассказывает традиция» (*Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа [XVII — первая четверть XVIII века]. М.: Наука, 1976. С. 159, 176). На самом деле «правдоподобность» и «естественность» рассказа Стрэйса под большим вопросом, источником же мотива «недовольство подчиненных», как будет показано далее, является трактовка эпизода Н.И. Костомаровым и ее творческое развитие в стихотворении Д.Н. Садовникова, а отнюдь не народная традиция.

Принесение девушки в жертву духу воды, часто выступающему в змеином облике, представляет собой весьма характерный эпизод сказки и эпоса, который обычно завершается победой богатыря над чудовищем и спасением героини (AaTh 300; Mot. B11.7.1, B11.7.2, B11.10, B11.11, S262)¹. Подобными духами являются, скажем, армянские вишапы или грузинские вешапы, блокирующие водные источники и вынуждающие людей приносить им в жертву девушек за пользование водой². В легенде о св. Георгии (X–XI вв.), восходящей к традициям Каппадокии и Грузии, дракон, охраняющий озеро, требует, чтобы ему в обмен на воду отдавали молодых девушек. Жребий падает на дочь местного правителя, ее наряжают в подвенечное платье и привязывают к дереву возле озера, но тут появляется св. Георгий, который усмиряет, а затем и убивает чудовище³. Считается, что «в древности бытовал обычай одевать юную девушку в нарядное платье и приносить ее в жертву Нилу, для того чтобы река широко разлилась»⁴. Хотя существование такого обычая в Древнем Египте ставится под сомнение и, по-видимому, основывается лишь на сообщении Плутарха о каком-то фараоне, якобы принесшем в жертву Нилу собственную дочь (Plutarch, *De flum*, 16)⁵, последний пример, по

¹ Rörich L. Drache — Drachenkampf — Drachentöter // Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Bd. 3. Göttingen: Akademie der Wissenschaften, [1981]. S. 788–820; Иванов В.В. Дракон // Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. I–II. М.: Сов. энциклопедия, 1987–1988. Т. I. С. 394–395.

² Арутюнян С.Б. Вишапы // Мифы народов мира. Т. I. С. 237; М.Ч. [Чиковани М.Я.] Вешапы // Там же. С. 235.

³ Пропп В. Змееборство Георгия в свете фольклора // Пропп В. Фольклор. Литература. История: (Собр. тр.). М.: Лабиринт, 2002. С. 92–114.

⁴ Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1986. С. 348.

⁵ «Следует категорически опровергнуть встречающиеся на страницах некоторых так называемых научно-популярных

крайней мере, подтверждает существование в древнеегипетской традиции данной темы, какая бы обрядовая реальность за ней ни стояла⁶, а истолкование Дж. Фрэзера («цель этого обычая заключалась в том, чтобы отметить бракосочетание Нила, понятого как мужское начало, с нивой, которую вскоре предстояло оплодотворить водой»⁷), учитывая его компаративный контекст, поныне остается достаточно убедительным.

Аналогичный ритуал — отдавание девушек в жены Хэ-бо (‘Повелителю реки’), духу Хуанхэ, — существовал в Древнем Китае (эпоха Борющихся царств, V–III вв. до н.э.). Согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня (II–I вв. до н.э.), этот «ужасный обычай», на котором наживались старейшины, шаманка, ее десять помощниц и княжеский управитель местности Е (совр. уезд Линьчжан пров. Хэнань), отменил Симэнь Бао, новый правитель местности⁸. Несколько столетий спустя путешественник и ученый гидролог Ли Даюань, который во времена династии Северная Вэй (IV–VI вв. н.э.) обследовал бассейн среднего течения Хуанхэ и Янцзы, а также собирал народные легенды этих мест, пересказал данный сюжет, но с топонимическим финалом:

К западу от Цзимо, в северном течении реки Чжаншуй, во времена Борющихся царств обычно шаманка выбирала жену для Хэ-бо, и на берегу совершались

книг нелепые утверждения, будто в древнем Египте богу Нила ежегодно приносили в жертву молодую женщину» (*Коростовцев М. Религия древнего Египта. М.: Наука, 1976. С. 200* [= СПб.: Летний сад, 2001]).

⁶ Бросаемый в воду обрядовый хлеб (см. там же) вполне может оказаться субститутотом кровавой жертвы. На это, в частности, указывает возможность координативной связи ‘утопленника’ и ‘хлеба’ в современных традициях, когда для отыскивания тела погибшего на воду бросают хлеб: «Быва человек утонет и утопленника не могут найти, так говорят: где хлеб утонет, там и найдешь» (*Петкевич А.В. «Водная жертва» в русской культурной традиции // ЖС. 2006. № 3. С. 16*).

⁷ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. С. 348.

⁸ Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Пер. с кит.; послесл. Б.Л. Рифтина. М.: ГРВЛ; Наука, 1987. С. 149–151.

жертвоприношения. Во времена вэйского Вэнь-ди правителем Е был Симэнь Бао. Он договорился со старейшинами: «Когда будут посылать жену для Хэ-бо, прошу известить меня об этом. Я хочу проводить девушку». Те ответили: «Хорошо». Когда наступило время, старейшины и чиновники собрали налог с населения на миллион монет. Шаманка ходила по деревням и, выбрав красивую девушку, объявила ее женой Хэ-бо. На свадебные подарки девушке было истрачено тридцать тысяч. Ее выкупали и нарумянили, как полагается для свадьбы. [Симэнь] Бао пошел посмотреть на нее. Старейшины, шаманки, чиновники, простой народ — все собрались на это зрелище. За семидесятилетней шаманкой следовали десять молодых учениц. Бао подзвал невесту и нашел, что она некрасива. Он приказал старухе пойти и доложить Хэ-бо, и старуху толкнули в реку. Через некоторое время он сказал: «Почему она так долго не возвращается?» Вслед за этим он приказал кинуть в реку учениц шаманки и старейшин. Затем Бао, наклонившись [над водой], спросил: «Почему же не возвращаются старейшины?» — и решил послать за ними строителей церемонии. Те начали бить поклоны так, что у них хлынула кровь, и просили не посылать более жен для Хэ-бо. Хотя после этого прекратились ужасные жертвоприношения, но место сохранило название Цзимо — «дорога жертвоприношений» («Книга вод» с комментариями)⁹.

Достойны внимания следующие обстоятельства.

Во-первых, в приведенном рассказе делается акцент на разоблачении корыстных махинаций строителей церемонии новопривышим справедливым начальником, что скорее располагает к пониманию жертвоприношения как жестокого розыгрыша и плутовства — вполне в духе рационализирующей китайской традиции. Однако здесь наблюдается известная двойственность — полного разоблачения фальсификации не происходит. При описании обычая у Сыма Цяня говорится, что несчастная девушка все-таки действительно отправля-

⁹ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 314–315.

ется «на встречу со своим безжалостным супругом», а в конце выясняется, что Хэ-бо, разгневанный отменой жертвоприношения, поднимает бурю, грозя разливом реки¹⁰, но Симэнь Бао, который «оказался сильнее», умирят его. Впрочем, и это усмирение происходит в весьма «рациональных» формах: правитель приказывает выкопать двенадцать канав, «речная вода пошла на крестьянские поля и вместо вреда принесла пользу»¹¹. Таким образом, перед нами — типовой сюжет отдавания девушек дракону¹², повелителю вод, победы над ним героя и спасения очередной жертвы. Опыт его эвгемеристического преобразования обнажает некоторые механизмы фабульных трансформаций, которые нам еще пригодятся.

Во-вторых, выясняется, что сам Хэ-бо в прошлом был человеком по имени Бинъи (или Фэнъи), но утонул на речной переправе и стал духом реки¹³. Это — вполне естественное происхождение для водяного в разных традициях¹⁴, том числе китайской (так, Ян-хоу, правитель города Линъян, который после смерти почитался как водяной дух, согласно Ин Шао [II в. н.э.], «в древности был князем. Провинившись, он утопился в реке и сделался божеством волн»¹⁵). Далее, согласно Чжу-

¹⁰ Ср.: «Согласно народным верованиям, вода регулярно должна получать утопленника, иначе живущие в ней мифологические существа начнут вредить человеку» (Петкевич А.В. «Водная жертва»... С. 16).

¹¹ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 149–151.

¹² Атрибуты дракона сохранились у Хэ-бо в достаточном количестве: «У него хвост, как у рыбы линъюй из Северного моря. Он любил ездить на колеснице, запряженной драконами»; «Хэ-бо превратился в белого дракона и стал плавать вдоль берега реки» и т.п. (см. там же. С. 149, 315).

¹³ Там же. С. 149, 314–315 («Книга гор и морей», коммент. Го Пу к разд. «Хайнэй бэй цзин»).

¹⁴ «Утонувшие — жертвы стихии, нечистые покойники, сами становящиеся водяным духами» (Петкевич А.В. «Водная жертва»... С. 16; см. также: Левкиевская Е.Е., Усачева В.В. Водяной // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. I. М., 1995. С. 398).

¹⁵ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 315.

ан-цзы (IV–III вв. до н.э.) и некоторым другим, более поздним источникам, выясняется, что Бинъи (Фэнъи) не утонул, а принял особый эликсир, чтобы стать «водяным бессмертным»¹⁶, — еще одна ступень рационализации, уводящая от исходного мифологического значения данного мотива («автоматического» превращения утопленника в водяного духа).

Наконец, интересно, что древнекитайский поэт Цюй Юань (IV–III вв. до н.э.)¹⁷, произведениям которого («Повелителю рек», «Вопросы к небу», «Девять напевов») мы обязаны одними из первых сведений о Хэ-бо¹⁸, будучи в изгнании, в некотором смысле повторил судьбу своего героя, утопившись в реке Мило (совр. пров. Хунань); «на склоне холма в деревне Сянлупин, уезда Цзыгуй, пров. Хубэй, до сих пор показывают колодец, в который ссыльный Цюй Юань якобы часто заглядывал», что можно интерпретировать и как особую связь с духами воды, и как наличие специфического суицидального комплекса. Тело самоубийцы, как можно понять по ритуалу «Поиски тела на реке», не было найдено; впоследствии день его гибели (5-й день 5-го месяца по лунному календарю) стал отмечаться как Праздник Драконьих Лодок. Согласно народным преданиям, дух покойного, явившийся рыбакам, рассказал об обстоятельствах своей гибели: причиной смерти поэта стал речной дракон (забравший его себе в качестве жертвы?). В обряде продолжилось противостояние этому дракону, отбирающему уже у мертвого Цюй Юаня бросаемый в воду и

¹⁶ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 314.

¹⁷ См.: *Сыма Цянь*. Отдельное повествование о Цю Юане // Шедевры китайской классической прозы в переводах акад. В.М. Алексеева. Кн. 1. М.: Вост. лит., 2006. С. 131–137; *Цзя И*. Ода памяти Цюй Юаня // Там же. С. 78–80; Жизнеописание Цюй Юаня и Цзя И // *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII. М.: Восточная литература, 1996. С. 281–294. (Памятники письменности Востока, XXXII, 7); *Кравцова М.* История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. С. 177–183, 190–191; *Эберхард В.* Китайские праздники / Пер. с англ. и предисл. Н.Ц. Мункуева. М.: ГРВЛ; Наука, 1977. С. 68–77. Пользуясь случаем поблагодарить И.С. Смирнова за библиографические уточнения.

¹⁸ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 149, 315.

предназначенный ему жертвенный рис. Потребовалось ввести специальные правила подготовки подобных даров (заворачиваемых в лоскутки шелка и завязываемых шелковыми нитями пяти разных цветов) — таким образом, по-видимому, приношения становились недопустимыми узурпатору. Не исключено, что первоначально этот рис представлял собой заместительную жертву, аналогичную обрядовому хлебу, и был предназначен духу-хозяину реки.

В данных ритуалах человеческого жертвоприношения реке, как и во всем легендарно-мифологическом цикле, связанном с Цюй Юанем, В. Эберхард усматривает южный (тайский) субстрат¹⁹. Дальнейшее развитие сюжета (свидетельства Ли Даюяня) мы встречаем уже в царстве Северная Вэй (Тоба Вэй, Юань Вэй), которое, как считается, было основано одним из древнемонгольских племен группы сяньби. В известном смысле их далекими культурными восприимчивыми являются тюрко-монгольские народы Нового времени, в том числе калмыки, казахи, башкиры, татары, тесно соседствовавшие на Яике с русскими переселенцами²⁰. В свою очередь, именно от этих соседей казаками могла быть заимствована тематическая основа рассматриваемого предания — в его как нарративной, так и обрядовой ипостаси. Впрочем, намечаемая подобным образом культурная трансмиссия является сугубо гипотетической и едва ли доказуема.

Предание о духе реки в облике дракона, имеющего (так же как и Хэ-бо или Ян-хоу) человеческое прошлое, есть и в русской традиции. Согласно летописной легенде «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске»

¹⁹ *Эберхард В.* Китайские праздники. С. 72–75.

²⁰ «В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но в последствии времени вошли в дружельюбные сношения: казаки стали получать жен из татарских улусов» (*Пушкин А.С.* История Пугачева // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. VIII: Автобиографическая и историческая проза. С. 153).

(XVII в.)²¹, сохранившейся в огромном количестве списков, некий «бесугольник и чародей» Волхв, старший сын князя Словена, превратился в крокодила и запер водный путь по реке (которая, как можно понять, потому и стала называться Волховом²²). Тех, кто не поклонялся ему, он либо пожирал, либо топил, а народ, тогда еще невежественный, считал его богом и называл Громом или Перуном. Будучи «удавлен от бесов», он затем дьявольскими помыслами был перенесен вверх по реке и выброшен на берег напротив поставленного им городка Перынь, где и похоронен по языческому обряду внутри насыпного кургана. Однако через три дня могильный холм провалился «и пожре мерзкое тело коркодилово, и могила его просыпая с ним купно во дно адово»²³.

Как пишет Ф.И. Буслаев, «крокодил, очевидно, литературная замена эпического змия, залегающего [= забирающего] реки»²⁴; по его словам, в местном предании, продолжавшем бытовать у новгородцев, «это мифическое существо называется *зверь-змияка*, *Перюн*, то есть Перун», — каждую ночь он «ходил спать в Ильмень к *волховской коровнице*» (?), затем перебрался в Новгород, но при крещении был сброшен в Волхов, доплыл до старого своего обиталища и выбрался на берег. «Князь Владимир опять велел его бросить в реку, а на берегу на том месте срубить церковь. Оттого церковь та назвалась Перюньскою, а потом и скит Перюньский». «Итак, — подчеркивает Буслаев, — очевидно, в местных новгородских преданиях Перун смешивается с стихийным

²¹ См. о нем: Буланин Д.М., Турилов А.А. Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 3: П–С. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 444–447.

²² Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Ч. I // Русский вестник. Т. XXXVIII. № 3 (1862). С. 6–64. Далее цит. по изд.: Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 34–36.

²³ Из Хронографа 1679 года. Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968.

²⁴ «Литературное подновление», по выражению А.Н. Афанасьева (см.: Аф. Поэт., II. С. 225).

богатырем Волховом и оба представляются в чудовищной форме змия»²⁵. В Новгородской области до конца XX в. сохранились предания о хтоническом / подводном змее, жившем около озера, называемого Игорь.

...Рассказывают, что возле этого озера, под Змеиным камнем — а камень есть и сейчас и так же называется, — жил Змей. Жил он в пещере, выложенной разноцветными камешками. <...> Люди из окрестных деревень должны были кормить Змея хлебом. Они возили хлеб к озеру в мешках, а Змей этот хлеб глотал. Стало людям тяжело кормить Змея. Вот и нашелся один человек. <...> Он насыпал в мешок не хлеба, а соли и отвез к озеру. Змей заглотил мешок соли целиком и захотел пить. Стал он пить из озера, пил, пил, опился и лопнул.

Змей быў — метров пять высота, о двух головах, и евоно гнездо было, и яма, как дровеник, токо под землю. Туды оберался. Станешь на камень-скалу — там гнездо, далеко видно вода. Змей пегатой такой али седой, когда захочет; с крыльям, с хвостом. А хоть бы его поглядеть. Старики прежни-те, мообуть, видели, а я не. Там еще болото, водяно гораздо. Он, змей, у людей у мошенских кормилсы, у дворищенских. И раз якобы там ему хлебу дали и мешок соли всыпали, дак объелсы соли и стоко выпил, что лопнул и помер. А пещера та долго была еще²⁶.

Вернемся к жертвоприношению реке. Оно, как мы имели случай убедиться, может обретать разную мотивацию: во-первых, усмирение губительного наводнения, а во-вторых, получение воды у духа для сельскохозяйственных нужд. Существуют, однако, и другие «статьи договора» с водяным, заключаемого мельниками, рыбаками, мореходами (вспомним былинного Садко²⁷), — в

²⁵ Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. С. 34–36.

²⁶ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. № 381.

²⁷ Померанцева Э.В. Народные верования и устное народное поэтическое творчество: жертвоприношение у севернорусских моряков и Садко // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 158–168.

этих случаях принесение жертвы обеспечивает благосостояние человека (обильный улов) или способствует созданию хороших условий для его деятельности (исправная работа мельницы, попутный ветер, спокойное море и т.д.)²⁸, что также находится в сфере властных полномочий духов водной стихии. В жертву местному божеству, насланному на лодку богатыря сильный шторм, приносит Ямато-такэру свою жену²⁹; этот сюжет практически совпадает с версией нашего предания, пересказанной Костомаровым: «Плыл Стенька по морю <...> а подле него сидела любовница, пленная персиянка. Вдруг сделалась буря. Товарищи и говорят ему: “Это на нас море рассердилось. Брось ему полонянку”. Стенька бросил ее в море, — и буря утихла» (Кост. С. 376).

Гнев божества в древнегреческом «троянском цикле», приводящий к блокированию попутного ветра для ахейского флота, корреспондирует с нарушением договора, обязывающего предводителя войска Агамемнона отдать этому божеству свою дочь Ифигению, что было обещано сделать еще в год ее появления на свет³⁰ («прекраснейший дар из родившихся»; мотив *О т д а й т о , ч е г о д о м а н е з н а е ш ь* [Mot. G461; AaTh 313, 314]). В качестве дарополучателя здесь выступает Артемида (хотя вообще-то распоряжение погодой не относится к ее компетенции), она же — через заместительную жертву — в некотором смысле оказывается спасительницей героини³¹ (по другим версиям, девуш-

²⁸ Там же; Петкевич А.В. «Водная жертва»... С. 15–17.

²⁹ Садокова А.Р. Мифология народов Японии: Литературные и устные версии: Дисс. ... д-ра филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 127, 146.

³⁰ Еврипид. Ифигения в Тавриде, 17–23; *Аполлодор*. Эпитома, III 21–22.

³¹ Еврипид. Ифигения в Авлиде, 1580–1590 (Мотив *ж е р т в о п р и н о ш е н и я И с а а к а* [Быт. 22: 1–19]). Ср. по этому поводу комментарий В.Н. Ярхо к «Ифигении в Авлиде»: «Содержащийся в рукописях эксод не является творчеством Еврипида. <...> со ст. 1578 начинается сочинение византийского поэта. <...> Подлинная еврипидовская “Ифигения” завершилась появлением Артемиды, объявляющей Клитемнестре исход жертвоприношения — перенесение Ифигении в Тавриду и подмену ее

ка все-таки гибнет или становится бессмертной³²), тогда как роль жениха, хотя бы и формального, получает Ахилл, претендующий, впрочем, также на амплу спасителя³³. Следовательно, по сравнению с ролевой структурой, обычной для данной мифологической модели (дароподатель / отец / вождь — дарополучатель / дракон / претендент на женщину — жертва / невеста — спаситель / жених), происходит радикальное перераспределение «действующих лиц и исполнителей» мифологического сценария, по-видимому регулируемое сложными сюжетными обстоятельствами и импликациями троянского эпического цикла.

Это еще один пример фабульных преобразований, показательный и для трансформаций рассматриваемой легенды, к которым мы и перейдем в следующих главах.

на алтаре ланью: из этого эксода сохранились четыре стиха у позднеантичного автора Элиана» (*Еврипид*. Трагедии: В 2 т. / Пер. И. Анненского. М.: Наука; Ладомир, 1999. Т. II. [Лит. памятники]. Цит. по: http://www.lib.ru/POEEAST/EVRIPID/evripid2_7.txt).

³² Гесиод. Перечень женщин, 21–26 (фрагм. 23а). Благодарю Н.П. Гринцера за это указание.

³³ Еврипид. Ифигения в Авлиде, 930–980.

Вернемся к рассказу Фабрициуса. Прежде всего обратим внимание на его ближайший контекст, из которого следует, что до описанного события Разин, преследуемый царским войском, отступает на Яик¹, где оказывается блокирован стрельцами в захваченном им городке Гурьеве и проводит там зиму 1667/68 года. Весной ему все же удается выйти в Каспийское море, причем эпизод жертвоприношения прямо предшествует этому (возможно, не случайно упоминание его ухода «под парусами»).

Когда дело дошло до такого буйства, царь послал в Астрахань на усмирение бунтовщиков 4000 стрельцов и иных воинских людей под начальством князя Ивана Семеновича Прозоровского, снабдив их превосходной артиллерией. Не оказав сопротивления, разбойники ретировались к морю и дальше вверх по реке Яику, хитростью заняли крепость. <...> Тут подошла зима, так что мы не смогли продвинуться дальше Саратова, и нам пришлось здесь перезимовать. Тем временем из Астрахани было послано 4000 человек, чтобы блокировать Стеньку на Яике до весны. <...> С наступлением весны за дело принялись с большей настойчивостью, стремясь выбить бунтовщиков из крепости. При Стеньке, однако, был отряд донских казаков, которые знали все пути и дороги и уже не раз на своих малых судах чинили большой разбой на Каспийском море. Они разбили наш сторожевой отряд и ушли под парусами в море. Но сначала Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татар-

¹ «Некоторые друзья Разина среди яицких казаков говорили, что район Яика может быть удобной базой для операций по нижнему течению Волга и в Каспийском море» (*Вернадский Г.В.* Московское царство: В 2 ч. Тверь; М.: Леан; Аграф, 1997. Ч. 2. Гл. VI. Русь между Востоком и Западом [1667–1682 гг.]. 1. Восстание Разина [1667–1671 гг.]; цит. по: <http://www.spsl.nsc.ru/history/vernad/vol5/vgv561.htm>).

скую деву... И вот перед своим отступлением он поднялся рано утром...²

Положение в Гурьеве разинцев, которые до весеннего половодья оказались запертыми в низовьях малосудоходной реки³, в местах, весьма подверженных капризам погоды (препятствующие судоходству сильные, задувающие с моря ветра — «буруны»⁴), до известной степени напоминает положение ахейцев в Авлиде: чтобы обеспечить себе условия для выхода в море, они приносят девушку в жертву локальному духу-хозяину (в качестве такового можно рассматривать и Артемиду как центрального персонажа местного культа), причем делается это, кроме того, во исполнение ранее заключенного «авансового» договора. На Разина также гневается местное божество — дух реки Яик («грозное явление водяного бога»), гневается опять-таки из-за нарушения договора. «Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: “Буду я с твоей помощью удачлив — то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду”» (ср. «прекраснейший дар из рода и вшихся» — об Ифигении, по договору обещанной

² Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1968 (далее — Записки иностранцев) С. 47–48 (здесь и далее разрядка в цитатах моя. — С.Н.).

³ Ср.: *Железнов И.* Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Полное собрание сочинений Иосафа Игнатъевича Железнова. 3-е изд. / Под ред. Н.А. Бородина. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. С. 159–160.

⁴ «...Гребень [волны] с наклоном под ветер, которым идущие с моря к берегу малые лодки, шлюпки и боты всегда сзади накрыть может, ежели те малые суда от таких валов уходить не могут. <...> Также и с берегу в такое время, когда Бурун бывает, на море ехать никоим образом не можно. <...> Сие волнение называемой Бурун весьма опасно для судов, которые в оное заходят» ([*Рычков П.И.*] Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым: В 2 ч. СПб.: Имп. Академия наук, 1762. Ч. 1. С. 209–210).

Артемиде). Именно благодаря этому договору Разин, согласно легенде, оказался «уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег»⁵ (справедливости ради следует отметить, что Разин пришел на Яик лишь меньше чем за год до описываемого события и особых удач во время вынужденной яицкой зимовки не имел, так что легенда имеет к «реальности» только косвенное отношение).

Не исключено, что водяной бог «Иван Горинович» являлся почитаемым божеством среди тамошних русских — учитывая, что их основным занятием было рыболовство⁶. Как рассказывает П.И. Рычков, посланный Академией наук для обследования Оренбургской губернии, на вопрос тамошнего губернатора И.И. Неплю-

⁵ Аналогия между жертвоприношением Агамемнона, контактированным с мифом о царе Поликрате, с одной стороны, и жертвоприношением Разина — с другой, была использована в повести Д.Л. Мордовцева «За чьи грехи?» (1891), к рассмотрению которой я еще вернусь. Автор вкладывает в уста своего героя следующие слова: «Я много счастлив, так много, как тот эллинский царь, о котором сказывал мне один святой муж. Счастье того эллинского царя было так велико, что оракул сказал ему: “Дабы тебе не лишиться твоего счастья, пожертвуй Богу то, что есть у тебя самого дорогого”. И царь тот зарезал любимую дочь свою — лучшее свое сокровище» (*Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? Великий раскол / Сост. и подгот. текста Н.Н. Акоповой; вступ. ст. и коммент. С.И. Панова и А.М. Ранчина. М.: Правда, 1990. С. 142, 597 [коммент.]*).

⁶ «...Основной сферой хозяйственной деятельности казачьего населения Дона, по мнению большинства авторов, была присваивающая отрасль» (*Ларионов А.Н. Экономические основы существования Войска Донского // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2007. Т. V. № 2. С. 100*). «Любимыми их занятиями были охота, которую они называли гульбой, и рыбная ловля» (*Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год / Изд. А. Корниловичем. СПб.: Тип. Департ. нар. просвещения, 1824. С. 229*). «К простым и грубым учреждениям, еще принесенным ими с Дона, Яицкие казаки присовокупляли и другие, местные, относящиеся к рыболовству, главному источнику их богатства» (*Пушкин А.С. История Пугачева // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: изд-во АН СССР, 1958. Т. VIII: Автобиографическая и историческая проза. С. 156*).

ева о том, «на каком основании яицкие казаки сперва поселились⁷ <...> и генерально о всем том, что до оных казаков касается», войсковой атаман И.Г. Меркульев объяснил, что они «люди собственные» и что «предки их древние богатыри и т.д., а они Горынычи» (согласно интерпретации чиновника, значит, «из беглых происходят»)⁸. Представление о гигантском водяном змее удержалось на Урале вплоть до нашего времени:

Мне бабушка рассказывала, что как-то услышала историю о каком-то огромном змее, который якобы проживает в реке на Аркаиме, так как в этой реке на глубине есть трещина древнего происхождения, в которой этот змей живет. На этой реке и мы жили на практике. Так вот, когда-то давно, лет 10, может, назад, отдыхала там молодежь. И одна девушка лет 25 решила пойти загорать на реку и, чтобы загореть полностью, уединилась в камыши, постелила коврик и легла отдыхать. Лежала она, грелась на солнце и уснула. А проснулась оттого, что услышала шорох камышей, думала, что кто-то решил подглядеть. Открыла глаза, а там якобы ползет огромное существо, чешуйчатое, извивается!! Диаметр сантиметров, наверное, около 60! Так она и побежала в лагерь!!! В страхе тычет [пальцем] в камыши и сказать-то ничего не может! Все смеются, и только несколько человек решили посмотреть, что там!! И глазам не поверили, по кругу была «вытоптана» тропинка

⁷ На самом деле «наибольшее количество прибывавших на Яик в XVII в. приходилось на 1661–1666 гг., 1673–1678 гг. и 1679–1684 гг. <...> отмеченные войной с Польшей и Швецией, восстанием крестьян под предводительством С. Разина, К. Булавина, годы стрелецких бунтов и восстания стрельцов и посадских людей в Астрахани в 1705–1706 гг.» (*Мерзликina О.Г. «Вдоль Урала берегов...»: Этносоциальная история яицкого (уральского) казачества (конец XVI — вторая половина XVIII в.). Самара: Изд-во СГПУ, 2006. С. 48*).

⁸ [*Рычков П.И.*] Топография Оренбургская... Ч. 2. С. 61. См. также: *Фадеев П.А. Родословная Яицких Казаков по книге «Топография Оренбургской губернии» // Родимый край. 1972. № 103 (www.yaik.ru/rus/forces/history/index.php?SECTION_ID=263&ELEMENT_ID=2542)*.

приличного диаметра, и обвивала она то место, где лежала девушка! Выходила и уходила эта полоса в реку!! Многие не верили в это «чудовище», говорили, что якобы покрышку от БелАЗа прокатили, только вот незадача! Эта покрышка весит тонны, и диаметр-то у нее больше! И что заняться больше кому-то нечем было, катать такие покрышки, пока девушка спит? Говорят, что в этом месте — тектонический разлом и глубина реки Большой Караганки там около 20 метров, что там есть подводные течения в этом разломе! А змеи эти — древнеиндийские существа, охраняющие каких-то божеств. Ну, вот как-то так. А верить в это или нет, решать только вам! Только говорят еще, что иногда, даже не иногда, а частенько, видят такого змея на реке, то хвостом ударит по водной глади, то спину свою покажет...⁹

Следует принять во внимание следующее обстоятельство: «донцы» вместе со своим атаманом оставались чужаками на Яике — и среди яицких казаков¹⁰, и тем более среди аборигенного, преимущественно тюрко-монгольского населения (башкир, казахов, калмыков, татар и др.¹¹). Одной из причин затруднений

⁹ Запись 2014 г. А.С. Евсеевой от С.С., 20 лет, род. и проживает в г. Миасс Челябинской обл. (см.: *Евсеева А.С.* Верю — не верю: портрет информанта при работе с современной мифологической прозой: [Доклад] // XIV Международная школа-конференция по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии «Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога» [Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ], 30 апреля — 7 мая 2014 г., Москва — Переславль-Залесский).

¹⁰ «Стенька Разин посетил яицкие жилища. По свидетельству летописей, казаки приняли его как неприятеля» (*Пушкин А.С.* История Пугачева. С. 154). «Как бы то ни было, нынешние Уральские казаки не терпят имени его, и слова *Разина порода* почитаются у них за жесточайшую брань» (там же. С. 281). «Стеньки Разина порода — голопуза казара, брюхо торном набито, голова тыквой покрыта» (*Коротин Е.* Фольклор яицких казаков: Песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата: ЖАЗУШЫ. 1981. С. 203 [№ 262]; ср.: *Железнов И.* Уральцы. С. 42–43).

¹¹ [*Рычков П.И.*] Топография Оренбургская... Ч. 1. С. 14–17, 51 и сл.; *Пушкин А.С.* История Пугачева. С. 158.

и неприятностей, испытываемых пришельцами в подобной ситуации, бывает гнев на них местных духов, как это случилось, например, с Угедеем, сыном Чингисхана, при его вторжении в Северный Китай (1251 г.).

Но тут Өгöдай-хана постигла болезнь: у него отнялся язык. В великом беспокойстве созвали китадских шаманов и приказали им ворожить. <...> Тогда шаманы доложили ему: «Духи, владыки Китадских земель и вод (*kitad irgenö yajar usun-o ejed qad*), жестоко неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ. Мы предложили им в качестве выкупа все, что только они могли бы пожелать. Но они соглашались перестать только за выкуп родным человеком, а иначе угрожают поднять еще более свирепое неистовство»¹².

В подобной ситуации приходится «играть по правилам» местной традиции, что и делает Разин (кстати, по некоторым сведениям, владеющий татарским и калмыцким языками¹³, а следовательно, имевший возможность узнавать о нормах ритуального поведения, так сказать, из первых рук, а не только от яицких казаков).

Надо добавить, что мотив принесения девушек в жертву духам воды сохранился в башкирском фольк-

¹² *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol Nigüca Tobčiyun*. М.; Л., 1941. С. 192–193 (§ 272).

¹³ Что, видимо, сыграло свою роль при его переговорах с калмыцкими тайшами 1661 г. (см.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А. Швецова; ред. А.А. Новосельский, В.И. Лебедев. М.: Изд-во АН СССР, 1954, 1957, 1962 [Т. I–III]. М.: Наука, 1976 [Т. IV] (далее — Крестьянская война, I–IV). I. № 3. С. 27; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. I–XXIX. М., 1851–1879. Т. XI. Гл. 5; *Краснов П.Н.* Исторические очерки Дона. Ч. I: Всевеликое войско донское. Кн. 1: С давнего прошлого по сентябрь 1613 года. Берлин: Издание журн. «На Казачьем Посту», 1943. Гл. 9; *Валишевский К.* Первые Романовы / Пер. с фр. М.: ИКПА, 1989. Гл. 5. Бунт Стеньки Разина. Разд. 3. Стенька Разин).

лоре, хотя и в деформированном виде¹⁴. Речь идет об одном из эпизодов эпоса «Урал-батыр», когда герой, разыскивая Смерть, чтобы уничтожить ее¹⁵ и найти источник живой воды (Живой Родник¹⁶), верхом на льве приезжает в царство падишаха Катилы (т.е. 'убийцы'), по приказу которого приносятся ежегодные жертвы семейным гениям жестокого владыки.

В день рождения падишаха каждый год / В честь его матери и отца, / В честь колодца, из которого брали воду, / Чтоб новорожденного падишаха омыть, / От каждого рода ежегодно / Существует обычай жертвы приносить. / На знамени падишаха / Птица — черный ворон — [изображена]. / Раз в году бывает день, / Когда кормят этих птиц. / Вон, егет, видишь их? / Встречал ли ты этих птиц? / Прилетели на гору, сели они, / Учюяли, что пища будет им. / Когда девушек в колодец бросят, / Когда девушки умрут, / Когда вытащат их всех, / Воронам [на съедение] швырнут...¹⁷

Победив силачей падишаха, Урал-батыр отменяет страшный обычай, освобождает девушек (вспомним правителя Симэнь Бао из китайского предания!) и женится на дочери властителя. Впрочем, никаких рудиментов самого обряда в башкирской или казахской традиции как будто не зарегистрировано, хотя некоторый намек на его былое существование (в виде за-

¹⁴ Ср. также предания об убийстве дракона, требующего себе на съедение самую красивую девушку, в казахском фольклоре (см.: Благодатная земля (несказочная проза Бараулы) / Сост. А.Д. Цветкова, А.А. Садыкова. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. № 32–34).

¹⁵ Ср. разработку в башкирском фольклоре той же темы, но в виде легенды с драматическим финалом (см.: Железнов И. Уральцы. С. 220–226).

¹⁶ Предания об этом роднике представлены и в русском фольклоре Северо-Восточного Казахстана (см.: Благодатная земля. № 50).

¹⁷ Башкирское народное творчество. Т. I: Эпос / Отв. ред. Н.Т. Зарипов; сост. М.М. Сагитов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. С. 52–56; Башкирский народный эпос / Вступ. ст. А.С. Мирбадалевой. М.: ГРВЛ; Наука, 1977. С. 281.

местительной жертвы) можно усмотреть в башкирском ритуале за да б р и в а н и я «к р и ч а щ е й в о д ы». По народным представлениям, когда хозяин воды дракон аждаха хочет взять жертву, вода начинает «кричать» — следовательно, скоро кто-то умрет. Чтобы избежать утопления людей, нужно провести определенный ритуал: «В стакан с водой положить по ложке молока, соли, угольной золы, прочитать молитву и уйти, поставить стакан в реку со словами: “Хыуанахы, Хыухакал [‘Мать-вода (~ хозяйка воды), Водяная борода’], не бери человека”. В этот момент вода поднимется, нельзя оборачиваться, нужно уйти». Аналогичная картина — в свадебном обряде, когда невеста, бросает в родник монету или волосы со словами: «Не бери меня, бери монету. Унеси болезни и недуг!»; иногда это произносит посаженная мать: «Не трогай сноху, прими монету. Разрешши, Мать Воды, взять добро твое!»¹⁸.

Обратим внимание на чрезвычайную устойчивость свадебной тематики в данном сюжетном комплексе — злодей Катил в эпосе, как можно понять, также отбирает девушек для своего гарема, а остальных приносит в жертву, бросая в колодец¹⁹ (т.е. семантика матримониума сохраняется в виде глухого отзвука в фабульном звене, параллельном жертвоприношению). При этом знатность девушки, предлагаемой духу (вспомним дочь фараона из сообщения Плутарха, дочь аргосского царя Ифигению, дочь местного правителя в легенде о св. Георгии), по-видимому, имеет особое значение и в тюрко-монгольских традициях. Так, согласно Рашид ад-Дину (XIV в.), на курултае 1228 г. после интронизации Угедея «выбрали сорок красивых девушек из родов и семей находившихся при нем эмиров и в дорогих одеждах,

¹⁸ Хөсәйенова Г.Р. Башкорт әкиәттәрендә һыу символикаһы (Символика воды в башкирском фольклоре) // Ватандаш. 1999. № 10. С. 76–79 (на башкир. яз.); Башкирское народное творчество. Т. XII: Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. С. 392. Благодарю А.Ш. Галееву за указание на этот материал.

¹⁹ Башкирский народный эпос. С. 281.

украшенных золотом и драгоценными камнями, вместе с отборными конями принесли в жертву его [Чингис-хана] духу»²⁰; ср. у Фабрициуса: «принес в жертву красивую и знатную татарскую деву <...> нарядил бедняжку в ее лучшие платья. <...> “Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву...”». Вообще, подобная «свадебная» атрибутика (богатые наряды, украшения) весьма часто встречается в рассматриваемом сюжете.

Трудно сказать, мог ли существовать аналогичный обычай или хотя бы представление о нем у русских (конкретно — в ту эпоху и в тех местах), хотя полностью исключать подобную вероятность не следует, тем более что этнический состав яицкого казачества в немалом количестве пополнялся представителями местного населения — татарами, башкирами и калмыками, не говоря уже о смешанных браках²¹. Едва ли стоит видеть логическую неувязку в том, что «атаман приносит жертву языческому богу, а сына хочет воспитать в христианской вере»²². Подобное «двоеверие» чрезвычайно характерно для так называемого народного православия, как, впрочем, и для любой народной религии (например, «народного ислама» или «народного буддизма»). Об этой двойственности свидетельствует и пресловутое «венчание на Стенькин лад» («заставлял он венчающихся, приплясывая, обойти несколько раз вокруг дерева, после чего считались они обвенчанными»²³); учреждение данного

²⁰ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 19.

²¹ Мерзликина О.Г. «Вдоль Урала берегов...». С. 36–41.

²² Королев В.Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Сб. статей. Вып. 2. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. С. 87.

²³ Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев. С. 108.

обряда позволило наблюдателю даже назвать Разина «казацким папой» (*Cosack-Pope*)²⁴, что заставляет задуматься о возможном отношении к нему как к лидеру также и религиозному, а не только светскому — во всяком случае, в глазах иностранцев. На самом деле введение данного обычая (фигурирующее в приговоре как одна из статей обвинения²⁵) действительно представляет собой славянский языческий обряд, засвидетельствованный, в частности, у старообрядцев и — как «неправильный», бесовский — в фольклоре (венчание былинного Добрыни и ведьмы Маринки «во чистом поле вокруг кустика ракитова»; поговорка «Венчались вокруг ели, а черти пели»)²⁶.

Что же касается идеи человеческой жертвы водяному духу, то и она сохранилась в русской традиции до наших дней, в том числе в Уральском регионе (Алапаевском и Бисертском районах Свердловской области):

«...Когда мельницу строят, за вешают водяному несколько голов. Если завешания не сделать, так он будет скотину вытаскивать»; «Русалка должна утащить в воду трех человек, тогда мельница хорошо будет работать. Говорили, если русалка не утащит в воду трех человек, то люди сами их толкали в пруд или речку»; «Раньше, при Демидове еще, заводы-то ведь всё на прудах ставили. А чтобы работал завод-от, хозяин должен был дань лешачихе заплатить. В тот день-то, когда завод открывали, заводчик на берег выходил и

²⁴ Там же.

²⁵ «...Отступя от святой кафолической апостольской церкви <...> прогнал священников всех, и, если кто желал венчаться, ты вместо обычного свадебного обряда заставлял обходить вокруг дерева» (Смертный приговор, читанный Стеньке Разину на месте казни 6 июня 1671 года // Записки иностранцев. С. 116).

²⁶ Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1998. С. 224–236; Агапкина Т.А. Дерево культовое // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. II. С. 70.

кидал в воду перчатку. Это значит, он пять человек лешачихе отдает, пять жертв, значит, будет. А если этого мало, дак еще кидали полперчатки или целую перчатку. А теперь-то ведь этого не делают, что ли, я уж не знаю. А жертвы-то все равно еще бываю т»²⁷.

Как справедливо отмечает В.Н. Королев, «Водяной бог Иван Горинович» из рассказа Фабрициуса имеет прямое отношение к именованию Яика «Горынычем» в песнях казаков яицких, как и Терека — у терских²⁸, т. е. «отчество» *Горинович / Горыныч* прилагается к рекам, берущим свое начало в горах (Терек — на склоне Главного Кавказского хребта, Яик — на склонах Урала). Примечательно, что Яик-батыр в башкирском эпосе оказывается сыном Урал-батыра (детьми которого являются и другие персонифицированные уральские реки — Нугуш, Идель, Сакмар²⁹); таким образом, он в некотором смысле — «Яик Уралович», что в полной мере соответствует имени Яик Горыныч / Иван Горинович (слово *урал* по-башкирски, как в и русских ди-

²⁷ Петкевич А.В. «Водная жертва» в русской культурной традиции // ЖС. 2006. № 3. С. 15–16.

²⁸ «Ни сверх было Яика, ни сверх было Горыныча было самого, / Сверх Горыныча было самого...»; «Как за батюшкой, за Яикушкой...», «А сверх того Уралушки, сверх Горыныча...», «Яик ты наш, Яик ли сударь Горынович Яик!» (Милл. № 330; Бард. № 90; Емел. № 33; Народные исторические песни / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. С. 176; ср. также: Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928. С. 246; Железнов И. УУральцы. С. 30, 37–38, 159 и др.).

²⁹ По-видимому, представление о горé как об «отце реки / рек» вообще характерно для мифологии тюрко-монгольских народов; так, Тола, Керулен и Онон, три священные реки Монголии, считаются тремя дочерьми горы Хан-Хэнтэй, главенствующей над всем одноименным горным массивом (*Davaa-Ochir G. Oboo Worship: The Worship of Earth and Water Divinities in Mongolia. Thesis Submitted for the Degree M. Phil in Tibetan Studies. Department of Culture Studies and Oriental Languages. University of Oslo. Spring 2008. P. 37*).

алектах Сибири, значит также просто ‘гора’³⁰). Однако здесь Яик отнюдь не является дарополучателем при жертвоприношении девушек водяному богу, хотя сам этот мотив находится в близком контекстном соседстве с фигурой эпического Яика: он рождается у дочери падишаха Катила, победив которого Урал-батыр прекращает этот жестокий обычай.

Следует добавить, что в русской традиции «отчество» *Горыныч / Горынович* устойчиво ассоциируется с популярным персонажем сказочно-эпического фольклора — подземным, горным, водным (~ подводным), огненным и воздушным (летающим) Змеем Горынычем, похитителем женщин, охранителем и владельцем скрытых в земле кладов и сокровищ, которыми при определенных обстоятельствах одаряет человека³¹. Можно высказать предположение, что речной хозяин Иван Горинович (~ Яик Горыныч), наделяющий богатством и требующий ответной благодарности³², каковая должна выразиться в жертвоприношении девицы, также змееподобен — об этом, в сущности, свидетельствует и весь приведенный выше сравнительный фольклорно-мифологический контекст.

Яик (Яйык) в качестве фольклорно-мифологического персонажа достаточно представлен в башкирском фольклоре — не только эпическом («Акбузат», «Идукай

³⁰ Шакуров Р.З. Уралтау и Урал-батыр // Эпос «Урал-батыр» и мифология: Материалы Всерос. науч. конф. Уфа: Гилем, 2003. С. 69; Бухарова Г.Х. Концептуальные поля «Человек» — «Природа» в башкирском мифологическом эпосе «Урал-батыр» // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 16. [2007]. № 20 (98). С. 23–24; ср.: «Когда казаки видят сплошной хребет, то называют его “урал”, в виде не собственного, а нарицательного имени»; Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М.: Дрофа, 2007. (Биб-ка путешествий); Даль, IV. С. 507.

³¹ Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. С. 154–155; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Справ.-библ. материалы. М.: Индрик, 2000. С. 460.

³² «Стенька <...> столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал» (Записки иностранцев. С. 47).

и Мурадым», «Мерген и Маянхылыгу»), но и в сказочном, паремиологическом и т.д., причем иногда он характеризуется как владыка одной из четырех сторон света. Кроме того, он связан с темой усмирения водного хаоса, ему приписываются демиургические и культурно-героические деяния («Урал-батыр», «Идель и Яйык»): прокладка русла реки и наделение людей водой³³. Еще более отчетливое мифологическое амплуа имеет одноименный персонаж (Дьяик) в алтайской мифологии: он располагается на третьем (или даже на девятом) ярусе неба и выступает в качестве посредника между верховным богом Ульгеном и людьми³⁴; впрочем, сближение Яика / Дьяйыка (= др.-иран. *Daïks* с карты Птолемея) с Яючи / Дьяйучы (очевидная реплика монг. Заяач / *јауауаѝ*), по-видимому, является вторичной. Более существенна для нашей темы семантика 'потока', 'наводнения', 'ливня', 'потопа' у данного слова (алтайск., тувинск., шорск., сагайск. *јайык, чайык, чаик, чаек, чшик, чияк* и т.д.)³⁵, ко-

³³ *Аминев З.Г.* Культ божества «Яйык» в башкирской мифологии // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции, 24–26 октября 2007 г., г. Абакан. Вып. 3. Ч. 1 / Отв. ред. И.А. Чеботарева. Абакан: Изд-во Хакасского гос. унта им. Н.Ф. Катанова, 2007. С. 168–174; *Он же.* Образ «Яйык» у башкир и тюрков Алтая // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 90-летию Ойротской автономной области, 60-летию Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова». Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2012. С. 139–143.

³⁴ *Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л.: Изд-во Росс. Академии наук, 1924 (= Сб. Музея антропологии и этнографии при Росс. Академии наук. Т. IV. Вып. 2). С. 12–13; *Иванов С.В.* Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар: XVIII — первая четверть XX в. Л.: Наука, 1979. С. 68–69.

³⁵ *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV: Материалы этнографические. СПб., 1883. С. 68–69, 79, 91–94,

торая, возможно, является базовой при формировании рассматриваемого мифологического образа.

Итак, за версией Фабрициуса стоит фольклорный сюжет, имеющий обрядовую основу: чтобы обеспечить себе благоприятные условия для выхода в море, а также во исполнение договора, ранее заключенного, но нарушенного долгим промедлением, глава отряда приносит девушку в жертву местному божеству — духу — хозяину водоема. Подобный сюжет уверенно вписывается в компаративный мифоритуальный контекст, причем существует определенное количество показательных тюркских семантических и сюжетно-мотивных коннотаций.

Необходимо подчеркнуть: мы не знаем, что стоит за рассматриваемой легендой — ритуал жертвоприношения, действительно совершенный Разиным в трудных обстоятельствах (согласно местным обычаям, может быть даже русским), или предание с типовым сюжетом, приписавшее данный поступок атаману. В принципе, возможно и то и другое, хотя второе вероятнее — прежде всего в силу отмеченной анахроничности легенды, ее полного несоответствия реальному положению дел. Наконец, у нас нет никаких данных и для обсуждения той реальности, которая вообще могла стоять за легендой о девушке, преподносимой в дар духу водоема. Описания подобных жертвоприношений, как правило, сделаны самими носителями традиции или получены от них — во всяком случае мне не известно ни одной фиксации такого обряда, принадлежащей какому-либо заслуживающему доверия внешнему наблюдателю, т.е. здесь мы имеем дело с фактами «фольклорными», но никак не с «этнографическими»³⁶; что же касается

128, 138, 218, 233–234; *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. С. 334.

³⁶ См.: *Неклюдов С.Ю.* «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. К 90-летию со дня рождения К.В. Чистова / Отв. ред. А.К. Байбурун, Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 40–47.

рассмотренных сценариев ритуала, то все они являются чистой воды реконструкциями³⁷. В этом плане попытка понять, действительно ли был совершен описанный обряд или мы имеем дело только с фольклорной формой, при нынешнем состоянии наших знаний, видимо, обречена на неудачу.

Возможен (хотя и менее вероятен) еще один источник рассматриваемой легенды. Согласно местному преданию, фиксировавшемуся с середины XVIII в.³⁸, яицкий казак прежде не обзаводился постоянной семьей, а добывал себе женщину в очередном походе и затем бросал ее либо даже убивал ради следующей пленницы; по некоторым версиям, истреблялось и потомство, родившееся от подобного брака. Обычай прекратил казак Василий Гугня (или Гугна), который отказался бросить (~ убить) свою любимую жену Гугниху (Гугениху); в сказочной форме сюжет о женоубийце, кровавую практику которого удается прекратить очередной жертве, отразился в историях Шахрияра (обрамляющий рассказ «Тысячи и одной ночи») и Синеи Бороды (АаТh 311, 955). «Доныне, просвещенные и гостеприимные, жители уральских берегов пьют на своих пирах

³⁷ Некоторое исключение — «священный сенот» («колодец жертв») в древнем городе майя Чичен-Ица (Мексика). Живущему в нем богу дождя Чаку во время засухи приносились человеческие жертвы, правда не специфически «девичьи», а также драгоценности и разные дорогие вещи, что в полной мере подтверждается археологическими обследованиями водоема. См.: *Anda Alanís G. de. Sacrifice and Ritual Body Mutilation in Postclassical Maya Society: Taphonomy of the Human Remains from Chichén Itzá's Cenote Sagrado // New Perspectives on Human Sacrifice and Ritual Body Treatments in Ancient Maya Society / Ed. by V. Tiesler, A. Cucina. Interdisciplinary Contributions to Archaeology. Series Editor: Michael Jochim (University of California, Santa Barbara). N.Y.: Springer Verlag, 2007. P. 190–208.*

³⁸ [Рычков П.И.] Топография Оренбургская... Ч. 2. С. 62–69 (речь идет о 1748 г.); Пушкин А.С. История Пугачева. С. 153, 277–278; Машковцев В.И. История Магнитки. Магнитогорск, 1999 [гл. «От былин и легенд к истории (1245–1743 гг.)»]. Цит. по: Lib.ru / Современная литература // http://lit.lib.ru/m/mashkowcew_w_i/text_0100.shtml].

здоровье бабушки Гугнихи»³⁹. По одной версии, супружеская чета переселилась на Яик с Дона или откуда-то еще, по другой — женщина сначала была женой младшего из трех братьев татар, которые скрывались в лесах после разгрома Золотой Орды Тамерланом. «Трех братьев сих казаки побили, а ее, Гугниху, взяли в плен и подарили атаману»⁴⁰, т.е. досталась она Гугне ровно таким же образом, как и «знатная татарская дева» Степану Разину. В известном смысле утопление атаманом любовницы («знатной татарской девы», согласно Фабрициусу) перед отплытием в другие края вполне соответствует легендарной яйцо-казацкой практике избавления от «временной жены» перед отправлением в очередной поход⁴¹.

³⁹ Пушкин А.С. История Пугачева. С. 153.

⁴⁰ Там же. С. 277.

⁴¹ Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина (история создания, композиция и проблематика цикла) // Пушкин: Исследования и материалы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Р.В. Иезуитова. Л.: Наука, 1989. С. 12.

РОЖДЕНИЕ «ПЕРСИДСКОЙ КНЯЖНЫ». ЗАПИСИ
КОСТОМАРОВА, ЯКУШКИНА, САДОВНИКОВА

Как следует из анализа версии, записанной Стрёмсом, «персидская княжна» появляется в традиции уже после «персидского похода» Разина («похода за зипунами»). Выйдя по завершении яицкой зимовки весной 1668 г. в Каспийское море, разинцы достигают его южного берега, где выдерживают несколько сражений с шахскими войсками — в частности, у городов Решт и Фарабат, причем последний был взят казаками, что дает им возможность перезимовать в воздвигнутом поблизости укрепленном городке. Затем они возвращаются в Астрахань, разбив у Свиного острова персидскую флотилию и захватив сына командующего флотом, а также — якобы — его дочь.

Напомню: если о пленении «адмиральского сына» Шабын-Дебея (Шаболду) свидетельствует целый ряд исторических источников¹, то наличие у него сестры не подтверждается никакими документами², хотя с легкой руки Стрёмса и воспроизводится как «общее место» в исторических описаниях:

...Только три струга убежали с несчастным ханом, но козаки полонили его сына, Шабынь-Дебея, и красавицу сестру его. Стенька взял себе в наложницы персиянку³.

¹ Буганов В.И. «Розыскное дело» Степана Разина // Отечественная история. 1994. № 1. С. 29.

² Королев В.Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Сб. статей. Вып. 2. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. С. 88 и сл. «В сохранившейся челобитной Шабалды, где он просит отпустить его на родину, ни слова не говорится о плененной вместе с ним сестре» (Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М.: Мысль, 1988. С. 24).

³ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 364.

...Только три судна успели спастись с предводителем Менеды-ханом; но сын и дочь его попали в плен к победителям, и дочь ханская сделалась наложницею счастливого атамана⁴.

Персидский адмирал, Манади-хан, ушел лишь с тремя судами. Сын и дочь адмирала попали в плен к казакам. Разин сделал девушку (красавицу, как говорят) своей наложницей⁵.

...Едва спасся Менеды хан с тремя стругами. Казаки захватили много пленных, среди них сына и дочь начальника флота. Это та самая красавица-княжна, о печальной судьбе которой рассказывает известная народная песня⁶.

Здесь их и атаковал шахский флот, однако победа в морском сражении осталось за казаками. Более того, в плену оказались сын и дочь персидского адмирала⁷.

...В жарком бою казаки перетопили почти всю флотилию, только три струга сбежали с несчастным ханом, в плен же попали его сын и дочь, которую Разин, естественно, сделал своей наложницей⁸.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XI. Гл. 5 (цит. по: <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv11p1.htm>).

⁵ Вернадский Г.В. Московское царство. Тверь; М.: Леан; Аграф, 1997. Ч. 2. Гл. VI. Русь между Востоком и Западом (1667–1682 гг.). 1. Восстание Разина (1667–1671 гг.) [цит. по: <http://www.spsl.nsc.ru/history/vernad/vol5/vgv561.htm>].

⁶ Михайловичева З.И. Степан Разин. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны СССР, 1939. С. 23.

⁷ Федосеев Ю.Г. Романовы. Век первый: Краткое историческое повествование. М.: Стрелецкий В.А., 2008 (Гл. IV. Алексей Михайлович. Никон. Степан Разин) [цит. по: www.uhlib.ru/istorija/romanovy_vek_pervyi/p4.php].

⁸ Голованов В.[Я.] Кровавая чаша: Персидский поход Разина // Дружба народов. 2007. № 11. С. 145–157 (www.magazines.russ.ru/druzhba/2007/11/go11.html).

Напрашивается предположение, что красавица персиянка возникает в рассказе, переданном Стрёмсом, как результат переодевания в персидские одежды «знатной татарской девы» из предшествующей версии, зафиксированной Фабрициусом⁹, после чего уже легендарная «княжна» обретает брата в лице исторического Шабын-Дебея, плененного в битве у Свиного острова. Устойчивость данного образа, закрепившегося в литературной традиции, видимо, обусловлена неослабевающей актуальностью «персидской темы» в русской культуре, которая поддерживалась наличием локальных русско-персидских войн «за Кавказ», не прекращающихся на протяжении XVIII — первой трети XIX в. (1722–1723, 1796, 1804–1813, 1826–1828 гг.). Какую-то роль в кругах читающей публики могла сыграть и популярность «Персидских писем» Монтескье (1721) — их неоднократные переводы (начиная с А.Д. Кантемира) и переиздания предпринимаются в России XVIII–XIX вв. не менее десятка раз, а сама «персидская тема» удерживается в русской литературе вплоть до Гумилева и Есенина¹⁰.

В Астрахани топики «яицкого сидения» со всеми сопутствующими ей мотивами, видимо, утрачивает злободневность, будучи перекрыта свежими впечатлениями от «похода за зипунами». Легкость замены одной пленницы на другую может объясняться памятью о многочисленных случаях реального захвата казаками знатных женщин во время походов XVI–XVII вв. («де-

⁹ Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. С. 24.

¹⁰ Примаковский А.П. О русских переводах произведений Монтескье // Вопросы философии. 1955. № 3. С. 138–139; Библиография русских переводов произведений [Монтескье] / Сост. А.П. Примаковский // Монтескье Ш.Л. Избр. произв. / Общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина, примеч. Р.С. Миндлинной. М.: Госполитиздат, 1955. С. 770–771; Плавинская Н.Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России: Материалы Междунар. науч. коллоквиума, 2–6 сентября 2001 г. Саратов, 2001. С. 18–189; Васильева Е.Н. Монтескье и Россия: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2011; Мотамедния Масуме. Иран в русской литературе: Дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2009; Раскина Е. Русская Персия // День литературы. 2011. 20 октября. № 10 (182).

вок царевых» астраханского хана Ямгурчея, «княгинь и девок» астраханского Дербыш-Али, дочери ногайского князя Екхисата, дочери князя Манобека при разгроме туркменских улусов, дочери трабзонского судьи, дочерей и сестер ногайского Салтан-Мурат-мурзы и т.д.¹¹).

При дальнейшей трансформации легенды мотив жертвоприношения (в версии Стрёмса) утрачивает причинно-следственные связи с окружающим повествованием, оказываясь «отдарком» без договора и его нарушения (у Фабрициуса принесение девушки в жертву уже в экспозиции рассказа представлено как прямая мотивация поступка Разина). Равным образом утрачивает свою функцию и одевание девушки перед обрядом в специальное убранство (свадебное, как показывает сравнительный контекст), что и естественно: у Стрёмса дарополучателем становится Волга, а не Яик («Иван Горинич») с его выраженной «мужской идентичностью»¹²; на эту мифопоэтическую «гендерную специфику» много позже обратил внимание такой внешний наблюдатель, как Александр Дюма: «Ты найдешь Калязин на “матушке” Волге, как говорят русские, они еще не настолько хорошо говорят по-французски, чтобы знать, что по-нашему Волга — мужского рода <...> неизменно вниз по “матушке” или по “батюшке” Волге»¹³. Соответственно матримонимальная семантика у Стрёмса оказывается

¹¹ Королев В.Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? С. 92–93.

¹² В силу чего естественным является преподнесение ему женщины в качестве дара. Ср. стихотворение М.Ю. Лермонтова «Дары Терека» (1839), где дарополучателем тела «казачки молодой» является мужской персонаж — «море Каспий», «старец-море» (см.: Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. II. С. 128–130).

¹³ Из письма сыну. Цит по: Моруа А. Три Дюма // Собр. соч.: В 6 т. / Пер. с фр.; сост. и общ. ред. М.Н. Ваксмахера; вступ. ст. З.И. Кернозе и В.Н. Пронина. М.: Пресса, 1992. Т. I. Ч. 7. Гл. 5 («Поездка в Россию»; с. 154 по эл. изд.: http://lib.aldebaran.ru/author/morua_andre/morua_andre_tri_dyuma/). Ср.: «Награбив и подуванив пограбленное, они спешили на “батюшку” на тихий Дон, и вовсе не любя им была “матушка” Волга» (Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина: [Исторический роман]. СПб.: Типолит. П.И. Шмидта, 1880. С. 134 [= М.: Тип. Вильде, 1906]).

невостребованной, а о наряде жертвы рассказчик вспоминает лишь задним числом («Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева»).

В своей интерпретации события Стрэйс-повествователь вообще не касается темы жертвоприношения, которая сохраняется лишь в обращении Разина к Волге, сам же его поступок расценивается только как «необдуманная жестокость», объяснимая сильным опьянением и проистекающим отсюда «неистовством»; у Фабрициуса, напротив, Разин трезв¹⁴, а само жертвоприношение не требует дополнительных толкований, хотя он и обращает внимание на его «необычный способ». Тут возможны разночтения (впрочем, не меняющие существа дела): выражение *auff ein seltsame Weise* 'весьма необычным образом' могло быть отнесено не только или не столько к характеру описываемого ритуала, сколько к самому факту принесения девы в жертву.

Случилось так, что версия Фабрициуса, вполне способная объяснить суть происходящего, осталась неизвестной на протяжении последующих двух с половиной веков, тогда как не слишком внятная версия Стрэйса прочно вошла в культурную традицию, поставив будущих читателей и интерпретаторов перед необходимостью строить свои предположения относительно странного поступка казацкого атамана¹⁵.

В устной традиции тема утопления персидской княжны представлена лишь единичными записями¹⁶, а в пе-

сенной традиции она не представлена вообще¹⁷, причем в отдельных случаях (в некоторых песнях и преданиях, в драме «Лодка») появление подобного мотива является вторичным — скорее всего (а иногда и наверняка), оно инспирировано фольклоризованными версиями стихотворения Садовникова¹⁸. Укажу, впрочем, на старинную песню «Ах ты наш батюшка Ярославль-город», к рассмотрению которой мы еще вернемся (любовница атамана на разбойничьей лодке видит пророческий сон о гибели всей шайки) и о народно-театральном сюжете похищение разбойниками девушки, отказ пленницы стать любовницей атамана и (иногда) ее последующая гибель.

За вычетом этих случаев нам известно только четыре подобные версии. Первая упомянута Костомаровым («история несчастной пленницы <...> сохранилась до сих пор в темных сказочных преданиях о Стеньке») и услышана была им, по-видимому, при собирании фольклорно-этнографических материалов во время саратовской ссылки 1848–1856 гг.

(Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа [XVII — первая четверть XVIII века]. М.: Наука, 1976. С. 158).

¹⁷ «О Разине сочинено много народных песен, складывать их начали еще в XVII веке. Однако в тех, ранних, нет и намека на историю с персиянкой» (Каминская М. «С ним царь Петр встретиться хотел...» [Интервью с М.П. Астапенко, зав. науч.-просвет. отд. Старочеркасского музея-заповедника] // Наше время [разд. «Культура»]. [Ростов-н/Д.], 2012. 1 июня. № 281–283).

¹⁸ Певец Волги Д.Н. Садовников. Куйбышев, 1940. С. 150–151; Головачев В., Лашилин Б. Народный театр на Дону. Ростов-н/Д., 1947. С. 31, 66–67; Русское народное творчество в Башкирии / Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева; под общ. ред. Э.В. Померанцевой; отв. ред. А.Н. Киреев. [Башкирский филиал Института истории языка и литературы АН СССР]. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1957. С. 249–251; Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка» (генезис и литературная история) // Славянский фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 274; Байкальские легенды и предания. Фольклорные записи Л.Е. Элиасова. 2-е изд., доп. и перераб. Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1984. С. 165.

¹⁴ Королев В.Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? С. 86.

¹⁵ Березкина С.В. Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» А.С. Пушкина // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XXX. СПб.: Наука, 1999. С. 179; Сменцовский М.И. Степан Разин в науке, литературе и искусстве: Библиогр. указатель с краткими аннотациями, по 1 января 1930 г. // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 193–239; № 8/9. С. 309–366.

¹⁶ «Осталась лишь русская фольклорная традиция, повествующая и о сыне Степана Разина, и о персидской княжне»

Плыл (говорит народ) Стенька по морю, на своей чудесной кошме, играл в карты с казаками, а подле него сидела любовница, пленная персиянка. Вдруг сделалась буря. Товарищи и говорят ему: «Это на нас море рассердилось. Брось ему полонянку». Стенька бросил ее в море, — и буря утихла (Кост. С. 376).

Другое свидетельство, подробно рассмотренное выше, принадлежит Дюма (1859; к нему мы еще вернемся), а следующее, относящееся ко второй половине 1860-х годов, было записано П.Я. Якушкиным в астраханский период его жизни.

...Захватил Стенька Разин себе любовницей дочку самого султана персидского. <...> Ну, с султанкой не совсем ладно вышло... облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил — всею душою облюбил!.. Стал ее наряжать, холить... сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит!.. Казаки, сперва начала один по одному, а после и круг собрали, стали толковать: что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все с своей любовницей-султанкой возится!.. Кликнуть атамана!.. Кликнули атамана. Стал атаман в кругу, снял шапку, на все четыре стороны, как закон велит, поклонился, да и спрашивает: «Что вам надо, атаманы?» — «А вот что нам надо: хочешь нам атаманом быть — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой сиди!.. А мы себе атамана выберем настоящего... Атаману под юбкой у девки сидеть не приходится!» — «Стойте, атаманы! — сказал Стенька, — постойте маленько!..» Да и вышел сам из круга. Мало погодя идет Стенька Разин опять в круг, за правую ручку ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жемчугах вся и золоте, а собой-то раскрасавица!.. «Хороша моя раскрасавица?» — спросил Разин. «Хороша-то хороша», — на то ему отвечали казаки. «Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка!.. говорит Разин, — много я тебя дарил-жаловал: хлебом-солью, златом-серебром, камнями самоцветными; а теперь от души рву да тебе дарю!..» Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу!.. А на султанке было понавешано и злата, и серебра, и камня разного

самоцветного, так она как ключ ко дну и пошла!.. «Хорошо, казаки-атаманы?» — спросил Разин, а те... архирея сразили... сам знаешь, какой народ есть... «Давно пора тебе, говорят, атаман, это дело покончить»¹⁹.

Существует мнение, что данная запись «несет на себе следы костомаровской интерпретации»²⁰. Сравнение соотносимых фрагментов обоих текстов показывает высокую степень вероятности этого предположения (см. табл. V).

Таблица V

Костомаров, 1863	Якушкин, 2-я половина 1860-х годов
Возле Стеньки сидела его любовница, пленная персидская княжна.	...захватил Стенька Разин себе любовницей дочку самого султана персидского.
Уже замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана.	...облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил — всею душою облюбил!.. сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит!.. Казаки... стали толковать: что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все с своей любовницей-султанкой возится!..
Увлечшись сам на время красотой пленницы, атаман, разумеется, должен был возбудить укору и негодование в тех, которым не позволял того, что дозволил себе...	«...Хочешь нам атаманом быть — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой сиди!.. А мы себе атамана выберем настоящего... Атаману под юбкой у девки сидеть не приходится!»
Она была одета великолепно, в вышитое золотом и серебром платье; жемчуги, брильянты и разные драгоценные камни придавали блеск ее природной, ослепительной красоте.	...за правую ручку ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жемчугах вся и золоте, а собой-то раскрасавица!.. «Хороша моя раскрасавица?» — спросил Разин.

¹⁹ Якушкин П.Я. Путевые письма из Астраханской губернии // Соч. / Вступ. ст., коммент. З.И. Власовой. М.: Современник, 1986. С. 326.

²⁰ Березкина С.В. Историко-фольклорные источники... С. 179.

Вдруг, упившись до ярости, Стенька вскакивает со своего места, неистово подходит к окраине струга	«Стойте, атаманы! — сказал Стенька, — постойте маленько!..» Да и вышел сам из круга. Мало погода, — идет Стенька Разин опять в круг...
и, обращаясь к Волге, говорит: «Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата и серебра, и всего доброго: как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил: на ж тебе, возьми!»	«Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка!.. — говорит Разин, — много я тебя дарил-жаловал: хлебом-солью, златом-серебром, камнями самоветными; а теперь от души рву да тебе дарю!..»
Он схватил княжну одной рукою за горло, другую за ноги и бросил в волны.	Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу!..
...и, быть может, чтоб показать другим, как мало он может привязаться к женщине, пожертвовал бедною персиянкою своему влиянию на козацкую братию.	«Хорошо, казаки-атаманы?» — спросил Разин, а те... архирея сразили... сам знаешь, какой народ есть... «Давно пора тебе, говорят, атаман, это дело покончить».

Не вполне ясно, где именно могло осуществиться подобное влияние — в самой фольклорной традиции или при ее изложении Якушкиным. Второе предположение выглядит правдоподобнее. Дело не только в несравнимо меньшей вероятности проникновения сочинений ученого-историка в простонародную среду, чем знакомства этнографа-собиравателя с книгой, незадолго до того опубликованной и имевшей все шансы произвести на него определенное впечатление. Откровенная беллетризация текста Якушкина, соответствующая литературным задачам путевого очерка, позволяет предполагать, что сделанная им переработка могла коснуться не только стилистической, но и содержательной стороны предания. Сам автор, склонный и к этнографическому маскараду (полукрестьянская-полумещанская одежда коробейника, на самом деле вызывающая не доверие, а подозритель-

ность), и даже к своего рода розыгрышам²¹, видимо, не должен был усматривать в этом какого-либо нарушения аутентичности своих записей — ведь сочинение Костомарова в его глазах, скорее всего, являлось вполне авторитетным источником, отражающим данную традицию, а значит, было уместно и даже правильно дополнить собственные наблюдения приводимыми им сведениями.

Вторичность версии Якушкина по отношению к костомаровской хорошо демонстрируется на примере разинского обращения к Волге — с одной стороны, текстуально близкого у обоих авторов, но с другой — прямо противоположного по значению: «Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата и серебра, и всего доброго...» (Костомаров) — «Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка! <...> много я тебя дарил-жаловал: хлебом-солью, златом-серебром, камнями самоветными...» (Якушкин). Похоже, Якушкин переворачивает субъектно-объектные отношения адресата и адресанта, неточно запомнив изложение Костомарова, в результате же получается, что герой приносит жертву реке не в порядке «возвращения долга», а в силу сложившихся между ними отношений — поскольку и раньше

²¹ «Узнав, что Киреевский собирает народные песни, Якушкин записал одну и отправил к нему с товарищем, нарядившимся лакеем. Киреевский выдал за эту песню 15 рублей ассигнациями. Якушкин вскоре повторил еще два раза этот опыт и получил от Киреевского приглашение познакомиться. Песни были неподдельного народного творчества» (Соколов Б.М. Собиратели народных песен. М.: Т-во «В.В. Думнов, наследник бр. Салаевых», 1923. С. 27–56; см. также: Пытин А.Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. С. 65–68; [П.М.] Якушкин, Павел Иванович // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз [Лейпциг], И.А. Ефрон [СПб.]. СПб.: Семеновская типолит. [И.А. Ефрона], 1890–1907. Т. XLIA, 1904. С. 640–641; [Ястребцев Е.?] Якушкин, Павел Иванович // Русский биографический словарь: В 25 т. / Под наблюд. А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1896–1918. Т. XXV. С. 124–129).

частенько одаривал ее разными драгоценностями. Вероятно, в этом есть соответствие некой житейской практике, но ритуалистическая логика обмена дарами оказывается полностью разрушенной. В известном смысле перед нами — еще один случай избавления сюжета легенды от ее обрядового субстрата.

Странным представляется упоминание «хлеба-соли», которыми Разин «жаловал» Волгу; можно предположить, что мы опять-таки имеем дело с влиянием костомаровского текста, конкретно — с его рассуждением, посвященным «хлебному приношению» Волге из сибирской былины о Садко («О т р е з а л х л е б а великой сукрой²², / А и солью насолил, его в Волгу опустил»).

Настойчивее, чем где бы то ни было, в версии Якушкина подчеркивается тема нарядов и украшений пленницы. Рассказчик возвращается к ней трижды:

(1) Стал ее наряжать, холить...

(2) ...Ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жемчугах вся и золоте...

(3) Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу!.. А на султанке было повешано и злата, и серебра, и камня разного самоцветного, так она как ключ ко дну и пошла!..

Первое и второе упоминания (препозиционные по отношению к кульминации) соответствуют композиции повествования у Костомарова, а третье, постпозиционное, — стрёйсовскому (не исключено, что это является результатом знакомства автора и с более полным переводом версии Стрёйса). В последнем случае описание, уже не мотивированное исходной ритуальной схемой, обретает новую сюжетную функцию: девушка тонет из-за тяжести своего убранства. Таким образом восстанавливается, хотя и в рационализованном виде, обрядовая логика обряжения к с в а д ь б е - с м е р т и, чего почти наверняка не имел в виду ни Якушкин, ни тем более его собеседник

²² Сукрой — круглый ломоть хлеба во всю ковригу.

(«казак-зеленая-шуба»²³), если, конечно, упомянутый мотив действительно восходит к рассказу информанта, а не приписан ему собирателем.

Следует добавить, что столь же сомнительной с точки зрения аутентичности выглядит и якушкинская запись предания о шубе Разина, претендующая на то, чтобы быть единственной устной версией данного сюжета²⁴, — слишком уж она близка к ранее опубликованной М.П. Погодиным книжной редакции, также единственной (хронограф первой половины XVIII в.²⁵, к которому восходит и вторая из пушкинских песен о Разине). Текст Якушкина совпадает с хронографом и композиционно («после истории с шубой сразу же следует расправа с воеводой»²⁶), и своими деталями (см. табл. VI).

Таблица VI

Хронограф	Пушкин	Якушкин
И некогда тому воеводе случилось быть на судне при веселом подпитии; Разин той в то же время имел при себе богатую шубу дорогих соболей, также покрытую дорогою персид-	Ходил Стенька Разин / В Астрахань-город / Торговать товаром. / Стал воевода / Требовать подарков. / Поднес Стенька Разин / Камки хрущатые, / Камки хрущатые — / Парчи	Раз приехал воевода-князь на стружок к Стеньке в гости. Сели обедать. А на Стеньке Разине была шуба, дорогая шуба, а Стеньке-то шуба еще тем дорога, что шуба была заветная. «Славная

²³ Так П.Я. Якушкин называет в «Путевых письмах» своего безымянного попутчика — казака, рассказавшего данную версию легенды.

²⁴ Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина (история создания, композиция и проблематика цикла) // Пушкин: Исследования и материалы: Сб. научн. тр. Т. XIII. Отв. ред. Р.В. Иезуитова. Л.: Наука, 1989. С. 17–18.

²⁵ Лозанова А.Н. К истории развития народной легенды. Первоначальные повествования о Степане Разине // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Пед. ф-т. Т. V (XIV). Вып. 2. 1926. С. 188–189; Березкина С.В. Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» А.С. Пушкина // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XXX. СПб.: Наука, 1999. С. 182.

²⁶ Там же. С. 183.

<p>скую парчю, которая воеводе зело понравилась, начати ее просити, он, Разин, ему на то досадно отвеща, понося его лакомства. Но воевода ему тако сказал: когда ему той шубы не подарит, то он знает, что с ним сотворить, якобы в приезде его, Разина, в Москве тамо может он, воевода, добро и зло ему, Разину, устроить. И тако той Разин хотя и нехотя, но якобы принужден ту шубу ему отдать; с великим ярым сердцем и злою мыслью скинув с себя тою и отдав ему, рек еще: возьми, брат, шубу, только [б] не было в ней шуму²⁷.</p>	<p>золотые. / Стал воевода / Требовать шубы. / Шуба дорогая: / Полы-то новы, / Одна бобра, / Другая соболья. / Ему Стенька Разин / Не отдает шубы. / «Отдай, Стенька Разин, / Отдай с плеча шубу! / Отдашь, так спасибо; / Не отдашь — повешу / Что во чистом поле / На зеленом дубе, / На зеленом дубе, / Да в собачьей шубе». / Стал Стенька Разин / Думати думу: / «Добро, воевода. / Возьми себе шубу. / Возьми себе шубу, / Да не было б шуму»²⁸.</p>	<p>шуба у тебя, Степан Тимофеевич», — говорит воевода. «Нет, ваше превосходительство, плохинья!» — «Нет, знатная шуба!» — «Плохинья-ка, ваше превосходительство», — говорит Разин — ему с шубой-то больно жаль было расстаться. <...> «Погоди ж ты, шельмец этакой, я об тебе отпишу еще царю!» <...> Привстал Стенька, снял с плеч шубу, подал воеводе, да и говорит: «На тебе, воевода, шуба, да не наделала бы шуба шума!»²⁹</p>
--	---	--

Можно, конечно, предположить, что мы имеем дело с двумя ветвями устного предания³⁰ (версия хронографа несомненно имеет устное происхождение³¹), однако не менее вероятно, что Якушкин просто переработал извест-

²⁷ [Погодин М.П.] О Стеньке Разине: Отрывок из хронографа, со-общенный К.И. Авериним // Москвитянин. 1841. Ч. VI. № 7. С. 167.

²⁸ Пушкин А.С. Песни о Стеньке Разине // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. II: Стихотворения. 1820–1826. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 333–334.

²⁹ Якушкин П.Я. Путевые письма... С. 320–321.

³⁰ Березкина С.В. Историко-фольклорные источники... С. 183.

³¹ Лозанова А.Н. К истории развития народной легенды. С. 188–189; Березкина С.В. Историко-фольклорные источники... С. 182.

ный ему книжный текст — таким же образом, как он это сделал (по-видимому) с легендой о персидской царевне.

Еще одну устную версию рассказа о прекрасной пленнице и о ее утоплении записал, как было сказано, Садовников. Собственно, в опубликованной им обширной серии преданий о знаменитом разбойнике-колдуне (Сад., № 110) связное повествование на данную тему отсутствует — его можно лишь реконструировать по отдельным эпизодам, причем нет никакой уверенности в том, что подобный цельный текст вообще когда-либо существовал в данной традиции. Начинается все с похищения в Персии «прекрасной королевы Елены», осуществленного обычным для легендарного Разина способом: «Вздумал: “Как я ущельем к городу проеду? Дорога тесная”. Напустил воды, подъехал...» (Сад. № 110 [с. 126]). Источник данного мотива очевиден — он восходит к сюжету о Троянской войне, сказания о которой были достаточно распространены в русской книжности, особенно начиная с XVII в.³² Согласно записям Садовникова, похищение Разиним «прекрасной королевы Елены» осуществляется в формах, весьма сходных с похищением Парисом Елены Прекрасной в этих сказаниях³³:

...Изыде царица Елена с девицами проходится по граду с греческими болярынями, Александр же восхитив Елену царицу под пазуху и вшед в борзый корабль со отроки своими, и прииде под Трой град («Повесть о создании и поплении тройском...», XV–XVI вв.).

Ехал не больше трех часов, приехал к столичному граду в Персии; видит: гуляет на балконе прекрасная королева Елена, <...> подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров (Сад. С. 126 [№ 110])³⁴.

³² Творогов О.В. Троянские сказания в древнерусской литературе // Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков / Подгот. текста и ст. О.В. Творогова; коммент. М.Н. Ботвинника и О.В. Творогова. Л.: Наука, 1972. С. 157.

³³ Троянские сказания. С. 9, 30, 72, 96, 141.

³⁴ Там же. С. 9, 72. См. также: «И царицу Елену и всех ей спутников Парид своею рукою взят. И в кораблю Елену вводит, и

Включение в легенду данного книжного мотива, по-видимому, связано не только с амплуа фольклорного Разина как похитителя женщин и многоженца (вспомним: «Марина эта была у него первой наложницей, а прочих до 500, и триста жен»), но и с существованием в «разинской мифологии» некой Алены / Елены, далеким прототипом которой могла быть атаманша Алена Темниковская; уместно также упомянуть Алену и ее «подворье», куда направляются гребцы «лодочки» в песне «Вниз по матушке, по Волге», рассмотрение которой нам еще предстоит.

Своей прежней жене, которая существовала до и помимо любовницы-полонянки («Вздумал Стенька съездить в путь-дорогу, в Казанскую губернию; мимо Болгар проезжал, про прежнюю вспоминал. “Дай зайду к ней!”»³⁵), Разин выдает похищенную «персидскую королеву Елену» за сестру:

«Вот тебе, любезная моя — сестра моя! (Это княжна-то). Я долго не видал сестру, когда бунтовство было; я расстался с ней и сел на легку лодку, за тобой поехал; я время в этом проводил, в Персидское царство ездил, всех знакомых я узнал, купечество разорял!»³⁶

Обратим внимание на наличие у похитителя жены — ее, «богатеющего купца прекрасную дочь, под названьем Марья Федоровна», Стенька ранее увез из Саратова³⁷; имя Мария Федоровна, по-видимому, связано с именем двух русских императриц: супруги Павла I (в девичестве София Мария Доротея Августа Луиза) и супруги Александра III (в девичестве Мария София

твердо повеле ея стерещи» («Книга глаголемая Троя», XVI в.); «Елена прекрасная приде, юже видеви Парис подивился красоте ея. И, возхитив ю, Парис возвратился в Трою...» («О златом руне волшебного овна», XVII в.) [там же. С. 30, 96, 141].

³⁵ Сад. С. 129 (№ 110).

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 123 (№ 110). О браке атамана, кстати, пишет и Костомаров: «Стенька был женат и имел детей» (Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. С. 376).

Фредерика Дагмара); получается так, что супруге владыки «естественно» называться Марией Федоровной. Следует добавить, что у исторического Разина действительно была жена — в 1669 г., после возвращения с Каспия на Дон, он ее «подсылкою увез из Войска» (т.е. из Черкаска в Кагальник), «где она, вероятно, и жила во время похода мужа на Волгу в следующем году. Там она была и после симбирского поражения Разина. <...> Однажды, когда Разин ушел из своего Кагальника в Царицын, домовитые [казаки] напали на его ставку — “старшин ево, Стенькиных, побили и в воду пометали”, взяли “жену ево, Стенькину, да брата ево Фролкину жену и привезли в Войско”, т.е. в Черкасск. О дальнейшей ее судьбе неизвестно»³⁸.

Присутствие в легенде двух женщин, одну из которых приходится скрывать, выдавая за сестру³⁹, дает новую мотивацию утоплению персиянки. Однако пленница оказывается лишней не столько из-за наличия другой жены, сколько в силу того, что казаку не следует обзаводиться постоянной семьей, если в каждом очередном походе можно добыть новую жену. В известном смысле эта ситуация соответствует упомянутому выше уральскому преданию о казацком обычае заключения временных браков, как бы еще не отмененном Василием Гугной. Воспользовавшись недоуменным вопросом «молодой [видимо, младшей] жены», с точки зрения Разина неуместным, он сбрасывает «княгиню» со своего чудесного платка в воду:

И задумал Стенька переправиться в отдаленную дорогу, на Балхинско-Черно море, на зеленый Сиверский остров; и думат Стенька про свою молодую жену,

---

³⁸ Буганов В.И. «Розыскное дело» Степана Разина. С. 37.

³⁹ Само по себе выдавание жены за сестру есть устойчивый литературный мотив, неоднократно встречающийся в повествовательной традиции начиная с библейских Авраама и Исаака; вспомним также соответствующие эпизоды из «Истории кафалера Де Гриё и Манон Леско» А.Ф. Прево или д’Эзкилья «Собаки Баскервилей» А. Конан Дойла (см.: Неклюдов С.Ю. Темы и вариации. М.: Индрик, 2017. С. 436–437, 441–442).

княгиню: «Куда ж я ее возьму с собой? Неужели мне, удальцу, там жены не будет?» Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих — большой ковер, и сказал: «Грянем, ребята! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а наутро будем в Рыбинском!» Плыли они путину, молода его жена и сказала: «Куда ты меня завезешь?» — «А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой!» Словом ее огорошил — княгиня полетела вплоть до дна (Сад. С. 130 [№ 110]).

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОРИСТ АЛЕКСАНДР ДЮМА:
ЛЕГЕНДА О ДЕВИЧЬЕМ ХОЛМЕ

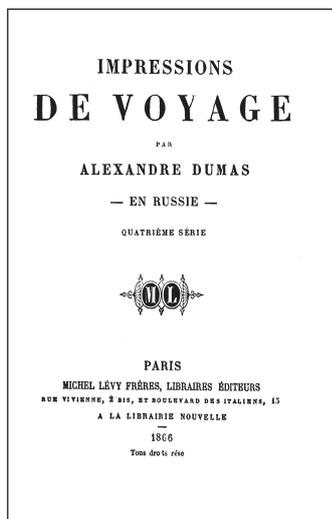
Совершая в 1858–1859 гг. поездку по России (Санкт-Петербург, Москва, далее по Волге до Астрахани и на Кавказ), Александр Дюма описал ее в путевых очерках, которые сперва публиковались в журнале «Монте-Кристо», затем появлялись в виде отдельных книг и, наконец, были собраны вместе в одном издании¹; по выражению Андре Моруа, он вообще «любил путешествия и умел возвращаться домой с объемистыми рукописями»². В гл. LXVI своих очерков («Степи и соленые озера») писатель несколько страниц посвятил Стеньке Разину³. Часть его рассказа о знаменитом разбойнике, «настоящем легендарном герое, как Робин Гуд, Жан Сбогар и Фра Диаволо», который «мог бы стать великим человеком и знаменитым завоевателем, если бы родился князем», представляет собой развернутую справку об исторических событиях, зато другая часть является изложением чрезвычайно любопытного предания о Девичьем холме (*Dévitchei Kolm* 'colline de la Jeune-Fille'), источник которого, как и в прочих случаях, автор не указывает⁴.

¹ De Paris; Astrakan. Nouvelles impressions de voyage par Alexandre Dumas. Bruxelles, 1858–1862; Paris, 1865; Impressions de voyage en Russie par Alexandre Dumas. Paris: Michel Lévy frères, 1866; см.: Дюма А. От Парижа до Астрахани. Пер с франц. Г. Генниса. Саратов, 1991 (журн. «Волга», 1991, № 11 [спец. номер]); полный рус. пер.: Дюма А. Путевые впечатления. В России. Сочинение: В 3 т. / Предисл. М. Трескунова; ист. справки С. Искюля. М.: Ладомир, 1993. Далее перевод цит. по изд.: Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию / Пер., вступ. ст. и примеч. В.А. Ишечкина. М.: Спутник+, 2009. С. 667–784 (очерк «Степи»).

² Моруа А. Три Дюма // Собр. соч.: В 6 т. / Пер. с фр.; сост. и общ. ред. М.Н. Ваксмахера; вступ. ст. З.И. Кернозе и В.Н. Пронина. М.: Пресса, 1992. Т. I. Ч. 7. Гл. 5 («Поездка в Россию»; с. 152 по эл. изд.: http://lib.aldebaran.ru/author/morua_andre/morua_andre_tri_dyuma/).

³ Impressions de voyage en Russie... P. 8–13.

⁴ Сказано только: «Это снова предание, связанное со Стенькой Разиным» (*C'est encore une tradition qui se rattache à Stenka Razine* [Ibid. P. 10]).

Титульный лист «Путешествий»
А. Дюма (Париж, 1866)

Вообще, количество рассказов о России, изложенных путешественником, сильно превышает возможности того, что он мог прочитать о ней по-французски (а это прежде всего вольтеровская «История Российской Империи в царствование Петра Великого»⁵); русским же языком писатель не владел. Хотя ему специально делали переводы некоторых текстов, скажем в качестве подстрочников для последующего художественного переложения, подавляющее большинство сведений Дюма, вероятно, черпал из бесед со своими

образованными собеседниками, говорившими, естественно, по-французски и, видимо, развлекавшими гостя анекдотами о персонажах и событиях русской истории⁶, иногда связанных с теми местами, через которые

⁵ *Voltaire. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre-le-Grand. Vol. I–II. Genève, 1759–1763.*

⁶ «То, что мы собираемся рассказать о Петре I, вы не найдете в «Истории» Вольтера»; «Пока князь Трубецкой рассказывал мне различные охотничьи перипетии...»; «когда князь Трубецкой, который рассказал мне этот анекдот...»; «Гамильтон [сын адмирала русской службы] рассказывал еще об одном приключении...»; «Эту быль, что ярко живописует патриархальные нравы России, рассказал очевидец события, офицер с сибирских рудников — генерал Семенко-Быковец»; «Раз уж мы выйдем в необычных историях, то вот еще две, только что мне рассказанные; подаю их в горячем виде»; «Это происшествие рассказано князем Волконским...»; «...каждое утро рассказывали что-нибудь новенькое...»; «Перевожу для вас на французский язык рассказ Миллелотти. Поверьте, дорогие читатели, в нем нет ничего моего»; «Дандре... взамен жаркого рассказывал кавказские истории...»; «Вот что рассказали о способе, которым царевич заставил себя признаться»; «Княгиня Трубецкая, подруга императри-

он проезжал. «Всюду и везде именитые князья, губернаторы провинций, предводители дворянства и помещики оказывали ему теплый прием»⁷; среди них, например, говоривший «на великолепном французском языке» генерал Н.П. Беклемишев⁸, наказной атаман Астраханского казачьего войска, возможно — потомок черныярского воеводы Семена Беклемишева, ограбленного и изувеченного «воровскими казаками» Стеньки Разина. Обладая отменной памятью и прямо-таки сверхъестественной способностью к производству письменных текстов, Дюма, насколько можно понять, чуть ли не ежевечерне и весьма подробно записывал свои дневные впечатления, по мере накопления отсылая их в журнал.

Что касается локального волжского (собственно, жигулевского, самарско-лукского) предания о Разине, то уж его-то прочитать, хотя бы и с чьей-либо помощью, нашему путешественнику было решительно негде — в известной науке «разиниаде» такой текст не зафиксирован; придумать же подобное автор не мог: все мотивы в рассказе — подлинные, об этом говорят и рассматриваемые ниже литературные контексты; возможные авторские привнесения немногочисленны и будут отмечены особо. Вообще, вопреки мнению Моруа, отражающему расхожие представления об исторических и этнографических недостоверностях в описаниях Дюма⁹, его плохое знание российской действительности сильно преувеличено¹⁰.

цы — жены Николая I, мне рассказывала...»; «Наступила очередь Анненкова рассказывать мне про свои приключения»; «Один купец рассказал нам...»; «Один офицер рассказывал мне...»; «Калино... рассказывал мне...» (Дюма А. Из Парижа в Астрахань).

⁷ Моруа А. Три Дюма. С. 154 по эл. изд.

⁸ «Там я ночевал в палатке посреди степи и пировал с очаровательным человеком, господином Беклемишевым, атаманом астраханских казаков» (из письма сыну) (там же).

⁹ «Дюма никогда не отличался точностью, однако его рассказы по возвращении из России превзошли приключения Монте-Кристо. Хорошо выдумывать тому, кто прибыл издалека» (там же. С. 156 по эл. изд.).

¹⁰ Пахсарьян Н.Т. Образ России в «Мемуарах» А. Дюма, или «Развесистая клюква» литературной репутации // Новые рос-

Таким образом, перед нами — уникальная фольклорная версия, важная для понимания истории легенды о Разине. По-видимому, писатель услышал ее от кого-то из местных дворян или упоминаемых в очерке казачьих офицеров, с которыми ему случилось беседовать.

Сам текст стоит того, чтобы процитировать его подробно.

Влюбленный в дочь знатного человека, бандит выдает себя за торговца украшениями и появляется в отчем замке той, которую любит; говорит, что не может продолжать путь из страха быть ограбленным Стенькой Разиным¹¹, настойчиво просит гостеприимства. <...> Так прошла неделя; на восьмой день Стенька Разин объявил девушке о своем отъезде; она, вся охваченная любовью, предложила уехать с ним. И тогда Стенька Разин признался ей, кто он и какой опасности она подвергла бы себя, связавшись с бандитом своенравным, взбалмошным и еще более зависимым от сотоварищей, нежели сотоварищи зависят от него. На все, что только мог сказать Стенька Разин, она отвечала: «Я люблю тебя».

Двое влюбленных уехали вместе. В течение двух лет они вели веселую жизнь триумфаторов; затем, наконец, настали иные дни. В понимании Стеньки Разина

сийские гуманитарные исследования. 2007. № 2 (Россия и русские в художественном творчестве зарубежных писателей XVII — начала XX веков: Материалы «круглого стола» в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН [5 декабря 2006 г.]), цит. по: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=52&binn_rubrik_pl_articles=253; см. также: Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31–32. М., 1937. С. 491–562; Ощепков А.Р. Образ России во французских путевых записках XIX века: Науч. монография. М.: Изд-во Гос. ин-та русского языка им. А.С. Пушкина, 2010; Он же. «Занимательная история» России в «Путевых впечатлениях» А. Дюма // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 79–85.

¹¹ Ср.: переодетый Дубровский — французцу Дефоржу: «...объявите, что вы были ограблены Дубровским» (Пушкин А.С. Дубровский // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. VI: Художественная проза. С. 281).

Волга была вроде покровительствующего божества <...> он, чтобы умиловить Волгу, пожертвовал ей самые дорогие вещи из своих сокровищ. Действительно, Волга в береговых излуках, на островах, которые она держит в объятиях и омывает своими водами, всегда давала ему надежные укрытия. В ночь, когда бандит потерпел первое поражение от русских [войск], с сотней своих сотоварищей он укрылся на холме, который сегодня называют Девичьим и который тогда был безымянным. Выпив там, забыли или скорее попытались забыть прервности дня; но чем больше Стенька Разин пил, тем больше мрачнел. Ему казалось, что Волга стала к нему охладевать и пробил час принести ей великую жертву. Еще держась на ногах, поднялся на скалу, господствующую над рекой, и там, обратясь к ней с импровизированной песней (*dans un chant improvisé*), [произнес]:

«Я потерял твое расположение, — высказывал он, — хотя прежде ты защищала меня, сына Дона, как если бы я был одним из твоих сыновей. Что должен я совершить, чтобы ты вернула мне твою утраченную дружбу? Какое из самых дорогих моих сокровищ ты требуешь пожертвовать тебе? О, ответь мне, старая Волга!» Он прислушался, ответит ли ему река, и услышал эхо, которое донесло: «Ольга!» Это было имя его любовницы. Он подумал, что ослышался, и повторил свое обращение к реке. Эхо повторило: «Ольга!».

Для Стеньки Разина это было приговором судьбы. Он позвал девушку, которая спала и которая, вся светясь улыбкой, пришла к нему. Он помог ей подняться на самое высокое место холма, на край обрыва, где они оба оказались над рекой. Последний раз он прижал ее к сердцу, соединил свои губы с ее губами и во время долгого и последнего поцелуя вонзил ей в сердце свой кинжал. Девушка вскрикнула, бандит раскрыл объятия, и искупительная жертва пала и скрылась в реке.

С того дня холм зовется Девичьей горой (*la montagne de la Jeune-Fille*). Если у кого будет время там остановиться, то можно проверить, есть ли эхо. На имя Волга, которым ее окликают, река по-прежнему отвечает: Ольга!

Девичий курган,
открытка начала
XX в.

Через неделю после смерти любовницы, словно это свой добрый гений он принес в жертву злому духу, Стенька Разин был разбит и схвачен князем Долгоруким.

Как можно убедиться, предание состоит из трех частей. В первой разбойник, переодетый купцом, оболыщает девушку, соблазняя ее богатствами, награбленными в персидском походе; история завершается отъездом (бегством?) любовников. Во второй Волга, покровительствующая Разину, оказывается — по его мнению, во всяком случае, — не удовлетворена приносимыми ей дарами и требует себе возлюбленную атамана, что и побуждает его совершить кровавое жертвоприношение. Третья часть — этиологический финал, который, в свою очередь, включает два компонента: происхождение названия «Девичья гора» и эха, откликающегося именем погибшей девушки. Наконец, возмездием за совершенное злодеяние объясняется близкая гибель самого Разина.

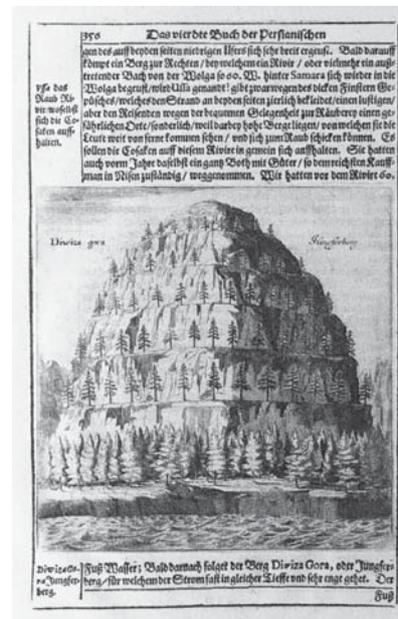
Поскольку с функциональной точки зрения перед нами топонимическое предание («С того дня холм зовется Девичьей горой»), рассмотрим в первую очередь именно данную тему. Речь идет об одном из утесов Жигулевского горного массива, находящемся на излучине Волги между Усольем и Сызранью (Самарская Лука). Вот как описывает это место Адам Олеарий, посетивший его в 30-е годы XVII в. (см. Приложение III, № 3):

Вскоре затем следовала Девичья гора [точнее, Девица-гора (*Diwiza gora*). — С.Н.], у которой речка, при

той же почти глубине, проходит очень узкое место. Гора лежит по правую руку, она очень высока, крута у берега и очень приятна на вид. Она представляет ряд ступеней, вроде как бы скамеек, одну над другою, из красного, желтого и синего песчаника; они похожи точно на старые стены¹².

Ему вторит археолог и исследователь русских древностей К.И. Невострюев:

Горы с северной и восточной стороны почти обрывом или стеною, поросшею, однако, лесом или кустарником, упираются в Волгу, и голые верхи их, конусообразные, часто увенчанные дикими скалами, возвышаются над уровнем Волги — Усольская Вышка до 100 сажен, Девичий курган и Два Брата до 110 сажен, Лысая Гора до 120 сажен¹³.

Девья гора, по Олеарию (*Olearius A.* Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise. Schleswig, 1647 S. 356)

¹² *Olearius A.* Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise. Schleswig, 1647; *Олеарий А.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указатель А.М. Ловягина. С 19 рис. на особых листах и 66 рис. в тексте. Изд. А.С. Суворина. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. С. 379. (Здесь и далее разрядка моя. — С.Н.)

¹³ *Невострюев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств. М.: Синод. тип., 1871. С. 41–43, 48. (Из Трудов 1-го Археологического съезда).

По оценке тех же наблюдателей, специфика данной местности, помимо крутизны спускающегося к Волге склона, заключается в ее удобстве для разбойничьих засад и укрытий.

Ради густого темного леса, красиво покрывающего берега с обеих сторон, местность здесь приятна на вид¹⁴, но в то же время она очень опасна для путешественников, ввиду удобств, какие она представляет для разбоя, особенно ввиду высоких стоящих здесь гор, откуда приближающихся людей можно видеть издали и приготовиться к грабежу. Говорят, что обыкновенно казаки находятся около этой реки. Они и в прошлом году захватили здесь принадлежавшую богатейшему купцу в Нижнем лодку с товарами¹⁵.

Это было некогда место встречи отрядов казаков-разбойников, которые [находясь] на этой вершине, могли обозревать значительное расстояние, как вверх, так и вниз по реке, и посредством этого было возможно останавливать и грабить те суда, кои они считали возможным¹⁶.

Центр или площадь гор отличается холмами и многими глубокими оврагами, лощинами и буераками, идущими в Волгу; северная половина ее покрыта лесами. Таковая местность представляла много удобств для безопасности, ограждения и укрепления жилищ, а с другой стороны привлекала всякую вольницу, беглых и гольтьбу, которые и безопасно могли здесь укрываться, и в то же время наблюдать и грабить идущие по Волге суда¹⁷.

¹⁴ «Спутники Олеария в стихах изливали к ней восторженные свои чувства» (там же); речь идет о сонете П. Флеминга, о котором будет сказано ниже.

¹⁵ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия... С. 379.

¹⁶ [Bruce P.H.] *Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Contain an account of his travels in Germany, Russia, Tartaru, Turkey, the West-Indies...* London, 1782. P. 237–238. Пер. цит. по: *Брусникины А. и Н.* Девья гора // rgo-volga.narod.ru/Devia-gora.html.

¹⁷ *Невоструев К.И.* О городищах... С. 42.

Вот как это происходило:

Устье Усы в течение почти трех веков, вплоть до половины XIX ст[олетия], было самым страшным местом на Волге. Здесь было настоящее разбойничье гнездо, в котором сидели «удалые добры молодцы» и сторожили проходившие по Волге суда. Завидев издали, с какого-либо высокого обрыва судно, они спешили к берегу, прятались в кусты, отвязывали свои лодки и поджидали. Как только судно приближалось, раздавался страшный разбойничий крик: «Сарынь на кичку!» Эти слова производили магическое действие, — никто не решался сопротивляться¹⁸.

Свидетельство Олеария говорит о том, что упомянутые особенности здешнего рельефа использовались разбойниками, по крайней мере, за несколько десятилетий до Разина и что уже тогда местность в этом качестве была вполне освоена казаками. «В 1659 г. почти под самым Царицыном, на Волге, появились “донские грабельщики”, совершавшие нападения на торговые караваны. “Воровское” сборище поставило себе даже городок на реке Иловле под громким названием “Рига”»¹⁹. Следовательно, Разин выступил восприимчивом практики, сложившейся задолго до него; относительно поздними являются и локальные этиологические мотивы, связанные с его именем.

Предание о строителях крепости [речь идет о городище на южной половине Самарской Луки] и прежних ее обитателях различно <...> иные устройство крепости

¹⁸ *Сырнев И.Н.* Среднее Поволжье // Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. VI: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1901. С. 413.

¹⁹ *Никольский В.А.* Народные движения в России: семнадцатый век. [Ч. 2]: Стенька Разин и разиновщина. СПб.: Изд. Акционерного о-ва тип. дела, 1911 (= М.: Книга по Требованию, 2012). С. 7.

усвоят Стеньке Разину — и в доказательство представляют три яблони на южной стороне горы, посаженные в ряд будто бы руками самого Разина <...> мы полагаем, что это городище было древнее, Татарское, но впоследствии занято было Русскими казаками, охранявшими край или разбойничавшими, и состояло под каким-нибудь заводом или кузницами. Потому вместе с огромными камнями и с древними вещами Татарского употребления здесь встречаются и ружья и признаки доменных печей и кузнечного производства²⁰.

Столь же анахронистичен топонимический мотив («на холме, который сегодня называют Девичьим и который тогда был безымянным»). На самом деле этот ороним существовал задолго до Разина, более того, до середины XVIII столетия все Жигулевские горы, или, по крайней мере, их часть, именовались Девичьими (по сведениям «Казанского летописца», сер. XVI в.²¹) либо Девьими (*Montagne devi*, согласно картографу Г. Делилю, нач. XVIII в.)²²; топоним же «Жигулевские горы» (которые до начала XIX в. вообще не рассматривались как единый массив²³) впервые появляется, видимо, лишь в «Путешествии по разным провинциям Российской империи» П.-С. Палласа²⁴. Более того, нет уверенности, что

²⁰ Невоструев К.И. О городищах... С. 48.

²¹ «...Ведуша с собою более 10 000 рыболов русских, ловящих рыбу на Волге, под горами Девичьими и до Змиева камня и до Увека» (Полное собрание русских летописей. Т. XIX: История о Казанском царстве [Казанский Летописец]. СПб., 1903 [2-е изд.: М., 2000]. Гл. 13: «О печали великого князя о христьянех, в Казани погибших, и радость его о Шигалееве животе»).

²² Виноградов А.В. Самарская Лука как крупный центр праславянской языческой культуры // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Самарская Лука, 2009. Т. XVIII. № 3. С. 15.

²³ Брусникины А. и Н. Девья гора.

²⁴ Жигули (возвышенность) // ru.wikipedia.org/wiki/Жигули_(возвышенность); Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in den Jahren 1768–1773. Bd. I–III. Theil. St. Petersburg, 1771–1776 (= Graz, 1967).

во всех исторических источниках, в которых встречается ороним *Девичья / Девья*, речь всегда идет об одной и той же горе²⁵; впрочем, для изучения нашей легенды это не столь важно.

Аналогичную «гендерную семантику» имеет, по-видимому, название «Амазония» у космографа Фра-Мауро (сер. XV в.)²⁶, которое можно соотнести с преданием, рассказанным П. Флемингу как участнику экспедиции Голштинского посольства и отраженным в сонете, написанном им по этому поводу.

Скажите, русские, так весть в устах народа
Про гору — истинна? Так правда то, что тут
Премудрый карла жил, как нам передают,
И дева здесь была, из исполинов рода?
И гору дивную хранит с тех пор природа
И Девичью все поднесь ее зовут?
Что случилось с девою?²⁷

Трудно сказать, что за мифологический образ стоит за фигурой «премудрого карлы» (*kluger Zwerg*), но что касается «девы из рода исполинов» (*eine Jungfer auch der Ankunfft von den Risen*), то здесь уместно вспомнить местные сказания о девах-воительницах (усольской богатырке Усолке, двенадцати сестрах-богатырках, живших в устье Усы, и т.п.²⁸); при этом зачастую подобные предания связаны именно с топонимическими (конкретно — с оронимическими) сюжетами данного региона и сопредельных традиций, например:

²⁵ Шульгина В.В. О том, как Девичья гора пол поменяла // Миражи над Жигулями (<http://www.awesta.sibirjak.ru/page-id-85.html>); Брусникины А. и Н. Девья гора.

²⁶ Виноградов А.В. Самарская Лука... С. 15.

²⁷ Оларий А. Подробное описание путешествия... С. 380 (пер. А. Ловягина); нем. оригинал: Olearius A. Beschreibung der muscowitzischen und persischen Reise. S. 357.

²⁸ Сырнев И.Н. Среднее Поволжье. С. 413–414; Шульгина В.В. О том, как Девичья гора пол поменяла; Алексеева Н., Шульгина В. Усольские амазонки // Литературная губерния: Международный альманах (<http://samaralit.ru/?p=6937>).

...Храбро сражалась наряду с мужчинами женщина-батыр Мухиба и пала на поле битвы. Похоронили ее вон на той горе. <...> Гору поэтому называют Мухиба тауы (*Мухибэ тауы*)²⁹.

...Девушка по имени Сюярбика, известная своей красотой на всю округу, храбро сражалась против пришельцев. <...> Почти у деревни на горе снова настигли ее враги <...> Одна против шестерых до последнего сражалась мужественная девушка и погибла. В честь этой храброй девушки и названа гора (*һөйәрбикэ тауы*). Ее же имя носит мыс (*һөйәрбикэ мороно*)³⁰.

Та же мифологическая модель сохраняла свою продуктивность вплоть до самых недавних времен.

Это случилось, когда в нашем ауле только что установилась Советская власть, была создана милиция — отряд из семи человек. Среди них была русская девушка по имени Анна. <...> Враги стали ее преследовать. Долго не могли догнать, а когда все-таки стали приближаться к всаднице, Анна повернула своего коня прямо на крутую гору. Впереди — отвесный обрыв, позади — враги. Чтобы не попасться им в руки, ударила коня по крупу и, словно птица, вспарила над крутояром. Так погибла эта храбрая девушка. С тех пор гору стали называть Аннаоскан-тау — Гора, откуда упала Анна (*Аннаоскантау*)³¹.

Существует целый ряд топонимических преданий о горе, привлечшей внимание Олеария и Флеминга (или о ней и соседней с ней: Молодецкий курган и Девичья / Девья гора / Девичий курган). По словам П. Брюса (запись 1722–1723 гг.), «вблизи от реки Уса находится удивительный холм, называемый Девичья гора, о которой... сообщают много баснословных историй, не заслуживающих повторения»³². В подобных преданиях рассказывается о

²⁹ Башкирское народное творчество. Т. II: Предания и легенды. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. С. 48 [№ 31 («Гора Мухибы»)].

³⁰ Там же. С. 51–52 [№ 40 («Гора Сюярбики»)].

³¹ Там же. С. 67–68 [№ 62 («Аннаоскан-тау — Гора, откуда упала Анна»)].

³² [Bruce P.H.] Memoirs of Peter Henry Bruce.

любви лесной отшельницы и охотника; о юноше и девушке, защитивших свой край от нашествия врагов и превратившихся в две скалы³³; о двенадцати дочерях ходжи Тырышмала, которые по приказанию врагов босиком целыми днями таскали землю и насыпали курган, названный поэтому Девичьей горой³⁴; о разбойнике и его пленнице, что уже ближе к «версии Дюма» (хотя финал тут полярно противоположный).

Рассказывают, что некий лихой атаман полонил прекрасную девушку. Задумала она убежать от нелюбимого и, притворившись ласковой да нежной, уговорила атамана посидеть на краю обрыва у реки. А когда заснул он у нее на руках, столкнула [его] вниз со скалы³⁵.

Однако именно тематическое разнообразие свидетельствует о вторичности этиологических объяснений по отношению к устойчивому орониму — видимо, в разное время у носителей разных традиций название «девичья» притягивало к себе разные объяснительные сюжеты. Не исключено, что первичным является представление о некоем женском духе-хозяине, наподобие горной хозяйки в фольклоре уральских горнорабочих³⁶. В подобном случае его след можно усмотреть в образе горной отшельницы из самарско-лукского предания;

³³ Виноградов А.В. Самарская Лука... С. 15; «Хозяйка Жигулевских гор» // wiki.irkutsk.ru/index.php;stavropol63.hut2.ru/3-8_index.html; www.liveinternet.ru/tags/.

³⁴ Ветры великих Булгар: легенды, предания, байты и исторические материалы / Сост. С.М. Гилязутдинов. Казань, 1993 (Биб-ка журнала «Казань». Вып. 11–12) [цит. по: Брусникины А. и Н. Девья гора].

³⁵ Самарская Лука // Национальный парк «Самарская Лука» (http://www.npsamluka.ru/about_park); Девья (Девичья) гора // Зеленая Самара: Экологический портал (ecolog63.ru/article_dev_maiden_mountain/).

³⁶ Бажов П. Змеиный след. Две ящерицы // Октябрь. 1939. № 5/6. С. 158–159 (предисл. к публ.); Гельгардт Р.Р. Фантастические образы горняцких сказок и легенд: к типологической характеристике старого рабочего фольклора // Русский фольклор. М.; Л.: Наука, 1961. С. 193–226.

вероятно, по той же логике Лысая гора, традиционное место шабаша ведьм, именовалась Бабьей³⁷.

Поскольку рассматриваемая легенда относилась к прибрежному волжскому утесу, скрывавшему разбойничьи (и конкретно казацкие) заставы, приурочивание к нему разинской темы является вполне естественным; ср. свидетельство другого самарского предания:

Из Саратова выступили в Жегулинские горы, прискакали удобное место, покопали себе землянки, устроили все в порядок. Стенька стал выезжать на Волгу разбивать суда (Сад. С. 123 [№ 110]).

Можно предположить, что существовала версия топонимического сюжета о девушке, сброшенной (или бросившейся) с отвесной скалы в Волгу, — этот мотив многократно воспроизводится в этиологических рассказах, связанных с подобными рельефами (Влюбленные в отчаянии бросаются с высоты. Это становится названием скалы [Mot. A968.2]). Так, в тюркских (башкирских и казахских) традициях названия целого ряда гор объясняются тем, что та или иная вершина была поименована в честь местной красавицы, покончившей там с собой (обычно из-за невозможности соединиться с любимым).

...И тогда Булякбике каким-то образом удалось бежать из дома <...> Она забралась на самую макушку горы и запела. Мулла отправился по ее следам, забрался на гору. В тот самый момент, когда он хотел схватить сзади девушку, она бросилась с горы в реку. <...> Тело же Булякбике так и осталось найденным. После того трагического случая гору, находящуюся между аулами Набиево и Новое Мунасиново, стали называть Горой

³⁷ Левкиевская Е.Е. Гора // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. I. С. 520–521.

Булякбике, а камень, сидя на котором она пела, — Камнем Булякбике (*Булякбикэ каяһы*)³⁸.

...Вдруг те, кто искал, слышат голос. Вышли на поляну и видят: сидит Инсебика на самой высокой крутой скале, нависшей над рекой, свесив ноги, печальную песню напевает. <...> Когда отец и мать к ней приблизились, чтобы схватить, Инсебика порывисто вскочила и кинулась со скалы в пучину вод. Вот почему эту скалу народ называет Камнем Инсебике (*Инсебикэташ*)³⁹.

Жила в этих краях девушка. Акбет Буркитбаева. <...> На рассвете, в день свадьбы, на могиле возлюбленного, клянется она, что сердце ее будет принадлежать только ему, и никогда не станет женой другого. Взбирается она на самую высокую гору... [на вершине] которой когда-то встречали они первые лучи солнца. И <...> попрощавшись со всеми родными и близкими, сбросилась с горы вниз. <...> Гора Белолика, названная так в честь несчастной Акбет...⁴⁰

...А называется она так потому, что она, так как самая высокая, собирает очень много света, а на вершине — голые камни, издали они кажутся очень светлыми, почти белыми. А еще говорят, что она так называется, потому что на ней погибла очень красивая девушка, которую звали Акбет. Она <...> полюбила джигита красивого, но бедного. А ее отец-скряга решил не выдавать замуж за бедного, а только за богатого, чтобы получить хороший калым. <...> Узнав об этом, девушка убежала из дома, убежала на эту гору и сбросилась вниз, не желая жить с любимым⁴¹.

³⁸ Башкирское народное творчество. С. 60–61. Т. II. [№ 51 («Скала Булякбике»)].

³⁹ Там же. № 52 («Камень Инсебике»).

⁴⁰ Благодатная земля (несказочная проза Бараула) / Сост. А.Д. Цветкова, А.А. Садыкова. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. С. 72–73. [№ 40].

⁴¹ Там же. С. 73–74. [№ 41].

...Она поднялась на самую высокую гору и бросилась с вершины вниз. <...> А местные жители с тех пор эту гору называют Акбет [‘белое лицо’], потому что в лучах солнца она такая же белая и чистая, как лицо той красавицы⁴².

Существование такой гипотетической версии местного предания подтверждается следующим сюжетом, в котором топонимический мотив, объясняемый самоубийством героини, прямо связывается с разинской тематикой⁴³:

Жили во времена Степана Разина бедный юноша Иван Молодцов и пригожая красавица, дочка усольского богатея, Груня. Полюбили они друг друга, но отец девушки не хотел выдавать дочку за бедняка безродного, пригрозил ему лютой смертью, если не отступится тот от Груни. Ушел Иван в вольницу Степана Разина, надеясь богатства раздобыть и тогда сватать любимую. Но разбили царские войска атаманово воинство, а малая ватага Ивана пряталась в Жигулях. Послал он весточку Груне, хотел увидиться с ней на прощание. Отец девушки узнал про их свидание и повел царевых стрелков по следам дочери. Бой был неравным и долгим. Смертельно ранили Ивана, настигнув его да Груню на вершине скалистого утеса. И бросился Иван Молодцов с обрыва вниз со словами прощания на устах. Вскрикнула Груня раненой птицей и побежала вниз по откосу, пытаясь догнать любимого, а за ней отец со стрельцами. Взбежала она на горку, что нависала над Волгой, и кинулась с кручи вслед за своим милым. С тех пор и прозвали курган Молодецким, а гору, что тесно прижалась к нему, — Девьей⁴⁴.

⁴² Там же. С. 71–72. [№ 39].

⁴³ Вспомним стихотворение С.Н. Мельникова «Девичья гора», опубликованное В.С. Терновским среди других его стихотворений «разинского цила» (см.: *Садовников Д.Н. Песни Волги / Сост. В.С. Терновский. СПб., 1913. С. 4–26 [3-я паг. № 1, 3–6]*).

⁴⁴ Самарская Лука // Национальный парк «Самарская Лука»; Девья (Девичья) гора // Зеленая Самара: Экологический портал.

Наличие подобного рассказа способно объяснить синтез сюжетов о жертвоприношении девушки и о любовных похождениях атамана; за пределами «версии Дюма» ничего подобного нам не встречалось. Вероятно, именно здесь героиня получает и свое эхо-имя «Волга — Ольга»; обратим внимание, что оно упоминается в пересказе предания только непосредственно перед жертвоприношением и лишь как отзвук разинских инвокаций, тогда как в первом сюжетном ходе, прямо посвященном взаимоотношениям героев, оно не встречается ни разу; таким образом, имя любовницы атамана, скорее всего, вторично по отношению к названию реки. Впрочем, независимо от правдоподобности этих предположений наличие в пересказе французского путешественника сюжета Р а з и н п р и н о с и т в ж е р т в у В о л г е с в о ю в о з л ю б л е н н у ю не вызывает сомнения.

Примечателен сам способ жертвоприношения: прежде чем сбросить девушку в Волгу, Разин закалывает ее. Подобное «дублирующее» действие (вполне «шекспировское»⁴⁵) никогда более не встречается в этой легенде, да и невозможно в ней (единственный вид холодного оружия, который использует Разин, — это сабля⁴⁶). Оно, очевидно, восходит к театральному жесту, подсказанному писателю его собственным творчеством, а именно романтической драмой «Антони»

⁴⁵ «Д е з д е м о н а. Еще минуту! Дай помолиться! О т е л л о. Поздно чересчур. (*Душит ее.*) <...> За дверью шум. Жива! Еще жива? / Я — изувер, но все же милосерден / И долго мучиться тебе не дам. / Так. Так. (*Закалывает ее.*)» (*Шекспир. Отелло, V, 2*).

⁴⁶ Ср.: «Однажды явился Разин к одному пчелинцу [пчеловоду, пасечнику] и грозно потребовал от него денег и две кадки меду; когда пчелинец запрямылся было, Стенька п о г р о з и л е м у с а б л е й»; «Глядь, а перед ним человек <...> а в руке сабля о с т р а я. “Ну что, хозяин, не признаешь?” — “Не признаю”. — “Я и есть Разин, пришел с того света тебя проучить. Говори, где клад, а не то твою голову с собой унесу”»; «Вынул Стенька вострую свою шашку и отсек Абсалюму голову» (Арист. С. 709–739; Цыб. С. 23–25; Сад. С. 128 [№ 110]).

(1831), где герой в финале закалывает свою возлюбленную. Описание этой сцены в пьесе и в изложении предания чрезвычайно сходно — вплоть до последних объятий и последнего поцелуя⁴⁷.

Таблица VII

Легенда о Разине	Драма «Антони» (V, 3)
Последний раз он прижал ее к сердцу, соединил свои губы с ее губами и во время долгого и последнего поцелуя вонзил ей в сердце свой кинжал. Девушка вскрикнула, бандит раскрыл объятия, и искупительная жертва пала и скрылась в реке.	А д е л ь (бросается в его объятия). Я пришла за ней [за смертью]. А н т о н и (целует ее). Хорошо: умри! (Закалывает ее кинжалом.) А д е л ь (падая в кресло). Ах!

Обратим, однако, внимание на различие «ролевых диспозиций» в этих текстах: отец — дочь — соблазнитель (в предании), муж — жена — соблазнитель (в драме), что тем не менее не препятствует их тематическому отождествлению (ситуации, видимо, воспринимаются как ковариантные) и взаимопроникновению их семантических элементов.

Несмотря на давность лет, сцена из этой ранней, но весьма успешной пьесы Дюма⁴⁸ могла актуализоваться в памяти автора в силу чрезвычайной схожести

47

Легенда о Разине	Драма «Антони»
Une dernière fois, il la serra contre son cœur, appuya ses lèvres sur les siennes, et, au milieu d'un long et suprême baiser, il lui enfonça son poignard dans le cœur. La jeune fille jeta un cri, le bandit ouvrit les bras, et la victime expiatoire tomba dans le fleuve, où elle disparut.	A d è l e. <i>Se jetant dans ses bras.</i> Je viens la chercher. A n t o n y. <i>lui donnant un baiser.</i> Eh bien, meurs! <i>Il la poignarde.</i> A d è l e. <i>tombant dans un fauteuil.</i> Ah!..

⁴⁸ Успех сопутствовал ей и на русской сцене. «После того как Каратыгин перевел на русский язык “Антонии”, “Ричарда Дарлингтона”, “Терезу” и “Кина”, драматургия Дюма произвела в России настоящую литературную революцию. Чтобы увидеть пьесы Дюма, в театры повалила знать» (Моруа А. Три Дюма. С. 152 по эл. изд.).

драматической интриги: герой проникает в дом возлюбленной, разными способами продлевает свое пребывание там и предлагает ей бежать вместе с ним («Беги же со мной, беги, и мы позабудем обо всех и станем помнить лишь себя» [Антони, V, 3]). Речь при этом идет не о целенаправленной литературной переработке (таких целей писатель себе вроде бы не ставил), а об автоматическом использовании имеющейся нарративной модели (как, собственно, это обычно и происходит в устной традиции).

Вообще, подобное «двухтактное» убийство, при котором надежность результата словно бы страхуется дополнительным, «контрольным» ударом, не слишком характерно для фольклора. В этой связи вспоминается городская баллада «Васильки» (представляющая собой переработку стихотворения А.Н. Апухтина «Сумасшедший», точнее — его фрагмента⁴⁹).

Коля вдруг вынул кинжал, / Тихо над Олей склонился, / Оля упала в реку, / Веночек к ногам покатился⁵⁰; Милый тут вынул кинжал, / Низко над Лёлей склонился. / Лёля закрыла глаза, / Труп ее в воду свалился⁵¹; и т.д., во множестве вариантов.

Сходный случай — популярный романс «Окрасился месяц багрянцем...»⁵².

⁴⁹ Апухтин А.Н. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1991. № 237 [Биб-ка поэта]; Архипова А.С. Как погибла Оля и родился фольклор // «Кирпичики»: Культурная антропология и фольклористика сегодня: Сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост. А. Архипова, М. Гистер, А. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 563–591.

⁵⁰ Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А.В. Кулагиной, Ф.М. Селиванова; вступ. ст. Ф.М. Селиванова. М.: Филол. ф-т МГУ. 1999. № 385.

⁵¹ Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. В.Е. Гусева. Л.: Сов. писатель, 1988. № 801. (Биб-ка поэта); Любимые песни. Вып. IV. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1995. С. 78–79.

⁵² Сокращенная версия баллады А. фон Шамиссо «Ночная прогулка» (1828) в пер. Д.Д. Минаева (Живописное обозрение.

И, это сказавши, вонзила / В грудь ножик булатный ему. / Сама с обессиленным сердцем / Нырнула в морскую волну. / Всю ночь волновалось море, / Ревела морская волна; / А утром приплыли два трупа / И щепки того челнока.

Показательно, однако, что в фольклоризованных вариантах первый элемент часто выпадает (очевидно, как избыточный) — причиной гибели обоих персонажей остается только утопление в бурном море, куда мстительница специально направляет лодку⁵⁵.

Еще одна особенность «версии Дюма» — ее финал: жертвоприношение не достигает цели, напротив, оно предвещает гибель атаману, поскольку само деяние истолковывается как принесение «своего доброго гения» (т.е. возлюбленной) в жертву «злому духу» водной стихии. Хотя есть искушение счесть заключительную фразу предания («словно это свой добрый гений он принес в жертву злому духу...») «частным суждением»

1884). См.: *Никитин П.П.* Культура народов — выше барьеров розни! // Центры немецкой культуры: Информ.-метод. бюллетень. 1999. № 4 (октябрь–декабрь). С. 20–21; Антология одной песни: «Nächtliche Fahrt» или «Окрасился месяц багрянцем» // Живой журнал Давида Эйдельмана (см.: davidaidelman.livejournal.com/1024340.html). Это произведение, в свою очередь, несомненно опирается на немецкую фольклорную традицию; ср. чрезвычайно схожую народную балладу «Ревнивый парень», записанную в Эльзасе молодым Гёте в 1771 г. и опубликованную Гердером в его знаменитой антологии народных песен (см.: *Stimmen der Völker in Liedern r. Gesammelt, geordnet, zum Theilüberfest durch Johann Gottfried von Herder, 1778–1779.5. Buch*): «Не нож ли в руках очутился? / Не острый ли это клинок / Красавице в сердце вонзился? / И брызнула кровь на песок. / Он снял с ее пальца колечко, / Он снял золотой перстенок / И бросил в прозрачную речку, / Что резво бежала у ног» (цит. по: *Гугнин А.А.* Народная и литературная баллада: судьба жанра // Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов / Отв. ред. Л.Н. Будагова. М., 1996. С. 84).

⁵⁵ См., например: *Окрасился месяц багрянцем* // Студия «Илосик». Минусовки, тексты и ноты. Народные песни (www.ilosik.ru/lyrics/people/14/okrasilsya_mesyc.html).

рассказчика, может быть самого Дюма, уместно вспомнить лермонтовское стихотворение «Атаман», по-своему интерпретирующее ту же легенду, конкретно те его строки, которые относятся именно к совершенному злодеянию — утоплению в Волге любовницы: «Горе тебе, гроза-атаман, / Ты свой произнес приговор». Подобное соответствие позволяет поставить вопрос о наличии некоего общего (устного?) источника обоих текстов. Наконец, сравнение того же фрагмента в «версии Дюма» с соответствующими местами в мемуарах Стрэйса и в переводе Корниловича демонстрирует довольно значительное сходство текстов, даже композиционное (см. *табл. VIII*), не поддержанное однако, как было сказано, убедительными фольклорными параллелями.

Таблица VIII

Стрэйс	Корнилович	Дюма
Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести и славы, и тьфу! на меня за то, что я до сих пор ничего не принес в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу больше быть неблагодарным.	Волга славная! Ты доставила мне золото, серебро и разные драгоценности, ты меня взлелеяла и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я, неблагодарный, ничем еще не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебя жертву!	Я потерял твое расположение, хотя прежде ты защищала меня, сына Дона, как если бы я был одним из твоих сыновей. Что должен я совершить, чтобы ты вернула мне твою утраченную дружбу? Какое из самых дорогих моих сокровищ ты требуешь пожертвовать тебе? О, ответь мне, старая Волга!

Впрочем, вопрос о соотношении рассматриваемого фрагмента с устной традицией остается открытым в силу количественной недостаточности материала для уверенных выводов.

Что же касается этиологического финала, то возможность его появления, по-видимому, обусловлена двумя факторами. Во-первых, следует указать на ослабление

собственно ритуалистической фабулы предания (требование дарополучателя отчетливо не артикулировано и, возможно, порождено ложной интерпретацией затемненного похмельем сознания; соответственно жертвоприношение расценивается как злодеяние, не достигает своей цели и, напротив, предвещает герою гибель). Во-вторых, обратим внимание, что сюжет приурочен как раз к тем местам, в традиции которых топонимическая (конкретно — оронимическая) модель обнаруживает особую продуктивность — именно в связи с разинской тематикой.

Народная традиция связывает с именем знаменитого разбойника целый ряд приволжских возвышенностей: Молодецкий курган, Бахилловская гора, Бирючьей горы и др. (Сид., Круп. № 27–29; Бард. С. 213).

Берега Волги усеяны урочищами с его именем. <...> В одном месте набережный шихан (холм) называется «Стол Стеньки Разина», потому что он там обедал с своими товарищами (Кост. С. 438). По правому берегу Волги, к югу от Саратова, имеются так называемые «бугры» Стеньки Разина, где, по преданию, было жилище атамана. В пещерах содержались пленные (Минх: 86; Зайк. С. 44–55; Лозан. С. 53). На самом высоком бугре стояло кресло с насечкой из слоновой кости. Отсюда Разин рассматривал все суда, проходившие мимо, и чинил суд и расправу⁵⁴.

«Все эти бугры, — заключает Н.И. Костомаров — схожи между собою тем, что отделяются от материка ущельями, которые в весеннее время наполняются полою водою; все эти бугры — экземпляры одного идеального бугра, существующего в народном воображении» (Кост. С. 438).

Возможно, топонимический финал предания обусловил чисто локальный характер его функционирования, что препятствовало распространению текста за пределы местной традиции, и, не оказавшись любопытный французский путешественник в середине позапрошлого века вместе со своим словоохотливым

⁵⁴ Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью / Сост. Я. Кучин. Саратов, 1865; Лозан. С. 54.

спутником где-то в районе Самарской Луки, эта версия легенды, способная кое-что прояснить в ее истории, так и осталась бы неизвестной.

«Версия Дюма», имеющая ряд значимых совпадений с наиболее архаической версией Фабрициуса, дает нам ценнейший материал для исторической реконструкции легенды. Во-первых, Разин здесь также утрачивает расположение речного духа, требующего для себя более серьезных даров, нежели обычные (или просто давно не предоставляемые) приношения. Во-вторых, принесение девушки в жертву, согласно обеим версиям, есть целенаправленный акт, долженствующий вернуть герою покровительство реки. Следует, однако, заметить, что здесь обнаруживается и радикальное нарушение обычного ритуального сценария: девушку, приносимую в жертву водяному духу, как правило, не убивают — это изменило бы исходную матримонимальную мотивацию всего сюжета, которая, видимо, продолжает ощущаться в соответствующих текстах как некая внутренняя форма.

Схожесть с версией Стрэйса обнаруживается в перенесении места действия с Яика на Волгу (но не на разбойничий струг!), а также в предшествующей событию попойке атамана в кругу сотоварищей. Следовательно, можно говорить о сохранении в устной традиции середины XIX в. основных контуров «исходного» ритуалистического сюжета, а также первой фазы его переработки, сопровождающейся сменой локализации и экспозиционного антуража. При этом ситуации «сидения» в яицком Гурьеве (куда разинцы уходят от преследующих их правительственных войск) и в убежище на волжском Девичьем кургане вполне сопоставимы. В историко-типологическом плане «версию Дюма» надлежало бы расположить между версиями Фабрициуса и Стрэйса.

Наконец, возлюбленная атамана здесь не знатная пленница — татарка или персиянка, а русская девушка благородного происхождения, которая добровольно, подвергаясь очевидному риску, даже будучи предупрежденной о грядущей опасности, следует за разбойником, «своенравным, взбалмошным и еще более зависимым от сотоварищей, нежели сотоварищи зависят от него». Появление этого мотива («зависимость от сотоварищей»),

отсутствующего в версиях Фабрициуса и Стрэйса, может быть объяснено двояким образом. Прежде всего, как раз во время пребывания в России Дюма в «Отечественных записках» (1858), а затем отдельным, дополненным изданием (1859) публикуется труд Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина»⁵⁵, в котором впервые — именно в связи с рассматриваемым сюжетом — затрагивает тему взаимоотношений атамана с сотоварищами.

Не исключено, конечно, что неизвестный нам собеседник писателя, пересказавший ему это предание, был знаком и с самим рассказом Стрэйса (явных следов знакомства с которым у Дюма не обнаруживается). Подобное знакомство могло осуществиться через перевод Корниловича или через какой-то из французских переводов (последнее менее вероятно: их издания в России, судя по всему, встречались довольно редко). Основанием для такого предположения является отсутствие (по-видимому) какого-либо обращения атамана к реке в устных традициях, сохраняющих данный сюжет; речь идет о рассмотренных выше наиболее аутентичных (и весьма немногочисленных) свидетельствах, причем, разумеется, о записях, произведенных до активной фольклоризации песни на стихи Садовникова, кульминационным элементом которой является именно обращение Разина к Волге.

Весьма вероятно, что данный текст, уже известный одному из образованных собеседников Дюма, был использован при пересказе легенды французскому писателю. Не исключено, впрочем, что истоки подобной «зависимости», предсказывающей и грядущую гибель героини, следует видеть в самом фольклорном предании, согласно которому инициатива утопления возлюбленной исходила от сотоварищей Разина (вспомним версию, изложенную Костомаровым!), — в таком случае эта тема в «версии Дюма» могла бы восходить и непосредственно к фольклорному источнику, минуя посредство костомаровского текста.

⁵⁵ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина // Отечественные записки. Т. 121. Кн. 11, 12 [1858]; 2-е изд., доп.: СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1859.

ДРАМА В ЛОДКЕ

До настоящего времени речь шла только о центральном эпизоде легенды. Существует, однако, еще один сюжетный элемент, определяющий ее повествовательную структуру: это проезд пиратской флотилии Разина, на флагманском струге которой разыгрывается драма. Совмещение эпизода утопления княжны с проездом разбойничьей лодки впервые появляется у Пушкина и далее закрепляется в поэтической традиции (у Мельникова, Садовникова и др.), причем следует особо отметить пушкинское упоминание горя «атамановой любовницы» («Она плачет, что река льется»). Хотя причиной слез девушки в некоторых вариантах является ее вещий сон (эпический мотив с л е з К а с с а н д р ы; Илиада, XXIV, 698–706), данная тема входит в резонанс с горестными переживаниями пленницы Разина — в других редакциях того же сюжета¹.

Любопытно, что в «исторической повести» Н.И. Фомина при изображении пира на струге Стеньки Разина «в самом устье Волги-матушки» (по случаю полученной царской грамоты, отпускающей его с «сообщниками» из Астрахани на Дон²) говорится о веселящихся

¹ «Творческая память не запечатлела в особых песнях образа захваченной Разиным в плен красавицы-персиянки. Но в молодецких песнях о безыменной девице могут быть отмечены некоторые черты как отпечаток разинщины. Напр[имер], в данном варианте: изображение роскошно убранной лодки, золотой казны, нарядных тканей; также характерен образ девицы, завезенной в чужую землю. Сюжет о девице, захваченной в плен, широко известен в молодецких, казачьих и разбойничьих песнях в разнообразном окружении» (Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. ст., ред. и примеч. А.Н. Лозановой. М.; Л.: Academia, 1935. С. 70, 369; Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина (история создания, композиция и проблематика цикла) // Пушкин: Исследования и материалы: Сб. научн. тр. Т. XIII / Отв. ред. Р.В. Иезуитова. Л.: Наука, 1989. С. 11).

² Речь идет о грамоте 1669 г., полученной Разиным из рук князя С. Львова при возвращении в Астрахань из персидского похода (Записки иностранцев о восстании Степана Разина /

вместе с казаками «ненаглядных красных девушках», которые «своей пляскою и песнями» утешают атамана; особо подчеркиваются их богатые наряды и украшения: «в сарафанах алых бархатных и в жемчужных ожерельях»⁵; последние, как мы убедимся, относятся к устойчивой топике рассматриваемой легенды. Впрочем, у этого автора, несомненно обращавшегося к фольклорному материалу (так, он приводит, например, свой вариант песни «Протекала Волга-матушка...»⁴), никакая персиянка не упоминается.

В другой старинной (и весьма популярной) песне «Вниз по матушке, по Волге», опубликованной в собраниях Чулкова и Львова–Прача⁵, гребцы «лодочки» вместе со своим «хозяином» направляются на «подворье» к некоей Алене. Текст, скорее всего авторский, неизвестного поэта XVIII в., может представлять собой переработку еще более старой народной песни. Предполагается, что первоначально она возникает в купеческой среде (черты купеческого быта еще сохраняются в песенниках конца XVIII в.), а затем переосмысливается в рамках разбойничьей трактовки сюжета⁶; далее стихотворе-

---

Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1968 (далее — Записки иностранцев). С. 48; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А. Швецова; ред. А.А. Новосельский, В.И. Лебедев. М.: Изд-во АН СССР, 1954, 1957, 1962 [Т. I–III]. М.: Наука, 1976 [Т. IV] (далее — Крестьянская война, I–IV). I. С. 144–145; *Буганов В.И.* «Розыскное дело» Степана Разина // Отечественная история. 1994. № 1. С. 29).

³ *Фомин Н.И.* Стенька Разин: Историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича с прилож. соврем. исторических актов и грамот. М.: Тип. А. Семена, 1836. С. 37–38.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Т. I: Собрание разных песен. Ч. 3. СПб., 1773; Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. [СПб.:] Тип. Горного училища, 1790 (цит. по изд. под ред. и со вступ. ст. В. Беляева: М.: Музгиз, 1955. № 21).

⁶ *Розанов И.Н.* Песни о гостинном сыне // XVIII век. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 218–258; *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русская устная народная драма. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 58.

ние вновь возвращается в фольклор, порождая многочисленные песенные варианты⁷. Песня, как считается, «изображает выезд разбойничьего отряда с его предводителем с целью посещения известного разбойникам притона» и, по-видимому, является основой народной драмы «Лодка» с ее «разинским ядром»⁸. Интересная деталь: хозяйка выходит встречать гостей «В одной тоненькой рубашке / И в кумачной телогрейке»⁹, а это, как свидетельствует более широкий фольклорный контекст, является знаком того, что она находится в особо интимных отношениях с гостем; ср. былинку «Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовицей» (героиню которой, кстати, также зовут Аленой / Еленой):

«Только есть у нас една сестрица, / Ишша та же Еленушка Петровна-свет; / Как никто не видал в одной рубашечки, / А в одной рубашечки, без пояса, / А в единых чулочиков, без чоботов». / [Алеша Попович]: «Я видал вашу ведь сестрицу / А в единой рубашечке, без пояса, / Я в единых чулочиков, без чоботов»; «Подите-тко ноцесь да во седьмом часу, / Зажмайте-тко да снегу белого, / Киньте-тко вы ей окошецько, / Во окошецьк(о) в окутьноё: / Выйдет Олёна на крылецюшко / В одной

---

⁷ Великорусские народные песни / Изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: Гос. тип., 1898. Т. IV. № 550, 552–553; Песни Пинежья: Материалы фонограмм-архива, собранные и разработанные Е.В. Гиппиус и З.В. Эвальд. Кн. II. М.: Музгиз, 1937. С. 454–458. Некоторые из этих записей теоретически даже могут прямо восходить к старейшей устной версии, что, впрочем, маловероятно, учитывая их чрезвычайное сходство (см.: Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышева; вступ. ст. Н.П. Андреева. [Л.:] Сов. писатель, 1936. С. 430), предполагающее скорее наличие более близкого источника.

⁸ Русская баллада. С. 184–185 (№ 178; по рукописному сборнику XVIII в.), 430 (примеч.); *Зоркая Н.М.* Фольклор. Лубок. Экран. М.: Искусство, 1994. С. 118.

⁹ Или в ред. народной драмы: «В белой тоненькой рубашке, / В кумачовой телогрейке» (Народный театр / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. М.: Сов. Россия, 1991. С. 105. [Б-ка русского фольклора. Т. X]).

тоненькой рубашецке, без пояса, / В одних беленьких цулоциках, без чоботков»¹⁰.

В.Н. Всеволодский-Гернгросс предполагает, что «по свежим следам Разина» была создана прототипическая народная песня, а также драма о его астраханском походе — на основе разбойничьего «игрища», якобы существовавшего ранее (в XVII в. или даже в конце XVI в.)¹¹. Эта реконструкция опирается на описание одного из «развлечений московитов» в «Сказании» Якоба Рейтенфельса (XVII в.)¹², а именно «разбойничьих представлений», согласно толкованию автора¹³. На самом деле речь там идет о шахматах, которые в средневековой Германии именовались «игрой в разбойники» и в тексте Рейтенфельса упоминались в качестве «благородного досуга» вместе с шашками¹⁴. Кроме того, базируясь на трех записях народной драмы, где герой зовется Ермаком, Всеволодский-Гернгросс приходит к выводу, что в старейшей версии имя атамана «Лодки» было именно Ермак¹⁵. На самом деле сравне-

¹⁰ Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: с напевами, записанными посредством фонографа. Т. I. Ч. 1. Поморье. Ч. 2. Пинега. М.: Изд. Имп. Академии наук, 1904. С. 118 (№ 82), 85 (№ 49); вар.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. Подгот. изд. Ю.И. Смирнова и В.Г. Смолицкого. М.: Наука, 1974. С. 406. (Лит. памятники).

¹¹ *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русская устная народная драма. С. 58.

¹² Кстати, одного из непосредственных свидетелей казни Разина. См. о нем: *Шокарев С.Ю.* Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVIII–XX вв.). Сост. А.А. Либерман. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 416–419.

¹³ *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русская устная народная драма. С. 41.

¹⁴ *Sepius que animus ludicris latruncolorum seu Scbachiae praeliis nobili otio remittunt.* Благодарю Н.П. Гринцера за разъяснение, данное в связи с интерпретацией этой цитаты.

¹⁵ *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русская устная народная драма. С. 42.

ние всех вариантов с именем Ермака обнаруживает их достаточно поздний литературный источник — драму Н.А. Полевого «Ермак Тимофеич, или Волга и Сибирь» (1845), многократно воспроизводившуюся в балаганных театрах¹⁶. Наконец, дополнительным аргументом для некоторого «удревнения» датировки «Лодки» могло бы явиться близкое совпадение реплики есаула в одной из ее версий («Я сам знаю, что в водах черти, / В горах черви, / В лесах сучки, / В городах полицейские крючки»¹⁷) и формулы из официальной жалобы стрелца Бугаева на «бояр и немцев» («На Москве бояре, в Азове немцы, в земле черви, в воде черти!»¹⁸), однако оно свидетельствует лишь о распространенности данной формулы в XVII в., но никак не о характере гипотетического «народного игрища»¹⁹.

Гипотеза Всеволодского-Гернгросса и в целом не была поддержана фольклористами, скорее склоняющимися к тому, что «игра в лодку» возникла во второй половине XVIII в. как прямая инсценировка песни «Вниз по матушке по Волге», причем еще в ранних текстах и по достаточно давним свидетельствам (А.С. Грибоедова, И.А. Шляпкина, Е.Т. Соловьева) она уже осмысливалась как волжский поход Разина²⁰, откуда, впрочем, не следует, что генетически «Лодка» обязательно связана с его астраханским походом²¹.

Старейшая (и, видимо, исходная) форма «игры» описывалась многократно, например:

Молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел; двое на но-

¹⁶ *Савушкина Н.И.* Русская народная драма: художественное своеобразие. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 64.

¹⁷ *Ончуков Н.Е.* Северные народные драмы. СПб., 1911. С. 93.

¹⁸ *Аристов Н.* Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейн, 1875. С. 56.

¹⁹ *Крупянская В.Ю.* Народная драма «Лодка» (генезис и литературная история) // Славянский фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 265.

²⁰ Там же. С. 262, 264–265.

²¹ *Савушкина Н.И.* Русская народная драма. С. 64.

гах оставались: атаман и есаул (А.С. Грибоедов). Мужики, одетые в красные рубахи, с косами за поясом садились на полу по двое, как бы в лодке, и, мерно ударяя в ладоши, пели песни, а между тем атаман и есаул вели разговор о местностях, якобы представлявшихся им при плавании, и о добыче (И.А. Шляпкин). Явились песенники с запевалами, свистками, трещотками, точно в каком-нибудь эскадроне или роте... Песенники составили картину, сели в лодку, запели «Вниз по матушке по Волге». Тут один краснобай из песенников отличался, играя роль разбойничьего атамана, удивительный был бы актер (В.Ф. Крупянский)²².

«Семейство разбойничьих драм» с общим названием «Лодка»²³, распространенное по центральным, северо-западным и южным областям России, Среднему Поволжью и Приуралью (насчитывается более 50 вариантов)²⁴, отчетливо распадается на две группы: «первоначальная» и «осложненная» редакции²⁵. Они

²² Грибоедов А.С. Загородная поездка // Полн. собр. соч. Т. I. СПб., 1889. С. 107 (принадлежность Грибоедову этого очерка [1826] ставится под сомнение [см.: Фомичев С.А. Заметки о грибоедовской текстологии // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции / Отв. ред. С.А. Фомичев. Л.: Наука, 1977. С. 201–205], что, впрочем, в данном случае не имеет значения); см. также: Воспоминания капитана Варфоломея Федоровича Крупянского об участии в войнах с Турцией и Францией в период 1807–1816 гг. Екатеринослав, 1912. С. 105; Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка». С. 263.

²³ Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русская устная народная драма. С. 39.

²⁴ Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка». С. 260–261; Савушкина Н.И. Русский народный театр. М.: Наука, 1976. С. 76.

²⁵ Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка». С. 271, 274–275. Различают также «два подвида “Лодки”: “гулевой” (купеческий) с финалом у подворья Алены (как и в песне “Вниз по матушке по Волге”) и собственно “разбойничий” — с окончанием на реплике атамана: “Ой, молодцы! Жги, пали богато помещика!” (происходит свалка, и представление кончается)» или, согласно В.Е. Гусеву, «героическая, где события концентрируются вокруг похода атамана с его дружиной и

разошлись достаточно далеко, причем вторая группа практически вытеснила первую, что дало основание В.О. Михневичу в начале 1880-х годов писать о песенной игре-инсценировке как об уже забытой «господской забаве», «имевшей место на холостяцких пирах студентов, помещиков, военных и у цыган»²⁶; обратим внимание на характеристику данной «игры» как «господской забавы» — ср. свидетельства А.С. Грибоедова, И.А. Шляпкина, В.Ф. Крупянского, а также А.П. Милюкова (в его воспоминаниях об А.И. Герцене²⁷).

В некоторых вариантах драмы, относящихся к «первоначальной» редакции (записи конца XIX в.), появляется женский персонаж из прототипической песни.

При словах: «Тут Дуняша [заменяет Алену²⁸] выходила, / Стакан водки выносила, / Атаману подносила» выходит девица и подносит атаману стакан водки. Атаман просит поцеловать его, но девица не соглашается. Шайка кидает девицу за борт лодки и на радостях запекает песню.

В другом варианте после выхода Дуняши с графинем водки появляется атаман и говорит:

«Подарим, подарим Волгу-матушку / Не золотой казной, а красной девицей, / Красной девицей-полю-

их нападения на помещичьи усадьбы, и мелодраматическая, где разрабатывается любовная интрига, связанная с похищением разбойниками девушки» (Зоркая Н.М. Фольклор. Лубок. Экран. М.: Искусство, 1994. С. 234).

²⁶ Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни. Т. II. Народная копилка Христа ради. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1882. С. 423.

²⁷ «Однажды после обеда Александр Иванович, особенно весело настроенный, вспомнил о своих московских развлечениях и предложил спеть русскую песню. Все мы, не исключая детей, уселись на ковре в два ряда, лицом одни к другим, изображая таким образом лодку, и затянули, как умели: “Вниз по матушке по Волге”» (Милюков А.П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 145–146).

²⁸ Из песни «Вниз по матушке по Волге».

бовницей, / Атаманскую всю разбойницу». Разбойники бросают девушку в Волгу (на пол). Все вскакивают с места и поют: «Что ж вы, черти, приуныли...»²⁹

Хотя здесь обнаруживается очевидное влияние песни Садовникова, включая прямую цитату из нее, следует обратить внимание на такую выразительную деталь: разбойники расправляются не с пленницей атамана (как это обычно происходит в рассматриваемом сюжете), а с девушкой, входящей в их сообщество (Алена из прототипической песни; ср. «ясаулова родна сестрица, атаманова полюбовница» из цитированного текста в чулковском сборнике; Ольга из «версии Дюма»). В перспективе дальнейшего фабульного развития легенды эта «повествовательная возможность» также должна быть учтена.

Сюжетное обогащение «первоначальной» редакции происходит (в основном во второй половине XIX в.) благодаря интенсивному усвоению романтических сюжетных блоков и мотивов из лубочной литературы разбойничьей тематики с ее повторяющимися типовыми ситуациями: разбойничий притон; гордая пленница, отказывающаяся стать любовницей атамана («Л а р и з а. Нет, нет! Ты, Атаман, кровопийца, / А я невинная девица, — / Не могу быть твоей женою!»³⁰), за что ее обрекают на смерть, сажают в темницу или отдают старику-шуту, пьянице Приклонскому / Козельскому (который, согласно некоторым записям, оказывается ее отцом) и т.п.³¹ Выделяются четыре основные сюжетные линии, каждая из которых присутствует в любом варианте драмы. Это — опасное плавание, пополнение шайки, нападение на усадьбу, появление пленницы, причем любовная ситуация, разрабатываемая с разной степенью подробности, всегда касается лишь взаимоотношений атамана и девицы³².

²⁹ Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка». С. 274.

³⁰ Народный театр. С. 79.

³¹ Савушкина Н.И. Русский народный театр. С. 79.

³² Там же. С. 62–63.

Преобразование первоначального сценария «игрища» в сложное драматическое представление осуществляется, в частности, за счет следующих факторов³³:

(1) Сужение роли песни «Вниз по матушке, по Волге», которая перестает играть стержневую композиционную роль, хотя вообще «удельный вес» песенных текстов в данном театрализованном действии остается весьма значительным, — так, Всеволодский-Гернгросс насчитывает свыше 80 песен, входящих в «Лодку»³⁴, причем в 28 вариантах из 35 это «Вниз по матушке по Волге», остальные повторяются несравнимо реже, а их значительная часть является, по-видимому, разовыми включениями, плодом исполнительского импровизаторства. Не исключено, что именно этим обстоятельством (включением в сюжет песенных партий) объясняется и квалификация обращения Разина к Волге в «версии Дюма» как «импровизированной песни». Особо следует отметить все возрастающую роль в этих постановках песни на стихи Садовникова, которая не только сопровождает все драматическое действие, иногда с самого его начала, но и определяет значительную часть его «сценария».

Все это было сделано до войны, в 1939 году. <...> А у нас здесь раньше, в старое время, разыгрывали ребята как шайку разбойников. С нами ходил Куросанов. Он это помнил. И Куросанов ему, Баталеву-то, эти слова переписал. И мы с ним вместе (с Баталевым) перевели ее на пьесу. Они выступали как шайка раньше, по домам ходили, а мы решили показать на сцене. Переложили на пьесу и играли тут раза два. На действия ее разбили, занавес был. Там участвовали Атаман, Есаул и разбойники. Еще Персидская княжна была. <...>

³³ Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка». С. 275.

³⁴ Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русская устная народная драма. С. 40. Это подсчеты более чем полувековой давности; с тех пор количество известных записей выросло почти на треть, соответственно должно значительно возрасти и количество включаемых в драму песен.

Вот как сцена открывается, на ней никого. Вот и поют за сценой. <...> «Из-за острова на стрежень, / На простор речной волны, / Выплывают расписные / Стенки Разина челны». Тут потихоньку двигается лодка, ее тянут на веревке. Лодку делали из фанеры. На ней гребцы с веслами. Есаул, он тут же, на лодке, на носу, следит за морем, Атаман в середине с Княжной, и разбойники на корме. Дальше поют песню. Согласно этой песне представление и идет...³⁵

(2) Развернутое изображение разбойничьей жизни, включая отъезды атамана к любовнице и ропот разбойников на атамана.

(3) Введение любовной ситуации — сцена с пленной девицей. Данная тема получает свое воплощение и в поздних народных картинках, на которых изображается «пещера, убранная коврами, уставленная сундуками. Атаман в роскошном наряде предлагает плачущей девушке в костюме боярышни связку жемчужных бус, красноречивым жестом объясняя, что все богатства будут принадлежать ей. Поза девушки и ее взгляд выражают непокорность» (хромолитография 1877 г. с текстом песни «Что затуманилась, зоренька ясная», кстати чаще других включаемой в народные инсценировки «Лодки»³⁶; обратим внимание на характерный для рассматриваемой легенды мотив украшений и драгоценностей³⁷).

Кроме того, сюжетными новациями оказываются, во-первых, появление уже двух женщин (любовницы и пленницы), отвергающих любовь атамана (влияние лубочного романа «Черный гроб, или Кровавая звезда»³⁸,

³⁵ Фольклорный театр / Сост., вступ. ст., предисл. к текстам и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. М.: Современник, 1988. С. 247–250 (зап. 1984 г.). (Классическая б-ка «Современника»).

³⁶ Савушкина Н.И. Русская народная драма. С. 70; Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русская устная народная драма. С. 40.

³⁷ Ср.: «Сама не знаешь, чего отрицаешься. / Я осыплю тебя жемчугом, / Закую всю в золото, / Одну шелком и бархатом...» (Народный театр. С. 79).

³⁸ «Под Киевом, в местечке Бор-воры, расположилась шайка разбойников. Ее предводитель — атаман Железный. Шайка

а во-вторых, взаимная любовь девушки и есаула — атаман поручает ему пленницу в свое отсутствие; данная коллизия вырастает из той фабульной ситуации, согласно которой есаул вообще является посредником в отношениях атамана с пленницей (приводит ее, сторожит и т.д.)³⁹. Можно, наконец, отметить тенденцию к перенесению действия на сушу — в лес, в бандитский притон и т.п.; вспомним опять-таки «версию Дюма».

В этом плане интерес представляет уральское (яицкое) предание о молодом казаке, который случайно попадает в ставку Разина в отсутствие самого атамана, обнаруживает там красавицу-пленницу и предлагает ей бежать с ним из разбойничьего стана⁴⁰.

Вышел он на берег и видит: около шатра, у дверей, сидит, пригорюнившись, девица, в расейском шелковом сарафане, да такая раскрасавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать: белолица, круглолица, румянец во всю щеку, — глаза, что твои спелые торновины [вид дикой сливы], а русая коса чуть не до

нападает на купеческий обоз и забирает в плен прекрасную девушку Нимфодору. Атаман влюбляется в нее. Она отвергает его любовь. Любовница атамана Нибоя, ревнуя атамана к пленнице, помогает ей бежать. По указаниям спасшейся Нимфодоры конвой солдат окружает разбойничий лагерь; разбойники перебиты, атаман взят в плен и казнен. Верная Нибоя сходит с ума. Эта основная фабула романа осложнена несколькими вводными эпизодами: любовь к Нимфодоре есаула Клетуры — верный есаул, боясь помешать атаману, кончает жизнь самоубийством; неожиданное появление цыганки, оказавшейся матерью Нибои; подробная автобиография атамана, рассказанная им в минуты откровенности Нибое» (Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка». С. 271, 274–277).

³⁹ Бирюков В.П. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936. С. 47–55; Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русская устная народная драма. С. 73; Савушкина Н.И. Русская народная драма. С. 62.

⁴⁰ Железнов И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Полн. собр. соч. Иосафа Игнатъевича Железнова. 3-е изд. / Под ред. Н.А. Бородина. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. С. 44–51.

земли; просто девка — кровь с молоком. Спервоначала, как увидел ее казак, остолбенел. Однако он скоро подошел к ней, а сам читает про себя: «да воскреснет Бог», думает, уж не шутовка-ли (русалка) прикинулась, чтобы загубить душу христианскую. Подошел он к ней и говорит: «Здравствуй, красна девица!» — «Я, — говорит она, — не девица»... Сказала она это, да и заплакала. «Кто же ты такая?» — спрашивает казачок. «Стеньки Разина полюбовниц»...» сказала она, да пуще прежнего заплакала. <...> «А ты, красавица, — говорит он [казак] ей немного погодя, — поедем-ка лучше со мной, чем жить у этого разбойника. Согласна, что ли?» — спрашивает казачок. Покачала головой девица, вздохнула тяжелехонько, да и сказала: «Нет, молодец, не поеду я с тобой; все едино гибнуть: там ли, здесь ли; ведь никоим манером не спасешься, не спрячешься от него, лихоедя: на дне моря найдет он меня...»⁴¹

Если мотив плачущей девицы может восходить к песенной традиции, а ее внешнее описание напоминает о сказочной стилистике (скорее всего, в лубочном варианте), то биографические обстоятельства, изложенные ею, полностью соответствуют топике устных преданий о знаменитом разбойнике («из города Царицына, дочь богатого купца. В прошлом году Разин город наш разорил, отца и мать и всех родных моих побил и меня пленил, да и держит при себе»). Однако совершенно не характерное для всех этих жанров появление соперника, претендующего на «полюбовницу» Разина, да еще предлагающего бежать с ним, скорее говорит о влиянии народной драмы на фольклор и более того — представляет собой ценное свидетельство подобного влияния, причем запись эта довольно старая, относящаяся к середине XIX в. Вспомним также о мотиве подозреваемой измены, влекущей за собой месть ревнивого атамана (утопление пленницы) у Лермонтова, что позволяет говорить об отражении в его стихотворении (1831) еще более ранней народно-драматической переработки данного сюжета.

⁴¹ Железнов И. Уральцы. С. 44–46.

Таким образом, народная игровая композиция «Лодка», изначально ориентированная на инсценировку разбойничьей песни (прежде всего «Вниз по матушке по Волге»), сразу может включать в себя встречу с некой девицей (Аленой, Анюшей, Дуняшей). По мере своего сюжетного усложнения под влиянием лубочной литературы она разрабатывает темы невозможности любви по принуждению⁴², неуступчивости пленницы (и ее наказания — вплоть до убийства), а также любовного треугольника, представленного в двух вариантах: атаманы и две женщины (одна из которых — пленница), с одной стороны, и атаманы, есаулы и пленница — с другой. Что же касается темы любовница атамана на разбойничьем струге, происходящей из песенной традиции XVIII в., то ее включение в данный сюжетный цикл осуществляется уже в рамках литературной традиции начиная с Пушкина.

⁴² Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка». С. 69.

ПЕРВЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ.
 ВЕРСИИ ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА

В русской поэзии XIX в., начиная с А.С. Пушкина¹, Разин представлен почти исключительно как персонаж романтический, в том числе как романтический злодей (М.Ю. Лермонтов²), народный вождь (Н.П. Огарев³, А.А. Навроцкий⁴, И.З. Суриков⁵), удалец, герой любовных приключений, соблазнитель и похититель женщин (А.В. Кольцов⁶, С.Н. Мельников⁷, Д.Н. Садовников⁸, С.Ф. Рыскин⁹, А.А. Коринфский¹⁰).

¹ Пушкин А.С. Песни о Стеньке Разине [1824–1826] // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. II: Стихотворения. 1820–1826. С. 333.

² Лермонтов М.Ю. Атаман // Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I. С. 198.

³ [Огарев Н.П.] «Гой, ребята, люди русские!». Женева, 1869 (листовка); Огарев Н.П. Избранное. М.: Худ. лит., 1977. С. 279.

⁴ Вроцкий А.Н. [Навроцкий А.А.] Утес Стеньки Разина // Вестник Европы. 1870. № 12.

⁵ Стихотворения И.З. Сурикова. М., 1877.

⁶ Кольцов А.В. Стенька Разин // Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1953. С. 214–215. (Биб-ка поэта).

⁷ Мельников С. Атаман // Волжский Вестник. 1883. № 1. С. 15–16 (раздел «Волжские песни и легенды»).

⁸ Садовников Д.Н. Зазноба // Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Биограф. справки, подгот. текста и примеч. В.Г. Базанова, Б.Л. Бессонова и А.М. Бихтера. Л.: Сов. писатель, 1968 (Биб-ка поэта).

⁹ Рыскин С.Ф. Первый шаг: Стихотворения. М.: Преснов, 1888. Сергей Федорович Рыскин (1859–1895) — писатель и журналист, автор стихотворений по мотивам народных песен, сказок и преданий (циклы «В деревне», «На Волге», «Народные мотивы», «Сказки»), впоследствии вошедших в песенники, а также романа «Купленный митрополит, или Рогожские миллионы» (М., 1893). Фигурой разбойничьего атамана поэт интересовался особо, а стихотворение «Стенька Разин» стало народной песней.

¹⁰ Коринфский А.А. Перед Стенькиным бугром // Коринфский А.А. «Бывальщины» и «Картины Поволжья». 2-е изд. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1899. С. 248. Об этом цикле и о разинской

В середине 1820-х годов Пушкин, вдохновленный публикацией разбойничьего цикла новогреческого фольклора¹¹ и собственными записями песен о Разине¹², создает свои «Песни о Стеньке Разине» (между 1824 и 1826/1827 гг.¹³). В «Записках» А.О. Смирновой по этому поводу говорится:

Пушкин прочел мне песнь о Стеньке Разине, которую сообщила ему Арина, и две другие, слышанные им в Екатеринославле в ранней молодости. <...> Самая оригинальная из песен о Стеньке — та, в которой он топил свою татарскую царевну и приносит ее в жертву своей

теме в нем см.: Юферева Е.В. Поэтика «дегеографизации» в путевом цикле «Картины Поволжья» А. Коринфского // Литература в контексте культуры / Ред. кол.: В.А. Гусев (відп. ред.) та ін. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго. 2014. Вип. 24 (1). С. 233–241.

¹¹ После знакомства с кн.: Гнедич Н.И. Простонародные песни нынешних греков. СПб., 1825. См.: Березкина С.В. Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» А.С. Пушкина // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XXX. СПб.: Наука, 1999. С. 177; Азадовский М.К. Литература и фольклор: Очерки и этюды. Л., 1935. С. 28–40.

¹² «В городе-то было во Астрахане...» и «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке...» (Пушкин А.С. Записи народных песен // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. III: Стихотворения. 1827–1836. С. 409 [№ 1], 410 [№ 2]; Бугославский С.А. Русские народные песни в записи Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 190–192); впервые опубликованы П.В. Анненковым в газ. «Порядок» (12.01.1881, № 11). «Во многом именно эти народные песни послужили моделью для пушкинских песен о Стеньке Разине» (Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина (история создания, композиция и проблематика цикла) // Пушкин: Исследования и материалы: Сб. научн. тр. Т. XIII / Отв. ред. Р.В. Иезуитова. Л.: Наука, 1989. С. 9).

¹³ Березкина С.В. Историко-фольклорные источники... С. 178; Салупере М. Из комментариев к стихотворениям Пушкина Михайловского периода («Песни о Стеньке Разине» и «Аквилон») // Пушкинские чтения в Тарту. 4. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментарии: Материалы Междунар. конференции. Тарту, 2007. С. 58–66; Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 19.

матушке Волге. Есть песня и о сыне этого разбойника. Пушкин хочет переложить все это в стихи...¹⁴

Данные сведения нельзя считать вполне достоверными. Разговор, который якобы происходил в те дни, когда оригинальные пушкинские «Песни о Стеньке Разине» еще не были сочинены, а соответствующие фольклорные записи уже существовали, вообще не мог состояться — и записи песен, и создание названных литературных произведений имели место в Михайловском, т.е. с августа 1824 по сентябрь 1826 г.¹⁵, в то время как знакомство Смирновой с Пушкиным, согласно ее собственным воспоминаниям, случилось лишь в конце 1828 г.¹⁶, а на самом деле — еще позднее, после 18 января 1829 г.¹⁷

Следует заметить, что, в отличие от безусловно аутентичного эпистолярного и мемуарного наследия Смирновой¹⁸ (где, кстати, имя Разина не встречается), «Записки», из которых взят данный фрагмент, смонтированные и опубликованные после смерти мемуаристки ее дочерью¹⁹, по мнению большинства исследователей, содержат значительную долю неточностей и даже

¹⁴ Записки А.О. Смирновой, урожд. Россет (с 1825 по 1845 г.). Статьи Л. Крестовой и А. Пьянова / Сост. К. Ковальджи. М.: Моск. рабочий; НПК «Интелвак», 1999. С. 227.

¹⁵ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М.А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991 (= *Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина*. Т. I. М., 1951). С. 461, 470, 475. Не исключено, что третья «Песня о Стеньке Разине» («Что не конский топ, не людская молвь...») написана несколько позднее, в первой половине 1827 г. (см.: *Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина*. С. 19).

¹⁶ *Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания*. Подг. изд. С.В. Житомирской. М.: Наука, 1989. С. 184 (Лит. памятники).

¹⁷ *Житомирская С.В. А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие* // Там же. С. 628–629.

¹⁸ Там же. С. 18–574.

¹⁹ Записки А.О. Смирновой (Из записных книжек 1826–1845 гг.). Из журнала «Северный Вестник» за 1893 год. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1894 (Приложение к журналу «Северный Вестник». 1894. № 6). Далее цит. по изд.: Записки А.О. Смирновой, урожд. Россет. С. 43–286.

прямых фальсификаций²⁰. Поскольку же оригиналы, использованные для монтажа, частично потеряны, частично уничтожены²¹, определить эту долю сейчас не представляется возможным.

Впрочем, анахронизмы, подобные приведенным выше, свойственны всем текстам Смирновой, в том числе «аутентичным», и порождены они не только невнимательностью или огрехами памяти, но и сознательной литературной игрой²²; упреки же, которые в первую очередь следует адресовать «Запискам», в большей мере относятся именно к этим анахронизмам, чем к самим содержательным элементам. Соответственно призыв «навсегда и решительно отказаться от какого бы то ни было пользования этим фальсифицированным документом, не подвергая его более никакой экспертизе»²³, слишком категоричен: отнюдь не все является вымыслом в данном тексте — определенная часть сообщаемых им сведений, хотя и произвольно комбинируемых, все же, по-видимому, основывается на записях, которые О.Н. Смирнова действительно делала со слов матери, а возможно, и на каких-то не дошедших до нас текстах самой Смирновой²⁴. Отбрасывать подобные материалы без обсуждения было бы как-то бесхозяйственно.

²⁰ Критическую оценку публикаций мемуарного наследия А.О. Смирновой-Россет см.: *Житомирская С.В. А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие*. С. 618–631.

²¹ Там же. С. 618–623.

²² «Уже стало забываться происхождение тех или иных сведений или постоянно повторяющихся цитат — и даже в современных работах то и дело сталкиваешься с мнимыми фактами, восходящими к фантазиям О.Н. Смирновой» (там же. С. 630).

²³ *Крестова Л.В. К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А.О. Смирновой // Смирнова А.О. Записки, статьи, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примеч. Л.В. Крестовой / Под ред. М.А. Цявловского. М.: Федерация, 1929. С. 392.*

²⁴ «В одном из писем А.О. Смирнова писала: «Моя дочь записывает все, что слышит и что я ей говорю, когда у меня были визиты, а ее не было. И я кое-что записываю. Она ужасно интересуется всем этим. Я поддерживаю в ней этот интерес»» (*Житомирская С.В. А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие*. С. 629).

Итак, в противоположность общепринятому мнению, согласно которому все эти тексты были записаны от Арины Родионовны осенью 1824 г., из «Записок» следует, что от нее Пушкин услышал только одну песню о Разине (которую?), тогда как «две другие» восходят к его екатеринославльским впечатлениям (и, видимо, воспроизведены по памяти). На самом деле народных песен о Разине было записано две, а не три, и среди них нет песни об утоплении «татарской царевны» — тут Смирнова по невнимательности или забывчивости отнесла к числу фольклорных записей стилизованное под фольклор стихотворение Пушкина; еще одно доказательство того, что вышеописанный разговор не мог состояться до появления данного стихотворения и происходил (если вообще происходил) значительно позже, после 1828 г.

Это делает более понятными слова о «ранней молодости» — по отношению к краткому пребыванию поэта в Екатеринославле (май 1820 г.), когда он всерьез заинтересовался историей и культурой казачества²⁵. Там он мог ознакомиться и с какими-то фольклорными рассказами (вспомним предание, легшее в основу «Братьев разбойников» [1822]²⁶), а посещение вместе с Раевски-

²⁵ О чем свидетельствуют несохранившиеся «замечания о черноморских и донских казаках», упоминаемые в письме к Л.С. Пушкину от 24 сентября 1820 г. (см.: Пушкин А.С. Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского // Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. Т. I–II. М.; Л.: Госиздат, 1926–1928. Т. I: 1815–1825. С. 13; ср.: Цявловская Т.Г. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина» // Пушкин. Исследования и материалы: Труды Третьей Пушкинской конференции. М.; Л., 1953. С. 377).

²⁶ «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы» (Из письма П.А. Вяземскому от 11 ноября 1823 г. // Пушкин А.С. Письма. Т. I. С. 61–62); Бугославский С.А. Русские народные песни в записи Пушкина. С. 200; Гудзий Н.К. «Братья разбойники» Пушкина // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 2/3. С. 643–658; Закруткин В.А. «Братья разбойники» Пушкина // Уч. записки Гос. Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1936. С. 218–239 (= Красная Новь.

ми, отцом и сыном, родины Разина — донской станицы Старый Черкасск (июнь 1820 г.) и старинного войскового собора²⁷, не исключает и соприкосновения с разинской темой²⁸. Едва ли основательны сомнения в том, что казаки (казачьи офицеры?) могли рассказывать приезжим знатым господам о своем знаменитом земляке, проклинаясь в церквях²⁹; во всяком случае, данное обстоятельство совершенно не мешало записям преданий и песен о Разине на протяжении всего XIX в. Наконец, как говорил С.А. Соболевский П.И. Бартеневу, Н.Н. Раевский (сын), спутник Пушкина по старочеркасской экскурсии, специально «сбирал все, что было писано о Разине, и намеревался писать историю его разбойнических подвигов»³⁰; следовательно, едва ли данная тема могла остаться для наших экскурсантов без внимания.

Что касается употребления в письме к брату формы *Сенька* (вместо *Стенька*)³¹, то она является не исключительно северной версией имени Разина³², но встречается также в сибирских³³ и южных казачьих традициях³⁴;

1936. № 6. С. 169–189; *Он же*. Пушкин и Лермонтов. Исследования и статьи. Ростов-н/Д., 1941. С. 23–95); *Он же*. Разбойничий фольклор в «Братьях разбойниках» Пушкина // Резец. 1936. № 2 (январь). С. 16–18; *Он же*. Незавершенные замыслы Пушкина в Кишиневе: Пушкин (1837–1937). Ростов-н/Д., 1937. С. 96–142; Черкашина Л. Пушкин в Екатеринославле // 9 Муз: Интернет-журнал Союза русских эмигрантов в Греции им. кн. С.И. Демидовой, 6 июня 2014 г. (9musesjournal.wordpress.com/2014/06/06/людмила-чекашина-пушкин-в-екатеринос- /).

²⁷ Здесь жил Пушкин: Пушкинские места Советского Союза: Очерки. Л., 1963. С. 135.

²⁸ Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 9.

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ [Граббе П.Х.] Из Памятных Записок графа П.Х. Граббе [писано в ноябре 1836 г.] // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 786.

³¹ Пушкин А.С. Письма. Т. I. С. 97.

³² Бугославский С.А. Русские народные песни в записи Пушкина. С. 191; Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 19.

³³ «Сенька Разин был из казаков из донских» (Макар. С. 40).

³⁴ «Чтобы выслать Сеньку Разина / Во каменну Москву. / А до этого Сенька Разин / В круг не хаживал...» (Исторические песни XVII века / Подгот. изд. О.Б. Алексеевой, Б.М. Добровольским,

таким образом, Пушкин вполне мог узнать ее не от Арины Родионовны, а во время своих южных, в том числе екатеринославских, встреч. И хотя принадлежность двух пушкинских записей к южной традиции совершенно очевидно не соответствует действительности (это несомненные образцы севернорусской народной песни³⁵), изложенные выше факты и гипотезы дают основание полагать, что к моменту записи текстов осенью 1824 г. определенное знание о Разине у поэта уже было, однако имело оно сугубо «фольклорный» характер, будучи полученным только из устных источников. Предполагается, что именно это знание побуждало его расспрашивать своих информантов в Михайловском прежде всего именно об этом разбойничьем атамане (напомню, что в тетрадке Пушкина три песни о Разине идут первыми), а затем просить брата прислать ему «историческое, сухое известие о Стеньке Разине»³⁶.

Прислан был, вероятно, только что вышедший перевод Корниловича³⁷, с опорой на который и создается первая из песен о Разине («Как по Волге-реке, по широкой...»), посвященная истории утопления персидской княжны. Впоследствии Пушкин приобретает для своей библиотеки сокращенный французский перевод книги Стрэйса³⁸; материалами о Разине он продолжает

Л.И. Емельяновым, В.В. Коргузаловым, А.Н. Лозановой, Б.Н. Путиловым, Л.С. Шептаевым. М.; Л., 1966. № 62 [из газ. «Терские ведомости»]).

³⁵ Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 19; Бугославский С.А. Русские народные песни в записи Пушкина. С. 191.

³⁶ Там же.

³⁷ Березкина С.В. Историко-фольклорные источники... С. 178; Салупере М. Из комментариев к стихотворениям Пушкина... С. 66; Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 10.

³⁸ Voyages de Jean Struys en Russie, en Perse et aux Indes, mis dans un meilleur ordre, et réduit aux faits les plus intéressants. Paris 1827; Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина (Библиогр. описание). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. С. 344; Салупере М. Из комментариев к стихотворениям Пушкина... С. 64. «Вероятно, у Норова Пушкин брал одно из старых изданий, может быть, 1681 г. — Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse aux et en plusieurs autres pays

интересоваться и позднее³⁹. Однако из-за цензурного запрета разинский цикл Пушкина публикуется лишь в 1881 г.⁴⁰, а до того времени не имеет широкого хождения. Примечательно, что в приведенном выше фрагменте из воспоминаний П.Х. Граббе автор говорит о поэтическом переложении легенды в сослагательном наклонении («переложенное в пушкинские стихи с описанием происшествия, оно [обращение Разина к Волге] могло бы быть очень занимательно»), хотя на самом деле стихи Пушкина на данную тему к тому времени уже десять лет как написаны; это свидетельствует об их относительно малой известности среди современников, даже близких к кругу поэта⁴¹. Лишь с 1890-х и особенно с 1900-х годов первое стихотворение цикла начинает постоянно включаться в песенники с разбойничьей и волжской тематикой⁴².

Источники этого стихотворения довольно очевидны, они хорошо выявляются при сопоставительном анализе текстов. Его первая половина прямо опирается на фольклорную песню (в публикациях пушкинских записей это № 2), которая определяет и стилистический рисунок всего произведения⁴³, созданного в

---

etrangeres. Amsterdam, 1681» (Линин А.М. А.С. Пушкин на Дону: Историко-литературные очерки. Ростов-н/Д.: Ростовское обл. книгоизд-во, 1941 [2-е изд., сокр. — 1949]; цит по: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000018/st008.shtml>).

³⁹ Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 6–7; Березкина С.В. Историко-фольклорные источники... С. 181; Салупере М. Из комментариев к стихотворениям Пушкина... С. 64–66.

⁴⁰ До этого стихотворение ходило по рукам в списках, благодаря одному из которых его текст и сохранился, поскольку оригинал был утрачен.

⁴¹ Ковалева Т.В. Пушкин и П.Х. Граббе (К истории взаимоотношений) // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27: Сб. науч. тр. / Редколл.: Д.С. Лихачев, В.Э. Вацуро, Ю.П. Фесенко. СПб.: Наука, 1996. С. 155–163.

⁴² Крутянская В.Ю. Народная драма «Лодка» (генезис и литературная история) // Славянский фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 274

⁴³ Хотя и не повторяет ритм фольклорного источника, он заменен тем размером, который позднее будет использован в «Песнях

народную песню, уже содержащую аналогичную ситуацию (любовница атамана на разбойничьей лодке); это могла быть, например, песня «Ах ты наш батюшка Ярославль-город» из «Собрания разных песен» М.Д. Чулкова, весьма зачитанный экземпляр которого имелся в библиотеке поэта⁴⁸.

Что сверху-то было Волги-матушки / Что плывет, гребет легка лодочка. / <...> / На корме сидит атаман с ружьем, / На носу сидит ясаул с багром, / По краям лодки добры молодцы, / Посреди лодки красна девица, / Ясаулова родна сестрица, / Атаманова полюбовница; / Она плачет, что река льется, / В возрыданьи слово молвила: / «Нехорош-то мне сон привиделся. / <...> / Атаману быть поиману, / Ясаулу быть повешену, / Добрым молодцам голова рубить, / А мне, красной девице, в темнице быть»⁴⁹.

Или — еще вероятнее — другой вариант той же песни, в которой плачущая «атаманова полюбовница» оказывается не есауловой родной сестрицей, а пленницей разбойников.

Что по той ли речке Керженке / Как плывет тут легка лодочка. / Хорошо лодка изукрашена, / Что расшита легка лодочка / На двенадцатеры веселечки. / На корме сидит атаман с ружьем, / На носу сидит есаул с багром, / По краям лодки добры молодцы, / Посредь лодки красна девица, / Разбойническая пленница, / Атаманова полюбовница. / Она плачет, что река льется, / Возрыдает, что ключи кипят. / Как возговорит красна девица: /

⁴⁸ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. С. 114. Кстати, видимо, именно по нему Пушкин ранее знакомился с разбойничьим фольклором, а в 1836 г. именно оттуда перевел ряд песен для французского литератора и дипломата Ф.-А. Лёве-Веймара, в том числе песню о Разине (см.: Бугославский С.А. Русские народные песни в записи Пушкина. С. 198).

⁴⁹ Чулков М.Д. Собрание разных песен. Ч. I–IV. СПб., 1770–1774 (цит. по изд.: Собрание разных песен М.Д. Чулкова. Ч. I, II, III с прибавлением. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1913. Ч. I. № 187).

«Ты прости, прости, отец и мать, / Ты прости, прости, и род-племя, / Уж мне с вами не видатися! / Я досталася разбойникам, / Не нажить уж мне своей воли»⁵⁰.

Далее, как мы убедимся, подобная композиция с выездом разбойничьей лодки («Лодка с нарядными на ней молодцами — обычная песенная картина разбойничьего выезда по воде»⁵¹) закрепляется в поэтической традиции.

Пушкин не предлагает никакого объяснения поступку Разина — видимо, для поэта достаточно оценки его личности как «поэтической»⁵². Согласно концепции С.А. Фомичева⁵³, это обусловлено тем, что в данном стихотворении сюжет не финализован — он получает свое завершение в последнем стихотворении цикла («Что не конский топ, не людская мольвь...»), в котором происходит второй акт дарообмена, и в ответ на жертву водной стихии «молодец удалой», «разбойник лихой» получает щедрое воздаяние, включая и «возвращаемую персидскую княжну».

Пригоню тебе три кораблика: / На первом корабле красно золото, / На втором корабле чисто серебро, / На третьем корабле душа-девица»⁵⁴.

По мнению исследователя, Пушкин восстанавливает «древнюю <...> мифологическую основу» легенды,

⁵⁰ Чулков М.Д. Собрание разных песен. Ч. III. С. 126; Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 10. См. варианты этой песни: Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия / Под ред. М.Н. Сперанского. Вып. II. Ч. 2 (Песни необрядовые). М., 1929. № 1671, 1826, 2480, 2511.

⁵¹ Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышев; вступ. ст. Н.П. Андреева. [Л.:] Сов. писатель, 1936. С. 430.

⁵² В письме к брату он пишет о Разине как о «единственном поэтическом лице русской истории» (Пушкин А.С. Письма. Т. I. С. 97) — возможно, в устаревшем значении слова «поэтическое»: «принадлежащее поэту, области поэтического творчества» (см.: Березкина С.В. Историко-фольклорные источники... С. 181).

⁵³ Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 14–15.

⁵⁴ Пушкин А.С. Песни о Стеньке Разине. С. 333 (№ 3).

полнее всего сохраненную в версии Фабрициуса (поэту, естественно, незнакомой)⁵⁵, в которой Разин жертвует реке «знатную татарскую деву». И здесь вспоминается «татарская царевна» из «Записок» Смирновой. Только ли это ошибка мемуаристики, превратившая «персиянку» в «татарку», или все-таки можно допустить, что Пушкин во время своей южной поездки действительно слышал какую-то более раннюю редакцию предания, которая еще удерживала и ритуалистическую схему сюжета, и первоначальную этническую принадлежность героини, чем и вызвана оговорка?

Написанное несколькими годами позже стихотворение М.Ю. Лермонтова «Атаман» (1831)⁵⁶ явно опирается на пушкинский текст, что подтверждается параллелизмом опорных строк в обоих произведениях (см. табл. X):

Таблица X

Пушкин:	Лермонтов:
Как по Волге-реке, по широкой Выплывала востроносая лодка, Как на лодке гребцы удалые, Казачи, ребята молодые. На корме сидит сам хозяин, Сам хозяин, грозен Стенька Разин, Перед ним красная девица, Полоненная персидская царевна. Не глядит Стенька Разин на царевну, А глядит на матушку на Волгу. Как промолвил грозен Стенька Разин: «Ой ты гой еси, Волга, мать родная!	<...> Вдоль по Волге широкой На лодке плывут; И веслами дружными плещут, И песни поют. <...> Атаман между ними сидит; Хоть его лихая семья, Как волны, шумна — он молчит: И краса молодая, Как саван бледна Перед ним стоит на коленях И молвит она: <...> «Мне жребий неволи Судьбинушкой дан; Не губи, не губи мою душу, Лихой атаман».

⁵⁵ Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 12–13.

⁵⁶ Лермонтов М.Ю. Атаман // Отечественные записки. Т. 11. Отд. I. С. 262; цит. по: Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I. С. 198.

С глупых лет меня ты воспоила, В долгу ночь баюкала, качала, В волновую погоду выносила, За меня ли молодца не дремала, Казачков моих добром наделила. Что ничем тебя еще мы не дарили». Как вскочил тут грозен Стенька Разин, Подхватил персидскую царевну, В волны бросил красную девицу, Волге-матушке ею поклонился.	«Горе девице лукавой», — Атаман ей, нахмурясь, в ответ <...> Горе тебе, гроза-атаман, <...> Остался ль ты хладен И тверд, как в бою, Когда бросили в пенные волны Красотку твою?
---	--

Соотносимые места передают тематический инвариант стихотворений: выезд по Волге лодки с гребцами, атаманом и его пленницей; утопление пленницы, однако сюжетные различия довольно значительны. Прежде всего, обращает на себя внимание иная мотивация расправы атамана с любовницей: навет на героиню (вероятно, клеветнический), порожденные им ревность и месть за измену (по-видимому, придуманную); источник этой новации, за которой просматриваются некие предшествующие, но неизвестные нам события, возможно, следует искать в «разинских редакциях» народной драмы «Лодка».

Другое существенное отличие лермонтовского текста заключается в указании на последствия совершенной жестокости — как моральные («Горе тебе, удалой! / Как совесть совсем удалить?.. / Отныне он чистой водой / Бойтись руки умыть»), так и практические, обозначенные, впрочем, лишь намеком («Горе тебе, гроза-атаман, / Ты свой произнес приговор»). Конечно, все это могло бы быть лишь поэтической риторикой, внешней по отношению к рассматриваемой легенде, однако данные образы поддерживаются топикой соответствующей традиции, а следовательно, являются манифестациями некоторых ее семантических аспектов. Вспомним «версию Дюма», в которой поражение

и гибель героя рассматривались в качестве возмездия за убийство девушки («Для Стеньки Разина это [необходимость жертвоприношения] было приговором судьбы»), имеющее к тому же символический смысл и характеризующее исключительную преступность и греховность натуры Разина⁵⁷.

«Шекспировский» мотив мытья рук убицей (Макбет, II, 2)⁵⁸ разворачивается несколько неожиданным образом, уводящим от заявленной символики больной совести к символике не прощаемого греха («Умывать он их любит <...> / Слезами вдовиц беззащитных / И кровью детей!»), а это, в свою очередь, согласуется с прижизненным оглашением церковного проклятия Разину как великому грешнику. В плане же практических последствий, возможно, имеется в виду то, что данный поход, в котором после взятия Симбирска действительно планировался захват Казани («Горе тебе, город Казань...»), оказался для Разина роковым: в сражении под Симбирском (апрель 1671 г.) он потерпел полное поражение, раненый бежал на Дон, где был схвачен, отвезен в Москву и четвертован. Таким образом, ужасный конец атамана

⁵⁷ «Он был ненавистник всего, что стояло выше его. Закон, общество, Церковь — все, что связывает личные побуждения человека, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало сострадания. Честь и великодушие были ему незнакомы. Таков был этот борец вольницы, в полной мере изверг рода человеческого...» (*Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 352); вспомним покаянную самохарактеристику Разина в уральском предании: «От начала мира и до сегодня не было ни в человеках — человека, ни в зверях — зверя, ни в змиях — змия, ни в гадах — гада, подобного мне, не было ни единой на свете твари, коя бы равнялась со мной по злобе и лютости: я всех превышил!.. Многое-множество пролил я крови христианской; многое-множество загубил душ неповинных» (Жел. С. 59–60).

⁵⁸ «А руки, руки! <...> Океана / Не хватит их отмыть. Скорей вода / Морских пучин от крови покраснеет. / <...> / Уйдем за дверь к себе. Воды немного / Смыть пятна, вот и все. И с плеч долой!» (пер. Б.Л. Пастернака).

(знание о котором есть неотъемлемая часть традиции) оказался предопределен совершенным им злодеянием. В этом смысле разрешение коллизии у Лермонтова противоположно не только версии Фабрициуса (пожертвовав духу реки пленницу, Разин добывается своей цели), но также версии Стрэйса и восходящей к ней пушкинской трактовке, согласно которым поступок атамана вообще не имеет никаких последствий.

При анализе текста Пушкина нам уже встречался фольклорный образ плачущей на разбойничьей лодке «атамановой любовницы», чьи слезы предвещают недоброе и атаману, и его отряду, и ей самой. Не исключено, что Лермонтов использовал тот же источник, причем здесь девушка именно пленница («Мне жребий неволи / Судьбинушкой дан»); вспомним у Чулкова: «Я досталася разбойникам, / Не нажать уж мне своей воли»⁵⁹. Отметим: герой лермонтовского стихотворения, как и атаман из чулковской песни, ни разу не назван по имени, не определена и национальность героини. Тем не менее вся система поэтических намеков и весь сюжетный контекст, включая упоминание «пожаров ограбленных стран» (а это почти наверняка «персидский поход» 1667–1669 гг.), говорят о том, что речь идет именно о Разине и его персидской пленнице.

⁵⁹ Чулков М. Д. Собрание разных песен. Ч. 3. СПб., 1770. С. 126.

ОТ ПЕРЕВОДА КОРНИЛОВИЧА
К РЕКОНСТРУКЦИЯМ КОСТОМАРОВА

Первым актом возвращения легенды в русскую культурную традицию стала публикация в 1824 г. выборочного перевода записок Стрёйса, выполненного А.Ф. Корниловичем¹, причем источником для него послужил не голландский оригинал, а французский перевод данного сочинения. В переводе Корниловича можно видеть и первую попытку поэтизации образа Разина, выразившуюся в значительном смягчении рассказа Стрёйса о разинском бунте². Здесь появляются различные вставки, новые детали и пояснения, часть которых восходит к французскому тексту-источнику, а часть, видимо, принадлежит самому Корниловичу (см. табл. XI).

Таблица XI

Стрёйс	Корнилович ³
В один из последующих дней, когда мы второй раз посетили казацкий лагерь, Разин пребывал на судне с тем, чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами. При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с	Мы видели его [Разина] на шлюпке, <u>раскрашенной и отчасти покрытой позолотой</u> (<i>dans une Barque peinte et dorée</i>), пирующего с некоторыми из своих подчиненных. Подле него была дочь одного персидского хана, которую <u>он с братом похитил</u> (<i>qu'il avoit</i>

¹ Корнилович А. Голландец Ян Янсен Стрейс // Северный архив. СПб., 1824. Ч. 9. С. 275–290; Ч. 10. С. 26–40.

² Березкина С.В. Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» А.С. Пушкина // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XXX. СПб.: Наука, 1999. С. 179; Морозов А. Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие // Стрейс Я. Три путешествия / Введение А. Гайсиновича; пер. [с нидерл.] Э. Бородиной; ред., [вступ. ст., примеч.] А. Морозова. М.: ОГИЗ: СОЦЭКИЗ, 1935 (Иностранные путешественники о России). С. 27. Текстуальные сопоставления дают «возможность судить не только о степени расхождения этих изданий, но и о направлении, в каком велась переработка путешествия Стрейса при переводе» (Там же. С. 29).

ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тыфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришлось ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя. В некоторых других вещах он придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд.

enlevée avec son frère dans ses dernières courses) из родительского дома во время своих набегов на Кавказ (dans ses dernières courses). Распаленный вином, он сел на край шлюпки и, задумчиво поглядев на реку, вдруг вскрикнул (Au fort de l'yvresse il s'apua sur le bord de la Barque, d'où regardant d'un air rêveur l'eau de la Volga après quelques momens de silence... s'écria-t'il...): «Волга славная! Ты доставила мне золото, серебро и разные драгоценности, ты меня взлелеяла и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я, неблагодарный, ничем еще не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебя жертву!» С сим словом схватил он несчастную персиянку, которой все преступление состояло в том, что она покорилась буйным желанием разбойника, и бросил ее в волны. Впрочем, Стенька приходил в подобные исступления только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти. Вообще, он соблюдал порядок в своей шайке и строго наказывал прелюбодеяние (Quelque brutal que fut Radzin, il est à croire qu'à moins que d'être fou, il n'eût pas commis cette cruauté; et jusques-là il avoit paru plus équitable qu'inhumain).

³ Подчеркнуты новации (по сравнению с текстом Стрёйса), в скобках — соответствующие выражения из французского перевода.

Несомненна тенденция, с одной стороны, «выровнять», заполнить подробностями несколько прерывистое изложение Стрэйса, а с другой — психологизировать переживания и поступки персонажей (это касается «задумчивости» Разина, его сидения на краю шлюпки и созерцания воды). Что же касается «набегов на Кавказ», то эта вставка могла возникнуть, с одной стороны, в результате невнимательного прочтения французского текста, а с другой — благодаря ложной подсказке, актуализующей «кавказскую тему» (вспомним о перманентных войнах с Ираном именно «на кавказском фронте»), которая вообще была популярна в русской культуре данной эпохи⁴. Показателен в этом плане пушкинский пересказ данного сюжета в изложении П.Х. Граббе, относящийся к январю 1834 г.

Описание <...> праздника, данного Разиным на Волге, где он, стоя на своей лодке, произнес к этой первой из русских рек благодарственное воззвание, приписывая ей главные свои успехи и обвиняя себя, что ничего достойного не принес ей в жертву. При этих словах, к удивлению и ужасу всех присутствовавших, он схватил прекрасную пленную черкешенку, любовницу свою, покрытую драгоценными уборами, и сбросил в Волгу. В этом обращении разбойника к Волге много дикой поэзии, и, переложенное в пушкинские стихи с описанием происшествия, оно могло бы быть очень занимательно⁵.

Неясно, кому именно принадлежит замена «персианки» на «черкешенку» — мемуаристу или самому поэту, но воздействие на рассматриваемый эпизод «кавказской темы» совершенно несомненно (может быть, «по странной контаминации с “Кавказским пленником”»⁶);

⁴ Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820–1830-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. С. 3–56.

⁵ [Граббе П.Х.] Из Памятных Записок графа П.Х. Граббе [писано в ноябре 1836 г.] // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 786.

⁶ Фомичев С.А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина (история создания, композиция и проблематика цикла) // Пушкин:

впрочем, в последующей традиции литературно-фольклорного разинского цикла эта тема развития не получила.

Любопытно, каким образом появляется во французском переводе (и оттуда переходит в русскую традицию) такая отсутствующая в оригинале деталь, как «край лодки» (*le bord de la Barque*), которая затем становится устойчивым элементом легенды. В тексте Стрэйса Разин просто сидит в лодке: «Он же, сидя в своей лодке, весьма опьяневши, поддался следующей чрезмерной жестокости. Он обратился к Волге, говоря...» (*Hij nu bijster dronken in zijn vaartuygh sittende, spatte uit tot de volgende buytenspoorige wreedtheyt. Hij sprak de Wolga aan, seggende...*)⁷, а во французском переводе он уже опирается на ее борт (*il s'apuia sur le bord de la Barque*)⁸. Эта конструкция появляется как уточняющая: выражение *in zijn vaartuygh* 'в своей лодке' (т.е. в любом ее месте) гипонимически переводится как 'на борту лодки' (*sur le bord de la Barque*), что опять-таки значит не более чем просто 'в лодке'. Однако далее это приводит к семантическому сдвигу — к локализации Разина именно «у борта лодки», которая тоже, впрочем, первоначально ничего не меняет по существу⁹; к появляющимся здесь текстопорождающим перспективам я еще вернусь.

Обратим внимание и на другую деталь: в монологе Разина у Стрэйса используется сочетание «ты отец и мать

Исследования и материалы: Сб. научн. тр. Т. XIII / Отв. ред. Р.В. Иезуитова. Л.: Наука, 1989. С. 6–7.

⁷ *Struys J.J. Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige Reysen, door Italien, Griekelandt, Liflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en verscheyden andere Gewesten... T'Amsterdam, by Jacob van Meurs, op de Keyzers Graft, en Johannes van Someren, in de Kalverstraat, 1676. P. 198.*

⁸ *Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse... T. 2. Amsterdam, MDCCXLII. P. 33–35.*

⁹ Здесь суммированы разъяснения, которые, вместе с анализом заинтересовавшей меня фразы из голландского оригинала, любезно предоставили А. Юдин (Гент) и Э. Метц (Амстердам). Ср. замечание В.И. Даля: «Наши переводчики ошибочно пишут: *это было на борте корабля, мы приняли его на борт* и пр. Моряки говорят: на судне, на корабле, а *борт* в этом значении не употребляют» (Даль, I. С. 118).

(*ghy zijt de Vader en Moeder*) моей чести, славы (точнее, 'моего возвышения' *van mijn opkomst*)», что по-голландски звучит вполне естественно¹⁰, но по-русски в обращении к реке выглядит несколько странно. Подобный апеллатив никак не мог быть калькой выражения, прозвучавшего из уст казацкого атамана в «исходе» русском тексте, но скорее принадлежит самому мемуаристу, так понявшему соответствующие слова легенды (в которой, возможно, присутствовало только слово «мать», более естественное при обращении к Волге). И французский перевод XVIII в., и русские переводы с французского передают это выражение описательно: «Que ne te dois-je point pour m'avoir fourni tant d'occasions de me signaler...» ('ты предоставила мне столько возможностей отличиться...'), «ты меня взлелеяла и вскормила, ты начало моего счастья и славы» (Корнилович), «ты доставила мне столько случаев отличиться» (П.О. Юрченко¹¹). Появляющаяся у Корниловича фраза «ты меня взлелеяла и вскормила», видимо, является одной из форм передачи идеи «родительства» Волги по отношению к Разину через его «пестование» этой рекой, что находится в противоречии с исторической реальностью (Разин родился и вырос на Дону), но имеет хорошие перспективы в литературной традиции. Так, тема «материнства-пестования» из перевода Корниловича («ты меня взлелеяла и вскормила») получает дальнейшее разворачивание в монологе Разина у Пушкина («Ой ты гой еси, Волга, мать родная! / С глупых лет меня ты воспоила, / В долгу ночь баюкала, качала, / В волновую погоду выносила, / За меня ли молодца не дремала...»). Только Костомаров старается придерживаться стрейсовской версии, хотя и приводит ее в соответствие с образным строем русской речи («как отец и мать, славою и честью меня наделила» [Кост. С. 373]), что, кстати, является косвенным свидетельством либо обращения историка к голландскому оригиналу, либо, что более вероятно, использования им какого-то более точного французского перевода.

¹⁰ Благодарю А. Юдина и Ж. Кеймёлена (Гент) за эти сведения.

¹¹ Юрченко П. О путешествии по России голландца Стрюйса // Русский архив. 1879. № 7. С. 266–269.

Костомаров делает важный шаг и в осмыслении легенды, что приводит к ее последующей сюжетной трансформации. К сообщениям Стрейса он относится очень доверчиво и в своем изложении событий следует за голландским мемуаристом, подчас близко к тексту воспроизводя его рассказ. Это касается и легенды о персидской княжне. Ни сам факт ее существования, ни обстоятельства ее гибели не вызывают у Костомарова сомнений, что вполне согласуется с отношением ученого к фольклору как к безусловно надежному источнику исторических сведений (чем, кстати, обусловлено и достаточно бережное к нему отношение¹²). Хотя устные параллели, приводимые им же, могли бы и насторожить, вера в истинность всего сообщаемого легендой оказывается сильнее, и точно уловленная ритуалистическая тема жертвоприношения водяному духу рассматривается Костомаровым не как модель сюжетосложения, а как программа поведения реального исторического персонажа:

Что касается обращения Стеньки к Волге, то здесь, как видно, Стенька вспомнил старое народное поверье бросить что-нибудь в реку из благодарности после водяного пути — поверье, без сомнения, языческих времен, когда реки представлялись в воображении одушевленными существами.

Далее приводится параллель из былины о Садко — действительно очень убедительная:

Отрезал хлеба великой сукрой, / А и солью насолил, его в Волгу опустил. / «А спасибо тебе, матушка Волга-река: / А гулял я по тебе двенадцать лет, / Никакой я притки,

¹² В изложении преданий о Разине Костомаров опирается на собственные записи, едва ли не первые в русской фольклористике (хотя точных цитат обычно не приводит), даже вспоминает одного из своих информантов (см.: Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 440).

скорби не видывал над собой./И в добром здоровьи от тебя отошел!»¹³ (ср. у Стрэйса: «...и, обратившись к Волге, сказал: “Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы...”»).

Следует, однако, уточнить, что данный пример взят из сборника Кирши Данилова¹⁴ (т.е. имеет сибирское происхождение) и сам по себе уникален; Садко здесь — не новгородский гусяр, а удалый молодец, двенадцать лет «гулявший» по Волге¹⁵ (значит, относящийся к той же «волжской вольнице», что и Разин). Напрашивается вывод, что данный вариант возник как синтез традиционного былинного сюжета и разбойничьих песен, может быть, именно песен о Разине, который, по словам того же Костомарова, утвердился «в удалом мире» (читай: «в эпическом»), а именно в сибирской былине «Илья Муромец на Соколе-корабле»¹⁶ (к тому же, как установлено, сложившейся под воздействием все тех же песен о Разине¹⁷): «Атаман был на нем Стенька Разин сам, / Есаулом был Илья Муромец...»

Вообще, принесение жертвы хлебом-солью не имеет аналогов в былинной традиции, кроме эпизода в истории об исцелении Ильи Муромца, пересказанной В.И. Далем (перед отъездом он «на прощанье пустил корочку хлеба по Оке-реке за то, что поила и кормила его»); сам же обычай кормления воды хлебом, лишь в отдельных случаях отмечаемый у восточных славян, возможно, был заимствован у финно-угорских народов¹⁸.

¹³ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. С. 373. Притка — порча, сглаз, внезапная болезнь, возникшая от наговора.

¹⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. изд. А.П. Евгеньевой, Б.Н. Путилова. М.: Наука, 1977. № 42. (Лит. памятники).

¹⁵ Новгородские былины / Подгот. изд. Ю.И. Смирнова и В.Г. Смолцко. М.: Наука, М., 1978. С. 402–403. (Лит. памятники).

¹⁶ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. С. 366.

¹⁷ Былины: В 2 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова. М.: ГИХЛ, 1958. Т. I. С. 527–528.

¹⁸ Новгородские былины. С. 403.

Напомню, наконец, что бросаемый в воду обрядовый хлеб, в принципе, может оказаться субститутотом человеческого жертвоприношения, что косвенно подтверждает и приведенный пример (обычно в сюжете о плавании Садко морской царь требует от задолжавшего ему героя именно человеческой жертвы, в данном случае замененной куском хлеба).

Вопрос о причинах поступка Разина чрезвычайно занимает Костомарова, и он начинает дополнять рассказ Стрэйса — как деталями, отсутствующими в первоисточнике¹⁹, так и собственными предположениями (см. табл. XII). Он возвращает описание нарядов и украшений княжны в начало рассказа, т.е. на то место, где оно, вероятно, и было в «дострэйсовской» версии легенды (согласно записи Фабрициуса, Костомарову неизвестной), восстанавливая тем самым (по-видимому, интуитивно) «семантическую логику» повествования.

Таблица XII²⁰

Стрэйс	Костомаров
При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота,	Возле Стеньки сидела его любовница, пленная персидская княжна. <u>Она была одета великолепно, в вышитое золотом и серебром платье; жемчуги, брильянты и разные драгоценные камни при- давали блеск ее природной ослепительной красоте. Уже замечали, что она начала приобретать силу над необ- узданным сердцем атамана.</u>

¹⁹ Некоторые из них могут относиться и к какому-то из достаточно вольных французских переводов, которыми пользовался историк. Одна из таких деталей («подходит к окраине струга»), отсутствующая у Стрэйса, появляется, как было сказано, во французских переводах («il s'apuia sur le bord de la Vaigue») и затем воспроизводится у Корниловича («Распаленный вином, он сел на край шлюпки»).

²⁰ Различным образом выделены соответствия в текстах Стрэйса и Костомарова.

серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тьфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем **схватил он несчастлиую княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришла ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе**, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя. **В некоторых других вещах он придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд.**

Вдруг, упившись до ярости, Стенька вскакивает со своего места, неистово подходит к окраине струга (у Корниловича: «Распаленный вином, он сел на край шлюпки») и, обращаясь к Волге, говорит: «Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата, и серебра, и всего доброго: как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил: на ж тебе, возьми!» Он схватил княжну одной рукою за горло, другою за ноги и бросил в волны. А между тем тот же Стенька наказывал строго других за то, что себе позволял.

Среди костомаровских новаций наиболее важными для последующего процесса сюжетосложения можно считать следующие:

1. Стрёмсовский пассаж «она... нравилась ему и во всем пришла ему по нраву. Она тоже полюбила его...» превращается в утверждение, никак не вытекающее из текста оригинала: «Уже замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана».

2. Завершение эпизода (Стрёмс: «В некоторых других вещах он придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд»; у Корниловича: «Вообще, он соблюдал порядок в своей шайке и строго на-

казывал прелюбодеяние») получает весьма красноречивое дополнение: «А между тем тот же Стенька наказывал строго других за то, что себе позволял»; никакого «то, что себе позволял» нет ни в стрёмсовском оригинале, ни в переводе Корниловича.

Подобные новации (в сущности, достаточно вольные домыслы историка) чрезвычайно значимы, поскольку дают основание для последующей интерпретации поступка Разина, которая объясняет, даже в некотором смысле оправдывает его; вся костомаровская реконструкция держится на модальностях разных регистров («как видно», «разумеется»²¹), через посредство которых гипотеза преобразуется в утверждение:

Этот случай заставляет подозревать, что злодейский поступок с княжнюю не был только бесполезным порывом пьяной головы. Стенька, как видно, завел у себя запорожский обычай: считать непозволительное обращение козака с женщиною поступком, достойным смерти. Увлечшись сам на время красотой пленницы, атамана, разумеется, должен был возбудить укору и негодование в тех, которым не позволял того, что дозволил себе, и, быть может, чтоб показать другим, как мало он может привязаться к женщине, пожертвовал бедною персиянкою своему влиянию на козацкую братию. Стенька был женат и имел детей (Кост. С. 376).

Понятие о «запорожском обычае» («считать непозволительное обращение козака с женщиною поступком, достойным смерти») почти наверняка восходит к «Тарасу Бульбе» Гоголя²², об огромном увлечении которым Костомаров пишет в автобиографии:

²¹ Смолицкие В. и Г. История одного песенного сюжета // Народное творчество. 2003. № 6. С. 53.

²² Этот «гоголевский мотив» (правда, по отношению не к Костомарову, а к Садовникову) подметил еще В.Т. Шаламов: «Песня Садовникова — это в сущности пересказ “Тараса Бульбы” с конфликтом Андрея и Тараса» (Шаламов В.Т. Поэт Василий Каменский [цит. по: <http://www.shalamov.ru/library/21/55.html>]).

В это время [в 1837 г.] мне, уже прежде читавшему Гоголя, попались *Вечера на хуторе близ Диканьки* и *Тарас Бульба*. Это было чуть ли не первое пробуждение того чувства к Малороссии, которое дало совершенно новое направление моей деятельности. Я читал Гоголя с увлечением, перечитывал и начитаться не мог. «Как это все так близко кругом меня, и я ничего этого не видел, не знаю! — думалось мне. — Нужно изучить это хорошенько!»²³

Само по себе предположение о достойном смерти «непозволительном обращении козака с женщиною» допускает двоякую интерпретацию. В первичном смысле (и с опорой на стрейсовский оригинал) речь, конечно, идет о строгом наказании за прелюбодеяние, пример которого (казнь козака и его любовницы) Стрейс приводит сразу после описания эпизода с утоплением персиянки. Однако апелляция к «запорожскому обычаю» дает основание для трактовки данного вы-

Иллюстрация к книге А.А. Соколова «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» (СПб.: Типо литогр. П.И. Шмидта, 1880, между 136 и 137 стр.). Художник не указан

сказывания как установления своего рода табу на временные или даже всечеловеческие отношения с женщиной — в ущерб боевому козацкому товариществу. Именно подобное понимание (а отнюдь не исходное суждение) намечает богатейшие перспективы в дальнейшем развитии данного сюжета.

Отвлекаясь от проблемы корректности исторических реконструкций Костомарова, необходимо подчеркнуть: его истолкование вводит в традицию бытования легенды тему, в рассмотренных

версиях еще не фигурировавшую: взаимоотношение Разина с «казацкой братией»; она же могла быть отчасти подсказана и записанным им устным преданием, в котором инициатива утопления пленницы (в качестве жертвы разгневанному морю) принадлежит не самому атаману, а его «товарищам» (Кост. С. 376); не исключено, что в этом последнем случае мы имеем дело с сильно редуцированной редакцией «первичной» версии, к чему мы еще вернемся.

С прямой ссылкой на Костомарова как на исторический источник²⁴ представлена сюжетная линия персидской княжны в романе А.А. Соколова «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» (1880), причем дана она здесь компактно, в виде одного эпизода.

С красавицею-княжною и с богатою добычею воротился Стенька на Волгу. <...> Приходилось с княжною расстаться, ибо вести ее на Дон, где у Стеньки была жена и дети, для него было неловко. <...> Казаки начали роптать. <...> «Надо расстаться с княжною». <...> О чем думала она среди этой буйной ватаги? Вся жизнь ее проносилась перед нею. Жизнь легкая, роскошная, богатая, много обещающая... А теперь?.. Она поругана, опозорена, наложница убийцы и разбойника. А Стенька смотрит на нее пьяными и страстными глазами. «О чем она думает?» — спрашивает он пьяного эсаула. «А может, о персидском принце», — отвечает тот коснеющим языком. «Убью!!!» — заревел Стенька, сверкнув глазами. <...> Все смотрели на Стеньку. Он продолжал бормотать: «Волге я тебя подарю... Волге... Она меня кормила-поила, тебя ей я и подарю... Ты для меня дорога, а дорогим-то и дарят». Стенька вдруг схватил княжну поперек и приподнял, встряхнув так, что она, не успев схватиться за его шею руками, опрокинулась навзничь и закричала. «Бери ее, Волга, бери и никому не отдавай!» Он швырнул ее в воду. Казаки смотрели молча. Княжна раза два показалась на поверхности воды²⁵.

²³ Автобиография Николая Ивановича Костомарова // Русская Мысль. 1885. № 5/6. С. 202.

²⁴ Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина. С. 134 (= М.: Тип. Вильде, 1906).

²⁵ Там же. С. 133–137.

Таким образом, используя тему «ревности», возникшую в интерпретации Костомарова, Соколов решительно меняет ее направленность (не ревность казаков к любовнице атамана, а ревность атамана к фантомному или потенциальному сопернику), следуя, вероятно, «лубочной драматизации» конфликта, процесс которой протекает в традиции народного театра («Лодка»): «...страшный припадок ревности охватил все его существование. <...> “Никому, никому ты не достанешься”, — говорил он, подходя к княжне, в страхе от него попятившейся назад»²⁶. Едва ли не впервые в литературной «разиниаде» писатель делает ‘ревность’ причиной или, по крайней мере, поводом утопления пленницы. Как мы убедимся, данный повествовательный ход окажется весьма продуктивным для последующего фабульного развития легенды. Отметим, наконец, в качестве важного сюжетного приобретения описание горестных переживаний пленницы — эта тема, как мы убедимся, далее будет всячески детализироваться и разворачиваться.

²⁶ Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина. С. 136. Это явная перетекстовка реплики Карандышева из «Бесприданницы» А.Н. Островского: «Так не доставайся ж ты никому!» (V, 11). Премьерные спектакли состоялись осенью 1878 г., а в следующем году пьеса была опубликована (см.: Отчужденные записки. 1879. № 1). Видимо, эта реплика переходит в роман как эффектный драматический ход, дополнительно мотивирующий последующее убийство, и затем воспроизводится в последующей литературной «разиниаде».

БАЛЛАДЫ МЕЛЬНИКОВА,
САДОВНИКОВА И РЫСКИНА

В 1881 г. издается, наконец, ранее запрещенное стихотворение Пушкина о Стеньке Разине и плененной персидской царевне, а годом раньше в печати появляется новый перевод глав из книги Стрэйса, относящихся к России. Он был сделан историком П.О. Юрченко¹ с очень неточного французского перевода 1682 г.², в котором соответствующее описание обогатоено рядом деталей, отсутствующих в тексте оригинала³, — очевидно, для пояснения тех обстоятельств, которые, с точки зрения переводчика, могли оказаться недостаточно понятными его читателям. Вот, скажем, как выглядит монолог Разина в тексте Стрэйса и в этом переводе:

«Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести и славы, и тыфу! на меня за то, что я до сих пор ничего не принес в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу больше быть неблагодарным» (исходная редакция Стрэйса).

«Нужно признаться, ни одна река не может сравниться с тобой и нет славнее тебя. Чем только я не обязан тебе за то, что ты доставила мне столько случаев отличиться, и за то, что дала средства скопить столько сокровищ? Я обязан тебе всем, что имею, и даже тем, чем я стал. Но, в то время как ты составляешь мое богатство и осыпашь меня благодеяниями, я испытываю неприятное чувство неблагодарности. Хотя бы это про-

¹ Юрченко П. О путешествии по России голландца Стрэйса // Русский архив. 1879. № 7. С. 266–269.

² Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes et en plusieurs autres pays étrangers. Vol. 1–3. Lyon, chez C. Rey et L. Plaignard, 1682.

³ Морозов А. Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие // Стрейс Я. Три путешествия / Введение А. Гайсиновича; пер. [с нидерл.] Э. Бородиной; ред., [вступ. ст., примеч.] А. Морозова. М.: ОГИЗ: СОЦЭКГИЗ, 1935 (Иностранцы путешественники о России). С. 28–29.

изошло от бессилия, оно все-таки не оправдывает меня и не лишает тебя права жаловаться на меня. Ты, может быть, поступаешь так даже теперь, когда я говорю, и мне кажется, что я слышу твои жалобы и упреки за то, что я не позаботился предложить тебе что-нибудь. Ах, прости, любезная река! Я признаюсь, что обидел тебя, и, если этого признания недостаточно, для того чтобы успокоить твой справедливый гнев, я предлагаю тебе от чистого сердца то, что мне дороже всего на свете. Нет более достойного изъявления моей благодарности, и ничто не может лучше выразить мое почтение за милости, которыми ты осыпала меня» (пер. Юрченко, сделанный с французского перевода).

Сам Юрченко замечает по данному поводу: «Эта речь, действительно странная в устах казака вследствие искажения иностранцев, переделана господином Костомаровым, которому следовали Афанасьев и другие»⁴; под «иностранцами», по-видимому, надо понимать и Стрёмса, и его французского переводчика.

Не исключено, что опубликование пушкинского текста побудило взяться за перо еще одного литератора — С.Н. Мельникова, казанского поэта, переводчика, театрального критика⁵, также собиравшего пре-

⁴ Русский архив. 1880. Т. I. С. 91–92.

⁵ О Сергее Николаевиче Мельникове (1862–?) известно мало. Родился в Стерлитамаке, окончил 3-ю Казанскую гимназию и Казанский университет. В газете «Волжский Вестник» за 1883 г. печатались его стихи и критические обзоры шекспировских спектаклей на казанской сцене, он переводил пьесы Гауптмана и Стриндберга, монологи из «Гамлета» (см.: Волжский Вестник, № 20, 39 за 1884 г.), затем перебрался в Москву, где играл в театрах под сценическим именем Покровский, продолжал переводить Шекспира и скандинавских драматургов. Далее следы его теряются, дата смерти не установлена. Благодарю В.Ф. Шевченко (Москва / Ульяновск), Э.И. Амерханову (Казань) и Г.Г. Суперфина (Бремен), поделившихся со мной сведениями об этом поэте. О «Волжском Вестнике» см.: Курбакова Е.В. Казанская периодическая печать 1883–1884 годов о деятельности органов общественного управления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 2. С. 43–51.

дания о Разине и написавшего цикл стихов на данном материале⁶.

Нынешним летом случилось мне услышать от Камышенского рыбака, Арсения Рязанова, 70-ти летнего старика, целый цикл преданий про Степана Разина. Я записал 23 предания, которые и намерен изложить в стихотворной форме, сохраняя первообразную красоту выражений и общего склада. Некоторые сказания как, например, помещаемое ниже, содержат намеки на исторические события⁷.

Название его баллады «Атаман» является, видимо, отсылкой к лермонтовскому «Атаману», причем у Мельникова герой на протяжении довольно длинного стихотворения (162 строки) назван по имени только раз («То пирует с шайкой дикой / На водах реки великой / Разин-атаман»); в прочих шести случаях он, как и у Лермонтова, зовется просто «атаман» — уже говорилось, что подобное обозначение этого героя становится обычным для последующей поэтической традиции. Объем, столь значительный для лирического произведения, достигается за счет весьма пространных описаний, в конечном счете восходящих к книге Стрёмса, точнее — к ее французскому и последующему русскому переводу; ср., например:

Мы видели его на шлюпке, раскрашенной и отчасти покрытой позолотой (Корнилович).

...На атаманском струге <...> были веревки и канаты свиты из шелка, а паруса сделаны из дорогих персидских тканей (Костомаров).

Казаков толпа лихая, / С песней весла поднимая, / По бортам сидит. / Золотой парчой, камнями, / Алым шелком, соболями / Их наряд блестит. / И лежит под их ногами / Ценный бархат, меж скамьями / Грязный пол устлав (Мельников).

⁶ Изданы в качестве приложения в кн.: Садовников Д.Н. Песни Волги / Сост. В.С. Терновский. СПб., 1913. С. 4–26 (3-я паг.; № 1, 3–6).

⁷ Там же. С. 20.

Текст Мельникова появился в том же «Волжском Вестнике»⁸, что и несколько месяцев спустя стихотворение Садовникова. Хотя свою роль в сюжетной разработке обоих произведений мог сыграть напечатанный незадолго до этого перевод Юрченко, непосредственным источником для обоих поэтов послужили не сами мемуары Стрёйса (точнее, их французские или русские переводы), а пересказ рассматриваемой легенды в книге Н.И. Костомарова. В этом плане приходится с некоторым сомнением отнести к словам Мельникова об изложении в стихотворной форме только тех преданий, которые были им записаны от старого камышинского рыбака, — слишком уж несомненна зависимость баллады от соответствующих фрагментов в труде историка (см. табл. XIII).

Столь же очевидна связь между стихотворениями Мельникова и Садовникова, что в полной мере осознавалось редакцией «Волжского Вестника», специально предупреждавшей об этом:

В № 1 нашего журнала уже была помещена легенда о Стеньке Разине и персидской княжне [имеется в виду «Атаман» С.Н. Мельникова]. Смеем думать, что читатель не посетует на нас за помещение вторично той же легенды, в обработке нашего талантливого поэта Д.Н. Садовникова⁹.

Впрочем, характер творческого соревнования поэтов все-таки не вполне ясен. Можно лишь констатировать, что версия Садовникова, появившаяся на пару месяцев позднее, по крайней мере, учитывает наличие текста Мельникова (видимо, известного Садовникову еще до публикации), а то и прямо опирается на него¹⁰. Действительно, Мельников, вводя свою герою-

⁸ Мельников С. Атаман // Волжский Вестник. 1883. № 1. С. 15–16.

⁹ Волжский Вестник. 1883. № 12 [март]. С. 261; Терновский В.С. Маленькая заметка // Садовников Д.Н. Песни Волги. С. 3.

¹⁰ «Непосредственным источником стихотворения Садовникова явилась публикация в “Волжском Вестнике” (1883, № 1)», т.е. эта самая баллада Мельникова (Песни русских поэтов: В 2 т. /

ню в повествование, считает нужным снабдить ее исчерпывающей характеристикой («То добыча атамана, / Дочь убитого им хана, / Пленная княжна»); Садовников же говорит о ней как о персонаже, уже известном читателю («На переднем Стенька Разин, / Обнявшись с своей княжней...»). Напомню: напечатаны оба текста на страницах одного и того же «Волжского Вестника», причем в близко стоящих номерах журнала. Создается впечатление, что более раннее появление весьма пространной версии Мельникова избавляет Садовникова от необходимости столь же подробно описывать все обстоятельства этой истории.

Таблица XIII

Костомаров	Мельников	Садовников
...на атаманском струге <...> были веревки и канаты свиты из шелка. а паруса сделаны из дорогих персидских тканей. <...> Козаки пили, ели, прохладжались.	Вверх по Волге поднимаюсь, / Выплывает струг. <...> / Крики пьяного похмелья, / Говор шумного веселья / Слышатся на нем. / То пирует с шайкой дикой / На водах реки великой / Разин-атаман. <...> / И лежит под их ногами / Ценный бархат, меж скамьями / Грязный пол устлав. <...> / В блеске прелести унылой, / Взор чаруя с тайной силой / Дивной красотой <...> / То добыча атамана, / Дочь убитого им хана, / Пленная княжна. Неподвижна,	Из-за острова на стрежень, / На простор речной волны / Выбегают расписные, / Острогрудые челны. / На переднем Стенька Разин, / Обнявшись с своей княжней, / Свадьбу новую справляет, / И веселый и хмельной. / А княжна, склонивши очи, / Ни жива и ни мертва, / Робко слушает хмельные, / Неразумные слова. / <...> / «Ишь ты, братцы, атаман-то / Нас на бабу променял! / Ночку с нею повозился — / Сам наутро бабой стал. / Ошалел...»

Вступ. ст., сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. В.Е. Гусева. Л.: Сов. писатель, 1988 (Биб-ка поэта). Т. II. С. 470).

	молчалива, / С выражением тоскливым / На лице своем, / С чудным взором, станом дивным, / В золотом венце, покрыта / Светлой тканью аксамита, / Шитой серебром <...> /	Насмешки, шепот / Слышит пьяный атаман — / Персиянки полоненной /
Возле Стеньки сидела его любовница, пленная персидская княжна. Она была одета великолепно, в вышитое золотом и серебром платье; жемчуги, брильянты и разные драгоценные камни придавали блеск ее природно, ослепительной красоте. Уже замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана. Вдруг, упившись до ярости, Стенька вскакивает со своего места, неистово подходит к окраине струга и, обращаясь к Волге, говорит: «Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата. и серебра, и всего доброго: как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем	Вся в сиянии переливном / Дорогих камней <...> / «Персиянкой очарован, / Крепкой женской цепью скован / Ясный сокол наш! / Эх, ребята, плохо дело, / Коль и им уж овладела / Женская рука. / Вот, поддался ж бабьей воле, / А за то же сам давно ли / Вешал казака!» <...> / Услыхав такая речи, / Атаман приподнял плечи, / Голову назад / Вдруг откинул, задрожали / Губы, щеки запылали, / Загорелся взгляд. / Он ударил в борт ногою, / Поднял руку над водою, / Голос зазвучал / «Ах ты, Волга, мать родная, / Много видел от тебя я / Доброго всегда; / С тихой ласкою качала, / Никогда не разбивала / Ты мои суда. / На водах твоих со славою / Я врагов в борьбе кровавой /	Крепче обнял полный стан / Гневно кровью налился / Атаманы глаза, / Брови черные нависли, / Собирается гроза... / «Эх, кормилица родная, / Волга матушка-река! / Не видала ты подарков / От донского казака!.. / Чтобы не было зазорно / Перед вольными людьми, / Перед вольною рекою — / На, кормилица... возьми!» / Мощным взмахом поднимает / Полоненную княжну / И, не глядя, прочь кидает / В набежавшую волну... / «Что затихли, удалые?.. / Эй ты, Фролка, черт, пляши. / Грянь, ребята, хоровую / За помин ее души!...»

не поблагодарил: на ж тебе, возьми!» Он схватил княжну одной рукою за горло, другою за ноги и бросил в волны.

Часто побеждал; / Дань с богатых караванов / И с персидских славных ханов / Часто собирал. / Волга! ты дала мне много / Злата, серебра, инаго / Всякого добра; / И во всем-то, голубая, / Для меня, как мать родная, / Ты была щедра! / Что тебе спасибо, Волга, / Не говаривал я долго, / В том ты не кори — / Лучший клад, что я имею, / Для тебя не пожалю: / На ж тебе — бери!» / И могучею рукою / Приподняв над головою / Бледную княжну, / Обомлевшую от страха, / Быстро он ее, с размаха, / Бросил в глубину...

Несомненно влияние на балладу Мельникова соответствующего эпизода из только что вышедшего романа Соколова — в частности, в описании переживаний пленной княжны (см. табл. XIV):

Таблица XIV

Мельников	Соколов
Оперлась она угрюмо / На ладонь, умчавшись думой / В дальний край родной. / <...> / О блаженстве миновавшем, / О бесчестии наставшем / Думает она. / <...> / Неподвижна, молчалива, / С выражением тоскливым / На лице своем, /	Но еще мрачнее сидела несчастная княжна, подперев рукою свою голову. О чем думала она среди этой буйной ватаги? Вся жизнь ее проносилась перед нею. Жизнь легкая, роскошная, богатая, много обещающая...

С чудным взором, станом дивным, / <...> / Меж разбойников сидела / И как будто онемела / В красоте своей.

А теперь?.. Она поругана, опозорена, наложница убийцы и разбойника¹¹.

Очевидна также и опора обоих стихотворений и на костомаровскую интерпретацию легенды — следы этой интерпретации совершенно очевидны и у Садовникова и особенно у Мельникова; кстати, с Костомаровым Садовников был в переписке, именно под его влиянием формировались фольклористические взгляды поэта¹². Центральный мотив у Мельникова — Недостойная казачья зависимость от женщины («Персиянкой очарован, / Крепкой женской цепью скован / Ясный сокол наш! / Эх, ребята, плохо дело, / Коль и им уж овладела / Женская рука») — явно инспирирован костомаровской трактовкой события: «Уже замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана». У Садовникова данный мотив преобразуется весьма характерным образом, и на его месте появляется несколько иной: Ревность со стороны «вольных людей», вызванная любовью атамана к прекрасной пленнице («Ишь ты, братцы, атаман-то / Нас на бабу променял!»), имеющий, как далее выясняется, богатые перспективы сюжетного разворачивания (см. табл. XV).

Таблица XV

Костомаров ⇔	Мельников ⇔	Садовников ⇔
Увлечшись сам на время красотой пленницы, атаман, разумеется, должен	Персиянкой очарован, / Крепкой женской цепью скован / Ясный	Ишь ты, братцы, атаман-то / Нас на бабу променял! / Ночку с нею

¹¹ Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина: (Историч. роман). СПб.: Типолит. П.И. Шмидта, 1880. С. 136 [= М.: Тип. Вильде, 1906].

¹² Толстухина А.О., Смолицкий Г.А. Садовников Дмитрий Николаевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. V. М.: Российская энциклопедия, 2007. С. 443–444.

был возбудить укору и негодование в тех, которым не позволял того, что дозволил себе

сокол наш! / Эх, ребята, плохо дело, / Коль и им уж овладела / Женская рука. Вот, поддался ж бабьей воле, / А за то же сам давно ли / Вешал казака!

повозился — / Сам наутро бабой стал... / Ошалел...

Тот же «садовниковский» мотив («Нас на бабу променял!»), но в трансформированном виде обнаруживается в историческом романе А.Е. Зарина «Кровавый пир» (1901)¹³, хотя описание самой коллизии опять-таки строится на беллетристической интерпретации рассуждений Костомарова (см. табл. XVI):

Таблица XVI

Костомаров:	Зарин:
Стенька наказывал строго других за то, что себе позволял, [и, соответственно] <...> должен был возбудить укору и негодование в тех, которым не позволял того, что дозволил себе, и, быть может, чтоб показать другим, как мало он может привязаться к женщине, пожертвовал бедною персиянкою своему влиянию на козацкую братию (Кост. С. 375–376).	Среди пьяных вдруг послышались голоса: «Неправедно, атаман!» — «Чего нас дразнишь?» Разин отшатнулся от девушки и мутным взором обвел кружок: «О чем шумите? Что неправедно?» — «А то, — заговорил Ус, — что с девкой хороводишься». — «Нам не велишь, а сам бабничаешь!<...> «Обабишься и нас покинешь. Ну ее!» Стенька Разин вскочил на ноги. «А и ну ее вправду!» — вскрикнул он и вдруг нагнулся, ухватил красавицу за косу и за ноги, взмахнул и бросил в Волгу.

¹³ Зарин А.Е. Кровавый пир (1669–1672 гг.): Бунт Стеньки Разина: Исторический роман в 6 ч. Ростов-н/Д.: Ф.С. Романович, 1901 (= Зарин А.Е. Кровавый пир: Роман; Мордовцев Д.Л. За чьи грехи?: Повесть. М.: Современник, 1994. [Золотая летопись России]). Об Андрее Ефимовиче Зарине (1863–1929), авторе ряд романов, повестей и рассказов, редакторе «Звезды», журнале «Живописный Обзорения» и других изданий, см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XII (23). СПб.: Семеновская типолит. (И.А. Ефрона), 1894. С. 298.

Экспрессивный жест «Он ударил в борт ногою...» как выражение гнева Разина (у Мельникова) является следующей ступенью переосмысления детали, возникшей, напомним, в результате семантического сдвига при переводе с голландского на французский и далее транслируемой в традиции через Корниловича и Костомарова.

Au fort de l'yvresse il s'apuia sur le bord de la Barque... (Amsterdam, 1742).

Распаленный вином, он сел на край шлюпки... (Корнилович).

Вдруг, упившись до ярости, Стенька вскакивает со своего места, неистово подходит к окраине струга... (Костомаров).

Атаман приподнял плечи, / Голову назад / Вдруг откинул, задрожали / Губы, щеки запылали, / Загорелся взгляд. / Он ударил в борт ногою... (Мельников).

Не исключено также, что стихотворение Мельникова содержит и некоторые элементы рассмотренной выше «народной» версии П.Я. Якушкина (1868)¹⁴. Это можно предположить благодаря близкой и особенно подробной сюжетной детализации, ранее не встречавшейся в других редакциях легенды (см. табл. XVII).

Таблица XVII

Якушкин	Мельников
...захватил Стенька Разин себе полюбвицей дочку самого султана персидского <...>	То добыча атамана, / Дочь убитого им хана, / Пленная княжна.
...за правую ручку ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жемчугах вся и золоте, а собой-то раскрасавица!..	В золотом венце, покрыта / Светлой тканью аксамита, / Шитой серебром / <...> / Вся в сияньи переливном / Дорогих камней / <...> / В блеске прелести унылой, / Взор чаруя с тайной силой / Дивной красотой...

¹⁴ Якушкин П.Я. Путевые письма из Астраханской губернии // Соч. / Вступ. ст., коммент. З.И. Власовой. М.: Современник, 1986. С. 319–321.

...Что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все с своей полюбвицей-султанкой возится! <...> «...хочешь нам атаманом быть — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой седи!.. А мы себе атамана выберем настоящего... Атаману под юбкой у девки сидеть не приходится!»	«Персиянкой очарован, / Крепкой женской цепью скован / Ясный сокол наш! / Эх, ребята, плохо дело, / Коль и им уж овладела / Женская рука. / Вот, поддался ж бабьей воле...»
«Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка!.. — говорит Разин. — Много я тебя дарил-жаловал; хлебом-солью, золотом-серебром, камнями самоветными...»	...Голос зазвучал: / «Ах ты, Волга, мать родная, / Много видел от тебя я / Доброго всегда / <...> / Волга! ты дала мне много / Злата, серебра, иного / Всякого добра; / И во всем-то, голубая, / Для меня, как мать родная, / Ты была щедра!
а теперь от душа рву да тебе дарю!..»	Что тебе спасибо, Волга, / Не говаривал я долго, / В том ты не кори — / Лучший клад, что я имею, / Для тебя не пожалю: / На ж тебе — бери!»
Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу!..	И, могучею рукою / Приподняв над головою / Бледную княжну, / Обомлевшую от страха, / Быстро он ее, с размаха, / Бросил в глубину...
А на султанке было повешано и злата, и серебра, и камня разного самоцветного, так она как ключ ко дну и пошла!..	Всплеск... И будто гнева полны, / Расступились шумно волны / И, сомкнувшись вдруг, / Кольяхаясь, улеглись...
«Хорошо, казаки-атаманы?» — спросил Разин, а те... архирея сразили... сам знаешь, какой народ есть...	Взор к ватаге пораженной / Обративши исступленный, / Молча атаман / Нацедил рукой дрожащей / Влагодой, пеною кипящей, / Золотой стакан...

Помимо названных источников (прямых и косвенных) свою роль для Садовникова сыграли и его собственные записи народных преданий о Разине, о чем

говорят отдельные, правда немногочисленные отсылки к этим устным текстам (Сад. С. 128 [№ 110]): «Г р я н ь, р е б я т а, хоровую / З а п о м и н е е д у ш и!..» (стихотворение) — «Ну, ребята, поминайте Абсалямку за покой его души!» <...> «Г р я н е м, р е б я т а! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а наутро будем в Рыбинском!» (предание). Обратим, однако, внимание, что выражение *грянь, ребята* поэт использует в другом смысле по сравнению с фольклорным текстом, в котором призыв *грянем, ребята!* значит не 'громко запоем' (как в стихотворении), а 'наляжем на весла' (специфически волжский диалектизм¹⁵). В том же значении данное выражение употребляется в старинной песне «Вниз по матушке по Волге...», как говорилось, по-видимому связанной с разинским циклом: «Мы прогрянемте, робята, / Вниз по матушке по Волге»¹⁶; у нас еще будет случай вернуться к этому тексту; ср. также: «В 1668 году смелый атаман пригрянул к персидским берегам»¹⁷.

Примечательно, наконец, что у Садовникова в обращении к Волге Стенька Разин специально рекомендует себя как «донского казака». Хотя это в полной мере соответствует исторической реальности (Разин действительно был родом с Дона), подобное уточнение в развитии нашей легенды встречается впервые; не исключено, что оно понадобилось автору в качестве дополнительной мотивации поступка героя. В «послекостомаровских» версиях тема жертвоприношения окончательно отодвигается на второй план, будучи вытеснена проблемами взаимоотношений атамана с

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, 1972. С. 191.

¹⁶ Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышев; вступ. ст. Н.П. Андреева. [Л.:] Сов. писатель, 1936. С. 184–185. (№ 178).

¹⁷ Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб., 1909 (гл. «Разин»). Цит. по: http://knigolubu.ru/russian_classic/krasnov_pn/kartinyi_byilogo_tihogo_dona.7748/?page=22.

«вольными людьми» и соблюдения антифеминистического казацкого кодекса, — тогда причиной утопления княжны становится именно данный конфликт. Однако эффектное обращение к Волге литературная традиция обычно сохраняет (в отличие от устной — за исключением, пожалуй, только «версии Дюма»). Не составляет исключения здесь и Садовников, который при этом, видимо, чувствует недостаточную логическую обоснованность данного фрагмента и пытается укрепить ее. Соответственно Разин у него одаривает Волгу еще и потому, что, будучи человеком не местным, чужаком, он должен отблагодарить хозяйку за оказанное гостеприимство. Впрочем, наличие данного мотива еще в пересказе Дюма (вряд ли известном Садовникову), причем в гораздо более отчетливой форме («ты защищала меня, сына Дона, как если бы я был одним из твоих сыновей»), позволяет предположить, что и здесь возможна опора на какой-то фольклорный прототип.

В 1888 г. появляется баллада С.Ф. Рыскина на тот же сюжет¹⁸. Повествование здесь вкладывается в уста некоего условного рассказчика, знатока старины («Эх, дружок, прошло что было, — / И былъем позаросло...»), а тональность — не высокая, романтическая, как практически во всей предшествующей поэтической традиции, а сниженная, ироническая, в некотором смысле предрекающая пародирование легенды, которое будет происходить в XX в. Нет никакого конфликта с «ребят-

¹⁸ Рыскин С.Ф. Стенька Разин (Бурлацкая сказка) // Первый шаг: Собр. стихотворений. М.: Изд. книгопродавца А.Д. Преснова, 1888. С. 148–150. Я не нашел более ранних изданий данного стихотворения, кроме как в этом единственном прижизненном сборнике поэта, хотя совсем не исключена более ранняя журнальная публикация, и, уж во всяком случае, его более раннее написание еще ближе по времени к появлению в «Волжском вестнике» произведений Мельникова и Садовникова. Сергей Федорович Рыскин (1859–1895) — популярный в свое время писатель и журналист, стихи которого читались с эстрады, а будучи положены на музыку, становились народными песнями («Удалец», «Стенька Разин», «Бродяга» и др.) и включались в песенники, иногда в фольклоризованных вариантах.

ками», Степе (так он зовется в этом стихотворении) просто надоедает вечно плачущая девица, и, вспомнив, что пора отдаривать Волгу, он бросает ее в реку со словами: «Мила ты шаху, / Не мила ты казаку!..» В конце, однако, интонация меняется, и возникает новый для данной традиции демонологический мотив ут пленницы, показывающейся ночами из воды:

Извелися атаманы... / Извели их топоры... / И на Волге караваны / Безопасны с той поры... / Но навстречу грузных барок, — / Доводилось видеть нам, — / Степы Разина подарок / Выплывает по ночам...

«ЗАЗНОБА» РАЗИНА: ВЕРСИИ КОЛЬЦОВА, ДЮМА,
САДОВНИКОВА И РЫСКИНА

Вернемся к истории ухода героини из родительского дома согласно легенде, изложенной Дюма, которая имеет ряд значимых балладно-новеллистических параллелей, литературных и фольклорных. Конечно, вспоминается пушкинский «Дубровский» (1833). Как и Разин из «версии Дюма», герой романа, «благородный разбойник», под чужим именем проникает в дом отца своей возлюбленной; прежде чем покинуть его, открывается ей; она готова бежать с ним; он пытается похитить ее, уже обвенчанную. При этом матримониальные намерения героя можно представить как одну из алломорф мотива вор притворяется женихом девушки и приходит за ней (Mot. K311.8.3).

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец... — Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться... <...> Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский (гл. XII).

Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала <...> и все еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее. <...> Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: «Вы свободны, выходите». — «Что это значит, — закричал князь, — кто ты такой?..» «Это Дубровский», — сказала княгиня (гл. XVIII)¹.

¹ Пушкин А.С. Дубровский // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. IV: Художественная проза. С. 286, 310–311.

Итак, в основе нашего предания лежит тема проникновения разбойника в дом будущей жертвы (Mot. K310) и ее конкретная сюжетная реализация: чтобы достичь намеченной цели, разбойник переодевается купцом (Mot. K311.14).

Существует рассказ о том, как Разин вошел со своим отрядом в некий персидский город (видимо, Фарабат²), успокоил перепуганных жителей, говоря, что собирается здесь только делать покупки (т.е. некоторым образом выдавая себя за «человека торгующего»), а затем, усыпив их бдительность, учинил резню и грабеж; подобную хитрость он применял неоднократно.

Жители одного городка в Персии, прослышав о его приближении, укрылись в соседней крепости. Тогда Стенька известил их, что нет надобности им опасаться, и предложил воротиться, обещая, что от него и людей его не будет им никакого зла, а что, дескать, они купят у них за деньги провиант и другие нужные им вещи. Жители воротились с полным доверием и открыли лавки, где Стенька и солдаты его покупали, что им требовалось, и платили сполна за купленное. Но вскоре Стенька подал знак казакам своим, а был у них уговор, что когда, идучи по базарной площади, сдвинет он шапку на условленный лад, то надлежит им броситься и перебить всех жителей, что в точности и было исполнено, а после повторено в других местах на границе с Персией³.

Данный рассказ, по происхождению устный меморат, который на самом деле никак не мог принадлежать участнику событий, а следовательно, уже не единожды

² Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1968 (далее — Записки иностранцев). С. 120; Попов А.Н. История возмущения Стеньки Разина. М.: Тип. А. Семена, 1857. С. 39–40; [Chardin J.] Voyages du Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. Vol. X. Paris, 1811. P. 135–138.

³ Сообщение... С. 107–108.

пересказывался⁴, был включен в анонимное «Сообщение...» 1671 г. и далее без существенных изменений неоднократно воспроизводился другими авторами⁵. Разинский трюк с переодеванием разбойника в купца фольклорная традиция сохранила вплоть до XX в.

Взял трех с собою и поехал. Приехали в Сызрань, нарядились купцами и спрашивают: где разбойник Абсаламка. Все знали и указали, в какой лес ехать (Сад. С. 128 [№ 110]).

Повели бурлаки свои барки дальше. В Астрахани <...> увидели того же странника, но не в том виде, каким он показался в Жигулевских горах. Личность-то его, но вид одежды не тот. Обряжен, как солидный купец. «Вот вам, братцы, на штоф, и, если вы хотите разгадать, кто я есть, я вам скажу. Я есть атаман Волги — Степан Разин» (Сид., Круп. № 110).

Пленение персиянки никак не соединено с этим преданием, однако именно из персидского похода, одним из важных эпизодов которого является разорение Фарабата, и была, согласно легенде, вывезена пленница. Главное же: Стенька предстает здесь как разбойник, который проникает на территорию своих будущих жертв якобы с торговыми целями, что полностью соответствует указанным фольклорным мотивам, причем едва ли не самым известным произведением, включающим подобный сюжетный ход, является «Рассказ про Али-Бабу, сорок разбойников и невольницу Марджану»⁶ (AaThUth 954; Mot. K312).

⁴ Косвенно о том же свидетельствует замечание, что подобную хитрость Разин применял неоднократно «во многих других местах, а также на индийской границе» (Стрейс Я. Три путешествия. Введение А. Гайсиновича / Пер. [с нидерл.] Э. Бородиной; ред., [вступ. ст., примеч.] А. Морозова. М.: ОГИЗ: СОЦЭКГИЗ, 1935 (Иностранцы путешественники о России). С. 200).

⁵ Там же. С. 199–200; Сумароков А. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб.: При Импер. Академии наук, 1774. С. 4–5.

⁶ Али-Баба и сорок разбойников // Избранные сказки и рассказы из «Тысячи и одной ночи» / Пер. с араб. М. Салье М.: АСТ; Ермак, 2003 (Мировая классика).

Сам атаман надел платье богато купца и погнал мулов в город. Наступал вечер, уже темнело. Атаман направился прямо к дому Касима и увидел, что у ворот сидит человек, веселый и приветливый. Это был Али-Баба. Атаман подошел к нему и низко поклонился, коснувшись рукой земли. «Добрый вечер, почтенный купец, — сказал он. — Я чужеземец, из далекой страны. Я привез запас дорогого масла и надеялся продать его в вашем городе. <...> Не позволишь ли ты мне провести у тебя одну ночь?»

Эта «криминальная история», по выражению М. Герхардт⁷, не вошедшая в общеизвестную «египетскую» редакцию «Тысячи и одной ночи»⁸, была тем не менее в распоряжении французского ориенталиста, путешественника, ученого, библиотекаря и собирателя редкостей Антуана Галлана (1646–1715), первого переводчика знаменитого литературного памятника, двенадцатитомное издание которого пользовалось огромным успехом, по крайней мере, до середины XIX в.⁹ и Дюма, конечно, знал не только эту книгу (см. в его изложении легенды: «Бандит обладал диковинами из “Тысячи и одной ночи”»), но и эту сказку¹⁰ — одну из самых попу-

⁷ Герхардт М. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи». М.: ГРВЛ–Наука, 1984. С. 148–149.

⁸ Салье М. Послесловие // Книга тысячи и одной ночи: В 8 т. / Пер. с араб. М.А. Салье. М.: ГИХЛ, 1958–1959. Т. 8. С. 431–432; Герхардт М. Искусство повествования. С. 157–161.

⁹ Les mille et une Nuit: Contes arabes. Traduits par Antoine Galland. Т. I–XII. Paris, 1704–1717; Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе / Пер. с ит. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 54, 56–58; Полевщикова Е.В. Об экземпляре «Различных портретов» в библиотеке Воронцовых // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці: Матеріали Міжнародних книгознавчих читань (м. Одеса, 14–16 верес. 2009 р.): [Зб. ст.] / Упоряд.: О.В. Полевщикова, В.В. Самодурова, О.В. Суровцева; наук. ред. І.С. Гребцова; відп. ред. М.О. Подрезова. Одес. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. Одеса: Астропринт, 2010. С. 253–254.

¹⁰ Ali Baba et les Quarante Voleurs // Les mille et une Nuit: Contes arabes. Traduits par Antoine Galland. Т. I–XII. Paris, 1704–1717 (nouv. éd. revue et préfacée par G. Picard. Paris, 1955). Т. VI. P. 342–432.

лярных в собрании. Данное обстоятельство опять-таки не исключает возможности произвольной «нарративной подсказки», идущей от запомнившейся литературной модели, и внесения в пересказ ранее услышанного предания некоторых отсутствовавших в нем деталей. Однако более широкий литературный контекст позволяет иначе истолковать их появление.

В стихотворении А.В. Кольцова «Стенька Разин» (1838)¹¹ знаменитый разбойник влюбляется в дочку «гостя новгородскова» и предлагает ей, покинув отца, бежать из своего терема, от чего она, в противоположность героине «версии Дюма», отказывается, опасаясь «суда страшнова»:

В некрещеном славном городе, / На крутом, высоком острове / Живет девушка-красавица. / Дочка гостя новгородскова... / <...> / «Ах, душа ль моя ты, душенька! / <...> / Не сиди, не плачь; ты кинь отца; / Ты беги ко мне из терема; / Мы с тобою, птицы вольные, / Жить поедем в Москву красную». / Отвечает ему девица: / «За любовь твою, мой милый друг, / Рада кинуть отца с матерью; / Но боюсь суда я страшнова!»

Дело, видимо, не только в страхе перед грядущим наказанием за сам проступок, но и в нежелании связывать свою судьбу с великим грешником, каковым в народной традиции часто представляется Разин; напомню, что вообще существует устойчивая связь имени Разина с понятием **С т р а ш н о г о с у д а** («Здесь я буду жить до второго пришествия, до Суда Страшного; тогда судьба моя окончательно решится, тогда и муку мне положат настоящую, по делам моим, какую заслужил» [Жел. С. 60]). Весь антураж стихотворения (терем, расположенный в «славном городе, на крутом, высоком острове»; девушка, поющая под окном «песни задушевные», «наши братские-отцовские»), логическая несогласованность фрагментов «наивной» картины мира (дочь новгородского купца из «некрещеного»

¹¹ Кольцов А.В. Стенька Разин // Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1953. С. 214–215. (Биб-ка поэта).

г о р о д а), наконец, обилие устойчивых формул поэтического языка (*добрый молодец, леса темные, птицы вольные* и др.) с большой степенью вероятности говорят об устном источнике данного произведения. Не исключено, что упоминание «некрещеного славного города», в котором живет девица, объект любовных посягательств Стеньки, есть отзвук фольклорного сюжета о полоненной в Персии красавице княжне.

Обращение к фольклору органично для Кольцова, вообще опиравшегося на устную традицию, писавшего в жанре «русской песни»¹² и даже специально занимавшегося записью народных песен¹³. Что же касается сюжета стихотворения, то он в полной мере соответствует топике преданий о Разине — похитителе дочерей и жен богатых горожан, например: «взял купеченскую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жегулинские горы» (Сад. С. 123 [№ 110]). В последнем случае опять-таки обнаруживаются совпадения с «версией Дюма» — вплоть до разбойничьего стана в Жигулевских горах, куда атаман привозит любовницу, а основное различие между текстами — в способе овладения желанной женщиной (*п о х и щ е н и е* vs *о б о л ь щ е н и е*, хотя в определенном смысле *о б о л ь щ е н и е* можно считать вариантом *п о х и щ е н и я*, смягченным в угоду лирическому жанру).

В балладе Д.Н. Садовникова «Зазноба» (1882)¹⁴ Разин, как и у Дюма, «переряжен купцом» и лишь в финале раскрывает свое инкогнито, а объектом его посягательств является «зазнобившая» атамана «раскрасавица Алена»,

¹² Гусев В. Песни, романсы, баллады русских поэтов // Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. В.Е. Гусева. Л.: Сов. писатель, 1988 (Биб-ка поэта). Т. I. С. 23–24.

¹³ Тонков В.А. А.В. Кольцов и фольклор. Воронеж: Воронеж. обл. книгоизд., 1940; Азадовский М.К. История русской фольклористики. Т. II. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1963. С. 211, 335, 344–346.

¹⁴ Садовников Д.Н. Зазноба // Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Биограф. справки, подгот. текста и примеч. В.Г. Базанова, Б.Л. Бессонова и А.М. Бихтера. Л.: Сов. писатель, 1968 (Биб-ка поэта). № 409.

уже не дворянская или купеческая дочь, но «чужемужная жена»; таким образом, «грех великий», в который вводит ее соблазнитель, здесь гораздо более очевиден, чем в случае с дочерью, сбежавшей от отца к любовнику.

«Говорю тебе — уйди! / Не гляди так смело в очи, / В грех великий не вводи!..» / — «Ну, коль этак, — молвит Стенька, — / Так на чью-нибудь беду / Я непрошенный сегодня / Ночью сам к тебе приду». / <...> / «Что ты делаешь, разбойник? / Ну проснется, закричит!..» / — «Закричит, так жив не будет... / Пусть-ка лучше помолчит. / Не ошиблась ты словечком, — / Что вводить тебя в обман: / Не купец — казак я вольный, / Стенька Разин — атаман!»

Угроза («так на чью-нибудь беду... так жив не будет») имеет под собой некоторые основания. Практически одновременно на тот же сюжет создается баллада С.Ф. Рыскина «Удалец» (1882)¹⁵, в которой все этапы разбойного похищения возлюбленной описаны вполне прозрачно.

Живет моя зазноба в высоком терему <...> / При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца, / Но он не остановит детину-удальца: / Короткая расправа с ним будет у меня — / Не скажет он ни слова, отведав кистеня!.. / <...> / И выйдет мне навстречу, и хилый и седой, / Постылый муж зазнобы, красотки молодой, / И он не загородит собой дороги к ней!.. / <...> / Войдет тогда к желанной лихая голова, / Промолвит: будь здорова, красавица вдова!.. / Бежим со мной скорее, бежим, моя краса, / Из терема-темницы в дремучие леса!..»¹⁷

¹⁵ Рыскин С.Ф. Удалец // Песни русских поэтов. № 622.

¹⁶ Ср.: «Проснется ли старый — мечом уложу» (Пушкин А.С. Я здесь, Инезилья <1830> // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. III: Стихотворения. 1827–1836. С. 191).

¹⁷ В популярном романе на эти слова («Живет моя отрада в высоком терему...»; муз. М.Д. Шишкина) авторский текст чуть ли не вчетверо сокращается, а драматические подробности его сюжета исчезают; на эстраде романс исполняли Варя Панина, Лидия Русланова, Тамара Церетели, Клавдия Шульженко, Вадим Козин (см.: Баделин В.И. Земля Иванов: Историко-литера-

Как и у Лермонтова, герой здесь назван не Разиным, а «атаманом» и «удальцом», однако совпадение фабульных опор и ряда значимых деталей позволяет включить балладу Рыскина в одну тематическую группу со стихотворениями Кольцова и Садовникова, а также с «версией Дюма», что, в свою очередь, дает основание предположить их общий источник (скорее всего, фольклорный) и общего героя — Степана Разина; само название «Удалец» (у Рыскина), возможно, является отсылкой к одноименной балладе Кольцова (1833) — также на «разбойничью» тему¹⁸. Следует добавить, что много лет спустя А. Ширяевец¹⁹ в своем стихотворении описывает жизнь «азнобы» уже после ее брака с атаманом — словно бы в продолжение баллады Рыскина:

Живет моя азноба в высоком терему / <...> / К товарищам с желанной примчится атаман; / И будет пир горою тогда в густом лесу, / И удалец женою возьмет себе красу; / Он скажет: не увидишь со мной ты черных дней! (С. Рыскин. «Удалец»).

Нет утети, нет покоя / С той поры, как мой родной / Закатился с голытьбою / К понизовью на разбой... / Где простились, вокруг да окол / Все брожу я у реки... / — Ах, неужто сгинет сокол / С той ли вражеской руки! (А. Ширяевец «Атаманова азноба»).

Упоминание «понизовья», которое прочно ассоци-

турные очерки. Иваново: МИК, 2004. С. 308–315). В песенниках он появляется в начале XX в. (см.: Ермак. М., 1912); фольклорные варианты: Русские народные песни. / Вступ. ст., сост. и примеч. А.М. Новиковой. М., 1957. С. 428; Фольклор семейских / Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1963. С. 288; Песни русских поэтов. Т. II. С. 470 (коммент.).

¹⁸ Кольцов А.В. Удалец // Стихотворения. С. 137–138.

¹⁹ Ширяевец А. Атаманова азноба // Ширяевец А. Раздолье. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1924 (Биб-ка соврем. рус. лит.); Он же. Стихотворения // Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти века. М.: Амирус, 1991. Ширяевец (Абрамов) Александр Васильевич (1887–1924) — один из «новокрестьянских» поэтов, прозаик, драматург, журналист.

ируется с разинской темой (ср. «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» А.А. Соколова, 1880; фильм «Понизовая вольница», 1908), косвенно свидетельствует о том, что «Удалец» Рыскина и впоследствии воспринимался именно как баллада о Разине. Вообще же опыты сюжетного продолжения баллад со «счастливым концом» зачастую обычно и характеризуются сменой регистра на противоположный — с романтического на сатирический²⁰, с лирико-драматического на сниженно-бытовой. Такова, например, песня «Жена алкоголика»²¹, предлагающая «продолжение» сюжета известной песни «Я Мишу встретила на клубной вечеринке...» и в пессимистических тонах рисуя семейную жизнь, которую обрела героиня после свадьбы; в известном смысле соотношение этих двух текстов совершенно аналогично соотношению стихотворений Рыскина и Ширяевца.

Суммируем наши наблюдения, относящиеся к тематическим параллелям рассмотренных текстов (см. табл. XVIII).

Таблица XVIII

1	Общие тематические элементы	Дюма	Кольцов	Садовников	Рыскин
2	Замок / терем / хоромы	В отчете замке	В некрещеном славном городе, на крутом, высоком острове... в тереме...	По посадку городскому, мимо рубленых хором	Живет моя азноба в высоком терему

²⁰ Некоторые пародийные «продолжения» знаменитых «Кирпичиков» (см.: Неклюдов С.Ю. «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник. Ист.-филол. сб. к 60-летию Р.Д. Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 280–281). Ср. также: Рычкова Н.Н. Городская песня в деревне: функция, структура, сюжет (на примере Хакасско-Минусинской котловины): Дисс. ... канд. филол. наук. М.: изд-во РГГУ, 2016 (разд. 4.2. От трагического финала к благополучному).

²¹ Аудиокассета «В эпоху войн, в эпоху кризиса» («В нашу гавань заходили корабли», 5), № 15/В.

3	<i>Дочь / жена знатного / богатого (~ старого) человека</i>	дочь знатного человека, богача	Дочка гостя новгородского	раскрасавица Алена, чужемужняя жена... Муж сидит в ряду гостином да алтынам счет ведет	и хилый и седой, постылый муж зазнобы, красотики молодой
4	<i>Поет песни / плетет кружева</i>		Под окном сидит растворенным, поет песни задушевные	А жена одна скучает, тонко кружева плетет	
5	<i>Переодевание в купца</i>	бандит выдает себя за торговца украшениями		Стенька... переряженный купцом	
6	<i>Препятствия на пути, их преодоление</i>			Не удержат ретивого ни запоры, ни замки... «Неравно старик вернется... Ну проснется, закричит!»	При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца, но он не остановит детину-удальца...
7	<i>Убийство мужа / сторожа</i>			Так на чью-нибудь беду... Закричит, так жив не будет...	короткая расправа с ним будет у меня — не скажет он ни слова, отдавав кистеня!
8	<i>Призыв бросить отца / мужа (~ скрытый / явный)</i>	Разин объявил девушке о своем отъезде	ты кинь отца; ты беги ко мне из терема	Либо лаской, либо силой, а тебя добуду я!	Бежим со мной скорее, бежим, моя краса, из терема-темницы в дремучие леса!

9	<i>Согласие / отказ</i>	она предложила уехать с ним...		«рада кинуть отца с матерью; но боюсь суда я страшнова!»	Совесть зазрит слушать льстивые слова... «Уходи скорей отсюда!.. Чай, я — мужняя жена...»
10	<i>Отъезд</i>	Двое влюбленных уехали вместе			К товарищам с желанной примчится атаман
11	<i>Счастливая жизнь влюбленных</i>	В течение двух лет они вели веселую жизнь триумфаторов			И будет пир горою тогда в густом лесу, и удалец женою возьмет себе красу; он скажет: не увидишь со мной ты черных дней!

Итак, альтернативные фабульные варианты связаны с исходной ситуацией и, соответственно, с семейным статусом героини: «дочь» (у Дюма и Кольцова) или «жена» (у Садовникова и Рыскина), чем обусловлено последующее разворачивание сюжета: «бескровное» похищение (~ попытка похищения) дочери в первом случае; убийство (~ угроза убийства) «старого мужа» во втором²². Общими для всех вариантов являются три тематических элемента: (1) *з а м о к / т е р е м / х о р о м ы*, где проживает героиня; (2) ее статус (*д о ч ь / ж е н а з н а т н о г о / б о г а т о г о ч е л о в е к а*); (7) *с к р ы т о е* или *я в н о е* предложение *б р о с и т ь* отца/мужа и *б е ж а т ь* с героем (~ *с о г л а*

²² «Дубровский» в этом плане объединяет обе сюжетные версии: героиня — и «дочь» (сначала), и «жена» (в конце); вспомним также о намерении разбойников убить мужа героини — князя Верейского (см.: Пушкин А.С. Дубровский. С. 333).

ситься на любовные отношения с ним); к последнему элементу следует добавить еще (8) реакцию героини: согласие или отказ (у Рыскина данный элемент не присутствует, но, как можно понять, предполагается положительная реакция).

В каждой из рассмотренных баллад развязка совпадает с кульминационным моментом, центральный эпизод соблазнения / похищения женщины (включая ее согласие / несогласие) является в них и сюжетным завершением (о гибели героини, естественно, речь не идет); скорее всего, так обстояло дело и в прототипической фольклорной традиции. По-видимому, именно подобный «открытый финал» создает возможность монтажа сюжетов о любовном приключении Разина и о жертвоприношении духу реки. Напомню: в текстах Стрёмса и Фабрициуса о пленении наложницы сообщается очень лаконично:

При нем [Разине] была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей (Стрёмс).

Год назад он полонил ее [красивую и знатную татарскую деву] и до сего дня делил с ней ложе (Фабрициус).

Именно эта краткая экспозиция, отраженная в старейших изложениях легенды, замещается в «версии Дюма» сюжетом, который по-новому интерпретирует появление возлюбленной у разбойничьего атамана. По мере выветривания из фольклорной памяти собственно исторической тематики («яицкое сидение», «персидский поход») ситуация начинает трактоваться в балладно-новеллистическом ключе; процесс, вообще имеющий универсальный характер.

«ПЕРСИДСКАЯ КНЯЖНА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ
БЕЛЛЕТРИСТИКЕ, ДРАМАТУРГИИ И ПОЭТИЧЕСКИХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ XX ВЕКА

I

Известно не менее трех десятков стихотворных и прозаических переработок сюжета об утоплении персидской княжны, а также восходящих к ним сценических, экранных, музыкальных, живописных, графических, скульптурных произведений. Загадка, заданная не слишком внятной записью Стрёмса и костюмаровскими предположениями на сей счет, обусловила появление целой серии сюжетопорождающих интерпретаций центрального эпизода легенды. Рассмотрим их на нескольких выразительных примерах.

В историческом романе Г.А. Хрущова-Сокольниковой «Стенька Разин» (1885) сюжетная линия персидской княжны охватывает несколько глав (VII, X, XVII, XXII, XXIII)¹, причем пленница получает не только имя (у Соколова, старающегося не слишком отступать от своих источников, она остается просто «княжной»), но и биографию, и даже родословную. Персиянка описывается как роковая женщина, властолюбивая и страстная красавица, отвечающая атаману взаимностью и добровольно отправляющаяся с ним на чужбину. Предвестием темы магия любовного плена звучит восклицание Разина, впервые столкнувшегося с ней, ночным «чудным видением»: «Оборотень! Василиск!..»² В соответствующем стилистическом ключе описывается и следующая встреча:

Полная гордого сознания своей красоты, Шекерлеб впилась в атамана своими огромными черными глазами. Она заметила впечатление, произведенное на Разина, — и торжествовала³.

¹ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин: Исторический роман. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1885. С. 128–233.

² Там же. С. 149, 193.

³ Там же. С. 193–194.

Тема очаровывающего взгляда и последующего любовного плена далее (в позднейших произведениях литературной «разиниады») может преобразовываться мотив магического «привороживания» и в таком виде удерживаться в традиции.

М а ш а. Что ты, / Анисьюшка... Вот полюбить тако-
го! А н и с ь я. Окстись! Ты, девка, не в своем уме? / Чай,
у него таких-то пруд пруди. / Да и жена есть с пасын-
ком в Черкасске. / Он и рябой — ну что тебе за сладь?
М а ш а. И пусть: женат, рябой! Приворожу. / Присушку
мне дала одна ведунья. А н и с ь я. Приворожи. Потеш-
ится — и бросит⁴.

Основанием для появления такого мотива, впро-
чем, является также фольклорный сюжет о женщи-
не, приворожившей и погубившей Разина, прежде
всего, в песнях и преданиях об «астраханской девке
Маше» — его наставнице в военных делах («Ко все-
му та девка меня научила... с добрыми молодцами
гуляти, из огненных ружей стреляти»⁵), но также и
любовнице-предательнице, заманившей атамана в
ловушку⁶.

По бережку Маша ходит, / Шелковым платком ма-
шет. / Шелковым платком махала, / Стеньку Разина
прельщала. / Стеньку Разина прельстила, / К себе в го-
сти заманила, / За убранный стол посадила, / Пивом, медом
угостила / И допьяна напоила, / На кровать спать поло-

⁴ Рябухин Б. Степан Разин: Историческая хроника в стихах. М.: Мол. гвардия, 1983 (д. II, карт. 4).

⁵ Русская старина. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1897. Вып. I. С. 102; Шентаев Л.С. Донские песни разинского цикла // Народная устная поэзия Дона (Материалы науч. конференции по народному творчеству донского казачества, 18–23 октября 1961 г.). Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1963. С. 111.

⁶ «Тогда подманила его девка Маша, как в песне поется, но и тут Стенька улизнул от беды, и за эту штуку не простил воево-
дам» (Кост. С. 439); здесь наблюдается относительно редкое пере-
сечение топки прозаических и поэтических текстов о Разине.

жила / И начальству объявила. / Как пришли к нему сол-
даты, / Солдатушки молодые, / Что сковали руки, ноги /
Железными кандалами⁷.

Сюжет использован в романе И.Ф. Наживина «Сте-
пан Разин (Казак)», но не как совершившееся собы-
тие, а как неосуществленная возможность:

И когда раз астраханская девка Маша прибежала к
ночи на воеводский двор, чтобы сообщить, что Степан,
вдребезги пьяный, спит у нее и что можно его взять
безо всякого, князь С.И. Львов только руками на глу-
пую девку замахал: «Окстись, девка... Ополоумела?!
Только бы чертей из города-то поскорее выпроводить,
а там провались они в тартарары... Иди, иди. Приду-
мают тожа!..» — «О-хо-хо-хо.. — вздохнул сокрушен-
но городской палач Ларка, дружок Машкин, который
всю эту механику подстроил в надежде на великие и
богатые милости. — Попомни вот мое слово, Машуха:
ходить им всем без голов! А много ли тебе Стенька-то
отсыпал, а?..»⁸

То же рассказывается о конце неуловимого разбой-
ника-колдуна Веревкина: «Его, например, неоднократно
окружала военная команда, но Веревкин выпивал
заветный ковш вина и сам исчезал в том же ковше;
в другой раз его совсем было схватили и связали, но

⁷ Русская историческая песня / Вступ. ст., подгот. текста и
примеч. Л.И. Емельянова. Л.: Сов. писатель, 1987. № 66 [Биб-
ка поэта]. С. 374. Ср. лирическую разработку темы в стихот-
ворении Садовникова «Зазноба»: «Л о в к о С т е н ь к у т ы
п о й м а л а ! / Так держи его смотри, / Белых рук не разли-
мая, / Вплоть до утренней зари!» (Садовников Д.Н. Зазноба // Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Биограф. справки, под-
гот. текста и примеч. В.Г. Базанова, Б.Л. Бессонова и А.М. Бих-
тера. Л.: Сов. писатель, 1968 (Биб-ка поэта). № 409).

⁸ Наживин И.Ф. Степан Разин (Казак): Исторический ро-
ман. М.: ИТРК, 2004. С. 143 (XIV. На радостях). (Биб-ка исто-
рического романа); 1-е изд. — Париж, 1928. Иван Федорович
Наживин (1874–1940) — русский писатель, толстовец, автор
исторических и фантастических произведений.

вдруг вся изба обнялась дымом и пламенем⁹. Долго и никогда, может быть, Веревкин не попался бы, если бы не изменила ему женщина: одна прелестница, выведав тайные чары Веревкина, выдала его. Это случилось во время Екатерины II»¹⁰.

Согласно нижегородской легенде, Разина смогли поймать только после того, как подкупленные «персидские парикмахеры», пока он спал с тамошней царевной, отстригли ему «главную вершину волос», в которой заключалась колдовская сила атамана.

Степан Разин пробивался в Москву, но под Симбирском разбила его, и он пробрался к Самаре, к своей заветной пещере в Жигулевских горах. Тогда Степан Разин бросился к воде, махнул рукой, появился ковер, и он перелетел на другую сторону матушки-реки. И оттуда на ковре он полетел в Персию¹¹. А персидские парикмахеры

⁹ Ср.: «Извините, не могу больше беседовать, – сказал кот с зеркала, – нам пора». – Он швырнул свой браунинг и выбил оба стекла в окне. Затем он плеснул вниз бензином, и этот бензин сам собою вспыхнул, выбросив волну пламени до самого потолка. Загорелось как-то необыкновенно, быстро и сильно, как не бывает даже при бензине. Сейчас же задымились обои, загорелась сорванная гардина на полу и начали тлеть рамы в разбитых окнах. <...> Гостиная уже была полна огнем и дымом <...> мечущиеся во дворе люди видели, как вместе с дымом из окна пятого этажа вылетели три темных, как показалось, мужских силуэта и один силуэт обнаженной женщины» (Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. V. С. 335).

¹⁰ Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. 2-е изд. М.: Моск. рабочий, 1996. С. 299. (Клуб любителей истории Отечества). Мотив разбойник, обезоруженный и / или преданный любовницей встречается в поэме Павла Васильева «Принц Фома» (1935–1936) и в повести Павла Нилина «Жестокость» (1956); примечательно, что по месту действия оба сюжета — сибирские.

¹¹ По-видимому, именно этот мотив полета в Персию использует А.А. Соколов в романе «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» (СПб.: Типолит. П.И. Шмидта, 1880. С. 130): «Если бы было возможно сейчас же перелететь в Персию...» (хотя и совсем в другой функции: речь идет о жажде мести персиянам).

были подкуплены, они ночью наточили поострее бритвы и, когда он спал с царевной персидской, срезали ему самую главную вершину волос, в которой была его сила. От персов сбежал Степан и опять попал на Волгу. Но теперь-то уже у него колдовства не было, весь заговор его сбрили персидские парикмахеры. Его поймали и увезли в Москву на смертную казнь (Бор., Мир. № 109).

Путешествие же на ковре-самолете¹² в Персию для свидания с царевной представляет собой версию сказочного сюжета о полете на некоем искусственном приспособлении для встреч с возлюбленной (AaThUth 575)¹³. Таким образом, причиной гибели знаменитого разбойника снова оказывается любовница-персиянка, при этом несомненное использование здесь библейского мотива (Суд. 16: 4–20) коварство женщины: Далила лишает силы Самсона) позволяет предположить, что ее вина может оказаться не столь уж невольной; о том же свидетельствует параллель с упомянутым преданием о разбойнике Веревкине. Кульминация эпизода строится на детально разработанном в мифологии представлении о магической силе волос, отрезание которых приводит к лишению этой силы; так, по калмыцким поверьям, если у демона-шулмуса отнять джодмак (пучок волос, прическа в виде закрученной на затылке косы), он потеряет способность к оборотничеству и будет выполнять все желания победителя¹⁴. Этот последний случай особенно близок к отрезанию «главной вершины волос» Разина-колдуна из рассматриваемого предания, что еще раз заставляет вспомнить о восточных (тюрко-монгольских) компонентах данной традиции.

¹² Ср.: Мельников С. Кошма-самолет // Садовников Д.Н. Песни Волги / Сост. В.С. Терновский. СПб., 1913. № 5 (раздел «Волжские песни и легенды»).

¹³ Древнейшая фиксация — Панчатантра, I, 5 / 8.

¹⁴ См.: Неклюдов С.Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество / Под ред. Ю.Я. Барабаша, Е.М. Мелетинского, Л. Нире, М. Саболочи. М.: Наука, 1977. С. 218.

В романе Хрущова-Сокольниковатаман, проводящий все время в обществе Шекерлеб, утрачивает не только боевой дух, но и способность принимать какие-либо решения для осуществления намеченной цели — похода на Москву. Центральной в этом плане является сцена завлекательного танца красавицы:

Развалясь на мягкой лавке, покрытой дорогим золототканым аксамитом, с зурной в руках полулежал атаман, а перед ним, восхитительна, как гурия рая, вилась в чудной восточной пляске дивная, несравненная Шекерлеб... Старики остановились на пороге, пораженные невиданным зрелищем; наконец, один из них, старый Ванька Ус, не выдержал и спросил атамана, зачем стоит вся станица и теряет дорогой попутный ветер. <...> Разин разозлился и в бешенстве выскочил на палубу. Все в страхе прятались перед ним¹⁵

По традиционным представлениям, «общение с женщиной и пляска расцениваются как главные причины духовной гибели»¹⁶, женский танец по определению демоничен, а в лубочных текстах и духовном стихе «легкомысленная плясунья и злая жена не разделяются: плясунья всегда злая жена, злая жена может быть любительницей бесстыдной пляски»¹⁷; образ танцующей искусительницы, уподобляемой змее (библейские коннотации: Быт. 3: 1–7), естественно, далеко выходит за пределы русской традиционной культуры¹⁸. Согласно «Беседе отца с сыном о женской

¹⁵ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 222–223.

¹⁶ Давидова М.Г. Мотивы рождественской вертепной драмы, связанные с Иоанном Крестителем // ЖС. 1996. № 4 (12). С. 24–26.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Свершая танец свой красивый, / Ты приняла, переняла / Змеи танцующей извивы / На тонком острие жезла» (Бодлер Ш. Танцующая змея // Бодлер Ш. Цветы зла и стихотворения в прозе в переводе Эллина. Томск, 1993. С. 100 [№ XXIX]); ср. также в городской песне XX в.: «Я танцевал с ней прекрасное танго. / Ах, сколько счастья дать Марго мне обещала, / Вся извивалась, как гремучая змея» (Аудиокассета «В нашу гавань

злобе» (XVII в.), весьма популярному чтению, если судить по количеству сохранившихся списков, такая жена «скачет, пляшет и всем телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада бедрами трясет, хрептом вихляет и главою кивает»¹⁹; именно это и дает основание старому казаку Вавиле назвать Шекерлеб «плясавицей-Иродиадой»²⁰.

В «драматическом действе» А.М. Ремизова обольстительный «танец» оказывается вставлен в сцену свадебного пира — единственный, кажется, случай сюжетного разворачивания темы с в а д ь б ы а т а м а н а с к н я ж н о й, инициированной Садовниковым («Обнявшись с своей княжной, / Свадьбу новую справляет, / И веселый и хмельной»). Маша, прежняя возлюбленная Разина, считает эту свадьбу следствием колдовства персиянки и видит в ней двойное предательство: и по отношению к себе, и по отношению ко всему казачьему сообществу.

Играют свадьбу: на струге елка, украшенная лентами, вокруг елки Разин обходит с персидской царевной. Р а з и н. — Вам всем воля! Гуляй на воле вволю! — Персидский танец: пляшет персидская царевна. П е р с и д с к а я ц а р е в н а. (Пляшет.) Р а з и н очарованный пляской царевны. <...> [М а ш а] Стенька изменник! Околдовала его персидская царевна: он меня предал и всех вас предаст! <...> [Р а з и н] Ах ты, матушка Волга, великая река! Много дала ты мне и золота и серебра и всего доброго, как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не отдал, (с диким порывом схватил царевну) На ж тебе, возьми! (И бросил в

заходили корабли, 3. В трюмах — кораллы и жемчуг», № 4 / А); «Дочь рудокопа Джаней, / Вся извиваясь, как змей, / С матросом Гарри без слов / Танцует Танго цветов» (Как на Дерибасовской...: Песни дворов и улиц. Кн. I / Сост. Б. Хмельницкий, Ю. Яесс; ред. Ю. Кавторин. СПб., 1996. С. 67–69).

¹⁹ Титова Л.В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск: Наука, 1987. С. 203–204.

²⁰ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 225.

Волгу.) На миг все затихло, окостенело. Только в волнах Волги похороненное: «Со Святыми упокой...»²¹

Таким образом, пленница-персиянка у Хрущова-Сокольниковой из пассивной, смертельно напуганной страдальницы (так практически во всей поэтической традиции, начиная с Лермонтова²²; этот образ восходит еще к описанию Стрэйса) превращается в демоническую оболстительницу, опутавшую своими сетями необузданного в страстях атамана. По выражению Вавилы, «от женского наваждения ни крестом, ни пестом не отбояришься, словно змея в душу залезет и самую богатирскую душу обабит»²³ (явное преобразование садовниковского «Сам наутро бабой стал...»). Демоническая любовница, ведущая к окончательной гибели, носительница дьявольского соблазна, противостоит сакральной матери-Волге, и именно это противопоставление предопределяет разрешение конфликта — вполне традиционным ритуалистическим образом:

«По моему, братцы», начал опять Вавило, — «одна баба казаку нужна — это Волга-матушка, кормилица наша! Выпьем-ка мы, братцы, за Волгу-кормилицу». <...> «Нет, Вавило, этим Волги-матушки не удивить... Не хлебом-солью благодарить ее надоть, не краюхой подчивать! Ой, Волга-матушка, — обратился он уже в каком-то экстазе к царственной реке, — признаться надо, что не найти другой реки, которую с тобой и сравнить-то можно бы было, и не было от века тебя славнее и могучее. Всем

²¹ Ремизов А. Стенька Разин / Публ. и заметка А.М. Грачевой // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А.А. Гозенпуда. СПб.: Наука, 2003. С. 595.

²² «И краса молодая, / Как саван бледна, / Перед ним стоит на коленях» (Лермонтов М.Ю. Атаман // Соч. Т. I. С. 198).

²³ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 231. Мотив воспроизводится и в позднейших текстах: «Околдовала батьку-атамана. Приворожила к себе — и друзья ему теперь не друзья!» (Строкин В. Я — Степан Разин // Строкин В., Геращенко А. Пронзая время: Сб. фантастики. Минск: Славянский путь, 2002; цит. по: http://www.knigonosha.net/section-1/section-1-1/28726-Ya_-Stepan_Razin-Strokin_Valerij.html).

я тебе обязан — и славою, и богатствами несметными, и всем, чем я стал! А я за все твои милости и отблагодарить тебя не сумел! Не попрекай же меня, каюсь, — обидел я тебя, а если моей повинной мало, подарю я тебе все, что у меня есть самого дорогого, самого заветного. Не может быть дара ценнее, не может быть любви сильнее, как я люблю тебя, наша Волга мать-кормилица!..» Разин остановился, одним быстрым движением схватил красавицу Шекерлеб за голову и за ноги, подбежал к борту, и высоко подняв ее над головою, бросил в темные волны. Княжна отчаянно вскрикнула и исчезла в пучине.

Тема ревности, однако, тоже не забыта, и здесь автор следует уже сложившемуся литературному сценарию (в том числе у Соколова), хотя опять-таки представленному в гораздо более подробной разработке.

«Расстаться, отдать другому. Нет, никогда, никогда. Моя она! И ничьей больше не будет! Никому не достанется... Никому, никому!» И словно осененный какой-то новой страшной мыслью, разрешавшей все его сомнения, он быстро выхватил из-за пояса нож. Еще мгновение, и княжны бы не существовало, но в ту минуту, когда роковой удар готов был поразить ее, Разин вздрогнул; нож выпал из рук его...²⁴

Обратим внимание: здесь, как и в «версии Дюма», в противоположность всеобщей традиции орудием убийства (правда, несостоявшегося), которое композиционно предваряет бросание в реку, является нож. Наконец, финал эпизода («Пьяная толпа замерла в безотчетном ужасе... <...> Все подхватили заздравицу... Грянула лихая, молодецкая песня. <...> Это удалой атаман справлял “панафиду” по своей первой любви»²⁵) по существу является сюжетным разворачиваем завершающей строфы стихотворения Садовникова: «Что затихли, удалые?.. / Эй ты, Фролка, черт, пляши. / Грянь, ребята, хоровую / За помин ее души!»

²⁴ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 222–223, 225–227, 230–233.

²⁵ Там же.

В 1891 г. в свет выходит сочинение Д.Л. Мордовцева «За чьи грехи?»²⁶. Называя его «повестью» (хотя по жанру это скорее исторический роман), автор, видимо, апеллирует к жанровой номенклатуре конца XVIII — начала XIX в., где термин *повесть* еще не утратил своей связи с исходным значением ('то, что поведено; весть о событии'). Вспомним «сокращенную повесть» Сумарокова, анонимную «краткую повесть о Разине», «историческую повесть» Фомина; подобное значение удерживалось в литературной традиции, по крайней мере, до 1860-х годов (анонимная «историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича» [1862], «повесть из времен царствования Алексея Михайловича» Извольского [1868] и др.).

Главным источником для Мордовцева была все та же книга Костомарова, с которым автор сблизился в период саратовской ссылки историка. Писателем сохранена основная фабульная линия нашей легенды и основные компоненты — со всеми сопутствующими знаковыми деталями.

И ребята разгромили флотилию. Адмирал, командовавший ею, астиранский хан Менеды, бежал с позором, оставив в добычу Степану Тимофеевичу красавицу тринадцатилетнюю дочку Заиру и сына Рустема. <...> Сначала робкая и часто плакавшая, теперь Заира, по-видимому, свыклась с своим положением. <...>

Но сегодня он пил, как никогда. Щеки его разгорелись, глаза блестели нехорошим огнем. <...> Заира одета была в дорогое персидское одеяние — вся в золоте, в жемчугах — драгоценные камни так и горели на ней. Она была поразительно хороша в своем смущении. <...>

²⁶ Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1891. Далее цит. по: Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? Великий раскол / Сост. и подгот. текста Н.Н. Акоповой; вступ. ст. и коммент. С.И. Панова и А.М. Ранчина. М.: Правда, 1990. О Д.Л. Мордовцеве (1830–1905) см.: Ильинская Н.Г. Мордовцев Даниил Лукич // Русские писатели 1800–1917. Т. 4 (М., 1999). С. 126–130.

«Вот мое сокровище!» — сказал он, обнимая девушку. Потом он встал, шатаясь, и остановился у борта струга, лицом к Волге. Он был страшен. <...>

«Ах, ты, Волга-матушка, река великая! много ты дала мне злата и серебра, и всего доброго. Как отец и мать славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил». Сказав это, он быстро повернулся, схватил Заиру одной рукой за горло, другою за ноги — и бросил за борт, как сорванный цветочек. «На ж тебе — возьми!» Что-то яркое мелькнуло в воздухе, послышался плеск воды... Все в ужасе вскочили. Заира исчезла под водой²⁷.

Как можно убедиться, повесть Мордовцева содержит не только близкие совпадения с текстом Костомарова (так, обращение к Волге практически дословно воспроизводит соответствующий фрагмент из сочинения историка), но и прямые цитаты из стихотворения Садовникова, однако сюжетная линия у него осложнена литературными реконструкциями, право на которые писатель обосновывает следующим образом:

Так рассуждал историк [Костомаров], приговоры которого всецело обуславливаются тем, что говорят ему находящиеся в его руках материалы или более или менее достоверные источники, документы. Но о подобного рода явлениях, обуславливаемых душевными движениями человека, всего менее говорят документы, как не говорит на суде о своем преступлении тот, кого уличают в нем на основании не вполне ясных улик. У историка в этом случае связаны руки. Не таково положение романиста. Он должен все знать, даже то, чего нет и не могло быть в документах: он должен знать душу своих героев, знать их тайные думы и помышления. И романист объясняет ужасный поступок Разина с Заирой так, как он его объяснил на основании психологической критики, которой он подверг своего героя²⁸.

²⁷ Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? С. 130–131, 141–143.

²⁸ Там же. С. 143–144.

Подобные «реконструкции» нужны автору прежде всего для оправдания поступков Разина и поэтизации его образа — напомним, что начало этому в какой-то мере было положено еще Корниловичем и продолжено Костомаровым. Разин у Мордовцева благороден, религиозен, чувствителен. Он преобразуется под влиянием страстной любви к красавице Заире, которая, кстати, здесь, как и в романе Г.А. Хрущова-Сокольникова, обретает не только имя, но и дар речи.

И сам Степан Тимофеевич стал другим человеком. Молодцы не узнавали его. По целым часам он сидел в горенке своей красавицы и выходил оттуда сначала мрачный и задумчивый, а потом все светлее, и радостнее, и ласковее ко всем. Кровь, которую он прежде проливал, как воду, теперь стала для него противна. Он прекратил разбои. Что-то мягкое и тихое стало проглядывать в чертах энергического лица. Казалось, он теперь стыдился того, что прежде считал своею славою. В нем, казалось, опять проснулся тот человек, который пешком прошел через всю Россию, от устьев Дона до Ледовитого океана, чтоб только помолиться и поплакать над могилами соловецких угодников <...> атаман, теперь такой тихий и кроткий, выходил вместе с своею юною пленницей из ее роскошной горенки, и по целым часам в стороне от всех они сидели вдвоем, тихо разговаривая или любясь зеркальною поверхностью моря, в котором отражались звезды²⁹.

Чтобы обосновать возможность чувствительных бесед между любовниками, девушке приписывается знание русского языка («Заира умела говорить по-русски, потому что с детства за нею ухаживала любимая рабыня ее отца, русская полонянка из казачек»). Мы убедимся в дальнейшем, что эти коммуникативные проблемы, а также задачи создания языкового портрета данного персонажа, неизвестные герою версий с

²⁹ Там же. С. 130–131.

«молчаливой» героиней³⁰ (и, кстати, неактуальные для повествовательного фольклора³¹), приходится как-то решать: вкладывая в уста пленницы «восточные» (персидские или татарские) слова и вводя фигуру двуязычного «посредника», чье сюжетное амплуа, именно в силу его культурного «билингвизма», содержит в себе возможности амбивалентных фабульных решений.

По-видимому, подобное преобразование Разина можно расценивать как беллетристическое (и вполне сознательное³²) разворачивание все тех же рассуждений Костомарова о власти полонянки над атаманом, причем их последующее поэтическое воплощение у Садовникова (а возможно, и у Мельникова и у Хрущова-Сокольникова) также было известно Мордовцеву.

[Разин] онемел от изумления: он даже не подозревал, чтобы на земле могла существовать такая поразительная красота! Это смешение чего-то нежного, как лилия, с огнем, с огненным темпераментом, сверкавшим в черных огромных глазах, это личико ребенка с пышною черною косою, гибкость и упругость юных членов, невыразимая грация в движениях — все это отуманило буйную голову атамана. Он полюбил ее всею силою своей огневой души: тигр по природе, он сделался кроток и робок с своею пленницей. <...> Сначала робкая и часто плакавшая, теперь Заира, по-видимому, свыклась с своим положением. И неудивительно: теперешнюю свою жизнь на море она уже не хотела бы променять на прежнюю, когда она затворницей жила в отцовском серале. Она полюбила своего кроткого и ласкового, подчас бурного в своих ласках, повелителя: он теперь заменил для нее весь мир³³.

³⁰ «Неподвижна, молчалива / <...> / И как будто онемела / В красоте своей» (Мельников); «Ни жива и ни мертва, / Робко слушает хмельные, / Неразумные слова» (Садовников).

³¹ Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. С. 105–106.

³² В интересах актуальных «воспитательных факторов» (см.: Мордовцев Д.Л. К слову об историческом романе // Исторический вестник. 1881. Ноябрь. С. 651).

³³ Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? С. 130–131.

Данный пассаж содержательно практически совпадает с заключительными фразами из рассказа Стрёйса («Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришла к нему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе»), кстати отсутствующими и в переводе Корниловича, и в пересказе Костомарова; это может объясняться тем, что автору был доступен какой-то более адекватный перевод «Путешествий...» голландца.

Идиллия разрушается из-за интриги, затеянной влюбленным в Заиру толмачом Хабибуллой, который называется то «персианином», то «татаринном», внушает девушке, что атаман разлюбил ее, и предлагает бежать с ним (негативная разработка фигуры посредника). Скорее всего, данный персонаж возникает как развитие образа изменника-есаула, влюбленного в прекрасную пленницу, из «осложненных» редакций разбойничьей драмы «Лодка» (вспомним также уральское казачье предание об охотнике, попавшем в ставку Разина и влюбившемся в его пленницу³⁴); отсюда, видимо, берется и выдуманное Хабибуллой наличие у атамана «другой возлюбленной».

«Да, и сердится [жена воеводы], и льнет к нему [Разину], как гурия», — был ответ. Этот ответ еще более встревожил Заиру. «А она молоденькая? хороша собой?»³⁵ — «И молоденькая, и красавица». Розовые щечки Заиры мгновенно покрылись бледностью. Она, как раненый тигренок, вскочила с ковра. Глаза ее горели. «Говори все, что знаешь! — схватила она за руку Хабибуллу. — Говори! Он знал ее прежде?» — «Знал, ханым», —

³⁴ Железнов И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Полн. собр. соч. Иосафа Игнатьевича Железнова. 3-е изд. / Под ред. Н.А. Бородина. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. С. 44–50.

³⁵ Ср.: «Да что Коробочка разве молода и хороша собой?» (Гоголь Н.В. Мертвые души // Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1984. Т. 1. С. 182), что напоминает о стилистической зависимости автора от текстов его предшественников в литературной традиции.

угрюмо отвечал персианин. «И?.. говори же! говори все!» — страстным шепотом настаивала девушка. «Что мне говорить!.. Известное дело... Они спознались раньше... воевода стар»³⁶.

Напомню, что данный мотив имеет соответствия в устной традиции (записи Садовникова) и поддержан фольклорной идеей «полигамности» Разина (Якушкин, Садовников).

«Стенька выйдет из острога, возьмет какую девку с собой за любовницу, да на свой струг и пошел опять на матушку Волгу с своими ребятами рыбу ловить...» — «Небось, на какую девку кинет глазом, та и его». — «Знамо!» — «Что ни есть красавиц выбирал...» — «Роду не спрашивал!» — «Какого там роду спрашивать?!... какая ему показалась, ту и тащат к нему!.. Побалуется-побалуется, да и бросит ее... Другую возьмет!»³⁷

Приехал туда и увидел у одного богатеющего купца прекрасную дочь, под названьем Марья Федоровна, и так ему захотелось ее к себе забрать в супружество. <...> приехал к столичному городу в Персии; видит: гуляет на балконе прекрасная королева Елена <...>. Напустил воды, подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров. <...> «Заберемся мы к богатому купцу <...> дочь красавица у него; мы добра и имения набрали, мы красавицу увезли» (Сад. С. 123, 126, 129 [№ 110]).

Тема ревности, заявленная у Садовникова («Нас на бабу променял!»), уже у Соколова и Хрущова-Сокольникова переводится в обычное русло любовных отношений, причем у Мордовцева чувство ревности испытывают оба — и Заира («И вдруг! этот ее кумир обманывал ее: он любил другую»), и Разин («И теперь уступить ее другому! Нет, пусть лучше она никому не

³⁶ Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? С. 135.

³⁷ Якушкин П.Я. Путевые письма из Астраханской губернии // Соч. / Вступ. ст., коммент. З.И. Власовой. М.: Современник, 1986. С. 143.

достанется»), в обоих случаях — к фантомным возлюбленным (к несуществующей любовнице атамана, с одной стороны, и к предполагаемому будущему любовнику персиянки — с другой). Хотя клевету тут же разоблачает есаул Ивашка Черноярец, подслушавший разговор (и понимавший по-персидски! — тип «нейтрального» посредника), в сердце Разина поселяется сомнение в низменной верности Заиры («та, которую он ласкал, не должна знать ласк другого мужчины»), как это ранее происходило в произведениях Соколова и Хрущова-Сокольников, что и приводит к трагедии. Ревность прекращает процесс преобразования знаменитого разбойника, возвратив его в прежнее состояние:

Неудивительно после этого, что Разин, смирившийся было перед властью, положивший свой бунчук к ногам этой власти, подружившийся с воеводою и водивший с ним хлеб-соль, вдруг опять превращается в зверя, еще более лютого, чем он был прежде³⁸.

Такое объяснение поступка атамана «на основании психологической критики» дает возможность писателю вернуться от нарисованной им благостной картины к канве реальных исторических событий. Следует напомнить, что подобная разработка темы вполне соответствует и предшествующим сочинениям о Разине, и романтической традиции «литературы о разбойниках», лубочные версии которой смыкаются с фольклорным разинским циклом, оказывая на него сильнейшее воздействие — прямое и косвенное (через народную драму «Лодка»)³⁹.

Надо добавить, что в начале XX в. Е.Н. Клетнова публикует в литературной обработке некое предание, в котором за «вольную волюшку, за атаманство над казаками» Разин «бросает в Волгу красавицу Заиру, сопровождая свои деяния словами: “Прими от меня,

³⁸ Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? С. 139, 144.

³⁹ Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка» (генезис и литературная история) // Славянский фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 267–271.

Волга-матушка, полжизни моей, мою любушку!»», причем в рукописи предания, хранящейся в Гос. архиве Свердловской области и датированной 8–15 января 1891 г., «конфликт между атаманом Степаном Разиным и его казаками, произошедший из-за увлечения Разиным красавицей Заирой, разрешается силами природы, бурей»; причина подобного текстуального расхождения неизвестна. Однако имя Заира прямо указывает на связь этого текста с произведением Мордовцева, за пределами которого оно не встречается⁴⁰.

III

Либретто оперы Н.Я. Афанасьева «Стенька Разин» (1880-е годы), созданное поэтом и литературным критиком М.В. Ватсон⁴¹, представляет собой стихотворную драму, сюжет которой в общем следует существующей к тому времени литературной традиции⁴², особенно роману Хрущова-Сокольников. По цензурным соображениям автор меняет название пьесы «Стенька Разин»⁴³ на «Волжские разбойники», вычеркивая имя

⁴⁰ Пастернак Т.К. Литературное творчество Е.Н. Клетновой: известные и неизвестные факты, архивные находки // Русская филология: Уч. зап. Смоленского гос. ун-та. Т. XVIII. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2015. С. 254–267; Клетнова Е.Н. Ночь на Волге // Светлый луч [Ежемесячный литературно-научный журнал]. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. № 7/8 [июль–август]. С. 2221–2230. Клетнова Екатерина Николаевна (1869–1938) — смоленский краевед, археолог, этнограф, геолог, литератор; с 1924 г. в эмиграции (Чехословакия).

⁴¹ О ней см.: Иванова Л.Н. Ватсон Мария Валентиновна // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. I / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Рос. энциклопедия, 1992. С. 397.

⁴² Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина: (Исторический роман). СПб.: Типолит. П.И. Шмидта, 1880 (= Тип. Вильде, 1906); Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин: Исторический роман. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1885.

⁴³ Ватсон М.В. Сенька Разин [Драма.] В 4 действиях, с эпилогом // Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. 402 [М.В. Ватсон]. Оп. 1. Ед. хр. 8. 28 лл. (черновая версия без даты, часть утрачена).

героя даже из списка действующих лиц⁴⁴. Это, впрочем, не помогло, опера так и не увидела сцены⁴⁵.

Разин в драме М.В. Ватсон выступает в амплуа благородного разбойника, разрабатывается линия «двух женщин» атамана (Маша и персиянка Хаджи), а также «бродячий» литературно-фольклорный сюжет: девушка, в мужском костюме отправляющаяся вслед за героем⁴⁶ (это Маша), но главное — явно восходящий к роману Хрущова-Сokolьникова образ роковой восточной красавицы, которая добровольно следует за захватившим ее разбойником (неоднократно повторяет: «Воли хочу я, власти хочу» [л. 9об., 14об.]), хотя ей предсказана дервишем ее судьба вплоть до гибели в волнах (л. 12). Соответственно жанру, на разбойничьем пиру она не танцует, а поет — по просьбе Разина: «А ты, красавица Хаджи, / Потешь и ты меня, спой песню, / Свою родную спой, Хаджи». Маша, переодетая в мужское платье, отвечает песней о богатыре с Дона, которого «и победила, и покорила лаской» красавица — «неодолимую мужскую силу он потерял» (л. 18). Хаджи пугается, вспомнив предсказание дервиша, а разгневанный Сенька бросает ее в воду: «Давно пора уж заплатить нам / Дань Волге Матушке реке. / Ну вот и заплатил <нрзб> / Нам

⁴⁴ Ватсон М.В. Волжские разбойники: Либретто оперы [Опера в 4 действиях, с эпилогом] // Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. 402 [М.В. Ватсон]. Оп. 1. Ед. хр. 9. 30 лл. (без даты, сильно правленная рукопись).

⁴⁵ «...Его опера “Стенька Разин” (либретто М.В. Ватсон) не была поставлена по цензурным условиям и тоже не издана» (Новый энциклопедический словарь. Т. IV. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. 1911. С. 502–503). «...В портфеле автора находится еще опера “Стенька Разин”, нигде неигранная» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. IIА (4). СПб.: Семеновская типолит. (И.А. Ефрона), 1891. С. 490).

⁴⁶ Ср. сюжет: жена, переодетая в мужскую одежду, освобождает мужа из вражеского плена (Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов // Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки / Сост. Б.С. Долгин, С.Ю. Неклюдов. М.: ОГИ, 2004. С. 314–315).

теперь пора» (л. 18об). В финале Маша пытается спасти Разина, преданного Корнилой властям, и гибнет в схватке, пытаясь защитить его.

Неясно, в какой степени текст этой пьесы был известен в литературной среде и мог повлиять на последующую традицию; однако пересечения этого текста с «исторической драмой» Е. Савельева, а также с романом и пьесой В. Каменского, написанными три десятилетия спустя, совершенно несомненны.

С начала XX в. появляются кинопостановки. В первую очередь речь, конечно, должна идти о первом отечественном игровом фильме «Понизовая вольница»⁴⁷, который, с одной стороны, представляет собой экранизацию стихотворения Садовникова, а с другой — прямо связан с традицией балаганного театра и даже, возможно, с фольклорным разыгрыванием «Лодки»⁴⁸. В фильмографии его автора, В.М. Гончарова⁴⁹, которая насчитывает более 25 лент (преимущественно исторических) на сюжеты русской классики и фольклора, есть несколько произведений («Ванька-ключник», «Ухарь-купец», 1909; «Коробейники», 1910), близких к жанру так называемых кинопесен, озвучиваемых грамзаписями или даже гастролерованными по стране живыми актерами⁵⁰. Отчасти это относится и к «Понизовой вольнице», на премьерном сеансе которой

⁴⁷ «Кто не знает красивую легенду о Стеньке Разине и персидской княжне, послужившую содержанием картины?» (Сцена. 1908. № 59).

⁴⁸ «Кинематографическую ленту о Стеньке Разине и персидской княжне можно считать сороковым имеющимся “текстом” драмы, прибавив его к тридцати девяти литературным записям, собранным исследователями» (Зоркая Н.М. Фольклор. Лубок. Экран. М.: Искусство, 1994. С. 113; Она же. Кино. Театр. Литература: Опыт системного анализа. М.: Аграф, 2010. Гл. «Сороковая версия “Лодки”». [Символы времени]).

⁴⁹ Гончаров Василий Михайлович // Кинословарь. Т. I / Гл. ред. С.И. Юткевич. М.: Сов. энциклопедия, 1966. С. 371–372.

⁵⁰ Босенко В. Старый «Сентиментальный романс» // Киноведческие записки. 2001. № 54. С. 285–293; Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор на асфальте // ЖС. 2007. № 3. С. 2–3.

«показ фильма сопровождался мощным исполнением популярной народной песни “Стенька Разин”⁵¹, которую пел большой синодальный хор в сопровождении специально написанной для этого случая музыки композитора Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова, который сам дирижировал и хором, и оркестром. <...> Успех был потрясающим»⁵²; затем кинотеатры вместе с пленкой фильма приобретали и граммофонную запись музыки Ипполитова-Иванова.

Первоначально Гончаров создавал свою «историческую былинку» только для постановки в театре «Аквариум», собираясь лишь снабдить ее «киноиллюстрациями» (что и было выполнено⁵³), однако под влиянием известного кинопроизводителя А.О. Дранкова⁵⁴ он сделал также экранный вариант сценария, который был снят в окрестностях Петербурга — возможно, с участием мастера батальных представлений, режиссера, художника-декоратора и сценариста А.Я. Алексеева (Яковлева)⁵⁵. По сравнению с театральной постановкой средства кинематографа давали уникальную возможность для показа того, как «из-за острова на стрежень, на простор речной волны выбегают расписные, острогрудые челны», и даже того, как «Стенька Разин, обнявшись с своей княжной,

⁵¹ Точнее, «Вниз по матушке по Волге» и «Из-за острова на стрежень» (Сцена. 1908. № 59).

⁵² Анощенко Н. Из воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 10. М., 1992. С. 358–359.

⁵³ «Открыл, наконец, свои двери “Аквариум” г. Путинцева. Открытие театра “Аквариум” состоялось вчера при полном сборе. Пьеса “Понизовая вольница” с применением синемаатографа у публики имела большой успех» (Московский листок. 16.10.1908, № 278.3). См. также: Великий Кино: Каталог сохранившихся игровых фильмов России: 1908–1919 / Сост. В. Иванова, В. Мыльникова, С. Сковородникова, Ю. Цивьян, Р. Янгиров. М.: НЛО, 2002. С. 24.

⁵⁴ Янгиров Р. Александр Осипович Дранков // Великий Кино. С. 505–508.

⁵⁵ Конечный А. Батальные постановки на сцене петербургских балаганов и под открытым небом в общедоступных увеселительных садах и парках // От слов к телу: Сб. ст. к 60-летию Юрия Цивьяна. М.: НЛО, 2010. С. 128.

свадьбу новую справляет и веселый и хмельной», — именно эти сцены проиллюстрированы первыми кадрами «Понизовой вольницы»; в какой-то степени постановщик, видимо, ориентировался также на существующие живописные композиции.

Дальше начинались сложности. Новый вид визуального искусства не располагал ни опытом, ни средствами для передачи на экране тех человеческих отношений, на которых строится сюжет песни, а беззвучная игра актеров при отсутствии

крупных планов была неспособна передать динамику переживаний героев. Кроме того, конфликт между страстью и долгом, «личным» и «общественным» (в его гоголевской, «запорожской» редакции), проникший в произведение Садовникова через костюмовскую трактовку «исторического события», сам по себе оказался недостаточно сценичен. Если бы драматург строго следовал сюжету стихотворения, ему пришлось бы, в сущности, ограничиться показом того, как Разин «свадьбу новую справляет», кратким упоминанием (в титрах) о недовольстве его соратников и финальным утоплением княжны, разрешающим данную коллизию. Поэтому в ходе фабульной разработки «исторической былинки» Гончаров ввел в нее новую интригу, позволившую включить в постановку несколько дополнительных сцен, усложнивших и удлинивших исходный песенный сюжет, хотя критика все равно попрекала авторов за чрезмерную краткость ленты.

«Понизовая вольница». Афиша 1908 г. Кроме финальной сцены («Смерть княжны»), представлены центральные эпизоды фильма. Худ. П.К. Ассатуров.

Из новинок за прошлую неделю отметим картину «Стенька Разин». В техническом отношении она исполнена прекрасно. Видно, что г. Дранков в совершенстве постиг дело фотографирования; жаль только, что лента коротка, — сюжета хватило бы на несколько сот метров. Прекрасно снят вид на Волгу и флотилию лодок с разбойниками; очень интересна картина в лесу, а также и последний момент, когда Стенька бросает княжну в Волгу⁵⁶.

Интрига сводится к заговору разбойничьих есаулов, опасующихся, что из-за непрерывной гульбы атамана они катастрофически теряют время (после разгрома Царицына и Астрахани их преследуют стрельцы); этот эпизод возникает на основе мотива недовольства казаков (у Соколова, Садовникова, как и у Хрущева-Сокольникова), причем высказываемого не в полный голос, в стороне от Разина («Насмешки, шепот...»; еще точнее в фольклоризованной версии: «Позади их слышен ропот...»⁵⁷). Изготавливается подметное письмо, которое должно отвратить атамана от его любовницы.

Нам следует спешить на вольный Дон, нас окружает войско Государево. — Погибли мы! А он гуляет по неделям с княжною басурманской! Придумал я, товарищи, сегодня же не будет этой чаровницы! Нам надо напоить допьяна атамана, тогда он сделается зверем и ревность в нем проснется, а я в то время атаману подсуну письмо⁵⁸.

Тема «запорожской этики», впрочем, тоже не оставлена («Товарищи! Блажит наш атаман! Где видано, чтоб Атаман удалых молодцев якшался с бабами?! Он дело забывает!»). В послекостомаровской литературной традиции, как мы помним, она остается чрезвычайно устойчивой, хотя непосредственным источником для сценариста здесь, видимо, является не сам Костомаров,

⁵⁶ Вестник кинематографов в Санкт-Петербурге. 1908. № 1. С. 6.

⁵⁷ Песни русских поэтов. № 798.

⁵⁸ Здесь и далее текст фильма цитируется по интертитрам восстановленной ленты.

ров, а стихотворение Садовникова: «Ишь ты, братцы, атаман-то / Нас на бабу променял! / Ночку с нею повозился — / Сам наутро бабой стал.. / Ошалел...»

Однако акцент теперь решительно переносится в практическую плоскость: любовницу-басурманку надлежит устранить в первую очередь по «военно-стратегическим» причинам, а не потому, что с ней атаман стал нарушать неписаный казацкий кодекс и обабился, вызывая к тому же ревность разбойников. Сама тема ревности при этом не отбрасывается, но многократно усиливается с использованием «шекспировской» коллизии: ложный навет — спровоцированная им вспышка ревности — убийство из ревности. Тут Гончаров, по-видимому, опирается и на Мордовцева, у которого, как мы помним, причиной разыгрывающейся драмы также является «клевета» (гл. XX), исходящая, правда, не от «есаулов», а от сластолюбивого предателя Хабибуллы. Здесь можно усмотреть инвертированную разработку темы, заданной в повести Мордовцева.

Мордовцев:

ложный навет Хабибуллы, долженствующий вызвать ревность Заиры к несуществующей возлюбленной Разина

«Понизовая вольница»:

ложный навет «есаулов», долженствующий вызвать ревность Разина к несуществующему возлюбленному персиянки

Как бы в развитие темы преобразования Разина под влиянием любви к персиянке (у Мордовцева) в фильме особо артикулирован мотив околдования его полонянкой-любовницей. Этот мотив был намечен еще у Мельникова («Персиянкой очарован, / Крепкой женской цепью скован / Ясный сокол наш») и развернут у Хрущева-Сокольникова; он же представлял собой дальнейшую трансформацию костомаровского предположения, согласно которому окружающие «замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана». В фильме пленница прямо именуется «княжной-чаровницей»; тем самым

героиня из пассивной, смертельно напуганной страдальницы (этот образ восходит еще к описанию Стрэйса) превращается в jovialную обольстительницу, не выпускающую Разина из объятий, лихо отплясывающую с бубном на разостланном ковре и наглядно реализующую смелый домысел нашего историка.

Показательно, что мобилизован восходящий к стрэйсовскому прототексту и также воспроизводимый почти во всех вариантах легенды мотив «гневливости» атамана — в фильме она специально подогрывается чаркой хмельного напитка, поднесенного Разину заговорщиками.

«Нам надо напоить допьяна атамана, тогда он делается зверем и ревность в нем проснется, а я в то время атаману подсуну письмо». <...>

«Выпей, атаман-батюшка, за удалую нашу понизовую вольницу, за княжну-чаровницу, за весь народ честной».

Напомню: у Стрэйса странное жертвоприношение являлось результатом крайней степени опьянения атамана («Придя в неистовство и запьянев»); недоумение по этому поводу развеял Костомаров, объяснивший, в чем там, по его мнению, было дело. Однако в данном случае сценарист (Гончаров) явно придерживается сюжетной трактовки Хрущова-Сокольникова. Как и в кульминационном эпизоде картины (пир разинцев), в романе за княжну предлагается тост: «Выпьемте-ка мы, братцы, за красоту-прелесть женскую!..»⁵⁹), как и в романе, «чаровница» отплясывает с бубном на разостланном ковре⁶⁰; ее убийство же отчасти оправдывается чувством ревности, которое у Хрущова-Сокольникова, в сущности, ничем не мотивировано («Расстаться, от-

⁵⁹ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 230.

⁶⁰ Ср. у Хрущова-Сокольникова возможный лермонтовский прототип этой сцены: «...и бубен свой / Берет невеста молодая. / <...> / И по коври скользит, плывет / Ее божественная ножка...» (Лермонтов М.Ю. Демон: Восточная повесть // Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. II: Поэмы. С. 377).

«Понизовая вольница» («Ревность заговорила»)

дать другому. Нет, никогда, никогда. Моя она! И ничьей больше не будет! Никому не достанется... Никому, никому!»), а в фильме спровоцировано подметным письмом «принцу Гассану», разоблачающим мнимую измену любовницы («Меня ли любишь одного, княжна, а может быть, дружок сердечный есть на родине?»⁶¹); этот последний мотив явно заимствован из романа Соколова.

А Стенька смотрит на нее пьяными и страстными глазами. «О чем она думает?» — спрашивает он пьяного эсаула. «А может, о персидском принце», — отвечает тот коснеющим языком. «Убью!!!» — заревел Стенька, сверкнув глазами...⁶²

Стилистика и образный строй подметного письма, напротив, не опирается ни на какие разинские тексты — в обширном корпусе песен и преданий о знаменитом разбойнике мы ничего подобного не найдем (кстати, лингвистических проблем здесь не возникает, герои — вполне в фольклорном стиле — изъясняются на некоем общепонятном языке, фактически — по-русски).

⁶¹ «Понизовая вольница», сцена «Ревность заговорила».

⁶² Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина. С. 136.

П.Ф. Яковлев «Атаман Стенька Разин». Гравюра Ю. Шюблера.

Мой милый принц Гассан, мне тяжело жить в тяжелой неволе, мне надоело быть в этом диком разгуле, я плачу, вспоминая о тебе, моей милой родине, садах душистых наших. Прости и не забудь меня. Твоя до гроба несчастная княжна.

Скорее всего, источник надо искать в лубочной традиции, к которой, видимо, восходят и «душистые сады» Персии, и имя вымышленного адресата письма — «принца Гассана»⁶³: вспомним предположение пьяного есаула — княжна грустит о «персидском принце», что и вызывает вспышку гнева у ревнивого разбойника и приводит к расправе с девушкой. Следует заметить, что тема «садов» появляется в «разинском цикле» несколько раньше, а именно в уже упоминавшемся стихотво-

⁶³ Подобным именем, впрочем, назывался целый ряд исторических персонажей, например принц Гасан хан — участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг. или принц Гассан, командующий Южной армией турок в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; так что само это имя вполне могло утвердиться в культурной памяти русского общества XIX — начала XX в.

рении Садовникова «Зазноба»: «Коль от дома прочь гоняешь, / Забеги через зады / В переулок, где разбиты / Виноградные сады...»⁶⁴; сады эти оказываются, следовательно, местом любовного свидания, «садами любви», что в полной мере соответствует фольклорной символике сада. Впрочем, и здесь данный образ, по-видимому, связан с лубочно-балладной традицией.

Финальное обращение Разина к Волге в фильме оказывается кратким, это дань уже трижды переозначенной темы (замена мотивированного обрядового акта сначала на бессмысленную пьяную выходку, затем — на вынужденную коррекцию нарушенного «запорожского обычая» и, наконец, на проявление ослепляющей ревности). Если исходить из лексического состава этой тирады (в интертитре), можно заметить, что сценарист здесь опирался и на стихотворение Пушкина, а не только на Садовникова, у которого нет речи о «вспаивании» и «укачивании» героя Волгой.

«Волга-матушка, ты меня поила-кормила, на своих волнах укачивала. Прими мой дорогой подарок» («Понизовая вольница»).

«Ой ты гой еси, Волга, мать родная! / С глупых лет меня ты вспоила, / В долгу ночь баюкала, качала, / В волновую погоду выносила. <...> Что ничем тебя еще мы не дарили...» (Пушкин).

«Эх, кормилица родная, / Волга матушка-река! / Не видала ты подарков / От донского казака! <...> На, кормилица... возьми!» (Садовников).

Вообще, автор несомненно поработал с несколькими источниками, почти наверняка — все с той же книгой Костомарова, откуда, видимо, была взята тема преследования разинцев царскими войсками, слабо представленная в текстах фольклорной традиции.

«Понизовая вольница» вызвала большой интерес, о чем свидетельствуют и отклики в тогдашней прессе⁶⁵.

⁶⁴ Садовников Д.Н. Зазноба // Поэты-демократы 1870–1880-х годов. № 409. См. также фольклоризованную версию: Бард. № 87.

⁶⁵ Великий Киноемо. С. 23.

Картина эта до известной степени делает эру в истории русского кинематографического театра. В ней впервые наш синематограф вступает на национальную почву, в ней впервые он дает роскошную и выдержанную в историческом колорите картину. Театр «Колизей», благодаря своему огромному экрану, смог блестяще поставить эту картину (Сцена. 1908. № 59).

В дальнейшем бытовании нашей легенды фильм, предложивший и ее новую трактовку, сыграл роль, отчасти аналогичную той, которую раньше играла инсценируемая в нем песня на стихи Садовникова. Не исключено, что одним из показателей его влияния на последующую традицию является гравюра П.Ф. Яковлева «Разин и персидская княжна» (1913), образцом для которой могла послужить мизансцена «Ревность заговорила» из «Понизовой вольницы» (при изображении лица героя художник мог также опираться на известный портрет Разина 1671 г. из «Приложения к “Гамбургской газете”» и на гравюру из английского издания 1672 г.). Разумеется, для подобной ориентации на одну из мизансцен кинокартины надо было мысленно остановить движение ленты, что, однако, облегчалось практикой демонстрации «стоп-кадров» фильма, начатой самим Дранковым, который впервые стал выпускать рекламные открытки с постановочными сценами из своих кинокартин, а также размещать подобные изображения на афишах⁶⁶.

Если исходить из композиционного сходства указанной мизансцены и гравюры Яковлева, то с большой степенью вероятности остается предположить, что художник избрал для нее тот же сюжет (напряженно-мрачное выражение лица Разина очень уместно для изображения ревнивца), однако здесь уже ничто не говорит о конфликте атамана с «есаулами» — если в мизансцене фильма на заднем плане видны фигуры казаков, наблюдающих за Разиным, то на гравюре нет никого посторонних, только он и она, и тема ревности представлена в своем абсолютном, так сказать, беспримесном виде.

⁶⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить Ю.Г. Цивьяна за разъяснения по этому поводу.

«Понизовая вольница» (1908), один из первых кадров («Разгул Разина на Волге»)

Весьма противоречиво оценила пресса выход второго, уже полнометражного фильма⁶⁷, чрезвычайно широко разрекламированного⁶⁸. Если одни критики

⁶⁷ «Стенька Разин». Режиссер Г. Либкен, автор сценария Б. Мартов [Борис Исаевич Кремлев], художник П.В. Мосягин. Кинокомпания Т / Д Г. Либкина, 1914 [Длительность 100 мин; погиб во время пожара на киностудии в 1918 г.]. В анонсе, однако, назывались другие имена: «Под руководством талантливоего режиссера Аркатова [Александр Аркадьевич Могилевский, 1888–1961] контора “Г.И. Либкен” приступает в скором времени в Ярославле к постановке грандиозной картины “Стенька Разин”» (Кине-журнал. 1914. № 5. 22 марта. С. 50). Режиссером второй серии значится Сигизмунд Веселовский [с 1914 г. — режиссер и главный режиссер Т / Д «Г. Либкен» в Ярославле]. В «Театральной газете» (1914. № 1) опубликовано интервью Ф.И. Шаляпина, в котором певец высказал свое мнение о кинематографе и о переговорах по поводу своего участия в фильмах «Борис Годунов» и «Стенька Разин». 5 (18) декабря в Ярославле АО «Г.И. Либкен» выпустило фильм «Стенька Разин». В фильме дебютировал (как художник) П.В. Мосягин [www.rudata.ru/wiki/Стенька_Разин_(фильм,_1914)].

⁶⁸ «Небывалая в России грандиозно-художественная постановка! Съемка производилась на Волге, на исторических местах! Специально выстроенные струги и челны. В массовых сценах участвуют тысячи народа! Великолепные костюмы костюмерной оперы Зимина. Колоссальная художественно-историческая драма в 7-ми частях с прологом по сценарию Б. Мартова. Захватывающий художественно правдивый сюжет. Оживают легенды и песни народные о грозном атамане и его удалцах, о его грозной славе, могучей силе, великой любви и страшной смерти! Небывалый до сих пор в России великолепный рекламный

выражали восхищение им, то другие, напротив, отнеслись к нему в высшей степени скептически.

Демонстрирующая в настоящее время в лучших театрах Москвы картина «Стенька Разин» отличается стильностью и правдивостью в передаче эпохи. Народный герой Стенька Разин передан в ленте во всей полноте. Успех, который она [картина] имеет в театрах, вполне ею заслужен (Сине-Фоно. 1914. № 4/5. С. 37).

На протяжении 7 частей картина пестрит надписями вроде «да здравствует Русь православная» или «ты прости-прощай, народ крещеный». Содержание же ее воспроизводит лишь наиболее поверхностное, малозначащее в деятельности Разина. Тут и княжна, и любовь, и ведьма-вещунья, и танцы, и разбойное нападение на персов... Главный герой картины изображен оперным бандитом, с красивой бородой, а шедшая за ним беднота — ватагой разбойников (Известия Ярославского губернского исполнительного комитета. 11.10.1919. № 228. С. 3).

Рассмотрение сюжета картины⁶⁹, представляющего собой эклектический монтаж разных фрагментов легенды, побуждает скорее присоединиться к ее критикам. Сидение Разина «на утесе Жигулевском, любимом пристанище орлов», где он думает свои

Афиша кинофильма «Степан Разин» (фрагмент, 1914 г.); по Н.М. Зоркой (Фольклор. Лубок. Экран. М.: Искусство, 1994. С. 132–133)

материал: художественные многокрасочные плакаты, афиши, иллюстрированные брошюры-либретто, большие фототипии, открытки и т.п.» (Сине-Фоно. 1914. № 3. С. 35).

⁶⁹ Сине-Фоно. 1914. № 4/5. С. 43.

«могучие думы» и откуда он сходит, чтобы «свои силы попробовать», прямо отсылает к «Утесу Стеньки Разина» А.А. Навроцкого («Да могучий орел свой притон там завел / <...> / Из людей лишь один на утесе том был / <...> / Там всю ночь до зари оставался. / Много дум в голове родилось у него / <...> / Он великое дело задумал»). — «Ходил, гулял Степанушка во хмельной кабаке; он думал крепку думушку с голытьбою» — прямая цитата из песни о Разине (Собрание М.Д. Чулкова): «Ходил, гулял Степанушка во царев кабаке, / Он думал крепкую думушку с голутвою...» (Емел. № 61; Милл. № 343). — К роману Хрущова-Сокольникова, видимо, восходит имеющее мифологическую подоплеку противопоставление 'женщины' и 'реки' (Степан — Насте: «Не жена ты мне больше, жена мне теперь Волга-матушка и вся Русь Крещеная!»), ср.: «Одна баба казаку нужна — это Волга-матушка, кормилица наша!»⁷⁰

«Ведунья Алена» и ее сожжение, несомненная реплика Алены Темниковской / Арзамасской, взята из какого-то исторического описания (например, из сравнительно незадолго до того изданного русского перевода книги Б. Койэтта, где воспроизводятся некоторые сведения о ней, включая и описание ее казни⁷¹), а предсказание гибели из-за женщины, как уже неоднократно упоминалось, вообще присутствует в активной литературно-фольклорной топике. К такой же активной топике относится и наличие у Разина двух женщин: жены — казачки Насти (в финале из ревности предающей его), и любовницы — пленной персиянки Фатимы. Есаул Семен Алатырец — развитие образа есаула-предателя из «лубочных» редакций драмы «Лодка», в литературной разиниаде становящегося есаулом-соперником, что является следующей фазой преобразований тем 'ревности' и 'выбора между любовной страстью и казацким содружеством'.

⁷⁰ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 231.

⁷¹ Койэтт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу / Пер. А. Ловягина. СПб., 1900. С. 456 (гл. 27).

В отсутствие Разина оставшийся на струге Семен Алтырец под влиянием неудержной страсти убивает казака, стоявшего на страже у шатра княжны, и врывается к ней в шатер. Но не успевает овладеть ею, как возвращается атаман. С горечью убеждается атаман у трупа убитого товарища, что действительно гибель несет красота женщины всему делу его.

Готовность княжны отдать жизнь за возлюбленного («Мой повелитель, для тебя я готова умереть!») прямо восходит к соответствующей реплике Шекерлеб у Хрущова-Сокольников («Я не пойду, не пойду, лучше убей! Сам убей, только не гони, не гони»⁷²), но принятие этого «желания» за чистую монету и его исполнение уже на следующий день здесь, по причине сжатости экранного времени, соединяется прямой причинно-следственной связью. Получается так, что Разин утопил девушку с ее согласия. Следует, наконец, отметить особенно сильное акцентирование фаталистической тональности сюжета. Разин гибнет, по предсказанию, из-за женщины, причем причиной его гибели являются две женщины: во-первых, Фатима, поскольку мстящий за нее есаул ранит атамана, а это влечет за собой поражение и плен, а во-вторых, ревнивая жена, которая из мести выдает его убежище врагам.

Своеобразная версия нашей легенды представлена в произведении С.И. Глебова (Гнедича)⁷³, автора популярных книг на темы русской истории. Хотя научная состоятельность этого «исторического исследования» чрезвычайно сомнительна, использование в качестве источника «преданий астраханских калмыков» (к сожалению, никак не документированных) все-таки представляет известный интерес.

⁷² Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 227.

⁷³ Глебов С.И. (Гнедич). Жизнь и казнь Стеньки Разина (Волжского атамана): Легенда: Историческое исследование по преданиям калмыков Астраханской губернии. Пг.: Кн. торг. Н.И. Кормушина, 1915. С. 97–99.

Центральный эпизод рассматриваемой легенды здесь связывается с финальным арестом знаменитого разбойника. Его случайно выдает толпе преследователь «восточная красавица, одетая в парчу и бархат» — любовница, «которую он когда-то еще в калмыцкой степи ночью, вышедшую из тростника, схватил на руки и скрылся с нею во тьме ночи навсегда»:

Она появлением своим на мгновение остановила натиск нападающих и, изумившись тем, что тут происходит, крикнула на них властным голосом: «Что вы делаете с ним?» — указывая при этом на своего возлюбленного, атамана шайки, изнемогавшего в борьбе с наступающими на него и, как тигрица, защищающая своих детей, бросилась вперед и заслонила его своей грудью. «Кто он?» — вдруг последовал из толпы нападавших вопрос, обращенный к восточной красавице. «Как кто? разве вы не знаете своего властелина?... обладателя всеми народами здешних степей?» — «Но как его имя?» — «Стенька Разин!..»⁷⁴

Как выясняется, возлюбленный некогда убедил девушку в том, что он «властелин здешней страны и все, что здесь есть, ему покорно подчиняется» (ср. в нижегородском предании: «Вот вам, братцы, на штоф, и, если вы хотите разгадать, кто я есть, я вам скажу. Я есть атаман Волги — Степан Разин» [Бор., Мир. № 110]), и девушка пытается таким образом спасти его, однако Разин понимает ее поступок превратно:

Не дав ей договорить этих слов, атаман схватил ее поперек талии и, при словах отчаяния, впервые в жизни выкрикнутых им и так сильно — «А, так и ты меня выдавать!..» — бросил ее в воду...⁷⁵

Далее следует редупликация мотива опознания персонажа, причем название по имени — сначала атамана, затем его любовницы — сопутствует гибели

⁷⁴ Там же. С. 97.

⁷⁵ Там же.

их обоих (в чем, возможно, просматривается и некий магический подтекст); отметим также появление на авансцене фигуры еще и «другой женщины»:

«А кто она такая?» — вдруг раздалось из толпы, когда восточная красавица, быстро погрузившись в волны реки, исчезла на дне ее навсегда... «Да это персидская царевна, которую он постоянно возил с собою!» — крикнул какой-то голос и замер в стоне толпы, завладевшей атаманом... Но эта красавица была дочь калмыцкого князька Юаты... «Маруся, и ты против меня!» — еще раз простонал голос Стеньки в толпе и в толпе и замер навсегда... Он, как видно, и в лице царевны своей любил образ его первой любви...⁷⁶

Фраза «персидская царевна, которую он постоянно возил с собою» является прямой репликой предшествующей традиции (ср. у Якушкина: «...дочку самого султана персидского <...> сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит»), а «какой-то голос», как можно понять, принадлежит этой самой Марусе, «первой любви» атамана, которая, вероятно, соответствует, с одной стороны, его прежней жене, дочери саратовского купца Марье Федоровне, а с другой — «астраханской девке Маше», заманивающей атамана в ловушку.

В тексте Глебова происходит еще одно «переряживание» героини, что в традиции случалось уже неоднократно: «прекрасная черкешенка» у Пушкина в пересказе П.Х. Граббе⁷⁷, «красавица-турчанка» в байкальском предании⁷⁸, наконец, «калмыцкая принцесса», дочь «князька Юаты» у Глебова. Калмыцкого хана с таким именем не существовало и не могло существовать (данное написание говорит о полном незнакомстве автора не только с калмыцким языком, но и с калмыц-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ *Граббе П.Х.* Поездка в Петербург в 1834 году // Русский Архив. 1873. Т. 1. С. 783–786.

⁷⁸ Байкальские легенды и предания. Фольклорные записи Л.Е. Элиасова. 2-е изд., доп. и перераб. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. С. 165.

кой историей). Скорее всего, имеется в виду хан Аюка, современник Разина⁷⁹, один из наиболее значительных калмыцких государственных деятелей той эпохи, — с ним мятежный атаман, согласно некоторым сведениям, заключал или пытался заключить какие-то соглашения⁸⁰. В целом вопрос о «калмыцких преданиях», на основании которых Глебов строит свое повествование, остается открытым. Если судить по опубликованному тексту, их специфика — в очередном изменении национальности высокородной любовницы разбойника, в интерпретации фигуры «другой женщины» (прототип которой, впрочем, присутствует в русском цикле песен и преданий о Разине), но главное — в причинах и обстоятельствах гибели самой «калмыцкой княжны».

Вполне традиционной можно считать трактовку легенды о персидской княжне в «исторической драме» Е.П. Савельева «Степан Разин» (1917)⁸¹. Особенность этого текста заключается в том, что основные события легенды излагаются в поющих партиях, которые имеют здесь не орнаментальную, а именно сюжетную функцию. В известном смысле автор предваряет создание музыкальной драмы о Разине; неясно, в какой мере ему известно неопубликованное либретто Ватсон к опере Афанасьева, а также идущие в том же направлении творческие поиски В.В. Каменского, «коллективное представление» которого на основе романа «Степан Разин» увидело свет в 1919 г.

⁷⁹ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. С. 136–139.

⁸⁰ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А. Швецова; ред. А.А. Новосельский, В.И. Лебедев. М.: Изд-во АН СССР, 1954, 1957, 1962 [Т. I–III]. М.: Наука, 1976 [Т. IV] (далее — Крестьянская война, I–IV). II. Ч. 2. С. 94, 95 (№ 74); С. 100–101 (№ 77).

⁸¹ Евграф Петрович Савельев (1860–?) — донской историк, писатель-краевед, автор «исторического очерка» «Степан Разин и народные песни о нем» (Новочеркасск, 1917) и трех брошюр по археологии Дона (1930). Был избран старшиной от Первого Донского округа в Войсковом правительстве (1917); дальнейшая его судьба неизвестна.

Б а н д у р и с т. Как сандали это были все персидские. / На одной из них начальник — Менед-хан седой / С молодой своей дочкой Зарей Алою / И со сыном со Дебеем, храбрым воином. / <...> / Лишь ушел один Менед-Хан в малой лодочке / И отдал в полон Степану дочь-красавицу / Вместе с сыном, со Дебеем, храбрым воином. / П е р в ы й к а з а к. Красавица княжна пленила атамана, / Все дни и ночи носится он с ней... / Д р у г о й. И толку от этого не выйдет никакого. / Т р е т ь и. Не время с бабами возиться казаку! / Другое мыслим мы, другое дело, / Нам предстоит померяться с Москвой.

У Савельева любовь атамана и пленницы — взаимная: «Красавица княжна <...> то ласково глядит в глаза атаману, то вздрагивает и прижимается к нему, то, опустив голову, сидит неподвижно» (последние строки, возможно, восходят к балладе Мельникова: «Неподвижна, молчалива, / С выражением тоскливым / На лице своем / <...> / Меж разбойников сидела / И как будто онемела / В красоте своей»). Конфликт «чувства» и «долга» решается по-костомаровски, а также вслед за Садовниковым, стилистическое влияние которого на текст Савельева довольно очевидно: «Р а з и н (с чувством). Волга, мать, река родная, / Древних витязей река, / На груди своей широкой / Ты вскормила казака...» Однако звучащий здесь мотив 'вскармливания' восходит не к Садовникову, а к переводу Корниловича («ты меня взлелеяла и вскормила»). Воспроизводится топика и «разукрашенного атаманского струга», и драгоценных нарядов пленницы («вся в золоте, бриллиантах и жемчуге»), присутствует также оппозиция 'матери-Волги' и 'любви-персиянки', причем на втором плане проглядывается и тема ревности:

З а п е в а л о [от имени Волги]. Даже пленную красотку / Приютила я, как мать, / Но та сбила его с толку... / Вышло дело — наплевать. / <...> / Позабыл меня детина, / Разудалый атаман, — / Знать, заморская девчина / Х о р. Завела его в капкан. / <...> / З а п е в а л о.

На красавицу иную, / Что досталась в ясак, / Променял он мать родную / И обабился, казак⁸².

IV

В небольшом стихотворном цикле «Стенька Разин» (1917)⁸³ М. Цветаева в общем следует традиционному сюжету — скажем, по версии Садовникова, с которой у нее есть прямые текстуальные переключки⁸⁴.

Обнявшись с своей княжной... ⁸⁵	И с своей княжною из жарких стран <...> / Молодые плечи в охапку сгреб...
А княжна, склонивши очи, / Ни жива и ни мертва...	А она — очи потупила <...> / А она — что смерть... ⁸⁶
«Ночку с нею повозился <...> / Ошалел...» Насмешки, шепот / Слышит пьяный атаман...	И грохочет ватага пьяная: / — Атаман, вставай! / Налезался с басурманскою собакою!

⁸² Савельев Е. Степан Разин: Историческая драма. Новочеркасск, 1917. С. 20–21, 44–45.

⁸³ Цветаева М. Стенька Разин // Избр. произв. / Вступ. ст. Вл. Орлова; сост., погот. текста и примеч. А. Эфрон и А. Саакянц. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. № 86–88. (1-я публ.: Северные дни. Сб. 2. Пг., М., 1922. С. 52–54). (Биб-ка поэта).

⁸⁴ Едва ли случайно, что в двух четверостишиях «песенки утопленницы» Цветаевой даже использован практически тот же размер, что и у Садовникова («Рулевой зарею правил...» — «Из-за острова на стрежень...»), хотя преобладающая метрика цикла скорее подходит под определение С.П. Боброва: «тонический стих с ритмом неопределенной четности и варьирующей силлабикой» (но не такой, как у Пушкина).

⁸⁵ Ср. тот же жест в фольклоризованном пересказе: «Он могучею рукою / Сон красавицы смежил, / И персидскую царевну / Он в объятия заключил» («Что не царски воеводы...» // Русское народное творчество в Башкирии. № 198).

⁸⁶ Ср. у Мельникова: «Близ него, следя очами / За шумящими струями, / Девица сидит; / <...> / Меж разбойников сидела / И как будто онемела / В красоте своей».

Впрочем, воспроизводятся (хотя и в модифицированной форме) также некоторые из новоприобретенных легенды — «ковры», «сады», «рай», «браслеты» (ср. у Каменского: «Падайте на тахту / С ног, браслеты...», а также танец персиянки в фильме «Понизовая вольница»):

Расстелили ко в р ы у з о р н ы е...
И снится Разину дно: / Ц в е т а м и — что п л а т
к о в р о в ы й...
А над Волгой — р а й...
И звенят — звенят, звенят — звенят з а п я с т ь я...

Разин у Цветаевой — натура романтическая (со всеми крайними проявлениями подобного характера: страстностью, необузданностью желаний, неконтролируемой гневливостью), но также лирическая, склонная к созерцательности («Да заслушался, запрокинув лоб, / Как гремит над жарким его шатром / Соловьиный гром»); обе эти темы (гневливость Разина; «з а д у м ч и в о с т ь» Р а з и н а) ранее уже разрабатывались в традиции. Однако главный вопрос — интерпретация разинского поступка — Цветаева решает иначе. У нее причиной утопления девушки оказывается не ревность, спровоцированная вмешательством интригана (как у Мордовцева) или заговорщиков (как в фильме «Понизовая вольница»), а гнев атамана на отсутствие взаимности со стороны пленницы и на ее неуступчивость.

«Аль не хочешь, что ль, / Потеснее лечь? / Ты меж наших баб — / Что жемчужинка! / Аль уж страшен так? / Я твой вечный раб, / Персияночка! / Полоняночка!» / А она — брови насупила <...> / Рот закушен в кровь. — / Так и ходит атаманова крутая бровь. / «Не поладила ты с нашею постелью, / Так поладь, собака, с нашею купелью!»

Источником подобного фабульного поворота, скорее всего, является народная драма «Лодка», точнее, одна из ее «осложненных» редакций, содержащая «лубочную» интерпретацию легенды, согласно которой пленница разбойников отказывается стать любовни-

цей атамана, за что — в некоторых вариантах — обрекается на смерть.

Далее развитие сюжета, по собственному признанию Цветаевой, происходит под влиянием любимой с детства романтической повести «Ундины» Фридриха де ла Мотт Фуке, точнее, ее стихотворного переложения у Жуковского.

Персияночка Разина и Ундина. Смерть водою. Обоих любили, обоих бросили. Сон Разина (в моих стихах) — сон рыцаря у Lamotte Fouque и Жуковского. И оба: и Разин, и Рыцарь должны были погибнуть той же смертью; только Персияночка приходит со всем коварством нелюбящей женщины и Персии «за башмачком», а Ундина со всей преданностью любящей женщины и той Германии — за поцелуем (из записной книжки 1919 г.)⁸⁷.

К этим точкам соприкосновения можно добавить такую общую деталь, как плач обеих героинь перед самым погружением в воду: «Потом она горько расплакалась. <...> И она исчезла за бортом» («Ундина») — «Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы! <...> Так поладь, собака, с нашею купелью!» («Стенька Разин»); впрочем, плачет героиня и у Мельникова, и у Рыскина, и у Мордовцева. Цветаевское «обоих любили, обоих бросили» как основание для сюжетного сближения звучит двусмысленно: если Ундину рыцарь «бросает» ради Бертадьды, то «персияночку» Разин бросает в Волгу в самом буквальном смысле слова. Гораздо более однозначным в этом плане является мотив гнева героя, вследствие которого героиню настигает «смерть водою», хотя на самом деле Ундина не умирает, а лишь возвращается в родную стихию.

Но рыцарь в бешенстве кинулся к ней, ожерелье / Вырвал, швырнул в Дунай и воскликнул: / <...> / «Сгинь, чародейка, от нас и оставь нас в покое!..» / <...> / Тут из лодки быстро она в реку ускользнула: / В воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилась, / В лодке никто не

⁸⁷ Цветаева М. Стенька Разин. С. 737 (примеч.).

приметил; было и то и другое, / Было ни то ни другое. / Следа не оставив, в Дунае / Вся распустилась она⁸⁸.

Обратим внимание на ряд латентных соответствий, т.е. тех, которые не находят прямого выражения в стихотворном цикле Цветаевой, но могли иметь значение при его создании, учитывая достаточное, по-видимому, знакомство автора с предшествующей традицией бытования данного сюжета. Прежде всего, это тема *д в у х ж е н щ и н*, на которой построена центральная коллизия «Ундины» (рыцарь там прямо назван «двоеженцем», приговоренным речными духами к смерти⁸⁹), тогда как в фольклорной легенде о Разине она присутствует вторым планом (записи Садовникова), но в относительно поздних литературных текстах (начиная с Мордовцева) получает все более устойчивое выражение.

К таким же латентным соответствиям относится характеристика Ундины как «колдуньи» («чародейки» у Жуковского) в гневной реплике Хульдбранда: «Сгинь, чародейка, от нас и оставь нас в покое!..», что опять-таки вполне согласуется с поздними трансформациями легенды.

«Персиянкой о ч а р о в а н <...> Ясный сокол наш» (Мельников); «Выпей, атаман-батюшка <...> за княжну-ч а р о в н и ц у...» («Понизовая вольница»); Видно, принцесса/Ч а р у й н ы м о г н е м / Пришлась по ну-тру... / Слушал Степан / З а ч а р у й н ы й д у р м а н... «В Волгу дунь ее, / К о л д у н ь ю...» (Каменский).

⁸⁸ Фуке Ф. де ла М. Ундина / Подгот. изд. С.Р. Брахмана, Н.А. Жирмунской, Е.В. Ланды, С.В. Тураева, Д.Л. Чавчанидзе. М.: Наука, 1990. С. 204–205. (Лит. памятники) (пер. В.А. Жуковского). В оригинале: «Тут уж рыцарь не мог сдержать гнева. <...> вырвал ожерелье из рук Ундины и, швырнув его обратно в реку, яростно вскричал: “...отправляйся же к ним со всеми своими подарками, а нас, людей, оставь в покое, колдунья!” <...> И она исчезла за бортом. Бросилась ли она в воду, растеклась ли в ней, никто не знал — быть может, и то, и другое, а может быть, ни то, ни другое. Только вскоре ее след растворился в Дунае» (там же. С. 87–88).

⁸⁹ Там же. С. 93–94.

Далее следует упомянуть мотив ожерелья Бертальдды, оказывающийся поводом для гнева Хульдбранда и тем самым — косвенной причиной ухода Ундины в водную стихию; как мы помним, мотив драгоценных украшений (также прямо связанный с темой воды и утопления) устойчиво сопутствует центральному эпизоду нашей легенды. Не исключено, что отзвуком данного мотива в «Ундине» (ожерелье, взятое водой, возвращенное из воды и вновь брошенное в воду) является подводное видение утопленной персиянки, которая в сне Разина «сидит, ровно Божья мать, / Да жемчуг на нитку нижеет»; ср., кстати, связку жемчужных бус, которую атаман предлагает своей пленнице на хромофотографии 1877 г.

Особо указывает Цветаева на то, что завершающее стихотворение цикла «Сон Разина» (сюжет которого, отметим, не имеет никаких опор в предшествующей разинской традиции) написано в прямой ориентации на соответствующую главу «Ундины» («Сон рыцаря»). Здесь действительно устанавливаются очевидные параллели между произведениями, автором отдельно не отмечаемые:

Вниз посмотрел он: лазурные воды стали прозрачным, / Чистым кристаллом, и мог он насквозь до самого дна их / Видеть; и там он увидел Ундины; под светлым, кристалльным / Сводом сидела она <...> но ею самой он, казалось, / Не был замечен⁹⁰.

И снится Разину дно: / Цветами — что плат ковровый. / И снится лицо одно — / Забытое, чернобровое. / Сидит, ровно Божья мать, / Да жемчуг на нитку нижеет. / И хочет он ей сказать, / Да только губами движет... <...> И ходит, как сонный страж, / Стекланный — меж ними — полог⁹¹.

⁹⁰ Фуке Ф. де ла М. Ундина. С. 211–212. В оригинале: «И когда он взглянул вниз на воду, она превратилась в чистейший хрусталь, так что сквозь него просвечивало дно. <...> разглядел там Ундины, сидевшую под светлыми хрустальными сводами. <...> а между тем Ундина как будто и не замечала его» (там же. С. 93).

⁹¹ Цветаева М. Стенька Разин. № 88.

Остается еще одна яркая деталь, не имеющая отношения ни к «Ундине», ни к исходной разинской традиции, — башмачок утопленницы («Красный один / Башмачок на корме»), становящийся, в свою очередь, центральной темой заключительной песенки княжны.

Ты зачем меня оставил / Об одном башмачке? / Кто красавицу захочет / В башмачке одном? / Я приду к тебе, дружок, / За другим башмачком!⁹²

Если само по себе появление утопленницы-персиянки может быть подсказано балладой Рыскина («Но навстречу грузных барок, — / Доводилось видеть нам, — / Степы Разина подарок / Выплывает по ночам...»⁹³), то деталь 'оставленный башмачок' отсылает к топике «убегающей невесты» из сказки о Золушке (AaTh 510A; Mot. F823.2 — х р у с т а л ь н а я т у ф е л ь - к а⁹⁴), которая, однако, контаминируется с мотивом мифологической прозы, отражающим распространенные поверья об опасном визите неупокоенного мертвеца⁹⁵, в том числе утопленника⁹⁶, особенно погибшего насильственной смертью — П о к о й н и к н а к а з ы - в а е т з а н е п о ч т и т е л ь н о с т ь , о б и д у и л и

⁹² Там же.

⁹³ *Рыскин С.Ф.* Стенька Разин (Бурлацкая сказка) // Первый шаг: Собр. стихотворений. М.: Изд. книгопродавца А.Д. Преснова, 1888. С. 150.

⁹⁴ Не исключено даже, что данная тема подсказана ассоциацией, актуализованной той же сценой из «Ундины»: «Воды стали прозрачным, / Чистым к р и с т а л л о м , и мог он насквозь до самого дна их / Видеть; и там он увидел Ундину; под светлым, к р и с т а л ь н ы м / Сводом сидела она...»

⁹⁵ Любовная связь с призраком («ходячим покойником») приводит к болезни и смерти (*Козлова Н.К.* Восточнославянские былички о змее и змеях: Мифический любовник: Указатель сюжетов и тексты. Омск: Изд-во ОмГПУ. 2000. № 14, 16, 74).

⁹⁶ Вспомним пушкинское «Уж с утра погода злится, / Ночью буря настаёт, / И утопленник стучится / Под окном и у ворот» (*Пушкин А.С.* Утопленник. Простонародная сказка // Полн. собр. соч. Т. III. С. 75).

кошунство (Зин. ГШ 4). Покойник увлекает родственников к могиле (Зин. ГШ 6). Покойник приходит за принадлежавшей ему вещью (Зин. ГШ 10) или просит передать ему ее. Последний сюжет в данном случае особенно показателен. Ср., например:

У матери умерла дочь. Ее похоронили и забыли надеть тапочки. Она снится матери и говорит: «Вот такого-то числа будут хоронить того-то. Положи к нему в гроб тапочки, и мне их передадут». Потом этой женщине снится другой сон: «Тапочки-то мне передали, но по тебе я соскучилась, хочу увидеть. Приходи на такой-то перекресток и принеси цветы». Она [мать] цветы купила и поехала на назначенный перекресток. Она ехала на такси и попала в пробку, то есть не успевала к двум часам. Она вышла и побежала. До перекрестка добежала, и ее сбила машина, насмерть. А когда подъехал таксист, с которым она была, он вспомнил, что женщина торопилась к двум часам. Везде были разбросаны цветы, ну, а женщину не нашли и никто больше не видел⁹⁷.

Таким образом, грядущая казнь Разина должна прямо осуществиться «женщиной из воды» — подобно тому как это происходит в «Ундине», — а не только предсказана «женщиной в лодке» как в цитированной выше песне из собрания Чулкова («Посреди лодки красна девица, / Ясаулова родна сестрица, / Атаманова полюбовница; / Она плачет, что река льется, / В возрыданьи слово молвила. / “Нехорош-то мне сон привиделся. <...> / Атаману быть поиману, / Ясаулу быть повешену, / Добрым молодцам голова рубить...”»).

Впрочем, мотив оставленной туфельки может иметь и несколько более широкие опоры в предшествующих традициях. Во-первых, уместно вспомнить

⁹⁷ Несказочная проза села Баганово Кемеровской области (материалы фольклорных практик КемГУ 2002–2005 гг.) / Публ. Э.М. Афанасьевой // Фольклорная картина мира: Сб. науч. работ / Редколл. Е.Ю. Сафатова, М.Е. Поселенов. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. С. 77.

лермонтовскую княжну Мери, конкретно — ту сцену, в которой ее, обманутую и в известном смысле «брошенную», Печорин видит в окне, причем упоминается следующая деталь: «...ее маленькие ножки прятались в пестрых персидских туфлях»⁹⁸. Во-вторых, это оставленный «подземельной щеголихой» и подробнее описанный женский башмак из рассказа губного старосты об обыске разбойничьего притона («историческая повесть» Н.И. Фомина «Стенька Разин», 1836 г.): «...он сшит из красного трипу, на превысоком каблуке, подбитом медною бляхой. Спереди вставлены в нем маленькие зеркалаца и по местам разноцветная фольга; весь башмак выложен в узор золотую нитью»⁹⁹. Наконец, в-третьих, стоит упомянуть об адыгском (т.е. черкесском) способе вызывания дождя при помощи туфли, тайно украденной у незамужней женщины, имеющей ребенка (~ у плешивой женщины): если его бросить (~ опустить на веревке) в реку, пойдет дождь¹⁰⁰. В последнем случае обратим внимание на симпатическую связь с водной стихией туфли, которую не по своей воле утрачивает женщина, имеющая отличительный признак (социальный или физический).

В 1910–1920-е годы поэт-футурист В.В. Каменский (1884–1961) пишет роман «Степан Разин» (1915/1916)¹⁰¹,

⁹⁸ Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. VI. С. 316.

⁹⁹ Стенька Разин: Историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот: Соч. Николая Фомина. М.: В тип. Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии, 1836. С. 28.

¹⁰⁰ Чуякова Н. Адыгейские приметы, поверья, суеверия, сны адыгов. Майкоп: Адыгея, 2005. С. 35; Козьмин А.В. Материалы по этнографии и мифологическим представлениям жителей аула Уляп, Адыгея (в печати).

¹⁰¹ Каменский В. Степан Разин: Роман. М.: Тип. «Культура». А.К. Миесеровой, 1916 (= Привольный роман. М.; Л.: ЗИФ, 1928). Репринт. воспроизв.: Каменский В.В. Сочинения / Сост. М.Я. Поляков. М.: Книга, 1990. «Привольный роман» не является простым переизданием текста 1915/1916 г., это его новая авторская редакция (см.: Константинова С.Л. От Стеньки к Степану: трансформация заголовочно-финального комплекса романа В. Камен-

далее переработанный в пьесу¹⁰² и, наконец, в одноименную поэму (1927–1928 гг.)¹⁰³. Как считает В.Т. Шаламов, роман у Каменского не получился. «Не то что он был плох <...> просто в то время, когда заканчивался роман, можно было сказать гораздо больше. Каменского увлекла новая мысль, и на том же материале он пишет свою первую пьесу “Стенька Разин”, свое самое знаменитое произведение. “Стенька Разин” — это первая советская пьеса вообще <...> “Разин” Каменского буквально заполнил все эстрады, все театры, все клубы молодой республики. Актеры переписывали пьесу друг у друга. Без “Стеньки Разина” Каменского театр не смог бы открыть сезон. <...> Эта поэма-пьеса и явилась первой советской пьесой, поставленной не только в Москве, но и по всем городам Советского Союза»¹⁰⁴.

Каменский и вообще идентифицировал себя со знаменитым разбойником¹⁰⁵.

ского «Степан Разин» // Пограничные процессы в литературе и культуре: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Василия Каменского (17–19 апреля 2009 г.) / Общ. ред. Н.С. Бочкарева, И.А. Пикулева. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. С. 345–347).

¹⁰² Каменский В. Степан Разин: Коллективное представление в 9 картинах. Пг.; М., 1919 (= Пьеса в 9 картинах. Харьков, 1923).

¹⁰³ Эта поэма как «окончательная» авторская сюжетная версия положена в основу предлагаемого анализа. Далее текст цит. по изд.: Каменский В. Степан Разин // Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 151–180 (№ 76). «Теме “Стеньки Разина” Каменский остается верен всю жизнь, но не роман дал автору поистине всенародную известность. Это была поэма “Сердце народное Стенька Разин”, вышедшая в 1918 году и тут же переделанная для театра, поэма-пьеса “Стенька Разин”. Пьеса-поэма “Стенька Разин” была любимым произведением Василия Каменского. Она имеет ряд вариантов, лучший из которых самим автором датирован 1928-м годом. После 1928 г. Каменский не возвращался к тексту поэмы» (Шаламов В.Т. Поэт Василий Каменский [цит. по: <http://www.shalamov.ru/library/21/55.html>]).

¹⁰⁴ Шаламов В.Т. Поэт Василий Каменский (цит. по: <http://www.shalamov.ru/library/21/55.html>).

¹⁰⁵ Каменский В.В. Его-моя биография великого футуриста. М.: Китоврас, 1918; Гусман Б.Е. Василий Каменский // Гусман Б.Е. Сто

На своих выступлениях в тифлисском цирке Братьев Есиковских (октябрь 1916) Каменский даже выезжал на арену верхом на белой лошади в костюме Стеньки Разина, а однажды на отдыхе декорировал одолженные лодки под струги Разина и возглавил лодочное шествие по речке Бересклетке, огорошив тем местных жителей¹⁰⁶.

Значительное место в этих произведениях занимает сюжетная линия Разин и персидская княжна. Как и у Мордовцева, любовь атамана и персиянки здесь оказывается взаимной, но автор вслед за Хрущовым-Сокольниковым и Ватсон идет еще дальше: девушка представлена уже не пленницей, она добровольно соглашается покинуть с возлюбленным султанский дворец в Реште — так интерпретирован зачин легенды о появлении у главаря разбойников после «персидского похода» высокородной любовницы. Как и в предшествующих текстах, начиная с Хрущова-Сокольникова, героиня Каменского имеет имя (Мейран) и голос, причем не говорящий, а только поющий («Пела Мейран о любви...»¹⁰⁷). Поет, впрочем, и Разин — серенаду своей даме при первом пробуждении чувства («С сердцем, / Пьяным любовным вином, / Встаю поутру / И пою: / Сад твой зеленый, / Сад апельсиновый...»¹⁰⁸) и горестную песнь по-

---

поэтов: Литературные портреты. Тверь: Октябрь, 1923. С. 117–123; *Антипина З.С.* Уральская речь в произведениях В. Каменского о Степане Разине // Пермская библиотека. Проект «Пермский архив». № 14 (<http://kulturaperm.ru/content/14Anipina.pdf>).

¹⁰⁶ *Никольская Т.Л.* Каменский Василий Васильевич. Т. II // Русские писатели. 1800–1917 [М., 1992]. С. 457; *Василькова Н. Шизовки* // Крещатик. 2013. № 4 (62) [вступ. заметка Т.Л. Никольской]. «Директор Есиковский — вероятно, по совету Заикина — сделал предложение Василью Каменскому выступить у него в цирке рядовым гастролером: в костюме Стеньки Разина верхом на коне исполнить песни из Его романа, а перед началом сказать речь о поэзии цирка — демократизации Искусства» (*Каменский В.В.* Его-моя биография... [цит. по: ruslit.traumlibrary.net/book/kamenskiy-biografia/kamenskiy-biografia.html#work002037]).

¹⁰⁷ *Каменский В.* Степан Разин. С. 165–166.

¹⁰⁸ Там же. С. 162–165.

сле ее гибели («Воем выл псиновым: / “Не живать мне в саду, / Не бывать в апельсиновом”»); поет также и есаул Васька Ус: «На помин затянул» — очевидная реплика на садовниковское «...за помин ее души!..»¹⁰⁹. Весь эпизод умыкания возлюбленной, сказочно-эпический по сюжету (АаTh 513), но декорированный «восточной экзотикой» («Двинем в Персию — туда, / Где восточная звезда / Нам сулит / Ковры-дары»), проходит словно бы с музыкальным сопровождением («Степан вывез Мейран / Под гусярские песни»¹¹⁰), причем песни тут исключительно сольные, тогда как «коллективные высказывания», напротив, не обозначаются как хоровое пение.

В о л ь н и ц а ш у м е л а : / «Волги мало нам, — / Мы из Астрахани двинем / В море по волнам...»

Да только огулом / Р у г а ю т с я р а з и н ц ы : / «А ну ее к рожну — / Персидскую княжну!»¹¹¹

Некоторые обстоятельства «персидского похода» («В Реште султанский / Принял дворец / Разинских / Буйных гостей») описываются с опорой на историческую литературу, причем явно не только на Костомарова (у которого название этого города звучит как Раш). О знакомстве поэта с рассказом Стрёйса (точнее, с одной из интерпретаций этого рассказа) говорит строка «Степан, как в бреду, / утопил княжну» — она соответствует квалификации поступка Разина как действия человека, утратившего контроль над собой (у Садовникова, напомню, он мотивирован недовольством разбойников).

Стенька приходил в подобные иступления только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти (Корнилович); Вдруг, упившись до ярости... Стенька вскакивает со своего места, неистово подходит к окраине струга... (Костомаров).

¹⁰⁹ Там же. С. 169–171.

¹¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹¹ Там же. С. 162, 170–171.

Наконец, тот же источник, вероятно, имеет мотив нарядов и украшений: «обвила голыми руками, сплошь и украшенными золотыми с камнями браслетами, могучую шею Степана» (ср. в поэме: «Падайте на тахту / С ног, б р а с л е т ы. <...> С знойно-голых ног / Сами спадут / Б и р ю з а, и з у м р у д»). Как мы помним, этот мотив хорошо известен данному сюжету, начиная с версий Фабрициуса и Стрэйса, но далее характерен скорее для литературной традиции¹¹² и литературных обработок устных преданий¹¹³, чем для фольклорных версий.

Впрочем, на фольклорные предания Каменский также опирается, откуда, видимо, происходит квалификация Разина как колдуна («Из заморских тех стран / Победитель-ч уд е с н и к / Степан вывез Мейран...»), отсюда же — наличие у атамана двух женщин: русской жены и иноземной любовницы (в поэме: «Д е л ю б в и: / М е й р а н д а А л е н а¹¹⁴, — / Лебедь черная, / Лебедь белая. / Не много ль любви? / Алена — донская, / А эта — заморская»); тема опять-таки присутствует в устной традиции, причем, как говорилось, зачастую одну женщину зовут Елена / Алена, а другую — Мария (не отсюда ли и имя Мейран?).

Можно предположить влияние на Каменского драматических (и музыкально-драматических) разработок темы (хотя под большим вопросом остается его знакомство с «исторической драмой» Савельева и особенно с оперным либретто Ватсон). Более убедительны следы влияния киноверсий, прежде всего, фильма «Понизовая вольница». Об этом, в частности, говорит рефрен о саде в «ариях» Разина («Сад твой зеленый, / Сад апельсиновый»; ср.: «вспоминая о тебе, моей милой родине, с а д а х д у ш и с т ы х н а ш и х» в «подметном пись-

ме» в киноверсии), причем этот сад явно осмысливается как райский («Полубилась / Степану в раю / Птица Мейран — / Принца Аджара дочь»)¹¹⁵, а утрата любви — как потеря рая («Не живать мне в саду, / Не бывать в апельсиновом»). Впрочем, данная топика могла быть связана и с «виноградными садами» у Садовникова (стихотворение «Зазноба» или одна из его фольклорных редакций). Более настойчивой становится тема «чародейства» персиянки (которая, как говорилось, была заявлена еще у Мельникова и затем разрабатывалась у Хрущова-Сокольников и в «Понизовой вольнице»).

Видно, принцесса / Ч а р у й н ы м о г н е м / Пришлась по нутру...

Слушал Степан / З а ч а р у й н ы й д у р м а н...

«В Волгу дунь ее, / К о л д у н ь ю...»

На предшествующую традицию, включая интертитры фильма «Понизовая вольница», опирается, по всей вероятности, выражение недовольства разинцев увлечением атамана в поэме Каменского.

«Понизовая вольница»

«Где видано, чтоб Атаман удалых молодцев якшался с бабами? Он дело забывает! Нам следует спешить на вольный Дон, нас окружает войско Государево».

«Степан Разин» Каменского

«Не до баб нам, атаман, / Когда с войском караван / От царя идет в заимку. / А ты с бабой спишь в обнимку».

Не исключено, что некоторые сцены в поэме, как и в предшествующем ей романе, построены с ориентацией на те кадры фильма, в которых княжна постоянно бросается на шею Разину.

А на ковре атаманском, / На тегеранском ковре, / На заре, / Шею Степана обвив, / Пела Мейран о любви...

¹¹² «Вся в сияньи переливном / Дорогих камней» (Мельников); «вся в золоте, бриллиантах и жемчуге» (Савельев).

¹¹³ Якушкин П.Я. Путевые письма... С. 143–144; Глебов С.И. Жизнь и казнь Стеньки Разина. С. 97–99.

¹¹⁴ Забавно, что в сейчас Интернете присутствует некая Алена Мейран «симпотичная (*sic!*) веселая девчонка» (<http://my.mail.ru/mail/aseno4ka16/>).

¹¹⁵ Неслучайно Хлебников увидел в поэме Каменского размещенные «на цветущем кусте сто соловьев и жаворонков» (Северный изборонок. М.; [Харьков]: Лагуны, 1918; см. также Никольская Т.Л. Каменский Василий Васильевич. С. 457).

Принцесса змеинно обвила голыми руками, сплошь изукрашенными золотыми с камнями браслетами, могучую шею Степана и несводно смотрела с огненной любовью-скорбью в небомудрые детские глаза возлюбленного.

Впрочем, этот жест был представлен еще у Хрущова-Сокольников: «Целуй же, целуй меня!» И она обхватила шею атамана своими чудными, словно точеными руками...»¹¹⁶ Обратим внимание: в «Понизовой вольнице» в качестве декорума действительно присутствуют ковры (в сценах «Разгул в лесу» и «Ревность заговорила»). Раньше они уже встречались нам на хромотографии 1877 г. (пещера, убранный коврами, в которой атаман предлагает плачущей и непокорной пленнице связку жемчужных бус), а затем использовались для создания «персидского колорита» в повести Мордовцева — как устойчивый атрибут пленницы.

Заира сидела на богатом персидском ковре с брошенными на него шитыми шелками подушками...

Она, как раненый тигренок, вскочила с ковра...

Бедная девушка упала на ковер и горько заплакала, уткнув свое личико в подушку...

Девушка, горько наплакавшись, уснула тут же на ковре невинным сном младенца...¹¹⁷

Кстати, ковры вообще издавна входят в устойчивые наборы персидских («кизилбашских») товаров, являющихся предметом приобретения для царской казны¹¹⁸,

¹¹⁶ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 226–227.

¹¹⁷ Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? С. 134, 135, 137.

¹¹⁸ «Привезенные Демидовым товары (зарбафы, атласы, камки, ковры, бархаты, парчи, дараги, киндяки, сафьяны, шелк и ладан) были сложены в так называемой палате кизилбашских товаров или в Большой товарной палате [она же, по-видимому, и Купецкая палата], откуда в течение ряда лет и выбирались, по государевым указам, подьячими Приказа» (Заозерский А.И. Царская вотчина XVII в.: Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2-е изд. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. С. 227–228).

они же были и предметом грабежа речными разбойниками¹¹⁹.

В сущности, Каменский доводит до логического завершения линию «раскрепощения» героини легенды, начатую замечанием Костомарова о власти наложницы «над необузданным сердцем атамана»: теперь она уже прямо ободряет своими песнями простодушного разбойника, бежит с ним из отцовского дворца и цепко держит в любовном плену, интерпретируемом окружающими как чародейство. Это и приводит ее к гибели.

Романная версия предлагает другую причину жестокой расправы с Мейран — девушка сама просит возлюбленного о своем утоплении¹²⁰:

Пойми, и сделай так. Прошу, повелитель, исполни. Скорей. Пока еще темно. Много вина выпила с тобой. Много счастья. Спасибо, родимый, единственный. Начало мое и конец мой. Песня из сада дней моих. Любовь неземная. Возьми. Подыми на своих сильных руках высоко. К небу. И брось в Волгу. Так хочу. Подари меня Волге. Мне не страшно. Нет. Я тебе буду петь. Слышишь. Буду петь о любви. Скорей. Звезды, что лежат на дне Волги, возьмут меня. Возьмут к себе звезды. Сделай так, повелитель, любимый мой¹²¹.

По всей видимости, эта экзотическая интерпретация центрального события вырастает из одного фрагмента в романе Хрущова-Сокольников, где, однако, соответствующее восклицание Шекерлеб имеет характер своего рода «любовной риторики» и скорее замыкает предшествующее покушение на убийство, чем преддрекает последующее утопление пленницы.

¹¹⁹ «Казакки возвращали царю три золотые ковра, взятые на той же бусе и принадлежавшие, поэтому, царской казне» (Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. С. 429).

¹²⁰ Рассмотрение этого «суицидального» сюжетного поворота см. в ст.: Жолковский А. Сбросить или бросить? // Новое литературное обозрение. 2009. № 96.

¹²¹ Каменский В.В. Сочинения. С. 126.

«Расстаться... Расстаться... шептал он с полным сознанием своего бессилия и невозможности отвратить грозный удар судьбы <...> но в ту минуту, когда роковой удар готов был поразить ее, Разин вздрогнул; нож выпал из рук его, и, полон бешеной страсти, атаман припал к роскошному стану красавицы, стиснул его своими могучими руками и обжег горячим, бешеным поцелуем ее дивные губки. «Это ты, мой господин! мой повелитель! — шептала в страстном опьянении красавица. — Ты любишь, любишь меня, а мне сейчас снилось, что ты гонишь меня; я не пойду, не пойду, лучше убей! С а м убей, только не гони, не гони...»¹²²

Следующий шаг, как мы помним, делается в фильме Либкена и Мартова «Стенька Разин» (1914) героиня которого, отказываясь расставаться с возлюбленным, говорит: «Сам убей, только не гони» — и действительно, на следующий день погибает в волжских волнах. В поэме Каменского эта «эвтаназийная» версия не удержалась, хотя след ее все же остался в описании финальной сцены:

На вытянутых руках гордо
вынес Степан из палатки
полуобнаженную принцессу.
Вынес и стал с ней посреди
палубы в кругу пира. <...>
Принцесса змеинно обвила
голыми руками <...> могу-
чую шею Степана. <...> [Он]
припал к устам долгим по-
целуем, подошел к борту,
шатаясь от мученских слез,
и со всего размаху кинул
принцессу в Волгу¹²³.

На струг вышел Степан /
Из шатровой завесы, / А в
руках — гибкий стан / Изви-
вался принцессы. / Взмах! /
И брызги алмазные / Осле-
пили глаза. / Песни бражные,
праздные / Разлила бирюза. /
Прощай!¹²⁴

Не удержалась и другая выразительная деталь: перед тем как бросить любовницу в Волгу, атаман «поднял с полу свой алобархатный кафтан, завернул в него прин-

¹²² Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 226–227.

¹²³ Каменский В.В. Сочинения. 127–128.

¹²⁴ Каменский В. Степан Разин. С. 169–171.

цессу, связал узлом кафтанные рукава на ее груди»¹²⁵. Здесь следует привести две параллели, в сущности не противоречащие одна другой. Речь идет, во-первых, о мотиве обряжения девушки перед ее принесением в дар реке и, во-вторых, о старом казацком способе утопления «мордовским судом» — «в куль да в воду» (Даль, II. С. 217), когда в качестве «куля» использовалась одежда осужденного: вору «завязывали над головой рубаху, насыпали туда песку и так бросали его в воду»; согласно Фабрициусу, это было принято и у разинцев¹²⁶.

Перу Велимира Хлебникова принадлежат два произведения о Степане Разине: палиндромная поэма «Разин» (1920), в которой, насколько это можно понять, нет интересующего нас эпизода (ее повествовательное наполнение вообще остается сложно постигаемой сущностью), и небольшая поэма «Уструг Разина» (1921–1922)¹²⁷, вполне читаемая и едва ли не целиком посвященная рассказу об утоплении атамановой любовницы.

Завязка конфликта здесь почти совпадает с «Понизовой вольницей» («На уструге тлеет заговор»). «Заговор» разбойников начинается явно за спиной Разина («речи тихие ведут»), но практически сразу же их ропот переходит в прямой призыв к атаману:

¹²⁵ Там же. С. 128.

¹²⁶ Записки иностранцев. С. 54.

¹²⁷ Хлебников В. Уструг Разина // Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. С. 359–362 (№ 219) (1-е изд.: ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств / Отв. ред. В. Маяковский; обл. и монтаж А. Родченко. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. № 1, март. С. 58–60 [сокращ. ред.]; Хлебников В. Собр. произв.: В 5 т. / Под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. 1928. Т. I. С. 246 [полный текст]). См. об этом произведении: Спесивцева Л.В. Образ Разина в поэме В. Хлебникова «Уструг Разина» и в стихотворении М. Цветаевой «Стенька Разин» // Поэтический мир Велимира Хлебникова. Астрахань, 1992. Вып. 2. С. 146–151; Исаев Г.Г. Поэма Хлебникова «Уструг Разина»: проблемы интерпретации // Вестник Общества Велимира Хлебникова / Сост. Е.Р. Арензон, Г.Г. Глинин. Вып. II. М.: Гилея, 1999. С. 40–52.

«Или разумом ты нищий, / Богатырь без головы? /
Развяжи кошель и грош / Бедной девки в воду брось! /
Куксит, плачет целый день. / Это дело — дребедень. /
<...> / Нам глаза ее тошны. / Развяжи узлы мошны. / Иль
тебе в часы досуга / Шелк волос милей кольчуги?»¹²⁸

Здесь Хлебников, возможно, следует, с одной стороны, Рыскину («А красавица рыдает... / “Будет рюмить!.. Не грусти!” — / Молвил Степа, — и смекает: / “Нет в красавице пути!..”»¹²⁹), а с другой — Каменскому (произведение которого он, как упоминалось, оценил весьма высоко): «А ну ее к рожну — / Персидскую княжну! / В Волгу дунь ее, / Колдунью. / Не до баб нам, атаман <...> / Слышь? / Дунь! / Кинь! / Брось! / А то / сердце / с нами / врозь. / Брось!» Есть, впрочем, одно, причем принципиальное, отличие: «пастухи ножей веселых» у Хлебникова требуют именно жертвоприношения:

«Волга-мать не видит пищи, / Время жертвы и жратвы. / <...> / Закопченною девчонкой / Накорми страну плотвы. / В гневе праведном сердчая, / Волга бьется, правды чая...»¹³⁰

Соответствующим образом (и вполне «по-хлебниковски») звучит обращение Разина к реке, характеризующее как «обет»: «К богу-могу эту куклу! / Девы-мевы, руки-муки, / Косы-мосы, очи-мочи! / Голубая Волга — на!» (где слова «Голубая Волга — на!» представляют собой совершенно очевидную отсылку в садовниковскому «На, кормилица... возьми!»). Обратим, кстати, внимание: персиянку топят, как куклу («В буревой волне маячит / Ляля буйного донца»), и это дает основание вспомнить стихотворение И. Анненского «То было на Валлен-Коски» (1909), к котором описывается, как в финском водопаде Валлинкоски для развлечения туристов топили и вновь вытаскивали старую куклу:

¹²⁸ Хлебников В. Уструг Разина. С. 361–362.

¹²⁹ Рыскин С.Ф. Стенька Разин. С. 149.

¹³⁰ Хлебников В. Уструг Разина. С. 361–362.

В утеху нам куклу бросали / В то утро в четвертый раз. / Разбухшая кукла ныряла / Послушно в седой водопад / И долго кружилась сначала, / Всё будто рвалась назад. / Но даром лизала пена / Суставы прижатых рук, — / Спасенье ее неизменно / Для новых и новых мук. / <...> И вот уж кукла на камне, / И дальше идет река...¹³¹

Далее у Хлебникова дар принимается, волнение стихает («И морю утихнуть легко, / И ветру свирепствовать лень»), причем речь идет о жертве именно как о предоставляемой пище, без каких бы то ни было matrimониальных коннотаций. Соответственно утопление «девки» описывается исключительно метафорами пожирания: «Волны Волги — точно волки, / Ветер бешеной погоды. / Вьется шелковый лоскут. / И у Волги у голодной / Слюни голода текут»¹³². Надо, впрочем, заметить, что мотив у т о п л е н и я к у к л ы, напоминает также и о заместительной жертве (к у к л у - з а м е с т и т е л я т о п я т [Mot. K512.2.3]).

В связи с понуждением к жертвоприношению («Ей ворчится, как волчице. / <...> / Волга воеет, Волга скачет») соблазнительно вспомнить башкирское поверье о «кричащей воде», требующей человеческой жертвы («Если захочет человека взять, вода ревет»; «Озеро ревет, просит жертвы, значит, кто-нибудь утонет и умрет»), заменяемой монетой или пучком волос¹³³; сходство, возможно, и не случайное. Вообще же после предания, изложенного Фабрициусом в XVII в., тема жертвоприношения встречается только раз — в краткой записи Костомарова (середина XIX в.), сюжетный контур которой, в сущности, совпадает с приведенным хлебниковским описанием. Приведу эту запись еще раз:

¹³¹ Анненский И. То было на Валлен-Коски // Избр. произв. Л.: Худ. лит., 1988. С. 67 [Из цикла «Трилистник осенний»] (= Остров. 1909. № 2; Анненский И. Кипарисовый ларец: Вторая книга стихов. Посмертная. М.: Гриф, 1910).

¹³² Там же.

¹³³ Хөсәйенова Г.Р. Башкорт әкиәттәрендә һыу символикаһы (Символика воды в башкирском фольклоре) // Ватандаш. 1999, № 10. С. 76–79 (на башкир. яз.).

Плыл (говорит народ) Стенька по морю, на своей чудесной кошме, играл в карты с козаками, а подле него сидела любовница, пленная персиянка. Вдруг сделалась буря. Товарищи и говорят ему: «Это на нас море рассердилось. Брось ему полонянку». Стенька бросил ее в море, — и буря утихла (Кост. С. 376).

Хлебников как автор двух сочинений о Разине эту запись должен был знать — книга Костомарова на долгие годы оставалась основным источником по разинскому движению, причем источником не только популярным и доступным, неоднократно переиздаваемым, но и сохраняющим свою авторитетность; нет, впрочем, ничего невозможного и в том, что поэт-волжанин сам слышал один из устных вариантов того же предания.

Как бы то ни было, Хлебников использует здесь эту довольно редкую фабульную версию — начиная с 1890-х годов сюжет легенды обычно разрабатывает любовную коллизию (ревность, отсутствие взаимности, интриганский навет). Получается, что поэт — в полном согласии со своими творческими установками — реархаизирует легенду, предложив тем самым другой вектор ее развития, альтернативный «любовно-романтическому». Можно представить себе, что именно в соответствии с этим вектором героиня опять лишается имени, членораздельной речи, даже движения (недаром она названа «куклой», «лялей»), а заодно своих ковров, садов и прочих опознавательных признаков, приобретенных в последней фазе эволюции образа. Она снова превращается в пассивный объект, а не субъект действия, как-то уже успела стать в ходе вышеописанного литературно-драматического развития.

В поэме В.А. Гиляровского «Стенька Разин»¹⁵⁴, которая предлагает тематическое разворачивание известного стихотворения И.З. Сурикова «Казнь Стеньки Разина» («Точно море в час прибоя / Площадь Красная

¹⁵⁴ *Гиляровский В.А.* Стенька Разин // Соч.: В 4 т. / Сост. И. Есина. М.: Правда, 1989. Т. IV. С. 179–182 (1-е изд.: Стенька Разин: Поэма. М.: Берендеи, [1922]; Степан Разин. М.; Л.: Гиз, 1925).

гудит», 1877), разбойничий атаман вспоминает этот эпизод своей биографии (отсутствующий у Сурикова) перед самой казнью:

Вот Волги-матушки широкой / И моря Каспия простор... / Его ватага удалая — / Поволжья бурная гроза... / И персиянка молодая, / Она пред ним... Ее глаза / Полны слезой, полны любовью, / Полны восторженной мечты... / Вот руки, облитые кровью, — / И нет на свете красоты!¹⁵⁵

Кстати, та же тема воспоминаний перед казнью использована в поэме Е.А. Евтушенко «Казнь Стеньки Разина» (1964): «А добра мне так хотелось / на персидских берегах / и тогда, / когда летелось / вдоль по Волге на стругах! / Что я ведал? / Чьи-то очи, / саблю, / парус / да седло...»¹⁵⁶ При этом слова «Что я ведал? / Чьи-то очи...» могут быть соотнесены со строками Гиляровского «Она пред ним... Ее глаза / Полны слезой, полны любовью, / Полны восторженной мечты...» и тем самым содержать косвенную отсылку к ситуации с персидской княжной.

В рассматриваемом фрагменте Гиляровский, несомненно, придерживается той сюжетной версии, согласно которой любовь атамана и прекрасной пленницы — обоюдная (Мордовцев, «Понизовая вольница», Каменский), однако причины убийства девушки здесь не называются, и оно, по-видимому, совершается не как утопление, а как кровавая расправа (вспомним «версию Дюма!»): «Вот руки, облитые кровью, — / И нет на свете красоты!»; последняя фраза интонационно отчасти перекликается с цветаевским «Вот и вся тебе

¹⁵⁵ Там же. С. 181. Ср. у Сурикова: «Так же мрачно и сурово, / Как и прежде, смотрит он, — / Перед ним былое время / Восстает, как яркий сон; / Дона тихого приволье, / Волги-матушки простор <...> / Как он с силою казацкой / Рыскал вихорем степным...» (Стихотворения И.З. Сурикова. М., 1877 [http://a-pesni.org/popular20/kaznrzina.php]).

¹⁵⁶ *Евтушенко Е.* Избр. произв.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 1: 1952–1965. Стихотворения и поэмы. С. 415.

персияночка, / Полоняночка». Во второй части поэмы, описывающей саму казнь, возникает тема «второй женщины»:

Дрогнул помост, народ ужаснулся... / Хоть бы стон!
Лишь глаза, словно ночь, / Черным блеском кого-то искали /
Близ помоста и сзади вдали... / Яркой радостью вдруг засверкали, /
Знать, желанные очи нашли! / <...> / А в толпе среди шума и гула /
Слышно — женщина плачет вдали. / Вот ее-то своими глазами /
Атаман меж народа искал, / Поцелуй огневыми очами /
Перед смертью он ей посылал¹³⁷.

Эта тема уже встречалась нам в фольклорных записях Садовникова, в поэме Каменского, но особенно — в финальном эпизоде «исторического исследования» Глебова: «Крикнул какой-то голос и замер в стоне толпы, завладевшей атаманом <...> “Маруся и ты против меня!” — еще раз простонал голос Стеньки в толпе и в толпе и замер навсегда... Он, как видно, и в лице царевны своей любил образ его первой любви...»¹³⁸ Можно предположить, что Гиляровский знал данный текст или, что менее вероятно, был знаком с его пока не выявленными источниками («предания калмыков Астраханской губернии?»)¹³⁹, однако переместил данную ситуацию с места ареста атамана на место его казни (возможно, под влиянием одной из заключительных сцен «Капитанской дочери», когда Пугачев перед плахой видит в толпе знакомое ему лицо и подает ему прощальный знак¹⁴⁰).

¹³⁷ Гиляровский В.А. Стенька Разин. С. 182.

¹³⁸ Глебов С.И. Жизнь и казнь Стеньки Разина. С. 99.

¹³⁹ Их он мог слышать, скажем, в 1870-е годы, когда на Волге был бурлаком, крючником в порту, работником на рыбных промыслах, истопником, пожарным, табунщиком в Царицыне, наездником в цирке в Ростове-на-Дону, актером, вольноопределяющимся в армии на Кавказе и т.д.

¹⁴⁰ «...Он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана народу» (Пушкин А.С. Капитанская дочка // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. VI. Художественная проза. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 540).

V

Сценарий А.М. Горького «Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве» (1921)¹⁴¹ был написан в Берлине (для Шаляпина в главной роли), и, по-видимому, по договоренности с кинофирмой, но фильм по какой-то причине так и не был снят. Эпизод с персидской княжной занимает тут достаточно важное место и по сюжетной разработке вполне традиционен. Согласно данной версии, чувства атамана и персиянки (как у Хрущева-Сокольников, Мордовцева, Каменского и в «Понизовой вольнице») являются взаимными, но Горький возвращается к более раннему типу описания пленницы, не наделяя ее именем и исключая возможность речевого общения с Разиным — в данном случае по вполне определенным лингвистическим причинам («Хорошо мне с тобою, да немая ты, и я — немой»¹⁴²); это обстоятельство (любовники не понимают друг друга) впоследствии оказывается катализатором разыгрываемой трагедии. Мизансцена, в которой «на коврах и подушках полулежит персидская княжна»¹⁴³, возможно, отсылает к композиции картины П.Ф. Яковлева «Разин и персидская княжна», сюжет которой, впрочем, разворачивается на романтическом фоне дикой природы.

Как и положено, «красота персиянки усыпляет волю» атамана, она «упорно смотрит на Разина <...> неотрывно глядя в глаза его высасывающим взглядом» (вспомним Шекерлеб у Хрущева-Сокольников!), но сначала отношения любовников автор, вслед за Мордовцевым, пред-

¹⁴¹ Горький А.М. Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666–1668 годов // Собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. XVIII: Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. С. 239–281 (= Архив А.М. Горького. Т. II. Пьесы и сценарии. М.: Гослитиздат, 1941). «...Везде, где это можно было сделать, не нарушая истины, я смягчил характер Разина... Костюмы запорожцев можно взять с картины Репина “Запорожцы”. Я ввел в группу запорожцев одноглазого бандуриста», — писал автор С. Горону [по-видимому, представителю французской кинофирмы] (там же. С. 437).

¹⁴² Там же. С. 266.

¹⁴³ Там же. С. 266.

ставляет умиротворяюще-гармоничными («...улыбаясь, он мечтает о тихой, спокойной жизни с нею, он гладит волосы ее, грустно и ласково улыбаясь; она жметя к нему, целует его руки»¹⁴⁴). Однако эта идиллия разрушается не по причине беспочвенной ревности, а вполне «по-садовниковски», из-за насмешек товарищей («Насмешки, шепот / Слышит пьяный атаман»):

[Казак] часто, усмехаясь, поглядывают в сторону атаманова шатра; один из них играет на бандуре и поет, товарищи его хохочут. Песня, хохот на носу судна все буйнее, люди издеваются над увлечением атамана. Певец встал на ноги и поет, обратись в сторону шатра. <...> Фролка, пьяный, указывает в сторону шатра, все казаки хохочут, певец тоже усмехнулся»¹⁴⁵.

Разин разбивает бандуру и сбрасывает певца за борт. Он отказывается от «тихой жизни», вспоминает, что «затеял большое дело» и хочет «освободить людей от Москвы, от царя», препятствием к чему является персиянка. Разин, «схватив княжну на руки, жадно целует ее» и с криком: «Нет! Прощай!» — бросает за борт, после чего «с ужасом на лице смотрит на реку, провожая взглядом уплывающее тело». Таким образом, убийство совершается без какого-либо обдуманного плана, в под влиянием минутной вспышки гнева. Сцена заканчивается тем, что Разин, «с досадой сорвав шапку, бросает ее в воду» (смысл этот жеста выше уже рассматривался), а «пьяный Фролка бросает в реку подушки»¹⁴⁶. Это выбрасывание подушек, видимо, является не спонтанно-бытовым, а символическим действием. У донских казаков «*подушки* — термин, называющий предсвадебное обрядовое действие, проводимое традиционно в четверг. В этот день представители молодого поколения (родственники невесты) перевозили приданое — *имение / подушки / постель* — из родительского дома молодой к жениху. <...> тексты подушечных

¹⁴⁴ Горький А.М. Степан Разин. С. 266.

¹⁴⁵ Там же. С. 266–267.

¹⁴⁶ Там же. С. 267–268.

песен воспроизводятся на протяжении всего этапа перевозки подушек: «Постель шита, постель шита, шита / Да не будет Ниночка бита. / А я это не боюсь, / Подушками откуплюсь»¹⁴⁷. Похоже на то, что «выбрасывание подушек» в данном контексте обозначает и «разрыв матримониальных отношений» (= «прекращение свадьбы»), и «возвращение приданого невесте».

В 1920-е годы были осуществлены две оперные постановки — «Степан Разин» П.Н. Триодина¹⁴⁸ и «Стенька Разин» С.В. Бершадского¹⁴⁹ («революционный» сюжет, где «на фоне казацкой вольницы проходит мелодраматическая история Стеньки и княжны-персианки»¹⁵⁰), а в конце 1930-х — опера «Степан Разин» А.А. Касьянова (музыка) и Н.Г. Бирюкова (либретто; Горький, 1939)¹⁵¹. В последнем случае сюжетная разработка линии Р а з и н — п е р с и д с к а я к н я ж н а, с одной стороны, в целом зависима от версии Каменского (имя пленницы — Мейран, взаимные чувства героев: «Разин очарован красотой княжны, она — благородством и смелостью Степана»), но с другой — вполне традиционна, хотя и с некоторыми сюжетными новациями. Персидская княжна — пленница воеводы, которую захватывают казаки при набеге на боярские хоромы и отдают Разину, а настраивает казаков против Разина, забывшего обо всех ради княжны, тот же есаул Игнашка Шваль,

¹⁴⁷ Попова Н.С. Предсвадебный обряд «подушки» у донских казаков // ЖС. 2012. № 12.

¹⁴⁸ Премьера в филиале Большого театра — 20 декабря 1925 г.; либретто самого композитора, постановка А.Д. Дикого, художник А.В. Лентулов.

¹⁴⁹ Пермский государственный академический театр оперы и балета им. П. И. Чайковского, 1926; Ленинградский государственный академический театр оперы и балета (ныне Мариинский театр), 1927.

¹⁵⁰ Рейзен М. Автобиографические записки... (цит. по: <http://www.bolshoi-theatre.ru/legends/mark-reyzen/232/>).

¹⁵¹ Горьковский академический театр оперы и балета им. А.С. Пушкина. Премьера 1-й ре. — Горький, 1939 г., под управлением И. Зака; постановка 2-й ред. — там же, 1953 г., под управлением П. Григорова; постановка 3-й ред. — там же, 1977 г.

который доставил ее (но не желает «подчиниться воинской дисциплине»¹⁵²); вероятно, в этом песонаже можно видеть модификацию образа есаула-предателя из лубочной «разбойничей литературы» и народной драмы.

Чтобы положить конец раздору между казаками, Степан поднимает княжну на руки и бросает в Волгу... «Вот и кончилась любовь моя, казаки-атаманы...» Все притихли, ошеломленные. Один из разинцев молча подходит к казаку, особенно рьяно издевавшемуся над Степаном, и страшным ударом отправляет его за борт. Овладев собой, Степан приказывает казакам запеть лихую песню¹⁵³.

Вообще, как можно убедиться, произведение Каменского наиболее часто используется в качестве основы для оперных либретто. Последняя по времени интерпретация такого рода — либретто А. Петрякова и Г. Абрамова к рок-опере В. Калле (постановка В. Подгородинского, 1996), части которого («Степан и Мейран», «Сад апельсиновый», «Васька Ус: / “Ну ее к рожну, персидскую княжну...”») являются прямыми цитатами из этого текста.

VI

Обратимся к роману А.П. Чапыгина «Разин Степан» (1924–1927)¹⁵⁴, в котором изложению нашей легенды по-

¹⁵² Уместно напомнить, что либретто датируется 1939 г.

¹⁵³ Бирюков Н. Степан Разин: Опера в 4 действиях (7 картинах) с прологом // Оперные либретто: Краткое изложение содержания опер. Т. 1 / Ред.-сост. В.А. Панкратова, Л.В. Полякова. 5-е изд., испр. М.: Музыка, 1981. С. 136–139; Он же. Степан Разин // Бирюков Н. Театр. Поэзия. Жизнь / Сост. и подгот. текстов В.К. Кумакшева. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. С. 61–116.

¹⁵⁴ Цит. по изд.: Чапыгин А. Разин Степан. Архангельск: Кн. изд-во, 1959. Роман А. Чапыгина «Разин Степан» публикуется в 1925–1927 гг. в журналах «Былое» (1-я часть — 1925, кн. 1–6) и «Красная новь»; отдельным изданием первый том романа выходит в издательстве «Круг» в 1926 г. Впоследствии доработанное произведение переиздается около 30 раз, в том числе в составе двух собраний сочинений писателя (Т. 1–7 /

священо несколько объемистых глав. В его изображении главной причиной разыгравшейся драмы является устойчивая неприязнь гордой персиянки Зейнеб к полонившему ее и надругавшемуся над ней «серкешу»¹⁵⁵.

«Серкеш, ругаясь над заповедью пророка, сдернул с меня чадру — оттого душа моя стала как убитая птица...»

Атаман редко навещал девушку и всегда принуждал ее к ласке...

«Умереть лучше, чем ласка его на виду всего города!» — подумала она...

Зная, что персиянка понимает татарское, спрашивал: «Ярата-син¹⁵⁶, Зейнеб?» — «Ни яратам, ни лубит...» мотнула красивой головой в цветных шелках...¹⁵⁷

Здесь Чапыгин почти наверняка следует цветаевской трактовке события¹⁵⁸ — в литературном развитии «разинской темы», собственно, именно ею — вслед за Соколовым, Мельниковым и Рыскиным — было предложено подобное решение. Возможно, цветаевским «Не поладила ты с нашею постелью, / Так поладь, собака, с нашею купелью!» навеяна идея чапыгинского Разина окрестить пленницу: «Не верю крестам... Верил [бы] то перекрестил бы безглазную понашему, будто птицу, в гае уловленную сетьюми...»

Предисл. В.А. Десницкого. М.; Л., 1928; Т. 1–5 / Сост., подгот. текста и примеч. Н. Емельянова; вступ. ст. Н. Тотубалина. Л., 1967–1969; Т. 1–5. М., 2011).

¹⁵⁵ *Серкеш (перс.)* — ‘черкес’ (перс. название адыгов); здесь: ‘грабитель, головорез, вольный человек, бунтовщик’.

¹⁵⁶ «Любишь?» (*татарск.*).

¹⁵⁷ Чапыгин А. Разин Степан. С. 355–356.

¹⁵⁸ Сборник «Северные дни» (1922) со стихотворным циклом Цветаевой, включавший также произведения Б. Зайцева, В. Ходасевича, М. Гершензона, Ю. Айхенвальда, А. Белого, был достаточно заметным явлением в отечественной культуре того времени. Чапыгин же, вообще связанный с поэтической средой Серебряного века, а в 1923 г. вернувшийся в Петроград и включившийся в литературную жизнь, не мог его не знать.

Вообще, автор чрезвычайно полно использует семантические возможности предшествующей традиции¹⁵⁹, о чем говорят многочисленные соответствия между ее текстами и романом Чапыгина (см. табл. XIX).

Таблица XIX

Княжна <...> протяжно говорила, как пела: «Я дочь убитого серкешем князя Абдуллаха — спасите меня! Отец вез нас с братьями в горы в Шемаху... Туда, где много цветов и шелку... туда, где шум базаров достигает голубых небес — там я не раз гостила с отцом... Ах, там розы пахнут росой и медом! <...> Серкеш, ругаясь над заповедью пророка, сдернул с меня чадру — оттого душа моя стала как убитая птица...» ¹⁶⁰	То добыча атамана, / Дочь убитого им хана, / Пленная княжна. / О блаженстве миновавшем, / О бесчестии наставшем / Думает она (Мельников).
...она боялась не пить: пила мало и сидела, потупив таящие испуг, темные под ресницами глаза... ¹⁶¹ На атамана персиянка боялась глядеть, испугалась, когда он спросил о ней... ¹⁶² Разин, склонясь, заглядывал красавице в глаза. Она потупила глаза, спрятала в густые ресницы... ¹⁶³	А княжна, склонивши очи, / Ни жива и ни мертва (Садовников); А она — брови насупила, / Брови длинные. / А она — очи потупила / Персиянские. / И из уст ее — / Только вздох один. / — Джаль — Эддин! (Цветаева).
Правая рука с перстнем, обняв за шею княжну, висела, спустившись с худенького плеча. Княжна горбилась	Обнявшись с своей княжной (Садовников); Молодые плечи в охапку сгреб (Цветаева).

¹⁵⁹ См., в частности: Боголюбова Н.Н. Фольклор в романе А.П. Чапыгина «Разин Степан» // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 223–242.

¹⁶⁰ Чапыгин А. Разин Степан. С. 356.

¹⁶¹ Там же. С. 317.

¹⁶² Там же. С. 355.

¹⁶³ Там же. С. 407–408.

под тяжестью руки госпо- дина. <...> а что тяжело ее тонкой шее под богатырской рукой, сказать не умеет и боится снять руку — горбит- ся все ниже ¹⁶⁴ .	
На скамью паузка ¹⁶⁵ пока- тился зеленый башмак с зо- лоченым каблуком ¹⁶⁶ .	Красный один / Башмачок на корме (Цветаева).
Сопельщики примолкли. Бубны перестали звенеть ме- дью. «Греби, — махнул рукой атаман, — играй, черти!» ¹⁶⁷	«Что ж вы, черти, приуныли, / Эй ты, Филька, черт, пляши!» (фольклорная версия стихо- творения Садовникова ¹⁶⁸)

Сюда же относятся обстоятельно описанные наряды и украшения пленницы, которые являются, как мы помним, устойчивым мотивом легенды начиная с ее первых версий.

На правой холеной руке женщины от кисти до локтя блесстел браслет, в ноздре тонкого носа вздрагивало золото с белым камнем¹⁶⁹.

Княжну вырядили ясырки-персиянки¹⁷⁰ в узкий шелковый халат с открытой грудью — по голубому золотые травы, — надели ей красные шелковые шаровары, сандалии с ремнями узорчатого сафьяна и шелковые синие чулки. На голую грудь распустили хитрый узор из ниток крупного жемчуга с яхонтами, блестящими на нежном

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Паузок, павозок, паужина — парусно-гребная одномачтовая речная плоскодонка, на которую перегружался груз с другого судна во время мелководья.

¹⁶⁶ Чапыгин А. Разин Степан. С. 409.

¹⁶⁷ Там же. С. 410.

¹⁶⁸ Песни русских поэтов. № 798.

¹⁶⁹ Чапыгин А. Разин Степан. С. 304.

¹⁷⁰ Ясырка — здесь: восточная невольница, пленница. «Ясыр, ясырь, есырь; киргизск. [= казахск.] джасыр м. ясырка ж. стар. и ныне, во всей азиатской границе нашей, пленник, полоненник, в виде добычи; ясыри считались рабами, невольниками»; «есырь м. есырка ж. или ясырь, ясырка, татарск. пленный холоп» (Даль, IV. С. 681; I. С. 523).

теле каплями крови; прозрачную чадру из голубой кисеи Разин сорвал и бросил, когда садились в челн: открылись черные косы, подобранные на голове обручами, и голубая с золотом шапочка с подвесками из агатов¹⁷¹.

Сцена танца Зейнеб, когда девушка хитростью пытается вырваться из плена¹⁷², скорее всего, связана с обольстительным танцем Шекерлеб у Хрущева-Сокольникова и с соответствующим эпизодом «Понизовой вольницы» (танец персиянки с бубном; ср.: «Закинула за голову голые в браслетах руки, в смуглых руках слабо зазвенел бубен»), а в словах ее песни («Туда, где много цветов и шелку... туда, где шум базаров достигает голубых небес <...> Ах, там розы пахнут росой и медом!..») можно увидеть образ райской страны Востока, который, возникнув в «подмётном письме» из того же фильма, получает дальнейшее развитие у Каменского (хотя и в других выражениях).

Эпизод подслушанного разговора пленницы с неким казаком, поворотный в разрешении драмы, вероятно, восходит к повести Мордовцева (и, соответственно, к «любковому треугольнику» а т а м а н - п л е н - н и ц а - е с а у л из «лубочной» коллизии в «осложненных» редакциях «Лодки»). Однако подслушивает разговор здесь не есаул Ивашка Черноярец («знающий персидский язык»), а сам Разин, не понявший услышанного, но верно оценивший ситуацию как любовное свидание. Что же касается собеседника девушки, то им оказывается не коварный интриган Хабибулла, а есаул Василий Лавреев, один из ближайших сподвижников Разина («его тайный советник, называемый обычно Чертов Ус»¹⁷³) — тот самый Васька Ус, который у Каменского выступает воинствующим носителем антифеминистической казацкой идеологии.

Исцарапанной мордой / Зачураю свою нареченную: / Чур, / Чур, / Чур! / Последнее дело / Возиться с

¹⁷¹ Чапыгин А. Разин Степан. С. 317.

¹⁷² Там же. С. 355–356.

¹⁷³ Стрейс Я.Я. Три путешествия. С. 201.

бабьем. / Первое дело — / Дубасить дубьем. / Я — Васька Ус, / Охотник до царских пуз, / Дрался множество раз, / А вырвали только / Ус да глаз¹⁷⁴.

У Чапыгина Васька Ус — полуперсиянин, который «кабы не отец... был бы мухаммедан» (ср.: Хабибулла у Мордовцева, играющий аналогичную сюжетную роль — то ли персиянин, то ли татарин; вспомним, кроме того, конфликт Разина с есаулом-изменником Абсалямом в самарском предании¹⁷⁵, а также «принца Гассана» — несуществующего соперника Разина из «Понизовой вольницы»). Чапыгинский Васька Ус — дальнейшее развитие образа есаула-соперника (Семен Алатырец из фильма Либкена и Мартова «Стенька Разин», 1914). Он не скрывает от атамана своих чувств к пленнице («Как брату, батько, думал я, ты дашь девку: она и я смыслим друг друга... Мне с ней путь один! Тебя она — прости — не любит...»). Это ставит перед Разиным главный жизненный выбор легенды, некогда инициированный «запорожскими» реконструкциями Костомарова, — любовь или боевое товарищество: «Ежели ты уйдешь с ней, где ж я такого найду, как ты? Удалых мало...». Грозным предзнаменованием будущей развязки звучит фраза: «Разве что Волгу поспрошать — быть как?» Дело решается в пользу «товарищества»: «Княжну не жаль! Любви к ней нет... Удалого же человека потерять горько...»; впрочем, далее: «Ваську жаль, жаль и ее, чужую... Вот коли вырвешь, что жалобит, то много легче...»

Выбор сделан. В последний раз удостоверившись, что пленница его не любит, Разин кидает ее в реку:

Волны громоздились, падали, паузок кидало на ширине, как перо в ветер над полями. Заиграли сопельщики; те, что имели бубны, ударили по ним. Кто-то, мотаясь, пьяный, плясал ухая. И в шуме этом нарастал могучий шум Волги... Атаман поднялся во весь рост,

¹⁷⁴ Каменский В. Степан Разин. С. 169–171.

¹⁷⁵ Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. С. 128 (№ 110).

незаметно в его руках ребенком вскинулась княжна. «Ярата-син, Зейнеб?» — «Ни...» В воздухе, в брызгах мелькнули золотые одежды, голубым парусом надулся шелк, и светлое распласталось в бесконечных оскаленных глотках волн, синих с белыми зубами гребней. На скамью паузка покотился зеленый башмак с золоченым каблуком. «И — алла!» Страшный голос грянул, достигая ближнего берега: «Примай, Волга! Сглони, родная моя, последню память Петры Мокеева!»¹⁷⁶

Обратим внимание: если разинское «Примай, Волга! Сглони, родная моя...» представляет собой очередной вариант общеизвестной фразы из садовниковского стихотворения, то описание утопления («светлое распласталось в бесконечных оскаленных глотках волн, синих с белыми зубами гребней») почти наверняка преемственно связано с соответствующим описанием у Хлебникова: «Волны Волги — точно волки, / Ветер бешеной погоды. / Вьется шелковый лоскут. / И у Волги у голодной / Слюни голода текут».

VII

«Исторический очерк о легендарном казаке» А.Н. Трофимова был издан через 32 года после его написания в виде размноженной на ротаторе машинописи¹⁷⁷. Об авторе этого сочинения, Александре Никоноровиче Трофимове, известно не многое. По словам публикатора, это был «одноглазый инвалид сопротивления вели-

¹⁷⁶ Чапыгин А. Разин Степан. С. 409.

¹⁷⁷ Трофимов А.Н. Исторический очерк о легендарном казаке / Edité par A.E. Alimoff (première édition). 60-Villers-St-Sépulcre, France, 1965 [Other Titles: Legendarisch Anti-Zarist Kosak Stepan Razin, Begeister des bäurisch Revolution in Ruslande (1666–1671) / Légendaire anti-tsariste du 17e s., cosaque Stepane Rasine, inspireur du soulèvement révolutionnaire des moujiks oprimés (sic) / Legendary anti-tzarist Cossack Stepane Rasine, inspiring of the muzhik's revolution (1666–1671)]. — Машинопись, тиражированная на ротаторе.

кому мужицкому нашествию на Россию 1917–20 гг.»¹⁷⁸ (главным «мужиком» для А.Н. Трофимова являлся Ленин; вообще, эта «историческая» терминология требует отдельного рассмотрения и комментирования¹⁷⁹). Во Франции автор жил на положении безработного эмигранта, свой труд завершил в 1933 г. и на 51-м году жизни скончался от язвы желудка.

Текст «Исторического очерка...» в некоторых местах чрезвычайно поэтичен и, видимо, испытал сильное литературное влияние — например, «Привольного романа» Каменского. К сожалению, проверить подобные предположения невозможно, источники автора (кроме тех, которые упомянуты в работе) неизвестны и невозможны, поскольку Тургеневская библиотека¹⁸⁰, фондом которой Трофимов пользовался при работе над своим сочинением (а других печатных материалов ему, вероятно, взять было неоткуда), в 1940 г. по личному указанию Альфреда Розенберга была разграблена нацистами, и все читательские документы, как и каталоги, видимо, пропали.

Нашей легенде, вызывающей у Трофимова безусловное доверие, уделено в его очерке достаточно много

¹⁷⁸ Трофимов А.Н. Исторический очерк о легендарном казаке [1933] / Edité par A.E. Alimoff (première édition). 60-Villers-St-Sépulcre, France, 1965 (послел., с. 4 [новая пагинация]).

¹⁷⁹ Ср. аналогичную логику в высказывании юмориста М.Н. Задорнова (который в данном случае, очевидно, вполне серьезен): «Когда Степана Разина везли в клетке на казнь, на Красной площади не было ни одного русского НЕпредателя! Или продавшиеся пришли посмотреть на долгожданное зрелище, этикие представители сегодняшних НКО, или иностранные гости и послы! И не надо изображать его разбойником. То была настоящая крестьянская война против засилья чужестранцев. В том числе и против подкладывания нашей родной православной веры под западный формат» (Задорнов М. Кто я: антисемит или русофоб? // Михаил Задорнов. Официальный сайт [http://zadornov.net/2013/09/antesimit-ili-rusofob/]).

¹⁸⁰ Русская общественная библиотека имени Ивана Сергеевича Тургенева в Париже (основана в 1875 г.), одна из старейших зарубежных русскоязычных библиотек, а до Второй мировой войны — и одна из крупнейших западноевропейских собраний русской книги (более 100 тыс. томов).

внимания, хотя само изложение событий представлено лаконично и некомпактно:

Сын и красавица дочь Меджи-хана оказались ясырями¹⁸¹ на атаманском «Сокол»-корабле. <...> В одну из таких прогулок веселых Степан выбросил в волны Волги случайную, плененную в море, персиянку, дочь начальника разбитой флотилии персидской¹⁸².

Об общеизвестных обстоятельствах этой истории автор вспоминает лишь в ходе своих рассуждений, посвященных истолкованию поведения Разина. Тут он радикально расходится с концепциями «русских шовинистов», к каковым причисляются практически все российские и советские историки. Согласно его интерпретации, «казаки возмущались порядками рабовладельческой Руси и, в лице Разина, намеревались установить там свободу по образцу канадского народоправства», а поступки атамана, ложно толкуемые необъективными очевидцами, на самом деле почти всегда были справедливыми и разумными, что совершенно ясно Трофимову как природному казаку, который в силах «объективно разобраться в психологии бывалого нашего казака Разина Степана». Это относится и к утоплению персиянки («ликвидации случайной обозной красавицы»), потому что «не атаманское дело возиться с женщиной в походе, что Разин признавал отлично», и тут «его совесть авторитетного атамана была не спокойна и перед его отрядом»; наконец, «Степан не мог быть плохим семьянином, иначе он и не был бы в посольствах. Но все люди суть люди <...> “делу время, потехе час” — принцип серьезных людей; шутки на чужом базу¹⁸³ — не в счет, семья раньше и выше всего». Впрочем, традиционные мотивации

¹⁸¹ *Ясырь* (турецк. *esir*) — пленные, военнопленные, невольники.

¹⁸² Трофимов А.Н. Исторический очерк... С. 46, 52.

¹⁸³ *Баз* — скотный двор; огороженное место во дворе или в поле, возможно, с сараями для зимовки скота (см.: Словарь русских донских говоров / Авт.-сост. З.В. Валюсинская и др. Т. I—III. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1975–1976. Т. I. С. 10).

все-таки тоже учитываются: «Можно допустить, что чувство ревности Степану было не чуждо, что он предпочел не оставлять в обозе “княжну-красавицу”, где она неизбежно стала бы добычей ненавистных ему князей и воевод». И пьян он, конечно, не был («пьяный человек не мог произнести такую содержательную речь экспромтом»), хотя доказательства здесь несколько более шаткие, поскольку дальше говорится, что случилось все «в одну из прогулок по Волге, в разгаре веселья, танцев и песен»; видимо, имеется в виду безалкогольная холостяцкая пирушка, но звучит это не очень убедительно¹⁸⁴.

Обратим внимание на следующие обстоятельства. «Трезвость» Разина, выкидывающего в реку ненужную женщину ради сохранения семейных ценностей и авторитета перед соратниками, контрастирует с его более ранней оплошностью, которая как раз связана с выпивкой и влечет за собой в качестве расплаты военное поражение.

Он забыл, что, отправляясь в поход, поход, всегда, бывало, соберутся, выпьют, Атаман подносит последнюю чару Дону седому, бросив ее в светлые волны родной реки, и до возвращения с похода ни капли в рот. Нарушил Степан, не сдержал дедовского обычая, и жестоко за это поплатился¹⁸⁵.

В данном контексте утопление персиянки в реке, сопровождаемое объяснительной речью Разина (отвлекаясь от интерпретации этого акта Трофимовым), предстает симметричным ответом за неподнесение перед походом ритуальной чары реке (правда, другой реке). Похоже, что речь идет о каком-то мотиве, устойчиво связанном с фигурой Разина в рамках предания, контуры которого, правда, видятся неотчетливо; возможно, оно же отразилось в одном из фольклоризованных вариантов песни на стихи Садовникова, включающем некий исходно не относящийся к ней фрагмент:

¹⁸⁴ Трофимов А.Н. Исторический очерк... С. 52–53.

¹⁸⁵ Там же. С. 44.

Но один лишь Стенька Разин / С горьких вин, заморских ран / Не берет его похмелье, / Он не валится, не пьян. / Рассердился, в Волгу бросил / Свой он кубок золотой / И задумался глубоко / Над бурливую рекой¹⁸⁶.

Второе обстоятельство связано с чрезвычайно подробным описанием ухода разинцев с яицкой зимовки и наступления перед этим внезапной непогоды, которая должна пониматься как волеизъявление реки.

Перед вечернею зарею поднялся с берега ветер, завыв, засвистел, вздымая и пеня волну; то он бросит их одна на другую, то как-то приплюснет придавит, то снова поднимет, толкнет, и они со стоном взовьются, пеною вдруг закипят, забурлят, зашумят... Часовые смотрят, слушают, стараясь понять — о чем эти волны рокочут, о чем говорят? Они не находят в их говоре угроз для себя. Правда, порой тихо прозвучит в шелесте волн какая-то грустная нотка печали; но они не сердятся, зло не режут, не грозят казакам лютою бедою, а о чем-то как будто с легкой улыбкой поют; в шуршаньи белесых гребней свой говор ведут... на что-то зовут, обещая помочь; куда-то манят... вот так, как будто волшебницы тянут к себе, увлекают. Это к удаче, признак хороший¹⁸⁷.

Аналогичным знаком является буря, разыгравшаяся в Каспийском море, уже у берегов Персии, причем с еще большим мифологическим одухотворением взволновавшейся воды, которая вынуждает казаков остаться здесь на зимовку.

Было позднее осеннее время. Хвалынское море пеной вздымается, клокочет, ревет. Там, в просторах воды, в эту пору творится такое, что как будто несметная сила драконов войну ведет между собой. Грохот,

¹⁸⁶ «Что не царски воеводы...» // Русское народное творчество в Башкирии. С. 250–251 (№198).

¹⁸⁷ Трофимов А.Н. Исторический очерк... С. 41.

дьявольский хохот, рев и свист осеннего ветра покрывает бурлящие волны опасного моря. На стругах в эту пору не выйти — море все проглотит, все разобьет, расшвыряет, как щепки. Надо устраивать стан для зимовки¹⁸⁸.

Это очень похоже на требование жертвы рекой / морем в той ситуации, когда корабельщикам как раз нужна благоприятная погода, попутный ветер и пр.; вспомним мотив кричащей воды, желающей человеческих жертвоприношений, а также гипотетическую реконструкцию обрядовой основы фольклорного сюжета, стоящего за «версией Фабрициуса», в которой речь идет именно об отплытии из Яика в Каспийское море к персидским берегам. Не исключено, что в тексте Трофимова мы имеем дело с фрагментами не дошедшего до нас предания, однако использованными автором в своих идеологических целях.

VIII

Завершим предложенное рассмотрение кратким обзором версий легенды в послевоенной отечественной литературе.

В романе С.П. Злобина («Степан Разин», 1951) история о персидской княжне представлена полностью, от начала до конца (главы «Заморская птаха», «Круги на воде», «Коса на камень», «Жертва Волги»)¹⁸⁹. Высокородная пленница здесь не любовница атамана, она отчаянно сопротивляется его посягательствам, однако причина ее гибели — иная, чем у Цветаевой. Совсем уж решивший вернуть девушку отцу при обмене пленными, Разин приходит в ярость, узнав, что персы перебили всех захваченных ими казаков.

¹⁸⁸ Там же. С. 44.

¹⁸⁹ Злобин С.П. Степан Разин: Исторический роман: В 2 кн. М.: Сов. писатель, 1952 (= Минск: БелСЭ им. Петруся Бровки, 1987); далее цит. по: <http://lib.ru/HIST/ZLOBIN/razin1.txt>; <http://www.lib.ru/HIST/ZLOBIN/razin2.txt>.

«Атаманы! Топи персиянский ясырь, к черту, в Волге! Топи-и, не жалеи!» — продолжал выкрикивать Разин, охваченный яростью. Но никто не двинулся на челнах. Внезапная перемена решения Разина была казакам непонятна... «Ты вперед, атаман, свою кралю топи, а уж мы не отстанем!» <...> Разин скрипнул зубами, налитые кровью глаза его помутнели. Он нагнулся, схватил персиянку и поднял над головой... «Примай, Волга-мать...» Пронзительный визг Зейнаб оборвался в волжской волне.

Таким образом, традиционные мотивы недовольства казаков, с одной стороны, и гнева Разина — с другой, обычно объясняющие жестокий поступок атамана, помещены в измененный сюжетный контекст и перемонтированы — первый оказывается уже не причиной, а катализатором второго. Ритуалистическая тема здесь также присутствует, хотя и не на сюжетном уровне: сама эта глава называется «Жертва Волги». В целом весьма полно использована топка предшествующей традиции — прежде всего в редакции Садовникова (см. табл. XX).

Таблица XX

<i>Злобин:</i>	<i>Садовников:</i>
Разин плыл впереди. Рядом с ним в ладье на подстеленной ханской шубе сидела пленница. <...> Разин обнял ее одною рукой. Ему было приятно чувствовать рядом с собой это маленькое покорное и доверчивое существо...	На переднем Стенька Разин, / Обнявшись с своей княжной,
«Атаман венчаться поплыл!» — крикнули на берегу. «Любовь да совет!» — подхватил еще кто-то	Свадьбу новую справляет, / И веселый и хмельной.
Дружный казацкий хохот раздался с челнов, окружавших ладью атамана.	Насмешки, шепот / Слышит пьяный атаман...
Разин скрипнул зубами, налитые кровью глаза его помутнели.	Гневно кровью налилися / Атамановы глаза ...

«Примай, Волга-мать...»	«Волга матушка-река! / <...> / На, кормилица... возьми!»
Он нагнулся, схватил персиянку и поднял над головой... <...> Вода всплеснула вокруг голубой парчи и сомкнулась над ней...	Мощным взмахом поднимает / Полоненную княжну / И, не глядя, прочь кидает / В набежавшую волну...
Хохот, поднятый выкриком Гурки, словно запнувшись, оборвался. <...> «Ждете? Ждете чего еще, чертово семя?!»	«Что затихли, удалые?.. Эй ты, Фролка, черт, пляши!//

В романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» (1968–1970)¹⁹⁰ эта сюжетная линия также разработана достаточно обстоятельно. Как и у Злобина, пленница здесь не является любовницей атамана, который жалеет девушку и собирается вернуть ее отцу. Однако далее складывается ситуация любовного треугольника — на княжну посягает один из разбойничьих есаулов (вспомним опять-таки «осложненные» редакции «Лодки!»). Это Фрол Минаев, исторически — сподвижник Разина в персидском и волжском походах, который впоследствии отошел от разинского движения (и стал войсковым атаманом, активным участником Крымского похода Голицына и Азовского похода Петра I); в этом смысле он очень подошел на роль есаула-изменника; вспомним, кроме того, Фролку, которому атаман в финале садовниковской баллады приказывает плясать (впрочем, в последнем случае имя прерсонажа может быть подсказано именем Фрола Разина, младшего брата атамана). Гнев Разина вынуждает Минаева бежать и скрываться, а это, в свою очередь, вызывает недовольство казаков, которые за спиной атамана изыскивают разные способы избавиться от полонянки (как в «Понизовой вольнице» и в «Уструге

¹⁹⁰ Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю // Сибирские огни. 1971. № 1–2 (= М.: Сов. писатель, 1974); цит. по: Избр. произв.: В 2 т. М.: Мол. гвардия, 1975. Т. II. С. 305–686. Об этом произведении и его проблематике см., в частности: Стрыгина Е.Л. Заступник или разбойник? (Разин у В. Шукшина и в фольклоре) // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Филология. 2007. Вып. 11 (55). С. 200–204.

Разина» Хлебникова). Вспыхивает ссора, и Разин жертвует пленницей ради сохранения согласия среди сподвижников (ср. в фольклорной версии песни: «Чтобы не было раздора / Между вольными людьми...»¹⁹¹). См. табл. XXI.

Таблица XXI

Шушкин:	Садовников:
Степан сидел на носу своего струга. <...> Княжна сидела нарядная и грустная. Степан тоже задумчив. Головной струг, а за ним остальные выплыли из Болды в Волгу. Сразу набрали хороший ход. Степан сидел в той же позе, привалившись боком к борту. <...> Княжна сидела одна. Она даже похудела за эту ночь.	Из-за острова на стрежень, / На простор речной волны / Выбегают расписные / Острогрудые челны. / На переднем Стенька Разин, / Обнявшись с своей княжной...
Видел, что — шушукуются. И уж знал, зна-ал, какие они там разговоры ведут. <...> Есаулы всё разговаривали. В сторону атамана не смотрели. А Степан уже неотступно смотрел на них... И взгляд его стал нехороший.	Насмешки, шепот / Слышит пьяный атаман / <...> / Гневно кровью налились / Атаманы глаза, / Брови черные нависли, / Собирается гроза...
На ходу легко взял княжну, поднял и кинул в воду. Она даже не успела вскрикнуть.	Мощным взмахом поднимает / Полоненную княжну / И, не глядя, прочь кидает / В набежавшую волну...

Опора на садовниковский текст здесь минимальна, а в самой сюжетной интерпретации легенды (е с а у л как претендент на девушку; страх потери соратника; убийство пленницы для преодоления раздора) Шушкин в основном следует за Чапыгиным. При этом он намеренно снижает кульминационное напряжение центрального события, полностью отказываясь от какой бы то ни было ритуалистической семантики, элементы которой, как мы помним, еще рудиментарно сохраняются во многих литературных текстах.

В историческом сочинении А.Н. Сахарова (1973) рассматриваемой легенде уделяется только один абзац, причем учтены обе версии — и Стрэйса, и Фабрициуса, которые излагаются (со многими подробностями, но без ссылок на источники) как две редакции одного фольклорного предания, имеющего, как предполагается, реальную историческую основу.

Сказывали астраханцы, что во время одного такого катания, изрядно захмелев, утопил Степан в Волге красавицу полонянку. Как попала она к казакам, того никто не ведал. Одни говорили, что взял ее Разин в татарских улусах близ Яика и возил с собой всюду, другие говорили, что это персиянка, дочь Менеды-хана и сестра ханова сына Шабалды, которую захватил Разин под Свиным островом. Известно было, что никому ее Разин не показывал и крепко любил. А казаки были недовольны: первый раз баба объявилась среди воинов. Не к лицу это было казацкому атаману. Роптали казаки, но терпели, боялись Степана. Потом, глядя на атамана, и сами решили побаловаться. Незадолго перед этим астраханцы притащили одного казака, бросили его к ногам Разина, закричали, что насильничал казак над мужней женой. Расправа атамана была короткой. Казаку завязали над головой рубаху, насыпали в нее камней и бросили в Волгу — блюди казацкие порядки, не срами войско, уважай людей, не к врагам, а к друзьям пришли. С тех пор совсем хмуро стали смотреть казаки на Стенькину любовь. А теперь во хмелю кто-то сказал об этом слово поперек атамана. Смолчал Разин, словно и не слышал. А когда струги вышли на середину реки, вдруг поднялся, схватил свою любимицу, поднял над головой и, как была она в дорожной парче, в жемчугах и золоте, бросил в Волгу. Слыхали люди, что сказал тогда Степан так: «Ах ты, Волга, река великая! Много ты дала мне золота и серебра, богатства всякого, славою и честью меня наградила, а я так и не отблагодарил. Так возьми же и от меня поминок». Потом сел атаман на скамью и смахнул хмельную слезу...¹⁹²

¹⁹¹ Песни русских поэтов. № 798.

¹⁹² Сахаров А.Н. Степан Разин (Хроника XVII века). М.: Мол. гвардия, 1973. С. 150.

Цитирование, точнее, пересказ обеих версий (Стрёмса и Фабрициуса) присутствует в стихотворной «исторической хронике» Б. Рябухина «Степан Разин» (1983), однако подаются они уже как заведомо ложный слух, разоблачение которого самим атаманом (этнографически весьма квалифицированное: «Не мог Менед-хан взять на корабль / Не только дочь, а женщину-прислугу») призвано оттенить его высокий нравственный уровень, строгость и справедливость.

Изба астраханки Маши. Маша прядет, Анисья вяжет.

М а ш а. А правда, в Волгу бросил он княжну / Персидскую?

А н и с ь я. Не знаю. Мог и бросить. / Такой лишь о великом говорит, / А низкая душа его...

М а ш а. Неправда! / У Разина великая душа. <...>

М а ш а (*обнимает его*). Как ты горяч! Какой ты сильный! Больно!.. / Но не привяжешь к бабе казака. / Так, поиграешься со мной — и бросишь. / Персидскую княжну-то бросил в Волгу?

Р а з и н (*отпускает ее*). Поверила, глупышка?.. Станешь выше — / И о тебе слагают небылицы. / Не мог Менед-хан взять на корабль / Не только дочь, а женщину-прислугу. / Когда я потопил персидской флот, / Мне в плен попался только ханский сын. / Я передал боярину его. / Была бы дочь — с меня б ее спросили. / Да про меня придумали вначале, / Что будто я в Яик татарку бросил / Горынычу в подарок водяному. / А я насилья не терплю над бабой. / Намедни вот один казак крестьянку / Ткнул походя в живот. Я казака / Того повесить повелел за это¹⁹⁵.

Исключительно на версии Фабрициуса построен соответствующий эпизод в романе С.В. Логинова «Колодезь» (1997), причем учтена, похоже, и легенда о Гугнихе («татарская девка, дочь князя Алея, отнятая во время прошлогоднего набега на едисанских татар¹⁹⁴»),

¹⁹⁵ Рябухин Б. Степан Разин: Историческая хроника в стихах. М.: Мол. гвардия, 1983 (www.stihi.ru/2007/11/19/1826).

¹⁹⁴ Едисанские татары — ногайцы.

включая обычай убийства жен при отъезде к дальние края, и привязанность Разина к пленнице, и связанная с ней проблема «речевой коммуникации» («татарка <...> так и не выучившая русского языка, стояла, заученно улыбаясь, и, кажется, ничего не понимала»), и точно угаданная матримониальная тема — в связи с мотивом «драгоценных украшений» («На девке было красное свадебное платье, смарагдовый венец и монисты чуть не в пуд весом. Разин неукоснительно требовал, чтобы полюбовница ежедневно одевалась невестой»), что способствовало ее быстрому утоплению (как в версии Якушкина).

«Все собрались?» — прогремел Разин, поднявшись на нос струга. «Все здесь», — разноголосо ответили казаки. <...> «Ну так с богом, хлопцы! Умрем за общее дело! <...> Кто за мной идти вздумал, у того ни дома, ни семьи, ни нажитков быть не должно. Совсем ничего, кроме сабли в руке и креста на груди. В этом я, ваш атаман, буду вам первым примером... — Разин повернулся к нарядной татарке, положил широченные ладони ей на плечи. — Вот, дивитесь, люди, нет мне ничего любезней этой девки. Красавица невеста! Век бы с ней вековал. Повязала ты молодца по рукам и ногам... Да только я не таковский, чтобы повязанным быть...» <...> Атаман, обхватив не успевшую потончать после недавних родов талию, поднял женщину над головой, она негромко и испуганно вскрикнула. «Э-эх!» — громко выдохнул Разин и швырнул женщину в темную воду. Такого не ждал никто; крик полонянки был заглушен плеском воды и испуганным гомоном сотенной толпы. Тяжеленный груз серебряных монет мгновенно увлек жертву на дно. Глубина у пристани была больше четырех сажений — не всякий пловец донырнет... да никто и не пытался броситься на выручку. Такого поступка люди не ожидали. После первого вскрика на толпу пала оторепелая тишина...¹⁹⁵

¹⁹⁵ Логинов С. Колодезь. М.: Эксмо-Пресс, 2000 (М.: Азбука; Терра, 1997). С. 100–101.

Фабула романа В.В. Строкина «Я — Степан Разин» (2002)¹⁹⁶ построена на том, что во время гипнотического сна герой оказывается в своей прошлой жизни, когда он, как оказывается, был Разиным. За вычетом этого художественного приема автор в сюжетной разработке линии персидской княжны в основном остается верен «классической» версии, восходящей к Стрэйсу — Костомарову и ко многим последующим приобретениям литературной традиции. Воспроизводятся топосы красоты княжны («Огромные глаза, словно черный омут, закружат, унесут в пучину — не вынырнешь»; ср.: «Полная гордого сознания своей красоты, Шекерлеб впиалась в атамана своими огромными черными глазами»), наряды и драгоценности пленницы («Персиянка одета в золото и жемчуга <...> расшитые мелким жемчугом полусапожки»), торжество победителя («Ты мой ясырь, моя добыча. Теперь ты всегда будешь со мной»; ср.: «Бог дал тебе победу, — я раба твоя!! — проговорила она [Шекерлеб]. — <...> Ты мой властелин, твои слова закон!»), «околдованность» героя («Околдовала батьку-атамана. Приворожила к себе — и друзья ему теперь не друзья!»), испуг пленницы («Ее черные огромные глаза испуганно уставились на меня. <...> Она робко приняла чашу и, не сводя с меня темных, пугливых глаз...»), недовольство / ревность казаков («Я знал, что казаки недовольны появлением на головном струге прекрасной полонянки. Ревновали меня...»), брошенный кубок («Я допил вино и выбросил кубок за борт»; вспомним тот же мотив у Трофимова и в фольклоризованной версии стихотворения Садовникова) и т.д.

Что же касается отношений Разина и княжны, а также ее гибели, то здесь избрана версия Соколова — Цветаевой, ближе всего к ее реализации у Чапыгина.

¹⁹⁶ Строкин В.В. Я — Степан Разин // Строкин В., Геращенко А. Пронзая время: Сб. фантастики. Минск: Славянский путь, 2002 (цит. по: http://www.knigonosha.net/section-1/section-1-1/28726-Ya_-_Stepan_Razin-Strokin_Valerij.html).

Любила ли она меня? Нет. Ненавидела — рабы никогда не любят своих хозяев. Только я не хотел видеть ее своей рабой — а она никем иным быть тоже не хотела. Я любил ее, я мог подарить ей целую Персию. Она всегда молча и безропотно принимала меня. Я же вкушал ее ласки — ласки испуганного ребенка. По ночам я слышал, как она тонко и тихо плачет и молится своему богу... <...>

Всплеснула вода, из-за туч проглянуло вечернее солнце, и я увидел, как блеснул бок кубка, золотой рыбкой исчезнувший в речной пучине. Казаки молча смотрели на меня — чего теперь им ждать от атамана. «Волга — мать всех рек, одарила ты меня золотом, серебром, золотыми камнями, наградила меня славой и честью, а я тебе ничего не дал в подарок. Прости», — я поднялся, посмотрел в темную воду. Солнце вновь скрылось, налетел ветер, и черное речное зеркало покрылось рябью. Волны били в борт струга. Мрачная тень воды притягивала взор. «Так возьми же у меня самое дорогое, что у меня есть!» — выкрикнул я и, решившись, подхватил княжну и с размаху кинул ее в темную воду. Река успела принять легкий девичий крик, и княжна камнем пошла на дно. Казаки окаменели. <...> «Все, — тяжело выдохнул я. — Наливай, Леско, полные чарки — помянем красавицу княжну...»

Надо добавить, что в некотором смысле Строкин воспроизводит сновидческие фантазии И.С. Тургенева¹⁹⁷ из повести «Призраки» (1861–1863), в одном из эпизодов которой герой, ведомый потусторонней проводницей Эллис, перемещается во времена Разина и, побуждаемый своей спутницей, вызывает жуткие видения.

— Крикни: «Сарынь на кичку!» — шепнула мне Эллис. <...> губы мои раскрылись против воли, и я закричал, тоже против воли, слабым напряженным голосом: «Сарынь на кичку!» <...> Сперва все осталось безмолвным <...> но вдруг возле самого моего уха раздался грубый

¹⁹⁷ Об этой стороне его творчества см.: Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М.: РГГУ, 1998 (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 20).

бурлацкий смех — и что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться... <...> «Степан Тимофеич! Степан Тимофеич идет! — зашумело вокруг, — идет наш батюшка, атаман наш, наш кормилец!» — Я по-прежнему ничего не видел, но мне внезапно почудилось, как будто громадное тело надвигается прямо на меня... «Фролка! где ты, пес? — загремел страшный голос. — Зажигай со всех концов — да в топоры их, белоручек!»¹⁹⁸

Считается, что семантический центр эпизода («... что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться...») отражает семейное предание о расправе разинцев с царицынским воеводой Т.В. Тургеневым, утопленным ими в Волге (1670)¹⁹⁹, да и вообще казнь «посажением в воду» практиковалась атаманом и его казаками. И все же нельзя полностью исключить, что речь здесь идет именно об утоплении персидской княжны как наиболее выразительном событии легенды, которое имело все шансы произвести сильное впечатление на писателя, незадолго до того прочитавшего книгу Костомарова (это особых сомнений не вызывает²⁰⁰). Впрочем, подобная «мистическая» линия сюжетного развития не получила в литературной «разиниаде» сколько-нибудь значимого развития.

В романе Н. Суздалева (Н.А. Полотнянко) «Бунташное войско Стеньки Разина» (2008) приняты обе старейшие версии (Стрэйса и Фабрициуса), но основной является версия Фабрициуса (который к тому же оказывается и одним из персонажей произведения²⁰¹), причем мотив договора с речным духом и жертвоприношения, в соответствии с резкой антиразинской по-

¹⁹⁸ Тургенев И.С. Призраки: Фантазия // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.: Соч. в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1981. Т. VII. С. 205–207 (комм. 470–484 (= журн. «Эпоха». 1864. № 1/2 [январь–февраль]. С. 1–31).

¹⁹⁹ Там же. С. 476; Гутьяр Н.М. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1907. С. 7–8.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Суздалев Н. Бунташное войско Стеньки Разина. М.: ЭКСМО, 2008. С. 127–133 и сл.

зицией автора²⁰², становится сквозным, жертвоприношения повторяются регулярно, что и приводит героя к гибели — примерно таким же образом, как это происходит в «версии Дюма».

«Знать, правду говорят, что атамана ни пули, ни стрелы не берут?» — спросил молодой голос. «А как они его возьмут, если у него заговор от них самим Горинычем на него наложенный, — послышалось в ответ. — Немецкий капитан в него с трех шагов из своего мушкета стрелял, пуля на Стенькиной груди только царапину оставила, как на камне, а сама — всмятку». — «Слушай, Нефед, а кто такой Гориныч?» — «Это, брат, царь водяной. У него со Стенькой договор: атамана ни пуля, ни сабля не берет, а тот ему за это подарки посылает, золото в воду сыплет, шелка да бархаты, но больше всего по нраву Горинычу, когда Стенька его человечесьей кровью потчует. Часто слышно про него, что он то и дело своих супротивников в воду сажает. А Гориныч-то тем доволен и своим благоволением атамана жалуется». — «Слышно, он женку в воду бросил, так ли это?» — спросил еще чей-то голос. «Не женку, а персианскую княжну. А до того он Горинычу свою жену невенчанную подарил близ Яицкого городка. Одел ее в лучшие одежды и бросил в Яик со словами: “Прими, благодетель мой Горинович, самое лучшее и дорогое, что я имею!” От этой женки у него сын имеется, Стенька отослал его к астраханскому митрополиту с тысячью рублей в придачу, чтобы тот его воспитал в православной вере. А персианку он уже опосля в Волгу кинул, когда из набега на Каспий возвратился»²⁰³.

Обе сюжетные версии, но с другими акцентами, использованы в романе «Вольный сын Дона» Кармелиты Смит.

²⁰² Полотнянко Н. Наброски к историческому роману «Бунташное войско Стеньки Разина» (М.: ЭКСМО, 2008) // ВеликороссЪ: Литературно-исторический журнал. Политическое обозрение (<http://politobzor.net/show-10890-buntashnoe-voysko-stenki-razina.html>).

²⁰³ Суздалев Н. Бунташное войско... С. 89–90, 230–232, 265.

Черток умыкнул одну женщину едисанку и привел ее в дом Разина. Перед атаманом предстала пленница, одетая в длинный серый балахон из грубой материи, поверх платья была накинута овчина мехом наружу. Она была маленького росточка, с кукольным сморщенным желтым лицом. Женщина со страхом смотрела на крупных плечистых казаков. Из ее маленьких глаз тихо струились слезы. <...> «Веди свое страшилище вон из куреня! От вони дышать уже не чем!» <...>

«Люди на базаре гутарят, шо ты княжну утопил в Волге!» — на одном дыхании выпалила супруга и испуганно посмотрела на мужа. «Брешут, не слушай», — отмахнулся Разин от жены. «Брешут собаки, а в каждой брехне доля правды имеется...» — «Алена, ты лучше всех баб, которых я знал», — попытался успокоить жену атаман²⁰⁴.

Наконец, совсем в особом ракусе интерпретирована наша легенда в рассказе Л.В. Папеты «Ожерелье персидской княжны», согласно которому пленница сама бросилась в Волгу от Разина, но не утонула, а выплыла на берег и разрешилась девочкой²⁰⁵, потомки которой доныне живут в Астраханской области.

...Моя приятельница рассказала местную легенду²⁰⁶.
Когда войско Степана Разина возвращалось из Персид-

²⁰⁴ Смит К. Вольный сын Дона // Проза.ру (Гл. 7. Персидский поход Степана Разина [цит. по: www.proza.ru/2011/11/20/1330; www.proza.ru/2011/11/20/1341].

²⁰⁵ Этот мотив встречается в анекдотической традиции: «Видно, я схожу с ума 04 / На берег вылезла Мума. / Мокрая, надутая, / Но не утонутая» (Кучумова А.А. «На берег вылезла Мума...» // ЖС. 2005. № 4 [48]. С. 17–20).

²⁰⁶ После моей лекции на Онлайн ТВ (04.11.2014) в комментарии к программе появилась запальчивая отповедь одного из сетезрителей, который уличил меня в отсутствии интереса к «новой свежей информации» и посоветовал обратиться к «клубу путешественников “Рысь”», «руководители которого (Скиф, Кошка и т.д.) лично встречались с правнуками княжны...» (Отчитываюсь: смотрел, искал, не нашел, хотя было бы любопытно.) Или, наконец, «позвонить писательнице Л. Папете» (Этого, каюсь, делать не стал, ибо тогда пришлось бы опрашивать и

Степан Разин. Худ. В.И. Суриков (1910).

ского похода, его ладьи проплывали мимо этого села. Местный кузнец на закате купал в Волге коней. На берегу он нашел женщину в промокших парчовых одеждах. Она была чуть жива. Он отнес ее к себе в избу. Кузнец жил бобылем. Несколько дней женщина была в жару и беспамятстве.

А когда пришла в себя, с трудом объяснила своему спасителю, что бросилась с борта в реку, спасаясь от пьяного атамана. Парчовые одежды надулись колоколом и дали ей возможность доплыть до берега. <...> На Троицу Макеиха приняла роды у Степановой найдёнки. Родилась девочка — беленькая, совсем непохожая на мать. Только глаза огромные, как спелые сливы. И хоть сама персиянка в церковь не ходила, девочку окрестили по-христиански — Варварой Степановной. Сельчане свыклись с тем, что у кузнеца живет персиянка, даже имя ее — Фатъма — переделали на местный лад — стали звать Фатъкой. <...> косы не убирала в узел — так и спускались они по ее хрупким плечам, как две черные змеи, почти до колен. <...> Годы летели над селом. Сменялись эпохи, поколения, уклад жизни. Революции и войны когда сильно, а когда и не очень задевали людей в этих краях. Только не прервался род персиянки Фатъмы и Степана-кузнеца. Из поколения в поколение передавали старшей дочери или старшей снохе в наследство золотое ожерелье княжны...²⁰⁷

прочих ныне живущих беллетристов, пишущих на разинскую тему, и выяснять «историческую подоплеку» их сочинений, которая и так очевидна.) На всякий случай я запросил у астраханских коллег сведения о данном сюжете в местном фольклоре, но получил вполне ожидаемый ответ — такой сюжет неизвестен. Остается поздравить писательницу с удачно придуманной фавбулой, столь впечатляюще воздействующей на читателей.

²⁰⁷ Папета Л.В. Ожерелье персидской княжны // Сайт «Спроси Алену» (www.tonnel.ru/index.php/?l=liter&all=8005).

Тематика живописных и графических произведений, посвященных Степану Разину, в общем соответствует устойчивой литературной топике и, видимо, прямо зависима от нее. Это выезд на струге, обращение к людям, «думы» Разина, персидская княжна, казнь. Прежде всего следует вспомнить акварель В.И. Сурикова «Степан Разин» (1887), появление которой, возможно, связано с растущей популярностью стихотворения Садовникова. К разинским сюжетам художник возвращается и при работе над своим последним большим полотном — картиной «Степан Разин» в 1903–1906 и в 1907–1910 гг., — когда, забрав картину с выставки, он вновь переделывает ее. Персидской княжны там нет, Разин, развалившись сидит посередине струга в окружении казаков. По воспоминаниям М.А. Волошина, сам Суриков следующим образом комментировал эту композицию:

Когда у меня «Стенька» был выставлен, публика спрашивала: «А где же княжна?» А я говорю: «Вон круги-то по воде — только что бросил». А круги-то от весел. Ведь публика как смотрит: раз Иоанн Грозный, то сына убивает, раз Стенька Разин, то с княжной персидской²⁰⁸.

Отсюда, кстати, следует, что сюжет об утоплении персиянки к тому времени уже прочно укоренился в сознании русской публики, став своего рода «основным мифом» разинского цикла. Вообще же, в отличие от литературной традиции, тема 'персидской княжны' художников интересует мало, среди двух десятков произведений это только гравюра Яковлева, композиция Коненкова и проект самарского памятника.

Неоднократно, на протяжении сорока лет, возвращается к разинской тематике художник Г.Н. Горелов: «Степан Разин на пути в Москву» (1907, юбилейная премия за лучшее произведение конкурса), «Степан Разин на

²⁰⁸ Волошин М.А. Василий Суриков // Волошин М.А. Лики творчества / Подгот. изд. В.А. Мануйлова, В.П. Купченко, А.В. Лаврова. Л.: Наука, 1988. С. 345. (Лит. памятники).

Б.Кустодиев
«Степан Разин»

Волге» — для выставки АХРР (Ассоциация художников революционной России), «Призыв Разиным голытьбы» для Музея Революции (1924) и «Казнь Степана Разина» (1946/1948?). Широкой известностью пользовалась гравюра П.Ф. Яковлева «Разин и персидская княжна» (1913), печатавшаяся даже на почтовых открытках; эскизы панно создавались К.С. Петровым-Водкиным («Степан Разин», 1918) и Г.В. Федоровым («Степан Разин созывает бедноту», 1918). Есть также картины Б.М. Кустодиева «Степан Разин» (1918), В.Н. Пчелина «Казнь Степана Разина» (1925), С.А. Бузулукова «Степан Разин в Саратове» (1952), С.А. Кириллова «Казнь Степана Разина» и «У Симбирской черты (Степан Разин)» (1985–1988), рисунки А.П. Апсита «Призыв Степана Разина», О.И. Гроссе «Казнь Стеньки Разина», А.С. Бегова «Степан Разин»,

М.В. Зотов «Степан Разин с персидской княжной»

Скульптурная группа С.Т. Конёнкова «Степан Разин с ватагой» (1919).

лаковая миниатюра С.А. Мокина «Призыв Степана Разина» (1943), М.В. Зотова «Степан Разин с персидской княжной», эскизы костюмов А.А. Бомштейна (1950-е годы) к опере А.А. Касьянова «Степан Разин».

Скульптурных произведений было значительно меньше; среди них следует назвать скульптурную группу С.Т. Коненкова «Степан Разин со своей ватагой» (1919) и монументальную мраморную статую Е.В. Вучетича «Степан Разин» (1959). Коненкову памятник был заказан ко дню празднования первой годовщины Октября в Москве; композицию, которую автор рассматривал как эскиз будущего памятника и которая была выставлена около лобного места, открывал Ленин²⁰⁹.

Я пошел в Совет казачьих депутатов. Председателем там был Макаров — дельный парень, уважаемый среди казаков человек. Объяснил ему, в чем моя просьба: так, мол, и так, нужны мне твои донцы-молодцы, чтобы было с кого снимать обличье Разина и его ближайших друзей. <...> Макаров откомандировал в мое распоряжение полное отделение — десять казаков: и молодых,

²⁰⁹ Коненков С.Т. Мой век. М., 1972. С. 213–228, 234–235.

С.Т. Конёнков на Красной площади около памятника «Степан Разин с ватагой» (1919).

и почти безусых, и бородатых ветеранов. Между нами шел долгий упрямый спор. Молодые говорили: «Зачем Разина — революционного героя — в компании с бабой изображать?» На это им бородатые витязи Октябрьской революции повторяли свой тезис: «Степан Тимофеевич сказал: “Ничего не пожалею ради дружбы казацкой, ради товарищества”, так и поступил, а раздор-то был из-за бабы, этой самой персидской княжны». Так в композиции «Степан Разин с ватагой» волею красных казаков-ветеранов оказалась персидская княжна. <...> Что ни говори, как ни опевай ее, горемычной, судьбу, пусть временно, пусть случайно, но она была в челне.

Интересно, что княжна, поза которой точно воспроизводит ее многократное описание в литературной традиции, была отлита из цемента, тогда как «Степан Тимофеевич и его ближайшие сподвижники были вырублены из сосновых кряжей». Не знаю, в какой мере эта разница в материале — плавающее дерево и тонущий цемент — могла ощущаться как семантически значимая, но совсем отказываться от подобного предположения не хочется.

Наконец, последним по времени, видимо, является проект памятника Степану Разину в Самаре, вызывающий оживленное обсуждение среди горожан. Помимо стилистически непривычного решения (Разин в виде «первого парня на деревне», а княжна — девушка, привставшая на цыпочки и припавшая к его плечу), протест оргкомитета «Культурная Самара» вызвал и выбор сюжета — «один из самых отвратительных “подвигов” атамана воровских шаек — убийство беззащитной персидской княжны»²¹⁰.

* * *

Итак, утрата легендой исходных ритуально-мифологических мотивировок и обусловленной ими фабульной логики приводит к тому, что при дальнейшей передаче ее сюжет не просто копируется, а интерпретируется («уточняется», «проясняется») каждым следующим автором. Соответственно трансмиссия квази-исторического сообщения из легендарной биографии Разина становится процессом непрекращающегося текстопорождения, удерживающего лишь минимальный набор мотивов: атаманы и пленница; обращение к реке и утопление пленницы, а также жертва Волге (как самостоятельный элемент или как тема, вложенная в монолог Разина). В то же время происходит постоянная корректировка взаимосвязей и функций этих элементов, введение все новых «пояснительных» деталей, которые на следующей ступени передачи могут стать объектами очередного актуализирующего переозначивания. Однако, сколь бы ни была велика амплитуда варьирования передаваемой таким образом легенды, она не выходит за пределы значений, которые заданы культурной традицией, современной тому или иному автору.

²¹⁰ Белкина Л. Миф о Стеньке Разине // Портал православной газеты «Благовест» (http://благовестсамара.рф/-public_page_19199).

I

По своей известности стихотворение Д.Н. Садовникова среди прочих литературных сочинений разинской тематики сравнимо разве что с «Утесом Стеньки Разина» (1864) А.А. Навроцкого¹. Обстоятельства возникновения и бытования этих произведений, ставших затем популярными песнями, чрезвычайно сходны. Появление обоих текстов обязано впечатлению авторов от книги Костомарова, с одной стороны, и от устных преданий о Разине — с другой. Что касается «утеса Стеньки Разина», то, как было сказано, с его именем связаны названия многих приволжских утесов, курганов и гор². В некоторых преданиях говорится о рукотворности подобных возвышенностей; прежде всего это касается Царева кургана, расположенного недалеко от Самары, в районе впадения реки Сок в Волгу.

Утверждают, что славный некогда по Волжским окрестностям грабитель и праотец войска Донского Стенька Разин соорудил сию достопамятную громаду, которая ему во многих случаях, а особливо в полую воду, служила защитой и убежищем... Можно его почитать за достопамятный останок силе помянутого злодея: ибо камни, составляющие основание Царева Кургана, до несколько сот пуд в себе имеющие, требовали многолюдства и облегчающих орудий³.

¹ Вестник Европы. 1870. № 12. «Две знаменитые песни о Стеньке Разине: одна “Есть на Волге утес” А.А. Навроцкого (1867), другая “Из-за острова на стрежень” Д.Н. Садовникова» (Розанов И. От книги — в фольклор // Литературный критик. 1935. Кн. 4. С. 197).

² Волжский фольклор. № 27–29; Фольклор Чкаловской области. С. 213.

³ Дневные записки путешествия доктора академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. Ч. I. СПб.: Имп. Акад. наук, 1795. С. 537.

Есть здесь Царевский Курган. Ведь он его шапками натаскал с командой, чтобы смотреть, как бояре едут по Волге⁴.

По другим версиям, Царев курган был назван так потому, что именно на нем Тимур отмечал победу над Тохтамышем, или потому, что на него поднимался Петр I во время Азовского похода (в версии, изложенной у Навроцкого, этот подъем приписывается Разину). Вообще, «на север и на юг от городов Камышина и Царицына, по нагорному берегу Волги... существует ряд бугров, которые называются буграми Стеньки Разина»⁵. До нынешнего времени эти холмы остаются местом проведения некоторых церемоний, темой краеведческих буклетов и рекламы.

Утес Степана Разина — не просто красивейший уголок Саратовской области, считается, что он приносит счастье. У местных молодоженов стало традицией побывать здесь в день свадьбы, чтобы зарядиться положительной энергией⁶.

В народную традицию стихотворения Садовникова и Навроцкого вошли без существенного изменения своего состава, разве что с некоторыми сокращениями⁷. Однако их дальнейшие судьбы оказались различными. Текст

⁴ Шенгаев Л.С. Древние традиции разинской прозы // Славянский фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 238.

⁵ Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX — начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18). С. 47; ср.: Зайковский Б.В. Бугор Стеньки Разина // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 24. Саратов: Саратов. губ. учен. арх. комис., 1908. С. 44–55.

⁶ Утес Степана Разина и живая надпись на Золотом мосту Владивостока // Утро России (телеканал «Россия»), 01.07.2013 (http://russia.tv/video/show/brand_id/3838/video_cid/499938/viewtype/picture).

⁷ «Две строфы, разговор Разина с княжной, были выброшены как затягивающие действие» (Розанов И. От книги — в фольклор. С. 197).

Навроцкого, впоследствии использованный автором в драматической хронике «Стенька Разин»⁸, оказался востребован революционными кругами народнического направления, превратившись в «русскую марсельезу» (И.И. Ясинский); он неоднократно издавался (в том числе нелегально, без имени автора) и входил в состав революционных песенников⁹. Стихотворение Садовникова, напротив, получило широчайшее распространение (включая лубочную традицию¹⁰) как городская баллада с драматическим сюжетом, не обладающая никаким политическим и пропагандистским значением.

Источник мелодии не выявлен, но известно, что песня была популярна у немцев Поволжья, у которых, как мы помним, бытовали и предания о Разине¹¹. Постановка пьесы П.Ф. Гончарова «Понизовая Вольница» и выход на экраны фильма «Стенька Разин» способствовали популярности данного сюжета, особенно в Поволжье, в том числе и среди немецких колонистов¹². В романе А.А. Фадеева «Молодая гвардия» (1946, 1951) немецкие солдаты в оккупированном Краснодоне поют эту песню по-немецки:

⁸ Вестник Европы. 1871. № 5.

⁹ Рейтблат А.И. Навроцкий Александр Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 4 (М., 1999). С. 199–200.

¹⁰ Стенька Разин. Из-за острова на стрежень, на простор речной волны...: Хромолитография. Многоцветная. 2-е изд-е. Рис. [Б.М. Кустодиев]. М.: ГИЗ; Типолит. школы ФЗУ I-й Образцовой, [1925]; Лубок. Ч. I. Русская песня / Сост. С.А. Клепиков. М.: Гослит. музей, 1939. С. 173; Песни русских поэтов. Т. II. С. 470.

¹¹ Зайковский Б.В. Бугор Стеньки Разина. С. 44–55.

¹² Пузейкина Л.Н. Употребление русских имен собственных в смешанных немецко-русских колонистских песнях (по материалам коллекции немецких народных песен В.М. Жирмунского) // Magister Dixit: Науч.-пед. журнал Восточной Сибири. 2013. № 1 (3). Март (цит. по: <http://md.islu.ru/>). «Имя — Stenka Rasin (Стенька Разин), появляется в песне, представляющей собой перевод русской песни “Стенька Разин”, в немецком варианте — “Stenka Rasin und die Fürstentochter” (12 строф): “Von der Insel her zur Tiefe / In den wilden Wogen Flug / Treiben freier Leute Kähne, / Buntbemalt mit hohem Bug. / In den ersten sitzen Rasin / Und sein Lieb, ein Perserkind. / Feiern fröhlich ihre Hochzeit / Und ihr Lied verweht der Wind”» (там же).

«Wolga, Wolga, Mutter Wolga, / Wolga, Wolga, russlands Fluss... <...> Да, мы выходим на Волгу! — кричал очень толстый немец с мокрыми бровками, стараясь пере-кричать голоса поющих. — Волга — немецкая река! Deutschlands Fluss. Так надо петь!»¹³

Подобное могло быть только в том случае, если бы эти солдаты были из волжских колонистов, но едва ли Фадеев имел в виду именно это. Однако наличие такого немецкого текста (кем-то сообщенного автору) свидетельствует скорее о первичности немецкого перевода уже существующей песни, мелодия которой затем стала использоваться в местном фольклоре для песен преимущественно грустного или трагического содержания¹⁴.

Песня входит в репертуар эстрадных певцов; в 1910-е годы она постоянно фигурирует в сборниках куплетистов (В.И. Кручинина, Ф.С. Магдебурова, Б.А. Петкевича и др.)¹⁵. Встречаются и сюжетные инсценировки (например, «Живая картина с прозой и с песнями былина “Стенька Разин и персидская княжна”»¹⁶), возможно базирующиеся на традиции «Лодки»,

¹³ Фадеев А.А. Молодая гвардия. Ч. I. Гл. 18.

¹⁴ «Ach, wie traurig kam die Botschaft» «Neunzehnhundert einundzwanzig, / War für uns ein schweres Jahr», «Manche liegen auf dem Felde» («Ах, какая печальная весть пришла», «Тысяча девятьсот двадцать первый год — / Какой тяжелый год для нас», «Некоторые полегли на полях сражений») и др. (см.: Пузейкина Л.Н. Языковые особенности «островного» песенного фольклора немецких колонистов в России: По материалам «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В.М. Жирмунского: Автореф. ... канд. филол. наук. СПб., 2008; см. также: Виндгольц И.П. Песни России — народ-скиталец. Народ в беде // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов. СПб., 1994. С. 119, 124 [№ 12]).

¹⁵ Известная и неизвестная эстрада конца XIX — начала XX века: Каталог фонда цензуры произведений для эстрады Отд. рукописей и редких книг С.-Петербур. гос. театр. б-ки, 1846–1917 / Сост., вступ. ст., коммент. А.А. Лопатина; под ред. Т.В. Котовой. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. № 497, 701, 798, 903.

¹⁶ Там же. № 780. Ср. солдатскую инсценировку данного сюжета 1905 г. в Ярославле (см.: Певец Волги Д.Н. Садовников. С. 150–151; Песни русских поэтов. Т. II. С. 470).

постановки которой охотно включают в себя песню на стихи Садовникова, не только сопровождающую театральное действие (иногда с самого его начала), но и определяющую значительную часть «сценария».

А у нас здесь раньше, в старое время, разыгрывали ребята как шайку разбойников. С нами ходил Куросанов. Он это помнил. И Куросанов ему, Баталеву-то, эти слова переписал. И мы с ним вместе (с Баталевым) перевели ее на пьесу. Они выступали как шайка раньше, по домам ходили, а мы решили показать на сцене. Переложили на пьесу и играли тут раза два. На действия ее разбили, занавес был. Там участвовали Атаман, Есаул и разбойники. Еще Персидская княжна была. <...>

Вот как сцена открывается, на ней никого. Вот и поют за сценой. <...> «Из-за острова на стрежень, / На простор речной волны, / Выплывают расписные / Стеньки Разина челны». Тут потихоньку двигается лодка, ее тянут на веревке. Лодку делали из фанеры. На ней гребцы с веслами. Есаул, он тут же, на лодке, на носу, следит за морем, Атаман в середине с Княжной, и разбойники на корме. Дальше поют песню. Согласно этой песне представление и идет...¹⁷

Показательно, наконец, что мотив «персидской княжны», центральный для «разинского» сюжета, переходит и в «биографию» героя популярнейшей балаганной пьесы о Ермаке Тимофеевиче (кон. XIX — нач. XX в.)¹⁸.

II

Как уже отмечалось, фольклоризация песни касается прежде всего сокращения ее текста и некоторого «стилистического редактирования». По наблюдениям И.Н. Розанова, в «девяти куплетах сохранены в не-

¹⁷ Фольклорный театр / Сост., вступ. ст., предисл. к текстам и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. М.: Современник, 1988. С. 247–250 (зап. 1984 г.). (Классическая б-ка «Современника»).

¹⁸ Зоркая Н.М. Фольклор. Лубок. Экран. С. 137.

прикосновенности только 9 авторских строк, т.е. всего одна четверть», выброшен разговор Разина с княжной¹⁹, вдвое сокращено обращение к Волге (так, не воспроизводится строфа «Чтобы не было зазорно / Перед вольными людьми, / Перед вольною рекою — / На, кормилица... возьми!»²⁰), непонятное «из-за острова на стрежень» устойчиво заменяется на «из-за острова навстречу» и т.д. П.Н. Краснов, например, приводит следующий вариант:

Опять, как сто лет тому назад, появились на Волге
черные каюки казацьи, опять
Из-за острова в тумане,
На простор речной волны,
Выплывают острогруды
Стеньки Разина челны²¹.

Сравним с текстом Садовникова один из таких фольклоризованных вариантов, «наиболее распространенный в современном песенном обиходе»²² (см. Табл. XXII; курсивом выделены те строфы оригинала, которые выпали в фольклорной редакции, подчеркнуты фрагменты, подвергшиеся изменениям):

Таблица XXII

1. Из-за острова на стрежень, На простор речной волны Выбегают расписные, <u>Острогрудые</u> челны.	1. Из-за острова на стрежень, На простор речной волны, Выплывают расписные <u>Стеньки Разина</u> челны.
2. На переднем Стенька Разин, <u>Обнявшись с своей</u> княжной, Свадьбу новую справляет, <u>И веселый и хмельной.</u>	2. На переднем Стенька Разин <u>С молодой сидит</u> княжной, Свадьбу новую справляет, <u>Сам</u> веселый и хмельной!

¹⁹ Розанов И. От книги — в фольклор. С. 197.

²⁰ Смолицкие В. и Г. История одного песенного сюжета // Народное творчество. 2003. № 6. С. 53.

²¹ Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб., 1909. Гл. «Разин».

²² Песни русских поэтов. № 798 (примеч.).

3. А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

4. «Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

5. Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал.

6. Ошалел...» Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан
7. Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза...

8. «Эх, кормилица родная,
Волга матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

9. Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою —
На, кормилица... возьми!»

10. Мощным взмахом
поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

11. «Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка, черт, пляши.
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!..»

5. Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял.
Только ночь с ней провозился —
Сам наутро бабой стал».

6. Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман,
И он мощною рукою
Обнял персиянки стан.

8. «Волга, Волга, мать родная,
Волга — русская река!
Не видала ты подарка
От донского казака.

9. Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу прими!»

10. Одним взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт ее бросает
В набежавшую волну...

11. «Что ж вы, черти, приуныли,
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем, братцы, удалую
На помин ее души!..»

Как можно убедиться, значимых трансформаций в тексте совсем немного, и те скорее на уровне семантической нюансировки. Устный текст избавляется от слова кормилица (в обращении к Волге), видимо восходящего к переводу Корниловича («ты меня взлелеяла и вскормила») и не поддержанного контекстом песни; фраза «Чтобы не было зазорно / Перед вольными людьми» заменяется на «Чтобы не было раздора / Между

вольными людьми» — тем самым намеченный у Садовникова конфликт доводится до своей логической определенности. Однако в рамках процесса фольклоризации книжного текста подобные изменения не следует считать значительными.

Характерна, наконец, переработка песни в стиле «наивной поэзии»:

Молча он пошел в палатку, / Что стояла на корме, — / Там персидская царевна / Отдыхала в полусне. / Сон сомкнул ее ресницы, / Распущенная коса, / И тихонько улыбалась / Иноземная краса. / Он могучею рукою / Сон красавицы смежил, / И персидскую царевну / Он в объятья заключил²³.

Эта переработка явно имела своим источником устный текст песни Садовникова, и производилась она именно в устной традиции, о чем свидетельствует ряд форм, наверняка возникших в результате слухового восприятия текста («из-за острова навстречу» вместо «из-за острова на стрежень»²⁴, «бросает на бежавшую волну» вместо «бросает в набежавшую волну» и т.д.); сам фольклоризованный текст Садовникова начинается только с 11-й строфы, тогда как развернутая экспозиция (10 первых строф), представляет собой вольную вариацию с использованием трафаретов массовой литературы. Кстати, и в песенниках текст этой песни (в отличие от стихотворения Навроцкого) обычно печатается «с голоса»²⁵, т.е. уже в фольклоризованной форме, что свидетельствует о значительной глубине его вхождения в устную традицию.

Прежде чем закончить рассмотрение темы бросание девицы с корабля за борт, уместно процитировать следующий текст:

²³ «Что не царски воеводы...» // Русское народное творчество в Башкирии. С. 250–251 (№ 198).

²⁴ Замена довольно обычной. «Слово “стрежень”, находящееся в начальном стихе, многим из поющих непонятно. Почему иногда первый стих поется “Из-за острова навстречу”» (Розанов И. От книги — в фольклор. С. 197).

²⁵ Там же.

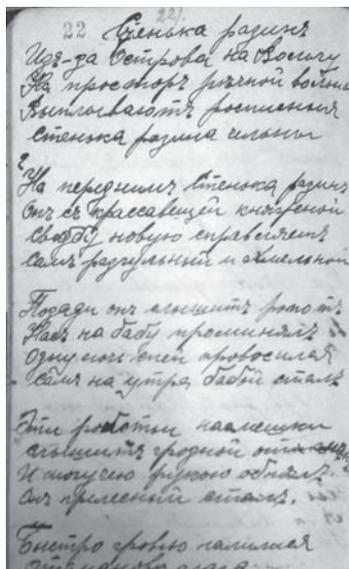
Они стояли на корабле у борта, / Он перед ней с протянутой рукой. / На ней тяжелый шелк, на нем — бушлат потертый, / Но взор горел надеждой и мольбой. / Он говорил ей: «Сюда взгляните, леди, / Там в облаках летает альбатрос, / Моя любовь нас приведет к победе, / Хотя вы — леди, а я простой матрос!» / Но на слова влюбленного матроса / С презреньем леди свой опустила взор. / Душа взметнулась в нем, как крылья альбатроса, / И бросил леди он в бушующий простор!²⁶

Это один из вариантов популярной уличной песни, сюжет которой, по-видимому, восходит к эпизоду широко известной британской оперетты «Фрегат его величества Пинафор, или Девушка, которая любила моряка» (муз. А. Салливена, либр. У. Гилберта, 1878; выдержала 571 постановку и была первой международной сенсацией данных авторов²⁷): леди, дочь капитана, отказывает влюбленному в нее моряку невысокого звания, но затем уступает и соглашается ответить на его чувство, после чего хор поет герою о той великой чести, которой он удостоился, поскольку она — леди, а он — простой моряк. Не исключено, что драматический исход, естественный для баллады и невозможный для оперетты (в которой все должно закончиться хорошо)²⁸, в приведенном тексте был подсказан фоль-

²⁶ В нашу гавань заходили корабли: Актеры и песни: По мотивам телевизионной передачи / Авт. сб. Э. Филина. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 90.

²⁷ Sullivan A.W., Gilbert S. H.M.S. Pinafore. An Operetta in Two Acts for Soli, Chorus and Orchestra with English Text. Kalmus Classic Edition; H.M.S. Pinafore. The Complete Annotated Gilbert and Sullivan. Oxford: Oxford U.P., 1996. Произведения Гилберта и Салливена ставились на русской любительской и профессиональной сцене конца XIX–XX века (см.: Поляновская Я.М. Савой-опера Гилберта и Салливена: Дисс. ... канд. искусств. СПб.: РИИ, 2000 (Гл. 4. Английская оперетта на русской сцене)).

²⁸ О противоположности в этом плане романа и оперетты см.: Петровский М. Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. Киев: Оранта-Пресс, 1997. С. 3–60.

Страница с текстом песни «Стенька Разин» из эстонского рукописного альбома (1917)

кlorизованным текстом Садовникова (хотя сами события развиваются в ней скорее по «цветаевскому» сценарию). Если это так, то здесь мы имеем дело со своеобразной «коррекционной правкой», которую делает традиция сообразно имеющейся в ее распоряжении сюжетной модели.

Есть и другие песни, включающие сходную коллизию. После долгого плавания моряк встречает бывшую возлюбленную, выдаваемую теперь за другого, и заманивает ее на корабль, обещая вернуть обручальное кольцо.

Она взошла, парус поднялся, / Моряк кольца не отдает. / Посадил ей на колени / Да стал спрашивать ее: / «Ты скажи, скажи, красотка, / Скажи, ты любишь ли меня?» / Она как будто нарочно / Ему сказала: «Не люблю!» / А моряк-то да рассердился, / Красотку бросил через борт²⁹.

В других вариантах, возможно восходящих к более старой традиции, отказ девушки не является шуткой, и ее утопление оказывается мстостью за измену: «Кто на свете всех милее, / Отрада жизни твоя? / — Кто мне мил, того здесь нету, / А я в руках уж у тебя. / Не стерпел моряк сердечком, / Бросил девку через борт»³⁰. В

²⁹ Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А.В. Кулагиной, Ф.М. Селиванова; вступ. ст. Ф.М. Селиванова. М.: Филол. ф-т МГУ, 1999. С. 353–354 (№ 388).

³⁰ Фольклор Тверской губернии: Сб. Ю.М. Соколова и М.И. Рожновой: 1919–1926 гг. / Подгот. изд. И.Е. Ивановой, М.В. Строганова. СПб.: Наука, 2003. С. 301–304 (№ 520–523).

«Песня о Степане Разине. Всемирно известная песня о Волге» (*La kanto pri Stefano Razin / La mondfama Volgo-kanto*). Фото без опознавательных данных (11,5 X 17 см); перевод на эсперанто стихотворения Садовникова «Из-за острова на стрежень». Из коллекции автора.

этом случае опять-таки вполне возможно использование все той же сюжетной модели, сформировавшейся в рамках нашей легенды, и имевшей воплощение в популярной песне о Разине и персидской княжне.

III

Распространение песни не ограничивается пределами России, следы ее бытования обнаруживаются, например, в эстонском рукописном альбоме 1917 г.; приведенная в нем запись интересна прежде всего тем, что демонстрирует характер фольклорного варьирования в двуязычной среде, для которой русский язык не является родным; впрочем, текст передан довольно полно, хотя и с некоторой перестановкой строк.

Песня получила и иноязычное воплощение — по крайней мере, немецкое (среди волжских колонистов, как было сказано) и французское; существует даже версия на эсперанто, о чем свидетельствует открытка без опознавательных данных (из частной коллекции), в верхней половине — сцена из какой-то театральной постановки (о Разине?), в нижней — перевод на эсперанто стихотворения Садовникова («La kanto pri Sefano Razin»). Наконец, имеется не менее трех (!) французских переводов песни, переводов достаточно вольных, чтобы иметь статус самостоятельных вариантов, причем один из них, наиболее пространственный и дальше других отходящий от своего прототипа, относится к репертуару Шарля Азнавура (1951?)³¹.

³¹ Слова — Шарль Азнавур, музыка — Жорж Гарваран (Georges Garvarentz). Ср.: «Я знаю русских людей с давних пор. Потому что мои родители приехали из Армении, они говорили по-русски и знали многих русских в Париже. Я знаю, как нужно есть, как вести себя, приехав в Россию. Я знаю некоторые ругательства и хорошие слова. Я знаю, что сказать, когда прихожу в гостиницу или в ресторан. Если потеряюсь на улице, то знаю достаточно, чтобы меня поняли. Но не умею складывать слова в предложения» (Аловерт Н. Интервью с Шарлем Азнавуром // Русский базар. Культура. С. 657 (№ 47) [russian-bazaar.com/ru/

У Азнавура, как и в остальных французских версиях, героиня не называется ни пленницей, ни персиянкой, она «тихая и хрупкая красавица» (*belle douce et fine*), «хрупкая и дрожащая» (*frêle et tremblante*) — видимо, от страха, согласно оригиналу; в прочих текстах она — принцесса. Антифеминистическое установление «запорожской этики» доведено у Азнавура до полной определенности, гораздо большей, чем у Садовникова: «Нет — женщине в нашем кругу!» (*Pas de femme en notre cercle*), а альтернативность 'женщины' и 'реки', точнее, роли 'моряка' и 'супруга' (*Le marin n'est plus qu'un mari* 'Моряк теперь всего лишь супруг!'), как и амбивалентное определение самой Волги (*Volga de mort, Volga de vie* 'Волга смерти, Волга жизни'; вспомним «версию Дюма») и особенно просьба забирать его вдовых (?) возлюбленных на свое ложе (*Volga prends mes amours veuves / Pour toujours au fond de ton lit*) наталкивают на мысль о наличии еще какого-то источника, кроме стихотворения Садовникова. Заключительный монолог Разина, в четыре с половиной раза превышающий исходную строфу оригинала, прочитанную чрезвычайно гедонистически, воспекает вино (в противоположность любви, которая не более чем мираж), призывая пользоваться этим мигом жизни³², которая является всего лишь удивительным и кратким эпизодом. Две другие французские переработки, интерпретирующие стихотворение Садовникова, гораздо более лаконичны (по четыре строфы), либо являются сокращенным, но довольно близким переводом стихотворения Садовникова, либо просто резюмируют содержание оригинала.

Датировки этих текстов, кроме версии Азнавура, мне неизвестны, причем и в ее датировке (1951 г.) я тоже совсем не уверен. Хотелось бы, однако, обратить внимание на следующий фрагмент в «Золотом тельце» Ильфа и Петрова:

content/13800.htm]; см. также: Азнавур Ш. Мой папа — великан / Пер. с фр. Н.А. Световидовой. М.: РИПОЛ классик, 2007).

³² Очень в духе арии Германа из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама» (1890): «Кто прав, кто счастлив здесь, друзья, / Сегодня ты, а завтра я. / Так бросьте же борьбу, / Ловите миг удачи...» (слова М.И. Чайковского).

«И, конечно же, все вы по вечерам будете петь в вагоне “Стеньку Разина”, будете глупо реветь: “И за борт ее бросает в надлежащую волну”. Мало того, да же иностранцы будут петь “Вниз по матушке по Волге, с юрнотрмер Вольга, по нашей матери Волге”» (ч. 3, гл. XXVI)³³.

Соблазнительно предположить, что уже в 1920-е годы существовал французский перевод песни, который где-то мог слышать один из авторов. Впрочем, никаких других аргументов в пользу такого предположения у меня нет.

IV

Другим направлением трансформации поэтической темы является пародирование популярной песни, уже к 1910-м годам ставшей одним из основных прецедентных текстов русской массовой культуры. Первичная переработка в пародийном ключе, очевидно, происходит на эстраде; во всяком случае, едва ли не первые исторически засвидетельствованные фиксации текстов такого рода относятся к сборникам авторов-куплетистов (А.И. Гладышева [М. Славинского], Е.А. Дмитриевой-Нежданович, К. Юркевича, Н. Томского, М.П. Филипповой и др.)³⁴. Форма общеизвестной и всеми узнаваемой песни используется и в актуальной политической сатире (не позднее 14 февраля 1918 г.).

Из-за города Кронштадта / На простор реки Невы /
Выплывает много лодок, / В них сидят большевики. /
На передней Колька Ленин³⁵ / С Коллонтайкою мадам, /

³³ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: ГИХЛ, 1959. С. 570.

³⁴ Известная и неизвестная эстрада конца XIX — начала XX века. № 498, 592, 789, 802, 814, 876.

³⁵ Н[иколай] Ленин (Н. Ленивецын) — один из псевдонимов В.И. Ульянова (см.: Указатель псевдонимов В.И. Ленина (по Справочному тому Биографической хроники Ленина [http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=4022:vse-pseudonimy-lenina&catid=113:spravochnyj-tom&Itemid=61]).

Свадьбу новую справляет / Русь продавший немцам хам. /
Позади их слышен ропот: / «Пропадет владыка наш, / Он идею большевизма / Отдал ночью за массаж». / Этот ропот и насмешки / Слышит Ленин невзначай / И продажною рукою / Обнял крепче Коллонтай. / Плешь широкая вспотела, / Рассердился он зело, / Под рукою затрещало / Непокорное весло. / А она, забыв массажи, / Только шепчет «не сердчай», / И кусками сыплет пудра / С вечно юной Коллонтай. / «Ничего не пожалею, — / Заорал тогда шпион, — / Чтобы даром не сажали / В plombированный вагон. / И чтоб не было раздора / Между бандой подкупной, / Ты, рассадница холеры, / О Нева, прими дар мой». / Мощным взмахом поднимает / Ленин фрау Коллонтай / И за борт ее бросает, / «Доннер ветер» наших знай. / Что ж вы, черти, приуныли, / Аль не видели чудес, / Грянем, братцы, удалую, / И пусть пляшет Нахамкес³⁶.

Традиция пародийных переработок песни, возникшая на рубеже XIX–XX вв. продолжается в русской поэзии последнего столетия. Так, в стихотворении И. Уткина «На берегу Волги» (1938) сюжет квазиисторической мелодрамы переводится в регистр бытового фарса:

Нет уж, если песня сложена, / Я-то в этой песне...
персианка, / Атаманом, собственно, жена. /
Говорю по правде (без тумана), / Очень многим женам, может быть, /
Хочется супругой-атаманом, / Волга-матушка, побыть. /
А попробуй на такую моду / Кто-нибудь благословенье дать, — /
Так, пожалуй, в веденье Освода³⁷ /

³⁶ Неизвестная Россия: XX век: В 4 т. М.: Историческое наследие, 1993. Т. 4. С. 392–393. Благодарю А.С. Архипову, указавшую мне на этот текст. Колька Ленин — Н[иколай] Ленин (Н. Ленивецын), один из псевдонимов Ленина. А.М. Коллонтай (1872–1952) — революционерка, государственный деятель, дипломат. О.М. Нахамкес (Нахамкис, Ю.М. Стеклов, Ю. Невзоров; 1873–1941) — революционер, политический деятель, публицист, историк.

³⁷ Освод, Союз ОСВОД — Союз обществ содействия развитию водного транспорта и охраны жизни людей на водных путях СССР (с 1931 г., в 1943 г. ликвидирован); возникло в 1872 г. как Общество подаяния помощи при кораблекрушениях, с 1892 г. — Имп. Российское общество спасения на водах; с 1925 г. — Общество спасения на водах (ОСНАВ).

Надо будет загсы передать! <...> / Не люблю, когда красавиц топят, / Волга матушка-река! / На меня напраслину возводят. / Напустили кумушки туман, / Будто я с супругой не в разводе, / А в известном роде... атаман³⁸

Такое же парадоксальное переворачивание сюжетной ситуации было впоследствии использовано А.А. Ароновым: «Началась большая пьянка, / Шло казачество ко дну — / Атамана / персиянка утопила / на Дону»³⁹; в аналогичном смысле, т.е. с уподоблением активного героя не Разину, а персиянке, мы сталкиваемся в стихотворении Алексея Хвостенко и Анри Волохонского о бегстве из СССР Олега Соханевича.

Словно грешник на Страшном суде. / На турецкий выходит берег / Соханевич молодой, / Турки вовсе ему не верят, / Окружая его толпой. / И хватают его, / И пытаются его: / «Говори, — говорят, — отчего? / Ты не баш ли бузук, / Ты нам враг или друг, / И откуда свалился ты вдруг?» — / «Плыл, приплыл я сюда по водам, / Как персидская княжна, / От турецкого народа / Лишь свобода мне нужна»⁴⁰.

Возвращаясь к Уткину, следует заметить, что помимо пародирования популярного текста он также оперирует — с очень дозированной степенью иронии — и приемом переигрывания классических сюжетов в духе «социалистического реализма», десятью годами раньше сформулированным М.А. Светловым в стихотворении «Живые герои» (1927):

³⁸ Уткин И.П. На берегу Волги // Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. № 120 (Биб-ка поэта, 2-е изд. Большая серия).

³⁹ Аронов А.А. Эпизод // Аронов А.А. Туннель / Сост. Т. Суханова. М.: Голос-Пресс, 2003. С. 248.

⁴⁰ Хвостенко А., Волохонский А. Прославление Олега Соханевича (сбежавшего с советского судна в Турцию) (<http://web.ru/bards/Hvostenko/part13.htm>). «Олег, уже находясь в воде, наддул ртом свою лодку и погреб к югу, в Турцию. Он греб девять суток, но доплыл-таки. По его словам, самое трудное было убедить турок в том, что ему это удалось, но смею предполагать, что Олег слегка бравировал» (журналист и телеведущий Лев Иванович Бруни. Время новостей. 2006. 9 ноября. №206 [www.vremya.ru/2006/206/13/164982.html]).

Товарищи классики! / Бросьте чудить! / Что это вы, в самом деле, / Героев своих / Порешили убить / На рельсах, / В петле, / На дуэли?.. / Я сам собираюсь / Роман написать — / Большущий! / И с первой страницы / Героев начну / Ремеслу обучать / И сам помаленьку учиться⁴¹.

Последним по времени парафразом сюжета нашей легенды, вероятно, является стихотворение И.М. Иртеньева (2014), в котором уткинский попрек Разину вкладывается в эпистолу «Вашингтонского обкома»:

Уткин	Иртеньев
Некрасиво в этой песне Разин / С бедной персианкой поступил. / Разойдись — никто с тебя не спросит, / Уплыви с другими на войну, / Но бросать... да и не просто — бросить, / А ведь в <i>набежавшую волну!</i>	И что опять там происходит / У вас с персидской княжной? / Ее с борта еще кидали... / Она, при этом есть, жива? / А если нет, как пострадали / Ее гражданские права? / Возможно, взгляд наш буржуазен, / Но он при этом трезв и здрав, / И согласитесь — мистер Разин / Был в данном случае не прав ⁴² .

Наконец, в ироническом смысле вспоминается сама песня, цитируются укоренившиеся в массовой культуре строки, иногда только намеки на нее, например: «С криком “Не видала ты подарка” бросали в воду разные предметы»⁴³, делаются даже попытки инсценирования прецедентного текста. По воспоминаниям актрисы Светланы Сливинской, игравшей в фильме «Белое солнце пустыни» (1970) Саиду — одну из «жен Сухова», среди сцен, вырезанных цензурой, например, был эпизод, когда в одном из «снов» Сухов под песню «Из-за острова на стрежень» бросает Саиду с баркаса и она покорно уходит под воду.

⁴¹ Светлов М.А. Живые герои // Избр. произв.: В 2 т. М.: Худ. лит., 1965 (<http://poetrylibrary.ru/stixiya/all-143.html#chubatyj-taras-nikogo>).

⁴² Иртеньев И. Повестка дна: Стихи 2012–2014 / Вступ. ст. С. Гандлевского. М.: Время, 2015. С. 123–124. (Поэтическая биб-ка)

⁴³ Ильф И. Записные книжки. 1-е полн. изд. / Сост. и коммент. А.И. Ильф. М.: Текст, 2000. С. 238.

связь между образом лихого казацкого атамана и пивоварением в Петрограде. Видимо, поэтому и возникла следующая шутовская версия об истории переименования. Будто бы первая партия сваренного пива была доставлена в Петросовет депутатам на пробу. Пиво удалось на славу — пенистое, хмельное. Попробовали депутаты да затянули: «Из-за острова на стрежень...» И решили: быть пивзаводу питерскому «Стенькой Разиным»⁴⁹.

⁴⁹ История Пивоваренного завода им. Степана Разина» (<http://www.razin.ru/ourhystory.html>).

МЕХАНИЗМЫ СЮЖЕТНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Обратимся к тематическому составу легенды о Разине и персидской княжне. Ее основные топосы¹ суть следующие:

1. Выезд разинского струга.
2. Украшенная разбойничья лодка.
3. Красота пленницы.
4. Наряды и драгоценности пленницы.
5. Браслеты.
6. Ковры.
7. Сады.
8. Испуг и слезы пленницы.
9. Нелюбовь пленницы к атаману / неуступчивость пленницы.
10. Любовь пленницы к атаману.
11. Любовь Разина к пленнице / его «околдованность».
12. Танец «чаровницы».
13. Две женщины Разина, жена и любовница.
14. «Лишняя» женщина.
15. Женщина-предательница.
16. Измена / ревность.
17. Недовольство / заговор казаков.
18. Пьянство Разина (и разинцев).
19. Гневливость / неистовство Разина.
20. «Задумчивость» Разина / созерцание реки.
21. «Борт лодки».
22. Бросание кубка в реку.
23. Обращение Разина к реке.
24. Жертва реке.
25. Потерянный башмачок.
26. Всплывающее тело / призрак утопленницы.
27. «Проблемы морали».

¹ Данный термин употребляется здесь для обозначения устойчивой тематической конфигурации (зачастую шире или уже мотива), встречающейся в книжных и устных версиях легенды.

Приведенный список топосов в целом соответствует сложившемуся в традиции метасюжету легенды, причем альтернативные фабульные версии возникают только в повествованиях, содержащих тему отношение пленницы к атаману. Во многих текстах (Фабрициуса, Пушкина, Костомарова, Якушкина, Мельникова, Садовникова, Хлебникова) подобная тема отсутствует — героиня вообще не является субъектом сюжетного действия. Оговорку следует сделать лишь для произведений Мельникова и Садовникова, упоминающих о переживаниях девушки, а также Костомарова, чье замечание «она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана», хотя и относится к чувствам самого Разина, все же дает импульс для активизации фигуры персиянки в последующей традиции (Хрущов-Сокольников, Ватсон, Мордовцев, фильм «Понизовая вольница», Каменский). Версия не любви (поддержанная любочными редакциями «разбойничьей» литературы) встречается у Соколова, Цветаевой и Чапыгина, Строкина в других случаях разрабатывается тема любви пленницы к Разину. Обе альтернативные версии основываются на одной и той же фразе Стрэйса, в сущности двусмысленной: «она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе»², которая в редакции Корниловича получила следующий вид: «она покорилась буйным желанием разбойника», что уже может прямо провоцировать последующих авторов на амбивалентные интерпретации (скажем, «она не покорилась буйным желанием разбойника», как это происходит в стихотворном цикле Цветаевой).

Перечисленные выше топосы могут быть сгруппированы в тематические блоки, объединенные особенно тесными имплицативными связями. Таким блоком обычно являются встречающиеся вместе красота пленницы + наряды и драгоценности

² «Довольно странное выражение: можно ли полюбить из страха?» (Королев В.Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? С. 86). Видимо, понимать это надо как «уступила ему из страха...».

пленницы, а также позднее присоединившиеся к ним браслеты, ковры и сады. Другой блок — любовь Разина к пленнице / его «околдованность» ею + недовольство / разговор казаков.

Топос жертва реке присутствует в виде «вложенной темы» в обращении Разина к реке; как самостоятельный элемент он выделен здесь только для тех редких случаев, когда тема жертвоприношения артикулируется вне рамок разинского монолога (Фабрициус, Хлебников, Суздальев). В известной степени искусственным может показаться и разделение на две отдельные единицы топосов пьянство Разина (и разинцев), с одной стороны, и гневливость / неистовство Разина — с другой. Действительно, в большинстве случаев вспышки неуправляемого гнева разбойничьего атамана описываются как прямое следствие сильного опьянения; более того, у Стрэйса они соединены, так сказать, изначально, безотносительно к рассматриваемой ситуации.

Когда он напивался допьяна, что с ним часто случалось, то по малейшему поводу приказывал рубить головы в его присутствии и даже сам прикладывал к тому свои жаждущие крови руки, и такое несчастье постигало большею частью начальников...³

Однако при этом оба мотива способны существовать без причинно-следственной связи, автономно (прежде всего когда речь идет обо всей казацкой ватаге, но иногда это относится и к самому Разину).

Топосы «борт лодки» и «задумчивость» Разина / созерцание реки, как мы помним, появляются в результате уточняющего французского перевода с голландского и детализирующего русского перевода с французского, опять-таки амбивалентного, включающего обе контрастные реакции: и «задумчивости», и внезапной импульсивности.

³ Стрейс Я.Я. Три путешествия. С. 205.

Текст Стрёйса →	Французский перевод →	Перевод Корниловича
<i>Hij nu bijster dronken in zijn vaartuygh sit-tende, spatte uit tot de volgende buyten-spoorige wreedtheyt. Hij sprak de Wolga aan, seggende...</i> 'Он же, сидя в своей лодке весьма опьяневши, поддался следующей чрезмерной жестокости. Он обратился к Волге, говоря...'	<i>Au fort de l'yvresse il s'apuia sur le bord de la Barque, d'où regardant d'un air rêveur l'eau de la Volga après quelques momens de silence... s'écriat'il</i> 'В состоянии особенно сильного опьянения он оперся на край лодки и оттуда, некоторое время задумчиво глядя на воды Волги после, нескольких секунд молчания... воскликнул'	Распаленный вином, он сел на край шлюпки и, задумчиво поглядев на реку, вдруг вскрикнул...

В дальнейшем эти топосы становятся изобразительным трафаретом, встречающимся в некоторых версиях легенды.

И стоит он с затаенной / В сердце думой, воспаленный / Взор склонивши вниз. / <...> / В сердце с думой затаенной, / Взор потупив воспаленный, / Атаман стоит. <...> / Услыхав такая речи, / Атаман приподнял плечи, / Голову назад / Вдруг откинул, задрожали / Губы, щеки запылали, / Загорелся взгляд. / Он ударил в борт ногою... (Мельников).

На другой день все заметили, что атаман был как-то особенно задумчив. Иногда он <...> по долгу останавливался у борта своего струга и как бы бесцельно глядел куда-то вдаль, ничего не видя. <...> Атаман задумчиво стоял у борта струга... (Мордовцев).

Это созерцание реки, которое писатель использует для изображения душевного состояния своего героя, встречается и в народных преданиях, но приурочено оно там к Разину-призраку: «А то плывет в струге под белыми шелковыми парусами. Стоит на носу и смотрит в воду»⁴, «смотрит с тоскою на переливающаяся серебром струи залитой лунным светом реки»⁵. Здесь, по-видимому, актуализируется тема особой связи персонажа с водной стихией; не исключено, что акцентирование данного образа в литературе происходит не без влияния этой мифологической темы.

Обратим внимание, что у Мельникова и Мордовцева подобный трафарет воспроизводится «через голову» Костомарова, у которого никакого «рассматривания реки» нет, — в описании данной сцены историк выбирает регистр «неистовства», а не «задумчивости» («Вдруг, упившись до ярости, Стенька вскакивает со своего места, неистово подходит к окраине струга и, обращаясь к Волге, говорит»); следовательно, оба автора, по-видимому, используют здесь текст не Костомарова, а Корниловича или какой-то французский «уточняющий» и «дополненный» перевод, либо, наконец, опираются также и на фольклорную традицию.

Разин остановился, одним быстрым движением схватил красавицу Шекерлеб за голову и за ноги, подбежал к борту и, высоко подняв ее над головою, бросил в темные волны⁶.

...Он встал, шатаясь, и остановился у борта струга, лицом к Волге. Он был страшен. <...> схватил Заиру одной рукой за горло, другою за ноги — и бросил за борт, как сорванный цветочек⁷.

Хватает княжну на руки и несет к борту. Та бьется и кричит⁸.

⁴ Аристов Н.Я. Предания... С. 709–739; Цыбин В. Заговоренные клады... С. 22.

⁵ Зайковский Б.В. Бугор Стеньки Разина. С. 49.

⁶ Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин. С. 232.

⁷ Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? С. 130–131, 141–143.

⁸ Савельев Е. Степан Разин. С. 20–21, 44–45.

* * *

В качестве дальнейшей трансформации того же топоса соблазнительно рассматривать устойчивую формулу в фольклоризованных версиях песни на слова Садовникова: «И за борт ее бросает / В набежавшую волну...»⁹, «Через борт ее бросает / На бежавшую волну»¹⁰ и т.д. В прототипическом стихотворении никакой «борт» не упоминается, там лишь сказано: «И не глядя прочь кидает / В набежавшую волну...» Таким образом, устная традиция как бы реконструирует «пропущенное звено» традиции и восстанавливает семантическую полноту топоса — либо следуя фразеологической инерции, согласно которой значение 'бросить что-л. с какого-л. судна в воду' выражается устойчивым сочетанием «бросить за борт»¹¹, либо (что менее вероятно) опираясь на какую-то другую сюжетную версию, позднее отразившуюся, например, у Мордовцева.

Потом он встал, шатаясь, и остановился у борта струга, лицом к Волге. Он был страшен. «Ах, ты, Волга-матушка, река великая! много ты дала мне злата, и серебра, и всего доброго. Как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил». Сказав это, он быстро повернулся, схватил Заиру одной рукой за горло, другую за ноги — и бросил за борт, как сорванный цветок. «На ж тебе — возьми!» Что-то яркое мелькнуло в воздухе, послышался плеск воды...¹²

Трудно не связать между собой оба словоупотребления («остановился у борта струга <...> и бросил за борт»), из которых первое является очередной модификацией рассматриваемого топоса. Впрочем, не исключено, что второй случай представляет собой реплику фольклоризованной версии стихотворения Садовникова («и за борт ее бросает...»), видимо уже сложившейся в 1880-е годы.

⁹ Песни русских поэтов. № 798.

¹⁰ «Что не царски воеводы...» // Русское народное творчество в Башкирии. № 198.

¹¹ «Бросить что за борт, в море» (Даль, I. С. 118).

¹² Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? С. 143.

Соответственно содержательный состав каждой версии выглядит примерно следующим образом:

Фабрициус: красота пленницы; наряды и драгоценности пленницы; обращение Разина к реке и утопление девушки; жертва реке.

Стрэйс: красота пленницы; наряды и драгоценности пленницы; любовь Разина к пленнице (его «околдованность»); испуг и слезы пленницы; любовь пленницы к атаману; пьянство Разина (и разинцев); гневливость / неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки; «проблемы морали».

Корнилович: украшенная разбойничья лодка; (любовь пленницы к атаману); пьянство Разина (и разинцев); «борт лодки»; «задумчивость» Разина / лицемерие им реки; гневливость / неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки; «проблемы морали».

Пушкин: выезд разинского струга; (красота пленницы); (гневливость / неистовство Разина); «задумчивость» Разина / лицемерие им реки; обращение Разина к реке и утопление девушки.

Лермонтов: выезд разинского струга; испуг пленницы; клевета, ревность; утопление девушки; возмездие.

Костомаров: украшенная разбойничья лодка; красота пленницы; наряды и драгоценности пленницы; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; пьянство Разина (и разинцев); недовольство / заговор казаков; «борт лодки»; гневливость / неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки; (жертва реке); «проблемы морали».

Якушкин: красота пленницы; наряды и драгоценности пленницы; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; недовольство / заговор казаков; обращение Разина к реке и утопление девушки.

Соколов: любовь Разина к пленнице; ее отвращение к нему; «лишняя» женщина; ревность; гневливость / неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки; (жертва реке).

Мельников: выезд разинского струга; украшенная разбойничья лодка; красота пленницы; наряды и

драгоценности пленницы; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; испуг и слезы пленницы; пьянство Разина (и разинцев); недовольство / заговор казаков; «борт лодки»; «задумчивость» Разина / лицезрение им реки; гневливость / неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки; «проблемы морали».

Садовников: выезд разинского струга; пьянство Разина (и разинцев); испуг и слезы пленницы; недовольство / заговор казаков; гневливость / неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки.

Рыскин: красота пленницы; испуг и слезы пленницы; нелюбовь / неуступчивость пленницы; «дар» реке; всплывающее тело / призрак утопленницы.

Хрущов-Сокольников: красота пленницы; наряды и драгоценности пленницы; любовь пленницы к атаману; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; танец «чаровницы»; ревность; недовольство казаков; («суицидальный» мотив — «сама предложила»); обращение к реке и утопление девушки.

Ватсон: предсказание; добровольный уход с Разиным; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; любовь пленницы к атаману; (две женщины Разина); ревность; неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки.

Мордовцев: красота пленницы; наряды и драгоценности пленницы; ковры; испуг и слезы пленницы; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; любовь пленницы к атаману; (две женщины Разина); (измена) / ревность; пьянство Разина (и разинцев); гневливость / неистовство Разина; «борт лодки»; «задумчивость» Разина / лицезрение им реки; обращение Разина к реке и утопление девушки.

Зарин: любовь Разина к пленнице; недовольство казаков; гневливость / неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки.

«Понизовая вольница» (фильм 1908 г.): выезд разинского струга; (красота пленницы); ковры; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; любовь пленницы к атаману; недовольство / заговор казаков; (измена / «соперник»); ревность; пьянство Разина (и ра-

зинцев); гневливость / неистовство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки.

Краснов: красота, наряды и драгоценности пленницы; ее любовь к атаману; пьянство Разина; обращение Разина к реке и утопление девушки.

«Стенька Разин» (фильм 1914 г.): предсказание колдуньи; две женщины Разина; любовь пленницы к атаману; любовь Разина к пленнице; «соперник»; («суицидальный» мотив — «сама предложила»); утопление любовницы; предательство.

Глебов: две женщины Разина; (невольное) предательство; утопление любовницы.

Каменский: (красота пленницы); наряды и драгоценности пленницы; ковры; браслеты; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; любовь пленницы к атаману; недовольство / заговор казаков; гневливость / неистовство Разина; две женщины Разина.

Цветаева: красота пленницы; наряды и драгоценности пленницы; ковры; браслеты; испуг и слезы пленницы; нелюбовь / неуступчивость пленницы; «задумчивость» Разина / лицезрение им реки; гневливость / неистовство Разина и утопление девушки; потерянный башмачок.

Савельев: красота пленницы; любовь пленницы к атаману; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; недовольство казаков; гневливость Разина; обращение к реке и утопление девушки.

Ремизов: две женщины Разина; любовь Разина к пленнице; танец «чаровницы»; ревность; недовольство казаков; обращение к реке и утопление девушки.

Горький: любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; любовь пленницы к атаману; недовольство казаков; гневливость Разина; обращение к реке и утопление девушки.

Хлебников: выезд разинского струга; испуг и слезы пленницы; недовольство / заговор казаков; обращение Разина к реке и утопление девушки; жертва реке.

Гиляровский: красота пленницы; любовь Разина к пленнице / его «околдованность»; любовь пленницы к атаману; две женщины Разина.

Чапыгин: украшенная разбойничья лодка; пьянство Разина (и разинцев); красота пленницы; наряды

и драгоценности пленницы; ковры; браслеты; нелюбовь / неуступчивость пленницы; «задумчивость» Разина / лицемерие им реки; обращение Разина к реке и утопление девушки; потерянный башмачок.

Наживин: украшенная разбойничья лодка; красота пленницы; наряды и драгоценности пленницы; ковры; «соперник»; две женщины Разина; любовь Разина к пленнице; «лишняя» женщина; обращение к реке и утопление девушки.

Трофимов: две женщины Разина; любовь Разина к пленнице; «лишняя» женщина; обращение к реке и утопление девушки.

Бирюков: красота пленницы; любовь Разина к пленнице; любовь пленницы к атаману; недовольство / заговор казаков; обращение Разина к реке и утопление девушки; жертва реке.

Злобин: две женщины Разина; нелюбовь / неуступчивость пленницы; недовольство казаков; гнев Разина; обращение к реке и утопление девушки.

Шукшин: есаул-претендент; конфликт из-за пленницы; заговор казаков; утопление девушки.

Сахаров: красота пленницы; наряды и драгоценности; недовольство казаков; обращение к реке и утопление девушки.

Логинов: наряды и драгоценности; «лишняя» женщина; утопление девушки.

Строкин: красота пленницы; ее испуг и слезы; нелюбовь к Разину; недовольство казаков; утопление девушки.

Суздаев: наряды женщины; жертва реке; возмездие.

Легко убедиться, что полнота содержательного состава в разных версиях легенды прямо не связана ни с количеством инноваций, ни с общим объемом текста, ни даже с его жанром. Дело, видимо, в подходе авторов к используемым ими источникам.

Содержательные инновации, появляющиеся в легенде, гетерогенны. Некоторые случаи возникновения новых мотивов из интерпретаций «исходного» текста были разобраны выше (любовь / нелюбовь пленницы к атаману; «борт лодки» и «задумчивость» Разина / лицемерие им

реки). Дальнейшим разворачиванием темы страппленницы Разина («перед его жестокостью» [Стрэйс]), в своей «исходной» форме или близкой к ней, воспроизведенной у Соколова («Но еще мрачнее сидела несчастная княжна, подперев рукою свою голову»), Садовникова («А княжна, склонивши очи, / Ни жива и ни мертва»), Чапыгина («сидела, потупив таящие испуг, темные под ресницами глаза»), Злобина и Шукшина, является топос слезы пленницы (Мельников, Мордовцев, Цветаева, Хлебников, Чапыгин), «активации» которого, видимо, способствовало наличие в песенной традиции образа плачущей девицы, любовницы атамана, на разбойничьей лодке: «Посреди лодки красна девица, / <...> / Атаманова полюбовница; / Она плачет, что река льется...» («Ах ты наш батюшка Ярославль-город» [из рукописного сборника XVIII в.]).

Топос украшенная разбойничья лодка впервые появляется во французском переводе «Путешествий» Стрэйса («*Barque peinte & dorée...*»); в оригинале подобная деталь вообще отсутствует — возможно, переводчик берет здесь за образец описание нарядов разинцев («простые казаки были одеты, как короли: в шелк, бархат и другие одежды, затканые золотом»¹³). Далее тот же образ воспроизводится у Корниловича («на шляпке, раскрашенной и отчасти покрытой позолотой»), что опять-таки резонирует с обычной, по замечанию В.И. Чернышева¹⁴, песенной картиной разбойничьего выезда по воде — см. в цитируемой выше песне XVIII в.: «Хорошо-то была лодка изукрашена, / У ней нос, корма раззолочена, / Что расшита легкая лодочка на двенадцать весел...»; ср. также: «Хорошоохонько лодка изукрашена, / Бурсын, жемчугом лодка изунизана, / Молодцами лодка изусажена» («Как по морю, морю синему, по тому морю, по Каспийскому...»)¹⁵. Последующей детализацией той

¹³ Стрейс Я.Я. Три путешествия. С. 201.

¹⁴ Русская баллада. С. 430.

¹⁵ Мякушин Н.Г. Сборник Уральских казачьих песен. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890 (<http://cossackssong.ru/category/uralskoe-kazache-vojsko/otdel-ii-razbojnichi-pesni/>).

же темы, вероятно, является убранство разбойничьей лодки дорогими тканями: «...на атаманском струге <...> были веревки и канаты свиты из шелка, а паруса сделаны из дорогих персидских тканей» (Костомаров); «И лежит под их ногами / Ценный бархат, меж скамьями / Грязный пол устлав» (Мельников) и т.д.

Это, в свою очередь, создает предпосылку для появления топоса (персидских) ковров, становящихся устойчивым атрибутом персидской княжны (у Мордовцева, в «Понизовой вольнице», у Каменского, Цветаевой, Чапыгина). Вспомним, впрочем, несколько более раннюю хромолитографию (1877 г.), на которой в пещере, убранный коврами, разбойник предлагает плачущей знатной пленнице связку жемчужных бус. Кроме того, в одном наборе с коврами легенда осваивает топос сад (в «Понизовой вольнице», у Каменского, Цветаевой, Чапыгина) — как «сад любви» (или «райский сад»), который появляется в данном цикле при поздней (с конца XIX в.) разработке любовной интриги и имеет своим источником символику народной песни в ее лубочно-балладной редакции, может быть, конкретно — «виноградные сады» из стихотворения Садовникова «Зазноба».

Народной драме и «разбойничьей» лубочной литературе легенда обязана топосом и з м е н а / р е в н о с т ь. Сама по себе тема ревности возникает, хотя и по-разному, у Соколова (ревность к фантомному «персидскому принцу») и Садовникова («вольные люди» ревнуют Разина к пленнице) и лишь затем переключается в любовный контекст, выстраивая ситуацию адюльтера — потенциального или воображаемого (Мордовцев, «Понизовая вольница», Чапыгин). Наконец, фольклорное происхождение имеет, по-видимому, топос две женщины Разина (Мордовцев, Глебов, Каменский, Гиляровский), хотя о существовании у разбойничьего атамана не только любовницы-персиянки, но и законной жены говорится еще у Стрэйса. Впрочем, в народных преданиях наличие двух женщин является скорее частным случаем разинской «полигамии».

«Стенька выйдет из острога, возьмет какую девку с собой за полюбовницу да на свой струг и пошел опять на матушку-Волгу с своими ребятами рыбу ловить. <...> какая ему показалась, ту и тащат к нему!.. Побалуется-побалуется, да и бросит ее... Другую возьмет!..» (Якушкин).

Приехал туда и увидел у одного богатеющего купца прекрасную дочь, под названьем Марья Федоровна, и так ему захотелось ее к себе забрать в супружество. <...> взял купеческую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жегулинские горы. <...> приехал к столичному городу в Персии; видит: гуляет на балконе прекрасная королева Елена <...> подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров. <...> Заберемся мы к богатому купцу <...> дочь-красавица у него; мы добра и имения набрали, мы красавицу увезли (Садовников).

Как уже говорилось, представление об особой эротической активности Разина, характеризующей его как «удальца» и «атамана», видимо, возникает вследствие мифологизации исторического образа — превращения знаменитого волжского разбойника («владыки Волги») в настоящего речного духа, одним из признаков которого является повышенный сексуальный аппетит, удовлетворяемый постоянными женскими жертвоприношениями, с которых и начинался предложенный здесь анализ легенды об утоплении персидской княжны.

* * *

Итак, «стволом» легенды является минимальный набор наиболее употребимых топосов: о б р а щ е н и е Разина к реке и утопление пленницы; ее красота, наряды и драгоценности. Если сюда добавить топос жертва реке (как самостоятельный элемент или как тему, вложенную в монолог Разина), то мы получим полный содержательный состав версии Фабрициуса — по-видимому, исходный для данной легенды. У Стрэйса этот на-

бор дополняется топосами (в последующей традиции опять-таки высокочастотными) пьянство и гневливость / неистовство Разина; испуг и слезы пленницы, а также любовь пленницы к атаману и обсуждение некоторых «морально-этических» проблем, возникающих в связи со сложившейся ситуацией («В некоторых других вещах он придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд»).

Надо подчеркнуть: дополнения в стрёйсовской версии, касающиеся пьянства Разина и проистекающей отсюда склонности к эксцентрическим поступкам, прямо заменяют заявленную у Фабрициуса мотивацию жертвоприношения как способа снискания благорасположения речного духа (во исполнение ранее взятого на себя обязательства перед ним). У Стрёйса же дело обстоит так, что принесение девушки в дар реке оказывается просто следствием сильного опьянения атамана и вызванного этим помрачения разума. Тем не менее благодарственная риторика (логика «отдарка») не только сохраняется в его обращении к Волге, но и удерживается почти всей последующей традицией, сходя на нет лишь в некоторых версиях (Каменский, Цветаева, Хлебников, Чапыгин), особенно в позднейших. Происходит, однако, некоторое смещение акцента: у Фабрициуса мотивировка предшествует событию, в остальных же текстах она лишь оправдывает его, тогда как подлинной причиной становится либо необходимость следовать «запорожской этике» (Костомаров, Якушкин, Мельников, Садовников, Каменский и др.), либо приступ ревности вследствие ложного навета (Лермонтов, Соколов, Хрущов-Сокольников, Мордовцев, «Понизовая вольница»), либо гнев на неуступчивость пленницы (Цветаева), либо нежелание потерять соратника (Чапыгин, Шукшин).

Равным образом утрачивает свой ритуальный смысл мотив одевания девушки в специальное (свадебное) убранство, хотя и он воспроизводится большинством версий легенды — возможно, в силу его коннотативной связи с матримониальной семантикой, которая не теряет своей актуальности при дальнейших

любовно-романтических разработках данного сюжета. Кроме того, не исключено, что богатый наряд и драгоценные украшения сохраняются и в качестве указания на высокий статус пленницы, каковой неизменно подчеркивается в легенде. Здесь тоже прослеживается определенная логика: знатность девушки, отдаваемой в жены речному духу, сменяется благородным происхождением, которое непременно должна иметь любовница «хозяина Волги» Разина.

Если теперь вернуться к хронологии появления топосов в традиции, то легко заметить, что в ходе ее развития число инноваций со временем уменьшается, к тому же вообще далеко не все версии содержат новые топосы — таковые отсутствуют у Якушкина, Мельникова, Садовникова, Хлебникова и Чапыгина и в большинстве позднейших версий. Обратим внимание, что этот список в значительной своей части (Якушкин, Мельников, Садовников, Хлебников) совпадает с перечнем повествований, не включающих тему отношения пленницы к атаману, т.е. речь, по-видимому, должна идти о версиях, сохраняющих наиболее архаический контур легенды (его признаком можно считать пассивность жертвы, что соответствует исходному ритуальному сюжету — сколь бы сильно ни был трансформирован данный мотив при его литературной обработке в том или ином произведении).

Существенно, что уменьшение количества инноваций происходит параллельно с увеличением общей суммы топосов легенды в литературной традиции, т.е. соотношение данных показателей — обратно пропорциональное. Это естественно: для каждого следующего автора, который обращался к легенде, количество известных ему интерпретаций увеличивалось, по крайней мере, на единицу, по сравнению с его непосредственным предшественником; таким образом, имеет место своего рода арифметическая прогрессия, «шагом» которой является очередная интерпретация легенды. Это, конечно, чисто теоретическое рассуждение, однако оно с высокой степенью вероятности соответствует реальному литературному процессу.

Так, если учитывать только сочинения, содержащие рассматриваемый сюжет, то получится, что в поле зрения Пушкина был лишь один перевод Корниловича; Лермонтов несомненно отталкивался, по крайней мере, от этих двух текстов, но, похоже, был знаком и с «народно-лубочной» разработкой тематики 'измены / ревности / клеветы'; Соколов опирался на историческое исследование Костомарова; Мельников располагал, по меньшей мере, четырьмя этими текстами, Рыскин — уже пятью, Садовников — всем этим кругом текстов, но дополненным балладой Мельникова; соответственно Хрущов-Сокольников мог уже знать не менее шести произведений, содержащих изложение и истолкование избранного сюжета, и т.д. Если включить сюда устные и квазиустные источники, данная прогрессия несколько усложнится (в количественном выражении каждый ее «шаг» увеличится и станет более пластичным), но общая картина принципиально не изменится.

Отсюда можно сделать вывод, что подобное расширение емкости традиции сужает ее инновативный потенциал — проще говоря, чем шире диапазон возможностей, предлагаемых на выбор из сложившегося тематического ассортимента, тем меньше у авторов возможности, да и потребности, вводить содержательные новшества. Мотивы альтернативные — в общем контексте традиции — мы обнаруживаем в двух случаях: в романе Каменского (принцесса сама просит бросить ее в реку) и в стихотворном цикле Цветаевой (персиянку топят за неуступчивость); можно добавить еще Папету, у которой героиня, *во-первых*, сама бросается в реку, *а во-вторых*, не гибнет, но выплывает на берег (чему способствует ее одежда, которая в большинстве версий, напротив, топит девушку), благополучно разрешается от бремени и долго живет в гостеприимной станице среди ее гостеприимных жителей.

Показательно, что Каменский сам впоследствии (в поэме) отказывается от своего экстравагантного творческого решения, имеющего некоторые точки опоры в отдельных текстах разинской легенды (Хрущов-Сокольников, фильм 1914 г.), тогда как цветаяевская

новация (правда, вероятно, опирающаяся на психологический этюд Соколова) далее используется Чапыгиным, в какой-то мере Злобиным, Шукшиным, а также Строкиным и в этом смысле принимается традицией. Наконец, весьма значительная по объему версия Чапыгина, при всем богатстве художественной разработки, вообще не включает содержательных инноваций (в нашем понимании).

* * *

«Разинская тема» в книжной и устной словесности дает нам яркий пример наглядной представленности определенной традиции в литературе и в фольклоре. Литературная преемственность в разработке темы (куда мы включаем драматические, сценические, экранные разработки и их реплики в изобразительном искусстве) на протяжении столетия полностью соответствует хронологии появления текстов: Корнилович (1824), Пушкин (между 1824 и 1826/1881), Лермонтов (1831), Костомаров (1863), Соколов (1880), Мельников (1883), Садовников (1883), Хрущов-Сокольников (1886), Ватсон (1880-е годы) Мордовцев (1891), Зарин (1901), фильм «Понизовая вольница» (1908), фильм «Стенька Разин» (1914), Каменский (1914–1918, 1927–1928), Волошин (1917), Цветаева (1917), Ремизов (между 1917 и 1921), Горький (1921), Хлебников (1921–1922), Гиляровский (1922), Чапыгин (1924–1927), Наживин (1928), Бирюков (1939), Злобин (1939/1951), Шукшин (1971), Рябухин (1983), Логинова (1997), Смит (2011), Буртовой (2011), Папета (2012). Хотя отдельные даты не очень надежны, в целом картина именно такова.

Иное дело — датировка фольклорных записей, которая лишь фиксирует факт сохранения «сообщения» коллективной памятью именно на момент данной записи, но почти ничего не говорит ни о времени его возникновения, ни об отношениях преемственности между его версиями и вариантами. Наличие нескольких разновременных (и обычно довольно случайных) записей устного текста не является основанием для их выстраивания в какой-либо исторической последовательности — подобное допустимо только в том случае,

когда зафиксированные варианты отстоят друг от друга на достаточно большие периоды времени. Это в полной мере относится к записям Стрёйса (1676) и Фабрициуса (между 1688 и 1693), которые были сделаны почти на два столетия раньше, чем следующая фиксация того же сюжета (Костомаров, 1863), и несомненно отражают самые начальные этапы его бытования, причем в хронологически несколько более поздней версии Фабрициуса, скорее всего, фиксируется самая первая фаза его развития, предшествующая стрёйсовской.

Схематически данный процесс может быть реконструирован следующим образом:

1. Легенда складывается на основе ритуалистического сюжета о принесении девушки в жертву речному духу; это происходит в трудных обстоятельствах (невозможность благополучно выйти в море), а также во исполнение данных ранее обязательств (плата за обогащение). Центральная тема (жертвоприношение девушки водяному божееству) и некоторые сопутствующие ей мотивы, видимо, имеют местный (тюркский?) источник, хотя непонятно, взяты они разинцами прямо из этого источника или восприняты через посредство яицкого казачества, адаптировавшего отдельные элементы здешних обрядово-мифологических традиций. Тем более неясно, что конкретно стоит за данным сюжетом — ритуал, совершенный в действительности, или — скорее — лишь нарративная реализация подобной идеи, позволившая задним числом осмыслить с помощью ранее усвоенного сюжета успешно осуществленный выход в море.

2. Насколько можно судить по записям XIX–XX вв., в рамках «разинского фольклора» разрабатываются два основных направления — квазиисторическое и легендарно-мифологическое. Первое представлено прежде всего обширным песенным циклом, по-видимому в максимальной степени близким к прототипическим событиям разинского движения, хотя о его «историчности» надо говорить с чрезвычайной осторожностью, поскольку построен он на сюжетных стереотипах разбойничьего и казацкого фольклора; опознаются там и некоторые мотивы, известные более широкому кругу

европейской баллады. В процессе поэтизации речного разбоя, вероятно, не позднее середины XVIII в. в песенной традиции складывается тема проезда вниз по Волге пиратской лодки (или целой флотилии), направляющейся к разбойничьему притону и его хозяйке. В другом сюжете на флагманском струге появляется плачущая девица-прорицательница — любовница атамана (но не пленница, а сестра есаула). Тема разбойничьей лодки становится основой «игрового действия», которое затем (в основном уже в XIX в.) разворачивается в полноценную народную драму, испытывающую сильнейшее воздействие лубочной литературы «разбойничьей» тематики, причем одной из разрабатываемых сюжетных линий является история гордой пленницы, отказывающейся стать любовницей атамана и наказываемой за это (~ бегущей из плена с влюбленным в нее есаулом).

3. Если песенная традиция обнаруживает относительно малую чувствительность к волшебнo-фантастическим сюжетным интерпретациям, то прозаический фольклор в данном отношении значительно менее устойчив. В народных преданиях Разин становится колдуном, обладателем чудесных сил и умений, а его власть над водной стихией, бывшая первоначально следствием договора с речным божееством, теперь передается самому герою, в пределе даже обретающему облик настоящего водяного духа-хозяина, — плод мифологизации «исторических» представлений о знаменитом разбойнике как о «владыке Волги». В этом плане не исключено, что его сексуальная активность (Разин — похититель женщин), представляющая собой признак удальца и главы удальцов, входит в резонанс с требованием именно «женских жертвоприношений» для речного духа, хотя прямых подтверждений этому у нас нет. Сама же тема принесения в жертву девушки, присутствовавшая в записях XVII в., почти не удерживается фольклором — ни песенным (из-за несоответствия тематическому ассортименту баллады), ни прозаическим (в силу исчезновения самой фигуры «дарополучателя» при его слиянии с фигурой «дароподателя»); лишь в трех записях из устной традиции

(Костомарова, Дюма, Садовникова) можно увидеть глухой отзвук данного мотива; все более поздние случаи практически не свободны от влияния «прецедентного текста» песни Садовникова. Наконец, параллельно (и, видимо, еще на раннем этапе) преданием усваиваются некоторые значимые восточные (опять-таки тюркские?) фольклорно-мифологические образы: плавучий ковер, чудесный («змеиный») камень, волшебная сила, заключенная в пучке волос, и некоторые другие.

4. Возможным ответвлением темы р и т у а л ь н ы е в з а и м о о т н о ш е н и я г е р о я с р е ч н ы м д у х о м Г о р ы н о в и ч е м (наверное, змееподобным) является преобразование этих взаимоотношений в прямой мифологический конфликт и его дальнейшая разработка в эсхатологическом ключе. В предании, на которое ссылается (и которое использует в своем стихотворении) Волошин, неупокоенный грешник Разин, заключенный внутри горы и терзаемый «змием горынским», ожидает времени своего возвращения на Русь для свершения апокалиптического суда; в уральской устной версии он, терзаемый двумя змиями, напротив, сам ожидает Страшного суда для окончательного решения своей судьбы и определения «настоящей» муки — «какую заслужил». Впрочем, наша реконструкция остается сугубо гипотетической — в силу ее изолированности от основной традиции «разинского фольклора», а также из-за отсутствия каких-либо промежуточных звеньев на протяжении ее предполагаемого более чем двухсотлетнего развития.

Обратимся теперь к трансформациям рассматриваемой легенды в книжной словесности гораздо более очевидным, чем в фольклоре. Основные вехи данного процесса следующие:

1. Перевод Корниловича (1824), который вслед за французским переводчиком опускает некоторые детали голландского оригинала (богатые одежды, драгоценное убранство пленницы) и вводит другие («он сел на край шляпки и, задумчиво поглядев на реку, вдруг вскрикнул...»), пытаясь, видимо, добиться большей логической связности изложения и положив тем самым начало «психологизации» поведения Разина.

2. Стихотворение Пушкина (между 1824 и 1826/1881), опирающееся, с одной стороны, на перевод Корниловича, а с другой — на народную балладу (как по собственным записям поэта, так и по собранию Чулкова). Стихотворение обогащает легенду темой выезда разбойничьего струга с девицей на борту, однако эти инновации входят в литературную традицию (у Мельникова и Садовникова) лишь после снятия цензурного запрета с пушкинского стихотворения и его публикации в 1881 г.

3. «Исторические» реконструкции Костомарова (1863), ставшие поворотным пунктом для последующих сюжетных трансформаций легенды. Первое его предположение касается пленной княжны («Уже замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана») и базируется на стрейсовском пассаже: она «нравилась ему и во всем пришла к нему по нраву. Она тоже любила его...», полученном, однако, не в редакции Корниловича («она покорила буйным желанием разбойника»), а через посредство какого-то более полного французского перевода. Второе предположение Костомарова относится к «запорожскому обычаю», якобы введенному Разиным («считать непозволительное обращение козака с женщиною поступком, достойным смерти») и пришедшему в противоречие с его собственным поведением, которое должно было «возбудить укоры и негодование в тех, которым не позволял того, что дозволил себе». Тем самым открывается возможность превращения «казацкой братии» из пассивных статистов в активного партнера по сюжетному взаимодействию. Итог этому этапу подводит Соколов, суммирующий и по-своему интерпретирующий предыдущие разработки эпизода.

4. Баллады Мельникова и Садовникова (1883), появившиеся после публикаций нового (опять-таки весьма вольного) перевода Юрченко (1879), романа Соколова (1880) и ранее запрещенного цензурой стихотворения Пушкина (1881). Центральная коллизия у обоих поэтов строится с явной опорой на костомаровские реконструкции, становящиеся в этих текстах уже не предположениями, а прямыми утверждениями и

получающие дальнейшее сюжетное развитие. Таким образом, приобретениями традиции являются: *во-первых*, «очарованность» Разина прекрасной пленницей; *во-вторых*, конфликт с казаками на почве проистекающего отсюда нарушения атаманом «запорожского обычая»; *в-третьих*, чувство ревности, испытываемое соратниками Разина к его любовнице. Надо добавить, что стихотворение Садовникова (точнее, песня на эти слова) далее становится основным, «прецедентным» текстом традиции, на который в той или иной степени опираются все последующие реализации легенды. Что же касается ее фольклоризованных вариантов, то они входят в драматический сценарий «Лодки», обеспечивая еще большее акцентирование в нем разинской тематики (возможно, как мы помним, связанной с этим «народным игрищем» изначально).

5. Хрущов-Сокольников (1886), который разработал новый для этой традиции образ планницы как «роковой женщины», чаровницы-обольстительницы, опутывающей своими сетями героя и гибнущей, освобожден от которых он может только ценой своей ее гибели.

6. Повесть Мордовцева «За чьи грехи?» (1891), в которой — вероятно, на основании одной из заключительных фраз в рассказе Стрэйса («она... нравилась ему и во всем пришла к нему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе...») и предположения Костомарова («Уже замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана») — возникает сюжетная версия, построенная на мотиве взаимной любви разбойника и его пленницы, причем любви, преобразившей в «положительном» смысле весь облик и все поведение Разина (в противоположность версии Хрущова-Сокольникова). Другой инновацией является сюжетная линия толмача Хабибуллы, влюбленного в Заиру и предлагающего бежать с ним, — она восходит к какой-то из «осложненных» редакций «Лодки» (бегство пленницы с влюбленным в нее есаулом). Оттуда же, видимо, возникает мотив наличия у атамана «другой возлюбленной» (в интриганском навете Хабибуллы), имеющий, впрочем, соответствия и в устной традиции

(записи Садовникова). Наконец, тема ревности, заявленная у Садовникова («Нас на бабу променял!»), переводится в более «естественное» русло любовных отношений, причем достигается двойной эффект: ревнуют и Заира, и Разин.

7. Фильм «Понизовая вольница» (1908) — экранизация стихотворения Садовникова, хотя и осложненная рядом эпизодов, по-видимому опирающихся на роман Хрущова-Сокольникова (взаимная любовь атамана и его пленницы). Основным дополнением является ложный навет «есаулов», долженствующий вызвать ревность Разина к несуществующему возлюбленному персиянки (← мнимые «мечты о принце» у Соколова ← ложный навет Хабибуллы, долженствующий вызвать ревность Заиры к несуществующей возлюбленной Разина у Мордовцева); сюда же относится мотив «княжны-чаровницы» (← Шекерлеб у Хрущова-Сокольникова ← преобразование Разина под влиянием любви к персиянке у Мордовцева ← «Персиянкой очарован, / Крепкой женской цепью скован / Ясный сокол наш» у Мельникова ← костомаровское предположение об усиливающейся власти пленницы «над необузданным сердцем атамана»). Кроме того, фильм обогащает легенду пластическими композициями и визуальными образами, значимыми для ее последующих трансформаций

8. Роман, пьеса и поэма В. Каменского «Степан Разин» (1914–1918, 1927–1928), согласно которым любовь атамана и пленницы опять-таки является взаимной (как у Хрущова-Сокольникова, Мордовцева и в «Понизовой вольнице»); в романе вводится также «суицидальный» мотив (княжна сама просит себя утопить; видимо, восходит к восклицанию Шекерлеб у Хрущова-Сокольникова: «Лучше убей! Сам убей, только не гони, не гони», и аналогичной реплике героини фильма 1914 г.), затем (в поэме) отброшенный. В произведении далее разрабатывается архаизирующая тема «чародейства» персиянки (у нее «чаруйный огонь», «зачаруйный дурман», по мнению казаков, она — колдунья), сам Разин может — вслед за устными преданиями — характеризоваться как колдун («чудесник»); фольклорное происхождение, видимо, имеет мотив наличия

у атамана двух женщин — русской жены и иноземной любовницы (ср., однако, ситуацию 'любовница — жена' у Соколова, восходящую в конечном счете к описанию Стрэйса). Вообще, автор явно использует достаточно широкий круг источников — исторических, фольклорных, литературных, из которых заимствуются и получают дальнейшее развитие более поздние топосы легенды (к о в р ы, с а д ы и пр.).

9. Стихотворный цикл М. Цветаевой «Стенька Разин» (1917) в своей экспозиционной части соответствует версиям Мельникова, Садовникова, Рыскина (есть прямые текстуальные переключки), «Понизовой вольнице»; воспроизводятся и некоторые из рассмотренных выше новоприобретений легенды. Сценарий радикально меняется при дальнейшем сюжетном разворачивании: причиной жестокого поступка атамана оказывается его гнев на отсутствие взаимности со стороны пленницы и на ее неуступчивость. Вероятный источник этого фабульного поворота — одна из «осложненных» редакций «Лодки», согласно которой пленница разбойников отказывается стать любовницей атамана, за что — в некоторых вариантах — обрекается на смерть. Подлинными цветаевскими новациями являются мотивы п о т е р я н н ы й б а ш м а ч о к (наверняка из «Золушки») и п р и з р а к у т о п л е н н и ц ы (стихотворение «Сон Разина»), которая обещает явиться за «другим башмачком»; в последнем случае сюжетной моделью автору явно послужили народные поверья о покойнике, приходящем за своей вещью, а также, по собственному признанию автора, «Ундина» Ламот-Фуке (в переводе Жуковского).

10. Поэма В. Хлебникова «Уструг Разина» (1921–1922), в которой построение сюжетной интриги почти совпадает с «Понизовой вольницей» («На уструге тлеет заговор...»), в то время как «речи» недовольных казаков по своей тональности близки к соответствующему фрагменту у Каменского. Далее предлагается фабульная версия, согласно которой спутники Разина истолковывают волнение Волги как ожидание человеческого жертвоприношения, к которому они и понуждают атамана, — здесь автор, видимо, следует за предани-

ем в записи Костомарова (и за местными поверьями о требующей жертвы «кричащей воде»); при этом речь идет о жертве исключительно как о предоставляемой пище. В результате рearchаизации легенды героиня опять утрачивает имя и дар речи, возвращаясь в состояние пассивного объекта, а не субъекта действия.

11. Поэма «Стенька Разин» В. Гиляровского (1922), представляющая собой тематическое разворачивание стихотворения И.З. Сурикова «Казнь Стеньки Разина», отсылает к той сюжетной версии, согласно которой любовь атамана и прекрасной пленницы — обоюдная (Хрущов-Сокольников, Мордовцев, «Понизовая вольница», Каменский), но причины убийства девушки здесь не называются, и оно, по-видимому, совершается не как утопление, а как кровавая расправа (ср. «версию Дюма» и незавершенное покушение у Хрущова-Сокольникова: «В ту минуту, когда роковой удар готов был поразить ее, Разин вздрогнул; нож выпал из рук его»). При описании самой казни возникает тема «второй женщины» (что соответствует фольклорным записям Садовникова, поэме Каменского, особенно — финальному эпизоду «исторического исследования» Глебова).

12. Роман А.П. Чапыгина «Разин Степан» (1924–1927) в разработке сюжета следует цветаевской интерпретации нашей легенды — причиной драмы у него является устойчивая неприязнь персиянки к разбойничьему атаману. К повести Мордовцева (и к некоторым «осложненным» редакциям «Лодки») восходит «любовный треугольник» а т а м а н — п л е н н и ц а — е с а у л. Влияние романа Хрущова-Сокольникова и «Понизовой вольницы» можно усмотреть в сцене танца Зейнеб (в фильме — танец персиянки с бубном) и в образе райской страны Востока из ее песни (← «подметное письмо» согласно фильму; ср. аналогичный образ у Каменского). Что же касается финальной сцены, то она, скорее всего, преемственно связана с соответствующим описанием у Хлебникова.

Этот перечень можно было бы продолжить, однако уже изложенное выше позволяет понять общие принципы текстуализации легенды в литературной традиции.

* * *

Наличие текстов 1670-х годов, чрезвычайно близких ко времени деятельности Степана Разина, позволяет с известной долей вероятности восстановить ряд «исходных» референций «разинской легенды», а ее размещение в соответствующих культурно-исторических контекстах и привлечение для сравнительно-типологического анализа значимых мифологических параллелей дают возможность описать работу механизмов «культурной памяти», с помощью которых традиция текстуализирует свои «первичные» исторические впечатления — и в фольклоре, и в литературе.

Основной вектор данного процесса может быть определен как мифологизация, предполагающая кодирование подобных «впечатлений» с использованием присутствующих в фольклорной традиции мифологических моделей¹⁶, причем особое значение, по-видимому, имели модели «демонологическая» и «апокалиптическая», различающиеся своим масштабом (микро- и макрокосмическим). В первом случае репутация Разина как неуязвимого для оружия колдуна возникла, видимо, еще при его жизни, а из-за церковного проклятия ему как великому грешнику приходилось продолжать посмертное существование на земле в виде «живого трупа» или призрака, стерегущего свои сокровища и иногда продолжающего заниматься грабежами. Во втором случае имеют место две противоположные формы — негативная (мифологический узник, будущий разрушитель мира) или позитивная (грядущий спаситель от вселенской беды). В исторической беллетристике (включая ее сценические и экранные версии), ориентирующейся на творческие реконструкции «реальной действительности», мистические стороны легенды обычно не используются либо балансируют на грани «реальности» и метафоры, получая особенное акцентирование в сюжетных линиях

¹⁶ Неклюдов С.Ю. Мифологическая традиция и мифологические модели // Вестник РГГУ: Научный журнал. Сер. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. М.: Изд-во РГГУ, 2011. № 9 (71) / 11. С. 11–33.

«любобной магии», причем литературная разработка темы находится в согласии с амплуа фольклорного Разина с его повышенным сексуальным аппетитом, видимо представляющим естественный признак удальца и главы удальцов.

Согласно источникам XVII в., деятельность Степана Разина, как, вероятно, и его мироощущение, была тесно связана с водной стихией. Речь идет о многочисленных пиратских экспедициях, об утоплении как об одной из наиболее частых форм расправы с провинившимися и побежденными, о борте струга как постоянном местопребывании и об особых дарообменных отношениях с духами водоемов (легенда о «знатной татарской деве», которая была принесена в жертву богу реки Яик); в записях XIX–XX вв. Разин уже сам оказывается могучим волшебником, властелином водной стихии (превращение персонажа, имеющего партнерские отношения с хозяином водоема, в самого духа воды естественно для фольклорной традиции; вспомним утопленника, т.е. «жертву воды», становящегося водяным духом, т.е. ее владыкой).

Далее эти репутационные и биографические топосы, изначально никак не связанные между собой, попадают в поле действия устной традиции, структурируются с помощью ее сюжетных моделей и объединяются в фольклорно-мифологический цикл вокруг демонизированной фигуры знаменитого разбойника.

Соответственно «пусковыми механизмами» для фольклоризации образа стали некоторые факты прижизненной и посмертной биографии Разина, отражаемые молвой и распространяющиеся в виде слухов:

- растущий авторитет (сначала среди своих, а затем в более широких кругах населения) и гипертрофия в массовом сознании лидерских качеств атамана, приводящая к приписыванию ему сверхъестественных свойств;
- общеизвестная связь Разина с водой (рекой, морем) — жизнь на судне, плавание как перемещение в пространстве, «водные казни», «водный разбой»;
- разговоры о награбленных им несметных богатствах;

- церковное проклятие Разина, наложившееся на апокалиптические ожидания народа;
- тайна сокрытия «прелестных граммот» мятежника и фольклоризируемая история их поиска.

Легенда об утоплении персидской княжны, имеющая ритуалистическую основу и сформировавшаяся, по-видимому, непосредственно при завершении «яицкого сидения» 1667/1668 г. (версия Фабрициуса), утрачивает свои первоначальные функционально-семантические опоры после «похода за зипунами», а затем, по стечению обстоятельств («Записки» Стрёмса), попадает в книжную традицию, но лишь в деформированном, даже частично обесмысленном варианте и в таком виде воспринимается ею. Однако именно утрата исходных мотивировок и фабульной логики приводит к тому, что текст при своей дальнейшей передаче (переводе, пересказе) не просто копируется, а «уточняется», «проясняется», т.е. на самом деле интерпретируется каждым следующим автором. Таким образом, здесь возникает «повествовательная ловушка [термин Луи Марена], заставляющая историков и романистов выстраивать псевдологические объяснения»¹⁷.

Соответственно трансмиссия квазиисторического сообщения становится процессом непрекращающегося сюжетопорождения, удерживающего лишь важнейшие конструктивные элементы легенды (а т а м а н и пленница; обращение к реке и утопление девушки). В то же время происходит постоянная корректировка взаимосвязей и функций этих элементов, введение все новых «пояснительных» деталей (иногда и «орнаментальных»), которые на следующей ступени передачи могут становиться объектами очередного актуализирующего переозначивания. При этом, сколь бы ни была велика амплитуда варьирования передаваемой таким образом легенды, она не выходит за пределы значений, которые заданы культурной традицией, современной тому или иному автору.

¹⁷ Неклюдова М. Сапоги Филиппа де Коммина: археология оскорбления // Отечественные записки. 2014. № 6. С. 103–104; Marin L. Le Recit est un piege. Paris: Editions de Minuit, 1978.

В принципе, нечто подобное наблюдается в фольклоре. Процесс устной трансмиссии предполагает сохранение основных семантических опор передаваемого текста, разрушение которых привело бы к потере его самоотождествления и к утрате заключенного в нем «сообщения» (как оно осмысливается традицией). Непонимание же определенного элемента текста (и логических взаимоотношений между элементами) порождает потребность в восстановлении его референтных связей, а это восстановление осуществляется за счет новых интерпретаций (часто опирающихся на фонетически или ассоциативно близкие комплексы, которыми располагает данная традиция). Кроме того, происходит подстановка другого, но семантически мотивированного денотата, причем максимально мобилизуются возможности именно данного текста, т.е. в первую очередь отыскиваются семантические опоры в пределах его же структуры¹⁸.

Возможно, здесь мы ближе подходим к пониманию упомянутых в начале книги определенных, но еще не выясненных законов, по которым действует народная фантазия, передающая свои рассказы, не вполне согласные с фактами (А.И. Кирпичников), а именно к таким рассказам несомненно относится легенда о Степане Разине и персидской княжне.

¹⁸ Неклюдов С.Ю. Понять и осмыслить (к проблеме «ослышек» и лексических искажений в устной традиции) // Человек как слово: Сб. в честь Вардана Айрапетяна. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 123–132.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕКСТЫ ЛЕГЕНД

1. Из «Путешествий» Я. Стрёмса (1676).
2. Из «Записок» Л. Фабрициуса (1688–1693).
3. Из французского перевода «Путешествий» Я. Стрёмса (1742).
4. Из перевода А.Ф. Корниловича «Путешествий» Я. Стрёмса (1824).
5. Из «Песен о Стеньке Разине» А.С. Пушкина (1824–1826).
6. М.Ю. Лермонтов. «Атаман» (1831).
7. Из монографии Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858/1859).
8. Из книги Александра Дюма «Из Парижа в Астрахань» (1858–1862).
9. Из «Путевых писем» П.Я. Якушкина (1868).
10. Из романа А.А. Соколова «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» (1880).
11. С.Н. Мельников. «Атаман» (1883).
12. Из «Волжских песен» Д.Н. Садовникова (1883).
13. Из «Сказок и преданий Самарского края» Д.Н. Садовникова (1884).
14. Из романа Г.А. Хрущова-Сокольниковца «Стенька Разин» (1886).
15. С.Ф. Рыскин. «Стенька Разин (Бурлацкая сказка)» (1888).
16. Из драмы (оперного либретто) М.В. Ватсон «Сенька Разин» (1880-е годы).
17. Из повести Д.Л. Мордовцева «За чьи грехи?» (1891).
18. Из романа А.Е. Зарина «Кровавый пир (1669–1672 гг.): Бунт Стеньки Разина» (1901).
19. Кинофильм «Понизовая вольница» («Стенька Разин»): пересказ сюжета (1908).
20. Из книги П.Н. Краснова «Картины былого Тихого Дона» (1909).
21. Кинофильм «Стенька Разин»: пересказ сюжета (1914).
22. Из сочинения С.И. Глебова «Жизнь и казнь Стеньки Разина» (1915).

23. Из романа В. Каменского «Степан Разин» (1915).
24. Из поэмы В. Каменского «Степан Разин» (1927–1928).
25. М. Цветаева. «Стенька Разин» (1917).
26. Из «исторической драмы» Е.П. Савельева «Степан Разин» (1917).
27. «Стенька-разин». Из эстонского солдатского альбома (1917).
28. «Из-за города Кронштадта» [Антибольшевистский памфлет] (1917).
29. Из драматического действия А.М. Ремизова «Стенька Разин» (между 1917 и 1921).
30. Из сценария А.М. Горького «Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666–1668 годов» (1921).
31. Из поэмы В.А. Гиляровского «Стенька Разин» (1922).
32. Велимир Хлебников. «Уструг Разина» (1923/1928).
33. Из романа А.П. Чапыгина «Разин Степан» (1926–1927).
34. Из романа И.Ф. Наживина «Степан Разин (Казак)» (Париж, 1928).
35. Из книги А.Н. Трофимова «Исторический очерк о легендарном казаке» (1933).
36. Из либретто оперы «Степан Разин» (Н.Г. Бирюков, г. Горький, 1939).
37. Иосиф Уткин. «На берегу Волги» (1938).
38. Французские версии песни.
39. Из романа С.П. Злобина «Степан Разин» (1939/1951).
40. Из романа В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» (1971).
41. Из книги А.Н. Сахарова «Степан Разин (Хроника XVII века)» (1973).
42. Из «исторической хроники» Б. Рябухина «Степан Разин» (1983).
43. Из романа С.В. Логинова «Колодезь» (1997).
44. Н.М. Кононов. «Волги пологая пакость...» (1998).
45. Из повести В.В. Строкина «Я — Степан Разин» (Витебск, 2002).
46. А. Аронов. «Эпизод» (2003).
47. Из романа Н. Суздалева «Бунташное войско Стеньки Разина».
48. Из повести К. Смит «Вольный сын Дона» (2011).
49. Из романа В.И. Буртового «Самарская вольница. Степан Разин» (2011).

50. Из рассказа Л.В. Папеты «Ожерелье персидской княжны» (2012).
51. И. Иртеньев. «Из Вашингтонского обкома...» (2011).

1. Из «Путешествий» Я. Стрейса (1676)

В один из последующих дней, когда мы второй раз посетили казацкий лагерь, Разин пребывал на судне, с тем чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами. При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тыфу! на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришла ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя.

В некоторых других вещах он придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд. Случилось, что казак имел дело с чужой женой. Стенька, услышав про это, велел взять обоих под стражу и вскоре бросил мужчину в реку; но женщина должна была перенести иное: он велел вбить столб у воды и повесить ее на нем за ноги.

Стрейс Я.Я. Три путешествия / Пер. Э. Бородиной; ред. А. Морозова. М., 1935. С. 201–202.

Op eenen anderen dagh soo wy weder in het Cosaksche Leger quamen was Radzin in een van sijn Vaartuygen waar mede hy om vermaak op de Riviere dreef besich zijnde met suypen en brassen met sijn Hoofthuyden. Hy had ook by sich sekere Persiaansche Princesse wel eer door hem gerooft nevens haar Broeder. De Jongman had hy aan den Heer Professorzky geschonken; maar de Princesse dwong hy sijn Boelin te werden. Hy nu bijster dronken in sijn Vaartuygh sittende spatte uyt tot de volgende buytenspoorige wreedtheyt. Hij sprak de Wolga aan seggende: Immers zijt ghy een treffelijke Rivier, en uyt u heb ik soo veel goudt, silver, en kostelijckheyt gehaalt, ghy zijt de Vader en Moeder van mijn opkomst, en foey mijn, dat ik u tot noch toe niets heb opgeoffert, wel aan ik sal niet langer soo ondankbaar zijn; en daar mede neemt hy dese rampsalige Princesse met de eene handt aan den hals en de andere aan de beenen en smijtse soo drijvende in de Wolga, soo sy met Goudt- en Silverlakensche kleederen aangedaan en met Paerlen, Diamanten en ander edel Gesteente als een koninginne was omhangen. Het was een schoone en vriendelijke Jonkvrouw die hem ook in alles beliefd en haar leedt verkropte uyt vreese van sijn wreedtheyt en echter moest sy op de gehoorde wijze van dit woedend Beest werden omgebracht. In sommige andere dingen hield hy evenwel treffelijke ordre en voornamentlijk was hy tegen Overspel seer ingenomen. Het gebeurde dat sekeren Cosakschen Soldaat met een ander Mans Vrouwe te doen had; Stenko sulks gewaar werdende deedse beyde aanstondts vatten en den Man soo drijvende in de Riviere smijten; maar de Vrouw was een andere straf beschooren. Hij deed een staak oprechten na de waterkant en wierd de Misdadige daar aan by de beenen opgehangen.

Struys J.J. Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige Reyssen, door Italien, Griekelandt, Liflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en verscheyden andere Gewesten... T'Amsterdam, by Jacob van Meurs, op de Keyzers Graft, en Johannes van Someren, in de Kalverstraat, 1676. Met Privilegie (гравюра на авантитуле: J. Jansen Struys Voyagien door Moscovien, Tartarijen, Oost-Indien, en andere deelen der Werelt. Met Privilegien, t'Amsterdam, Anno 1677); Joh. Jans. Strauszens sehr schwere, wiederwertige und denkwuerdige

Reysen durch Italien, Griechenland, Lifland, Moskau, Tartarey, Meden, Persien, Ostindien, Japan und unterschiedliche andere Laender... Aus dem Hollaendischen nebergesetzt von A.M. Amsterdam. Bey Jacob von Meurs and Johannes von Sommern. Buchhaendlern daselbst. Anno 1678. P. 198–199.

2. Из «Записок» Л. Фабрициуса (между 1688 и 1693)

Когда дело дошло до такого буйства, царь послал в Астрахань на усмирение бунтовщиков 4000 стрельцов и иных воинских людей под начальством князя Ивана Семеновича Прозоровского, снабдив их превосходной артиллерией. Не оказав сопротивления, разбойники ретировались к морю и дальше вверх по реке Яику, хитростью заняли крепость, повесили правителя города за ноги, зверски расправились с офицерами, а простых воинов перебили на месте. При этом Стенька набрал пороха, свинца, много пушек, всевозможного оружия и съестных припасов.

Тут подошла зима, так что мы не смогли продвигаться дальше Саратова, и нам пришлось здесь перезимовать. Тем временем из Астрахани было послано 4000 человек, чтобы блокировать Стеньку на Яике до весны. Однако из-за того, что генерал Федор Безобразов был плохим начальником, из 4000 человек обратно вернулось около 400.

С наступлением весны за дело принялись с большей настойчивостью, стремясь выбить бунтовщиков из крепости. При Стеньке, однако, был отряд донских казаков, которые знали все пути и дороги и уже не раз на своих малых судах чинили большой разбой на Маре Caspium [Каспийское море]. Они разбили наш сторожевой отряд и ушли под парусами в море.

Но сначала Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяно-

го бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив — то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица». Был у вора (Schelm) сын от этой женщины, его он отослал в Астрахань к митрополиту с просьбой воспитать мальчика в христианской вере и послал при этом 1000 рублей.

Записки иностранцев о восстании Степана Разина.
Л.: Наука, 1968. С. 47–48.

Wie nuhn das Wehsen so grob gemacht würde, sante der Zaer 4000 Man, so Strellitsen als andre Leute, (Strellitsen) nach Astrikan, am die Rebellen zu Gehorsam zu bringen, unter Comando Knees Jvan Semenowits Prosorowski neben eine schöne Artolleri. Wie nun die Reübr nicht Bestant waren, retirirten sie sich nach die Sehe und so die Revier Jayck hinauff und namen die Festung mit eine Fines ein, hingen den Guverneür bey die Füsse auff und hantirten die Offitsirs auff das grousamste, die gemeinen wurden untergestochen. Hier bekam Stenko Pulver, Bley, ein Houffen Stücken und allerhandt Gewehr und Proviand.

Nun der Winter war auff der Handt, das wier nicht weiter kommen könnten als Saratoff und musten wier da überwintern. Mitlerweil würde aus Astrikan ein 4000 Man gesant, um Stenko jn Jayck zu blockqiren bis der Frülinc. Allein durch üble Condwidt von dem General Fedor Besobrasow kamen von 4000 ungefehr 400 Man zurück.

Wie nun das Vorjahr ankam, wurde die Sache mit besere Nachdruck vorgenommen, um den Rebellen aus die Festung zu slagen. Allein Stenko hette ein Houffen donse Kosacken bey sich, die alle Wege wüsten und schon etslige Mal auff das Mare Kaspium mit ihre kleine Varzeüge grose

Ro[uberei] getriben hetten. Die slugen unsere Vorwac[ht] und segelten nach die Seh.

Erstlig so opfe[rte] der Stenko auff ein seltsame Weyse eine schöne und vornehme tartarische Junckfer[n], hette ehr vorm Jahr erst gefangen bekommen und bishero ehliche Beywonung mit sie geflogen. Wie ehr nun seine Retirade nemen solte, stund ehr des Morgens frü auff, kleidte das arme Mens[ch] jhre beste Kleider an und sagte, er hette die verwichne Nacht grose Anfechtung von den Wassergodt Jvan Gorinowits, so auff den Fluss Jayck regiret, gehabt. Er hette jhm vorgeworffen, wie das, ehr, Stenko, nuhn schon 3 Jaren so glücklich were gewehsen, hette viel Geldt und Gudt erobert, darzu jhm der Wassergodt Jvan Gorinowits behülfflig were gewehsen; nun hette Stenko sei[n] Versprechen nicht gehalten, da ehr doch, wie ehr jn Anfanck mit seine Varzeuge auff den Flüß Jayck were gekommen, dem Godt Gorinowids versprochen: «Werde jch mit deiner Hülfte glücklich sein, so soltu von meiner Handt wider das Beste, so jch erbuyte, zu erwarten haben» — nam also das elendige Weibsbild und warff sie jn jhren vollem Habitt in den Flüß mit diesen Worten: «Nim hin, mein Patron Gorinowits, jch habe nichts Bessers, das jch dier geben oder opferen kan, als dieses schöne Bildt». Einen Sohn had der Schelm mit dieses Mensch gezeuget, den schickte ehr nach Astrikan zu dem Mitropolit mit Bitte, er wolle dem Knaben jn die christlige Religion aufferzihen lassen, sante auch 1000 Rubel Gelt dabey.

Записки иностранцев о восстании Степана Разина.
Л.: Наука, 1968. С. 13–14.

3. Из французского перевода XVIII в. «Путешествий» Я. Стрёйса (1742)

Nous y retournâmes en effet, & le trouvâmes sur la rivière dans une Barque peinte & dorée, bûvant & se réjouissant avec quelques-uns de ses Qfficiers. Il avoit auprès de lui une Princesse Persane, qu'il avoit enlevée avec son frère dans ses dernieres courses. Il fit present de ce dernier au Gouverneur d'Astracan, & garda la Princesse qu'il aimoit. Aiant consacré tout ce jour à la débauche, il s'enyvra; & cet excès couta la

vie à sa misérable Persane. Au fort de l'yvresse il s'apuia sur le bord de la Barque, d'où regardant d'un air rêveur l'eau de la V Volga après quelques momens de silence:

Il faut avouër, s'écriat'il, que nulle Riviere ne t'est comparable, & qu'il n'en fut jamais de si digne d'être célébrée. Que ne te dois-je point pour m'avoir fourni tant d'occasions de me signaler, & pour m'avoir donné les moiens d'entasser tresors sur tresors? Je te dois ce que je possède, & même tout ce que je suis. Mais lors que tu fais ma fortune, & que tu me comble de bienfaits, j'ai le déplaisir d'être ingrat: Et bien que ce soit par impuissance, cela ne me justifie point, & tu ne laisses pas d'avoir droit de te plaindre de moi. Aussi peut-être le fais-tu; & à l'heure que je te parle, il me semble que j'entends tes plaintes, & que tu me reproches le peu de soin que j'ai eu de te rien offrir. Ha! pardon aimable Riviere, j'avouë que je t'ai offensée; & si cet aveu ne suffit pour apaiser ta juste colere, je t'offre de bon cœur ce que j'ai de plus cher au monde. Il n'est point de plus digne marque de ma reconnoissance, & rien ne scaurait mieux prouver l'estime que je fais des faveurs dont tu m'as comblé.

En achevant ces mots, il court à la Princesse la jette dans la Riviere avec ses habits de drap d'or, & toute parée qu'elle étoit de perles & de pierreries. Cette pauvre Princesse méritoit sans doute un meilleur sort, & il n'y eut personne qui ne la plaignit dans son cœur. Bien qu'elle fut d'un rang distingué, & qu'elle eût un chagrin mortel de se voir à la discretion d'un homme cruel & brutal, elle avoit néanmoins pour lui une complaisance infinie, & ne lui témoigna jamais le ressentiment qu'elle avoit de sa captivité. Quelque brutal que fut Radzin, il est à croire qu'à moins que d'être fou, il n'eût pas commis cette cruauté; & jusques-là il avoit paru plus équitable qu'inhumain.

Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes et en plusieurs autres Païs étrangers; accompagnez de remarques particulieres sur la qualité, la Religion, le Gouvernement, les Coûtumes et négoce des lieux qu'il a vûs; avec quantité de figures en taille-douce, dessinée par lui-même, et deux Lettres qui traitent à fond des malheurs d'Astracan. Par Glanius. A Amsterdam, chez la veuve de Jacob van Meurs. A Amsterdam; Aux dépens de la Compagnie, MDCCXLII. T. II. P. 33–35.

4. Из перевода А.Ф. Корниловича «Путешествий» Я. Стрэйса (1824)

Мы видели его на шлюпке, раскрашенной и отчасти покрытой позолотой, пирующего с некоторыми из своих подчиненных. Подле него была дочь одного персидского хана, которую он с братом похитил из родительского дома во время своих набегов на Кавказ. Распаленный вином, он сел на край шлюпки и, задумчиво поглядев на реку, вдруг вскрикнул: «Волга славная! Ты доставила мне золото, серебро и разные драгоценности, ты меня взлелеяла и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я, неблагодарный, ничем еще не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебя жертву!» С сим словом схватил он несчастную персиянку, которой все преступление состояло в том, что она покорилась буйным желанием разбойника, и бросил ее в волны. Впрочем, Стенька приходил в подобные исступления только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти. Вообще, он соблюдал порядок в своей шайке и строго наказывал прелюбодеяние.

Корнилович А. Голландец Ян Янсен Стрейс // Северный архив. СПб., 1824. Ч. 9. С. 275–290; Ч. 10. С. 26–40.

5. Из «Песен о Стеньке Разине» А.С. Пушкина (между 1824 и 1826)

Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна,
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!

С глупых лет меня ты воспоила,
 В долгу ночь баюкала, качала,
 В волновую погоду выносила,
 За меня ли молодца не дремала,
 Казаков моих добром наделила.
 Что ничем тебя еще мы не дарили».
 Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
 Подхватил персидскую царевну,
 В волны бросил красную девицу,
 Волге-матушке ею поклонился.

Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. / Под ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Худ. лит., 1957. Т. II: Стихотворения. 1820–1826. С. 333.

6. М.Ю. Лермонтов. «Атаман» (1831)

1
 Горе тебе, город Казань,
 Едет толпа удальцов
 Собирать невольную дань
 С твоих беззаботных купцов.
     Вдоль по Волге широкой
     На лодке плывут;
     И веслами дружными плещут,
     И песни поют.

2
 Горе тебе, русская земля,
 Атаман между ними сидит;
 Хоть его лихая семья,
 Как волны, шумна — он молчит;
     И краса молодая,
     Как саван бледна,
     Перед ним стоит на коленях.
     И молвит она:

3
 «Горе мне, бедной девице!
 Чем виновна я пред тобой,

Ты поверил злой клеветнице;
 Любим мной не был другой.
     Мне жребий неволи
     Судьбинушкой дан;
     Не губи, не губи мою душу,
     Лихой атаман».

4
 «Горе девице лукавой, —
 Атаман ей, нахмурясь, в ответ, —
 У меня оправдается правый,
 Но пощады виновному нет;
     От глаз моих трудно
     Поступок укрыть,
     Все знаю!.. и вновь не могу я,
     Девица, любить!..

5
 Но лекарство чудесное есть
 У меня для сердечных ран...
 Прости же! — лекарство то: месть!
 На что же я здесь атаман?
     И заплачу ль, как плачет
     Любовник другой?..
     И смягчишь ли меня ты, девица,
     Своею слезой?»

6
 Горе тебе, гроза-атаман,
 Ты свой произнес приговор.
 Средь пожаров ограбленных стран
 Ты забудешь ли пламенный взор!..
 Остался ль ты хладен
 И тверд, как в бою,
 Когда бросили в пенные волны
 Красотку твою?

7
 Горе тебе, удалой!
 Как совесть совсем удалить?..
 Отныне он чистой водой
 Боится руки умыть.

Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
И кровью детей!

Лермонтов М.Ю. Атаман // Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I: Стихотворения. С. 198.

7. Из монографии Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858/1859)

На другой день тем же немцам случилось быть свидетелями, как Стенька с товарищами кутил на струге и катался по Волге. Козаки пили, ели, прохлаждались. Возле Стеньки сидела его любовница, пленная персидская княжна. Она была одета великолепно, в вышитое золотом и серебром платье; жемчуги, брильянты и разные драгоценные камни придавали блеск ее природной, ослепительной красоте. Уже замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана. Вдруг, упившись до ярости, Стенька вскакивает со своего места, неистово подходит к окраине струга и, обращаясь к Волге, говорит:

– Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата, и серебра, и всего доброго: как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил: на ж тебе, возьми!

Он схватил княжну одной рукою за горло, другою за ноги и бросил в волны.

А между тем тот же Стенька наказывал строго других за то, что себе позволял. Случилось, говорит тот же очевидец, что какой-то козак вступил в связь с чужою женою. Стенька приказал бросить его в воду, а женщину повесить за ноги к столбу, воткнутому в воде. Этот случай заставляет подозревать, что злодейский поступок с княжною не был только бесполезным порывом пьяной головы. Стенька, как видно, завел у себя запорожский обычай: считать непозволительное обращение козака с женщиною поступком, достойным смерти. Увлечись сам на время красотой пленницы,

атаман, разумеется, должен был возбудить укоры и негодование в тех, которым не позволял того, что дозволил себе, и, быть может, чтоб показать другим, как мало он может привязаться к женщине, пожертвовал бедною персиянкою своему влиянию на козацкую братию. Стенька был женат и имел детей.

Что касается обращения Стеньки к Волге, то здесь, как видно, Стенька вспомнил старое народное поверье бросить что-нибудь в реку из благодарности после водяного пути — поверье, без сомнения, языческих времен, когда реки представлялись в воображении одушевленными существами. <...>

Достойно замечания то, что история несчастной пленницы, переданная потомству Страусом, сохранилась до сих пор в темных сказочных преданиях о Стеньке.

Плыл (говорит народ) Стенька по морю на своей чудесной кошме. играл в карты с козаками, а подле него сидела любовница, пленная персиянка. Вдруг сделалась буря. Товарищи и говорят ему: «Это на нас море рассердилось. Брось ему полонянку». Стенька бросил ее в море, — и буря утихла.

Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 372–374.

8. Из книги А. Дюма «Из Парижа в Астрахань» (1858–1862)

Au jour, nous passâmes près de la colline de la Jeune-Fille (*Dévitchei Kolm*).

C'est encore une tradition qui se rattache à Stenka Razine. Amoureux de la fille d'un noble, le bandit se déguise en marchand de bijoux et se présente au château du père de celle qu'il aime; il n'ose poursuivre son chemin, de peur, dit-il, d'être vplé par Stenka Razine, il réclame l'hospitalité.

Le noble, sans défiance, la lui accorde; la jeune fille, curieuse, demande à voir les bijoux.

C'était après la prise d'Astrakan, après le pillage de la Perse; Le baadit possédait les merveilles des *Mille et uns Nuits*. Le seigneur qui donnait l'hospitalité à Slenku Razine,

tout riche qu'il était, ne l'eût point été assez pour acheter la dixième partie des trésors du bandit. Stenka Ratine les donna pour rien, ou plutôt il les vendit à sa lille au prix qu'il voulait les lui vendre.

Huit jours s'écoulèrent ainsi; au bout de huit jours, Stenka Razine annonça son départ à la jeune H Ile; celle-ci toute à son amour, offrit de partir avec lui. Alors, Stenka Razine lui avoua tout, lui dit qui il était, et à quel danger elle s'exposait en suivant un bandit capricieux, fantasque, dépendant plus encore de ses compagnons que ses compagnons ne dépendaient de lui. A tout ce que put dire Stenka Razine, elle répondit: * Je t'aime.

Les deux amants partirent ensemble. Pendant deux ans, ils menèrent la vie joyeuse de triomphateurs; puis enfin vinrent les jours des revers. Pour Stenka Razine, le Volga était une espèce de dieu protecteur, personnifié par lui comme les Grecs personnifiaient le Scamandre et Tachelotts. De même que Pisistrate, tyrande Samos, jetait bou anneau à la mer, lui, pour se rendre le Volga favorable, lui eût sacrifié ses trésors les plus précieux. En effet, le Volga, dans les sinuosités de ses rives, dans les lies qu'il embrasse et qu'il baigne de son eau, lui avait toujours offert des refuges assurés. Une nuit qu'il venait d'éprouver son premier échec contre les Russes, le bandit s'était, avec une centaine de ses compagnons, réfugié sur la colline que l'on appelle aujourd'hui la colline de la Jeune-Fille, et qui alors n'avait pas de nom. Là, en buvant, on oublia ou plutôt on essaya d'oublier le revers de la journée; mais plus Stenka Razine buvait, plus il devenait sombre. Il lui semblait que le Volga commençait à l'abandonner, et que le temps était venu de lui faire quelque grand sacrifice. Il se leva, debout, sur un rocher dominant le fleuve, et, là, s'adressant à lui dans un chant improvisé:

— J'ai perdu ta faveur, lui dit-il, et cependant tu me protégeais autrefois, moi fils du Don, comme si j'étais un de tes fils. Que dois-je faire pour que tu me rendes ton amitié perdue? quel est celui de mes trésors les plus chers que tu veux que je te sacrifie? Réponds-moi, ô vieux Volga! Il écouta si le fleuve lui répondrait, et il entendit l'écho qui murmurait: — Olga! C'était le nom de sa maîtresse. Il crut s'être trompé et répéta son invocation. Pour la seconde fois l'écho redit: — Olga! Ce fut pour Stenka Razine un arrêt de la des-

tinée. Il appela la jeune fille, qui dormait et qui, toute souriante, vint à lui. Il la conduisit sur la pointe la plus avancée de la colline, pointe de l'extrémité de laquelle tous deux dominaient le fleuve. Une dernière fois, il la serra contre son cœur, appuya ses lèvres sur les siennes, et, au milieu d'un long et suprême baiser, il lui enfonça son poignard dans le cœur. La jeune fille jeta un cri, le bandit ouvrit les bras, et la victime expiatoire tomba dans le fleuve, où elle disparut. Depuis ce jour, la colline s'appelle la montagne de la Jeune-Fille. Lorsqu'on a le temps de s'y arrêter, on peut vérifier la présence de l'écho. Au mot Volga qu'on lui jette, il continue de répondre: «Olga.»

Huit jours après la mort de sa maîtresse, comme s'il eût sacrifié son honneur à quelque divinité mauvaise, Stenka Razine fut hattu et pris par le prince Dolgorouky.

Impressions de voyage en Russie par Alexandre Dumas.
Paris: Michel Lévy frères, 1866. P. 10–12.

Днем миновали Девичий холм. Это снова предание, связанное со Стенькой Разиным.

Влюбленный в дочь знатного человека, бандит выдает себя за торговца украшениями и появляется в отчем замке той, которую любит; говорит, что не может продолжать путь из страха быть ограбленным Стенькой Разиным, настойчиво просит гостеприимства. Дворянин верит и принимает его; любопытная девушка просит показать драгоценности. Было это после взятия Астрахани, после грабительского налета на Персию; бандит обладал диковинами из Т у с я ч и и о д н о й н о ч и. Господин, который даровал гостеприимство Стеньке Разину, богач, каким он был, оказался не в состоянии купить и десятой части сокровищ бандита. Стенька Разин отдал их даром или, вернее, продал их его дочери за ту цену, какую тот пожелал назвать. Так прошла неделя; на восьмой день Стенька Разин объявил девушке о своем отъезде; она, вся охваченная любовью, предложила уехать с ним. И тогда Стенька Разин признался ей, кто он и какой опасности она подвергла бы себя, связавшись с бандитом своенравным, взбалмош-

ным и еще более зависимым от сотоварищей, нежели сотоварищи зависят от него. На все, что только мог сказать Стенька Разин, она отвечала: «Я люблю тебя».

Двое влюбленных уехали вместе. В течение двух лет они вели веселую жизнь триумфаторов; затем, наконец, настали иные дни. В понимании Стеньки Разина Волга была вроде покровительствующего божества, персонифицированного для него так же, как греки узрели Ахиллеса в реке Скамандр. Так же как Писистрат, тиран Самосы, бросил свой перстень в море, он, чтобы умилостивить Волгу, пожертвовал ей самые дорогие вещи из своих сокровищ. Действительно, Волга в береговых излучках, на островах, которые она держит в объятиях и омывает своими водами, всегда давала ему надежные укрытия. В ночь, когда бандит потерпел первое поражение от русских, с сотней своих сотоварищей он укрылся на холме, который сегодня называют Девичьим и который тогда был безымянным. Выпив там, забыли или, скорее, попытались забыть прервательства дня; но чем больше Стенька Разин пил, тем больше мрачнел. Ему казалось, что Волга стала к нему охладевать и пробил час принести ей великую жертву. Еще держась на ногах, поднялся на скалу, господствующую над рекой и там, обратясь к ней с импровизированной песней:

«Я потерял твое расположение, — высказывал он, — хотя прежде ты защищала меня, сына Дона, как если бы я был одним из твоих сыновей. Что должен я совершить, чтобы ты вернула мне твою утраченную дружбу? Какое из самых дорогих моих сокровищ ты требуешь пожертвовать тебе? О, ответь мне, старая Волга!» Он прислушался, ответит ли ему река, и услышал эхо, которое донесло: «Ольга!» Это было имя его любовницы. Он подумал, что ослышался, и повторил свое обращение к реке. Эхо повторило: «Ольга!» Для Стеньки Разина это было приговором судьбы. Он позвал девушку, которая спала и которая, вся светясь улыбкой, пришла к нему. Он помог ей подняться на самое высокое место холма, на край обрыва, где они оба оказались над рекой. Последний раз он прижал ее к сердцу, соединил свои губы с ее губами и во время долгого и последнего поцелуя вонзил ей в

сердце свой кинжал. Девушка вскрикнула, бандит раскрыл объятия, и искупительная жертва пала и скрылась в реке. С того дня холм зовется Девичьей горой. Если у кого будет время там остановиться, то можно проверить, есть ли эхо. На имя Волга, которым ее окликают, река по-прежнему отвечает: «Ольга!»

Через неделю после смерти любовницы, словно это свой добрый гений он принес в жертву злему духу, Стенька Разин был разбит и схвачен князем Долгоруким.

Дюма А. Из Парижа в Астрахань: Свежие впечатления от путешествия в Россию / Пер., вступ. ст. и примеч. В.А. Ишечкина. М.: Спутник+, 2009 (очерк «Степи»).

9. Из «Путевых писем...» П.Я. Якушкина (1868)

— Ну, с султанкой не совсем ладно вышло... облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил — всею душою облюбил!.. Стал ее наряжать, холить... сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит!.. Казаки спервоначала один по одному, а после и круг собрали, стали толковать: что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все с своей любовницей-султанкой возится!.. Кликнуть атамана!.. Кликнули атамана. Стал атаман в кругу, снял шапку, на все четыре стороны, как закон велит, поклонился, да и спрашивает: «Что вам надо, атаманы?» — «А вот что нам надо: хочешь нам атаманом быть — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой сиди!.. А мы себе атамана выберем настоящего... Атаману под юбкой у девки сидеть не приходится!» — «Стойте, атаманы! — сказал Стенька, — Пойдите маленько!..» Да и вышел сам из круга. Мало погода идет Стенька Разин опять в круг, за правую ручку ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жемчугах вся и золоте, а собой-то раскрасавица!.. «Хороша моя раскрасавица?» — спросил Разин. «Хороша-то хороша», — на то ему отвечали казаки. «Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка!.. говорит Разин. — Много я тебя дарил-жаловал: хлебом-солью, златом-серебром, ка-

менями самоветными; а теперь от души рву да тебе дарю!..» Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу!.. А на султанке было понавешано и злата, и серебра, и камня разного самоцветного, так она как ключ ко дну и пошла!.. «Хорошо, казаки-атаманы?» — спросил Разин, а те... архирея сразили... сам знаешь, какой народ есть... «Давно пора тебе, говорят, атаман, это дело покончить».

Якушкин П.Я. Путевые письма из Астраханской губернии // Отечественные записки. 1868. № 10. С. 143–144.

10. Из романа А.А. Соколова «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» (1880)

С красавицею княжною и с богатою добычею воротился Стенька на Волгу <...> поплыл себе спокойно вверх по реке, пьянствуя, безобразничая и утопая в наслаждениях. Чем выше, однако, он поднимался <...> тем «персиянская княжна» становилась все более и более тяжким грузом. Приходилось с княжною расстаться, ибо вести ее на Дон, где у Стеньки была жена и дети, для него было неловко. И вот Стенька загрустил. Княжна пришлась ему по сердцу. <...> Казаки начали роптать. <...> Стенька видит, — дело не ладно. <...> «Надо расстаться с княжною». <...> Взглянет Стенька на красавицу персиянку, и ревность закипит в груди, и мысль, что она достанется кому-нибудь и будет жечь своими страстными объятиями «другую душу», просто не давала ему покоя, отравляла все его наслаждения... Долго был он суров и мрачен, но вот истомившаяся душа «потребовала загула», загула «бешеного», загула сурового и мрачного, как сама душа его. О приказал выплывать ночью, после мас-сы выпитой водки. <...> Стенька был мрачен. Но еще мрачнее сидела несчастная княжна, подперев рукою свою голову. О чем думала она среди этой буйной ватаги? Вся жизнь ее проносилась перед нею. Жизнь легкая, роскошная, богатая, много обещающая... А теперь?.. Она поругана, опозорена, наложница убийцы

и разбойника. А Стенька смотрит на нее пьяными и страстными глазами. «О чем она думает?» — спрашивает он пьяного эсаула. «А может, о персидском принце», — отвечает тот коснеющим языком. «Убью!!!» — заревел Стенька, сверкнув глазами, и страшный припадок ревности охватил все его существование. <...> «Никому, никому ты не достанешься», — говорил он, подходя к княжне, в страхе от него попятившейся назад. <...> «Волге я тебя подарю... Волге... Она меня кормила-поила, тебя ей я и подарю... Ты для меня дорога, а дорогим-то и дарят». Стенька вдруг схватил княжну поперек и приподнял, встряхнув так, что она, не успев схватиться за его шею руками, опрокинулась навзничь и закричала. «Бери ее, Волга, бери и никому не отдавай!» Он швырнул ее в воду. Казаки смотрели молча. Княжна раза два показалась на поверхности воды. Стенька следил за нею, схвативши багор в руки. Княжна больше не показывалась. Он мрачно опустил-ся около руля и вдруг дико закричал: «Ну, теперь как можно скорей с Волги!. Давайте мне мой тихий, мой светлый Дон...».

Соколов А.А. Понизовая вольница атамана Стеньки Разина: (Исторический роман). СПб.: Типолит. П.И. Шмидта, 1880 (= Тип. Вильде, 1906). С. 134–137.

11. С.Н. Мельников. «Атаман» (1883)

Так далеко, так широко,
Что едва охватит око,
Волги гладь лежит.
И за синими водами,
Высаясь белыми стенами,
Астрахань стоит.
Чуть заметно Волга дышит,
Легкий ветер чуть колышет
Стебли камышей.
Над водами тишь немая,
Лишь промчится с криком стая
Чаяк и стрижей.

Но откуда же раздался
 И, гудя, вперед помчался
 Шумный отгул вдруг?
 Плавно, тихо подвигаясь,
 Вверх по Волге поднимаясь,
 Выплывает струг.
 Мерно воды рассекает
 Он, под веслами сверкает
 Влага серебром.
 Крики пьяного похмелья,
 Говор шумного веселья
 Слышатся на нем.
 То пирует с шайкой дикой
 На водах реки великой
 Разин-атаман.
 Солнце низко опустилось,
 Волга золотом покрылась,
 Поднялся туман.
 Тихо двигался тяжелый
 Струг, и неся шум веселый
 Далеко кругом.
 Быстро чаши осушались,
 Быстро снова наполнялись
 Дорогим вином.
 Казаков толпа лихая,
 С песней весла поднимая,
 По бортам сидит.
 Золотой парчой, камнями,
 Алым шелком, соболями
 Их наряд блестит.
 И лежит под их ногами
 Ценный бархат, меж скамьями
 Грязный пол устлав.
 Перед шумною толпою
 С непокрытой головою,
 Дик и величав,
 На груди скрестивши руки,
 Молча пьяной песни звуки
 Ловит атаман.
 Ворот шелковый расстегнут,
 Молодецки стан изогнут,

Сброшен с плеч кафтан.
 И стоит он с затаённой
 В сердце думой, воспаленный
 Взор склонивши вниз.
 Волоса на лоб повисли,
 В голове пьяневшей мысли
 Бурно поднялись.
 Близь него, следя очами
 За шумящими струями,
 Девица сидит;
 И слеза, как перл дрожащий,
 На щеке ее горящей
 Светлая висит.
 В блеске прелести унылой,
 Взор чаруя с тайной силой
 Дивной красотой,
 Оперлась она угрюмо
 На ладонь, умчавшись думой
 В дальний край родной.
 То добыча атамана,
 Дочь убитого им хана,
 Пленная княжна.
 О блаженстве миновавшем,
 О бесчестии наставшем
 Думает она.
 В золотом венце, покрыта
 Светлой тканью аксамита,
 Шитой серебром,
 Неподвижна, молчалива,
 С выражением тоскливым
 На лице своем,
 С чудным взором, станом дивным,
 Вся в сияньи переливном
 Дорогих камней,
 Меж разбойников сидела
 И как будто онемела
 В красоте своей.
 В сердце с думой затаенной,
 Взор потупив воспаленный,
 Атаман стоит
 И с вниманьем осторожным

Крик пирующих тревожный
 Чутко сторожит.
 Пьяный хохот звонко льется,
 Пьяный говор раздаётся,
 Смешан с звоном чаш:
 «Персиянкой очарован,
 Крепкой женской цепью скован
 Ясный сокол наш!
 Эх, ребята, плохо дело,
 Коль и им уж овладела
 Женская рука.
 Вот, поддался ж бабьей воле,
 А за то же сам давно ли
 Вешал казака!»
 Услыхав такие речи,
 Атаман приподнял плечи,
 Голову назад
 Вдруг откинул, задрожали
 Губы, щеки запылали,
 Загорелся взгляд.
 Он ударил в борт ногою,
 Поднял руку над водою,
 Голос зазвучал
 (Вмиг умолкло пированье,
 Слышно было в том молчаньи,
 Как дробился вал):
 «Ах ты, Волга, мать родная,
 Много видел от тебя я
 Доброго всегда;
 С тихой ласкою качала,
 Никогда не разбивала
 Ты мои суда.
 На водах твоих со славой
 Я врагов в борьбе кровавой
 Часто побеждал;
 Дань с богатых караванов
 И с персидских славных ханов
 Часто собирал.
 Волга! ты дала мне много
 Злата, серебра, иного
 Всякого добра;

И во всем-то, голубая,
 Для меня, как мать родная,
 Ты была щедра!
 Что тебе спасибо, Волга,
 Не говаривал я долго,
 В том ты не кори –
 Лучший клад, что я имею,
 Для тебя не пожалею:
 На ж тебе — бери!»
 И могучею рукою
 Приподняв над головою
 Бледную княжну,
 Обомлевшую от страха,
 Быстро он ее с размаха
 Бросил в глубину...
 Всплеск... И будто гнева полны,
 Расступились шумно волны
 И, сомкнувшись вдруг,
 Колыхаясь, улеглись...
 Быстро весла поднялися.
 Быстро поплыл струг.
 Взор к ватаге пораженной
 Обративши испуганный,
 Молча, атаман
 Нацедил рукой дрожащей
 Влагой пеною кипящей
 Золотой стакан...

Мельников С.Н. Атаман (Посвящается А.В. Захарову) // Волжский вестник. 1883. № 1. С. 15–16 (раздел «Волжские песни и легенды»).

12. Из «Волжских песен» Д.Н. Садовникова (1883)

Из-за острова на стрежень,
 На простор речной волны
 Выбегают расписные,
 Острогрудые челны.
 На переднем Стенька Разин,
 Обнявшись с своей княжной,

Свадьбу новую справляет,
И веселый, и хмельной.
А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.
«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.
«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал.
Ошалел...» Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.
Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза...
«Эх, кормилица родная,
Волга матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..
Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою —
На, кормилица... возьми!»
Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И не глядя прочь кидает
В набежавшую волну...
«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка, черт, пляши.
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!..»

Садовников Д. Из «Волжских песен» // Волжский вестник.
1883. № 12 (март). С. 261.

13. Из «Сказок и преданий Самарского края» Д.Н. Садовникова (1884)

Расправил свою толстую кошму, сел на нее и поехал к Каспицкому морю. Ехал не больше трех часов, приехал к столичному городу в Персии; видит: гуляет на балконе прекрасная королева Елена. <...> Напустил воды, подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров. <...> «Вот тебе, любезная моя — сестра моя! (Это княжна-то). Я долго не видал сестру, когда бунтовство было; я расстался с ней и сел на легкую лодку, за тобой поехал; я время в этом проводил, в Персидское царство ездил, всех знакомых я узнал, купечество разорял!» <...> И задумал Стенька переправиться в отдаленную дорогу, на Балхинско-Черное море, на зеленый Сиверский остров; и думат Стенька про свою молодую жену, княгиню: «Куда ж я ее возьму с собой? Неужели мне, удалыцу, там жены не будет?» Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих — большой ковер, и сказал: «Грянем, ребята! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а на утро будем в Рыбинском!» Плыли они путину, молодая его жена и сказала: «Куда ты меня завезешь?» А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой! Словом ее огоршил — княгиня полетела вплоть до дна.

Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края.
СПб., 1884 (2-е изд.: Самарский обл. центр нар. тв-ва.
Вып. I–II, 1993). № 110 (с. 130).

14. Из исторического романа Г.А. Хрущова-Сокольниковы «Стенька Разин» (1886)

Он был на мгновение ослеплен этой красотой, хотел кинуться, чтобы завладеть этим бесценным сокровищем, но было уже поздно <...> он словно не мог прийти в себя и повторял: «Оборотень! Василиск!..» <...>

В роскошном парчовом кафтане чудной испаганской работы полулежала на бархатных ковровых подушках укутанная в золотом шитую чадру молодая жен-

щина. <...> Женщина встала, сложила на груди чудной классической формы руки, все унизанные кольцами и запястьями, и низко поклонилась атаману. «Бог дал тебе победу — я раба твоя!!» — проговорила она низким грудным голосом и поклонилась еще раз. <...> «Ты мой властелин, твои слова закон!» — покорно произнесла пленница и, гордая своею поразительной красотой, быстрым движением руки сбросила чадру. <...> Полная гордого сознания своей красоты, Шекерлеб впиалась в атамана своими огромными черными глазами. Она заметила впечатление, произведенное на Разина, — и торжествовала. <...> Она помнила, что поразила его тогда своей красотой. И с этой минуты его образ стал смущать сладкий сон красавицы. Видя поражение своих, но зная, что врагами предводительствует Разин, она не испугалась плена, но, как истая фаталистка, возложила все надежды на судьбу и встретила победителя не слезами отчаяния, а улыбкой торжествующей красоты. <...>

Казаки, безусловно покорные его воле, начинают тихонько роптать на полное бездействие, а Стенька словно забыл про свой родной Дон, забыл про своих ратных товарищей. С вечера до утра на его «Соколе» гудят гудошники, гремят плясовые песни, слышен бешеный топот трепака. То пьет и с друзьями потешается сам батюшка Степан Тимофеевич, и поит и кормит он и званых и незваных, и бояр, и подъячих, и немецких служилых людей, и сам пьет, словно горе утопить в вине хочет, так пьет, что каждое утро его как мертвое тело уносят в рубку. И спит он опять до вечера, склонив буйную головушку на колени красавицы Шекерлеб. Проснется, взглянет в ее чудные, огромные глаза с поволокой, схватит ее, поцелует бешено, страстно, потом вскрикнет, как ужаленный, оттолкнет ее, кинется на палубу. <...>

Старики пошли к нему узнать, в чем дело, почему стоят и теряют чудный попутный ветер. Они застали его в рубке. Развалясь на мягкой лавке, покрытой дорогим золототканым аксамитом, с зурной в руках полулежал атаман, а перед ним, восхитительна, как гурия рая, вилась в чудной восточной пляске дивная, несравненная Шекерлеб... Старики остановились на пороге, пораженные невиданным зрелищем: наконец,

один из них, старый Ванька Ус, не выдержал и спросил атамана, зачем стоит вся станица и теряет дорогой попутный ветер. Разин, до тех пор не замечавший их (он был так увлечен созерцанием красоты своей княжны, что даже и не видал, как они вошли), отвечал грубо и резко: «Я так хочу». <...> Степан, даже не выпустивший из рук зурны, стал опять перебирать струны; но танец, прерванный неожиданным появлением казаков, не клеился; княжна расплакалась и надула губки. Разин разозлился и в бешенстве выскочил на палубу. Все в страхе прятались перед ним, зная, что в такие минуты упаси Бог попадаться на его глаза. Один только человек осмелился стать прямо на его пути и не боясь гнева атамана, молвить порой резкое слово. Это был Вавило. <...> «Слушай, Степан, полно шутики шутить... Скажи, на Дон мы идем? али так обапол¹ Астрахани гуляем-тешимся?» <...> «Ой, Вавило, замолчи! — закричал в сильном гневе Разин. — Не то худо будет!» — «Не кричи! Не испугаешь, — бросил ему прямо в упор старый безрукий калека. — Казнить меня, что ли, прикажешь? Что ж, давно пора, — заслужил!! Посылай скорей свою плясавицу-Иродиаду за моей головой, посылай скорей, — ждату буду». <...>

Разин застал Шекерлеб безмятежно раскинувшуюся на мягких подушках и мирно спящей. Щеки пылали, как розаны, косы растрепались, рассыпались, грудь высоко подымалась, полуоткрытые пурпурные губы манили поцелуй. Разин долго глядел на нее в каком-то остолбенении. Мысли, что волны морские, бессвязно проносились в его мозгу. <...> «Расстаться... Расстаться...» — шептал он с полным сознанием своего бессилия и невозможности отворотить грозный удар судьбы. — Расстаться, отдать другому. Нет, никогда, никогда. Моя она! И ничьей больше не будет! Никому не достанется... Никому, никому!» И словно осененный какой-то новой страшной мыслью, разрешавшей все его сомнения, он быстро выхватил из-за пояса нож. Еще мгновение, и княжны бы не существовало, но в ту

¹ Обапол — 'около, подле, возле, близко, вплоть, у, при; близ, рядом; кругом, вокруг, в соседстве, в окружности'.

минуту, когда роковой удар готов был поразить ее, Разин вздрогнул; нож выпал из рук его, и, полон бешеной страсти, атаман припал к роскошному стану красавицы, стиснул его своими могучими руками и обжег горячим, бешеным поцелуем ее дивные губки. «Это ты, мой господин! мой повелитель! — шептала в страстном опьянении красавица. — «Ты любишь, любишь меня, а мне сейчас снилось, что ты гонишь меня; я не пойду, не пойду, лучше убей! Сам убей, только не гони, не гони... Целуй же, целуй меня!» И она обхватила шею атамана своими чудными, словно точеными руками... <...>

Атаман заперся один в своей рубке и два дня не пил ни капли вина, что совершенно очистило его изображение. Когда он вышел оттуда и пошел в комнату Шекерлеб, она словно не узнала его, вскрикнула и закрыла лицо руками. Он был совершенно неузнаваем... В лице ни кровинки, и только глаза, страшные, дикие, злобные, горят как уголья... «У меня сегодня пир про все казачество... Одевай лучшее платье и приходи... <...> «Ты мой повелитель, я твоя раба!» — грустно молвила Шекерлеб, ожидая хоть улыбки, хоть ласки от человека, которого страстно, безумно любила. Но Разин словно не обращал на нее внимания и вышел, не взглянув на нее. Он боялся взглянуть!! Он знал, что при взгляде на нее, словно по волшебству, исчезнет и решимость, и энергия, и сила... и он погиб.

Через час на палубе «Сокола» <...> в расшитом золотом и крупным жемчугом белом кафтане сидел сам могучий Степан Тимофеевич; по правую руку его заседал старый Шелудяк, а по левую — одетая в драгоценный персидский костюм, сверкающий золотом и камнями самоцветными, сидела под густой чадрой Шекерлеб. <...> Один атаман пил что-то меньше обыкновенного... Он, казалось, думал крепкую думу и лишь изредка взглядывал на Шекерлеб, которая почти не принимала участия в пире. «Что это ты, батька атаман, невесел, голову повесил, не пьешь, не ешь? — начал Шелудяк, который начал подозревать что-то. — Выпей с нами вина, — пройдет». — «Не хочу, довольно выпито!» — отвечал резко Разин. «Ну, нет, постой, — не отступал эсаул, — я такое заздравнице придумаю, что ты от чары не откажешься.

Выпьемте-ка мы, братцы, за красоту-прелесть женскую!» <...> «Уж лучше пить за антихриста! — раздалось с другого конца стола. <...> — По крайней мере, от того оборона есть — крест святой, а от женского наваждения ни крестом, ни пестом не отбояришься, словно змея в душу залезет и самую богатырскую душу обабит. <...> По-моему, братцы, — начал опять Вавило, — одна баба казаку нужна — это Волга-матушка, кормилица наша! Выпьем-ка мы, братцы, за Волгу-кормилицу». <...> «Что же ты не пьешь? — вдруг обратился Разин к персиянке, которая продолжала сидеть молча. «Пей!» И он быстрым движением сорвал с нее чадру. Шекерлеб слабо вскрикнула и закрыла лицо руками. — Пей!» — повелительно крикнул Разин. И подал ей стопу, она пригубила... Сотни пьяных глаз устремились на нее и, казалось, пожарили ее чудную, ослепительную красоту.

Только один Вавило, казалось, не обращал на нее внимания. Он взял большой коровой, разрезал его пополам, круто посолил и подошел к борту струга. «Прими, наша кормилица-поилица Волга-матушка, нашу хлеб-соль, не побрезгай, от чистого сердца подносим!» И он бросил коровой в воду. Разин вскочил с своего места. Он был ужасен... Все в страхе переглядывались. «Нет, Вавило, этим Волги-матушки не удивишь... Не хлебом-солью благодарить ее надоть, не краюхой потчевать! Ой, Волга-матушка, — обратился он уже в каком-то экстазе к царственной реке, — признаться надо, что не найти другой реки, которую с тобой и сравнить-то можно бы было, и не было от века тебя славнее и могучее. Всем я тебе обязан — и славою, и богатствами несметными, и всем, чем я стал! А я за все твои милости и отблагодарить тебя не сумел!. Не попрекай же меня, каюсь, — обидел я тебя, а если моей повинной мало, подарю я тебе все, что у меня есть самого дорогого, самого заветного. Не может быть дара ценнее, не может быть любви сильнее, как я люблю тебя, наша Волга мать-кормилица!..» Разин остановился, одним быстрым движением схватил красавицу Шекерлеб за голову и за ноги, подбежал к борту и, высоко подняв ее над головою, бросил в темные волны. Княжна отчаянно вскрикнула и исчезла в пучине. Пьяная толпа замерла в безотчетном ужасе... Песни разом

замолкли, и все взоры обратились на Разина, который, нервно схватившись за борт, всматривался в омут, поглотивший красавицу... Но Волга не выдала, даже не показала своей жертвы. «Вина! — закричал он, наливая себе громадную чашу. — За вольную волюшку, за жите молодецкое-казацкое!..» Все подхватили заздравицу... Грянула лихая, молодецкая песня, и от зари до зари не смолкая стон стоял над Волгой-рекой. Это удалой атаман справлял «панафиду» по своей первой любви.

Хрущов-Сокольников Г.А. Стенька Разин: Исторический роман. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1885. С. 149, 193–194, 222–227, 229–233.

15. С.Ф. Рыскин. «Стенька Разин (Бурлацкая сказка)» (1888)

Эх, дружок, прошло, что было, —
И былдем позаросло...
Прежде Волгу бороздило
Атаманское весло...
Над красавицею Волгой
В те былые времена
Разливалась песни долгой
Молодецкая волна..
Пел когда-то здесь казачий
Славный батько-атаман, —
Убаюканный удачей
Тимофеевич Степан...
Вот на лодочке узорной
Он несется по реке,
Ус покручивает черный..
А красавица в тоске...
«Что, лебедушка, горюешь?..
Пропадет твоя тоска,
Если крепко поцелуешь
Атамана-азака!..
Хочешь, — камень самоцветный
Подарю тебе любя!..
Хочешь, — песенкой заветной

Распотешу я тебя!..»
И поет он: «Ой, Камышин!
Эх, Камышенка-река!..»
И далеко голос слышен, —
Песня Степы широка...
А красавица рыдает...
«Будет рюмить!.. Не грусти!
Молвил Степа, — и смекает:
«Нет в красавице пути!...
А коль нет!.. Постой, ребята!
Молвить надо два словца!..
Есть у нас немало злата,
Вдосталь есть серебреца!...
Все дала нам наша матка, —
Если правду говорить...
Все!! И надо нам, ребятка,
Волгу-матку отдарить!..
Пусть она побольше барок
На разживу нам несет!..
Приготовил я подарок!..
Поглядите: вот он!.. вот!!»
И красавицу с размаху
Степа выбросил в реку, —
И кричит: «Мила ты шаху,
Не мила ты казаку!..»
...Эх, дружок, прошло, что было, —
И былдем позаросло.. .
Прежде Волгу бороздило
Атаманское весло...
Извелися атаманы...
Извели их топоры..
И на Волге караваны
Безопасны с той поры...
Но навстречу грузных барок, —
Доводилось видеть нам, —
Степы Разина подарок
Выплывает по ночам...

Рыскин С.Ф. Стенька Разин (Бурлацкая сказка) // Первый шаг: Собр. стихотворений. М.: Изд. книгопродавца А.Д. Преснова, 1888. С. 148–150.

**16. Из оперного либретто М.В. Ватсон
«Волжские разбойники» (1880-е годы)**

Действие 1-е. Алена (мать), Маша (дочь; еще братья Карп и Михей), к ней пристаёт приказчик и, получив отпор, хватает ее. — Появляются разбойники с Сенькой. Алена просит о защите, Сенька освобождает Машу. Она просит взять ее с собой, он отказывается, она собирается идти за ним в мужском платье.

Действие 2-е. Андером, т.е. внутренний двор гарема. [Хаджи]: «Воли хочу я, власти хочу». — Фатима приводит дервиша, который рассказывает ей ее будущую судьбу вплоть до утопления. — Нападение разбойников. Сенька захватывает Хаджи с ее согласия.

Действие 3-е. Пир, Маша между разбойниками.

А ты, красавица Хаджи,
Потешь и ты меня, спой песню,
Свою родную спой, Хаджи.

Хаджи поет — Сенька поет, Васька Ус, Маша и хор поют. — Маша: о богатыре с Дона, которого «и победила, и покорила лаской» красавица — «неодолимую мужскую силу он потерял». — Сенька гневается, Хаджи пугается и вспоминает предсказание дервиша. Бросает ее в воду:

Давно пора уж заплатить нам
Дань Волге-Матушке реке.
Ну вот и заплатил,
Нам теперь пора.

Действие 4-е. Сенька приходит к Корниле, тот предает его властям. Маша пытается его спасти, уговаривает бежать, но он отказывается. Она гибнет в схватке, пытается защитить его, а братьев хватают — Михася и Карпа.

Эпилог. Алена видит, как их ведут на казнь, и умирает.

Ватсон М.В. Волжские разбойники: Либретто оперы [Опера в 4 действиях, с эпилогом] // Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. 402 [М.В. Ватсон]. Оп. 1. Ед. хр. № 9. 30 лл. (без даты, сильно правленная). Л. 8–18об.

**17. Из повести Д.Л. Мордовцева «За чьи грехи?»
(1891)**

Адмирал, командовавший ею, астиранский хан Менеды, бежал с позором, оставив в добычу Степану Тимофеевичу красавицу тринадцатилетнюю дочку Заиру и сына Рустема. Когда юную полонянку привели к Степану Тимофеевичу, он, грубый и сильный, человек железной воли и стальных нервов, онемел от изумления: он даже не подозревал, чтобы на земле могла существовать такая поразительная красота! Это смешение чего-то нежного, как лилия, с огнем, с огненным темпераментом, сверкавшим в черных огромных глазах, это личико ребенка с пышной черною косою, гибкость и упругость юных членов, невыразимая грация в движениях — все это отуманило буйную голову атамана. Он полюбил ее всюю силою своей огневой души: тигр по природе, он сделался кроток и робок с своею пленницей. <...>

И он убрал ее горенку на своем струге с неслышанною роскошью: золото, серебро, жемчуга, алмазы, парчи, атлас — все награбленные сокровища брошены к маленьким ножкам Заиры. И сам Степан Тимофеевич стал другим человеком. Молодцы не унавали его. По целым часам он сидел в горенке своей красавицы и выходил оттуда сначала мрачный и задумчивый, а потом все светлее, и радостнее, и ласковее ко всем. Кровь, которую он прежде проливал как воду, теперь стала для него противна. Он прекратил разбои. <...> В это время они часто видели, что их атаман, теперь такой тихий и кроткий, выходил вместе с своею юною пленницей из ее роскошной горенки и по целым часам в стороне от всех они сидели вдвоем, тихо разговаривая или любясь зеркальною поверхностью моря, в котором отражались звезды. Заира умела говорить по-русски, потому что с детства за нею ухаживала любимая рабыня ее отца, русская полонянка из казачек. <...> Сначала робкая и часто плакавшая, теперь Заира, по-видимому, свыклась с своим положением. <...> Она полюбила своего кроткого и ласкового, подчас бурного в своих

ласках, повелителя: он теперь заменил для нее весь мир. <...> Он повезет ее на Дон; он бросит свои разбои и будет атаманом вольного Дона. Он сам говорил ей это, а она, положив свою детскую головку на его плечо, жадно слушала своего богатыря, как она его называла, а он тихо гладил и целовал ее шелковистые волосы. Любовь действительно переродила его. <...>

Робко вошел в уютную светличку Хабибулла и, припав на одно колено, поставил перед Заирой поднос с фруктами. «А, это ты, Хабибулла, — сказала персианка на своем родном языке. — От кого это?» — От княгини, от супруги воеводы», — отвечал Хабибулла тоже по-персидски и приложил руку ко лбу и к сердцу. Прелестное личико Заиры зарумянилось. Она поправила на шее нитку жемчугов и в смущении спросила: «А разве княгиня меня знает?» — «Вероятно, знает от батюшки Степана Тимофеевича», — был ответ. <...> «А она молоденькая? хороша собой?» — «И молоденькая, и красавица». Розовые щечки Заиры мгновенно покрылись бледностью. Она, как раненый тигренок, вскочила с ковра. Глаза ее горели. «Говори все, что знаешь!» — схватила она за руку Хабибуллу. <...> «Что мне говорить!.. Известное дело... Они спознались раньше... воевода стар». Бедная девушка упала на ковер и горько заплакала, уткнув свое личико в подушку. У Хабибуллы глаза сверкнули плотоядным огнем. Он стал перед девушкой на колени и, нагнувшись к ней, страстно шептал: «Не плачь, ханым, не печалься, звезда Востока. Я отвезу тебя домой, в Персию, к отцу. У меня уже и буса изготовлена и снаряжена — богатое и прочное судно, которое и доставит нас в Персию. Завтра же ночью мы и бежим отсюда». <...> Но если бы только он видел, что с самого того момента, как он вошел к Заире, Ивашка Черноярец змеей подполз к освещенному окошечку Заириной каюты и все видел, и все слышал, что там делалось и говорилось, — он окаменел бы от ужаса. Ивашка знал персидский язык — и все слышал.

Разин воротился с воеводской пирушки очень поздно. Его встретил есаул Ивашка и, отведя в сторону, долго шептал ему что-то. <...> На другой день все замети-

ли, что атаман был как-то особенно задумчив. Иногда он встряхивал своей курчавой головой, как бы отгоняя от себя докучливую мысль. То иногда подолгу оставался у борта своего струга и как бы бесцельно глядел куда-то вдаль, ничего не видя. <...> Что же будет дальше? Неужели для такого непрочного, хрупкого счастья он должен отречься от самого себя, проститься со славою, с властью, с громкими подвигами? Он, атаман целого войска и брат казненного атамана же, — неужели он должен отказаться от всего, даже от мести за позорную смерть брата, и похоронить себя заживо в глухой донской станице или на каком-нибудь хуторке! А отказаться от нее, от этой милой девочки, от своего счастья, чтоб это милое дитя досталось какому-нибудь презренному холопу Хабибулле, а не ему — так другому! Он чувствовал, что это выше его сил. Он так любил ее! Для нее он решился пожертвовать славою, для нее он позорно преклонил свой бунчук перед воеводой, которого он мог когда угодно повесить; он все для нее бросил. Когда он держал ее в своих объятиях, а она, ласкаясь к нему, шептала самые нежные слова, он искренне решился всем пожертвовать для нее. И теперь уступить ее другому! Нет, пусть лучше она никому не достанется: та, которую он ласкал, не должна знать ласк другого мужчины. <...>

Началось угощение. В последнее время, особенно когда среди казацкого войска завелась эта чаровница, атаман почти не пил — совсем стал красной девицей. Но сегодня он пил, как никогда. Щеки его разгорелись, глаза блестели нехорошим огнем. Казаки это видели — они хорошо изучили своего атамана, чего-то побаивались: быть худу. <...> Вдруг точно что осенило его. Он встал и пошел в горенку Заиры. Через несколько минут он воротился, держа девушку за руку. Он был бледен. Заира одета была в дорогое персидское одеяние — вся в золоте, в жемчугах — драгоценные камни так и горели на ней. Она была поразительно хороша в своем смущении. <...> Разин взглянул на Заиру. Он был бледен. А она сидела рядом с ним, все такая же прекрасная и смущенная. «Вот мое сокровище!» — сказал он, обнимая девушку. Потом он

встал, шатаясь, и остановился у борта струга, лицом к Волге. Он был страшен. «Ах, ты, Волга-матушка, река великая! много ты дала мне злата, и серебра, и всего доброго. Как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил». Сказав это, он быстро повернулся, схватил Заиру одной рукой за горло, другую за ноги — и бросил за борт, как сорванный цветочек. «На ж тебе — возьми!» Что-то яркое мелькнуло в воздухе, послышался плеск воды... Все в ужасе вскочили. Заира исчезла под водой. Утром рыбаки вытащили из Волги труп Хабибуллы с кинжалом в груди...

Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? Великий раскол: Повести / Сост. и подгот. текста Н.Н. Акоповой; вступ. ст. и коммент. С.И. Панова и А.М. Ранчина. М.: Правда, 1990. С. 130–144.

18. Из исторического романа А.Е. Зарина «Кровавый пир (1669–1672 гг.): Бунт Стеньки Разина» (1901)

Сверху Волги на веслах друг за другом спускались к пристани четыре легких струга. Один из них действительно мог поразить каждого своим великолепием. <...> Вместо канатов и веревок на нем вились синие, красные, желтые шнуры из шелка; судя по яркости блеска, на мачтах вместо парусов висели парчовые ткани, все борты были выложены алым бархатом, а на корме, под пышным балдахинном, на богатых подушках лежали казаки. <...>

На шелковых подушках, откинувшись на такие же подушки, сидела девушка, красоты необыкновенной, дочь злосчастного персидского хана Менеды, которую забрал себе в любовницы Стенька Разин. <...> «На доброй вести, князь, выпьем! — сказал Разин и, хлопнув чару, крепко обнял свою красавицу. — Эх, лебедушка, повидеешь ты мой курень! Посидишь в вишневом садочке!» — «А жинка?» — сказал Ус. — «А жинка в другом! Го-го-го!..» <...> «Пьем, что ли, напоследях, братики! Начнем с горилки! Разливай, Ива-

ша! Эх, гуляй, душа казацкая! Затянем песню, что ли! Ну, Вася!» — «Мы ни воры, ни разбойнички...» — затянул Васька Ус высоким тенором. <...> «А рукой махнем...» Стенька упал в подушки и обнял княжну. Шапка его слетела с головы, и густые волосы закрыли его лицо. Он отмахнул их нетерпеливым движением. «... Девицу возьмем!..» — окончилась и замерла песня, а с нею вместе и Стенька, прильнувший губами к щеке своей красавицы. Среди пьяных вдруг послышались голоса: «Неправедно, атаман! Чего нас дразнишь?» Разин отшатнулся от девушки и мутным взором обвел кружок. «О чем шумите? Что неправедно?» — «А то, — заговорил Ус, — что с девкой хороводишься». — «Нам не велишь, а сам бабничаешь!» — «Небось Култябку велел за бабу утопить! — сказал Хлопов. — Обабишься и нас покинешь. Ну ее!» Стенька Разин вскочил на ноги. «А и ну ее вправду!» — вскрикнул он и вдруг нагнулся, ухватил красавицу за косу и за ноги, взмахнул и бросил в Волгу. Она пронзительно вскрикнула и с плеском упала в воду. Пораженные казаки подняли весла. Девушка кричала и боролась в воде, тяжелое платье несколько минут ее поддерживало, потом вдруг опустилось и потянуло за собою. А Разин громко говорил, махая рукою: «Гой ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне злата, серебра, много всякого добра! Оделила меня честью, славою, словно мать с отцом! А я еще ничем не благодарил тебя. На ж тебе красотку на подарочек!..» Он обернулся к своим есаулам: «Ну, вот вам! Обабился атаман ваш, сучьи дети?» — «Славно, батя! Нет лучше казака на всем свете!» — закричали все пьяными голосами. «Псы вы!» — вдруг заорал Стенька во весь голос и, упав на подушки, закрыл голову руками. «Пить!» — прохрипел он через минуту.

Зарин А.Е. Кровавый пир // Кровавый пир из времен бунта Стеньки Разина. *Зарин А.Е.* Кровавый пир: Роман; *Мордовцев Д.Л.* За чьи грехи? Повесть. М.: Современник, 1994. (Золотая летопись России). [= *Зарин А.Е.* Кровавый пир (1669–1672 гг.): Бунт Стеньки Разина: Исторический роман: В 6 ч. Ростов-н/Д.: Ф.С. Романович, 1901].

**19. Кинофильм «Понизовая вольница»
(«Стенька Разин»): пересказ сюжета (1908)**

Возвращаясь из Персии, Стенька Разин сильно полюбил княжну. <...> Преследуемый царскими войсками, Стенька Разин направлялся на Дон, где надеялся жить в безопасности, но красавица княжна была ему в этом большой помехой. Во-первых, Стенька Разин очень любил княжну и не желал с ней расставаться, во-вторых, потому, что у разбойника была жива жена и трое детей. Атаману следовало скорее плыть по Волге на Дон, а он нарочно делал часто остановки и по нескольку суток пировал с княжною на берегах Волги. Не раз говорили ему есаулы, что подобные остановки очень опасны, что их достигнет войско Государя, — надо спешить. Но Стенька Разин и слушать не хотел: он не желал оставлять красавицу княжну и насколько возможно желал продолжить свою связь, свое счастье с очаровательной персиянкой.

Получив отказ от атамана ускорить ход, помощники его, есаулы-разбойники, возмутились и сделали заговор против княжны, считая ее виновницей, что она покорила сердце атамана и имела большое влияние и поэтому расстраивала их планы к спасению. Разбойники сговорились во что бы то ни стало погубить княжну, что они и сделали. Зная, что Стенька Разин очень ревнив и когда был пьян, то делался зверем, разбойники умышленно напоили его пьяным и сообщили ему, что у княжны в Персии остался любовник. Стенька Разин в порыве злости и ревности кидает княжну в волны.

Сине-Фоно. 1908. № 2. С. 21–22.

Из интертитров:

Заговор разбойников против княжны. «Товарищи! Блажит наш атаман! Где видано, чтоб Атаман удалых молодцев якшался с бабами? Он дело забывает! Нам следует спешить на вольный Дон, нас окружает войско Государево. — Погибли мы! А он гуляет по неделям с

княжною басурманской! Придумал я, товарищи, сегодня же не будет этой чаровницы! Нам надо напоить допьяна атамана, тогда он делается зверем и ревность в нем проснется, а я в то время атаману подсуну письмо...»

Ревность заговорила. «Меня ли любишь одного, княжна, а может быть, дружок сердечный есть на родине?»

Заговор удался. «Выпей, атаман-батюшка, за удающую нашу понизовую вольницу, за княжну чаровницу, за весь народ честной».

«Мой милый принц Гассан, мне тяжело жить в тяжелой неволе, мне надоело быть в этом диком разгуле, я плачу, вспоминая о тебе, моей милой родине, садах душистых наших. Прости и не забудь меня. Твоя до гроба несчастная княжна».

Смерть княжны. «Волга-матушка, ты меня поила-кормила, на своих волнах укачивала. Прими мой дорогой подарок».

**20. Из книги П.Н. Краснова
«Картины былого Тихого Дона» (1909)**

Успех вскружил голову Разину. <...> Сам хмельной, с хмельными казаками, в роскошно убранных ладьях, с музыкой и песнями гулял разбойничий атаман по Волге. С ним сидела на лодке и персидская княжна, полюбившая всюю душой дикаря казака. И Разин ее любил. И вот, однажды, в хмельном угаре, Разин взял ее, прекрасную, убранную в парчовые наряды, увешанную золотом и камнями самоцветными, на руки, поднял над водой и воскликнул: «Волга! Ты славная река, ты доставила мне много богатств, злата и серебра. Ты мать моей славы! Я ничем еще не подарил тебя! Но я не останусь более неблагодарным!» И Разин бросил персиянку в глубокие волны Волги-реки.

Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб., 1909. Гл. «Разин».

21. Кинофильм «Стенька Разин»: пересказ сюжета (1914)

Сидя на утесе Жигулевском, любимом пристанище орлов, думает Степан могучие думы. Решает он наконец свои силы попробовать и сходит с утеса. Его встречает живущая подле утеса ведунья Алена и, введя в свою пещеру, дает ему великий завет: «Берегись женщины! В ней погибель твоя и всему делу твоему». С этим заветом в душе приходит Степан в свой дом и зовет младшего брата Фрола с собою. Жена Степана, казачка Настя, бросается перед ним на колени, умоляя не оставлять ее. Но Степан отталкивает ее. «Не жена ты мне больше, — говорит он. — Жена мне теперь Волга-матушка и вся Русь Крещеная!» <...> Менеды-хан собирает грозные силы и идет в поход. Берет он с собою дочь свою красавицу Фатиму и сына Шабалду. <...> Сцепившись с главным фрегатом, Стенька убивает Менеды-хана и ранит Шабалду. В это время из шатра выбегает Фатима и грудью заслоняет брата. Пораженный ее красотой, Степан роняет саблю и, схватив на руки красавицу, уносит ее из боя. <...> Манит его соблазн красавицы, но вспоминает он слова ведуньи — «берегись женщины». Не в силах победить свою страсть, идет атаман к шатру княжны, поражена она его приходом, но силою своей страсти атаман возбуждает в ней ответное чувство, и Фатима отдается могучим ласкам атамана. Утром собираются удальцы на совет. «Не пора ли нам со синя моря на матушку на Волгу, на быстру реку?» <...> Посылают удальцы за атаманом есаула Семена Алатырца. Семен, увидев княжну, поразился ее красотой, и западает ему в сердце любовь к княжне. Но он таит ее в себе. <...>

В отсутствие Разина оставшийся на струге Семен Алатырец под влиянием неудержной страсти убивает казака, стоявшего на страже у шатра княжны, и врывается к ней в шатер. Но не успевает овладеть ею, как возвращается атаман. С горечью убеждается атаман у трупа убитого товарища, что действительно гибель несет красота женщины всему делу его. Взволнованный этой мыслью, он прощает Семена, а ночью, во-

йдя к Фатиме, открывает ей данный ему завет ведуньи, указывая, что он начинает сбываться. «Мой повелитель, для тебя я готова умереть!» — восклицает княжна. «Завтра на пире все решится», — отвечает атаман. Во время пира, после дивной пляски царевны, под влиянием вина один из казаков кричит атаману: «Степан! Приходит конец казацкой воле, коли бабам власть давать». Поднимается со своего места атаман и берет на руки княжну. «Волга-матушка! — произносит он. — Много ты дала мне серебра, и золота, и всякого добра, а я еще ничем тебя не отблагодарил. Прими же великий дар мой!» И он бросает княжну в волны. Тогда Семен Алатырец бросается вслед за ней. Он вытаскивает ее тело на берег и, убедившись, что она мертва, клянется отомстить. <...>

Под Симбирском разыскала его жена Настя. Но он снова отталкивает ее. Настя узнает о любви Разина к княжне и, грозя атаману, убегает. <...> В жестокой битве атаман сталкивается с Семеном Алатырцем, перешедшим на сторону стрельцов <...> [который] ранил Разина. <...> Фрол и ударом кинжала убивает Семена. <...> Тайком перевозят они Степана в его дом. Ведунья Алена, почуяв беду с атаманом, приходит ему на помощь. <...> Отвергнутая Настя, проследив, куда скрылся Степан, выдает домовитым казакам местопребывание атамана, и они захватывают Степана в плен, а ведунью Алену сжигают. <...> В последнюю ночь перед казнью чудится Степану светлое видение княжны, будто они снова вместе. Но это лишь сон. Казнь неизбежна.

Сине-Фоно. 1914. № 4/5. С. 43.

22. Из исторического исследования С.И. Глебова «Жизнь и казнь Стеньки Разина» (1915)

...Атаман безымянной вольницы на Волге был не из таких, чтобы мог так скоро отдаться в руки своих преследователей, и <...> живой в руки не дался. Борясь до последней крайности, он этим самым вызвал

из трюма атамановой лодки на борт ту тень, которую он когда-то, еще в калмыцкой степи, ночью, вышедшую из тростника, схватил на руки и скрылся с нею во тьме ночи навсегда... Это была восточная красавица, одетая в парчу и бархат. Она появлением своим на мгновение остановила натиск нападающих и, изумившись тем, что тут происходит, крикнула на них властным голосом: «Что вы делаете с ним?» — указывая при этом на своего возлюбленного, атамана шайки, изнемогавшего в борьбе с наступающими на него, и, как тигрица, защищающая своих детей, бросилась вперед и заслонила его своей грудью. «Кто он?» — вдруг последовал из толпы нападавших вопрос, обращенный к восточной красавице. «Как кто? разве вы не знаете своего властелина?.. обладателя всеми народами здешних степей?..» — «Но как его имя?» — «Стенька Разин!..» Не дав ей договорить этих слов, атаман схватил ее поперек талии и, при словах отчаяния, впервые в жизни выкрикнутых им так сильно — «А, так и ты меня выдавать!..» — бросил ее в воду, забыв при этом то, что она, обнаружением перед ними его имени, только хотела спасти его, так как он говорил ей, что будто бы он властелин здешней страны и все, что здесь есть, ему покорно подчиняется... «А кто она такая?» — вдруг раздалось иа толпы, когда восточная красавица, быстро, погрузившись в волны реки, исчезла на дне ее навсегда... «Да это персидская царевна, которую он постоянно возил с собою!» — крикнул какой-то голос и замер в стоне толпы, завладевшей атаманом... Но эта красавица была дочь калмыцкого князька Юаты... «Маруся, и ты против меня!» — еще раз простонал голос Стеньки в толпе и в толпе и замер навсегда... Он, как видно, и в лице царевны своей любил образ его первой любви...

Глебов (Гнедич) С.И. Жизнь и казнь Стеньки Разина (Волжского атамана): Легенда: Историческое исследование по преданиям калмыков Астраханской губернии. Пг.: Кн. торг. Н.И. Кормушина, 1915. С. 96–99.

23а. Из «привольного» романа В. Каменского «Степан Разин» (1915)

На берег прибежала юная казачка Алена — знатная красавица черкасская. <...> Степан стал на колени: «Алена, ты судьба — невеста моя». <...> Так Алена стала женой Степана. <...>

В путь-дороженьку дальнюю снаряжались струги, — вот-вот, гордо выпятив груди-паруса, выплывут лебединой густой стаей и понесут волю крылатую вверх по Дону, а оттуда подымутся волоком и на Волге приют найдут. <...> Алена затомилась в слезах: «Степан, Степан! Делай, на что послан судьбой, — только не забывай ты Алену свою, покинутую женушку. Алену с малыыми детенышами. Не забывай, помни о нас, помни». <...>

Жадно, ненасытно полюбил Степан Волгу-раздольницу. <...>

Виделось Степану видение дивное — сон снился. Будто перед ним перворайский сад с деревьями до неба. А вся страна кругом — Персия. Будто ярко-пестрые, изгибные птицы качаются на плодоспелых ветвях и ломко кричат песнями о любви. Будто ходит по траве в изумрудных на ногах браслетах царевна персидская. Будто Степана ждет не дождется. Все смотрит в дальнюю сторону. Ждет. В томлении руки лебединые заламывает. Поет свою девичью о суженом. Ждет. Вся — как густое пахучее вино у губ. И будто вся — для Степана.

<...> Пустился на парусах холщовых по морю Хвалынскому — морю Каспийскому в желанную, заманчивую Персию, в город Решт, где жил принц персидский Аджар, жил да богатейшую торговлю шелками вел с Астраханью. <...> Знал об этом Степан и еще знал о том, что у Аджара есть дочь Мейран, умная красавица, та самая чудесная принцесса, что когда-то в грозовую ночь снилась, будто ждет не дождется драгоценного волжского знатного гостя. <...>

А как встретил Степан принцессу персидскую — утонул в любви нахлынувшей, будто на дно морское опустился: такая Мейран приворожная, невиданной

красы чаровницей была. И сразу сердце свое девичье в сердце Степана вложила, будто ключ в замок. И тем ключом открыла сокровища несказанные, клад заповедный: душу, как море Хвалынское, сердце, как солнце утреннее, глаза, как два полумесяца, слова, как гусли привезенные, и ласка — вина пьянее. В лунные ночи в саду апельсиновом бродил Степан с гуслиями и под окнами у резного балкона Мейран пел в истоме трепетной:

Сад твой зеленый,
Сад апельсиновый.
Полюбил персиянку за тишь.
Я — парень ядреный,
Дубовый, осиновый,
А вот тоскую —
Поди ж.
Видно, песни царевны чаруйным огнем
Пришлись по нутру.
С сердцем, пьяным любовным вином,
Встаю поутру
И пою:
Сад твой зеленый,
Сад апельсиновый.
Ой, Мейран:
Чуду приспело
Родиться недолго —
Струги легки и быстры.
Со славой-победой
Увезу я на Волгу
Зажигать удалые костры.

Мейран слушала и тайно ждала близкой встречи со Степаном. По персидскому обычаю, как женщине, ей нельзя было видеть Степана дома. И только в дни дворцовой охоты она могла среди природы и всяких случайностей видеть близко чужих мужчин. Степан узнал об этом и быстро добился у принца назначения дворцовой охоты на тигров. Сборы были торжественные, суетливые, праздничные. <...> В первом паланкине сидел принц, рядом по левую сторону несли его

дочь, принцессу Мейран, а по правую — несли Степана. <...> Степан распевал песни, взглядывая ясным соколом на Мейран. А Мейран боялась от счастья поднять свои тихие бархатные очи, предчувствуя желанный час первых огневых объятий, первых мучительных прикосновений, снявшихся так часто утром. <...> заметив, что принц отошел довольно далеко, быстрым мягким движением очутился в паланкине Мейран. Он крепко обвил сильными руками трепетное тело принцессы и пламенными поцелуями зажег незагазные рубиновые костры любви. Мейран произнесла только одно слово — «аббас», что означало — победитель. <...>

Завязался бой. <...> Запылал костром дворец кипарисовый, а перед тем удалыцы собрали все несметные богатства принца и уволокли на струги: золото, серебро, камня-самоцветы, ковры, шелк, бархат, вино. <...> В шелковый ковер завернул Степан принцессу и унес на свой атаманский струг. <...> А на атаманском корабле — новом Соколе, в шелковом шатре, на пуховых перинах, подушками обложенная, заплетая свои двенадцать тонких кос, сидела Мейран, будто ночь в горах черноокая, будто заря предрассветная, юная, улыбочатая, — и близкая, и далекая. Ненаглядно глядел Степан на любимую. <...>

Невестой нарядилась подвенечно Астрахань. <...> Все, как жениха, ждали Степана с понизовой вольницей из персидского похода, что на весь свет славой раскатился. <...> Алым бархатом затянуты борты Сокола, пол устлан коврами, канаты, веревки обернуты в цветистые ткани. <...> Около ног Степана, в желтой, полуоткрытой палатке, расшитой золотым шнуром, сидела на синей высокой подушке персидская принцесса, сияя бриллиантовым на голове полумесяцем. <...> «И то правда, что осудят тебя за отца твоего, да и меня осудят, что с царевной связался, а, видно, у любви свой суд есть, свои дороги неосудные. Вот люблю я тебя, Мейран, огненно люблю, и в этой любви — крылья мои, веселье мое и молодость, будто твой сад апельсиновый». <...> И Мейран пела разливно-ломко, пела огненно-пьяно, пела близко-чаруйно:

Ай, пестритесь, ковры мои,
 Моя Персия,
 Ай, чернитесь, брови мои,
 Губы-кораллы.
 Чарн-чаллы.
 Ай, падайте на тахту
 С ног браслеты.
 Я ищу — где ты.
 Ай, желтая, звездная Персия,
 Кальяном душистым
 Опьянилась душа,
 Под одеялом шурша.
 Ай, в полумесяце жгучая —
 Моя вера — коран.
 Я вся змея гремучая —
 Твоя Мейран.
 Ай, все пройдет,
 Все умрут.
 С знойногих ног
 Сами спадут
 Бирюза, изумруд.
 Ай, ночь в синем разливная,
 А в сердце ало вино.
 Грудь моя спелая, дивная.
 Я вся — раскрытое окно.
 Ай, мой Зарем, мой гарем,
 Моя Персия.

Степан, обхватив свою пьяную голову, отвечал со слезами песней кручинной:

А там, на зыбкой стреженн,
 Где льется песня горская,
 Тоскуют две судьбы-жены, —
 Донская да заморская.

И буйно думал, необузданным конем по степи бескрайной печали метался, горел болью пленника слабостей ветхого человека: «Мейран и Алена... Что это? Как понять и решить? Как разделить себя на две доли — на

две лестницы в один рай, на две виселицы для одной жизни? Две любви, два берега. А пристало ли атаману приставать к берегам любви?» <...> Удалая вольница весело, шумно собиралась на Дон домой зиму зимовать. Загостились нежданно. Ладили, думали раньше уехать, да Степан все откладывал, будто ждал чего, а чего — и сам не знал. Не меньше других Степану хотелось домой вернуться. Дома давно ждали дети да жена Алена. Вечером, наконец, был назначен прощальный пир. Надо было с Волгой-матушкой проститься да воспеть ее благодарными песнями. <...>

«Столько радостей Волга нанесла, а ты кручинишься. Должно, излишек есть?» — «Излишек и есть. Два счастья разделить надо. Много мне двух богатств для одного сердца». — «Знамо, что принцесса лишняя, али мы не чуем, все чуем, разумеем, жалеем, — вздыхал Васька Ус, — баба в походах — беда сущая. Разве до любовницы тут, до любви колдовской, когда дело народное пожаром торопит. Да и вольница в недовольстве томится. До бабы ли нам?» <...> «А я тебе, Степан, вот что поведаю, — обнял брата Фрол, — утром позвала меня Мейран к себе и сказала: прощай, Фрол, не хочу я с вами на Дон ехать, не хочу Степану больше в тягость быть, не хочу и вам мешать, а что хочу, про то сама Степану на прощальном пиру сегодня открою». <...>

Принцесса, нарядная, в каменьях да в золоте, вышла встречать и села калачиком заморским на высоком носовом борту Сокола, где — пушка. <...> И чем глубже смотрела на него Мейран, тем жарче и яростнее, тем мучительнее и огневее сплетались слова, полные прощального трепета и разлуки. <...> Степан поднялся, выбрал дорогой кубок, наполнил вином и обратился к Волге: «Эй, ты, Волга, прощай, наша матушка, наша любимица сердешная, прощай! Вдоволь ты наделила нас славой, почестями, с головы до ног осыпала серебром, золотом да каменьями самоцветными, многоценными. Спасибо тебе от единого сердца всей понизовой вольницы, от пьяного друга Степана. На, возьми мою чару! Выпей до дна!» Степан бросил в Волгу золотой кубок. <...> Гости тоже побросали свои чарки серебряные и на закуску плоды со стола. <...>

В раскаленной тоске припала знойным телом к Степану Мейран. Она не сводила с него бархатных глаз, будто жадно допивала до дна кубок своих последних минут. Задыхаясь от грядущей неизбежности, она отрывисто шептала Степану: «Пойми и сделай так. Прошу, повелитель, исполни. Скорей. Пока еще темно. Много вина выпила с тобой. Много счастья. Спасибо, родимый, единственный. Начало мое и конец мой. Песня из сада дней моих. Любовь неземная. Возьми. Подыми на своих сильных руках высоко. К небу. И брось в Волгу. Так хочу. Подари меня Волге. Мне не страшно. Нет. Я тебе буду петь. Слышишь. Буду петь о любви. Скорей. Звезды, что лежат на дне Волги, возьмут меня. Возьмут к себе звезды. Сделай так, повелитель, любимый мой. Волга унесет меня в Персию».

На вытянутых руках гордо вынес Степан из палатки полуобнаженную принцессу. Вынес и стал с ней посреди палубы в круге пира. Все смолкли, как перед чудом. Принцесса змеино обвила голыми руками могучую шею Степана и несводно смотрела с огненной любовью-скорбью в небомудрые детские глаза возлюбленного. <...>

«Пришел час разлучный, тяжкий, назначенный. Улетает от нас заморская лебедь-принцесса персидская. Догорает любовь моя безбрежная. Кончается песня любинная. Волга, Волга, и прими, и храни, и неси, неси бережно с любовью до берегов персидских. Приюти сердешный, последний завет мой. Как принял я, как хранил я, как любил я. Неси и передай там крыльям утренним, покою небесному, садам цветущим. А ты, принцесса, прости меня, удальца отпетого, прости и благослови на вечную тоску по тебе, возлюбленная, прости. Я исполняю мудрую волю твою. Прощай, красота. Прощай!»

Степан поднял с полу свой алобархатный кафтан, завернул в него принцессу, связал узлом кафтанные рукава на ее груди, припал к устам долгим поцелуем, подошел к борту, шатаясь от мученских слез, и со всего размаху кинул принцессу в Волгу.

«Эхх-ма! Прощай, счастье!» И не стало принцессы. Степан впился осиротевшими глазами в синее место,

куда упала принцесса. Слезы жгучим источником струились на грудь. Руки остались протянутыми. <...> Васька Ус налил кубок вина, протянул его Степану: «На, Степан, выпей за помин. Не тужи. Будем жить». — «Нет». <...> И Степан, разом выпив до дна кубок, неожиданно бросился в Волгу вниз головой. <...> За Степаном бросились в Волгу спасать и Васька Ус, и Фрол, и все друг за другом. И когда спасли и вытащили Степана <...> Степан крепко обнялся с друзьями за пьяным столом. Много он пил вина, жадно запивал свое горе-тоску, много пел, заглушая сердце, много и слезно рыдал, вспоминая принцессу. <...> Степан взметнулся, вскочил, за грудь схватился, будто сердце захотел вырвать, на предрассветную зарю устремился: «А я заодно и другую любовь в Волге утоплю...»

В Черкасске, в хате Степана, приготовились, как в пасхальной заутрене, — ко встрече хозяина. <...> Алена, в малиновом сарафане, в синем повойнике, в сафьянных ботинках стояла у ворот. Ждала. <...> «Алена, приведи ребяток на место тайное, где укажем тебе, — там и свидимся. А ко мне нельзя — неровен час — соглядатаи царские уследят: беда вам потом будет, ежели случится что недоброе». — «Да кого боишься ты?» — «Врагов много тут. Знаем. <...> Корнило Яковлев про то лучше нас знает и стережет нас, как добычу знатную». <...> «Дядя Корнило не выдаст — зря ты злодеем его считаешь. <...> Али за то простить ему не можешь, что про княжну персидскую Корнило поведал всю правду, да об этом и без него все знают. Все осудили тебя за княжну. Только один Корнило утешал меня да просил этот грех простить тебе. И простила я, и злобы не таю». — «А что поминать лихом княжну персидскую, когда в Волге утопил я ее, любовь свою, да заодно и от тебя отрешился, чтобы не знать, не ведать в себе ветхого человека, сердцем в любви болеющего. Не для себя и не легко отрешился от любви, что жила во мне пленом сладостным и дороги-пути мои путала, а раз отрешился — так и быть тому. И ты, Алена, уразумей и прости это. Я не враг, а верный друг тебе, и верным останусь». <...> С поникшей головой, с душой, запертой на замок молчания, с сокрушенным сердцем вышла Алена от Степана. Фрол

проводил. Черные люди следили, черные люди стерегли добычу. И чернота ночная скрыла предателей. <...> И когда один за другим кинулись на помощь удалыцы, разбившись поодиночке, из засады выскочила стая черных воронов и вцепилась в добычу.

Каменский В.В. Степан Разин: Привольный роман // Каменский В.В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. Кафе поэтов / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Г. Никитина; ил. Ю.П. Реброва. М.: Правда, 1991. С. 26–27, 40, 93–94, 99, 103, 117–118, 122–124, 129.

24. Из поэмы В. Каменского «Степан Разин» (1927–1928)

И в заморском
Персидском краю —
Огневее пожара —
В ночь
Полюбила
Степану в раю
Птица Мейран —
Принца Аджара дочь.
При янтарной
Игре полумесяца
Атаман,
Под туман,
Только как очи
Принцессы засветятся,
Пел Мейран.
<...>
Просвистел кистень гостей.
Ну и пир!
Не пир — гора.
Реки льются серебра:
Сабли — востры,
Персы — пестры,
Кровь — узорнее ковра.
Ну и пир!
Не пир — гора.

Разгулялась вольница
Во дворе султана,
Нагрузилась гольница
Золотом-добром,
И снялась застольница
Соколиным станом, —
Понеслась раздольница,
Как весенний гром.
Из заморских тех стран
Победитель-чудесник
Степан вывез Мейран
Под гусярские песни.
<...>

А на ковре атаманском,
На тегеранском ковре,
На заре,
Шею Степана обвив,
Пела Мейран о любви.
<...>

Слушал Степан
Зачаруйный дурман,
Слушал Степан
Эту песню Мейран,
Слушал, как пьян
От любви, атаман.
Хмурился:
Персиянка
Хвалена —
Любовница
Смелая.
Две любви:
Мейран
да
Алена, —
Лебедь черная,
Лебедь белая.
Не много ль любви?
Алена — донская,
А эта — заморская.
Не много ль любви?
Да и след ли

Атаману
 В тумане бродить?
 Будто глаза
 Ослепли
 И камнем любовь
 Залегла в груди.
 Будто впрямь
 Потерял высоту, —
 Заблудился
 На склоне осиновом
 Да запел:
 «Не живать мне в саду,
 Не бывать в апельсиновом».
 Волга для вольницы
 Счастьем течет, —
 Отцу Тимофеичу
 Знатный почет:
 От края до края
 Холопская голь
 Власть свою правит
 По Волге в раздоль.
 Победы разгулом,
 Весельями дразнятся,
 Да только огулом
 Ругаются разинцы:
 «А ну ее к рожну —
 Персидскую княжну!
 В Волгу дунь ее,
 Колдунью.
 Не до баб нам, атаман,
 Когда с войском караван
 От царя идет в заимку.
 А ты с бабой спишь в обнимку.
 Слышь?
 Дунь!
 Кинь!
 Брось!
 А то
     сердце
 с нами
     врозь.

Брось!»
 <...>
 На струг вышел Степан
 Из шатровой завесы,
 А в руках — гибкий стан
 Извивался принцессы.
 Взмах!
 И брызги алмазные
 Ослепили глаза.
 Песни бражные, праздные
 Разлила бирюза.
 Прощай!
 Степан, как в бреду,
 Утопил княжну
 И вот,
 Воем выл псиновым:
 «Не живать мне в саду,
 Не бывать в апельсиновом».
 Там,
 На зыбкой стремени,
 Затихла песня горская, —
 В любви погибли две жены —
 Донская да заморская.

Каменский В. Степан Разин: поэма // Каменский В.В. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова. М., Л.: Сов. писатель, 1966. С. 151–180 (№ 76).

25. М. Цветаева. «Стенька Разин» (1917)

1.
 Ветры спать ушли — с золотой зарей,
 Ночь подходит — каменной горой,
 И с своей княжною из жарких стран
 Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
 Да заслушался, запрокинув лоб,
 Как гремит над жарким его шатром
 Соловьиный гром.

2.
 А над Волгой — ночь,
 А над Волгой — сон.
 Расстелили ковры узорные,
 И возлег на них атаман с княжной
 Персиянкою — Брови Черные.

И не видно звезд, и не слышно волн,
 Только весла да темь кромешная!
 И уносит в ночь атаманов челн
 Персиянскую душу грешную.

И услышала
 Ночь — такую речь:
 — Аль не хочешь, что ль,
 Потеснее лечь?
 Ты меж наших баб —
 Что жемчужинка!
 Аль уж страшен так?
 Я твой вечный раб,
 Персияночка!
 Полоняночка!

=====

А она — брови насупила,
 Брови длинные.
 А она — очи потупила
 Персиянские.
 И из уст ее —
 Только вздох один:
 — Джаль — Эддин!

=====

А над Волгой — заря румяная,
 А над Волгой — рай.
 И грохочет ватага пьяная:
 — Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
 Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она — что смерть,
 Рот закушен в кровь. —
 Так и ходит атаманова крутая бровь.

— Не поладила ты с нашею постелью,
 Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то — ясно,
 Темно — на дне.
 Красный один
 Башмачок на корме.

И стоит Степан — ровно грозный дуб,
 Побелел Степан — аж до самых губ.
 Закачался, зашатался. — Ох, томно!
 Поддержите, нехристи, — в очах темно!

Вот и вся тебе персияночка,
 Полоняночка.

3 (С о н Р а з и н а).
 И снится Разину — сон:
 Словно плачется болотная цапля.
 И снится Разину — звон:
 Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину дно:
 Цветами — что плат ковровый.
 И снится лицо одно —
 Забытое, чернобровое.

Сидит, ровно Божья Мать,
 Да жемчуг на нитку нижет.
 И хочет он ей сказать,
 Да только губами движет...

Сдавило дыханье — аж
 Стекланный, в груди, осколок.
 И ходит, как сонный страж,
 Стекланный — меж ними — полог.

=====

Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!

И звенят — звенят, звенят — звенят запястья:
— Затонуло ты, Степаново счастье!

Цветаева М. Стенька Разин // Избр. произв. / Вступ ст. Вл. Орлова; сост., погот. текста и примеч. А. Эфрон и А. Сакянц. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. № 86–88. (Биб-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).

26. Из «исторической драмы» Е.П. Савельева «Степан Разин» (1917)

Акт II. Картина 1-я. Явление 1-е

Бандурист (продолжает).

Лишь ушел один Менед-Хан в малой лодочке
И отдал в полон Степану дочь-красавицу,
Вместе с сыном, со Дебеем, храбрым воином.
Первый казак.

Красавица княжна пленила атамана,
Все дни и ночи носится он с ней...

Другой.

И толку от этого не выйдет никакого.

Третий.

Не время с бабами возиться казаку!

Другое мыслим мы, другое дело,

Нам предстоит померяться с Москвой.

Картина 4-я. Явление 1-е

Разукрашенный атаманский струг «Сокол» носится по волнам Волги. Разин пирует вовсю. Шум, гам и крики. Возле Разина на широкой корме вся в золоте, бриллиан-

тах и жемчуге полулежит красавица княжна. Она то ласково глядит в глаза атаману, то вздрагивает и прижимается к нему, то, опустив голову, сидит неподвижно. <...>

Разин (с чувством).

Волга-мать, река родная,
Древних витязей река,
На груди своей широкой
Ты вскормила казака,
Буйной силы, буйной воли
И свободного душой,
Честью, славой наградила,
И почетом, и казной...

Все, что в сердце он лелеял,
Получил он, как просил,
Но тебя, река родная,
Он ничем не отдал...

(Задумывается. Казаки перемаргиваются. Из среды их выскакивает маленький рыжеусенький казачок и высоким, с разными вариациями тенорком запекает.)

Запевало.

Уж те я ль, не я ль вскормила
Удалого молодца,
Счастьем, счастьем наделила,
Натешила без конца.

Хор (с бубнами и бандурами).

Правда, правда, правда, люли...

Натешила без конца. *(Два раза.)* <...>

Запевало.

Даже пленную красотку

Приютила я, как мать,

Но та сбила его с толку...

Вышло дело — наплевать.

<...>

Позабыл меня детина,

Разудалый атаман, —

Знать, заморская девчина...

Хор.

Завела его в капкан.

Это правда, это правда,

Завела его в капкан.

(Разин нахмурился, как грозная туча.)

З а п е в а л о.

На красавицу иную,
Что досталась в ясак,
Променял он мать родную
И обабился, казак.
<...>

Р а з и н (*вскакивая и хватаясь за шашку*).

Как ты сказал? обабился?
Нет, врешь, паскудный сын! собака!
Ч е р н о я р е ц.

Да, да!
Не обижайся, атаман!

Г о л о с а к а з а к о в.

— Заврала в руки персиянка!
— Свое ты дело позабыл!
— Что толку в пленнице?
— Не время

Возиться с бабой казаку!
— Пора тебе с ней развязаться!
— Пора и крылья распустить.

<...>

Р а з и н (*в ярости*).

Так нет же, нет!

(Хватает княжну на руки и несет к борту. Та бьется и кричит).

К н я ж н а.

— Степан!.. ты любишь...
Ведь я твоя... ханым... твоя...

Р а з и н (*С исступлением*).

Бери, мать-Волга! На, родная,
Как дар донского казака.

За честь, за славу, за богатство.

(Бросает княжну в воду).

За все... за все...

(Хватается за голову).

(Княжна при падении испускает дикий крик. От волн вверх летят брызги. Ее моментально засасывает под струг. Все казаки стоят в недоумении.)

Савельев Е. Степан Разин: Историческая драма. Новочеркасск, 1917. С. 20–21, 35, 44–45.

27. «Стенька-разин»: Из эстонского солдатского альбома (1917)

Изъ-за острова на Вольгу
На просторь рѣчной вольны
Выплывають расписныя
Стенька разина чельны
[*Стоит пометка '2'.*]

На перенимъ Стенька разинъ
Онъ съ красавицей княжной
Свадбу новую справляетъ
Самъ разгульный и хмельной

Позади он слышитъ ропоть
Нась на бабу променялъ
Одну ночь с ней провосился
Сам наутро бабой сталъ
Эти ропоть и насмешки
Слышитъ грозный <нрзб.>
[атаман?]

И могучею рукою обнялъ
Онъ прелестный стал [стан?]

Быстро к[г]ровью налилися
Отамановы глаза
Брови черные сошлися
Собиралася гроза
[*Стоит пометка 'б'.*]

Ничего не пожелаю
Буйину голову отаманъ
Раздался голос власный
По окресным берегамъ

А княжна потупивъ очи
Не жива и не мертва
Только слушаетъ хмельныя
Неразумныя слова

Вольга, Вольга мать родная
Вольга русская рѣка
Не видала ты подарка
Отъ Донского казака

Чтобы не было разговорю
Между вольными людьми
Вольга, Вольга мать родная
На красавицу возми

Мрачнымъ [?] взмахомъ по-
дымае¹
Онъ красавицу княжну
И за борт ея бросает²

Размахнулся в Вольгу
Бросил свой подарок
И задумался глубокод[з]
Надъ бурливаю рѣкой

Что ж вы черти приуныли
Пойте песни и гуляйте [?]
Грянем, братья удалую
На поминъ ее души!

Эстонский литературный музей (Eesti Kirjandusmuuseum, Tartu). Шифр ERA AK 239. Л. 22–24. К альбому приложена записка на которой говорится, что альбом принадлежал Salme Tammsoo (в девичестве Rūmana) и в нем записаны тексты песен и стихи для запоминания, первые записи — с 10 сентября 1917 г. Благодарю М.Д. Волкову, предоставившую мне этот материал. ^{2 3}

² Слово не поместилось на странице.

³ Пометка по-эстонски карандашом <нрзб.>.

28. «Из-за города Кронштадта» [Антибольшевистский памфлет (1917)]

Из-за города Кронштадта На простор реки Невы Выплывает много лодок, В них сидят большевики.	А она, забыв массажи, Только шепчет «не сердчай», И кусками сыплет пудра С вечно юной Коллонтай.
На передней Колька Ленин С Коллонтайкою мадам, Свадьбу новую справляет Русь продавший немцам хам.	«Ничего не пожалею, — Заорал тогда шпион, — Чтобы даром не сажали В plombированный вагон.
Позади их слышен ропот: Пропадет владыка наш, Он идею большевизма Отдал ночью за массаж.	И чтоб не было раздора Между бандой подкупной, Ты, рассадница холеры, О Нева, прими дар мой».
Этот ропот и насмешки Слышит Ленин невзначай И продажною рукою Обнял крепче Коллонтай.	Мощным взмахом поднимает Ленин фрау Коллонтай И за борт ее бросает, «Доннер веттер» наших знай.
Плешь широкая вспотела, Рассердился он зело, Под рукою затрещало Непокорное весло.	Что ж вы, черти, приуныли Аль не видели чудес? Грянем, братцы, удалую, И пусть пляшет Нахамкес.

Неизвестная Россия: XX век: В 4 т. М.: Историческое наследие. 1993. Т. 4. С. 392–393.

29. Из драматического действия «Стенька Разин» А.М. Ремизова (между 1917 и 1921)

Разин гуляет с товарищами на Волге. В струге: пленница персидская царевна и Маша, его первая пощаженная встреча.

Песня «Из-за острова на стрежень...» Играют свадьбу: на струге елка, украшенная лентами, вокруг елки Разин обходит с персидской царевной.

Р а з и н. — Вам всем воля! Гуляй на воле вволю!
(Персидский танец: пляшет персидская царевна.)
Разин очарован пляской царевны.

М а ш а (в стороне: не узнать ей Степана!). — Стенюшка ли это милый?

Х о р А. Она — его первая пощаженная встреча. Все он отнял: отца ее убил, мать ее убил, братьев ее убил, только ее — Да полукаменный купеческий дом. — Клялся ей: быть ей верным. А вот взял другую. — Та для него все, а на Машу и не смотрит.

Х о р Б. Отомстит он обиду народную. — Нет на свете и не было, кто бы мог погубить его. — Турецкое царство разбил. — Азовское море и море Каспийское держит в грозе. — Ни воевод не боится, не боится и того, кто повыше, — царя. — «На что, говорит, попы и церкви? Венчаться? Пропляшите вокруг куста — вот и повенчались». — Лизнул он заветный камень и все узнал, что есть на свете. — Ни в чем страха не знает. — Саропский лес преклонился перед ним до земли. — Три стороны тебе воля, иди куда хочешь, гуляй вовсю, а в четвертую сторону ни по́-ногу⁴, своих не тронь: за родину проклянет народ.

Х о р А. Променял Степан Машу на персидскую царевну. [М а ш а.] Что ж, променял! Так, значит, судьба. За себя я простила, а другое не прощаю! (*Кричит к Хору.*) Стенька — изменник! Околдовала его персидская царевна: он меня предал и всех вас предаст!

(*Царевна остановилась, не танцует: беду почуяла, хоронится к Разину.*)

[Р а з и н.] Сейчас он весь в себе — в своей щедрой доле. Он не слышит ропота, чудящегося в замирающей песне: «Волга, Волга, мать родная...» (*Поднялся.*) Ах ты, матушка-Волга, / великая река! / Много дала ты мне / и золота, и серебра, / и всего доброго, / как отец и мать, / славою и честью меня наделила, / а я тебя еще ничем не отдал. (*С диким порывом схватил царевну.*) На ж тебе, возьми! (*И бросил в Волгу.*) На миг все затихло, окостенело. Только в волнах Волги похороненное: «Со Святыми упокой...»

М а ш а (к Разину). Вождь вольницы! Мститель народным лиходеям! Заступник обиженных и гонимых. За тобой — Волга, за тобой — вся черная Русь!

⁴ *Идти ногá-по́-ногу* — ‘тащиться, плестись’ (Даль, II. С. 551).

Разин об руку с Машей. Вам воля! Гуляй!
 Песня «Из-за острова на стрежень...». Неистовый пляс:
 вся голутвенная Русь гуляет —
 много пито,
 много бито,
 много граблено!

Ремизов А.[М.] Стенька Разин: драматическое действо /
 Публ. и заметка А.М. Грачевой // Театр и литература: Сб. ст.
 к 95-летию А.А. Гозенпуда. СПб.: Наука, 2003. С. 594–596.

30. Из сценария А.М. Горького «Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666–1668 годов» (1921)

Люди, увлеченные грабежом, не слушают атамана. Двое тащат к реке бабу, она бьется в их руках. Разин вырывает ее, она упала, а он, схватив казаков за волосы, бьет их голова об голову, оба замертво валятся с ног. <...> Баба, красивая, дородная, сидя на земле, смотрит на него со страхом и удивлением, он поднимает ее за руку: «Ты... как зовут?» — «Домна». — «Хошь со мной... Ну?» — «Ух, властен ты, ух, силен». — «Иди, одень казацкое платье... я тебя возьму...» <...> Один из хуторян, связанный, лежа на земле, поднимает вслед им голову и смотрит, оскалив зубы. <...>

У реки, под кустами ракичника, лежит вверх лицом Степан Разин, голова его на коленях Домны, одетой в богатый казацкий кафтан. Она поет, расчесывая гребнем волосы Разина. <...> Домна прижимается к Разину, он отводит ее локтем, кладет руку на голову ей, нахмурился. «Одна ты баба во всем стане. Нехорошо мне отличаться перед товарищами, нехорошо. А — мила ты мне. Как быть-то?» <...> Разин и Домна на берегу реки. Следя за ними, из кустов выглядывает казак. Разин стоит, обняв Домну за плечи. <...> Казак, выскочив из кустов, бьет женщину ножом в спину, она, взмахнув руками, падает. Казак бросается на Разина, тот, отскочив, подставил ему ногу, казак упал, Разин верхом на нем. «За что убил?» — «Жена моя». Вырвав нож из рук казака, Разин отбросил его в сторону, встал и толкнул убийцу ногою.

Казак встал. Смотрят друг на друга. «Надо бы убить тебя, да — не хочу. Может, это на мою удачу сделал ты. Мила она сердцу, а — мешала мне. Ступай! Пусть грех твой чирьем на душу сядет тебе. Иди прочь, собака!» <...>

В П е р с и и. Ведут старика Менеды-хана, с дочерью и сыном. Разин срывает чадру с головы девушки, брат ее бросается на Разина, Разин, схватив его за горло, взмахнул саблей, — Менеды-хан падает к ногам Разина. «Не убивай, дадим богатый выкуп!» Девушка тоже бросилась к ногам Разина, умоляюще подняв руки. Он медленно опускает саблю, отталкивает ее брата, поднимает девицу с земли. «Э т у — м н е!» Властно приказывает отвести персиянку на его судно.

Шатер на судне Разина, устроенный из персидских тканей и ковров. В шатре на коврах и подушках полулежит персидская княжна и упорно смотрит на Разина. Задумчиво любуясь ею, он сидит рядом. <...> «Х о р о - ш о м н е с т о б о ю , д а н е м а я т ы , и я — н е м о й». Красота персиянки усыпляет волю Разина, улыбаясь, он мечтает о тихой, спокойной жизни с нею, он гладит волосы ее, грустно и ласково улыбаясь; она жметя к нему, целует его руки и, неотрывно глядя в глаза его высасывающим взглядом, что-то говорит, отвечая на его слова.

Песня, хохот на носу судна все буйнее, люди издеваются над увлечением атамана. Певец встал на ноги и поет, обратись в сторону шатра. Лицо Разина грозно нахмурено, он привстал, слушая песню, схватился за саблю, княжна ласкается к нему. «Они смеются надо мной?.. Они смеются... Подожди!..» Оттолкнул ее, идет. <...>

Разин около княжны, сидит, схватив голову руками, она смотрит в лицо ему, положив локти на колени. «Куда ты меня зовешь, девушка? К тихой жизни? Это — не для меня. Я затеял большое дело, я хочу освободить людей от Москвы, от царя, а ты...» <...> Женщина, победно улыбаясь, обнимает его, Разин вскакивает на ноги, безумно оглядывается и, схватив княжну на руки, жадно целует ее. «Н е т ! П р о щ а й!» Разин бросает княжну за борт и, с ужасом на лице, смотрит на реку, провожая взглядом уплывающее тело. Между тканями шатра изумленные, испуганные лица казаков, постепенно они окружают ата-

мана, глядя на него с восторгом, машут шапками, кричат. Пьяный Фролка бросает в реку подушки, пляшет. Разин смотрит на всех угрюмо и властным движением руки прогоняет их прочь. Остается один, смотрит вдаль и, нахмураясь, что-то шепчет. На корме Разин хмуро смотрит на берег, потом, с досадой сорвав шапку, бросает ее в воду.

Горький А.М. Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666–1668 годов: Сценарий // Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. XVIII: Пьесы, сценарии, инсценировки. 1921–1935. С. 239–281.

31. Из поэмы В.А. Гиляровского «Стенька Разин» (1922)

Вот Волги-матушки широкой
И моря Каспия простор...
Его ватага удалая —
Поволжья бурная гроза...
И персиянка молодая,
Она пред ним... Ее глаза
Полны слезой, полны любовью,
Полны восторженной мечты...
Вот руки, облитые кровью, —
И нет на свете красоты! <...>
Лишь глаза, словно ночь,
Черным блеском кого-то искали
Близ помоста и сзади вдали...
Яркой радостью вдруг засверкали,
Знать, желанные очи нашли! <...>
А в толпе среди шума и гула
Слышно — женщина плачет вдали.
Вот ее-то своими глазами
Атаман меж народа искал,
Поцелуй огневными очами
Перед смертью он ей посылал.

Гиляровский В.А. Соч.: В 4 т. / Сост. И. Есина. М.: Правда, 1989. Т. 4. С. 181–182 (= М.: Берендеи, [1922]; Степан Разин. М.; Л.: Гиз, 1925).

32. Из поэмы В. Хлебникова «Уструг Разина» (1921–1922)

По затону трех покойников,
Где лишь лебеда лучи,
Вышел парусник разбойников
Иступить свои мечи.
Засунув меч кривой за пояс,
Ленивою осанкою покоясь,
В свой пояс шелковомалиновый
Кремни для пороха засунув,
Пока шумит волны о сыне вой
Среди взволнованных бурунов.
<...>
И плахи медленные взмахи
Хвалили вольные галахи.
Была повольницей полна
Уструга узкая корма,
Где пучина, для почина
Силу бурь удесятеря,
Волги синяя овчина
На плечах богатыря.
Он стоит полунагой,
Горит пояса насечка,
И железное колечко
Опускается серьгой.
<...>
На уструге тлеет заговор.
Бубна гром и песни дуд.
И прославленные в селах
Пастухи ножей веселых
Речи тихие ведут:
«От отечества, оттоле
Отманил нас отаман.
Волга-мать не видит пищи,
Время жертвы и жратвы.
Или разумом ты нищий,
Богатырь без головы?
Развяжи кошель и грош
Бедной девки в воду брось!
Куксит, плачет целый день.

Это дело — дребедень.
 Закопченную девчонкой
 Накорми страну плотвы.
 В гневе праведном сердая,
 Волга бьется, правды чая.
 Наша вера — кровь и зарево,
 Наше слово — государево».

Богатырь поставил бревна
 Твердых ног на доски палубы,
 Произнес зарок сыновний,
 Чтоб река не голодала бы.
 Над голодную столицей
 Одичавших волн
 Воин вод свиреполицый,
 Тот, кому молился челн,
 Не увидел тени жалобы.
 И уроком поздних лет
 Прогремел его обет:
 «К богу-могу эту куклу!
 Девы-мевы, руки-муки,
 Косы-мосы, очи-мочи!
 Голубая Волга — на!
 Ты боярами оболгана!»
 Волге долго не молчится.
 Ей ворчится, как волчице.
 Волны Волги — точно волки,
 Ветер бешеной погоды.
 Вьется шелковый лоскут.
 И у Волги у голодной
 Слюни голода текут.
 Волга воет, Волга скачет
 Без лица и без конца.
 В буревой волне маячит
 Ляля буйного донца.
 «Нам глаза ее тошны.
 Развяжи узлы мошны.
 Иль тебе в часы досуга
 Шелк волос милей кольчуги?»
 «Баба-птица ловит рыбу,
 Прячет в кожаный мешок.
 Нас застенок ждет и дыба,

Кровь прольется на вершок».

И морю утихнуть легко,
 И ветру свирепствовать лень.
 Как будто веселый дядько,
 По пояс несется тюлень.

Хлебников В. Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова; сост., подгот. текста и и коммент. В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. С. 359–362 (№ 219) [= ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств / Отв. ред. В. Маяковский. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. № 1. Март. С. 58–60].

33. Из исторического романа А.П. Чапыгина «Разин Степан» (1926–1927)

Струг задрожал. Мокеев перешагнул борт. Не меня узла в руке, откинув только часть ковра, подошел к Сережке: «Глянь, атаман!» Сережка оглянулся и свистнул: «Добро, Петра!» В ковре сидела полуголая женщина. Косы сверху вниз пестрили нежное, как точеное, тело. На правой холеной руке женщины от кисти до локтя блестел браслет, в ноздре тонкого носа вздрагивало золото с белым камнем. Женщина, качая головой сверху вниз, слезливо повторяла: «Зейнеб, Зейнеб, иа, Зейнеб!» <...>

«Боярин Иван Петрович! Вор Стенька Разин с товарищи разнесли по камению шахов величества город Дербень, и в том городе, послышал я от сбеглецов, которые утекли с Дербени в Ыспогань, воры убили шахова большого бека Абдуллаха с братом, сыном и дочь того бека, зовомую Зейнеб, поймали ясыркой [невольницей]. Шаху то ведомо, нет ли, не знаю!.. <...>

На зеленеющей, тихо дышащей воде пленный корабль гиланского хана⁵ расцвели с бортов коврами. На корабль доносит от влажных брызг соленым. С берегов, когда теплый ветер зашалит, на палубе запахнет душно олеандром. На корабле спилили среднюю мачту,

⁵ Гилан — северо-западная провинция Ирана, распложенная вдоль Каспийского моря от Мазандарана до Азербайджана.

сломали переднюю стену ханской палаты с дверями, открыли широкий вид на палубу. Разрушения в углах украсили свешанными коврами. На ближних скамьях гребцов разместились музыканты с барабанами, домрами и дудками. Разин, наряженный в парчовый кафтан, обмотал сверху запорожской шапки голубую с золотом чалму. Княжну вырядили ясырки-персиянки в узкий шелковый халат с открытой грудью — по голубому золотые травы, — надели ей красные шелковые шаровары, сандалии с ремнями узорчатого сафьяна и шелковые синие чулки. На голую грудь распустили хитрый узор из ниток крупного жемчуга с яхонтами, блестящими на нежном теле каплями крови; прозрачную чадру из голубой кисеи Разин сорвал и бросил, когда садились в челн: открылись черные косы, подобранные на голове обручами, и голубая с золотом шапочка с подвесками из агатов.

В челне, устланном коврами, подъехали к ханскому кораблю; на коврах подняли их гребные ярыжки, перенесли в палату на ханское возвышение. <...> Перед атаманом слуги-казаки поставили большую серебряную братину с вином. Лазунка черпал из нее ковшиком вино, наливая в золотую чару. Разин пил, часто отряхивая от брызг курчавую бороду. Подносил княжне, она боялась не пить: пила мало и сидела, потупив таящие испуг, темные под ресницами глаза. <...>

Много дней Разин хмур. Неохотно выходил на палубу струга, а выйдя, глядел вдаль, на берег. Княжна жила на корабле гилянского хана. Атаман редко навещал девушку и всегда принуждал ее к ласке. Жила она, окруженная ясырками-персиянками. Разин, видя, что она чахнет в неволе, приказывал потешать княжну, но отпустить не думал. <...> «Батько», — просится на берег княжна. — Го, шемаханская царевна? Сажай в челн, Лазунка: пушай дохнёт родным... Добро ей!» На берегу у амбаров на песок расстилали ковры, кидали подушки, атаман сел. Недалеко на ковре легла княжна. Разин махнул рукой: с одного узла сорвали веревки, голубой шелк, поблескивая, как волны моря, покрыл кругом персиянки землю. «Дыхай, царевна, теплом — мене хрыпать зачнешь, и с Персией прощайся — недолог век,

Волгу узришь!» <...> С болезненными пятнами на щеках, с глазами, блестящими жадным огнем, и оттого особенно едкой, вызывающей красоты, персиянка лежала в волнах голубого шелка на подушках, иногда слегка приподнимались глаза под черными ресницами, изредка скользили по лицам пирующих. На атамана персиянка боялась глядеть, испугалась, когда он спросил о ней.

«Умереть лучше, чем ласка его на виду всего города!» — подумала она, изогнувшись, будто голубая полосатая змея, оглянулась, склонив назад голову, увитую многими косами, скрепленными на лбу золотым обручем. Быстро поняла, что захмелел атаман, зажмурилась, когда он толкнул от себя кувшин с вином, сверкнув лезвием сабли. Толпа все больше густела. Из голубого в голубом полосатом встала персиянка, закинула за голову голые в браслетах руки, в смуглых руках слабо зазвенел бубен. Княжна, медленно раскачиваясь, будто учась танцу, шла вперед. Глаза были устремлены на вершины гор. Княжна наречием Исфагани протяжно говорила, как пела: «Я дочь убитого серкешем⁶ князя Абдуллаха — спасите меня! Отец вез нас с братьями в горы в Шемаху... Туда, где много цветов и шелку... туда, где шум базаров достигает голубых небес, — там я не раз гостила с отцом... Ах, там розы пахнут росой и медом!.. Не смейтесь, я несчастна. Лицо мое было закрыто... Серкеш, ругаясь над заповедью пророка, сдернул с меня чадру — оттого душа моя стала как убитая птица...» Танец ее не был танцем, он походил на воздушный, едва касающийся земли бег. Дозор часто менялся и был пьян. Два казака, ближних к площади, сидя на крупных камнях, били в ладоши, слушая чужой, непонятный голос, глядя на гибкое тело в шелках и танец, совсем непохожий ни на какие танцы. «Дочь Абдуллаха-бека!» — «То Зейнеб?» — «Да, сам шах приказал ее взять!» — перебегало по толпе. Персиянка была уже за цепью дозора, но до площади еще было далеко. Персы не смели подойти к вооруженным казакам. Горец с седой косой, военачальник гилянского хана, запретил злить разинцев. Девушка, делая

⁶ *Серкеш* (перс.) — 'бунтовщик, вольный человек, головорез; черкес' (персидское название адыгов).

вид, что пляшет, подбрасывалась вперед концами атласных зеленых башмаков. Золотой обруч с головы упал в песок, она кинула бубен и громко закричала: «Серкеш! Серкеш!» Сверкнув золотом в ухе, вскочил Сережка. Раздался оглушительный свист. Дремавший Разин вскочил и выдернул саблю. Свист рассеял очарование, казаки, мотаясь на бегу, поймали персиянку, подхватив на руках, унесли к пирующим. <...> Пленница рвалась, была казаков по шапкам и лицам кулаками, ломались браслеты. Казаки шутили, подставляя лица, пеленали ее в растрепавшийся на ней шелк, будто ребенка. Грубые руки жадно вертели, обнимали бунтующее тело, тонкое и легкое, посмеиваясь, передавали тем, кто ближе к челнам. А когда уложили в челн, она ослабела, плакала, вся содрогаясь. «Ото бис дивчина!» <...>

Широкий простор Волги отсвечивает звездной россыпью на много верст... <...> В большом шатре атамана сквозь полотно расплывчатые пятна огней. «Шемаханская царевна ждет?» Атаман тихо шагает, чтоб поглядеть на персиянку: как, оставшись одинокой, она живет в шатре. Прошел дозорный казак, узнал атамана. Разин, прислушиваясь к звукам своего жилья, подумал: «Поет ли, говорит что?» — подошел к шатру. Чуть приподняв полотнище, заглянул: на сундуках горели свечи, на атаманском месте на ковре и подушках полусидел длинный, черноусый, с калмыцкими, немного раскосыми глазами, с черными, прямо на лоб и шею, без завитков, падающими волосами. На его плечо прилегла голыми руками, положив на руки голову, княжна в шелковой тонкой рубаше. Персиянка жадно слушала казака; казак говорил по-персидски. Разин поднял ногу шагнуть и медленно опустил. «Жди, Стенько!»

Казак говорил, покуривая трубку; докурив, вынул изо рта трубку, сунул в карман синего кафтана, повернул к княжне лицо, что-то спросил — она не ответила; тогда казак обхватил ее голову с распущенными косами левой рукой, на которой лежала девушка, поцеловал ее в глаза — она не отворачивалась; а когда казак ее отпустил, персиянка заломила смуглые руки, глядя вверх, заплакала, редко мигая, начала что-то полусшептать, видимо жалуясь. Казак погладил рукой по голове княжну,

но она не изменила положения. Он ударил себя кулаком по колену, сказал, как говорят клятву, какое-то незнакомое слово. <...> Откинув завесу, [Разин] шагнул в шатер. Казак быстро встал на ноги, княжна не шевельнулась, не взглянула на атамана: она так же сидела, заломив руки. «Зейнеб, уходи!» <...> Разин не пожал руки, сел на свое место: сидя, открыл ближний сундук и, вытащив кувшин с вином, две чары серебряных, налил. «Сядь, Лавреев, — пей!» Васька Ус сел, сказал, берясь за чару: «Много скорбит, батько, девка по родине... Спустить ее надо, увезти, — не приручить к клетке вольную птицу». — «Не я имал, Василий. Имал княжну Петра Мокеев, любимой-памятной: спустить — память Мокеева забвенна станет... Пей! Едино есть, с Мокеевым мы сошлись на Волге... Разве что Волгу поспрошать — быть как?» <...> «Не таю, батько Степан: с жалости слово ей дал — увезти...» — «Дать-то дал, да меня забыл? Все ж хозяин ясырья... Как же ты, ведаешь ведь, атаманский дуван дается особой, любой — никто руки к нему не тянет, из веков так: любое атаману! Как и Сергей, — названой брат ты... Сергей за меня голову сложил — надо было. За него, не думая, и я сложил бы, в том сила наша... Ты же не тот, — что значит чужая кровь: не впусте твоя мать была турчанка...» — «Не турчанка, батько Степан, — персиянка... Учила меня суру читать, да кабы не отец, я был бы мухаммедан...» — «Вот-то оно — чужой ты!» — «Как брату, батько, думал я, ты дашь девку: она и я смыслим друг друга... Мне с ней путь один! Тебя она — прости — не любит...» — «Княжну не жаль! Любви к ней нет... Удалого же человека потерять горько. Горько еще то, что ты, как Сергей, ничего не боишься, какой хошь бой примешь и удал: когда я шатнусь, атаманить можешь, не уронишь дела...» — «Отдай мне персидку, батько! Люблю я ее... Полюбил, вот хошь убей». — «Приискал в шатрах место?» — «Да, есть!» — «Поди! Проходить будешь ближний к солончакам шатер Степана Наумова, прикажи ему ко мне». — «Прощай, Тимофеич!»

Разин проводил есаула за шатер. Вернулся. Приподнял сбоку фараганский ковер. На низком резном табурете, как всегда, горели три свечи. На подушках, раскиданных на ковре, под тонким шелковым покры-

валом спала княжна. Маленькая, голая до колена нога с крашенными киноварью ногтями высывалась на ковер, нежные пальцы ноги шевелились во сне... Смуглые руки в браслетах закинута за голову, бледное лицо повернуто в тень. На щеке тлеет ярко очерченный румянец. Тяжелое, с хрипом, дыхание шевелит в розовом ухе дорогую серьгу с изумрудами, в ноздре изогнутого носа видна зажившая ранка от кольца — украшения. Под тонким шелком, голубовато-бледным, голая фигура вздрагивавшей во сне девушки, явно больной, все же была невыразимо красива. Атаман, опираясь, дернул ковер, вздрогнул весь большой шатер от могучего движения. Складки на лбу атамана разгладились, глаза ласково светили, минуту он глядел, пока не опустилась на грудь седеющими кудрями голова, тогда он мотнул головой, вскинулись концы чалмы, отвернул лицо, вздохнул: «Не верю крестам... Верил, то перекрестил бы безгласную по-нашему, будто птицу, в гае уловленную сетью... Жалобит иной раз... Поет тоже, а что поет? Как у птицы, неосмысленно моим умом... Эх, к черту, да!.. Ваську жаль, жаль и ее, чужую... Вот коли вырвешь, что жалобит, то много легче...» <...>

Раскатисто набегали волны, поверх гребней своих сине-зеленых сыпали белыми тающими жемчугами, шипели, будто оттачивая булат... Атаман в ярко-красной чуге⁷; из коротких рукавов чуги высунулись узкие, золотистого шелка, рукава. Правая рука с перстнем, обняв за шею княжну, висела, спустившись с худенького плеча.

Княжна горбилась под тяжестью руки господина. Разин, склонясь, заглядывал красавице в глаза. Она потупила глаза, спрятала в густые ресницы. Зная, что персиянка понимает татарское, спрашивал: «Ярата-син, Зейнеб?»⁸ — «Не яратам, не лубит...» — Мотнула красивой головой в цветных шелках, а что тяжело ее тонкой шее под богатырской рукой, сказать не умеет и боится снять руку — горбится все ниже. Разин сам снял руку,

⁷ Чуга — узкий кафтан с рукавами до локтя для верховой езды и для военных.

⁸ Ярата-син — «Любишь?» (татарск.).

подняв голову <...> выпил ковш вина, утер бороду, усы, огляделся грозно и крикнул: «Гей, други! Пляшите, бейте в тулумбасы: вишь, матка-Волга играть пошла... Мое же сердце плясать хочет!» Волны громоздились, падали, паузок⁹ кидало на ширине, как перо в ветер над полями. Заиграли сопельщики; те, что имели бубны, ударили по ним. Кто-то, мотаясь, пьяный, плясал ухаю. И в шуме этом нарастал могучий шум Волги... Атаман поднялся во весь рост, незаметно в его руках ребенком вскинулась княжна. «Ярата-син, Зейнеб?» — «Не...» В воздухе, в брызгах мелькнули золотые одежды, голубым парусом надул шелк, и светлое распласталось в бесконечных оскаленных глотках волн, синих с белыми зубами гребней. На скамью паузка покотился зеленый башмак с золоченым каблуком. «И — алла!» Страшный голос грянул, достигая ближнего берега: «Примай, Волга! Сглони, родная моя, последню память Петры Мокеева!» Сопельщики примолкли. Бубны перестали звенеть медью: «Гребби, — махнул рукой атаман, — играй, черти!» Светлое пятно захлестнулось синим, широким и ненасытным.

Народ на берегу взвыл: «Ки-и-ну-ул!» — «Утопла-а!» — «На том свету — царство ей персицкое!»

Чапыгин А. Разин Степан: исторический роман. Архангельск: Кн. изд-во, 1959. С. 304, 317, 355–356, 407–410.

34. Из исторического романа И.Ф. Наживина «Степан Разин (Казак)» (1928)

И вот в начале марта Степан объявил поход на Персию. <...> Не было того преступления законов Божеских и человеческих, которое осталось бы не совершенным казаками. И так длилось целый год, от северных берегов Кавказа до юго-восточных пустынь закаспийских. Их струги были переполнены золотом, парчой, камнями самоцветными, оружием драгоценным, тканями са-

⁹ Паузок, павозок, паужина — парусно-гребная одномачтовая речная плоскодонка, на которую перегружался груз с другого судна во время мелководья.

мыми дорогими и ясырем, то есть пленниками для продажи в рабство: вчерашние рабы только для себя хотели воли. У самого Степана жила в шатре, противно всем обычаям казацким, пленная красавица персиянка, Гомартадж, — что значит «венец лунный» — дочь славного воина и вельможи персидского Менеды-хана... <...>

Начались споры, что делать и куда путь держать. Нарастало часто беспредметное раздражение. Очень косились они и потихоньку ворчали и на атамана, который держал в своем шатре красавицу Гомартадж: не по-казацки это — ежели никому бабы держать нельзя, так, значит, нельзя и атаману. Мука о женщине терзала их железными когтями и наяву, и во сне. И на кой черт все богатства эти, ежели на них тут ничего не купишь?.. Падали духом... Вспыхнула какая-то болезнь, от которой стали многие помирать. И вот раз жарким полднем, когда казаки изнемогали от зноя и среди тишины лагеря порхала только жалобная и нежная песенка тоскующей Гомартадж, вдруг раздался панический крик: «Персюки!..» Казаки с криками бросились к оружию, а Гомартадж вскочила и замерла, вся уйдя в свои огромные, черные, прелестные глаза... И завязался на синих волнах ожесточенный бой. Но недолго длился он: персы были разбиты наголову. Старый хан был убит пулей в глазах простирившей к нему руки дочери, Шабьнь-Дебея провели связанного вместе с другими пленными в камыши, и только три струга персидских успели уйти назад к берегам Персии. Гомартадж, впившись зубами в белую руку свою, лежала по своей привычке на земле, лицом вниз, и в душе ее была черная смерть: теперь для нее было все кончено...

И вдруг около нее послышался шорох. Она испуганно подняла голову: подле стоял Васька-сокольник и, робко улыбаясь ей, тепло смотрел на нее своими нежно-голубыми глазами: ничего-де не опасайся, я тута... Она недоверчиво смотрела на него исподлобья своими дикими глазами. А он, все ободрительно потряхивая головой, достал из-за пазухи большую звезду из камней самоцветных — еще в Фарабате взял он ее в сгоревшем дворце шаховом — и протянул ее девушке. Та сперва удивилась, — этим алмазам да сапфиру синему в середине

цены не было, — потом робко взяла подарок, слабо улыбнулась казаку и вдруг, снова зарыдав, уткнулась лицом в сухую землю... Васька жалостливо покрутил головой и на цыпочках отошел прочь: он не знал ни что сказать, ни что сделать, да и атамана опасался. <...>

На другой день казаки, бывшие с ясырем на берегу, привезли весть, что раздраженные персы готовят большое войско, чтобы идти не только против воровских казаков, но и против русских вообще. А из Астрахани прилетел слухок, что будто пришла туда милостивая грамота от великого государя, который — если казаки только принесут ему вины свои — загодя все эти вины им отпускал... Домой! Домой!.. <...>

...Толпы черного народа и стрельцов целыми днями стояли вокруг воровского стана, дивясь и завидуя веселой, вольной и богатой жизни казаков. Чего уж тут говорить: на атаманском струге, на «Соколе», нос был весь вызолочен, веревки были все из чистого шелка, а паруса из самых дорогих персидских тканей, вино с утра лилось рекой, всю ночь напролет слышались веселые крики и песни, а золото и серебро разбрасывали казаки, а в особенности сам атаман, пригоршнями. А добра, добра всякого сколько выносили они на торг!.. И золото, и шелка, и меха дорогие, и оружие всякое, и каменья самоцветные... <...>

Очень уж требовательным быть в этой обстановке воеводам не приходилось никак. И когда раз астраханская девка Маша прибежала к ночи на воеводский двор, чтобы сообщить, что Степан, вдребезги пьяный, спит у нее и что можно его взять безо всякого, князь С.И. Львов только руками на глупую девку замахал: «Окстись, девка... Ополоумела?! Только бы чертей из города-то поскорее выпроводить, а там провались они в тартарары... Иди, иди. Придумают тожа!..» — «О-хо-хо-хо... — вздохнул сокрушенно городской палач Ларка, дружок Машкин, который всю эту механику подстроил в надежде на великие и богатые милости. — Попомни вот мое слово, Машуха: ходить им всем без голов! А много ли тебе Стенька-то отсыпал, а?..» <...>

Попойка продолжалась... Но Степан был сумрачен. <...> Вот хоть взять эту девку персидскую. Предлагали за нее персюки хорошие деньги — закобенился, не взял,

куды теперь он с ей денется? Он знал, что казаки ропщут на этот счет тем более, что к другим он в этом отношении был очень строг. <...> И было уже ему словно и жаль расставаться с Гомартадж, — казаки в шутку звали ее под веселую руку Комартож, — он как будто уже стал привязываться к ней. <...> Но казаки шли на Дон, домой, а там жена, дети. Куда денет он там персиянку? В глазах самостоятельных казаков, ему, атаману, не подобало очень уж скандалиться по пустякам: пошел за большим делом, так девок за собою таскать нечего... И не мог он уже теперь отдать ее другому: сердце не позволяло...

Гомартадж полулежала на пушистом ковре. На ней было тяжелое, шитое золотом платье, и вся с головы до ног была она засыпана жемчугом и драгоценными камнями. Васькин гостинец — большая звезда алмазная с синим сапфиром огромной величины посередине — искрился у нее на груди... Прелестными, немножко дикими глазами газели она задумчиво и печально глядела на широкую, пылающую пышными огнями заката реку и была душой далеко, далеко от всего, что ее окружало. Степан хлопал чарку за чаркой, и глаза его наливались какой-то черной и дикой силой. «Эй, все!.. — вдруг встав во весь рост, загремел он. — На весла!.. Едем кататься... Жив-ва!.. <...> Мою любимую... Запевай!..» И на соседнем струге залился, зазвенел Васька-сокольник: «Вниз по матушке по Волге...». Васька нарочно сел спиной к атаманскому стругу: крепко жалел он про себя персиянку. И подхватили сотни голосов: «...да по Волге легка лодочка плывет...» <...> Дикая, черная сила неумемной волной поднялась в широкой груди пьяного Степана и ударила в голову. Да, надо развязывать себя, надо найти сразу выходы, все привести в ясность и всех удивить.

«Эх, Волга... — точно рыданием вырвалось из его взбаламученной груди. — Много дала ты мне и злата, и серебра, и славой покрыла меня, а я ничем еще не отблагодарил тебя!..» Не зная, что он еще сделает, он огляделся красными, воспаленными глазами. И вдруг схватил он железной рукой удивленную и перепуганную Гомартадж за горло, а другой за ноги и — швырнул ее в пылающую огнями заката Волгу. Золотом и кровью взбрызнули волны, раздался жалкий крик девушки,

и вздох удивления и ужаса пронесся по стругам. Васька-сокольник вскочил с диким лицом и только хотел было броситься в воду, как загремел страшный голос атамана: «Не смей!..» И черное дуло пистолета жутко уставилось Ваське в глаза. Гомартадж, жалобно крича непонятные слова и уже захлебываясь, боролась со своим тяжелым платьем, которое тянуло ее вниз. «Ну, что опешили?» — пьяно крикнул атаман и сам уверенно затянул: «Взбушевалась погода...» И, потрясенные, пьяные, полусумасшедшие, подхватили казаки: «...да погода, погодушка не малая!..» От города, пылающего в огнях заката, плыл важный и величавый благовест ко всеобщей, а по реке лилась широкая, за душу хватающая песня о Волге родимой... Уносимая стрежнем, Гомартадж все еще барахталась, и шли от нее во все стороны огневые круги волн. Вот она скрылась на мгновение, опять всплыла, опять погрузилась, взямаячила на мгновение белая рука, и огневая река сомкнулась над ней навсегда. «Ничего в волне не видно...» — выводил тенор, — уже не Васькин, другой: у Васьки в горле перехватило и петить он не мог. <...> И Степан, вдруг схватившись обеими руками за волосы, зарычал, как тяжело раненный зверь, и по жесткому пьяному лицу его показались слезы жгучей, беспредельной тоски...

Наживин И.Ф. Степан Разин (Казаки): Исторический роман. М.: ИТРК, 2004 (Биб-ка исторического романа). (= Париж, 1928). С. 133–146

35. Из книги А.Н. Трофимова «Исторический очерк о легендарном казаке» (1933)

Но как только весенняя оттепель начала давать знать о себе, так казаки усиленно, дружно и спорно принялись за работу — строить большие струги для похода в просторы не всегда спокойного, порою грозно ревущего Хвалынского моря. <...> Собрались в Круг обсудить — куда и когда им тронуться в путь, решили — завтра в поход.

Перед вечернею зарею поднялся с берега ветер, завыл, засвистел, вздымая и пеня волну; то он бросит их

одна на другую, то как-то приплюснет придавит, то снова поднимет, толкнет, и они со стоном взвываются, пеною вдруг закипят, забурлят, зашумят... Часовые смотрят, слушают, стараясь понять — о чем эти волны рокочат, о чем говорят? Они не находят в их говоре угроз для себя. Правда, порой тихо прозвучит в шелесте волн какая-то грустная нотка печали; но они не сердятся, зло не режут, не грозят казакам лютою бедою, а о чем-то, как будто с легкой улыбкой, поют; в шуршаньи белесых гребней свой говор ведут... на что-то зовут, обещая помочь; куда-то манят... вот так как будто волшебницы тянут к себе, увлекают. Это к удаче, признак хороший. Наутро, под лучами весеннего солнца, волны слегка приутихли. Зашевелился стан удалых молодцов, загомонил. Раздался зыкный, чарующе грозный окрик-команда Степана. Стали все вместе лицом на восток, скинули шапки, пропели молитву, как один, поклонились Яицкого войска земле. Из двух с половиною тысяч грудей пронеслось: «Прости, родная, если в чем провинились! Люби нас и верь, что из похода со славой вернемся!» Накрылись. С шумом веселым уселись и смотрят вперед, ожидая команды своего Атамана. Минуту спустя **на. прове** красавца Сокол-корабля появился любимый, грозный, ловкий, могучий Степан Атаман свет Тимофеевич, Разин. Поднял бунчук, путь указывая. <...>

Он забыл, что, отправляясь в поход, всегда, бывало, соберутся, выпьют. Атаман подносит последнюю чару Дону седому, бросив ее в светлые волны родной реки, и до возвращения с похода ни капли в рот. Нарушил Степан, не сдержал дедовского обычая и жестоко за это поплатился. Виноват только он один, но не персы, т[ак] к[ак], где мечи, встречаясь, звенят, там всякая хитрость находит свое оправдание, всякая оплошность врага используется. Закручинился Степан... не доглядел, сплеховал. <...> Забрав убитых и раненых казаков, Степан отошел на полуостров Миян-Кадэ, что неподалеку от Фарабата. Было позднее осеннее время. Хвалынское море пеной вздымается, клокочет, ревет. Там, в просторах воды, в эту пору творится такое, что как будто несметная сила драконов войну ведет между собой. Грохот, дьявольский хохот, рев и свист осеннего ветра

покрывают бурлящие волны опасного моря. На стругах в эту пору не выйти — море все проглотит, все разобьет, расшвыряет, как щепки. Надо устраивать стан для зимовки. Сын и красавица дочь Меджи-хана оказались ясырями на атаманском «Сокол»-корабле. <...>

В одну из таких прогулок веселых Степан выбросил в волны Волги случайную, плененную в море, персиянку, дочь начальника разбитой флотилии персидской. <...> Так как большинство поступков Разина описано по рассказам очевидцев, цена коих не всегда высока, я позволю себе иметь свой взгляд на этот случай с персиянкой только потому, что я казак и стараюсь объективно разобраться в психологии бывалого нашего казака Разина Степана. Мне этот эпизод на Волге представляется совершенно иначе, как нам его явно тенденциозно преподносят русские. Особенно я не согласен с утверждением, что Разин пьяница и что «подарок» Волге, в знак признательности, он совершил в состоянии невменяемости опьяневшего человека; во-первых, не атаманское дело возиться с женщиной в походе, что Разин сознавал отлично, что его совесть авторитетного атамана была неспокойна и перед его отрядом; во-вторых, пьяный человек не мог произнести такую содержательную речь экспромтом, обращенную в адрес Волги-реки. Речь была давно осмыслена Степаном как главою отряда казаков, его сподвижников, и инициатором открытого антицаристского большого народного революционного движения. Содержание речи отражает предыдущие его заботы о ликвидации случайной обозной красавицы. «Делу время, потехе час» для волевого казака Разина было положительно решающим. Он поступил по-атамански. Можно допустить, что чувство ревности Степану было не чуждо, что он предпочел не оставлять в обозе «княжну-красавицу», где она неизбежно стала бы добычей ненавистных ему князей и воевод. <...>

Будучи сыном хорошей семьи, Степан не мог быть плохим семьянином, иначе он и не был бы в посольствах. Но все люди суть люди. Оторвавшись от семьи в долгом походе, берет в плен необычайной красоты персиянку девушку, несмотря на свой характер, на жестоко

огрубевшее в боях сердце, невзирая на сознание своего ответственного положения атамана и свою сильную волю, перед чарующими, лучистыми глазами полонянки Степан на время как бы забывает традиционную семейную чистоту. На короткое время Степан уступает перед законами природы, морально слабеет... Однако и этого короткого момента было достаточно, чтобы Степан, муж и отец детей, почувствовал, что он позволил себе недопустимое; он начинал испытывать банальное чувство привязанности к красивой пленнице, что противоречило его внутреннему содержанию атамана и главы оставшейся на Дону семьи. Будучи строгим с каждым за связь с женщиной в походе, Степан не мог не понимать, что сам подрывает свой авторитет в глазах казаков отряда временною расквашенностью с бабой. Мысль о ликвидации этой расквашенности подходила и окончательно подошла к концу: в одну из прогулок по Волге, в разгаре веселья, танцев и песен, [он] своей исключительной волей подавляет в себе привязанность к случайной, но очень красивой женщине. <...> «Делу время, потехе час» — принцип серьезных людей; шутки на чужом базу¹⁰ — не в счет, семья раньше и выше всего было в мирной, далекой жизни казаков.

Трофимов А.Н. Исторический очерк о легендарном казаке / Edité par A.E. Alimoff (première édition). 60-Villers-St-Sépulcre, France, 1965. С. 40–41, 44–46, 52–53.

36. Из либретто Н.Г. Бирюкова к опере «Степан Разин» (1939)

Тревожно ночью в Астрахани. Перекликаются карательные. Группа астраханцев и стрелец Лазарь Тимофеев, сочувствующий восстанию, говорят о приближающемся войске Разина. <...> Воевода поднимает тревогу, но поздно: разинцы идут на приступ, горожане открывают ворота и радостно встречают Степана и его войско.

¹⁰ *Баз* (донск.) — скотный двор; огороженное место во дворе или в поле.

Разин благодарит народ, учиняет суд над Прозоровским и боярами. Разницы жгут кабальные грамоты и прочие приказные дела. <...> Игнашка Шваль приносит Разину закутанную в покрывало персидскую княжну Мейран — пленницу воеводы. Разин очарован красотой княжны, она — благородством и смелостью Степана. <...>

По Волге на стругах плывет войско Разина. Возле Степана — Мейран. Она старается лаской развеять тяжелые думы атамана, озабоченного трудностями похода. Недовольный Степаном, не желающий подчиняться воинской дисциплине Игнашка Шваль начинает настраивать против Разина казаков, говоря, что ради княжны Степан забыл обо всем и всех, только ее одну и слушает. Возникает ссора. Чтобы положить конец раздору между казаками, Степан поднимает княжну на руки и бросает в Волгу... «Вот и кончилась любовь моя, казаки-атаманы...» Все притихли, ошеломленные. Один из разинцев молча подходит к казаку, особенно рьяно издевавшимся над Степаном, и страшным ударом отправляет его за борт. Овладев собой, Степан приказывает казакам запеть лихую песню.

Бирюков Н. Степан Разин: Опера в четырех действиях (семи картинах) с прологом // Оперные либретто: Краткое изложение содержания опер. Т. 15-е изд., испр. / Ред.-сост. В.А. Панкратова, Л.В. Полякова. М.: Музыка, 1981. С. 137–138 (= *Бирюков Н.* Степан Разин // Бирюков Н. Театр. Поэзия. Жизнь / Сост. и подгот. текстов В.К. Кумакшева. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. С. 61–116).

37. И. Уткин. «На берегу Волги» (1938)

Хороша, любима повсеместно
Песня про Степана-казака!
Но одно в ней есть плохое место,
Волга-матушка-река.

Но с одним я в песне не согласен –
Ох уж этот разиновский пыл!
Некрасиво в этой песне Разин
С бедной персианкой поступил.

Разойдись — никто с тебя не спросит,
Уплыви с другими на войну,
Но бросать... да и не просто — бросить,
А ведь в набежавшую волну?!

Если это факт, а не поклепы, —
Стыдно за Степана-казака.
Не люблю, когда красавиц топят,
Волга-матушка-река!

На меня напраслину возводят.
Напустили кумушки туман,
Будто я с супругой не в разводе,
А в известном роде... атаман.

Все моя поганая осанка!
Нет уж, если песня сложена,
Я-то в этой песне... персианка,
Атаману, собственно, жена.

Говорю по правде (без тумана),
Очень многим женам, может быть,
Хочется супругой-атаманом,
Волга-матушка, побыть.

А попробуй на такую моду
Кто-нибудь благословенье дать, —
Так, пожалуй, в веденье Освода¹¹
Надо будет загсы передать!

Потому, кого бы ни спроси вы,
Если он об этом не забыл, —
Всякий скажет: «Очень некрасиво
Разин с персианкой поступил!»

Уткин И.П. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель,
1966. № 120 (Биб-ка поэта).

¹¹ Освод — Общество спасения на водах», существовало в СССР до 1941 г.

38. Французские версии песни

А. Charles Aznavour «La Legende De Stenka Razine» (1951)	Шарль Азнавур «Легенда о Стеньке Разине» (1951)
Lentement le longs des îles Souffle le vent roulent les flots Glissent les barques agiles De Razine et ses matelots. Sur le pont Stenka Razine Battent les cœurs parlent les voix Tient sa belle douce et fine	Медленно вдоль островов Дует ветер, катятся волны, Скользят лодки проворные Разина и его матросов. На палубе Стенька Разин, Бьются сердца, звучат голоса. Держит [он] свою красавицу, тихую и хрупкую,
Tendrement au creux des ses bras Pas de femme en notre cercle	Нежно на изгибе своей руки, «Нет — женщине в нашем кругу!» —
Serrent les poings, montent les cris	Сжимаются кулаки, раздаются крики:
La colombe a soumis l'aigle Le marin n'est plus qu'un mari	«Голубка подчинила себе орла, Моряк теперь всего лишь супруг!»
Mais Razine reste calme Grincez les dents, haussez le ton	Но Разин остается спокоен, Скрипите, зубы, повышайтесь, голоса, —
Rien ne peut changer son âme	Ничто не может изменить его душу —
Ni l'amour, ni la rébellion Levant de ses mains puissantes Pleurent les joies, crève l'espoir	Ни любовь, ни мятеж. Подняв свои могучие руки, — Плачут от радости, погибает надежда, —
Son aimée frêle et tremblante	Его любимая, хрупкая и дрожащая —
Il la jette dans les eaux noires Puis il dit parlant au fleuve Volga de mort, Volga de vie Volga prends mes amours veuves	Он бросает ее в черные воды. Затем он сказал реке: «Волга смерти, Волга жизни, Волга, забери моих возлюбленных вдовых (?)
Pour toujours au fond de ton lit Mes amis, chantez que diable Buvez le vin jusqu'à la lie	Навсегда на свое ложе. Друзья мои, пойте как черти, Пейте вино до дна (букв. до осадка),
Jusqu' à rouler sous la table Jusqu' à demain, jusqu' à l'oubli	До того как свалитесь под стол До завтра, до забвения

Après tout la vie n'est qu'un leurre Un court et merveilleux passage	Ведь жизнь — это только приманка, Короткий и замечательный переход,
L'amour que souvent on pleure	Любовь, которую [мы] часто оплакиваем —
N'est rien de plus qu'un mirage Faut vivre l'heure pour l'heure Profitions de ce voyage	Это не более чем мираж. Надо жить единым часом Воспользуемся этим путеше- ствием —
Qui ne dure pas	Оно непродолжительно
Au fond de nos verres Y'a l'oubli du temps qui passe	На дне наших стаканов — Там забвение времени, кото- рое проходит,
Le vin et l'ami sincère Sont remèdes à l'angoisse Aujourd'hui pleure misère Demain fera volte-face	Вино и искренний друг Лечат от тоски Сегодня оплакиваем несчастье, Завтра повернется другой сто- роной,
Et tout changera	И все изменится».
Lentement le long des îles Souffle le vent, roulent les flots, Glissent les barques agiles De Razine et ses matelots	Медленно вдоль островов Дует ветер, катятся волны, Скользят лодки проворные Разина и его матросов.

Песня Шарля Азнавура «Легенда о Стеньке Разине» // joov.org/text/107930165/Charles_Aznavor-La_Legende_De_Stenka_Razine.htmls; http://xn--c1ajahiit.com/?книга=Les_paroles_de_262_chansons_стр=232

В. «Stenka Razine»

À travers la plaine immense La Volga roule sans fin Emportant dans son sillage Nos amours et nos refrains.	Через бескрайнюю равнину Волга катится бесконечно, Унося на своей волне Нашу любовь и наши песни.
Elle dit la belle histoire	Она рассказывает прекрасную историю
De Stenka le fier guerrier Qui s'étant couvert de gloire Revenait dans ses foyers.	О Стеньке, гордом воине, Который, покрытый славой, Возвращался на родину.

Ramenait de ses prouesses Sans l'avis de ses soldats La beauté d'une princesse Qu'il tenait entre ses bras.	Привел, благодаря своим под- вигам, Не сказав своим солдатам, Красавицу принцессу, Которую он держал в своих объятиях.
Voyant bien que sans leur plaisir Il ne serait plus leur roi Malgré son amour sincère	Видя, что без их одобрения Он больше не будет их владыкой, Несмотря на свою искреннюю любовь,
Dans le fleuve il la jeta.	Ее бросает в реку.

Stenka Razine // Wikipédia (fr.wikipedia.org/wiki/Stenka_Razine).

С. «Stenka Razine»

Rassemblez-vous et écoutez ce chant ancien À propos de Stenka Razine le cosaque!	Соберитесь и послушайте эту старую песню О казаке Стеньке Разине!
Au détour d'un méandre, au-delà de l'île Là où s'élargit la Volga D'élégants trois-mâts aux couleurs vives Et multicolores fendent les eaux.	За поворотом, за пределами острова, Где расширяется Волга, Элегантные трехмачтовые красочные И многоцветные [суда] рассекают воды.
Sur le navire de tête, Stenka Razine Grisé et d'humeur joyeuse Est assis, passionné, avec sa princesse Ils célèbrent leur nouvelle alliance.	На головном корабле Стенька Разин Пьян и весел Сидит, страстный, со своей принцессой. Они празднуют [заклучение] своего нового союза.
Autour de lui l'équipage ronchonna «Il nous abandonne pour cette fille Qu'il a courtisée l'espace d'une nuit; Il en a perdu la tête.	Вокруг него экипаж проворчал: «Он бросает нас ради этой девушки, За которой он ухаживал в течение ночи; Он потерял голову.

Ô Volga, Volga, mère très chère	О Волга, Волга, дорогая мать,
Volga, grand fleuve de Russie	Волга, великая русская река,
Il vous reste à recevoir	Тебе осталось получить
le présent	подарок
D'un cosaque du Don!»	От донского казака!»

Stenka Razine // Wikipédia (fr.wikipedia.org/wiki/Stenka_Razine).

39. Из исторического романа С.П. Злобина «Степан Разин» (1939/1951)

«Ты с княжной со своей потешаешься тут. А нам пропадать за что?! Казаку дорога единая — на Дон!» <...> «Отдай, развяжись ты с ней... Ведь пять тысяч деньги какие! — сказал Наумов. — А то, слышь, казаки собралась весь ясырь повязать на одну веревку да гнать во Приказну палату, чтобы скорей отпустили, и твою княжну тоже вместе со всеми... А того допустить, Тимофеич, нельзя — то воли твоей атаманской поруха!» <...> В несколько сильных ударов весла он бросил челнок к головному стругу, вскочил на палубу и хозяйской рукой решительно распахнул шелковый полог шатра персиянки. Ханская дочка безмятежно спала на своей постели. <...> «Зейнаб!» — шепотом окликнул Степан. Ему нестерпимо вдруг захотелось ей рассказать, что поутру он отвезет ее к воеводе, а потом она поплывет через море к отцу... <...> Шепот его разбудил персиянку. Она молча в испуге вскочила и стояла теперь перед ним, светлея неясным пятном. Степан взял ее маленькую горячую, дрожащую руку. «Трепышется, будто птаха», — подумал Степан и вдруг неожиданно для самого себя протянул ее ближе с тем самым внезапно нахлынувшим жаром, с каким час назад схватил в корчме Машу... Она была ему ниже чем по плечо. Он нагнулся, чтобы взглянуть ей в лицо... В висках у него зашумело, будто от хмеля, но персиянка рванулась, скользнула мимо него из шатра, и Степан только ловким и быстрым, откуда-то взявшимся юным прыжком успел настигнуть ее над самой водой... В его руках, крепко сжавших ее, Зейнаб кусалась, рвала бороду и ногтями впивалась в

лицо, уклоняясь от поцелуев... С девушкой на руках, не помня себя, Разин шагнул к шатру <...> внезапно он отрезвел, бережно поставил девчонку на палубу струга и усмехнулся... «Иди спи», — сказал он, легонько подтолкнув ее внутрь шатра. <...>

Разин плыл впереди. Рядом с ним в ладье на подстеленной ханской шубе сидела пленница. Хотя сам атаман уже много раз видел ее лицо, она закутала голову белой фатой перед тем, как спуститься со струга в ладью. Ей уже объяснили, что ее отправят к отцу, и она доверчиво и благодарно подчинялась всем приказаниям Разина, словно забыв или поняв все то, что случилось ночью. Разин обнял ее одною рукой. Ему было приятно чувствовать рядом с собой это маленькое покорное и доверчивое существо... «Атаман венчаться поплыл!» — крикнули на берегу. «Любовь да совет!» — подхватил еще кто-то, считая, что под фатой сидит невеста. <...>

«Дрон! Здорово, мой есаул! Знай донских казаков! И в огне не сгорают! — радостно выкрикивал Разин, тиская старого друга в крепких объятиях. — Что, брат, не казацкое дело выкупа ждать? Сами выбегли из неволи?! А мы вот ясырь везем за вас в выкуп! — указал Степан на связанных персов в челнах. — Все ушли из полона?» — оживленно спросил он. Но Чупрыгин не улыбнулся в ответ атаману. Молча и крепко он обнялся с Разиным и в ответ ему мрачно развел руками. «Вот я тут, Степан Тимофеич. Более никого... не осталось... в живых...» — ответил Дрон тихо. <...> «Хан Менеды воротился с моря свиреп, — начал Дрон. — Сторожа-персиянцы сказали нам, что дочь его ты полонил. Мы духом воспряли. Мыслим: в выкуп пошлет нас за дочку... Ан ночью они ворвались в подземелье, где нас держали, и начали всех крушить — саблями сечь, кинжалами резать, которых живыми на двор потащили. <...> Я, Тимофеич, батька, колоду схитрился снять, подкоп рыл, в дыре сидел». <...>

Разин встал. Лицо его сделалось черным от бешенства. «В воду! В воду! Топи всех к чертя-ам! — не крикнул, а прямо-таки взревел атаман. И весь шум над Волгой мгновенно затих. — Атаманы! Топи персиянский ясырь, к черту, в Волге! Топи-и, не жалеи!» — продолжал выкрикивать Разин, охваченный яростью. Но никто не двинул-

ся на челнах. Внезапная перемена решения Разина была казакам непонятна... «Ты вперед, атаман, свою кралю топи, а уж мы не отстанем!» — в общем молчанье задорно выкрикнул из широкой ладьи немолодой казак, брат Черноярца. <...> Степан удивленно окинул всех взглядом, перевел глаза на Зейнаб, словно не понимая, чего от него потребовали казаки, и встретился взором с Дроном, который тоже смотрел на него, как показалось Степану, с вызовом и ожиданием... Разин скрипнул зубами, налитые кровью глаза его помутнели. Он нагнулся, схватил персиянку и поднял над головой... «Примай, Волга-мать...» Пронзительный визг Зейнаб оборвался в волжской волне. Вода всплеснула вокруг голубой парчи и сомкнулась над ней... <...> По волне, слегка вздутая ветром, как пена, билась о борт атаманской ладьи фата ханской дочери... <...> Разин, словно без сил, опустился назад на скамью. Наумов поднял со дна ладьи, заботливо отряхнул ладонью и молча подал Степану оброненную шапку. Атаман надел ее. Сдвинув на самые брови, сидел, опустив глаза... Наумов налил вина, протянул Разину полную кружку. Степан оттолкнул его руку. «Пей сам, сатана!» — «И выпью, — твердо сказал Наумов. — За добрую память товарищей наших, за путь хороший к донским станицам, за казацкую дружбу, за волю и за твое здоровье, Степан Тимофеич!» Он поднял кружку и выпил.

Злобин С.П. Степан Разин: Исторический роман: В 2 кн. М.: Сов. писатель 1952 [=] Минск: БелСЭ им. Петруся Бровки, 1987 (главы «Заморская птаха», «Круги на воде», «Коса на камень», «Жертва Волги»).

40. Из исторического романа В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» (1971)

Праздник размахнулся вширь: не было теперь одного круга, завихренья праздника образовывались вокруг костров. <...> Среди танцующих — и прекрасная княжна. <...>

Подошли к воде. Степан присел, ополоснул лицо... Потом стоял задумавшись. Смотрел в вязкую темень. <...> Долго стоял Степан неподвижно. Казалось, он

забыл обо всем на свете. Какие-то далекие, нездешние мысли опять овладели им. Он умел отдаваться думам, он иногда очень хотел быть один. Персиянка притронулась к нему: она, видно, замерзла. Степан очнулся. «Никак озябла? Эх, котенок заморский, — ласково и с удивлением сказал он. Погладил княжну по голове. Развернул за плечо, подтолкнул: — Иди спать. А то и правда, свежо у воды-то». Княжна радостно спросила что-то, показывая на свой струг. «Иди, иди, — подтвердил Степан. — Иди». <...> И подумал: «Отдам, хватит». <...>

Вдруг среди ночи со стороны стругов раздался отчаянный женский вскрик. Он повторился трижды. На стружке с шатром, где находились молодая персиянка со своей нянькой, забегали. Громко всплеснула вода: кого-то не то сбросили, не то сам кто-то сорвался. <...> К стружку пленниц бежал с другой стороны Иван Черноярца. При их приближении мужская фигура на стружке метнулась к носу... Кто-то там, на носу стружка, помедлил, всматриваясь в ту сторону, откуда бежал Степан; должно быть, узнал его, прыгнул в воду и поплыл, сильно загребая руками. Когда вбежал на струг Иван, а чуть позже Степан, пловец был уже далеко. У входа в шатер стояла персиянка, придерживала рукой разорванную на груди рубаху, плакала. <...> Степан мучительно соображал, кто тот пловец. Кто же это? «Фролка! — сказал он. — Вот кто». — «Минаев? — изумился Черноярца. — Господь с тобой, Степан!.. Да ты что?» <...> «Потеряли есаула», — горько вздохнул Иван. Он теперь вовсе не сомневался, что это был Фрол Минаев, бабский угодник, падкий на эту сладость. И знал, что Фрол — от атамана гнева — двинет далеко теперь. Если совсем скроется с глаз долой. Какую дурь спорол есаул! «На дне морском найду, гада, — сказал Степан. — Живому ему не быть». Черноярца до смерти жалко было Фрола. В таком загуле, конечно, что-нибудь да должно случиться, но потерять такого есаула... Из-за кого! Было бы хоть из-за кого. <...> «Брось, Тимофеич, — серьезно сказал Стырь. — Серчай ты на меня не серчай, скажу: не дело и ты ведешь. Где это видано, чтоб из-за бабы свары какой у мужиков не случалось? Это вечно так было! Отдать ее надо — от греха подальше. А за ее ишо и выкуп хороший дадут». <...>

«Что-то надо с ей делать, — опять вспомнил Черноярец княжну. — На Дону ей делать нечего. Куда?!» Он был не злой человек, Иван Черноярец, но святое воинство для него — истинно святое, на том он стоял, за то и любили его в войске, и уважали. <...> «Иван подговаривает уморить ее как-нибудь...» — «Как?.. Догадается ведь. Вперед надо было. Теперь — сразу к нам кинется. Нет, тут всем тада несдобровать». — «Мда-а... От сучка-то! Сгубила казака». <...> Люто возненавидели красавицу княжну. Только двое из них оставались спокойными, не принимали участия в пустом разговоре: Ларька Тимофеев и Федор Сукнин. Эти двое придумали, как избавиться от княжны. Придумал Ларька. <...> План был варварски прост и жесток: к княжне разрешалось входить ее брату, молодому гордому князьку, и он иногда — редко — заходил. Пусть он войдет к сестре в шатер и задушит ее подушкой. За это Ларька — клятвенное слово! — сам возьмется освободить его из неволи <...>

Головной струг, а за ним остальные выплыли из Болды в Волгу. Сразу набрали хороший ход. Степан сидел в той же позе, привалившись боком к борту, посасывал трубку. Изредка взглядывал на есаулов. Видел, что — шушукаются. И уж знал, зна-ал, какие они там разговоры ведут. Княжна сидела одна. Она даже похудела за эту ночь. Есаулы всё разговаривали. В сторону атамана не смотрели. А Степан уже неотступно смотрел на них... И взгляд его стал нехороший — внимательный. Он вздохнул. И вдруг вскочил и, шагая через наместья, быстро пошел к ним. <...> Двое успели выхватить сабли — вскочивший Федор и Ларька. Федор прямо пошел на Степана, Ларька оказался сбоку и тоже двинулся к атаману. «А-а, — вдруг вовсе тихо, как-то даже радостно сказал Степан, и в руке его сверкнул косою белый огонь. — Ну?..» <...> «Уймись, шальной! — крикнул Иван. — Что ты делаешь?» — «Ать!» — Степан резко качнулся вбок... И Ларька чудом уцелел — увернулся. Все же концом сабли Степан черкнул Ларьку по руке: «Нака!..» <...> В этот момент грянул выстрел. Степан с силой всадил саблю в дно стружка на четверть от Ивановой головы. Только после этого повернулся на выстрел. «Кто стрелил?» — «Я, — сказал Иван Аверкиев. — Хотел...» —

«Куда метил? В руку?» — «В саблю, батька. Святой крест, в саблю. Хотел выбить». Степан сел на лавку, сплюнул за борт. «Ну, повоевали, и будет. — Ядовитая, злая тоска, которая с утра ела сердце, схлынула. Легко стало. — Рассказывайте, чего вы тут шептались?» <...>

Степан поднялся, пошел в нос струга. На ходу легко взял княжну, поднял и кинул в воду. Она даже не успела вскрикнуть. Степан прошел дальше, в самый нос, позвал: «Идите ко мне!» Он сел, опять привалился боком к борту... Коротко глянул на воду, куда без крика ушла молодая княжна... В глазах на миг вскинулась боль и тоска, он отвернулся. Есаулы подошли; кто присел, кто остался стоять. На атамана боялись смотреть. Теперь уж — только боялись: кому-то да эта княжна отольется слезами. Но кто знал, что он так ее маханет? Знай есаулы, чего он задумал, может, и воспротивились бы... Хотя вряд ли. Может, хоть ушли бы на это время. Как-то не так надо было, не на глазах же у всех... Было ли это обдуманно заранее у Степана — вот так, на глазах у всех, кинуть княжну в воду? Нет, не было, он ночью решил, что княжну отдаст в Астрахани. Но после стычки с есаулами, где он вовсе не пугал, а мог по-настоящему хватить кого-нибудь, окажись перед ним не такие же ловкие, как он сам, после этой стычки разум его замутился, это был миг, он проходил мимо княжны, его точно обожгло всего, — он наклонился, взял ее и бросил. Теперь он возьмется жалеть ее, тосковать, злиться станет... <...>

«Старуха моя живая? Ни с кем там не снюхалась без меня?» — «Живая, ждет не дождется. Степан... — Матрена строго глянула на крестника. — Это кака же така там девка-то у тебя была?» Степан хотел отмахнуться от мелкого разговора, нахмурился даже, чтоб сразу пресечь еще вопросы. «Какая девка?» — «У тебя девка была...» — «Будет тебе, кресная! С девкой какой-то привязалась...» — «Шахова девка, чего глаза-то прячешь? — не унималась Матрена. — Ну, приедет Алена...»

Шукин В.М. Я пришел дать вам волю: исторический роман // Избр. произв.: В 2 т. М.: Молодая гвардия, 1975. Т. 2. С. 305–686 (1-е изд.: Сибирские огни. 1971. № 1–2).

41. Из книги А.Н. Сахарова
«Степан Разин (Хроника XVII века)» (1973)

Сказывали астраханцы, что во время одного такого катания, изрядно захмелев, утопил Степан в Волге красавицу полонянку. Как попала она к казакам, того никто не ведал. Одни говорили, что взял ее Разин в татарских улусах близ Яика и возил с собой всюду, другие говорили, что это персиянка, дочь Менеды-хана и сестра ханова сына Шабалды, которую захватил Разин под Свиным островом. Известно было, что никому ее Разин не показывал и крепко любил. А казаки были недовольны: первый раз баба объявилась среди воинов. Не к лицу это было казацкому атаману. Роптали казаки, но терпели, боялись Степана. Потом, глядя на атамана, и сами решили побаловаться. Незадолго перед этим астраханцы притащили одного казака, бросили его к ногам Разина, закричали, что насильничал казак над мужней женой. Расправа атамана была короткой. Казаку завязали над головой рубаху, насыпали в нее камней и бросили в Волгу — блюди казацкие порядки, не срами войско, уважай людей, не к врагам, а к друзьям пришли. С тех пор совсем хмуро стали смотреть казаки на Стенькину любовь. А теперь во хмелю кто-то сказал об этом слово поперек атамана. Смолчал Разин, словно и не слышал. А когда струги вышли на середину реки, вдруг поднялся, схватил свою любимицу, поднял над головой и, как была она в дорогой парче, в жемчугах и золоте, бросил в Волгу. Слыхали люди, что сказал тогда Степан так: «Ах ты, Волга, река великая! Много ты дала мне золота и серебра, богатства всякого, славою и честью меня наградила, а я так и не отблагодарил. Так возьми же и от меня поминок». Потом сел атаман на скамью и смахнул хмельную слезу...

Сахаров А.Н. Степан Разин (Хроника XVII века). М.: Мол. гвардия, 1973. С. 150.

42. Из «исторической хроники в стихах»
Б. Рябухина «Степан Разин» (1983)

М а ш а. А правда, в Волгу бросил он княжну Персидскую?
А н и с ь я. Не знаю. Мог и бросить.
Такой лишь о великом говорит,
А низкая душа его...
М а ш а. Неправда!
У Разина великая душа.
<...>
М а ш а (обнимает его).
Как ты горяч! Какой ты сильный! Больно!..
Но не привяжешь к бабе казака.
Так, поиграешься со мной — и бросишь.
Персидскую княжну-то бросил в Волгу?
Р а з и н (отпускает ее).
Поверила, глупышка?.. Станешь выше —
И о тебе слагают небылицы.
Не мог Менеда-хан взять на корабль
Не только дочь, а женщину-прислугу.
Когда я потопил персидской флот,
Мне в плен попался только ханский сын.
Я передал боярину его.
Была бы дочь — с меня б ее спросили.
Да про меня придумали вначале,
Что будто я в Яик татарку бросил
Горынычу в подарок водяному.
А я насилья не терплю над бабой.
Намедни вот один казак крестьянку
Ткнул походя в живот. Я казака
Того повесить повелел за это.

Рябухин Б. Степан Разин: Историческая хроника в стихах.
М.: Мол. гвардия, 1983 (д. II, карт. 4).

42. Из исторического романа С.В. Логинова «Колодезь» (1997)

Наутро Яицкий городок был разбужен набатом. <...> Струги, причаленные частью к деревянной пристани, а в большинстве и просто к берегу, быстро заполнялись народом. Яицких жителей тоже собралась немалая толпа <...> а некоторые явились порадоваться, что наконец-то незваные гости убираются в море, где, даст бог, отправятся на корм рыбам.

Разин в богатом охабне и собольей шапке возвышался на головном струге. Рядом, потупив глаза, стояла татарская девка, дочь князя Алея, отнятая во время прошлогоднего набега на едисанских татар¹². На девке было красное свадебное платье, смарагдовый венец и монисты чуть не в пуд весом. Разин неукоснительно требовал, чтобы любовница ежедневно одевалась невестой, хотя весь Яицк знал, что недавно татарка родила от Разина байстрюченка, которого атаман, отняв от материнской груди, отправил с посыльными в Астрахань к архиепископу, прося воспитать младенца в христианской вере и приложив для того ровным счетом тысячу рублей. «Хе! — прошептал Игнашка Заворуй, нагнувшись к Семенову уху. — Атаман-то, гля, бабешку с собой берет, а нам велел голым и босым отправляться. Этак-то и я нашел бы, кого с собой прихватить». <...> «Все собрались?» — прогремел Разин, поднявшись на нос струга. <...> «Ну так с богом, хлопцы! <...> Кто за мной идти вздумал, у того ни дома, ни семьи, ни нажитков быть не должно. Совсем ничего, кроме сабли в руке и креста на груди. В этом я, ваш атаман, буду вам первым примером...» Разин повернулся к нарядной татарке, положил широченные ладони ей на плечи: «Вот, дивитесь, люди, нет мне ничего любезней этой девки. Красавица, невеста! Век бы с ней вековал. Повязала ты молодца по рукам и ногам... Да только я не таковский, чтобы повязанным быть».

Татарка, привыкшая за последний год торчать на виду, словно пугало на огороде, но так и не выучившая

русского языка, стояла, заученно улыбаясь, и, кажется, ничего не понимала. Лишь когда атаман, обхватив не успевшую потончать после недавних родов талию, поднял женщину над головой, она негромко и испуганно вскрикнула. «Э-эх!» — громко выдохнул Разин и швырнул женщину в темную воду. Такого не ждал никто; крик полонянки был заглушен плеском воды и испуганным гомоном сотенной толпы. Тяжеленный груз серебряных монет мгновенно увлек жертву на дно. Глубина у пристани была больше четырех саженьей — не всякий пловец донырнет... да никто и не пытался броситься на выручку. Такого поступка люди не ожидали. После первого вскрика на толпу пала оторопелая тишина, которую неожиданно и нелепо нарушил Игнашка Заворуй. «А!.. — заорал он. — Где наша не пропадала!..» — и метнул за борт торбу с пожитками и собранными в дорогу харчами. «Правильно! — громовой голос атамана перекрыл нарождающийся гул народа. — Кто не баба — айда за мной!» Толпа не успевших загрузиться казаков хлынула на струги. Один за другим корабли отваливали от бревенчатых причалов и, поймав речную струю, поворачивали к морю. Люди на берегу молчали и часто крестились.

Логинов С. Колодезь: роман. М.: Эксмо-Пресс, 2000 (М.: Азбука; Терра, 1997). С. 100.

44. Н.М. Кононов. «Волги пологая пакость...» (1998)

Волги пологая пакость
Лижет княжну
В самую косточку. Мякоть
Дай, мол, сожму.

Ставит рыбачкам лишь телек
Ночью засос, —
Волнами Стенькиных стелек
Пахнет утес.

¹² Едисанские татары — ногайцы.

С вывихом ласковолапым
Лунный Степан
В княжнин мерцательный клапан
Целит кукан,

На душегреи проказу,
Шутку «Бурды»,
Что расшивала ей mother
Лепрой воды.

В заводи плещется рыбной
Он карасем
Лекгим [sic!] заложником рідной
При, невесом.

Кононов Н. Змей: Книга стихов. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 18.

45. Из повести В.В. Строкина «Я — Степан Разин» (2002)

Сказочный дворец, утопающий в зеленом острове сада. Плеск фонтанов, несущих прохладу. Золотые, дымящиеся площадки с нефтью. Золотая арка — впереди белый мрамор дома, прохлада чистых плит. Белые ступени. <...> Врываюсь в темный зал. Перед глазами блеснул кривой турецкий ятаган. Отпрыгиваю в сторону и с размаху рублю. Замечаю, как темнеет белоснежная чалма и к ногам падает седобородый старик. <...> Я склоняюсь, чтобы поднять оружие, и тут на меня с криком и плачем бросается она... <...> «Отец! О, мой отец!» — кричит она, и ее кулачки с ненавистью барабанят мою грудь. Неожиданно в ее руке появляется узкий генуэзский кинжал, и она пробует им меня ударить. Смеясь, я вырываю у нее из рук кинжал и откидываю в сторону. Оборачиваюсь к вошедшему Сереге: «Смотри, какая райская птица мне попалась!» — «Красавица!» — соглашается есаул. Огромные глаза, словно черный омут, закружат, унесут в пучину — не вынырнешь. Бархатные опахала ресниц, алый бутон пухлых губ, жемчужные, ровные зубы, две черные, достающие

до пола косы. Персиянка одета в золото и жемчуга, алые персидские штанишки и короткие, расшитые мелким жемчугом полусапожки. Юлдус — это значит «звезда». В испуганном, темном омуте ее глаз, под огромными ресницами отразился я — черный от солнца и пыли, пропахший потом и кровью, залившими мой кафтан. Мы замерли — один подле другого. Она — испуганная, маленькая птичка — в глазах застыл ужас. Я — победитель, атаман «гяуров», страшный разбойник. Шемящая тоска вдруг стиснула мне сердце, мне стало ее жаль — диковинный, аленький цветочек. Как она прекрасна — редкая краса! Не выдержав, я впился в ее губы — забыть, все забыть: войну, боль и все остальное! Она закричала и попробовала выцарапать мне глаза. «Ах ты дикий цветок!» — ее сопротивление лишь распалило меня, и я повалил принцессу на пол. <...> Много позже я спускаюсь по ступенькам дворца. На моих плечах трепыхается и плачет ковер. На ступеньках сидят Сережка и Черноярец. «Отнесите ее в струг!» Серега смотрит на меня и спрашивает: «Атаман?!» — «Я сказал — в струг!» Он молча повинуется, но в его глазах укор. Я обнимаю Черноярца: «Это моя славная добыча — потом увидишь!» Иван протягивает кувшин с вином. Хмельные глаза подмигивают мне: «Отведай, атаман, закрепи удачу — славное вино нашли казаки!» Горькая, терпкая сладость вина напоминает мне ее имя — Юлдус. Это единственное, что она мне сказала...

Любила ли она меня? Нет. Ненавидела — рабы никогда не любят своих хозяев. Только я не хотел видеть ее своей рабой — а она никем иным быть тоже не хотела. Я любил ее, я мог подарить ей целую Персию. Она всегда молча и безропотно принимала меня. Я же вкушал ее ласки — ласки испуганного ребенка. По ночам я слышал, как она тонко и тихо плачет и молится своему богу... Единственное, что она мне подарила, — свое имя... <...>

Перегруженные добром струги были готовы к отплытию. «Эй, казачки-работнички, — я поднял саблю над головой, — видите?!» — «Видим, батька!» — весело прокричал берег. «Вот этой саблей порублю, если дознаюсь, что кто-то обижал голь. Неважно, кто он — перс или христианин. Зарублю!» <...> Струги молча от-

чалили от берега без прежних шуток и веселого свиста. «Из-за баб порубил удальцов, а сам персидскую княжну держит на струге», — сказал кто-то тихо за спиной. Я резко обернулся. Мохнатые шапки опущены вниз — никто не смотрит вперед. Весла быстро поднимаются и без брызг опускаются в море. «Кто?!» — выкрикнул я. Молчание. Я знал, что казаки недовольны появлением на головном струге прекрасной полонянки. «Околдовала батьку-атамана. Приворожила к себе — и друзья ему теперь не друзья!» Ревновали меня... <...>

Астраханский горожанин подал на моего казака жалобу, что тот насильничал его женку. Собрали казачий круг. Вывели насильника казака-молодца: широкоплеч, статен, темная поволока синих глаз. Такому и насильничать не надо — любая женка полюбит. <...> «Каюсь, батько, — больше не буду!» — молодец повел плечами и с улыбкой оглядел казачий круг. «Хорошая у вас справедливость, — бросил горожанин. — А мне сказали, Степан Тимофеевич, что ты за народ стоишь?!» <...> «Так что делать с тобой, молодец? — ласково спросил я казака. — Кто прав — ты или астраханец?» — «Гони ты его, батька, я же обещаю больше не пить! — рассмеялся молодец. — Нет, вру — пить буду, но в пьянстве озорничать не стану». — «Хорошо, — кивнул я головой. — Я велю тебя напоить. Приговор таков, я оглядел молча ожидавший круг, — в воду — напоите казачка!» <...> «Прости казака! — вновь вступился Черноряец. — То лихой казак — Хведор Запорожец». — «Сам ведь тешишься с басурманской княжной, — закричал со струга казак, — а другим не даешь!» Ему сыпали в рубаху камни и связывали за спиной руки. «Значит, у тебя своя правда?! Тебе можно, а другим нет?! Других в воду сажаешь?!» <...> С берега было видно, как возле струга забурлила вода, — на поверхности лопались поднимающиеся пузыри. <...>

Струг скользил вдоль астраханских стен. Чарки молча наливали, молча поднимали и молча пили. <...> Рядом, как обычно, сидела молчаливая княжна. Я откинул с ее лица тонкую белую ткань. Ее черные огромные глаза испуганно уставились на меня. Я невольно залюбовался ее бледным, точеным лицом,

изогнутыми, как татарский лук, черными бровями, пухлыми алыми губами. «Не бойся! — я протянул ей полную чарку. — Выпей за упокой души Хведора Запорожца. Пей!» — закричал я. Она робко приняла чашу и, не сводя с меня темных, пугливых глаз, долго пила мелкими, судорожными глотками. Наконец, протянула полупустой кубок. Я допил вино и выбросил кубок за борт. <...> «Волга — мать всех рек, одарила ты меня золотом, серебром, золотыми камнями, наградила меня славой и честью, а я тебе ничего не дал в подарок. Прости», — я поднялся, посмотрел в темную воду. <...> Волны били в борт струга. Мрачная тень воды притягивала взор. «Так возьми же у меня самое дорогое, что у меня есть!» — выкрикнул я и, решившись, подхватил княжну и с размаху кинул ее в темную воду. Река успела принять легкий девичий крик, и княжна камнем пошла на дно. <...> Я медленно опустился на скамью, с удивлением чувствуя, как что-то горячее струится из глаз. Такое же горячее, как и кровь, — прожигает щеки насквозь, мочит усы и бороду. «Все, — тяжело выдохнул я. — Наливай, Леско, полные чарки — помянем красавицу княжну и запорожского удальца Хведора».

Строкин В. Я — Степан Разин: повесть // Строкин В., Герасенко А. Пронзая время: Сб. фантастики. Минск: Славянский Путь, 2002.

46. А. Аронов. «Эпизод»

Стенька Разин победил.
Громко в трубы вострубил
А кого не убедил,
Тому голову срубил.
Даже матушку-столицу
Государыню Москву
Перенес к себе в станицу
По домишку, по мостку.
От Саратова до Польши
Не сочтешь его полков.

Оказалось, даже больше
 Казаков, чем мужиков.
 Все кричат:
 — Давай нас жалуй!
 А иначе власть к чему?
 Оппозиция, пожалуй,
 Больше по сердцу ему.
 Началась большая пьянка,
 Шло казачество ко дну —
 Атамана
 персиянка утопила
 на Дону.

Аронов А. Туннель: Стихи, эссе, отрывки из статей. М.:
 Голос-Пресс, 2003. С. 248.

47. Из романа Н. Суздалева «Бунташное войско Стеньки Разина» (2008)

Над Волгой уже сияла звездами летняя ночь, но не все на струге спали. <...> «Слушай, Нефед, а кто такой Гориныч?» — «Это, брат, царь водяной. У него со Стенькой договор: атамана ни пуля, ни сабля не берет, а тот ему за это подарки посылает, золото в воду сыплет, шелка да бархаты, но больше всего по нраву Горинычу, когда Стенька его человечесьей кровью потчует. Часто слышно про него, что он то и дело своих супротивников в воду сажает. А Гориныч-то тем доволен и своим благоволением атамана жалует». — «Слышно, он женку в воду бросил, так ли это?» — спросил еще чей-то голос. «Не женку, а персианскую княжну. А до того он Горинычу свою жену невенчанную подарил близ Яицкого городка. Одел ее в лучшие одежды и бросил в Яик со словами: “Прими, благодетель мой Горинович, самое лучшее и дорогое, что я имею!” От этой женки у него сын имеется, Стенька отослал его к астраханскому митрополиту с тысячью рублей в придачу, чтобы тот его воспитал в православной вере. А персианку он уже опосля в Волгу кинул, когда из набега на Каспий возвратился...» <...>

Бывало, по какому-то порыву он падал на землю, и его чуткий, как у зверя, нюх, начинал щекотать, дурманя голову, сладковатый запах богородицкой травы — чабреца, и, надышавшись ею, он забывался в недолгом беспамятном сне. Однако настал миг, когда чаемое Стенькой много дней свершилось: ему во сне явился Гориныч и молвил вещие слова: «Жалую я тебя, казак, своей силой, гуляй-веселись по всей Волге, от Низа до Верха, да не забывай и меня, старого, своими дарами...» Проснулся Стенька и почувствовал себя таким могучим, будто в живой воде искупался. <...>

«Не губи меня, Степан Тимофеевич!» — взмолился парень. Не слыша его, Разин молча смотрел на воду. Было тихо, но река понемногу стала взмарщиваться, саженьях в пятидесяти от берега всплыл и с шумом лопнул воздушный пузырь. «Готово, атаман!» — «Бросайте его в лодку». Сам Разин сел за весла и мощными рывками погнал ее от берега. Парень кулем лежал на корме и молчал, ему набили песком не только пазуху, но и рот. Достигнув середины реки, Разин бросил весла. «Лезь в воду», — тихо произнес он. Казак уцепился руками за борт, поднялся, и в этот миг Разин резко покачнул лодку. Парень рухнул в воду и ушел камнем на дно. «Прими от меня, старый Гориныч, посул на мое казацкое счастье», — беззвучно прошептал атаман и, опрокинувшись спиной на днище лодки, уставился взглядом в белесое от зноя небо. <...>

«Надо помянуть Гориныча добрым посулом, — подумал Разин. — Вот выйду к Синбирску и воздам ему почесть. Уже более месяца иду от Астрахани, а он себя не кажет». <...> Засыпая, он подумал, что зря он выбрал для посула Горинычу костлявого и злобного старика. Надо было припасти ему раскрасавицу женку, разодетую в золото и алмазы, тогда бы Гориныч оберег его от пули и бесславия. <...> Куль с воеводой все так же висел на носовом бревне. Разин подобрался к нему и, достав нож, прошептал имя Гориныча, затем перерезал веревку. Понесся тяжелый шлепок о воду. Разин, повиснув вниз головой над бортом, напрасно вглядывался в плещущиеся волны, но не уловил ни одного знака, которого с душевным трепетом ожидал от своего покровителя. <...>

Наконец атаман понял, что случилось. Соловецкие монахи писали правду: именно крест показал ему, что нет у него былой силы и удачи. «Вот я и остался один», — отрешенно вымолвил он. В этот миг земля под ним дрогнула, и в ушах послышался знакомый шепот Гориныча: «Врешь, Стенька! Человек никогда не остается один: с ним всегда его смерть!» — «Смерть! Смерть! Смерть...» — затихая, отдалось в голове атамана. <...> Устав томиться неизвестностью своего будущего, бесповоротно покинутый своим покровителем Горинычем, атаман решил поставить на кон сражения собственную жизнь.

Суздалев Н. Бунташное войско Стеньки Разина: роман. М.: ЭКСМО, 2008. С. 89–90, 103, 217–218, 230, 231–232, 265, 358.

48. Из повести К. Смит «Вольный сын Дона» (2011)

«Люди на базаре гутарят, шо ты княжну утопил в Волге!» — на одном дыхании выпалила супруга и испуганно посмотрела на мужа. «Брешут, не слушай», — отмахнулся Разин от жены. «Брешут собаки, а в каждой брехне доля правды имеется...» — «Алена, ты лучше всех баб, которых я знал», — попытался успокоить жену атаман.

Смит К. Вольный сын Дона: повесть // Проза.ру (Гл. 7. Персидский поход Степана Разина www.proza.ru/2011/11/20/1341).

49. Из романа В.И. Буртового «Самарская вольница. Степан Разин» (2011)

— Корабль начал тонуть, потянул за собой соседа носом в воду... Надо было это видеть, братки! — Никита покривил губы, поерзал на лавке, словно пламя далекого взрыва пекло ему спину. — Казаки полезли на корабли с топорами, стрельцы с бердышами, снасти

рубят, сербазов сбивают. Не сдюжили кизылбашцы и начали сигать кто куда. Иные от нас на хвостовые корабли полезли, другие в воду, как будто по морю вознамерились идти к острову. Да не сыскалось среди них ни одного безгрешного, кого бы вода, подобно Иисусу Христу, на волнах сдержала. И только три корабля успели освободиться от собственных цепей и счастливо уйти прочь. Остальные все были побраны с тремя десятками добротных пушек. Мамед-хан пал в драке, а его сына Шабын-Дебея и дочку полонили, чтоб за большой выкуп тезикам продать.

Буртовой В.И. Самарская вольница. Степан Разин: роман. М.: Рипол Классик, 2011 (гл. 3).

50. Из рассказа Л.В. Папеты «Ожерелье персидской княжны» (2012)

Когда войско Степана Разина возвращалось из Персидского похода, его ладьи проплывали мимо этого села. Местный кузнец на закате купал в Волге коней. На берегу он нашел женщину в промокших парчовых одеждах. Она была чуть жива. Он отнес ее к себе в избу. Кузнец жил бобылем. Несколько дней женщина была в жару и беспамятстве. А когда пришла в себя, с трудом объяснила своему спасителю, что бросилась с борта в реку, спасаясь от пьяного атамана. Парчовые одежды надулись колоколом и дали ей возможность доплыть до берега. <...>

Еще издали кузнец увидел у самого берега в воде какой-то пестрый куль. Легкая волна колыхала его, но никак не могла вытолкнуть на берег. Степан подбежал и потянул тряпье на себя. И вдруг услышал протяжный стон. Волосы зашевелились у мужика на голове. Дрожащими руками разворачивал он тяжелые мокрые одежды, пока не увидел бледное женское лицо с закатившимися глазами. Схватив утопленницу за руки, он стал тереть их своими ручищами. Женщина снова застонала. Степан приподнял ей голову, и тут у нее изо рта хлынула вода. Когда кашель прекратился, незна-

комка вздохнула и как будто уснула. Степан понял, что она потеряла сознание. Кони бродили по берегу и пощипывали хилую травку. Кузнец поймал коней, перекинул женщину через спину одного из них и поспешил домой. Наспех привязав лошадей, отнес находку в избу и осторожно положил на лавку. Женщину надо было раздеть и согреть — вода в реке была уже холодная. Путаясь в странных одеждах и смущаясь, Степан все-таки снял с незнакомки несколько юбок и накидок. Она осталась в тонкой шелковой рубахе и пестрых шароварах, снять которые он не решился. Завернув женщину в свое лоскутное одеяло, Степан на руках поднес ее к печке и стал согревать, поворачивая то одним боком, то другим.

Длинные черные косы свешивались почти до пола. На щеках ее вскоре появился румянец, и она задышала ровнее — уснула. Всю ночь сидел Степан у своей лужанки, на которой спала странная и прекрасная женщина. К рассвету она разметалась и задышала хрипло и тяжело, а лицо стало красным и горячим. На другом краю села жила хромая старуха Макеиха — повитуха и лекарка. Степан на закорках принес бабку к себе в избу. Та только языком зацокала — красота-то какая. Велела затопить баньку да принести ей ее торбу с травами. И принялась варить отвары. Двое суток топил Степан баню, двое суток не выходила из бани Макеиха и не пускала туда Степана. На третьи к вечеру велела натопить избу, принести сухую рубаху и одеяло. Завернула она женщину с головой в одеяло, а кузнец, как ребенка, отнес ее в жарко натопленную избу. <...>

На Троицу Макеиха приняла роды у Степановой найденки. Родилась девочка — беленькая, совсем непохожая на мать. Только глаза огромные, как спелые сливы. И хоть сама персиянка в церковь не ходила, девочку окрестили по-христиански — Варварой Степановной. Сельчане свыклись с тем, что у кузнеца живет персиянка, даже имя ее — Фатъма — переделали на местный лад — стали звать Фатъкой. Своей в селе она не стала, но, научившись сносно говорить на местном наречии, иногда общалась с соседками, а когда встречался мужик, низко опускала голову и пыта-

лась закрыть лицо платком. Одежду носила местную, только голову прикрывала: летом — легким белым покрывалом, а зимой — тяжелой парчовой накидкой. Да косы не убирала в узел — так и спускались они по ее хрупким плечам, как две черные змеи, почти до колен. Люди особо и не совались с расспросами — побаивались кузнеца, да и своих забот каждому хватало. Оказалась персиянка знатной рукодельницей — вышивала невиданные узоры на платках и рубахах. Сначала ей заказывали только свои сельчане. А когда Самсон Рыбин продал два вышитых покрывала на ярмарке в Саратове, стали привозить Фатъме ткани и нитки из города. А вскоре кузнец выстроил новый дом, подправил кузню — сам зарабатывал, да и рукоделье персиянки доход приносило немалый. Надо было где-то ставить люльки — через два года после Вареньки родились близнецы — Ванька и Федька. <...>

Годы летели над селом. Сменялись эпохи, поколения, уклад жизни. Революции и войны когда сильно, а когда и не очень, задевали людей в этих краях. Только не прервался род персиянки Фатъмы и Степана-кузнеца. Из поколения в поколение передавали старшей дочери или старшей снохе в наследство золотое ожерелье княжны и умение вышивать гладью.

Панета Л.В. Ожерелье персидской княжны: рассказ // Сайт «Я — писатель» (<http://yapisatel.com/text/938/>).

51. И. Иртенев. «Из Вашингтонского обкома...» (2014)

Из Вашингтонского обкома
На днях пришла открытка мне:
«Как там насчет порядок дома?
Что прогрессивного в стране?»

Кто в русских президентах ходит?
Навальный или кто иной?
И что опять там происходит
У вас с персидской княжной?

Ее с борта еще кидали...
Она при этом есть, жива?
А если нет, как пострадали
Ее гражданские права?

Возможно, взгляд наш буржуазен,
Но он при этом трезв и здрав,
И согласитесь — мистер Разин
Был в данном случае не прав.

Как мистер Ельцин перед этим
И первый царь ваш Николай,
Но лично вам и вашим детям
Мы от душа добра желай.

И что насчет перезагрузки,
Она по-прежнему в пути?

P.S.
Мы плохо говорить по-русски,
Но понимать тут все почти».

Иртенев И. Повестка дна: Стихи. 2012–2014 / Вступ. ст. С. Гандлевского. М.: Время, 2015. С. 123–124. (Поэтическая биб-ка).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AaTh — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC N 3). Translated and Enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1981 (Folklore Fellows Communications, № 184).
- AaThUth — The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther. Part 1–3. Helsinki 2004 (FF Communications, Vol. CXXXIII, No. 284).
- Mot. — *Thompson S.* Motif-Index of Folk-Literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged. edition. 6 vols. Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.
- Айваз., Яким. — *Айвазян С.* (при участии О. Якимовой). Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162–191.
- Арист. — *Аристов Н.Я.* Предания о кладах // Записки по отделению этнографии Императорского Русского Географического Общества. Т. I. СПб., 1867. С. 709–739.
- Астаф. — *Астафьева Л.А.* Указатель мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин // Фольклор: проблемы историзма. М., 1988. С. 200–229.
- Аф. Поэт., I–III — *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. I–III. М.: Индрик, 1994 (репр.: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865–1869).
- Аф. Сказ. — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. изд. Л.Г. Барага и Н.В. Новикова. М.: Наука, 1985–1986.
- Бард. — Фольклор Чкаловской области / Сост. А.В. Бардин. [Чкаловск:] Чкаловское обл. изд-во, 1940.
- Березк. — *Березкин Ю.Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по

- ареалам: Аналитический каталог // <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>.
- Бор., Мир. — Сказки: Фольклор Горьковской области / Записали В.Н. Боровик, С.И. Мирер. Горький: ОГИЗ — Горьковское обл. изд-во, 1939.
- Гес. Теог. — Гесиод. О происхождении богов (Теогония) // Эллинские поэты в переводах В.В. Вересаева. М.: ГИХЛ, 1963. С. 169–204 [Сер. Биб-ка античной лит-ры] (или любое другое издание).
- ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы, Гослитиздат (Москва, 1930–1963).
- ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука» (Москва, 1964–1992)
- Даль, I–IV — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Русский язык, 1989–1991.
- Емел. — Русская историческая песня / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.И. Емельянова. Л.: Сов. писатель, 1987 (Биб-ка поэта. Большая сер. 3-е изд.).
- Жел. — *Железнов И.* Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. 3-е изд. / Под ред. Н.А. Бородина. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910.
- ЖС — Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре (Москва, Гос. респ. центр русского фольклора, 1992–).
- Завар. — *Заварицкий Г.К.* Из легенд и поверий Саратовского Поволжья о змеях // Этнографическое обозрение. 1915. № 3/4.
- Зайк. — *Зайковский Б.В.* Бугор Стеньки Разина // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 24. Саратов: Саратов. губ. учен. арх. комис., 1908. С. 44–55.
- Зел. — *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. Вып. 1–3. Пг., 1914–1916.
- Зин. — *Зиновьев В.П.* Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири: Исследования и публикации. Новосибирск: Наука, 1985. С. 62–76 (= Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 305–320).
- Кир., I–X — Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. I–X. М.: О-во любителей российской словесности, 1860–1874.
- Козл., Наз. — *Козлова Н.К., Назырова Ф.* Указатель сюжетов о лешем и тексты ФА ОмГПУ // <http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova6.htm>.
- Кост. — *Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994.
- Крин. — *Криничная Н.А.* Указатель типов, мотивов и основных элементов [преданий] // Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. С. 278–294.
- Лозан. — *Лозанова А.Н.* Народные легенды и предания о Степане Разине // Художественный фольклор. Т. IV–V / Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН; под ред. Ю. Соколова. М., 1929.
- Мад. — *Мадуев А.С.* Вновь записанные легенды о Стеньке Разине, носящие на себе следы ходячих мотивов некоторых европейских сказаний // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь: Тип. губ. правления, 1906. С. 423–432.
- Макар. — *Макаренко А.А.* Сибирские песенные старины // Живая старина. Вып. II. 1907. Отд. II. С. 25–44.
- Макс. — *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голик и А. Вильмонт, 1903.
- Мамак. — Великорусские народные легенды, сообщенные И. Мамакиным, из Лукьянинского уезда Нижегородской губернии // Живая старина. Вып. II. СПб., 1890. С. 139–140.
- Мелик-Огандж. — Армянский народный эпос «Сасунские удалцы»: Избранные варианты / Пер. текстов, сост. и словарь-коммент. акад. К. Мелик-Оганджяна. Ереван: Ван Арьян, 2004.
- Милл. — *Миллер В.Ф.* Исторические песни из Сибири // Известия Имп. Академии наук. Т. IX. № 1. СПб., 1904.
- Минх — Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии / Собраны в 1861–1888 годах чл. сотр. А.Н. Минхом // Записки Имп. Русского Географического общества по отделению этнографии. Т. XIX. Вып. 2 (Отдельный оттиск: СПб., 1890) [= Саратов: Тип. Союза Печ. Дела, 1910].
- Мл. Эдда — Снорри Стурлусон. Младшая Эдда / Пер. и подгот. изд. О.А. Смирницкая; предисл., примеч. М.И. Стеблин-Каменского. Л.: Наука, 1970 [Сер. Лит. памятники] (или любое другое издание).
- НЛЮ — изд-во «Новое литературное обозрение» (Москва, 1992–).

- Одисс. — Гомер. Илиада [пер. Н.И. Гнедича]. Одиссея [пер. В.А. Жуковского] / Вступ. ст., примеч. Н.П. Гринцера. М.: АСТ, 2005. С. 447–758 [Сер. Пушкинская библиотека] (или любое другое издание).
- Петр. — *Петров Н.В.* Указатель эпических сюжетов // Петров Н.В. Богатыри на русском Севере: Сюжеты и ареалы бытования. М.: Ломоносовская биб-ка [ОГИ], 2008. С. 217–396.
- Рыбл. — Рыблова М.А. Казачий атаман: «путь», функции и атрибуты (по фольклорным материалам // Мужчина в традиционной культуре народов Поволжья. Материалы международной научно-практической конференции. Астрахань, 2003. С. 41–45 (<http://www.astrason.ru/index.php/science/article/347/>)).
- Сад. — *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884 (2-е изд.: Самарский обл. центр нар. т-ва. Вып. I–II. 1993).
- Сид., Круп. — Волжский фольклор / Сост. В.М. Сидельников и В.Ю. Крупянская; предисл. и ред. Ю.М. Соколова. [М.:] Сов. писатель, 1937.
- Смирн. — *Смирнов Ю.И.* Былины: Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. Л.; СПб.: Наука, 1984–2011.
- Ст. Эдда — Эдда Старшая Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А.И. Корсуна; под ред. М.И. Стеблин-Каменского и В.М. Жирмунского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963 [Сер. Лит. памятники] (или любое другое издание).
- Цыб. — *Цыбин В.* Заговоренные клады и кладоискатели. М.: Мир Дому Твоему, 1994.
- Шахм. — *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. СПб.: Имп. Академия наук, 1910.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- С. 8. Карта походов Разина 1667–1671 гг., по В.М. Соловьеву (Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. М.: Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1991. С. 92)
- С. 10. Титульный лист английского издания «Сообщения о восстании Разина...» (1672)
- С. 14. Взятие Астрахани Степаном Разиным. Гравюра на меди из «Путешествий...» Стрэйса
- С. 25. Кадр из фильма «Степан Разин» (1939)
- С. 31. Титульный лист диссертационного доклада Иоганна Юстуса Марция (Самуэля Шуртфлейша) о восстании Степана Разина (университетский диспут, Виттенберг, 1674)
- С. 83. Цепи Разина в Старочеркасском соборе (со старой фотографии). Источник: <http://a-s-pushkin.ru/> «А-S-Pushkin.ru: Александр Сергеевич Пушкин»
- С. 149. Обложка «Путешествий...» Стрэйса (Амстердам, 1677)
- С. 152. Степан Разин бросает в Волгу персидскую княжну. Гравюра на меди из «Путешествий...» Я.Я. Стрейса
- С. 153. Страницы французского перевода «Путешествий» Стрэйса с изложением легенды о Разине и персидской княжне (Амстердам, 1742)
- С. 154. Страница «Путешествий...» Стрэйса с изложением легенды о Разине и персидской княжне
- С. 158. «Записки» Фабрициуса. Страница рукописи, по А.Г. Манькову (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л.: Наука, 1968. С. 18)
- С. 208. Титульный лист «Путешествий» А. Дюма (Париж, 1866)
- С. 212. Девичий курган, открытка начала XX в
- С. 213. Девья гора, по Олеарию (*Olearius A. Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise. Schleswig, 1647 S. 356*)
- С. 270. Иллюстрация к книге А.А. Соколова «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» (СПб.: Типо литогр. П.И. Шмидта, 1880, между 136 и 137 стр.). Художник не указан
- С. 319. «Понизовая вольница». Афиша 1908 г. Кроме финальной сцены («Смерть княжны»), представлены центральные эпизоды фильма. Худ. П.К. Ассатуров
- С. 323. «Понизовая вольница» («Ревность заговорила»)

- С. 324. «Атаман Стенька Разин». Худ. П.Ф. Яковлев. Гравюра Ю. Шюблера
- С. 327. «Понизовая вольница» (1908), один из первых кадров («Разгул Разина на Волге»)
- С. 328. Афиша кинофильма «Степан Разин» (фрагмент, 1914 г.); по Н.М. Зоркой (Фольклор. Лубок. Экран. М.: Искусство, 1994. С. 132–133)
- С. 383. Степан Разин. Худ. В.И. Суриков (1910)
- С. 385. «Степан Разин». Худ. Б.М. Кустодиев
- С. 385. «Степан Разин с персидской княжной». Худ. М.В. Зотов
- С. 386. Скульптурная группа С.Т. Конёнкова «Степан Разин с ватагой» (1919)
- С. 387. С.Т. Конёнков на Красной площади около памятника «Степан Разин с ватагой» (1919)
- С. 398. Страница с текстом песни «Стенька Разин» из эстонского рукописного альбома (1917)
- С. 399. «Песня о Степане Разине. Всемирно известная песня о Волге» (*La kanto pri Sefano Razin / La mondfama Volgo-kanto*). Фото без опознавательных данных (11,5 × 17 см); перевод на эсперанто стихотворения Садовникова «Из-за острова на стрежень». Из коллекции автора
- С. 406. Реклама пивного завода им. Степана Разина (без даты; Ленинградский союз потребительских обществ [ЛСПО], 1924–1935)

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ НЕКЛЮДОВ

ЛЕГЕНДА О РАЗИНЕ
ПЕРСИДСКАЯ КНЯЖНА
И ДРУГИЕ СЮЖЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Редактор *И.В. Леонтьева*
Корректор *М.Н. Толстая*
Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
32,5 п. л. Тираж 800 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87